Роберт ГЕЙТС

Долг

Мемуары министра войны

NEOCLASSIC

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга повествует о четырех с половиной годах войны: о боевых действиях американской армии в Ираке и Афганистане, о войне против «Аль-Каиды» и Усамы бен Ладена.

Кроме того, эта книга рассказывает о личной войне Роберта Гейтса с конгрессом – войне, которая продолжалась каждый день его пребывания на министерском посту. Рассказывает о драматическом контрасте между публичной респектабельностью двухпартийной системы и личными чувствами, которые вызывала эта мнимая респектабельность и среди которых преобладали разочарование, отвращение и ярость.

- Роберт Гейтс
  -
  - От автора
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142

- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149

Роберт Гейтс
Долг. Мемуары министра войны

Эта книга посвящается мужчинам и женщинам, несущим службу в вооруженных силах Соединенных Штатов Америки

Robert M. Gates
The Duty: Memoirs of a Secretary at War

Перевод с английского В. Желникова
Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Печатается с разрешения издательства Alfred A. Knopf, an imprint of The Knopf Doubleday Group, a division of Random House, LLC.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

© Robert M. Gates, 2014

От автора

Эта книга повествует о моих четырех с половиной (и даже больше) годах войны. Преимущественно в ней рассказывается, конечно, о боевых действиях в Ираке и Афганистане (плоды первоначальных побед в обеих странах были омрачены тактическими ошибками, политической близорукостью и возобновлением активного противостояния); также в книге много места уделяется ситуации в Вашингтоне, развитие которой спровоцировало длительную и жестокую кампанию с целью избежать стратегического поражения. Да, в основном я рассказываю о войне против «Аль-Каиды» и Усамы бен Ладена, на которых лежит ответственность за нашу национальную трагедию, 11 сентября 2001 года. Кроме того, эта книга повествует о моей политической войне с конгрессом – войне, которая продолжалась каждый день моего пребывания на министерском посту, а еще – о драматическом контрасте между публичной респектабельностью двухпартийной системы и моими личными чувствами, которые вызывала эта мнимая респектабельность и среди которых преобладали разочарование, отвращение и ярость. Имели место и политические войны с Белым домом, прежде всего с сотрудниками администрации, а иногда и с президентами – причем с президентом Обамой мы воевали чаще, чем с президентом Бушем. Наконец, я намерен поведать о своей бюрократической войне с министерством обороны и армейскими структурами, войне по превращению министерства из органа, планирующего подготовку к военным операциям, в полноценный боевой командный центр, войне по превращению имевшихся у нас вооруженных сил в такие вооруженные силы, которые были необходимы для победы.

Джордж У. Буш и Барак Обама оказались соответственно седьмым и восьмым президентами США, с которыми мне довелось работать. Ни с одним из них я не был знаком лично, когда начиналось наше сотрудничество, и они тоже меня не знали. К моему удивлению (и ужасу), выяснилось, что я – единственный в истории США министр обороны, которого новоизбранный президент попросил остаться в должности, причем его не смутила даже моя принадлежность к другой партии. Свой пост я занял в середине декабря 2006 года, преследуя конкретную цель – сделать все возможное, дабы предотвратить катастрофу, которую сулило положение дел в Ираке. Я понятия не имел, как этого добиться, и совершенно не представлял, сколь радикальные изменения потребуется

произвести в Пентагоне ради достижения этой цели. А еще я и думать не думал, насколько кардинально и насколько далеко со временем моя миссия распространится за пределы Ирака.

Оглядываясь назад, я обнаруживаю другую составляющую моих четырех с половиной лет в состоянии войны, параллельную войне, – это любовь. Под этим словом я подразумеваю любовь – именно так и никак иначе, – с которой привык относиться к американским вооруженным силам, и всеобъемлющее чувство личной ответственности за них. Скажу прямо: исключительно этой любовью и этой ответственностью определялись некоторые мои самые важные и значимые решения. К концу моего пребывания в должности дошло до того, что я едва справлялся с волнением, когда говорил с американскими солдатами или рассказывал о них. В начале пятого года на министерском посту я осознал, что мое стремление защитить их – в войнах, которые мы на тот момент вели, и в прочих, которых хотелось бы избежать, – затуманивает мои суждения и тем самым резко снижает мою полезность для президента; это обстоятельство сыграло определенную роль в моем решении уйти в отставку.

Я не претендую на то, чтобы считаться автором полной, тем более окончательной истории войн в период с 2006 по 2011 год. Это просто моя личная история – рассказ о том, как я служил министром обороны США в эти бурные и трудные годы.

Глава 1
Призванный на службу

В августе 2002 года я стал президентом Техасского университета[1] и к октябрю 2006-го успел отработать значительную часть своего пятого года в этой должности. Я был по-настоящему счастлив, и многие «агги»[2] (хотя и не все) считали, что мне удалось изменить к лучшему едва ли не все аспекты университетской жизни и деятельности (не считая разве что футбола). Первоначально я полагал, что пробуду президентом только пять лет, но потом согласился увеличить этот срок еще на два года – до лета 2009-го. После чего мы с женой Бекки рассчитывали наконец осесть в нашем доме на Тихоокеанском побережье.

Неделя, отсчет которой пошел с 15 октября 2006 года и которая коренным образом изменила мою жизнь, началась традиционно – с нескольких деловых встреч. Затем я отправился в рабочую поездку, и ее конечным пунктом был Де-Мойн, штат Айова, где мне предстояло выступить с речью в пятницу, 20 октября.

В тот же день, где-то после часа пополудни, я получил по электронной почте письмо от моего секретаря Сэнди Кроуфорд; в письме сообщалось, что советник по национальной безопасности президента Буша, Стив Хэдли, просит позвонить ему «в ближайшие пару часов». Сэнди приписала, что в стремлении связаться со мной помощник мистера Хэдли был «весьма настойчив». Я попросил Сэнди проинформировать Стива, что я непременно позвоню ему в субботу утром. Я понятия не имел, что от меня понадобилось Стиву, но я почти девять лет и при четырех президентах был членом Совета национальной безопасности (СНБ) и твердо усвоил нехитрую истину: западное крыло[3] частенько требует безотлагательных действий, когда в этом нет насущной необходимости.

Мы с Хэдли познакомились на заседании СНБ летом 1974 года и с тех пор поддерживали дружеские отношения, хотя лично встречались редко. В январе 2005 года Стив, который сменил Кондолизу Райс в качестве советника по национальной безопасности при втором сроке Джорджа Буша, поинтересовался, не хочу ли я стать первым директором Национальной разведки – ведомства, созданного годом ранее; причем я не скрывал, что это решение и сам этот пост видятся мне, мягко говоря, спорными и неработоспособными. Президент и его старшие советники

желали, чтобы я от критики перешел к практике и заставил это ведомство работать. В понедельник инаугурационной недели я встретился с Хэдли и главой администрации Белого дома Энди Кардом в Вашингтоне. Мы подробно обсудили прерогативы разведки и расширение президентом возможностей директора Национальной разведки, и к выходным все – и я в том числе – уверились, что я соглашусь взяться за эту работу.

Мы расстались с условием, что в следующий понедельник я позвоню Карду в Кэмп-Дэвид и сообщу о своем окончательном решении. Все выходные я не находил себе места. В ночь с субботы на воскресенье, ворочаясь без сна в постели, я не выдержал и попросил Бекки принять решение за меня: я знал, как сильно ей нравится Техасский университет, так что от нее всего-то и требовалось сказать: «Нет, в Вашингтон мы не вернемся». Но вместо этого я услышал: «Мы сделаем так, как выберешь ты». Оставалось только поблагодарить жену – и думать дальше.

Поздно вечером в воскресенье я бродил по кампусу, дымя сигарой. Обойдя такие привычные и хорошо знакомые корпуса, я решил, что не могу бросить университет: ведь еще столько планов, столько целей намечено. Вдобавок я очень, очень не хотел возвращаться на работу в правительство. Я позвонил Энди следующим утром и попросил передать президенту, что я вынужден отказаться. Похоже, мой отказ его ошеломил. Вероятно, он даже воспринял случившееся как предательство – о чем я искренне сожалею, – но это было взвешенное решение. Вернувшись домой, я сказал Бекки: «Теперь нам ничто не грозит, администрация Буша больше никогда не попросит меня о чем-либо». Я ошибался.

В девять утра в субботу – почти два года спустя, считая с того случая, – я, как и обещал, перезвонил Стиву. Он не стал тратить время на дежурные любезности и задал прямой вопрос: «Если президент попросит вас стать министром обороны, вы согласитесь?» Ошарашенный подобной прямотой, я ответил без обиняков и колебаний: «Наши дети гибнут на двух войнах. Если президент считает, что моя помощь пригодится, у меня нет выбора – я должен согласиться. Это мой долг». Американские солдаты выполняют свой долг – как же я могу пренебречь своим?

Повесив трубку, я замер в кресле за письменным столом. Боже мой, что я наделал? О чем я только думал? Да, конечно, после почти сорока лет брака Бекки поддержит любое мое решение и все его последствия для наших двоих детей, но почему-то мне было страшно рассказать жене.

Джош Болтен, бывший начальник Административно-бюджетного управления, ранее в этом году сменивший Карда на

посту главы администрации Белого дома, позвонил мне несколько дней спустя, чтобы удостовериться в моих намерениях. Он спросил, нет ли у меня каких-либо этических возражений, способных обернуться проблемами – скажем, по поводу найма нелегальных иммигрантов в качестве нянь или домработниц. Я решил слегка отыграться на нем за свои душевные метания и сообщил, что за нашим домом присматривает экономка-нелегалка. Правда, прежде чем его хватил удар, я успел прибавить, что у нее есть грин-карта[4] и совсем скоро она должна получить гражданство. Сдается мне, бедняга Джош не оценил мое чувство юмора.

Болтен сказал, что нужно назначить дату для личной беседы с президентом. Я ответил, что скорее всего смогу вырваться в Вашингтон на ужин в воскресенье, 12 ноября. Но президент не захотел ждать так долго. Джош прислал мне 31 октября электронное письмо с приглашением приехать утром в воскресенье, 5 ноября, на ранчо Буша в окрестностях Кроуфорда, штат Техас.

Условия встречи, сформулированные заместителем главы администрации Белого дома Джо Хейгином в письме по электронной почте, были весьма конкретными. Мне полагалось пересечься с ним в восемь тридцать утра в Макгрегоре, штат Техас, – это примерно в двадцати минутах езды от ранчо. Местом рандеву назначалась парковка у продуктового магазина «Брукшир бразерс»; Джо написал, что будет сидеть в белом «додже-дуранго», припаркованном справа от входа. Форму одежды он обозначил как «ранчо-кэжуал» – футболка и свободные брюки или джинсы. Знаете, вспоминая свои собеседования как с президентом Бушем, так и с президентом Обамой, я не могу отделаться от мысли, что в них было больше романтики «плаща и кинжала», чем в моей многолетней карьере в ЦРУ.

Я никому не рассказывал, что происходит, кроме Бекки, естественно, и кроме отца президента, экс-президента Джорджа Буша-старшего (сорок первого президента США, он же Буш-41), с которым я хотел посоветоваться. Именно благодаря ему я вообще появился в Техасском университете, когда в 1999 году стал временным деканом Школы государственного управления и государственной службы Джорджа Буша-старшего. В итоге обязанности, сулившие необременительную нагрузку на несколько дней в течение девяти месяцев, растянулись на два года и в конце концов завершились моим президентством в университете. Бушу не хотелось отпускать меня, но он понимал, что долг перед страной важнее долга перед университетом. Думаю, кстати, ему было приятно, что его сын остановил свой

выбор на мне.

В назначенный для встречи с президентом день я выехал из дома около пяти утра. Назовите меня старомодным, но я счел, что пиджак и брюки больше подходят для общения с президентом, чем спортивная рубашка и джинсы. Местный «Старбакс» еще не открылся, так что первую часть моего пути, занявшего примерно два с половиной часа, глаза у меня отчаянно слипались. Всю дорогу я размышлял над вопросами, которые необходимо задать, и над ответами, которые мне предстоит давать, над серьезностью вызова, над тем, как изменится наша с женой жизнь, над плюсами и минусами должности министра обороны. Не помню, чтобы испытывал какие-либо сомнения в своих силах, – возможно, просто потому, что категорически не представлял, насколько печально положение дел. Впрочем, я сознавал, что от меня потребуется в первую очередь: большинство американцев не верили в возможность переломить ситуацию в Ираке и изменить политический климат в Вашингтоне.

Еще во время поездки я думал о том, как странно ощущать себя членом этой администрации. Я никогда ранее не беседовал с нынешним президентом. Я не участвовал в избирательной кампании 2000 года, и никто меня не просил в ней участвовать. Я практически не поддерживал контактов ни с кем в администрации Буша в годы его первого срока и был немало растерян, когда мой близкий друг и наставник, Брент Скоукрофт, ввязался в публичный спор с администрацией относительно войны в Ираке. Да, с Райс, Хэдли, Диком Чейни[5] и другими я был знаком на протяжении многих лет, но ведь мне предстояло присоединиться к группе людей, которые вместе прошли через события 9/11, которым выпало воевать в двух войнах и которые шесть лет состояли в одной команде. Я для них был посторонним.

Тайное рандеву в Макгрегоре обошлось без накладок. Когда мы подъехали к ранчо, я воочию увидел, насколько строже стали меры безопасности после событий 9/11. Мне и прежде доводилось посещать президентские резиденции, и все они усиленно охранялись, но ничего подобного раньше не наблюдалось. Джо высадил меня у президентского дома, внушительного и строгого одноэтажного здания на некотором расстоянии от главного ранчо. В этом здании находился просторный кабинет и гостиная для встреч, а также кухня и несколько оборудованных компьютерами офисов для персонала. Я приехал раньше президента (всегда соблюдаю протокол), наконец-то выпил чашку кофе и осматривал ранчо, пока не прибыл президент – это произошло ровно в девять. (Буш исключительно пунктуален.) Увидев меня, он извинился перед

большой группой друзей и членов семьи, которые приехали праздновать шестидесятилетие первой леди, Лоры Буш, и пригласил меня в кабинет.

Мы обменялись любезностями, и президент приступил к делу. Начал он с важности успеха в Ираке, заявил, что нынешняя стратегия неэффективна, следовательно, необходим новый подход. Он сказал, что всерьез обдумывает существенное увеличение численности американского контингента для обеспечения безопасности Багдада. Потом поинтересовался моим опытом работы в Группе по изучению Ирака (подробнее о ней чуть позже) и моим мнением относительно увеличения численности наших войск. По словам Буша, он размышлял о смене военного руководства в Ираке и присматривался к генерал-лейтенанту Дэвиду Петрэусу. Ирак, очевидно, занимал все мысли президента, но он также коснулся ситуации в Афганистане и ряда других проблем национальной безопасности, в том числе Ирана и политического климата в Вашингтоне; затем кратко описал свои принципы управления – в частности, упомянул, что ожидает полной искренности от старших советников. Когда президент со значением произнес, что его отец не знает о нашей встрече, я ощутил неловкость, но не стал его разочаровывать. Совершенно ясно, что он не советовался с отцом насчет моего потенциального назначения; что бы ни утверждали позднее злые языки, Буш-41 никакой протекции мне не оказывал.

Президент спросил, есть ли у меня вопросы или какие-либо соображения. Я ответил, что в моей повестке дня пять пунктов. Во-первых, Ирак: на основе информации, собранной Группой по изучению Ирака, я считаю увеличение численности войск необходимым, но продолжительность пребывания нашего контингента в этой стране должна быть тесно увязана с конкретными действиями иракского правительства, прежде всего – с принятием ключевых законодательных инициатив, способствующих примирению противоборствующих сторон и обеспечению национального единства. Во-вторых, я выразил глубокое беспокойство по поводу Афганистана: на мой взгляд, мы им пренебрегаем, уделяя слишком много внимания тому, чтобы создать эффективную центральную власть в стране, которая никогда ее, по сути, не имела, и игнорируем положение дел в провинциях, областях и племенах. В-третьих, я подчеркнул, что, с моей точки зрения, ни армия, ни корпус морской пехоты недостаточно многочисленны для решения задач, которые перед ними в настоящее время ставятся; следовательно, нужно больше людей. В-четвертых, я упомянул о «раскрытии кубышки» и привлечении Национальной гвардии и резервистов – в конце

концов, большинство мужчин и женщин записываются в Национальную гвардию, предполагая, что их ожидают ежемесячные тренировки и занятия в летних учебных лагерях, а также призыв в случае стихийных бедствий или национального кризиса; вместо этого их превратили в армейские подразделения и отправляют служить по году и более в самых опасных местах, причем нередко это происходит на регулярной основе. Я сказал президенту, что, по-моему, такая практика чревата негативными последствиями для семей и для работодателей, и с этим нужно что-то делать. Он не возразил ни словом по поводу гвардии. Наконец я заявил, что не могу считаться экспертом и не являюсь в полной мере информированным, однако то, что я слышал и что читал, убеждает меня в следующем факте – Пентагон закупает слишком много оружия, больше подходящего для «холодной войны», чем для двадцать первого столетия.

Мы проговорили около часа, затем президент подался вперед и спросил, остались ли у меня какие-то вопросы. Я сказал, что нет. Тогда он криво улыбнулся и спросил: «Чейни?» Когда я скопировал его улыбку, он произнес: «Важная персона, очень важная, но всего одна». Я сказал, что поддерживал хорошие отношения с Чейни, когда тот занимал пост министра обороны, и надеюсь, что это пригодится. Президент же заметил, что знает, как я люблю Техасский университет, но страна нуждается во мне. И спросил, готов ли я принять обязанности министра. Я ответил – да.

Он весьма откровенно беседовал со мной о многом, в том числе о вице-президенте, и явно ожидал с моей стороны не меньшей искренности. Если коротко, я ушел от него в уверенности, что от меня как от министра потребуется говорить именно то, что думаю; отлично – уж с этим-то проблем наверняка не возникнет.

Обратная дорога в университет промелькнула незаметно. Добрых две недели статус министра обороны оставался не более чем шансом, возможностью, которая, как я отчасти надеялся, никогда не реализуется. После разговора с президентом, пусть никто не велел мне паковать вещи, я осознал – все изменилось.

Около половины шестого вечера в тот день я получил электронное письмо от Буша-41: «Как все прошло?» Я ответил: «Могу ошибаться, но как будто исключительно хорошо. Я полностью удовлетворен по всем вопросам, которые задавал (в том числе теми, которые мы с вами обсуждали)… Возможно, я тороплю события, но мне кажется, что игра стоит свеч. Мне тяжело думать об уходе из университета, мистер президент, но, если честно, чертовски приятно, что тебя зовут помочь стране в

нелегкие времена. Знаете, мы с вашим сыном, когда он был губернатором Техаса, толком не общались, разве что руки друг другу пожимали. Сегодня мы проговорили больше часа наедине, и мне понравилось то, что я увидел. Может быть, я сумею помочь ему». Под конец я попросил Буша-41 держать в тайне наши контакты, и он тут же ответил: «Я нем как рыба! Можете положиться на своего верного друга, который безмерно рад за вас».

Буквально пару минут спустя позвонил Болтен и сказал, что президент готов двигаться дальше. На час дня среды, 8 ноября, запланирована пресс-конференция; затем, в три тридцать, состоится телевизионная трансляция встречи в Овальном кабинете – президент, министр Рамсфелд и я.

Чейни писал в своих мемуарах, что противился решению президента заменить Рамсфелда, старого друга, коллегу и наставника Дика. Я в общем-то это подозревал, а потому испытал немалое облегчение, когда Болтен передал мне, что госсекретарь Райс в восторге от моего назначения, а вице-президент назвал меня «хорошим парнем». Как уточнил Болтен, из уст Чейни это почти наивысшая похвала.

Я обо всем сообщал Бекки – просто не мог держать ее в неведении – и позволил себе всего одно сомнение. Вечером в то воскресенье мы с женой говорили о том, что администрация Буша изрядно подорвала уважение к себе в глазах всей Америки. Я сказал Бекки: «Я должен это сделать, но просто надеюсь, что работа в составе этой администрации не сильно подорвет мою репутацию».

Объявление

В понедельник громоздкие колеса государственной машины пришли в движение, причем все по-прежнему происходило в строжайшей тайне. Прежде всего мне надлежало встретиться с юристом Белого дома Гарриет Майерс, дабы разрешить все этические вопросы, связанные с моим членством в советах директоров различных компаний, а также с моими инвестициями и прочей бюрократией. Политические шаги начались во вторник, когда меня попросили представить список членов конгресса, позитивно настроенных, по моим оценкам, к моей кандидатуре, наряду со списками бывших высокопоставленных чиновников, журналистов и других лиц, от которых можно ожидать благожелательных комментариев. А 8 ноября мне велели к полудню прибыть в Белый дом.

Я прилетел в Вашингтон на военном «гольфстриме» без особых опознавательных знаков; самолет приземлился на авиабазе Эндрюс, неподалеку от города, и зарулил на стоянку в дальнем закутке аэродрома. Прямо на поле меня встретил на машине Джо Хейгин.

Спустя несколько минут меня привезли в Белый дом и провели в маленький кабинет в подвале Западного крыла; отсюда мне предстояло обзвонить со словами благодарности лидеров конгресса, ключевых парламентариев и прочих видных государственных деятелей и политиков в самом Вашингтоне и за его пределами. Я познакомился с Дэвидом Брумом, молодым помощником юридического советника Белого дома; ему поручили опекать меня и всюду сопровождать, пока не завершится процедура официального утверждения. Да, конечно, я и сам довольно сносно ориентировался в реалиях Капитолия, но Дэвид, умный, практичный и проницательный парень, офицер резерва корпуса морской пехоты США, оказался сущим кладезем полезной информации. Мне с ним было весьма комфортно.

Я сделал ряд звонков, и в целом реакция на мое предстоящее назначение была исключительно позитивной. Я узнал, что даже республиканцы сильно озабочены ситуацией в Ираке и готовы к кардинальным переменам в политическом курсе – особенно учитывая, что многие из них приписывали потерю партией большинства в конгрессе на недавних выборах тому обстоятельству, что в обществе нарастало недовольство войной. Не зная, чего от меня ожидать применительно к Ираку, они все же приветствовали мою кандидатуру. Демократы и подавно демонстрировали энтузиазм, полагая, что мое назначение неким образом ускорит завершение войны. Если до звонков у меня и оставались сомнения по поводу того, чего почти все в Вашингтоне ожидают от новоназначенного министра обороны, то телефонные разговоры эти сомнения полностью развеяли.

Примерно в двенадцать тридцать по техасскому времени, приблизительно через полчаса после начала президентской пресс-конференции, посвященной изменению военной стратегии, мы разослали по электронной почте заранее подготовленный текст, адресованный 65 000 студентов, преподавателей и персонала Техасского университета. Сложнее всего мне дались следующие строки этого сообщения: «Вынужден признать, что хотя два года назад я отказался от работы в правительстве ради нашего университета, но многое с тех пор произошло – и в нашей стране, и во всем мире. Я безмерно люблю и ценю Техасский университет, но нашу страну я люблю все-таки сильнее, и потому, как многие «агги» в погонах, я обязан выполнить свой долг. К

сожалению, я должен уйти. Надеюсь, вы представляете, насколько мне тяжело расставаться и как я буду скучать по вас и по этому уникальному американскому учебному заведению».

Пару часов спустя подошло время телепередачи. Мы с президентом и Рамсфелдом быстро переговорили в личной президентской столовой, а затем Рамсфелд направился в Овальный кабинет. За ним – президент, и последним я. Прошло почти четырнадцать лет с тех пор, как я переступал порог Овального кабинета.

Президент начал свое выступление с заявления о необходимости и далее реализовывать наступательную политику в Ираке и Афганистане, чтобы защитить американский народ. Потом он охарактеризовал роль министра обороны и кратко перечислил основные пункты моей карьеры. А затем произнес две фразы, в которых сформулировал мои задачи на посту министра: «Он покажет министерству новые перспективы и предложит новые идеи, в том числе относительно того, как Америке достичь поставленных целей в Ираке» и «Боб понимает, как управлять крупными и сложными проектами и как надлежащим образом их трансформировать для решения новых задач». Далее президент подробно описал достижения Дональда Рамсфелда в качестве министра обороны и поблагодарил его за все, что тот сделал ради безопасности Америки. Затем на трибуну поднялся Рамсфелд. Он говорил в основном о вызовах безопасности нашей страны, но не забыл выразить благодарность – президенту за доверие и поддержку, коллегам по министерству обороны и, безусловно, американским мужчинам и женщинам в военной форме за их службу и самопожертвование. На мой вкус, выступление Дональда получилось очень искренним и трогательным.

Настала моя очередь. Поблагодарив президента за доверие и Дона за службу стране, я сказал: «В прошлом августе исполнилось сорок лет, как я поступил на государственную службу. Президент Буш – седьмой президент, которому я служу. Честно сказать, я не планировал возвращаться, поскольку был по-настоящему счастлив, возглавляя Техасский университет.

Однако сегодня Соединенные Штаты находятся в состоянии войны, в Ираке и в Афганистане. Мы сражаемся с мировым терроризмом. Кроме того, существует немало иных вызовов миру и нашей безопасности. Я убежден, что исход этих конфликтов сформирует грядущее политическое устройство на десятилетия вперед. А поскольку наши долгосрочные стратегические интересы и наша национальная и внутренняя безопасность подвергаются критическим угрозам, поскольку многие сыновья и дочери Америки в составе наших вооруженных сил рискуют своими

жизнями, я не сомневался ни мгновения, когда президент попросил меня вернуться в строй.

Если сенат утвердит мою кандидатуру, я буду служить стране всей душой и буду безмерно признателен президенту за предоставленную мне возможность это сделать».

Отзывы прессы и публичные комментарии по поводу моего выступления в последующие дни были вполне положительными, но я достаточно давно в политике, а потому прекрасно понимал: это шоу, причем главный герой в нем не я; просто страна заждалась перемен. Пресса развлекалась статьями о возвращении к власти «команды-41»: мол, отец президента приходит на помощь, бывший госсекретарь Джим Бейкер за кулисами тянет за ниточки, и так далее; еще всех интересовало, как я собираюсь очищать Пентагон от назначенцев Рамсфелда – в газетах частенько встречалось выражение «зачистить кольцо Е» (так называют внешний, самый дальний от центра коридор Пентагона, где расположены кабинеты большинства старших гражданских служащих). В общем, резвились как дети.

Следующие три недели я продолжал выполнять обязанности президента университета и одновременно готовился к официальному утверждению в должности. Пусть когда-то я и был директором ЦРУ и, следовательно, имел полный доступ к «драгоценностям короны», то есть к самым главным американским секретам, мне пришлось заполнить печально знаменитую своими вопросами федеральную форму SF-86 – «Анкету для кандидатов на посты, связанные с обеспечением национальной безопасности» (этой участи не избежать никому из тех, кто претендует на место в правительстве США). Подобно всем прочим высокопоставленным чиновникам, я также был вынужден подписать заявление о раскрытии финансовой информации. Мне уже доводилось заполнять все эти бумаги ранее, но за последние годы политический климат в Вашингтоне изменился и неточные ответы – даже невинные описки – стоили министерских постов ряду других кандидатов. Так что мне, дабы избежать ненужных ошибок, посоветовали воспользоваться услугами вашингтонской юридической фирмы, которая специализируется на заполнении этих форм. Я категорически не желал препятствий к утверждению, а потому принял этот совет и заплатил 40 000 долларов за оформление документов. (Могу только воображать, во сколько обходятся услуги этой фирмы кандидатам, у которых более сложная и долгая финансовая история.) Вдобавок я ответил на анкету сенатского комитета по вооруженным силам – шестьдесят пять страниц вопросов! Хорошая новость заключалась в том, что в Пентагоне имеется

многочисленный отдел, выполняющий основную работу по подготовке ответов на эти вопросы, хотя от кандидата требуется все просмотреть и подписать – и быть готовым к обсуждению этих вопросов на слушаниях по утверждению в должности.

Находясь в Вашингтоне и готовясь к утверждению, я работал в богато украшенном комплексе помещений Эйзенхауэровского офисного центра[6], гигантского гранитного здания в викторианском стиле рядом с Белым домом, где тридцатью двумя годами ранее у меня тоже был свой кабинет, пусть и не такой изысканный. Туда мне доставляли информационные материалы для ознакомления – по состоянию вооруженных сил (армии, флота, в том числе корпуса морской пехоты, и ВВС), по организации обороны страны; в частности, обнаружилась весьма замысловатая организационная диаграмма, сложность которой словно предвещала грядущие бюрократические проблемы. Общая стратегия подготовки к слушаниям состояла в том, чтобы не узнать слишком много, в особенности касательно бюджета или конкретных программ закупок – этого предмета столкновения интересов сенаторов-членов комитета. Я понимал, что на слушаниях всех будут интересовать не мои познания о структуре министерства обороны, а прежде всего моя позиция относительно Ирака и Афганистана, а также мое поведение и манера держаться. С этим мне не могли помочь никакие наставники.

В эти три недели я познакомился с Робертом Рангелом, «специальным помощником» Рамсфелда, фактически – его начальником штаба. Перед тем как прийти в Пентагон в 2005 году, Рангел работал в комитете по вооруженным силам палаты представителей и даже несколько лет возглавлял аппарат сотрудников комитета. Я быстро пришел к выводу, что Роберт отлично разбирается в принципах работы конгресса и министерства обороны, а его отменному чутью остается только позавидовать. Значит, он будет великолепным помощником, если я уговорю его остаться.

Наиболее драматическое событие этих дней перед слушаниями, событие, пробравшее меня, что называется, до самой селезенки и прочно отложившееся в памяти, произошло однажды, когда я ужинал в одиночестве в своем отеле. К моему столику подошла женщина средних лет и спросила, я ли мистер Гейтс, новый министр обороны. Я ответил утвердительно. Она поздравила меня с назначением, а затем сказала со слезами на глазах: «Оба моих сына служат в Ираке. Ради всего святого, пожалуйста, верните их домой живыми! Мы будем молиться за вас». Я замер в полной растерянности. Потом кивнул и, кажется, пробормотал что-то вроде: «Я постараюсь». О том, чтобы

закончить ужин, не могло быть и речи, да и заснуть в ту ночь мне не удалось. Наша война внезапно стала для меня невероятно реальной, как и та ответственность, которую я взвалил на свои плечи, ответственность за всех, кто сражается на передовой. И впервые за все это время я испугался, что не оправдаю ожиданий этой женщины-матери и ожиданий моей страны.

В дни перед слушаниями, которые состоялись 5 декабря, мне пришлось совершить ритуальный обход ключевых сенаторов, в том числе и прежде всего – членов сенатского комитета по вооруженным силам. Меня ошеломило нескрываемое разочарование сенаторов-республиканцев относительно решения президента обнародовать смену министра обороны только после промежуточных выборов. Все они были уверены, что если бы президент объявил о предстоящем уходе Рамсфелда за несколько недель до выборов, республиканцам удалось бы сохранить большинство в конгрессе. Еще они ворчали, что администрация Буша озабочена исключительно контактами с «лидерами» – это их слова – и игнорирует всех прочих. Некоторые также критиковали наших старших военных чинов. Кое-кто, правда, и Джон Маккейн в первых рядах, решительно поддерживал войну в Ираке и считал, что мы должны наращивать наше военное присутствие в этой стране, но показательно, что по меньшей мере половина сенаторов-республиканцев были чрезвычайно обеспокоены нашей кампанией в Ираке, конца которой не предвиделось, и воспринимали эту войну как очевидное бремя политической ответственности на их партии.

Сенаторы-демократы, с которыми я встречался, четко обозначили свою точку зрения: война в Ираке Америке не нужна, необходимо ее завершить и сосредоточиться на Афганистане, отношения Пентагона с конгрессом поистине катастрофические, а отношения между гражданскими и военными в министерстве обороны и того хуже: они не скрывали своей неприязни и даже презрения к Джорджу У. Бушу (сорок третьему президенту США, отсюда прозвище Буш-43) и его администрации; демократы намеревались использовать недавно обретенное большинство в обеих палатах конгресса для кардинальных перемен в военной и во внутренней политике. Они публично выразили мне поддержку и всячески одобряли мое назначение на должность министра обороны – главным образом, думаю, потому, что полагали: как член Группы по изучению Ирака, я разделяю их желание немедленно начать вывод из этой страны американских войск.

Визиты вежливости во многом предвещали конфронтацию, которая ожидала меня в ближайшие годы. Сенаторы, яростно нападавшие на президента на публике по поводу Ирака, в

частном порядке делились опасениями насчет возможных последствий нашей неудачи. Большинство прилагало усилия, чтобы ознакомить меня с деятельностью оборонных предприятий в своих штатах и заручиться моей поддержкой местных верфей, складов, баз и смежных источников рабочих мест. Я, признаться, и не предполагал, что в разгар сразу двух войн подобные «местечковые» интересы могут стоять настолько высоко в списке приоритетов.

В целом эти визиты вежливости к сенаторам от обеих партий оказались, мягко говоря, обескураживающими. Партийное противостояние было ожидаемым, но вот столь личного отношения к президенту и членам администрации я никак не предвидел. И не ожидал, что представители обеих партий будут столь критичны к гражданским и военным руководителям Пентагона[7], причем не только относительно результатов их деятельности, но и относительно их взаимодействия с Белым домом и конгрессом. Визиты вежливости однозначно показали, что моя задача намного шире скорейшего разрешения иракской проблемы. Сам Вашингтон стал зоной боевых действий – и оставался для меня таковой на протяжении следующих четырех с половиной лет.

Утверждение

Пока меня везли в машине из отеля в Капитолий на официальную церемонию утверждения в должности, я размышлял о причудливом стечении обстоятельств. Кто бы мог предположить, что моя жизнь сложится таким образом?! Я вырос в семье коммивояжера со скромным достатком в Уичите, штат Канзас. Мы со старшим братом первыми из всего нашего семейства поступили в колледж. Мой отец торговал автомобильными запчастями. Республиканец до мозга костей, он боготворил Дуайта Д. Эйзенхауэра, именовал Франклина Д. Рузвельта исключительно «чертовым диктатором», а что касается Гарри Трумэна, то лично я только лет в десять осознал, что первое имя тогдашнего президента вовсе не «треклятый». По маминой линии наши родственники были в основном демократами, так что уже с ранних лет я приучился выживать в партийном противостоянии. С отцом мы часто говорили (спорили) о политике и о происходящем в мире.

В остальном семейные отношения ничто не нарушало, и мои детство и юность были полны любви, заботы и счастья. Отец отличался болезненной честностью, широтой души и обо всем,

что не касалось политики, судил трезво и здраво. Он приучал меня с малых лет присматриваться к людям, оценивать каждого как личность, а не как представителя какой-либо группы. Иначе, по его словам, не избежать ненависти и предвзятости; именно так рассуждали нацисты. Еще отец не терпел лицемерие, на дух не переносил чванливость и безнравственность. На церковных службах он время от времени показывал мне важных персон, которые нарушали в том или ином отношении его неписаные жизненные принципы. Моя мать, как было принято в те годы, занималась домашним хозяйством. Нас с братом она искренне любила, и на ней держалась вся семья. В детстве родители неоднократно мне повторяли, что я смогу добиться чего угодно, если буду упорно трудиться, а еще регулярно напоминали, что не стоит задирать нос и считать себя выше кого бы то ни было на свете.

Мое детство пришлось на 1950-е годы; в ту пору Канзас был пасторальным местечком, все события в жизни так или иначе касались семьи, школы, церкви и отряда бойскаутов. Мы с братом гордились тем, что стали «орлами»[8]. Конечно, имелся некий свод правил, на соблюдении которых настаивали родители, но в остальном мне предоставляли поистине невероятную свободу: броди, исследуй, рискуй. Разумеется, случалось всякое – проказливые мальчишки, сами понимаете: нас с братом даже начали узнавать в местных отделениях «Скорой помощи». Я часто дерзил, особенно маме, и если отец в эти мгновения оказывался рядом, расплата – крепкий подзатыльник – следовала незамедлительно. Да и мама не пренебрегала наказаниями, она ловко управлялась с ивовым прутом и при необходимости щедро охаживала им мои голые ноги. Самое строгое наказание полагалось за ложь. В тех сравнительно редких случаях, когда меня карали по полной, я сознавал, что заслужил все это (хотя, безусловно, чувствовал себя глубоко несчастным). Но родительские ожидания и родительская дисциплина научили меня нести ответственность за свои действия.

Родители сформировали мой характер и во многом определили мою жизнь. В тот день по дороге в сенат я вдруг понял, что качества, любовно и заботливо взращенные ими во мне в те далекие годы, и привели меня к этому моменту; забегая вперед, скажу, что вскоре плодам родительской заботы предстояло пройти суровое испытание.

* * *

Мне трижды доводилось уже принимать участие в сенатских слушаниях. В первый раз, в 1986 году, когда меня хотели назначить заместителем директора ЦРУ, все свелось к прогулке в парке и единогласному решению. Во второй, в начале 1987 года, когда стал вакантным пост директора Центрального разведывательного управления, это произошло в разгар скандала «Иран – контрас»; едва стало очевидно, что сенат не утвердит мою кандидатуру (слишком много вопросов без ответов о моей роли в этих событиях), я предпочел отказаться от предлагаемой должности. В третий раз, в 1991 году, я снова претендовал на пост директора ЦРУ; обсуждение затянулось, я выслушал много нелицеприятных замечаний, однако меня все же утвердили, причем треть сенаторов голосовали против. Сейчас опыт подсказывал, что, если только я не облажаюсь в своих рассуждениях, министром обороны меня утвердят не то чтобы единодушно, но близко к тому. Политическая карикатура тех лет отлично передает тогдашние настроения сената (и прессы): я стою, подняв правую руку, и приношу присягу – «Клянусь, что никогда не был и не буду Дональдом Рамсфелдом». Что ж, полезное, пусть и унизительное напоминание о том, что мое утверждение состоялось не столько благодаря моим личным заслугам, сколько благодаря тому, что я был человеком со стороны. (Вдобавок эта карикатура показывает, какова была политическая атмосфера в Вашингтоне.)

Сенатор от Виргинии Джон Уорнер был председателем комитета по вооруженным силам, и потому ему поручили вести слушания; представителей сенатского меньшинства возглавлял Карл Левин из Мичигана. Этим двоим предстояло в ближайшие несколько недель поменяться местами вследствие результатов промежуточных выборов. С Уорнером мы давно дружили, именно он представлял меня, как сенатор от моего «домашнего» штата, на всех трех предыдущих церемониях утверждения. Левина я знал не слишком хорошо, а в 1991 году он был в числе тех, кто голосовал против моей кандидатуры. Согласно распорядку Уорнеру полагалось произнести вступительное слово, затем следовала речь Левина, а потом – мое «представление» сенаторам; на сей раз эту миссию взяли на себя двое моих старых друзей: бывший лидер сенатского большинства Боб Доул из Канзаса и бывший сенатор и председатель сенатского комитета по разведке Дэвид Борен, уже давно занимавший пост президента Университета Оклахомы. После этого ожидалось мое выступление.

Уорнер сразу, что называется, взял быка за рога – начал прямо с Ирака. Сенатор напомнил собравшимся, что после

недавнего своего посещения Ирака, восьмого по счету, он заявил во всеуслышание: «Если за два-три месяца не завершить войну победоносно, если не обуздать текущий уровень насилия, если правительство под руководством премьер-министра Малики окажется не в состоянии функционировать, то нашей администрации необходимо будет принять ответственное решение – не пора ли задуматься о смене политического курса». Он также процитировал генерала Питера Пэйса, председателя Объединенного комитета начальников штабов, сказавшего накануне, когда его спросили, побеждаем ли мы в Ираке: «Мы не побеждаем и не проигрываем». Далее Уорнер прокомментировал различные мнения о текущей иракской стратегии и, опираясь на эти комментарии, дал мне совет на будущее: «Я призываю вас ни в коем случае не скрывать свои взгляды, свое личное отношение к нынешним и будущим оценкам используемых подходов… От вас потребуется бесстрашно – повторяю, бесстрашно – исполнять возложенные законом обязанности в качестве, цитирую, «главного помощника президента по всем вопросам, связанным с деятельностью министерства обороны». Тем самым Уорнер публично дал понять, что более не поддерживает политику администрации Буша в отношении Ирака.

Сенатор Левин уже в самом начале своей речи обрушился с критикой на администрацию и четко изложил взгляды, которых явно собирался придерживаться на посту председателя комитета по делам вооруженных сил, – взгляды, с которыми мне предстояло бороться с января:

«Если мы утвердим Роберта Гейтса в должности министра обороны, ему придется проделать колоссальную работу по разгребанию завалов, оставленных невразумительной политикой ошибочных приоритетов в последние несколько лет. В первую очередь ему необходимо будет разрешить усугубляющийся кризис в Ираке. Всем очевидно, что ситуация в Ираке вопреки ожиданиям не становится лучше, а день ото дня ухудшается. Перед вторжением в Ирак мы не сумели разработать адекватный план по оккупации этой страны, а также не сумели составить план действий после завершения основной фазы военной операции. Свергнув Саддама Хусейна в 2003 году, мы бездумно распустили иракскую армию и не менее бездумно лишили десятки тысяч рядовых членов партии Баас возможности занять в ближайшем будущем государственные посты. Эти наши действия способствовали нарастанию хаоса и насилия и оттолкнули от нас существенную часть местного населения. В итоге мы до сих пор не в состоянии обеспечить безопасность Ирака и победить повстанцев. Мы также не в состоянии разоружить боевиков и

создать жизнеспособную иракскую армию и полицию. Кроме того, мы не смогли восстановить экономическую инфраструктуру страны и трудоустроить большинство иракцев. Следующему министру обороны неизбежно придется иметь дело с последствиями этих неудач».

Продолжил Левин предупреждением, что Ирак отнюдь не единственный вызов, стоящий передо мной. Он отметил нарастание активности талибов в Афганистане, непредсказуемую ядерную программу Северной Кореи, очевидное стремление Ирана обзавестись собственной атомной бомбой; остановился на финансовых потребностях армии и корпуса морской пехоты, а это десятки миллиардов долларов на ремонт и замену оборудования; перечислил еще ряд проблем: неуклонное снижение боеготовности наших сухопутных войск, дислоцированных в США; финансирование военных программ, которые нам более не по карману; сложности с призывом и сверхсрочной службой; постоянные бытовые неурядицы в семьях военнослужащих из-за регулярных передислокаций; упомянул и пресловутый отдел министерства, «чья деятельность запятнана дурным обращением с узниками в «Абу-Грейб», Гуантанамо и других тюрьмах».

В завершение человек, с которым как с председателем профильного сенатского комитета мне предстояло сотрудничать, заявил, что эффективность министерства обороны рухнула из-за гражданского руководства – это руководство «слишком часто игнорировало точки зрения, отличные от его собственной, будь то позиция высших военачальников, разведывательных структур, Государственного департамента, союзников Америки или членов конгресса от обеих политических партий. Новому министру обороны понадобится изрядно потрудиться, чтобы исцелить раны, нанесенные его предшественником, и справиться с проблемами, которые стоят перед министерством и перед страной в целом».

Помню, я сидел за столом для приглашенных, слушал эту литанию горестей и бед и думал: «Какого черта я тут делаю? И как меня угораздило попасть в око десятибалльного тайфуна?» В первый раз мне довелось сидеть за тем столом и думать одно, а говорить совсем другое, – в первый, но далеко не в последний.

После добрых и лестных слов в мой адрес от Доула и Борена настала моя очередь. Я сознательно начал с замечания, которое, с одной стороны, позволяло слегка скрасить общее уныние, а с другой – показывало, что я, конечно, со стороны, но внимательно слежу за происходящим в мире. Сенатор Уорнер был убежденным сторонником традиции, по которой членам семьи кандидата дозволяется присутствовать на слушаниях. Бекки сопровождала меня только на самые первые слушания, двадцать лет назад; да и

сам я не считал посещение заседаний конгресса семейным развлечением. В общем, я сообщил Уорнеру как председателю, что у моей жены был выбор – поехать со мной или отправиться в Сиэтл, где женская баскетбольная команда Техаса играла с Вашингтонским университетом. Естественно, Бекки выбрала Сиэтл, и это правильный выбор.

Затем я перешел к серьезным темам:

«Я не питаю иллюзий относительно того, почему нахожусь сегодня здесь. Конечно, это война в Ираке. Решение проблем, с которыми мы сталкиваемся в Ираке, должно и станет моим наивысшим приоритетом, если меня утвердят в должности… Я безусловно готов рассматривать самые разные идеи и предложения. Если меня утвердят, я собираюсь как можно скорее проконсультироваться с нашими штабистами и действующими военачальниками, а также с представителями исполнительной власти и конгресса… Но подчеркиваю, что прежде всего буду принимать во внимание мнение тех, кто возглавляет наших мужчин и женщин в военной форме».

Далее я предупредил сенаторов:

«Повторюсь, я открыт для предложений, касающихся нашей будущей стратегии и тактики в Ираке, однако в одном я категорически убежден: события в Ираке в течение следующего года или двух будут определять ситуацию на Ближнем Востоке целиком и в значительной степени повлияют на всю глобальную геополитику на много лет вперед. Наши действия в ближайшей перспективе сформируют четкий контекст: либо американский и иракский народы и следующий президент Соединенных Штатов увидят медленное, но неуклонное улучшение ситуации в Ираке и в регионе, либо они окажутся в чрезвычайно рискованном и уязвимом положении, чреватом региональной конфронтацией. Мы должны совместными усилиями выработать стратегию, которая избавит Ирак от хаоса и защитит наши долгосрочные интересы и перспективы региона».

Эти три предложения выражали суть моих взглядов на ситуацию в Ираке: я высказал именно то, что думал, и собирался реализовывать свои замыслы в Вашингтоне и в Ираке на протяжении следующих двух лет. Как я часто повторяю, не важно, согласны вы с военной операцией в принципе или нет: «Мы ровно там, где находимся».

Свое выступление я завершил откровенным признанием:

«Я не рвался на эту должность, не искал возможности вернуться во власть. Я здесь потому, что люблю свою страну, и потому, что президент Соединенных Штатов Америки счел необходимым обратиться ко мне в нелегкие для страны времена.

Надеюсь, вы разделяете данную точку зрения… Возможно, самое трагичное в той должности, на которую рассматривается моя кандидатура, – это необходимость принимать решения в буквальном смысле между жизнью и смертью. Наша страна находится в состоянии войны, и, если меня утвердят, мне придется возглавить мужчин и женщин, которые сражаются… В присутствии всех собравшихся торжественно клянусь всегда и всюду заботиться в первую очередь о жизни и благополучии наших солдат».

Давая это обязательство, я и не подозревал, какого адского труда потребует его исполнение.

В комментариях средств массовой информации по поводу обсуждения моей кандидатуры на этих слушаниях особо выделялись два момента. В начале слушаний сенатор Левин спросил, верю ли я, что мы в настоящее время побеждаем в Ираке. Я ответил коротко: «Нет, сэр». Мой ответ на страницах газет и на телевидении превозносили как реалистичный и откровенный, радикально противоречащий заявлениям других членов администрации. Пожалуй, можно сказать, что этим ответом я обеспечил себе утверждение в должности. Зато в Белом доме и в министерстве обороны мой ответ вызвал изрядный переполох, поэтому после перерыва на обед я решил слегка уточнить свою позицию и тоже процитировал слова Пита Пэйса: «Мы не побеждаем, но и не проигрываем». Мне вовсе не хотелось, чтобы солдаты в Ираке подумали, будто новый военный министр считает их потерпевшими поражение.

Второй момент – дебаты с сенатором Эдвардом Кеннеди, который рассуждал о потерях среди наших солдат и спросил, можно ли назвать меня человеком, готовым к решительным действиям во имя национальной безопасности. Я ответил:

«Сенатор Кеннеди, двенадцать выпускников Техасского университета погибли в Ираке. С некоторыми из них я совершал пробежки по утрам, я обедал вместе с ними, они делились со мной своими чаяниями и надеждами, я вручал им дипломы – и при мне они уходили служить. А потом я узнавал об их гибели. Знаете, сегодня война уже не где-то там, она стала личным делом каждого. По статистике на вчерашнее утро, в Ираке погибли 2889 американцев. Это немало, конечно, и каждая из этих смертей, кроме того, – персональная трагедия не только самих убитых солдат, но и их семей, близких и друзей».

Еще я прибавил:

«Сенатор, я не для того оставил пост президента Техасского университета, бросил работу, которая, если честно, доставляла истинное удовольствие, не для того согласился на существенные

финансовые потери и вернулся в Вашингтон, в том числе ради участия в этих слушаниях, чтобы изображать из себя бессловесного истукана и помалкивать в тряпочку. Я собираюсь говорить то, что думаю, не стесняясь и не щадя чьих-то чувств, всем обитателям Пенсильвания-авеню[9], отстаивая собственные убеждения… Заверяю вас, что не связан никакими личными обязательствами ни перед кем. Я вернулся, чтобы сделать все от меня зависящее для наших мужчин и женщин в военной форме и для нашей страны».

Остальная часть слушаний касалась глобальных стратегических вопросов, а также конкретных интересов отдельных сенаторов. Некоторые вопросы вызывали недоумение – скажем, вопрос сенатора от Западной Виргинии Роберта Берда, который осведомился, готов ли я воевать с Сирией. (Я сказал, что нет.) Другие вопросы провоцировали на шутки. Так, сенатор от Небраски Бен Нельсон спросил, что я думаю о постоянном увеличении награды за голову Усамы бен Ладена на миллион долларов в неделю. Я отшутился: «Будем считать это антитеррористической лотереей».

Открытые слушания завершились около трех сорока пяти пополудни, а пятнадцать минут спустя начались закрытые – ничего особенного, в основном поздравления и напутствия. В тот же вечер сенатский комитет по делам вооруженных сил единогласно постановил рекомендовать мою кандидатуру сенату для утверждения в должности министра обороны. На следующий день, 6 декабря, сенат проголосовал: девяносто пять голосов – за, два голоса – против, трое сенаторов воздержались. Против голосовали республиканцы Джим Баннинг, сенатор от Кентукки, и Рик Санторум, сенатор от Пенсильвании. Они считали, что я «недостаточно агрессивен» в отношении Ирана, раз не одобряю потенциальную военную операцию в этой стране. Лично мне казалось, что нам и без того хватает войн, чтобы затевать новые, пусть даже пока только на бумаге. Вообще стремление не допустить новых войн стало для меня важнейшей обязанностью министра обороны – как при президенте Буше, так и при президенте Обаме. Я всегда был готов использовать военную силу, необходимую для защиты американских жизненных интересов, но также всегда настаивал на неоспоримых доказательствах подобной необходимости.

От утверждения кандидатуры в сенате до приведения к присяге и формального принятия обязанностей министра обороны прошло двенадцать дней – пожалуй, беспрецедентно долгая задержка. Объяснялась она несколькими причинами. Во-первых, мне отчаянно хотелось провести декабрьский

предрождественский актовый день в Техасском университете. Во-вторых, понадобилось некоторое время, чтобы собрать пожитки и перевезти их в Вашингтон. По зрелом размышлении вряд ли стоило так затягивать, особенно в разгар войны. Однако никто меня не критиковал, во всяком случае, публично, да и время это я потратил отнюдь не впустую.

Мне выделили просторный кабинет в Пентагоне – во временное пользование, пока я не принесу присягу. Я занимался оформлением разных бумаг, чтобы мне могли платить зарплату, сделал положенное «официальное» фото, получил свои бейджи и удостоверение личности, вытерпел все обязательные процедуры, которым подвергается всякий новый сотрудник министерства обороны – в том числе одну, каковой вовсе не ожидал. Однажды утром я уединился в уборной, примыкавшей к моему кабинету. Только задвинул защелку и расстегнул «молнию» на брюках, как в дверь истошно забарабанили и раздался крик: «Стойте! Стойте!» Я встревожился, застегнул «молнию» и выглянул наружу. В коридоре стоял какой-то сержант; он протянул мне пластиковый стаканчик и сообщил, что требуется образец мочи для наркологического теста. Даже министру обороны поблажек не делалось.

И до утверждения, а уж тем более после него я много размышлял о том, как мне управлять Пентагоном, этой крупнейшей на планете и невероятно сложной организацией, общая численность сотрудников которой, гражданских и военных, составляет около 3 000 000 человек. В отличие от многих кандидатов на руководящие должности в Вашингтоне я имел практический опыт управления сразу двумя огромными бюрократическими структурами – ЦРУ и американской разведкой в целом, а это примерно 100 000 сотрудников, и седьмым по величине университетом страны, где насчитывалось приблизительно 65 000 преподавателей, работников и студентов. Но, конечно, Пентагон был явлением совершенно иного порядка. Даже если пренебречь чудовищными размерами и не менее чудовищной бюрократией, мне предстояло каким-то образом сгладить напряженные отношения между гражданским руководством министерства и старшими военными чинами, а между тем страна увязла сразу в двух крупных войнах, ни одна из которых не сулила легкой победы.

У меня обнаружилось множество добровольных помощников – пару дней мне даже казалось, что их слишком много. Возникло ощущение, что всем в Пентагоне необходимо встретиться со мной или хотя бы передать мне для ознакомления какие-либо документы. Вскоре я понял, что рискую утонуть с головой, а

потому до сих пор безмерно благодарен заместителю прежнего министра Гордону Ингленду, председателю Объединенного комитета начальников штабов Питу Пэйсу и Роберту Рангелу, которые сумели меня спасти, распределили людские и информационные потоки и более или менее упорядочили процесс погружения в дела. Количество же людей за пределами Пентагона, желавших донести до меня свой бескорыстный совет, отражало тот факт, что многие вашингтонские инсайдеры осознавали серьезность проблем министерства – и хотели, чтобы я добился успеха, не ради меня, а ради страны. Я договорился пообедать с Джоном Хэмром, заместителем министра обороны при втором президентстве Клинтона, а впоследствии главой Центра стратегических и международных исследований. Советы Джона оказались по-настоящему полезными. Среди прочего, он заметил, что процесс принятия решений в Пентагоне сильно напоминает давнюю римскую традицию – гладиаторы выходят сражаться перед императором, и только тот решает, кого объявить победителем. Следует убедиться, чтобы этот процесс был честным, прозрачным и объективным.

Два других комментария Джона существенно повлияли на подход к работе, которого я в дальнейшем придерживался. Он упирал на значимость советов не только тех, кто озабочен текущими проблемами, но и тех, кого беспокоят проблемы завтрашнего дня. Мне предстояло в очень скором времени обнаружить, что вторых, интересующихся потенциалом будущих войн, намного больше и они имеют гораздо больше влияния, нежели первых, озабоченных требованиями текущей ситуации. И я постепенно превратился в главного надзирателя за тем, чтобы войска, участвующие в боевых действиях, получали все необходимое сегодня, а не когда-нибудь потом. Еще Джон подчеркнул, что крайне важно иметь независимых поборников предложения (призыв, обучение и оснащение войск) и спроса (потребностей командиров боевых частей). По его мнению, такие командиры могут занижать цифры в просьбах о пополнении, исходя из убеждения, что нужной численности в распоряжении министерства попросту нет. В результате я постепенно приучил командиров боевых частей сообщать мне желаемую численность личного состава и желаемый объем поставок, а решать, возможно это выполнить или нет, доверить министерству.

Я также обратился к своему старому другу Колину Пауэллу. Я был знаком с Колином почти двадцать пять лет, работал с ним в тесном контакте в администрациях Рейгана и Джорджа Буша-старшего. Будучи кадровым офицером, имея опыт руководства Объединенным комитетом начальников штабов, Колин не только

хорошо изучил пентагоновские порядки, но и сохранил немало надежных контактов (и источников информации) среди военных. Я написал ему электронное письмо с конкретной просьбой: «Вы можете помочь прямо здесь и сейчас – пожалуйста, уведомите всех старших офицеров, с которыми общаетесь, что я вовсе не считаю, будто у меня есть хотя бы частичные ответы на наши трудные вопросы. Я научился внимательно слушать и ценить откровенность. При этом я, безусловно, уважаю профессиональный опыт и чужое мнение».

Разумеется, меня буквально завалили мнениями и советами, среди которых, скажу честно, здравых было мало, а также нелицеприятными характеристиками и противоречивыми оценками многих высокопоставленных гражданских и военных сотрудников Пентагона. Мягко говоря, нередко ко мне обращались люди, претендовавшие на должности, которые, как они полагали, неизбежно освободятся после «чистки» гражданской команды Рамсфелда, каковую я якобы затевал; также советовали поскорее собрать собственную «переходную команду», дабы она надзирала за министерством, его сотрудниками и внедрением изменений, которых от меня ожидали.

Вместо этого я использовал период «междуцарствия», чтобы принять важное решение касательно министерства; впоследствии выяснилось, что это было одно из лучших моих управленческих решений: я сказал себе, что приду в Пентагон один, без единого помощника или даже секретаря. Мне часто доводилось наблюдать, сколь негативное влияние на деятельность организации и на моральный климат в ней оказывает появление нового босса в сопровождении свиты. Всякий раз это производило впечатление враждебного поглощения и порождало ненужные обиды. Вдобавок новички обычно не имеют ни малейшего представления, как организация существовала и управлялась до их прихода. Значит, никаких «чисток». В разгар войны у меня нет времени на то, чтобы долго и вдумчиво подбирать новых людей, и роскошь обучения в процессе работы мы себе позволить тоже не можем. Аналогично нет времени на проведение процедур утверждения в должностях всевозможных политических назначенцев. Таким образом, я полностью сохранил персонал министерства, включая прежде всего Роберта Рангела на посту фактического директора по персоналу и Делонни Генри, личного доверенного помощника, начальника протокола и в целом весьма опытного и знающего сотрудника. Если с кем-то мы не сработаемся или не сойдемся характерами, все это можно уладить и позднее. В военное время, как мне казалось, преемственность является обязательным условием ведения дел, и

я хотел тактично показать работникам Пентагона, что вижу в них команду способных и преданных своему делу профессионалов. И мне не пришлось разочароваться.

Одну вакансию, впрочем, требовалось заполнить незамедлительно – пост заместителя министра по разведке. Действующий заместитель, Стив Камбон, сам подал в отставку. Еще до своего утверждения я предложил эту должность другому старому другу и коллеге, генерал-лейтенанту ВВС в отставке Джиму Клапперу, чтобы взять на работу. Когда я был директором ЦРУ, Джим возглавлял Разведывательное управление министерства обороны (РУМО). Потом он вышел в отставку и стал директором Национального агентства геопространственной разведки (НАГР)[10], организации с громоздким и непонятным названием, отвечающей за все американские спутники с фотографическим оборудованием и за дешифрование полученных с орбиты снимков. Поскольку Клаппер был сторонником объединения всех разведслужб под началом авторитетного директора, обладающего реальными полномочиями по контролю разведывательного сообщества, в том числе военных агентств, он разругался с Рамсфелдом и потому, из чисто практических соображений, был вынужден покинуть НАГР. Прошло всего несколько месяцев с этого события, когда я предложил ему вернуться в правительство. В СМИ и на заседаниях в конгрессе разведывательные операции Пентагона часто подвергались разгромной критике, и я не сомневался, что привлечение человека с опытом и добросовестностью Джима достаточно быстро исправит эту ситуацию. Кроме того, я полностью ему доверял. Он неохотно согласился взяться за эту работу, но поставил твердое условие: чтобы я позвонил его жене Сью и сам объяснил ей, насколько важна именно его кандидатура. Ничего подобного мне раньше делать не доводилось, но я справился, и Сью великодушно простила меня за то, что национальные интересы в очередной раз мешают их семейной жизни.

Как я уже сказал, покидать Техасский университет было очень тяжело – и для меня, и для Бекки. Под вечер моего последнего дня в президентском кресле более десяти тысяч студентов, преподавателей и работников университета пришли пожелать мне удачи. Выступил президент студенческого братства, я произнес ответную речь, все вместе мы спели «Боевой гимн» «агги». Прошло три актовых церемонии, и на этом мое пребывание в должности президента Техасского университета официально завершилось.

Мы прилетели в Вашингтон, округ Колумбия, в воскресенье, 17 декабря, чтобы я с понедельника мог приступить к

исполнению новых обязанностей.

Церемония вступления в должность состоялась на следующий день, в час пятнадцать пополудни. Присутствовали президент и вице-президент, равно как и вся моя семья. Я попросил, чтобы мою клятву приняла судья Верховного суда Сандра Дэй О'Коннор – отчасти потому, что она уже делала это полутора десятком лет ранее, когда меня назначили директором ЦРУ. Увы, она не смогла откликнуться, потому что собиралась в путешествие, и тогда я попросил провести церемонию вице-президента Чейни. С моей стороны это был знак дружбы и уважения. Бекки держала в руках Библию, которую родители подарили мне на мой шестнадцатый день рождения.

Спустя пятьдесят восемь дней после первого разговора со Стивом Хэдли я стал новым министром обороны Соединенных Штатов Америки, которому предстояло выиграть две войны, и руководителем лучшей армии в истории человечества. В своем кратком слове я пообещал вскоре отправиться в Ирак, встретиться с командирами боевых подразделений, выслушать их советы – «без уверток и когда рубят сплеча» – по поводу того, как нам действовать в ближайшие недели и месяцы. Я также сказал, что ситуация в Афганистане чревата осложнениями и необходимо приложить конкретные усилия, дабы этого не допустить. А затем вернулся к вопросу, который затронул на слушаниях по моему утверждению:

«Как мы отреагируем на эти и другие вызовы в регионе в ближайшие два года – наш выбор определит, продолжат ли Ирак, Афганистан и другие страны, ныне находящиеся на перепутье, поступательное движение к стабильному государственному устройству и станут ли они нашими надежными союзниками в глобальной войне с терроризмом, либо в них возобладают экстремизм и хаос. Все мы хотим, чтобы сыновья и дочери Америки как можно скорее вернулись домой. Но президент ясно дал понять, что мы просто не вправе потерпеть поражение на Ближнем Востоке. Провал в Ираке на данном этапе обернется катастрофой, которая станет преследовать нацию, подорвет доверие мира к Америке и поставит страну под угрозу на десятилетия вперед».

Веселую ноту к происходящему получилось добавить много часов спустя. В своем благодарственном слове я упомянул, что на церемонии присутствует моя девяностотрехлетняя мать. Комик и телеведущий Конан О'Брайен использовал мои слова в своем вечернем шоу. Он пошутил так – мол, мама подошла ко мне после церемонии, поздравила, поцеловала и сказала: «А теперь ступай и надери задницу кайзеру»[11].

Глава 2
Ирак, Ирак и снова Ирак

В списке моих первоочередных задач на посту министра обороны наивысший приоритет имела ситуация в Ираке. Политики и журналисты до моего утверждения в должности и после нее были практически единодушны: о моей эффективности на этом посту будут судить в первую очередь по тому, насколько удачно я разберусь с иракской проблемой. А разбираться было с чем, учитывая рост насилия, очевидные бреши в безопасности, которыми активно пользовались местные экстремисты, слабость нового иракского правительства, а также безусловный провал американской военной стратегии (к середине декабря 2006 года этого не видел только слепой).

Что ж, Соединенные Штаты воевали на два фронта каждый день на протяжении четырех с половиной лет, когда я возглавлял министерство обороны. Я принимал непосредственное участие в разработке новых стратегий и доктрин – в Пентагоне и в Белом доме, а затем принимал на себя ответственность за реализацию этих планов. Я подбирал, повышал в звании – и при необходимости увольнял – боевых командиров и штабных офицеров; я обеспечивал командиров и войска требуемым снаряжением; я возложил на себя заботу о наших солдатах и их семьях; наконец, я добивался для армии политической поддержки в конгрессе, достаточной для осуществления поставленных целей. Все эти годы мне приходилось ступать по минному полю политики, дипломатии и оперативной тактики, как на фронтах, так и в Вашингтоне. Военные действия велись в Ираке и Афганистане; политические баталии разворачивались в Вашингтоне, Багдаде и Кабуле. И, вместе с президентом, я непременно оказывался в них на передовой.

При этом иракский театр военных действий не был для меня абсолютно новым.

Война в Персидском заливе

Я входил в состав немногочисленной группы старших чиновников администрации Буша-41, глубоко вовлеченной в планирование войны в Персидском заливе в 1991 году. Ближе к завершению войны я пришел к убеждению, что мы допустили стратегическую ошибку, не вынудив Саддама сдаться нашим

генералам (лично, а не через эмиссаров), не заставив его взять на себя персональную ответственность, не унизив его лично (как человека, не как правителя) и даже не арестовав его прямо при объявлении о капитуляции. 15 февраля 1991 года Буш, как он вспоминал в своих мемуарах, заявил на пресс-конференции, что основным условием прекращения кровопролития в Ираке будет «решимость иракского народа и армии свергнуть Саддама». Президентская команда нисколько не сомневалась, что масштабы поражения побудят иракских военных лидеров расправиться с Саддамом.

К нашему изумлению и ужасу, почти сразу после завершения наступательных действий Америки шииты на юге и курды на севере спонтанно восстали против власти Саддама. Они восприняли заявление президента США – слова, адресованные иракской армии, – как призыв к народному восстанию. Пожалуй, нам следовало быть более конкретными в высказываниях – хотя, полагаю, восстание вспыхнуло бы в любом случае. Нас публично критиковали за то, что мы оставили режиму Хусейна вертолеты (иракцы уверяли, что авиатехника необходима для восстановления страны, ведь мы разрушили большую часть автодорог и мостов); в итоге повстанцев расстреливали с вертолетов, но все же главный удар нанесли сухопутные войска и танковые части, потопившие оба восстания в крови. Между тем Саддам воспользовался суматохой, порожденной восстаниями и их подавлением, чтобы вырезать и расстрелять сотни своих генералов из опасения, что они замышляют подобное против него самого. Ни курды, ни шииты – последние в особенности – так и не простили нас за то, что мы не пришли к ним на помощь, фактически убедив, как они верили, взять в руки оружие.

Еще администрацию усиленно критиковали за то, что Буш-41 не отправил армию на Багдад, дабы гарантировать смену правительства. Мы же считали, что такие действия не санкционированы резолюциями Совета Безопасности ООН, на основании которых мы выстроили союзную коалицию, куда вошли в том числе и арабские страны. Двинься мы на Багдад, как требовала общественность, коалиция неминуемо бы распалась. Да, возможно, в краткосрочной перспективе нарушение обязательств и последующий распад коалиции не имели бы принципиального значения, но подобный шаг автоматически сводил на нет любые наши усилия по созданию другой коалиции для решения общемировых проблем. Кроме того, я неоднократно говорил коллегам и журналистам, что Саддам не будет попивать чай на веранде в ожидании американцев, которые отправятся его арестовывать. Он наверняка заляжет на дно, и нам придется

оккупировать значительную часть территории Ирака, чтобы отыскать его и разгромить ожесточенно сопротивляющихся приспешников, на чьей стороне вдобавок – преимущество, так сказать, домашнего поля.

В итоге война закончилась в феврале 1991 года, и Саддам остался у власти; Ирак подвергся суровым международным санкциям, которые резко ограничили импорт и установили квоты на экспорт иракской нефти; шииты и курды расплачивались за свои выступления. В последующие годы Саддам использовал все доступные ему способы, чтобы облегчить бремя санкций, направляя доходы от реализации программы «Нефть в обмен на продовольствие» (иракскому режиму позволили продавать ровно столько нефти, сколько требовалось для приобретения продуктов и лекарств) в свой карман и тайно контролируя хитроумную операцию по контрабанде нефти в Иран для продажи. Существенная доля этих денег пошла на строительство еще нескольких десятков гигантских и безвкусных дворцов, которые мы впоследствии захватили.

Никто из нас в начале 1990-х годов не сомневался, что Саддам при первой же возможности возобновит исследовательские программы, которые велись в Ираке до войны, – по разработке биологического, химического и ядерного оружия. Обширная инспекция, предпринятая по завершении боевых действий, обнаружила неопровержимые доказательства того, что иракцы продвинулись в разработке ядерного оружия намного дальше, чем полагала разведка США. Мы настолько были уверены, что Ирак использует химическое оружие, что наши первые подразделения, которые пересекли иракскую границу, двигались в костюмах химической защиты (а в них, смею заметить, невыносимо жарко и неудобно даже в феврале). Пока инспекторы продолжали работать в Ираке и пока строго соблюдались санкции, шансы на то, что Саддам сумеет возобновить программы производства оружия массового поражения, были минимальными.

Но с годами Саддам опять становился все более агрессивным, постоянно ограничивал сферу контроля инспекторов, благодаря чему инспекции в практическом смысле благополучно закончились в 1998 году. Соблюдение санкций также постепенно ослабевало, по мере того как правительства ряда стран – Франции, России, Германии и Китая в частности – находили лазейки для нефтяных контрактов и других деловых взаимоотношений с иракцами. К 2003 году большинство правительств и разведывательных служб пришли к выводу, что Саддам преуспел-таки в возобновлении программ разработки

вооружений. Эта точка зрения подкреплялась неумеренным хвастовством Саддама и его громкими заявлениями, цель которых состояла в том, чтобы ввести в заблуждение собственный народ и запугать соседей Ирака. В результате осенью 2002 года Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию номер 1441, которая требовала полной и тщательной проверки действий Ирака по реализации программ разработки вооружений и повторного введения строгого международного контроля. Нарушителям резолюции грозили суровые кары. Саддам тем не менее продолжал свои игры с инспекторами и международным сообществом. Как напишет несколько лет спустя Кондолиза Райс: «Да, мы вторглись в Ирак, потому что полагали, что у нас не осталось выбора. Санкции не действовали, инспекции проводились сугубо формально, и мы не могли заставить Саддама уйти цивилизованными способами». Чем дольше затягивалась война, тем все меньше и меньше людей разделяли эту логику.

Группа по изучению Ирака

Уйдя в отставку с поста директора ЦРУ в январе 1993 года, я лишился доступа к секретной информации – и был тому только рад. Я с радостью и облегчением покинул Вашингтон, и одна из многих причин переселения на Тихоокеанское побережье заключалась в том, что там меня не будут одолевать предложениями поработать в составе бесчисленных специальных комитетов, комиссий «с голубой лентой»[12] или исследовательских групп, плоды чьих усилий почти всегда остаются собирать пыль на книжных полках каких-нибудь политиков. Но я продолжал активно читать газеты и на основе прочитанного – а также на основе своих знаний о поведении Саддама в 1980-х и начале 1990-х годов – заключил, что с великой долей вероятности он возобновил разработки оружия массового уничтожения, что санкции в основном неэффективны и что этот человек одержим чрезвычайно опасной манией величия. Поэтому я поддержал решение Буша-43 снова вторгнуться в Ирак и наконец-то свергнуть Саддама.

Тем не менее меня потрясло, простите за прямоту, удивительное головотяпство, которым ознаменовался военный успех, – в частности, неспособность командиров остановить разграбление Багдада, роспуск иракской армии и драконовская, по сути, политика дебаасификации (Саддам возглавлял партию Баас). Казалось, Америка твердо вознамерилась проигнорировать все уроки денацификации Германии после 1945 года. В равной

степени меня изумило, что после Вьетнама армия США, похоже, напрочь забыла, как вести контрпартизанскую войну.

Я выступил с речью 1 мая 2003 года, менее чем через шесть недель после начала войны, и так сформулировал свою точку зрения:

«Ситуация, с которой мы столкнулись сегодня [в Ираке], слегка напоминает погоню собаки за автомобилем. Да, мы вцепились в колесо, машина у нас в зубах – но что делать дальше?

Я убежден, что послевоенные перемены намного важнее самой войны. Лишь в последние дни американское правительство начало осознавать тот огромный потенциал, то влияние, каким обладает в Ираке шиитское большинство, а также возможность того, что демократический Ирак вполне может оказаться фундаменталистским шиитским Ираком… Курды на севере наверняка потребуют как минимум автономии. И какая же судьба ожидает суннитское мусульманское меньшинство в центре страны, угнетаемое одновременно курдами и шиитами? Наконец, не стоит забывать, что восстановление Ирака, обеспечение населения продовольствием и медицинскими услугами, возрождение экономики после международных санкций и десятилетий баасистского социализма – задача не из легких; впрочем, я уверен, что это сделать проще, чем реализовать в Ираке наши политические устремления.

По всем перечисленным причинам я считаю, что Соединенным Штатам следует в ближайшее время согласиться на замену нашего контингента в Ираке подразделениями многонациональных миротворческих сил – возможно, под общим руководством НАТО. И приступить к этому нужно, как только позволит обстановка… Мы совершим серьезную ошибку, если продержим сотню тысяч или около того американских солдат в Ираке дольше нескольких месяцев».

Даже при том, что ситуация с безопасностью в стране продолжала ухудшаться, иракцы – с щедрой помощью США и других держав – провели в 2005 году две избирательные кампании, получившие высокую оценку наблюдателей: первые выборы состоялись 30 января, вторые – 16 декабря, и явка была довольно высока, учитывая обстоятельства. Правда, формирование после декабрьских выборов коалиционного правительства, куда вошли бы представители ряда шиитских партий, курдов и политически приемлемых суннитов, обернулось немалыми сложностями. Переговоры затягивались, и тут, 22 февраля 2006 года, произошел террористический акт в шиитской святыне, мечети Аль-Аскари в Самарре. Взрыв спровоцировал

чудовищную резню на религиозной почве, волна насилия покатилась по стране. К октябрю каждый месяц погибало около трех тысяч мирных иракцев. Среднее число нападений на военнослужащих США в день возросло с 70 в январе 2006 года до 180 в октябре.

Наряду с ухудшением ситуации в Ираке в течение всего 2006 года усугублялся и политический кризис в Вашингтоне. Президентский рейтинг неуклонно снижался, опросы общественного мнения демонстрировали негативное отношение американцев к войне, а конгресс, так гордившийся своей партийной беспристрастностью в вопросах национальной безопасности на протяжении десятилетий, все чаще выказывал именно партийные пристрастия, когда речь заходила о войне: большинство демократов – против, большинство республиканцев – за (при этом приводя все больше оговорок).

Очевидный раскол в настроениях населения США и нарастание хаоса в Ираке побудили конгрессмена-республиканца Фрэнка Вульфа, фактически постоянного представителя Северной Виргинии, выступить в начале 2006 года с предложением создать межпартийную группу в составе известных республиканцев и демократов, не участвующих в работе администрации, с целью разработки новой иракской стратегии на благо Соединенных Штатов; эту новую стратегию планировалось представить президенту, заручившись поддержкой обеих палат конгресса. Вульф подсчитал, что на финансирование деятельности группы понадобится чуть более миллиона долларов, которые вполне может выделить Институт мира[13]. Также предполагалось, что работу группы поддержат Центр стратегических и международных исследований, Центр по изучению деятельности президентов и конгресса и Институт общественной политики имени Джеймса А. Бейкера-третьего при Университете Райса. Бывший государственный секретарь Джим Бейкер и бывший конгрессмен от Индианы Ли Гамильтон согласились стать сопредседателями новой организации, позднее получившей известность как Группа по изучению Ирака.

Бейкер позвонил мне в феврале и предложил войти в число пяти республиканцев в группе. У нас с ним хватало мелких разногласий в годы президентства Буша-41 (я тогда исполнял обязанности заместителя советника по национальной безопасности), но я искренне уважал Бейкера и считал его одним из лучших госсекретарей в истории США. Помнится, я даже как-то сказал, что всегда радовался, что на дипломатических переговорах он представляет именно нашу страну. Перво-наперво я поинтересовался у него, одобряет ли президент эту инициативу

– ведь иначе вся затея оказалась бы пустой тратой времени. Джим ответил, что, когда ему предложили сопредседательство, он сразу позвонил Бушу-43 и задал тот же самый вопрос. Как и мне, ему совершенно не хотелось заниматься делом, которое президент и его соратники могли расценить как политическое предательство. Джим заверил меня, что Буш-43 обеими руками за. Позднее я пришел к выводу, что президент не столько нас поддерживал, сколько предпочел уступить – возможно, в надежде, что мы и вправду выдвинем некие полезные идеи или хоть как-то поможем урегулировать политический кризис в Штатах.

Поскольку рекомендации Группы по изучению Ирака, обнародованные в день слушаний по моей кандидатуре в сенате, сыграли важную роль в дебатах по Ираку в 2007–2008 годах, следует, как мне представляется, уделить внимание практической работе группы, тем более что итоговые рекомендации группы удивили меня самого.

Другими республиканцами в составе группы были судья Верховного суда (в отставке) Сандра Дэй О'Коннор, бывший генеральный прокурор Эд Миз и бывший сенатор от штата Вайоминг Алан Симпсон. Демократов возглавлял Ли Гамильтон, компанию которому составляли бывший директор Административно-бюджетного управления (АБУ) и глава администрации Белого дома Леон Панетта, бывший сенатор от Виргинии Чак Робб, вашингтонский юрист Вернон Джордан и экс-министр обороны Уильям Перри. Гамильтон в свою бытность в конгрессе председательствовал в комитетах по разведке и по международным делам, и с ним мы были знакомы без малого двадцать лет. Я знал Ли как человека чрезвычайно целеустремленного, приверженца интеллектуальной честности и был рад продолжению нашего сотрудничества.

В опубликованном докладе Группы по изучению Ирака, к сожалению, не отражено, как приятно нам было работать вместе. Симпсон постоянно отпускал уморительные шутки, Панетта и Джордан старались от него не отставать, Бейкер мрачновато язвил, Гамильтон демонстрировал чувство юмора, типичное для уроженцев Индианы, и все отлично ладили. Да, мы вполне сознавали важность задачи, но не видели причин трудиться с постными физиономиями.

Практическая работа группы началась с первой встречи, состоявшейся 15 марта. Всего мы собирались восемь раз, всегда в Вашингтоне. Наши усилия были сосредоточены на оценке стратегической обстановки в самом Ираке и вокруг него; мы изучали вопросы безопасности Ирака и принципиальные условия ее повышения; исследовали политический климат Ирака после

выборов и формирования нового правительства, а также анализировали процессы восстановления экономики. Мы составили список экспертов по каждому из этих четырех основных направлений, покорно приняли толстенные папки с документами для чтения, провели бесчисленное множество дискуссий и брифингов. Мы выслушали великое разнообразие мнений, побеседовали со всеми ключевыми фигурами в администрации, включая президента, бывших высокопоставленных правительственных чиновников и ряд старших военачальников; кроме того, нас консультировали полевые офицеры уровня командиров бригад, лидеры разведывательного сообщества, эксперты, конгрессмены, зарубежные официальные лица, журналисты и комментаторы.

Мы задавали много вопросов. Судья О'Коннор не имела опыта в международных делах и вопросах национальной безопасности, однако именно ей лучше всего удавалось добиваться ответов. Наблюдать за ней было весьма поучительно. Годы в Верховном суде научили ее мгновенно определять на слух хромающую логику, выделять сомнительные доказательства, непоследовательность и аналитические изъяны. Неизменно доброжелательная, но суровая, она «проколола» добрый десяток «воздушных шаров» в рассуждениях экспертов.

Лично для меня самой ценной и полезной с практической точки зрения оказалась поездка в Багдад с 30 августа по 4 сентября. Нас в этой поездке было семеро. По пути в Кувейт самолет совершил посадку в аэропорту Шеннон в Ирландии для дозаправки. Мы с Панеттой устремились к винным рядам в магазине дьюти-фри, предполагая, что в Багдаде такого алкоголя не найти. (Двум будущим министрам обороны и в голову не пришло, что мы нарушаем приказ номер 1 по воинскому контингенту США, запрещающий употребление спиртного на территории Ирака.) Гамильтон занял единственную на борту кровать на пути туда, а Бейкер – на пути обратно; тот, кто остался без кровати, спал прямо на полу. Остальные пятеро тоже спали на полу или в креслах.

В Кувейте, где было ужасно жарко и ветрено, мы пересели на военный транспортник на Багдад, где температура ожидалась еще выше. Пассажиры этого рейса являли собой крайние противоположности. С одной стороны – несколько десятков чрезвычайно подтянутых молодых солдат, которые направлялись в зону боевых действий. Шлемы, бронежилеты, штурмовые винтовки… Могу только догадываться, о чем они думали, особенно учитывая постоянно возраставший уровень насилия в стране. С другой стороны – мы семеро, всем лет по шестьдесят-

семьдесят, смотревшиеся невероятно глупо в пиджаках и брюках, с которыми никак не сочетались выданные нам бронежилеты и шлемы. Наш облик напомнил мне предвыборное фото Майкла Дукакиса 1988 года – в танке и в танкистском шлеме. Солдаты наверняка спрашивали себя, с какой стати этих штатских идиотов понесло в Ирак и что, во имя всего святого, они там забыли. По прибытии в аэропорт Багдада мы пересели в вертолеты и отправились в комплекс посольских зданий. Каждый вертолет имел на борту по два стрелка, вооруженных авиационными пулеметами калибра 12,7 мм. Когда мы находились в воздухе, вертолеты, к нашему перепугу, вдруг принялись отстреливать ловушки; новичков просветили – это способ борьбы с ракетами, наводящимися по тепловому следу, однако порой бортовой компьютер выбрасывает ловушки автоматически, из-за помех от линий электропередачи. Ни одно объяснение не внушало спокойствия.

Мы заночевали в посольском комплексе, сердцем которого был один из многочисленных огромных дворцов Саддама, с бассейном и отдельно стоявшим гостевым домом. Нас разместили в этом гостевом доме. Когда около двух часов утра электропитание (и кондиционеры) вдруг отключилось, сразу стало чудовищно жарко. Я решил узнать, можно ли что-либо сделать, чтобы восстановить электроснабжение. Я вышел из дома в футболке и шортах. Мимо как раз проходил молодой солдат, тоже в футболке и шортах – и со штурмовой винтовкой, – и я попытался объяснить ему наши затруднения. Он никак не прореагировал (наверное, это вполне объяснимо), ничуть не проникся нашими невзгодами – и отправился дальше по своим делам, не проронив ни слова.

В Багдаде мы работали с 31 августа по 3 сентября. Мы общались напрямую с боевыми командирами, беседовали с послом и сотрудниками посольства, с дипломатами из других стран и, конечно, использовали любую возможность, чтобы переговорить с иракскими лидерами. Каждый день заседания и переговоры занимали по двенадцать часов. От американцев и иностранных дипломатов мы не услышали почти ничего такого о тяжелой ситуации в Ираке, чего не знали раньше, хотя, безусловно, эти рассказы добавили много подробностей к нашим предварительным впечатлениям. Генерал Джордж Кейси, командующий американскими войсками в Ираке, заявил, что иракцам необходимо решить четыре важнейших задачи: создать федеральную структуру управления, провести дебаасификацию, обуздать местные ополчения и научиться распределять доходы от продажи нефти. Еще он подчеркнул, что скорый вывод

американского контингента будет иметь «ужасающие» стратегические последствия. По мнению Кейси, очень важно попытаться поставить иракцам цели и сроки, и «к концу года мы должны понимать, в состоянии иракское руководство управлять или нет». В отсутствие посла человеком номер два в нашем посольстве был Дэн Спекхард, и он сказал нам, что нужны такие улучшения в области безопасности, которые окажутся заметными для иракцев, особенно в Багдаде.

Мы также довольно долго беседовали с генерал-лейтенантом Питом Кьярелли, командующим Международными коалиционными силами в Ираке, прямым командиром наших войск в боевых операциях. Кьярелли произвел на всех нас великолепное впечатление своим вдумчивым анализом ситуации – почему мы должны защищать местное население, развивать экономику и обеспечивать рабочие места, в противном случае молодые иракцы по-прежнему будут вместо лопаты хвататься за автомат. Он упомянул о том, что хотел бы видеть в стране больше американских гражданских специалистов и экспертов по развитию, а не только военнослужащих, и сказал, что шаги, подобные восстановлению канализации в Багдаде, окажут на ситуацию куда более благоприятное влияние, нежели военные победы. Еще Кьярелли, словно вторя Спекхарду, много говорил о повышении уровня безопасности в столице как залоге общего успеха.

Среди подчиненных генерала Кейси никто не предложил нам увеличить численность американского контингента (а мы постоянно задавали этот вопрос) – возможно потому, что против этого выступали сам Кейси и его босс, глава Центрального командования[14] генерал Джон Абизаид, полагавшие, что присутствие большого числа военных США расслабляет иракцев и мешает последним принимать на себя больше ответственности за собственную безопасность. Кьярелли, напротив, был уверен, что безопасность Багдада не обеспечить без развертывания дополнительных американских частей; как мне довелось узнать позднее, другие генералы, в том числе Рэй Одиерно[15], поддерживали эту точку зрения и искали союзников в Вашингтоне.

Сочтя, что от нас утаивают некоторые факты, Билл Перри в частном порядке встретился с Кейси и Кьярелли по отдельности, но не узнал ничего нового. Я, тоже в частном порядке, пообщался с главой отделения ЦРУ в Багдаде; его оценка ситуации в целом совпадала с позицией Кьярелли. Я спросил, каковы отношения между ЦРУ и военными, и он ответил: «Знаете, сэр, гораздо лучше, чем когда вы были директором ЦРУ». Я не обиделся – во-

первых, он говорил правду, а во-вторых, это было еще мягко сказано. Тесное сотрудничество, которое продолжало углубляться, привело в итоге едва ли не к революции в сотрудничестве в режиме реального времени между разведкой и армией.

Несмотря на требования секретности, мы узнали довольно много из откровенных бесед с американскими военными и сотрудниками посольства. Если коротко, суть их взглядов сводилась к следующему: битву за Багдад необходимо выиграть, нужно увеличить наше военное присутствие в тех районах города, где угроза нападения повстанцев и экстремистов устранена и требуется восстановить инфраструктуру, а вот новые подразделения американских войск в Ираке ни к чему; к концу года желательно сформулировать методики оценки успехов Ирака в обеспечении безопасности, развития экономики и межнационального и межконфессионального примирения; если таковое примирение действительно удастся реализовывать, придется принять соответствующие меры в отношении шиитов, причастных к насилию; еще потребуется эффективный контакт с суннитами, нейтрализация Сирии, недопущение дальнейшего сотрудничества экстремистов-шиитов с Ираном; необходимо добиться общего прогресса в мирном процессе на Ближнем Востоке, а также организовать систему региональной взаимопомощи. И все были согласны, что Соединенным Штатам попросту нельзя потерпеть неудачу в Ираке. Эти соображения в значительной мере составили основу рекомендаций Группы по изучению Ирака.

Мы также встретились с главами багдадских бюро крупнейших новостных каналов США. Их оценка ситуации балансировала на грани откровенного пессимизма. Мы услышали, что положение ухудшается день ото дня не только из-за конфликта между шиитами и суннитами, но и из-за внутренних шиитских склок; что американские военные и Государственный департамент «играют в молчанку»; что журналисты не чувствуют себя в безопасности, поскольку их плохо охраняют – не хватает солдат; что прошлым летом наблюдался фактический исход из страны иракского среднего класса и интеллектуалов; наконец, что налицо распад страны на враждебные друг другу регионы.

Встречи с иракцами заставили нас полностью осознать масштабы политического вызова. Сначала мы встретились с премьер-министром Нури аль-Малики, генеральным секретарем немногочисленной партии «Дава», компромиссной кандидатурой, которую одобрили именно потому, что у его партии не было

серьезных политических амбиций. Аль-Малики призвал не преувеличивать текущие проблемы Ирака и заявил, что во многом нынешние неурядицы – следствие подрывной деятельности баасистов и сторонников Саддама, проникших в правительство либо разбежавшихся по стране. Похоже, этот человек пребывал в каком-то вымышленном мире, никак не связанном с реальностью.

Сунниты жаловались (у них были к тому все основания), что министерство внутренних дел Ирака кишит экстремистами-шиитами и бойцами «эскадронов смерти», причем даже называли имена тех, кто причастен к нападениям на коалиционные силы и на общины суннитов. Они утверждали, что во многом за хаосом в Ираке стоит Иран и что с тех пор, как напряженность в отношениях между Вашингтоном и Тегераном возросла из-за трений в вопросе о ядерном оружии, Тегеран начал все более активно поддерживать местных экстремистов. Лидеры шиитов, с которыми мы встречались, в том числе религиозные, говорили, что Саудовская Аравия, Сирия и Иран неприкрыто вмешиваются во внутренние дела Ирака. Ни шииты, ни сунниты, впрочем, не могли привести конкретных фактов, да и о катастрофических последствиях бесчинств доморощенных радикалов тоже как-то не упоминали. (После встречи с лидером шиитской общины Ирака Абдом аль-Азизом аль-Хакимом я сказал Бейкеру – у меня было полное ощущение, что этот человек предпочел бы поставить нас к стенке, а не вести переговоры.)

Доктор Салех аль-Мутлак, курд, представлявший Иракский фронт национального диалога, предоставил нам самую продуманную и реалистичную оценку ситуации. По его словам, Ирак относится к глубоко травмированным социумам, а посему любые ожидания по поводу скорого перехода к демократии «совершенно фантастичны». Ирану нужен слабый Ирак, в котором Соединенные Штаты увязнут как в болоте, а 140 000 американских солдат окажутся «заложниками». Шиитам следует осознать, что они не в состоянии контролировать все рычаги власти, а суннитам хорошо бы наконец понять, что они больше никогда не получат власть в прежнем объеме. Доктора аль-Мутлака беспокоило то обстоятельство, что шииты пытаются потеснить суннитов: «Все наши проблемы – из-за политики: если ее устранить, все постепенно наладится».

Наш визит в Ирак был критически важен по простой причине: кое-что нужно увидеть своими глазами и кое о чем услышать собственными ушами, чтобы воспринять картину целиком. Никакой брифинг в Вашингтоне не способен подменить общение с иракцами в полевых условиях, на расстоянии вытянутой руки (и не только с иракцами, но и с нашими соотечественниками на

фронте, если уж на то пошло). Мы старались относиться беспристрастно и непредвзято ко всему, что наблюдали, – в том числе к роскошному ужину, который устроил в нашу честь президент Джаляль Талабани и на котором столы были уставлены очень дорогим виски.

В целом впечатление от поездки осталось самое тоскливое. Я вернулся в твердом убеждении, что к длинному списку просчетов, который составляли противники боевых действий на Среднем Востоке, следует добавить еще один: мы не имели ни малейшего представления о том, в каком угнетенном состоянии пребывал Ирак до войны – состоянии экономическом, социальном, культурном, политическом, с позиций инфраструктуры или системы образования… В общем, с любой точки зрения. Десятилетия правления Саддама, который нисколько не заботился о благе иракского народа, восемь лет войны с Ираном, разрушения, причиненные войной в Персидском заливе, двенадцать лет суровых санкций – все это означало, что фундамент для перезапуска иракской экономики по большому счету отсутствовал, не говоря уже о фундаменте для создания демократического правительства, учитывающего потребности народа. Неужели мы намерены настаивать, что наш партнер, первое демократически избранное правительство за всю четырехтысячелетнюю историю Ирака, в состоянии решить в течение года или около того фундаментальные политические проблемы, стоящие перед страной? Это даже не научная фантастика.

Исследовательская группа провела еще одно совещание в середине сентября, а затем встретилась 13 ноября, чтобы приступить к выработке рекомендаций. Я покинул группу 8 ноября, когда было объявлено о моем назначении на должность министра обороны. Освободившуюся вакансию заполнил бывший госсекретарь Ларри Иглбергер.

Еще в Багдаде Билл Перри набросал черновик проекта: три с половиной страницы с перечислением мер, которые следует предпринять для улучшения ситуации в Ираке. Набросок Перри начинался резким заявлением: «Последствия неудачи в Ираке будут катастрофическими – куда более катастрофическими, нежели последствия неудачи во Вьетнаме». Билл охарактеризовал политические и экономические шаги, которые, по его мнению, нужно совершить, но основное внимание уделил безопасности и перспективам операции «Вместе вперед», совместного плана иракской армии, американского контингента и иракской полиции по наведению порядка в Багдаде.

Билл писал: «Чрезвычайно важно, чтобы иракское

правительство предоставило достаточно армейских подразделений для поддержки усилий полиции по недопущению повторного проникновения террористов в очищенные [безопасные] районы. Подчеркну, что многочисленный американский корпус, действующий в сотрудничестве с местными силами, способен гарантировать более высокую вероятность успеха… Трудности, сопровождающие подобную операцию, очевидны, но нельзя отрицать критической важности этой операции для нашей кампании в Ираке».

Билл четко дал понять, что призывает к «кратковременному усилению», и предложил в качестве подкрепления резервные части, дислоцированные в Кувейте и Германии.

Вскоре после нашего возвращения из Багдада Чак Робб (он пропустил совещание в середине сентября) представил собственный меморандум. Охарактеризовав набросок Перри как «отличную отправную точку», он продолжил: «Я считаю битву за Багдад ключевым элементом, который определит степень нашего влияния не только в Ираке, но и в регионе в целом на ближайшие по крайней мере десять лет (по всей вероятности, гораздо дольше). На мой взгляд, мы не можем допустить поражения – и в равной степени не можем сохранять статус-кво… Мне видится необходимым в ближайшее время существенно увеличить численность сухопутных сил США, на короткий период, и придать им, где это возможно, подкрепление из состава сил коалиции. За редкими исключениями, пополнения следует привлекать извне, а не с рассматриваемого театра военных действий».

Пятнадцатого октября, всего за шесть дней до звонка Хэдли с предложением занять министерский пост, я направил Бейкеру и Гамильтону электронное письмо со своими соображениями. В письме я указал, что фраза Робба «Мы не можем допустить поражения – и в равной степени не можем сохранять статус-кво» должна открывать наш доклад. Далее я написал:

«1. Необходимо краткосрочное и значительное увеличение численности контингента США из-за пределов Ирака, чтобы зачистить и удержать [обеспечить устойчиво безопасную обстановку] Багдад и дать иракской армии время на закрепление в городе. Предварительная оценка – потребуется от 25 000 до 40 000 человек на срок до шести месяцев.

2. До развертывания войск следует установить для иракского правительства четкие ориентиры по соблюдению достигнутых договоренностей, от национального примирения до справедливого распределения нефтяных доходов. Также следует однозначно и недвусмысленно объяснить иракскому правительству, что усиление нашего контингента – мера

исключительно временная, и что успех в достижении контрольных показателей определит график вывода основных американских сил после завершения указанного периода».

Мои другие рекомендации – составленные на основании того, что я слышал в Вашингтоне и Багдаде, – заключались в следующем: созвать региональную конференцию, на которую пригласить и Сирию, и Иран, для обсуждения стабилизации и вариантов помощи Ираку, а также «наглядно и решительно» продемонстрировать возвращение США в качестве посредника в мирном урегулировании конфликта между Израилем и Палестиной. Оба этих шага ставят целью создание более благоприятного для нас политического климата на Ближнем Востоке, и они, возможно, помогут улучшить политическую обстановку в Багдаде. Я также рекомендовал назначить «самого высокопоставленного» чиновника Белого дома, кого-то из ближнего окружения президента, для координации всех усилий по улаживанию ситуации в Ираке; эта рекомендация проистекала из моего глубокого убеждения, что нам категорически не хватало именно координации и интеграции гражданских усилий. В завершение я предложил отказаться от ротации офицеров на уровне командира батальона и выше на весь срок усиления контингента и обязать Государственный департамент заполнить открытые вакансии в Ираке, если понадобится – в приказном порядке. Эти меры, по моему мнению, должны были помочь – ведь в условиях войны равно чреваты неприятностями и слишком частая смена боевых офицеров с опытом пребывания в Ираке, и недостаточное число гражданских специалистов.

К середине октября всего три члена Группы по изучению Ирака представили свои рекомендации на бумаге – два демократа и один республиканец; они единодушно утверждали, что усиление армейского контингента в Ираке за счет подразделений из других регионов необходимо для стабилизации ситуации в Багдаде, каковая, в свою очередь, имеет решающее значение для успеха в Ираке в целом. Тем не менее, когда группа в середине ноября опубликовала проект доклада, в нем об увеличении численности вооруженных сил США в Ираке не упоминалось. Только на семьдесят третьей странице проекта из девяноста шести мимоходом говорилось, что Группа поддерживает краткосрочную передислокацию американских армейских частей для стабилизации положения в Багдаде – либо необходимо ускорить подготовку и снаряжение иракских позразделений.

Я никогда не обсуждал этот проект со своими бывшими коллегами по группе, так что могу только предполагать: победа демократов на промежуточных выборах, обеспечившая им

большинство в обеих палатах конгресса, и стремление продемонстрировать «экспертное единомыслие» ради усиления политической значимости доклада обернулись фактическим отказом от очевидного и весьма перспективного шага. Скажу честно, я был сильно разочарован.

Натиск: первая фаза «Большой волны»

Несмотря на то что широкой публике президент всегда демонстрировал уверенность, к весне 2006 года, полагаю, он уже отчетливо понимал, что текущая иракская стратегия себя не оправдала. Генералы Кейси и Абизаид большую часть года занимались передачей ответственности за поддержание безопасности в стране местным вооруженным силам; более того, еще в начале года Кейси заявил, что рассчитывает сократить военное присутствие США в Ираке с пятнадцати до десяти бригадных тактических групп к декабрю. (Личный состав каждой группы – в среднем около 3500 человек, плюс персонал поддержки, включая логистику, связь, разведку и вертолетчиков.) Да, после терактов в Самарре всякие разговоры о том, что ситуация в стране стабилизируется, воспринимались как откровенная насмешка, но все планы по увеличению численности нашего контингента встречались в штыки на том основании, что американские солдаты служат мишенями для террористов: чем больше американцев, следовательно, тем чаще будут нападения; вдобавок, ощущая наше дыхание за спиной, иракцы никогда не научатся самостоятельности. Словом, оперативное командование сосредоточило усилия на передаче полномочий.

Между тем в Вашингтоне к концу лета, вопреки громким публичным заявлениям о близкой победе, было составлено по меньшей мере три доклада с анализом реального положения дел. Основной доклад подготовили Стив Хэдли и СНБ; также отметились Госдепартамент (отчет советника госсекретаря Райс Филипа Зеликова) и Пентагон (отчет под общим руководством председателя Объединенного комитета начальников штабов Пита Пэйса).

После утверждения в должности (но еще до приведения к присяге) я высказал президенту и Хэдли свои соображения по Ираку на приватном завтраке 12 декабря в небольшой столовой, примыкающей к Овальному кабинету. Я предложил президенту направить Малики послание, подчеркивающее значимость достигнутого момента для лидеров обеих стран. Что-нибудь в таком духе: «Пора решаться. Какая страна вам нужна? И нужна ли вам страна вообще? Альтернативой будет хаос». Я настаивал на форсировании событий, чтобы добиться определенности. Способен ли Малики действовать? Если нет, на кого можно

положиться? Наши люди в Багдаде, по-моему, упорно не желают вникать в суть происходящего, твердят о «некотором снижении террористической активности», совершенно не учитывая, что эта активность – как море: то отлив, то снова прилив. И хорошо бы четко осознать, к чему мы стремимся в Ираке экономически и политически. А ведь есть также Иран и Сирия, которым следует растолковать, что всякая помощь нашим врагам в Ираке неизбежно повлечет за собой суровое наказание. Я предложил привлечь к процессу урегулирования Саудовскую Аравию: шейхи уверяют, что обеспокоены, но до сих пор ограничиваются только словами. И наконец я спросил, что будет, если наша стратегия все же провалится? «Каков план Б?»

Мы стали обсуждать, когда именно президенту выступить с речью, если будет решено изменить стратегию и усилить наш контингент. Буш сказал, что подождет, пока я не вступлю в должность, не съезжу в Ирак в качестве министра обороны и не вернусь со свежими рекомендациями. Я возразил: нельзя допускать, чтобы ход событий определял дату выступления. Если президент не готов, то лучше повременить. «Тактическая пауза выгоднее стратегической ошибки», – подытожил я.

Тринадцатого декабря президент прибыл в Пентагон на встречу с Объединенным комитетом начальников штабов. Встреча состоялась в конференц-зале министерства – так называемом «Танке». На ней также присутствовали вице-президент, Дон Рамсфелд и я. Поскольку формально Рамсфелд еще оставался на своем посту, именно он говорил от лица министерства, а я в основном молчал. Однако эта встреча дала мне отличную возможность выяснить настроения основных игроков и оценить, как президент проводит рабочие совещания. Кроме того, мне представился шанс понаблюдать за штабистами и их взаимодействием с Бушем и Чейни. Президент озвучил идею усиления нашего контингента в Ираке. Все начальники штабов принялись его переубеждать, не только ставя под сомнение эффективность этого шага, но и ссылаясь на «негативное впечатление», которое данный шаг произведет на армию в целом. Дескать, в этом случае не избежать «подрыва боевого духа» вследствие многократных передислокаций и длительной разлуки военнослужащих с семьями – ведь усиление контингента неминуемо повлечет за собой увеличение продолжительности сроков службы в Ираке.

Я был поражен до глубины души очевидной оторванностью штабистов от реалий войны, их сосредоточенностью на теории и упованием на стечение обстоятельств. Никто – никто! – не упомянул о жизненной необходимости для нас одержать победу в

Ираке. Так впервые я лицом к лицу столкнулся с важнейшей проблемой, которую мне предстояло решать все годы на посту министра обороны, – наши военные руководители уделяли катастрофически мало внимания зарубежным кампаниям. Буш выслушал штабистов, ни разу не прервав, но потом негромко заметил: «Самый надежный способ потерять все – это проиграть в Ираке». В дальнейшем мне пришлось разбираться со всеми вопросами, которые поднимали начальники штабов, но с президентом я был согласен полностью.

Не могу не вспомнить электронное письмо, которое я получил приблизительно год назад, – от бывшего студента Техасского университета, ушедшего служить в Ирак. Он писал, что, конечно, он и его приятели хотят вернуться домой, но не прежде, чем задача будет выполнена и они убедятся, что их друзья погибли не напрасно. На мой взгляд, этот молодой офицер тоже согласился бы с президентом.

У нас с Хэдли 16 декабря состоялся долгий телефонный разговор в рамках подготовки к моей поездке в Ирак. Стив сообщил, что перед президентом я отчитаюсь о поездке 23 декабря, а затем все, кто отвечает за национальную безопасность, соберутся 28 декабря на ранчо в Кроуфорде, чтобы принять итоговое решение. Он подробно изложил мне предполагаемую повестку дня совещания в Кроуфорде – усиление контингента и стратегия для Багдада. Достаточно ли у Кейси ресурсов, чтобы обеспечить безопасность иракцев в Багдаде? Понимает ли генерал, что увеличение численности войск есть «способ выиграть время и пространство для маневра в ожидании, пока укрепится иракское правительство?» Возможно ли усилить одновременно контингенты в провинции Анбар – где суннитские шейхи понемногу рвут отношения с «Аль-Каидой» и повстанцами из-за их бессмысленной жестокости – и в Багдаде? Или же нам придется оставить Анбар подразделениям спецназа и суннитским племенам, готовым с нами сотрудничать? Как точнее описать саму новую стратегию – это повышение безопасности, обучение или то и другое? Если мы намерены координировать свои действия с иракцами, означает ли это сокращение численности американских войск, принимающих фактическое участие в боестолкновениях?

Девятнадцатого декабря, на следующий день после приведения к присяге, я встретился с Дэвидом Петрэусом[16]. Мне требовалось мнение старшего военного аналитика – специалиста по антипартизанской войне. Также я хотел поближе познакомиться с главным кандидатом на место Джорджа Кейси. Я спросил Петрэуса, на что обращать внимание в Ираке и какие

вопросы задавать. По сути, ответил он, вопрос всего один – что для нас приоритетнее: обеспечение безопасности иракского мирного населения или передача этой ответственности иракским вооруженным силам. Вероятно, второго мы не сумеем осуществить, пока не справимся с первым.

Несколько часов спустя я отправился в свою первую командировку в Ирак в должности министра обороны. Меня сопровождали Пит Пэйс и Эрик Эдельман, заместитель министра по политическим вопросам. Эта командировка кардинально отличалась от моей поездки в Ирак в качестве члена исследовательской группы. Из соображений безопасности мне выделили транспортный борт, но внутри оказался своего рода просторный трейлер, весьма комфортабельный и получивший в Пентагоне прозвище «Серебряная пуля». Меня ожидала персональная каюта с письменным столом и раскладным диваном. Ванная была настолько крохотной, что ею невозможно было пользоваться при закрытой двери. Еще в трейлере имелось что-то вроде приемной, со столом и креслом для секретаря, а также с маленьким холодильником, в третьей секции можно было усадить еще двух-трех человек. Тесноватое помещение для двенадцатичасового перелета, но с ним не шли ни в какое сравнение сиденья в грузовом отсеке, да и со звукоизоляцией в трейлере обстояло значительно лучше. Хотя… Иллюминаторов или окон в трейлере не было, поэтому сам себе я напоминал посылку, доставляемую «Федэксом»[17] через полмира.

По прибытии в Багдад, где меня встречали генералы Абизаид и Кейси, нас вертолетами перебросили в Кэмп-Виктори, огромный военный лагерь, включавший в том числе дворец аль-Фав, где размещалась штаб-квартира оперативного командования, и Объединенное бюро посетителей (ОБП). Гостиница ОБП занимала очередной саддамовский дворец, богато украшенный в стиле, который я называю «раннедиктаторским»: громоздкая тяжеловесная мебель и обилие сусального золота. Моя спальня размером была приблизительно с баскетбольную площадку и могла похвастаться грандиозной люстрой. Ванная изобиловала орнаментом, зато сантехники в ней было в обрез. С тех пор я останавливался в ОБП неоднократно и могу сказать, что после передачи управления комплексом Национальной гвардии условия проживания существенно улучшились. Тем не менее относительная «плюшевость» обстановки всякий раз меня коробила – ведь я знал, в каких условиях размещаются наши солдаты и офицеры. Больше не буду на этом останавливаться, скажу лишь, что у меня и моих сотрудников причин жаловаться не возникало – никогда.

Почти все два с половиной дня этой командировки в Ирак я уделил беседам с боевыми командирами. Именно тогда я познакомился с несколькими армейскими офицерами, чье мнение я научился ценить и уважать и чьему продвижению по службе содействовал в последующие годы, среди прочих – с генерал-лейтенантами Рэем Одиерно, Стэном Маккристалом и Мартином Демпси.

Еще я провел продолжительные «переговоры за едой» со всеми министрами иракского правительства. На сей раз эти переговоры оказались гораздо более продуктивными, нежели когда я приезжал в качестве члена исследовательской группы (ничего удивительного, если принять во внимание, насколько теперь мое мнение стало важным для будущего Ирака и этих людей).

С данной поездки я завел практику, которой впоследствии неизменно придерживался во время визитов в Ирак и Афганистан, а также при посещении любых военных объектов и подразделений. По моему поручению ко мне на обед приглашали с десяток военнослужащих – молодых лейтенантов и капитанов, солдат и сержантов-срочников и уорент-офицеров[18] среднего звена. Все они бывали со мной на удивление откровенны – наверное, отчасти потому, что я не приглашал на эти обеды никого из старших командиров; таким образом я узнавал много полезного.

Собираясь лететь из Багдада в Мосул, я провел свою первую пресс-конференцию в Ираке, на открытом воздухе перед зданием ОБП. Мои слова, смею предположить, интересовали репортеров намного меньше, чем звуки перестрелки неподалеку.

На пути обратно в Вашингтон я готовился к встрече с президентом на следующее утро в Кэмп-Дэвиде. Я сказал Бушу, что обещал сенату прислушиваться к мнению боевых командиров, – и выполнил свое обещание. Сильнее всего их по-прежнему беспокоила передача ответственности за обеспечение безопасности населения иракским вооруженным силам. Я сказал, что, с моей точки зрения, в Ираке мы достигли «поворотного пункта», что текущая стратегия, реализуемая Кейси, сводится в принципе именно к стремлению иракцев взять на себя урегулирование ситуации, но при активной поддержке США. Из подробных бесед с военнослужащими, добавил я, совершенно очевидно, что среди офицеров, от генерала Абизаида до командиров рот, получила широкую поддержку идея «таргетированного», целевого увеличения численности контингента (до двух бригад максимум) для наведения порядка в Багдаде – при условии соразмерного увеличения численности

гражданских специалистов из Америки. Постепенное усиление контингента требуется для «удержания» ситуации под контролем, пока иракцы не сформируют еще девять бригад в Багдаде и не проведут стабилизацию обстановки в стране.

Что касается провинции Анбар, где вдруг появились дружественные нам шейхи, я сказал, что наши командиры полагают, будто добились существенного прогресса. Генерал Абизаид сообщил, что командующий морской пехотой генерал-майор Рик Зилмер «выколачивает дурь» из местных ячеек «Аль-Каиды». Одиерно и Зилмер не сомневались, что два дополнительных батальона морской пехоты позволят развить и закрепить успех в провинции Анбар. Тем не менее, подчеркнул я, Кейси не уверен в необходимости усиления войск в Анбаре, да и премьер Малики, похоже, абсолютно не интересуется этой провинцией. Кейси считает, что для прочного успеха нужны иракские силы безопасности и эффективное правительство. Правда, он пообещал мне обсудить дела в провинции с Одиерно.

А вот Малики виделся мне серьезной проблемой, о чем я честно предупредил президента. В личных беседах он ловко уклонялся от обсуждения конкретных условий усиления нашего контингента. Более того, он уведомил меня, что наращивание численности американских войск «идет вразрез с чаяниями иракского народа» и способно спровоцировать террористов на новые кровопролитные атаки. Кейси и Одиерно полагали, что Малики можно переубедить: например, уговорить на введение одной дополнительной бригады до 15 января, для поддержки операции по обеспечению безопасности Багдада, а вторую бригаду перебросить в Кувейт до 15 февраля, для пополнения оперативного резерва. Я сказал президенту, что, как представляется мне, Малики пойдет нам навстречу, если мы согласимся с передачей дел иракцам, но при этом необходимо, чтобы он осознал недопустимость провала. Наши боевые командиры обеспокоены тем, что иракцы, стремясь к руководству, не располагают ресурсами, достаточными для успешного завершения операции. Одиерно в целом смотрел на ситуацию пессимистичнее, нежели Кейси, не верил в эффективность предлагаемых мер и постоянно повторял: «Успеха никто не гарантирует»; он считал, что после окончания зачисток следует обеспечить длительный период «удержания», причем в сочетании с немедленным предоставлением экономической помощи, создающей новые рабочие места.

Итак, Кейси и Абизаид убеждены, что им требуется не более 10 000 человек подкрепления. Говоря их словами, внедрить более агрессивный подход к урегулированию ситуации будет сложно в

связи с высокой организационной нагрузкой, которой подвержены войска, а также вследствие сопротивления иракского правительства, однозначно дающего понять, что оно не желает значительного увеличения численности вооруженных сил США в Ираке; поступать вопреки воле иракцев значит подорвать наши достижения в Ираке за последние два года.

Я считал и считаю, что старшие советники обязаны предложить президенту все возможные варианты действий и потенциальные альтернативы на случай неудачи основных планов. Поэтому я сказал Бушу: «Здравый смысл побуждает нас изложить вам соображения относительно плана Б, если багдадская стратегия не приведет к желаемому результату». По моей просьбе Пит Пэйс вместе с Кейси разработал запасной вариант, подразумевающий использование нынешнего американского контингента в Ираке для различных целей, включая переброску ряда специальных подразделений Маккристала в Багдад для поиска и уничтожения лидеров боевиков. Передислокация войск, уже находящихся в Ираке, если она докажет свою практическую значимость, не будет носить столь выраженного «милитаристского» характера, а значит, окажется приемлемой для правительства Малики.

Закончил я свой доклад так: «В конечном счете мы – Пит Пэйс, Джон Абизаид, Джордж Кейси и я – считаем, что на данный момент американских войск и сил Ирака достаточно, чтобы избежать катастрофы. В худшем случае мы по-прежнему будем топтаться на месте. Если же нас интересует окончательный результат, нужно рассмотреть иные, более жесткие варианты, дабы операция в Ираке не обернулась итоговым провалом».

Вспоминая эту встречу, я понимаю, что президент наверняка был глубоко разочарован моим докладом, пусть и никак этого не показал. Фактически я повторил все то, что на протяжении многих месяцев озвучивали Абизаид и Кейси, неохотно согласившиеся слегка увеличить численность американского контингента в Ираке. Президент же явно размышлял о радикальном увеличении его численности. А я, сам выдвинув эту идею после поездки в Багдад в сентябре и отстаивая ее на встрече с президентом перед своим назначением, при отчете Бушу в ту субботу ни словом не упомянул о рекомендации комиссии Бейкера и Гамильтона – передислоцировать в Ирак от 25 000 до 40 000 человек дополнительно. Меня извиняет разве что тот факт, что я проработал министром менее недели и не был готов возражать боевым командирам и другим высоким чинам. Но вскоре все изменилось.

Прежде всего мне пришлось усвоить, и усвоить быстро, что

старшие офицеры в армии имеют собственную историю взаимоотношений – нередко довольно длительную, уходящую, бывает, к соперничеству в академиях Вест-Пойнта и Аннаполиса, – и эта история определяет их отношение друг к другу и восприятие высказанных другими предложений и идей. Также я был вынужден «на бегу» учиться читать между строк, анализировать доклады генералов и их подчиненных, в частности, обнаруживать кодовые слова, «сигналы», которые подсказывали, в самом ли деле эти люди согласны со мной или только притворяются, а в действительности они категорически против. Будучи в Багдаде, я уловил намек на разногласия между Кейси и Одиерно, но лишь впоследствии выяснилось, что Рэй принципиально расходится со своим боссом в оценке ситуации, особенно в вопросе наращивания численности войск. Что ж, постепенно я научился полагаться на эти «сигналы», имея дело с председателем Объединенного комитета начальников штабов (сначала это был Пит Пэйс, затем адмирал Майк Маллен) и со своими старшими военными помощниками.

Мои взгляды на стабилизацию положения в Ираке стремительно эволюционировали. Я знал со стопроцентной уверенностью: как ни относись к решению вторгнуться в Ирак, на данный момент мы очутились в положении, когда потерпеть поражение невозможно. Провал военной кампании и последующее скатывание Ирака в беспощадную гражданскую войну скорее всего вовлечет в конфликт другие страны региона и обернется катастрофой, которая дестабилизирует регион и резко укрепит могущество и престиж Ирана. Те несколько месяцев, когда администрации Буша пришлось справляться с оголтелой критикой нашего решения об увеличении численности контингента, я ни разу не слышал, чтобы кто-либо из критиков попытался оценить риски скорого вывода войск: никому и в голову не приходило, что этот шаг сулил именно перечисленные мной последствия.

Я рекомендовал президенту назначить вместо Джорджа Кейси, который провел в Ираке тридцать месяцев и стратегию которого Буш перестал поддерживать, генерал-лейтенанта Дэвида Петрэуса. Все, с кем я советовался, включая самого Кейси, одобрили мой выбор. За две недели до разговора с президентом о кандидатуре Петрэуса мне горячо его рекомендовал очень неожиданный источник – мой предшественник на посту президента Техасского университета Рэй Боуэн. С Петрэусом Рэй познакомился в Мосуле в августе 2003 года; он отметил, что Петрэус научился завоевывать доверие иракского народа и «обнаружил глубокое понимание» Ирака, населения страны и

вопросов, которые вызывает американское военное присутствие. Президент Буш тоже слышал о Петрэусе много хорошего – как он дал понять во время собеседования со мной в начале ноября, – и потому сразу же согласился.

Еще мы обсудили, кто должен стать следующим начальником штаба сухопутных войск США. Генерал Пит Шумейкер, ушедший было в отставку, занимал этот пост вынужденно и был явно не против повторной отставки. Президент заявил, что не хотел бы, чтобы Кейси, с учетом всех заслуг перед страной, ушел на покой с пятном на репутации из-за ситуации в Ираке. Мы согласились, что следует предложить Джорджу возглавить штаб сухопутных войск.

На слушаниях по утверждению его кандидатуры некоторые сенаторы, прежде всего Джон Маккейн, оценили деятельность Кейси куда менее благосклонно, нежели президент. Уже в ходе моей первой командировки в Ирак в качестве министра обороны я получил сообщение, что Маккейн хочет срочно поговорить со мной. Телефонную связь удалось наконец организовать во время обеда, который Кейси устроил в мою честь в Багдаде. Я уединился в своей спальне – и словно попал в сюрреалистический фильм: Маккейн забросал меня доводами в пользу того, почему Кейси нельзя назначать начальником штаба сухопутных войск.

Встреча тех, кто отвечал за национальную безопасность, с президентом Бушем, состоявшаяся на ранчо близ Кроуфорда 28 декабря, позволила окончательно сформулировать задачи новой стратегии и выстроить общую схему действий. США сформируют до пяти дополнительных бригадных тактических групп общей численностью примерно в 21 500 военнослужащих; половину от этого числа передислоцируют в Ирак к середине февраля, остальные будут прибывать постепенно, по 3500 человек каждый последующий месяц. Абизаид и Кейси продолжали гнуть свою линию: две бригады прямо сейчас, остальные – позже, по мере необходимости; Петрэус и Одиерно настаивали, чтобы все пять бригад прибыли в Ирак одновременно. Я согласился с рекомендацией новых командующих (тем самым неявным образом дезавуировав свое предыдущее выступление в поддержку точки зрения Кейси), убежденный следующим доводом: если выдвинуть сначала две бригады, а потом еще три, это будет выглядеть так, словно бы мы бросились спешно латать дыры; поэтому подкрепления должны передислоцироваться единовременно. Все и сразу – таков наш девиз. Я никогда не обманывался насчет своих познаний в искусстве оперативного военного управления. И в данном случае, как и позднее, когда выслушивал рекомендации участвующих в боевых действиях

командиров и изучал основания этих рекомендаций, я был готов полагаться на чужой полевой опыт и делать все от меня зависящее, чтобы обеспечить выполнение поставленных перед ними задач.

Недооценка фактической численности войск, необходимых для полноценного дислоцирования пяти бригад, заставила меня в беседе с президентом привести Бушу недостоверные цифры. 21 500 человек – это только численность боевого личного состава; я совсем забыл о так называемых вспомогательных подразделениях – пилотах и механиках вертолетов, врачах и санитарах, о материально-техническом снабжении, разведке и прочем. Это еще почти 8500 человек; следовательно, общая численность резервного контингента – около 30 000 человек. (Урок я усвоил и с тех пор больше никогда не забывал о службах тыла и обеспечения.) Когда мне впервые указали на мою ошибку, я воскликнул: «Ну и лужу мы нашли, чтобы в нее плюхнуться! Военные профессионалы, а посчитать не удосужились!» И тут же направил служебную записку своему заместителю Ингленду и Питу Пэйсу с просьбой перепроверить текущие цифры и уточнить, правильны ли наши подсчеты на сей раз: «Нам и без того придется нелегко, когда мы будем объяснять, откуда взялись дополнительные люди и почему настолько увеличился бюджет операции «Свобода Ирака». Ни в коем случае мы не можем позволить себе новых сюрпризов в предстоящие недели… Не хочу, чтобы три недели спустя мне на стол легло новое обоснование». Да, во взаимоотношениях со старшими офицерами я выбрал жесткий курс.

В Кроуфорде мы договорились предоставить иракцам ведущую роль в подавлении религиозного насилия, но единодушно решили, что будем требовать от правительства Ирака, чтобы на отношении иракской армии к задержанным повстанцам никоим образом не сказывалась их принадлежность к определенным религиозным течениям – чтобы, например, политики (имелся в виду прежде всего Малики) не вмешивались и не пытались обеспечить освобождение «политически дружественных» повстанцев. Мы согласились поддерживать иракские силы, даже продолжая контртеррористические операции против «Аль-Каиды» в Ираке, шиитских «отрядов смерти» из «Джаиш аль-Махди»[19] и суннитских экстремистов. На совещании было отмечено, что большинство наших потерь не связано с религиозными конфликтами, в основном это жертвы применяемых террористами самодельных взрывных устройств (СВУ). Мы также обсудили увеличение численного состава армии и корпуса морской пехоты, но конкретного решения до отъезда из

Кроуфорда не приняли.

Второго января 2007 года я позвонил Петрэусу. Он в этот момент ехал на своем автомобиле по шоссе в Лос-Анджелесе. Припарковавшись, он перезвонил, и я спросил, как он смотрит на перспективу командовать американским контингентом в Ираке. Он не мешкал ни секунды – сразу ответил: «Да». Полагаю, он, подобно мне, понятия не имел, насколько тяжела окажется выбранная нами дорога – и в Ираке, и в Вашингтоне.

На следующий день я встретился с президентом, чтобы обсудить два ключевых кадровых вопроса. Во-первых, я предупредил, что назначение Кейси скорее всего вызовет шквал критики со стороны сенаторов, хотя, если мы обеспечим генералу поддержку, его кандидатуру все-таки одобрят. Во-вторых, нужно было решить, кто сменит уходящего в отставку Абизаида. Я сказал, что, на мой взгляд, Центральное командование нуждается в свежем взгляде, и назвал три имени – генерал Джек Кин, заместитель начальника штаба сухопутных войск (и деятельный сторонник усиления контингента в Ираке), генерал морской пехоты Джим Джонс, только что покинувший пост главы Европейского командования и верховного главнокомандующего сил НАТО в Европе, и адмирал Уильям (Лис) Фэллон, глава Тихоокеанского командования. Я сказал Бушу, что, по словам Пэйса и других офицеров, Фэллон, пожалуй, лучший стратег в нынешних вооруженных силах. Кроме того, в зоне ответственности Центрального командования много регионов – Иран, Африканский Рог[20] и так далее, – где требуется активное участие флота. Вдобавок глава Центрального командования окажется боссом Петрэуса, а значит, чтобы задавить того авторитетом, если понадобится, нужен опытный четырехзвездный офицер со «стальным стержнем». Этот пост станет третьим для Фэллона в его ранге «четырех звезд». Еще Фэллон будет первым адмиралом, возглавившим Центральное командование, и эта идея меня вдохновляла – я считал, что нельзя «приватизировать» руководящие посты по родам войск. Президент согласился с моей рекомендацией, которая состояла в том, чтобы придать Фэллону в качестве заместителя армейского генерал-лейтенанта Мартина Демпси, только что вернувшегося из Ирака. Буш также распорядился произвести назначения в Багдаде и в Центральном командовании до 5 января, чтобы он мог заявить в своем выступлении, что «иракская» команда в администрации сменилась полностью (это касалось и нашего посла в Ираке).

Под занавес встречи я сообщил президенту, что готовлю предложение по увеличению списочного состава корпуса морской пехоты на 27 000 человек и армии – на 65 000 человек, доведя их

численность до 202 000 и 547 000 человек соответственно. Процесс займет несколько лет, в финансовом выражении обойдется в первый год от 17 до 20 миллиардов долларов, а в пятилетней перспективе будет стоить от 90 до 100 миллиардов долларов. Также я доложил, что изучаю вопросы, касающиеся системы мобилизации Национальной гвардии и резерва, в частности чтобы гарантировать, что использование их подразделений ограничат определенным сроком – возможно, годом, – тем самым им будет обеспечено достаточно продолжительное пребывание дома между командировками в зону боевых действий. Буш одобрил мои действия и попросил продолжать.

Последнее заседание Совета национальной безопасности по новой стратегии в Ираке президент провел 8 января. Представленные мной материалы показали, сколь печальна и тяжела нынешняя ситуация: «Положение в Багдаде, несмотря на тактические корректировки, к лучшему не меняется. Полиция неэффективна или сотрудничает с террористами. Уровень насилия в городе не позволяет даже рассуждать о стабилизации обстановки. Поддержка Ираком сил коалиции существенно снизилась, отчасти из-за прошлогодних неудач. Мы фактически перешли к стратегической обороне, враг [суннитские повстанцы и ополченцы-шииты] перехватил инициативу. Перед нами четыре ключевых вызова: 1) основную проблему представляют собой экстремисты, авторитет центральной власти подорван, религиозный сепаратизм процветает (следовательно, уже не мятежники сунниты являются главной угрозой); 2) политический и экономический прогресс в Ираке вряд ли возможен при отсутствии безопасности хотя бы на базовом уровне; 3) иракские лидеры отстаивают собственные религиозные и партийные интересы под видом интересов нации, прикрываясь славной историей страны; 4) готовность американского народа терпеть лишения ради победы в Ираке близка к нулевой (и это грубое преуменьшение, если допустить, что таковая готовность когда-либо вообще имелась). Думаю, что данная встреча в некотором смысле финальная предстартовая проверка для всех, кто сегодня собрался за этим столом; мы должны признать необходимость решительных действий и изменить нашу главную военную цель – не передача полномочий, а защита иракского народа. Президент должен знать, что эта команда будет держаться заодно, пусть даже нас ожидает очень непростой период».

Президент выступил с телевизионным обращением к нации 10 января. Он объявил, что США направляют пять дополнительных тактических бригад в Багдад и два батальона

морской пехоты в провинцию Анбар. Кондолизе Райс поручается организовать переброску гражданских специалистов в соответствии с запросами военного командования. Премьер Малики гарантировал нашим силам свободу перемещений и подтвердил это публично. Наконец мое предложение об увеличение численности армии и морской пехоты принято к реализации.

И начался настоящий ад.

За сорок пять лет своей карьеры – а я состоял на государственной службе при восьми президентах, – могу вспомнить только три случая, когда президент, на мой взгляд, рисковал репутацией, карьерой, доверием избирателей, своими политическими амбициями и мнением потомков ради единственного решения, которое, по его мнению, было правильным для страны. Это – помилование Никсона Джеральдом Фордом, согласие Джорджа Г. Буша на «бюджетную сделку» в 1992 году[21] и решение Джорджа У. Буша об изменении американской стратегии в Ираке. В первых двух случаях, думаю, никто не станет оспаривать полезность этих президентских решений для страны, однако обоим президентам они стоили переизбрания; в последнем случае решение Буша-43 предотвратило потенциально катастрофическое военное поражение Соединенных Штатов.

Принимая свое решение, Буш внимательно выслушал командующего американскими войсками в Ираке, его начальника – главу Центрального командования, узнал мнение всего Объединенного комитета начальников штабов, предоставил им широкие возможности высказаться. И отверг их советы. Он сменил министра обороны и боевых командиров и поставил свою судьбу на новую команду и новую стратегию. Как некоторые из его наиболее уважаемых предшественников, он – по крайней мере в данном случае – доверился собственному внутреннему голосу, а не рекомендациям высокопоставленных и профессиональных военных советников.

Буша много критиковали, в том числе представители его собственной партии, за то, что он затянул со сменой стратегии в Ираке до конца года. По-моему, учитывая сильное сопротивление большинства старших военачальников и командиров, а также членов правительства вплоть до последнего момента в декабре, изменить стратегию в начале 2006 года было бы еще труднее; президент не мешкал, но выжидал. Я не в том положении, чтобы судить, насколько повлияли на его решимость предстоящие промежуточные выборы. Но я знаю наверняка, что когда Буш-43 принял решение, ничто не могло заставить его усомниться или

передумать.

Вашингтонские баталии

Еще в самом начале сотрудничества с Дэйвом Петрэусом, сотрудничестве протяженностью в почти четыре с половиной года и две войны, я частенько говорил ему, что его поле боя – Ирак, а мое – Вашингтон. Каждый из нас четко знал, кто наш враг. Моим врагом было время. Вашингтонские «часы» и багдадские «часы» отсчитывали время совершенно по-разному. Нашему контингенту в Ираке время требовалось, чтобы дождаться подкреплений и чтобы вступил в действие новый план урегулирования; иракцам время требовалось для политического примирения, а вот значительная часть конгрессменов, львиная доля СМИ и большинство американцев (причем их число все возрастало) давно потеряли всякое терпение. Ближайшие недели и месяцы ознаменовались в Вашингтоне попытками противников войны навязать иракцам строгие временные рамки и добиться от нас конкретных сроков вывода наших войск. Моя роль состояла в том, чтобы выиграть время, замедлить вашингтонские «часы» и ускорить багдадские. Я неоднократно говорил Петрэусу, что, по-моему, он делает все правильно, а значит: «Вы получите столько людей, сколько нужно, и будете получать подкрепления так долго, как это будет возможно».

Весь декабрь Вашингтон бурлил по поводу возможного увеличения численности нашего контингента в Ираке – в основном старались СМИ, поскольку конгресс находился на каникулах. Естественно, в прессу просочилась информация о том, что Объединенный комитет начальников штабов и лично Кейси против увеличения численности; кроме того, журналисты пронюхали о спорах в администрации и, что их сильно воодушевило, в министерстве обороны. Освещая мой первый визит в Ирак в качестве министра обороны, СМИ сосредоточились на озабоченности командования и даже младших офицеров планируемой передислокацией подкреплений – мол, сами военные считают военное присутствие США в Ираке чрезмерным, а давление на иракцев, и без того жаждущих самостоятельности, излишним (напомню, я во всеуслышание признал эти проблемы). Становилось все более очевидным, что в администрации Буша штатские ратовали за усиление американских войск в Ираке, тогда как многие военные не поддерживали данную идею. Мне начали задавать вопрос: смогу ли я каким-то образом преодолеть этот разрыв? Но декабрьская критика оказалась не более чем разминкой по сравнению с тем, что последовало далее.

Мы знали, что сильно рискуем на слушаниях в конгрессе. Все зависело от республиканского меньшинства в сенате, которое твердо вознамерилось не допустить принятия необходимых законов и тем самым щелкнуть по носу контролируемый теперь демократами конгресс и связать руки президенту. Было очевидно, что «страусиная» политика республиканцев может оказаться фатальной для новой стратегии.

Чтобы выиграть время, я в январе разработал особую тактику взаимодействия с конгрессом (и эта тактика порой доводила до белого каления Белый дом и Дэйва Петрэуса). Тактика основывалась на трехстороннем подходе. Во-первых, мы публично выразили надежду, что если новая стратегия сработает – а это станет понятно в ближайшие нескольких месяцев, – то к концу 2007 года можно приступить к постепенному выводу американских войск из Ирака. Это заявление вынудило ряд наиболее ревностных сторонников новой стратегии как внутри администрации, так и вне ее задаться вопросом: на самом ли деле я поддерживаю увеличение численности контингента и понимаю ли, что в одночасье ничего не изменить? Эти люди видели исключительно иракское поле боя и не обращали внимания на вашингтонское. А я был убежден, что по иронии судьбы единственный способ победить – это публично признать скорое окончание войны.

Во-вторых, я поручил Петрэусу подготовить к сентябрю справочные материалы и полный отчет о ситуации в Ираке и о последствиях увеличения численности войск. Я прикинул, что смогу противостоять нападкам конгрессменов по поводу радикального изменения политического курса, приведя простой, но вполне рациональный довод: пусть нам позволят перебросить в Ирак все части, переброска которых запланирована, а спустя несколько недель мы уже узнаем, насколько оправдала себя эта мера. Таким образом, нам не станут мешать по крайней мере до сентября. Если новая стратегия не принесет ожидаемых результатов, администрации все равно придется ее пересмотреть. Следовательно, сентябрьский доклад будет ценен сам по себе и послужит своего рода водоразделом. (Признаюсь, к тактике подготовки подобных докладов для затягивания времени я, будучи министром, прибегал не то чтобы редко.)

В-третьих, следовало обработать средства массовой информации и конгресс. Я продолжал демонстрировать уважение критикам новой стратегии в Ираке и признавать многие из допущенных ошибок, особенно те, что касались контактов с иракцами. Поэтому, когда конгрессмены в очередной раз принимались требовать, чтобы иракцы проявляли больше

решительности в подавлении экстремизма либо в принятии и исполнении ключевых законодательных актов, я с легким сердцем, выступая в конгрессе или давая интервью прессе, соглашался с этими требованиями. В конце концов, именно к такому я сам призывал в электронном письме Бейкеру и Гамильтону в середине октября 2006 года. Кроме того, я отчасти поощрял критиков, заверяя, что их нападки полезны для нас, ибо помогают донести до иракского правительства волю американского народа, утомленного войной, – но при этом я категорически не одобрял как «несвоевременные» любые попытки законодательно установить сроки передачи полномочий в Ираке. И всегда старался по возможности снизить накал страстей в прениях.

Вообще для меня дебаты по поводу Ирака в последние два года президентства Буша-43 делятся на два этапа. В ходе первого, с января по сентябрь 2007 года, обсуждалась прежде всего сама война, а также увеличение численности американского контингента и ожидаемые последствия этого шага. Много споров, конфликтов и прочих неприятных моментов. На втором этапе, с сентября 2007-го по конец 2008 года, я изменил свой modus operandi: теперь обсуждались сроки вывода войск – с тем чтобы максимально продлить пребывание нашего контингента в Ираке и заодно попытаться устранить «иракскую тему» из повестки дня предстоящих президентских выборов. Большинство кандидатов от Демократической партии признавали – во всяком случае, в частном порядке – необходимость долгосрочного военного присутствия США в Ираке, пусть и при резком сокращении задействованного личного состава. Я надеялся, что новая администрация не откажется от выбранного курса, последует ему сознательно, не поддастся популистским настроениям немедленно вывести войска вплоть до последнего солдата – и тем самым позаботится о жизненных интересах США в Ираке и в регионе в целом.

Тактика оказалась эффективной, во многом благодаря переменам в Ираке, стойкости заинтересованных лиц и «колебаниям» политического климата. Суннитское движение «Пробуждение» во главе с шейхом Саттаром в провинции Анбар начало наводить порядок в стране, чему немало способствовали успехи Петрэуса в качестве командующего американским контингентом; всего за несколько месяцев обстановка в Ираке настолько изменилась к лучшему, что это невозможно было отрицать. Уже в июле стало очевидным, что усиление численности наших войск не было пустой тратой времени и сил. Президент Буш стойко выдерживал критику и в крайних случаях

использовал свое право вето, чтобы заблокировать инициативы конгресса. Республиканское меньшинство в сенате по большей части поддерживало новую стратегию и не допускало принятия законодательных актов, устанавливающих конкретные сроки вывода наших сил. И не будем забывать о вопросах национальной безопасности. Конгресс вовсе не стремился загонять президента в угол – ведь иначе вся полнота ответственности за возможные последствия ложилась на самих конгрессменов. Наконец, переговоры с иракцами об условиях стратегического рамочного соглашения и продолжительности нашего военного присутствия, которые шли на протяжении 2008 года, сыграли решающую роль в определении повестки грядущих президентских выборов – и позволили выиграть дополнительное время.

Но до всего этого было еще очень далеко, когда 11 и 12 января 2007 года Кондолиза Райс выступала на заседании сенатского комитета по международным отношениям, а мы с Питом Пэйсом держали ответ перед членами обоих комитетов по делам вооруженных сил, сенатского и палаты представителей. Всем троим пришлось несладко, но, полагаю, Конди досталось сильнее прочих – в основном потому, что она работала в администрации на момент принятия решения о вторжении в Ирак и, таким образом, оказалась мишенью: именно на ней сенаторы вознамерились отыграться за свое разочарование ходом войны. Подозреваю, лишней причиной «оторваться» на ней послужило то обстоятельство, что по меньшей мере четверо членов комитета по международным делам собирались баллотироваться на пост президента и использовали эти слушания как площадку для демонстрации своих амбиций. Сенатор Крис Додд из Коннектикута обвинил администрацию в том, что та относится к нашим солдатам как к «пушечному мясу»; сенатор Джо Байден из Делавэра назвал новую стратегию «трагической ошибкой, если не хуже»; сенатор Барак Обама из Иллинойса заявил: «Весь американский народ – и, думаю, каждый сенатор из состава этого комитета, не важно, республиканец он или демократ, – задает простой и чрезвычайно важный вопрос: “Сколько можно?”». Надо сказать, республиканцы тоже не отставали. Так, сенатор Чак Хейгел из Небраски заметил, что новая стратегия – «самый серьезный внешнеполитический промах этой страны со времен Вьетнама».

Нам с Пэйсом повезло значительно больше во многом потому, что республиканцы из комитета по делам вооруженных сил, как правило, поддерживали военную политику президента Буша – в первую очередь этим отличался Джон Маккейн. Но все равно мы вынуждены были выслушать много критических

замечаний со стороны демократов и отвечать на неудобные вопросы республиканцев. Возможно, я отделался сравнительно легко, поскольку это были мои первые слушания после утверждения в должности, и я носил фамилию Гейтс, а не Рамсфелд. Я также заручился широкой поддержкой, объявив о своих планах нарастить общую численность армии и корпуса морской пехоты. А еще, мне кажется, я застал конгрессменов врасплох (наряду с Белым домом, Петрэусом и прочими), когда сказал, что надеюсь приступить к сокращению контингента в Ираке к концу наступившего года.

Как часто бывает, конгрессмены практически не задавали вопросов, на которые мы сами не искали ответов. Почти все члены комитетов сомневались, что Малики и прочие иракские лидеры сумеют на сей раз выполнить свои обещания (и мы понимали и разделяли этот скептицизм). И сомнения только усилились, когда стало известно, что в публичных выступлениях Малики и другие иракские чиновники весьма прохладно отзываются о новой стратегии. Отвечая на вопрос, какова планируемая продолжительность усиления контингента в Ираке, я обошелся уклончивым: «Месяцы, а не годы». (Мы с Пэйсом понимали, что скрывается за этим вопросом, поскольку уже столкнулись с негативным отношением наших военачальников к новому плану.)

Все, кто выступал на слушаниях, были готовы к нападкам и обвинениям, но, думаю, ни Райс, ни мы с Пэйсом – ни Белый дом в целом – не ожидали столь ожесточенной критики. К лучшему ситуация изменилась не скоро. Понадобилось бесчисленное множество заседаний, обязательных дипломатических па и ни к чему не обязывающих резолюций против новой стратегии, чтобы увязать численность американских войск в Ираке с реальными возможностями иракцев по принятию на себя ответственности за страну, а исполнение бюджета на военную операцию оставить в рамках президентских полномочий – без необходимости обращаться к конгрессу за дополнительными ассигнованиями. Наши противники в итоге уступили, но не прежде, чем успели изрядно потрепать нервы представителям администрации, а бюджет Пентагона потребовалось существенно скорректировать, ибо конгресс регулярно затягивал обсуждение финансовых вопросов на несколько месяцев.

По-настоящему испытывала мое терпение «зацикленность» сенаторов на конкретных сроках, в особенности требования, чтобы иракский Совет представителей[22] установил точные сроки исполнения своих обязательств по дебаасификации, выработке системы распределения нефтяных доходов и проведения местных

выборов. Да, я сам рекомендовал подобный подход Бейкеру и Гамильтону, однако в ту пору я до конца не осознавал, насколько принципиальны эти вопросы для иракцев – ведь они определяли политический и экономический векторы развития страны. Не стоит забывать, что за всю тысячелетнюю историю страны у них не было опыта достижения компромисса. С незапамятных времен политика в Ираке вершилась просто – убивай или убьют тебя. Меня переполняло раздражение, когда я слушал лицемерные и откровенно глупые рассуждения американских сенаторов, которые чего-то там требовали от иракских законодателей, а сами не могли даже согласовать мелкие ассигнования, не говоря уже о столь критичных для существования государства вопросах, как дефицит бюджета, социальное обеспечение и реформа здравоохранения. Сколько раз мне хотелось вскочить с кресла за столом для свидетелей и крикнуть: «Парни, вы тут две сотни лет заседаете и до сих пор не в состоянии быстро принять рутинные законы! Что же вы накидываетесь на бедных иракцев, которые только освободились от четырехтысячелетней диктатуры?» Процедурная дисциплина вынуждала меня помалкивать, но к концу очередного заседания я был готов рвать и метать.

Почти сразу после президентского обращения к нации 10 января конгрессмены, равно республиканцы и демократы, начали искать возможности не допустить реализации новой стратегии или хотя бы публично выказать свое несогласие. Республиканец Джон Уорнер вынес на обсуждение сената резолюцию против новой стратегии, но в поддержку операций против «Аль-Каиды» в провинции Анбар. Лидеры демократов одобрили эту резолюцию Уорнера, из тех соображений, что, если она пройдет, им представится шанс вмешаться в процесс более активно – например, ограничить военные расходы. Но Уорнер не смог собрать шестидесяти необходимых голосов, и его проект, что называется, спустили на тормозах. Слишком многие сенаторы побоялись высказаться в пользу законопроекта, направленного, как это можно было преподнести, против американской армии.

В палате представителей свою интригу затеял хитроумный демократ Джек Мерта, старожил конгресса и председатель подкомитета по ассигнованиям на оборону. Он предложил ввести строгие критерии боеготовности и перед отправкой в Ирак проверять все новые подразделения на соответствие этим критериям; на слушаниях 6 февраля 2007 года мы с Пэйсом долго и подробно объясняли, что это предложение связывает руки военному командованию и сократит количество американских войск в Ираке минимум на треть. Мерта намеревался внести поправку к нашему запросу о дополнительных ассигнованиях в

размере 93 миллиардов долларов, который как раз обсуждался в сенате и который требовалось одобрить до апреля, чтобы избежать бюджетного перекоса. С предложением Мерты, во всех его многочисленных вариациях, мы сражались на протяжении весны, поскольку демократы использовали запрос о дополнительных ассигнованиях как инструмент борьбы против усиления нашего контингента в Ираке.

Ближе к концу января в сенат были внесены кандидатуры Кейси – на должность начальника штаба сухопутных войск, и Петрэуса – на пост командующего американскими вооруженными силами в Ираке. Как и ожидалось, против Кейси посыпались возражения, преимущественно от республиканцев. Громче всех протестовал сенатор Маккейн (как мы того и ожидали), утверждавший, что, по его мнению, Кейси категорически не годится для этой работы. Уорнер занимал двойственную позицию. Сенатор от штата Мэн Сьюзен Коллинз заявила, что Кейси слишком далек от армии и что его послужной список в Ираке отнюдь не свидетельствует в пользу этой кандидатуры. Сенатор Саксби Чамблисс из Джорджии поддержал было назначение, но затем переметнулся в противоположный лагерь. Даже некоторые из тех, кто был готов голосовать за Кейси, не считали его наилучшим кандидатом. У меня не было ни малейшего шанса переубедить Маккейна, однако он сказал мне, что не будет «выстраивать организованное сопротивление» Кейси. Я также переговорил с Уорнером и другими сенаторами. Сам Кейси, безусловно, был обескуражен таким отношением, после всех лет службы стране, и 20 января я попросил президента высказаться в поддержку Кейси, что и было сделано. Душевное состояние Кейси заботило меня тем сильнее, чем увереннее двигался к утверждению на посту Дэйв Петрэус. Я рассказал Кейси о причинах недовольства сенаторов и пояснил: «Вы были в Ираке, а им ненавистно все, что там происходит». Я заверил его, что президент «тверд как кремень» и что мы с Пэйсом тоже не намерены уступать. По моим прикидкам, добавил я, его утвердят к 9–10 февраля. Лидер сенатского большинства Гарри Рид пообещал добиться утверждения Кейси, и 8 февраля назначение состоялось – при том что четырнадцать сенаторов проголосовали против. А против Петрэуса не было ни одного голоса.

Президент, как мне кажется, допустил затем ошибку. Сначала в частном порядке он укорил республиканцев, а затем публично обрушился на демократов – как они могут единогласно поддерживать Петрэуса, но одновременно отвергать планы генерала и лишать его ресурсов, необходимых для реализации этих планов? Несмотря на всю свою логичность, этот вопрос

обидел демократов до глубины души. В результате они стали в последующие месяцы гораздо более осторожно подходить к утверждению кандидатур старших офицеров, справедливо опасаясь, что президент снова начнет с них спрашивать.

Маневры в конгрессе, имевшие целью использовать вопрос по дополнительным ассигнованиям на войну для изменения объявленной стратегии, активизировались в конце февраля и в марте. 15 марта подкомитет Мерты сформировал график вывода американских войск из Ирака, указав итоговой датой конец августа 2008 года; как и обещал Мерта, резолюция содержала требования к критериям боеготовности и продолжительности дислокации. В тот же день сенат 50 голосами против 48 отверг резолюцию законодательного характера, которую предложил Гарри Рид и которая требовала вывода подразделений из Ирака в течение 120 дней после вступления закона в силу и тем самым вынуждала завершить вывод большинства частей к концу марта 2008 года; подразделениям, которые оставались в Ираке, вменялась в обязанность профессиональная подготовка иракских военных, проведение контртеррористических операций и защита американских активов на территории страны. Я отчаянно сопротивлялся этому законопроекту, сначала на приватных встречах с членами конгресса, затем в интервью для прессы 22 марта, во всех подробностях описывая возможные последствия, регулярно упоминая о неизбежном президентском вето и о неминуемой в этом случае отсрочке принятия решения по выделению финансирования на несколько недель. Несмотря на мои предупреждения, на следующий день, 23 марта, палата представителей 218 голосами против 208 одобрила финансирование операции, но установила предельный срок для вывода американских войск из Ирака – 31 августа 2008 года. 26 марта сенат принял законопроект по финансированию кампании при условии вывода войск до 31 марта 2008 года. 25 и 26 апреля палата представителей и сенат соответственно утвердили доклад о текущей ситуации, призывавший приступить к выводу войск 1 октября 2007 года и завершить его через 180 дней. 1 мая президент наложил вето на этот законопроект. Наконец, 25 мая нам удалось заручиться финансированием кампании без ограничительных условий, однако попытки конгрессменов изменить новую стратегию продолжались, как и бюджетные игры, сопровождавшиеся задержками финансирования. Я как-то сказал конгрессменам, что веду самый большой в мире супертанкер по неизведанным водам, а они ждут от него маневренности байдарки.

Я старался не допустить, чтобы сенатские интриги помешали

осуществлению моих планов в отношении Ирака, главным образом – связанных с увеличением численности контингента и поддержанием этой новой численности вплоть до конца 2008 года. 9 марта я сообщил своим сотрудникам, что если мы не добьемся значительного успеха в Ираке к октябрю, то стратегию снова придется менять. 20 марта, в ходе видеоконференции с Петрэусом, я сказал, что собираюсь в Багдад в середине апреля и хочу обсудить с ним, что он вкладывает в понятие «успех». Он ответил, что, с его точки зрения, увеличенный контингент должен оставаться в Ираке по крайней мере до января 2008 года, то есть минимум год.

Двадцать шестого марта я сказал Пэйсу, что намерен, прежде чем лететь в Ирак, побеседовать с глазу на глаз с президентом, чтобы убедиться, «что мыслями он по-прежнему в октябре». Нам требуется, добавил я, долговременное военное присутствие в Ираке, и для достижения этой цели Ирак нужно политически «удалить к середине осени из фокуса общественного внимания» в Соединенных Штатах. Отсюда следовало, что, в свою очередь, ситуацию с безопасностью необходимо нормализовать до той степени, когда Петрэус сможет не кривя душой сказать: «Мы добились прогресса», и приступить с октября к побригадному выводу войск (а значит, усиленный контингент фактически пробудет в Ираке до февраля). Пэйс справедливо заметил, что определять успех не прерогатива Дэйва; да, Петрэус может высказать свое мнение, но последнее слово остается за президентом и за мной.

Когда входишь в Овальный кабинет, справа от президентского стола – подарка королевы Виктории президенту Резерфорду Б. Хейсу, изготовленного в 1880 году из тимберса британского военного корабля «Резолют», – прячется дверь, ведущая в личные покои президента, самую недоступную «святая святых» в Вашингтоне. Там, справа по коридору, имеется ванная комната (Буш-41 называл ее именем члена администрации, которого терпеть не мог), совсем крохотный кабинет слева, а прямо – скромных размеров столовая с кухонькой, где стюарды Белого дома готовят кофе, чай и другие напитки. Дверь в дальнем торце столовой выводит в коридор между Овальным кабинетом и офисом вице-президента, а французские окна в другом торце открываются во внутренний дворик, где президент может уединиться на свежем воздухе. Мне часто доводилось бывать в этой столовой при работе с Бушем-41; помню, мы сидели там и смотрели по телевизору начало воздушной войны в Ираке в январе 1991 года. Я никогда не видел ни одного из Бушей в Овальном кабинете и даже в этих примыкающих покоях без

пиджака и галстука. Несколько раз мне случалось завтракать с Бушем-43 в личной столовой, и всегда хотелось заказать настоящий завтрак: бекон, яйца, тосты… – но Буш предпочитал здоровое питание – хлопья и фрукты, – поэтому приходилось усмирять потребность в жирной пище английской сдобой.

Именно в этой столовой я встретился с президентом один на один 30 марта и сообщил, что, по моим расчетам, мы должны навести порядок в Ираке к осени, так или иначе. Я сказал, что нужно сдвинуть иракский вопрос с первого места в политических дебатах перед президентскими выборами, чтобы кандидаты от Демократической партии не загоняли себя публично в такие ситуации, когда им придется выступать против значительного военного присутствия в Ираке «на годы вперед» (я был уверен, что быстро там ничего не уладится). В ходе обсуждений с Петрэусом и Объединенным комитетом начальников штабов мы пришли к выводу, что, вероятно, получится приступить к сокращению численности контингента в октябре, но темп сокращений должен быть таким, чтобы Петрэус сохранил большую часть подразделений до лета 2008 года. Я снова подчеркнул, что, независимо от результатов реализации новой стратегии к октябрю, осенью понадобится провести ревизию нашей политики и определиться с перспективами американского военного присутствия в Ираке.

Президент согласился со мной. Он также сказал, что не знает, как долго сможет сдерживать республиканцев, твердо намеренных преодолеть его вето. Инициатива по сокращению контингента должна исходить от Петрэуса, так что президент спросил: «Как он собирается определять успех?»

Затем Буш обмолвился – по-моему, словно защищаясь, – что вовсе не ведет переговоров за спиной Чейни или Хэдли, однако нам с ним действительно нужно поговорить наедине. И прибавил, что больше не станет говорить о сокращениях, но я всегда могу к нему обратиться, хотя бы позвонить.

Я вышел из столовой в уверенности, что мы договорились начать вывод войск в октябре и что инициатива по этому поводу должна исходить от Петрэуса. Теперь моя задача в том, чтобы убедить Дэйва согласиться на эти условия.

Натиск: «Большая волна» продолжается

Прежде чем приступить к рассказу о том, что происходило после октября, я вынужден для полноты картины остановиться, скажем так, на скучной реальности процедурных вопросов. В

январе я представил общественности ряд инициатив, призванных облегчить тяготы передислокации для бойцов Национальной гвардии и резервистов: отныне надлежало обеспечивать развертывание их частей как целых подразделений (раньше многие добирались до мест дислокации самостоятельно), а срок их откомандирования не мог превышать одного года. Эти инициативы были весьма положительно встречены командованием Национальной гвардии и руководством кадрового резерва, самими солдатами и офицерами и получили одобрение конгресса. Одновременно я пытался найти аналогичное решение, которое позволило бы устанавливать четкие, реалистичные и долгосрочные политические цели развертывания боевых частей, например сухопутных. Еще 27 декабря 2006 года я попросил Роберта Рангела и своего тогдашнего старшего военного помощника, генерал-лейтенанта ВВС Джина Ренуара, оценить плюсы и минусы сокращения сроков развертывания боевых подразделений. Имея в виду прежде всего боевой дух (и предстоящее объявление о переброске подкреплений в Ирак), я хотел узнать, достаточно ли распространить такую практику только на инженерные батальоны (с учетом их участия в контртеррористических операциях) или следует внедрить ее во всех частях, находящихся в Ираке, пока там воюет столь многочисленный контингент. Кроме того, я постарался проанализировать возможные политические и экономические последствия использования такой практики. Мне доложили, что при сохранении текущего подхода перерывы между командировками в зону боевых действий у регулярных частей, дислоцированных в Ираке и Афганистане, настолько коротки, что наши парни вынуждены вновь отправляться на передовую – и лишь потом получают возможность провести полных двенадцать месяцев дома. Это обстоятельство лишний раз укрепило меня в стремлении добиваться увеличения численности нашей армии и корпуса морской пехоты. Однако затем возникла насущная необходимость усилить контингент в Ираке, и стало ясно, что чем-то придется пожертвовать.

Армия предложила всего два варианта: удлинить срок командировки в зону боевых действий с двенадцати до пятнадцати месяцев либо сократить пребывание солдат дома. Это было самое трудное решение среди всех, какие мне довелось принять в должности министра обороны, – ведь я прекрасно понимал, насколько тяжело переносятся даже годичные командировки, и не только из-за разлуки с семьями, но и потому, что солдаты и офицеры боевых частей в Ираке (и Афганистане) постоянно находятся в состоянии нервного напряжения. На

фронте не отдохнешь от полевых условий жизни, от иссушающей жары, от стресса наконец, ибо ты знать не знаешь, что сулит тебе следующий миг – опасность, ранение, смерть… Пропустить всего одну памятную дату, один день рождения ребенка, один праздник – уже много. Мой младший военный помощник, в ту пору майор, Стив Смит передал мне слова своего коллеги офицера: командировка продолжительностью пятнадцать месяцев дольше, чем просто двенадцать месяцев плюс еще три. Стив также напомнил, что при командировке в пятнадцать месяцев непременно сработает «закон двойки»: солдаты рискуют пропустить два Рождества, два юбилея, два дня рождения и так далее. Тем не менее Пит Кьярелли, который в марте стал моим новым старшим военным советником, сказал мне, что войска ожидают решения о пятнадцати месяцах. С прямотой, которую я научился ценить, он также прибавил: «И говорят, что ты осел, раз не додумался раньше».

Как-то я получил письмо от девочки-подростка, дочери солдата, убывшего во фронтовую командировку на пятнадцать месяцев. В письме говорилось: «Знаете, пятнадцать месяцев – это очень долго. Настолько долго, что, когда твой отец возвращается домой, он словно чужой. На самом деле чужой. Наши отцы и братья столько пропускают и столько еще пропустят! Потом, нельзя сказать, что они дома целый год. Да, они тут, в Штатах, но не дома. Мой отец все лето провел в лагере на переподготовке. Так что я его практически не видела. Но и это не хуже [так в письме! – *Р. Г.*], хуже всего, когда он вроде как должен быть дома, а его вдруг куда-то вызывают… Спасибо, что прочитали. Надеюсь, вы вспомните, что я написала, когда станете снова призывать мужчин на службу.

Меган, или Безотцовщина».

Не знаю, довелось ли отцу Меган узнать, что она написала мне, но если ему стало об этом известно – надеюсь, он гордится своей дочерью. Я бы гордился, честно. В конце концов, не многие подростки способны заставить министра обороны почувствовать себя никчемным чинушей. Письмо этой девочки, как и многие другие, было чрезвычайно важно для меня, поскольку не позволяло забыть о том, что мои решения сказываются на судьбах множества людей.

После консультаций с Объединенным комитетом начальников штабов и разговора с президентом я объявил 11 апреля об увеличении продолжительности фронтовых командировок. Теперь стандартный срок службы в боевых частях в Ираке, Афганистане и на Африканском Роге будет составлять пятнадцать месяцев. Я понятия не имел, когда мы сможем – и

сможем ли – вернуться к привычным двенадцати месяцам. Республиканцы и демократы дружно раскритиковали мое решение, потому что для них оно означало признание провала президентской политики в Ираке и дополнительные расходы бюджета.

Опыт показал, что пятнадцатимесячные командировки в Ирак и Афганистан оказались для наших солдат и их семей даже более суровым испытанием, чем виделось мне изначально. Не могу доказать этого статистически, но убежден, что эти длительные командировки в значительной степени усугубили посттравматический стресс и способствовали росту числа самоубийств среди военнослужащих; мою убежденность подкрепляют признания самих солдат и их родственников. Да, я гарантировал, что в перерыве между командировками они целый год проведут дома, но этого было недостаточно.

Войска, возможно, ожидали такого решения, но все равно отдельные военнослужащие и члены их семей поделились своим разочарованием и недовольством с журналистами. Я их не виню. Они – и никто другой – пострадали от «закона двойки».

На пути к сентябрю

Продлить новую фазу кампании в Ираке до сентября 2007 года (когда Петрэусу полагалось представить свой доклад), а уж тем более до весны 2008 года оказалось довольно затруднительным, и характер затруднений достаточно ясно отражала риторика выступлений в конгрессе – причем эту риторику использовали и республиканцы, и демократы. Часто звучали слова: «Мы поддерживаем наши войска в Ираке», – однако к ним обычно добавляли фразу: «Мы категорически не согласны с их миссией», – и это сбивало с толку и раздражало людей в погонах. Наши парни на фронте следили за происходящим дома и нередко спрашивали меня, почему политики никак не поймут, что в глазах солдат поддержка войск и одобрение миссии – фактически одно и то же? А более всего меня возмущали комментарии пораженческого свойства – ведь они исподволь внушали солдатам, что победа невозможна, следовательно, все подвиги, ранения и смерти в Ираке напрасны. Особенно «отличился» в этом отношении лидер сенатского большинства Гарри Рид, который заявил на пресс-конференции в середине апреля: «Мы проиграли эту войну… Никакими подкреплениями уже ничего не исправить». Я был в ярости и в частном порядке поделился с некоторыми своими сотрудниками

цитатой из Авраама Линкольна, которую когда-то выписал для себя: «Конгрессменов, которые в военное время совершают действия, подрывающие боевой дух, следует считать саботажниками и надлежит арестовать, изгнать или повесить». Разумеется, на публике я своих истинных чувств не показывал, но это вовсе не означает, что у меня их не было.

Шестнадцатого апреля президент встретился с командой, которая отвечала за реализацию новой стратегии в Ираке; Фэллон, Петрэус и наш новый посол в Ираке, Райан Крокер, участвовали в этой встрече по видеосвязи. Крокер, признанная звезда дипломатии, всегда был готов к самым сложным заданиям – он работал в Ливане, Пакистане, Ираке и Афганистане. Он быстро завоевал доверие президента, хотя «несгибаемый реализм» на грани пессимизма, присущий Райану, Бушу не слишком нравился: президент именовал Крокера «Мистер Стакан-Наполовину-Пуст», или, саркастически, «Мистер Оптимист». Крокеру удалось установить удивительно прочные партнерские отношения с Петрэусом. Посол подробно охарактеризовал негативное воздействие недавнего взрыва в здании парламента на иракский Совет представителей и изложил свое видение перспектив закона о дебаасификации, который предусматривал амнистию для ряда бывших членов партии Баас; еще он кратко коснулся перераспределения нефтяных доходов (как я упоминал, это были два основных условия национального примирения в Ираке, по мнению как администрации, так и конгресса). Президент попросил Крокера недвусмысленно разъяснить иракцам, что они «должны сделать хоть что-то». Конгрессмены вернутся из ознакомительной поездки, продолжал Буш, и сообщат, что никакого политического прогресса нет и в помине; отсюда они заключат, что военные не справляются со своей работой, и снова начнут требовать скорейшего вывода войск. «Политическую элиту нужно вразумлять, чтобы она пошевеливалась, – подытожил президент. – Обойдемся без идеальных законов – хватит и тех, которые исполняются. Требуется что-то, чтобы заткнуть критиков».

Петрэус доложил, что, несмотря на продолжающиеся террористические атаки, вызвавшие значительную шумиху в прессе, наши войска медленно, но верно добиваются поставленных целей; в частности, за предыдущую неделю зафиксировано наименьшее количество убийств на религиозной почве с июня 2006 года. Генерал предупредил, что нас ожидает новый всплеск насилия, с учетом того, что американские войска вводятся в районы, прежде нами не контролируемые. Он также изложил свои планы по развертыванию тех армейских частей и

подразделений морской пехоты, которые только прибыли в Ирак. И в завершение подчеркнул, что искренне благодарен за решение продлить фронтовые командировки до пятнадцати месяцев. «Теперь у нас куда больше тактической гибкости. Это правильное решение, и оно не стало сюрпризом для большинства солдат».

Перед самым вылетом в Ирак мы с Питом Пэйсом обсудили, как строить отношения с Петрэусом. Я сказал, что не хочу, чтобы Петрэус после моей с ним встречи подумал: «Мне велели закруглить эту ситуацию к октябрю, так что буду-ка я рекомендовать полный вывод к этому сроку». Нет, нам необходимо долгосрочное присутствие в Ираке, а потому нужно создать все условия для именно такого развития событий.

Я прилетел в Багдад в середине дня 19 апреля. Пэйс, Фэллон и Петрэус встретили меня у самолета. Мы сразу же пересели на вертолеты и отправились в Фаллуджу. Положение с безопасностью оставалось чересчур напряженным, чтобы везти министра в сам город, поэтому в курс происходящего в провинции Анбар меня ввели в нашем военном штабе. Новости оказались весьма обнадеживающими. Покидая штаб, я пожал множество рук и сфотографировался с американскими военнослужащими, в том числе с группой офицеров, которые размахивали флажком Техасского университета. Надо сказать, я непременно сталкивался с бывшими «агги» в зонах боевых действий, и всякий раз встреча дарила особые эмоции, хотя сознавать, что вижу на фронте людей, которым совсем недавно вручал дипломы о высшем образовании, было не слишком приятно.

Мы вернулись в штаб-квартиру Петрэуса и занялись стратегией – конкретнее, тем, как снизить уровень насилия и выиграть время для политического примирения. Все согласились, что достижение этих целей невозможно без продления полномочий усиленного американского контингента и после сентября. Завершился день двухчасовыми переговорами за ужином с Пэйсом, Фэллоном, Петрэусом и Кьярелли, а следующее утро началось с двухчасового совещания в том же составе. Мы обсуждали три вопроса: какие аргументы побудят американских политиков продлить пребывание в Ираке усиленного контингента дольше, чем на год; как добиться продления нашего значимого военного присутствия в Ираке на годы вперед; как обеспечить стабильно безопасную обстановку в стране и долгосрочное стратегическое сотрудничество США и Ирака. При этом нам постоянно приходилось помнить о стремлении конгресса поскорее «покончить с этой черной дырой» и об очевидном желании доминировавших в Ираке шиитов, прежде всего членов

правительства, считая самого Малики, побыстрее избавиться от «оккупантов». Ключевым для оценки ситуации, как мы снова сошлись во мнении, будет сентябрьский доклад Крокера и Петрэуса.

Я напомнил Дэйву, что рекомендации в докладе должны быть его собственными, составленными исходя из реального положения дел, а не в угоду мне или кому-то еще, – и по возможности предлагать продление операции с увеличенным контингентом и устойчивое военное присутствие США в Ираке. Петрэус ответил, что, вероятнее всего, порекомендует вывести одну бригаду в конце октября или начале ноября, а вторую – в начале или середине января, после чего можно будет выводить по дополнительной бригаде каждые шесть недель или около того. Это позволит сохранить до 80 процентов усиленного контингента вплоть до конца 2007 года и примерно 60 процентов – до конца февраля. Тем самым мы дадим понять равно американцам и иракцам, что точка невозврата пройдена (так или иначе), и, можно надеяться, рационализируем процедуру согласования нашего долгосрочного присутствия в стране. Пэйс и Фэллон одобрили такой подход.

Как обычно, посещая Ирак – а это был мой четвертый визит за четыре месяца, – я встретился и со всеми высокопоставленными официальными лицами иракского правительства. Чаще всего я просто набрасывал программу ближайших действий для каждого из них, от лучащегося чрезмерным оптимизмом президента Талабани, любителя давать пустые обещания, до постоянно недовольного вице-президента, суннита Тарика аль-Хашими, уверенного, что его игнорируют, оскорбляют и вообще считают человеком второго сорта (вдобавок он регулярно выражал озабоченность «диктаторскими замашками» Малики). В ходе этой поездки, однако, меня удостоил личной аудиенции премьер-министр Малики, огласивший длинный список жалоб «своему брату и партнеру», то есть мне. Поблагодарив президента Буша за неизменную поддержку, он заявил, что мои публичные высказывания о разочаровании эффективностью усилий нынешнего иракского кабинета (в первую очередь по перераспределению нефтяных доходов и дебаасификации) фактически провоцируют возвращение баасистов к власти. Он понимает, прибавил Малики, что Соединенные Штаты заинтересованы в помощи правительству Ирака, но нельзя не учитывать реалии. Например, крайне сложно подобрать подходящие кандидатуры на министерские посты. А закончил он таким пассажем: «Четкие сроки заставляют активизироваться террористов и вызывают нездоровый интерес Сирии и Ирана». В

нынешней чрезвычайно нестабильной политической ситуации нужно избегать публичных заявлений, которые «только играют на руку нашим врагам».

Честно сказать, я едва сдерживался, пока он вещал. Я сказал Малики, что «часы тикают», что иракское правительство до сих пор ничего толком не добилось и терпение Америки на исходе. Мы каждый день проливаем американскую кровь ради примирения враждующих сторон на чужой земле и в ближайшее время ожидаем поэтому от правительства Ирака конкретных шагов – иначе они рискуют нашим благорасположением. Мы расстались в раздражении, и я еще долго не мог успокоиться: подумать только, и этого типа я несколько месяцев защищал перед конгрессом, пытаясь не допустить резолюций с точными сроками, стараясь выиграть хотя бы толику дополнительного времени для него и его коллег, чтобы они смогли уладить важнейшие политические разногласия!

Как всегда, поездка в боевые части улучшила мое настроение. На сей раз я отправился в военно-полицейский комплекс в Багдаде, которым совместно управляли американцы и иракцы; этот комплекс обеспечивал безопасность ближайших окрестностей. Стратегия Петрэуса предполагала, что американские войска должны покинуть крупные базы и дислоцироваться в полевых условиях, бок о бок с иракскими партнерами. Я готовился увидеть типовой полицейский участок, вроде тех, какие имеются в большинстве американских городов, посреди плотно застроенной городской территории. Вместо этого меня привезли в военный лагерь посреди огромного открытого пространства; в сущности, это был классический форт с бетонными стенами, перекрывавшими подступы к большому бетонному же зданию в центре. При входе в здание висели фотографии иракцев, погибших в ходе операций, которые координировались из этого комплекса. Меня провели в довольно просторный конференц-зал, битком набитый иракскими офицерами и полицейскими, а также американскими солдатами и офицерами; почти все были в бронежилетах и с оружием. И там, в сердце зоны военных действий, в этом багдадском аналоге Форт-Апачи[23], иракские офицеры продемонстрировали мне свою презентацию в PowerPoint. «Господи боже, что мы делаем с этими людьми?» – подумал я. Потребовалось все мое самообладание, чтобы не зайтись истерическим хохотом. Впрочем, задача, которую выполняли эти люди, иракцы и американцы, и мужество, необходимое для ее выполнения, смеха отнюдь не вызывали. Я уехал под большим впечатлением, не в последнюю очередь потрясенный жуткими условиями, в которых наши молодые

солдаты вынуждены работать днем и ночью.

О результатах своих встреч с Петрэусом я доложил президенту 27 апреля в Кэмп-Дэвиде. Выступая перед сенатским комитетом по ассигнованиям пару недель спустя и отвечая на вопросы, я допустил возможность того, что предстоящий сентябрьский доклад позволит приступить к сокращению американских сил в Ираке. Поскольку запланированное увеличение численности контингента в Ираке еще не завершилось, эти мои слова привели к всплеску нездорового энтузиазма в прессе. Журналисты уверяли, что я разошелся во мнениях с президентом и другими членами администрации, что я готов «пойти на попятную», если к сентябрю не будет положительных сдвигов. На самом деле это была продуманная акция – мы с президентом, Конди Райс, Стивом Хэдли, Пэйсом и военачальниками готовили ее несколько недель. Мы в очередной раз помахали, так сказать, морковкой перед носом оппозиции, упомянули о *возможном* сокращении, рассчитывая при этом, что усиленный контингент пробудет в Ираке по крайней мере до сентября, а лучше до весны 2008 года. Большинство сторонних наблюдателей и «военных экспертов», даже вице-президент, казалось, не имели ни малейшего представления о том, насколько тонок был канат, по которому мы ходили в конгрессе весной и летом. А вот Джордж У. Буш это понимал.

Президент вновь приехал в Пентагон 10 мая, чтобы встретиться с руководством министерства в «Танке». Когда все собрались, председатель и вице-председатель Объединенного комитета начальников штабов уселись во главе большого стола светлого дерева; армейские генералы и флотские адмиралы расположились по левую руку, а командующий корпуса морской пехоты и начальник штаба ВВС – по правую. За спиной председателя колыхались флаги родов войск, в другом конце зала мерцали видеоэкраны, со стены слева от председателя смотрели на нас президент Линкольн и его военачальники. Справа от председателя, на небольшом возвышении, стоял длинный и узкий стол для персонала. Когда в Пентагон приезжает президент, он и другие гражданские лица, включая министра обороны, сидят спиной к Линкольну, а военные как бы обхватывают их дугой.

В тот день в «Танке» президент был неожиданно откровенен и задумчив. Он сказал собравшимся: «Многим людям достаточно видеть всего на дюйм вперед, а моя должность обязывает смотреть минимум на милю. – И прибавил: – Мы имеем дело с группой республиканцев, которые не хотят напрасной, как они считают, траты времени. Они уверены, что демократия на Ближнем Востоке – это несбыточная мечта. Еще мы имеем дело с

демократами, которые не желают использовать военную силу». Буш подчеркнул, что настроения населения на Ближнем Востоке «совсем не радужные», и потому мы должны приложить все усилия, чтобы навести там порядок. Также президент спросил, не слишком ли радикальны наши планы по сокращению контингента в Ираке до 10 бригадных тактических групп – это примерно 50 000 военнослужащих; возможно, стоит оценить все последствия такого шага, не дожидаясь сентября. И в завершение Буш признал, что «многие в конгрессе не понимают военных».

В тот же день я встретился с сенатором Карлом Левином, председателем комитета по делам вооруженных сил, чтобы узнать, готов ли он поддержать назначение Пэйса на второй двухлетний срок в качестве главы Объединенного комитета начальников штабов. Исторически это рутинная процедура. Но первый срок Пита заканчивался как раз в сентябре, поэтому, с учетом сложностей в утверждении военных кандидатур в Белом доме и в конгрессе, мы хотели удостовериться заранее, чтобы у нас оставалось время, как говорится, в случае чего. Лично я был за Пэйса обеими руками. Мы отлично сработались, я доверял его суждениям, и он всегда был откровенен со мной. Словом, у нас сложилось хорошее партнерство. Но разговор с Левином показал, что в данном случае никакой рутины не будет. Сенатор сообщил, что не гарантирует поддержки и что повторно предлагать кандидатуру Пэйса вообще не очень удачная идея. Мол, вполне вероятно, что многие будут против, но он, так и быть, побеседует с демократами в комитете. Я, признаться, был ошеломлен.

На следующий день я встретился с Джоном Уорнером, лидером республиканцев в комитете. Он тоже воспринял мое предложение без восторга и сказал, что с повторным утверждением Пэйса могут возникнуть проблемы; надо потолковать с остальными республиканцами. От Уорнера я пошел к Джону Маккейну. Тот с порога заявил, что на этом посту нужен новый человек, но сам он не станет возражать против Пэйса. Уорнер перезвонил мне 15 мая и сказал, что говорил с Саксби Чамблиссом и Линдси Грэмом: они все трое думают, что «данная кандидатура не годится». На следующий день позвонил Левин: он-де высоко ценит Пита, который пользуется заслуженной репутацией, но «мистер Пэйс слишком тесно связан с прошлыми неудачными решениями». Левин также сказал, что демократы взъярились, когда президент использовал против них ту историю с утверждением Петрэуса. По правде говоря, Левин не миндальничал: «Голосование по поводу Пэйса – это способ показать свое отношение к войне».

Я связался с Митчем Макконнеллом, лидером

республиканцев в сенате. Он сказал, что кандидатура Пэйса – верный способ лишиться республиканской поддержки новой стратегии в Ираке. Все больше и больше республиканцев испытывают «молчаливую ярость», убежденные, что Буш «своим Ираком топит правительство». Итог нашей беседы свелся к следующему: если республиканское руководство комитета по делам вооруженных сил против повторного назначения Пэйса, к этому мнению нужно прислушаться.

Через неделю Линдси Грэм сказал мне, что слушания по кандидатуре Пэйса будут фактически заочным судилищем: сенаторы хотят устроить суд над Рамсфелдом, Кейси, Абизаидом (и Пэйсом заодно), припомнив им каждое военное и политическое решение последних шести лет. Основное внимание уделят допущенным ошибкам, и в итоге эти слушания, вполне вероятно, окажут нам медвежью услугу. Зато кандидатура «человека со стороны» устроит всех.

Я держал Пита в курсе всего, что делал и слышал. Он предсказуемо злился, хоть и старался этого не показывать, и был весьма разочарован предательством людей, которых привык считать своими друзьями и соратниками. (Я напомнил ему слова Гарри Трумэна: если тебе в Вашингтоне понадобился друг, купи собаку.) Естественно, Пит рвался в бой, желая достойно ответить обидчикам, я же его отговаривал, а сам лихорадочно старался найти наилучший выход. Первой проблемой был Пит как таковой. По собственному опыту я прекрасно представлял, насколько «грязными» могут оказаться подобные сенатские слушания. А из услышанного равно от республиканцев и демократов в комитете следовало, что кандидатуру Пита отвергнут с вероятностью минимум пятьдесят процентов, изрядно при этом потоптавшись на нем и разрушив его репутацию. Долгая и блестящая карьера Пэйса ни в коем случае не должна заканчиваться таким позором – вместо поощрения от благодарной нации. Иракский вопрос, увы, настолько поляризовал наше общество, что процедура повторного назначения почти неминуемо сведет достойного человека в политическую могилу. Вторая проблема состояла в том, что схватка за кандидатуру Пэйса в разгар операции в Ираке может поставить под угрозу всю нашу стратегию, учитывая, сколь слабы наши позиции на Капитолийском холме. Предостережения сенатора Макконнелла имели под собой основания.

Я поделился этими мыслями с Питом и с президентом, и Буш неохотно согласился со мной. Приняв одно из самых трудных для себя решений на министерском посту, я рекомендовал президенту не выдвигать Пита повторно. Мы с Питом согласились, что лучшим кандидатом будет адмирал Майк

Маллен, начальник штаба ВМС. В публичном заявлении 8 июня я сказал: «Я не новичок в процедурных вопросах и никогда не уклонялся от схваток, которые они провоцируют. Тем не менее я решил, что сегодня для государства, для наших мужчин и женщин в военной форме и для самого генерала Пэйса будет лучше, если мы устраним разногласия относительно кандидатуры следующего председателя Объединенного комитета начальников штабов». Ни президенту, ни кому-либо еще я этого не говорил, но в глубине души знал, что фактически просто-напросто пожертвовал Питом Пэйсом. И ничуть этим не горжусь.

Позднее стали уверять, будто я уволил Пита и вице-председателя ОКНШ, адмирала Эда Джамбастиани. Газета «Уолл-стрит джорнэл» в редакционной передовице утверждала, что я «сдал полномочия министра» сенатору Левину. На самом же деле меня очень сильно заботили недовольство республиканцев Пэйсом и их слабеющая поддержка наших новых инициатив. В действительности я просил Джамбастиани остаться в должности еще на год, рассчитывая, что Пэйса утвердят на второй срок. Но когда пришлось обратиться к кандидатуре Маллена, Эд вынужден был уйти, поскольку по закону председатель и вице-председатель Объединенного комитета начальников штабов не могут представлять один и тот же род войск. Мне совсем не хотелось терять Эда, так что я предложил ему возглавить Стратегическое командование[24]. Однако он отказался и предпочел отставку.

В разговоре, который предшествовал моему согласию стать министром, я указал президенту на необходимость улучшения взаимодействия гражданских и военных специалистов в условиях войны, а также на необходимость найти в Вашингтоне человека, который станет выявлять бюрократические препятствия для этого взаимодействия и оперативно их устранять. Мне рисовался своего рода координатор по всем вопросам, имеющим отношение к войне, человек, в полномочиях которого позвонить от имени президента любому министру и устроить тому выволочку, если его ведомство не справляется с поставленными задачами. В интервью для прессы 11 апреля я уточнил: «Думаю, называть такого человека царем довольно глупо. Правильнее именовать его координатором и посредником… С этим отлично справился бы Стив Хэдли, будь у него время, но, к сожалению, Стиву и без того хватает хлопот».

Хэдли пришел к тому же выводу и согласился со мной, что нам требуется координатор. Президент, Чейни и Райс первоначально отнеслись к этой идее довольно скептически, но Хэдли сумел их переубедить. Он поочередно предложил эту работу нескольким отставным старшим офицерам, занимавшим в

недавнем прошлом высокие посты. Все отказались, причем один публично заявил, что Белый дом понятия не имеет, что творится в Ираке. Тогда Стив попросил нас с Пэйсом подобрать на эту должность старшего офицера из действующей армии. Мы с Питом подумали – и по большому счету выкрутили руки генерал-лейтенанту Дугу Люту из ОКНШ. Когда он в конце концов согласился, я понял, что с меня, как говорится, причитается. Кстати, Дуг оказался ценным приобретением для администрации Буша (и настоящей занозой в одном месте для нас с Малленом в администрации Обамы).

В конце мая и начале июня Лис Фэллон начал переброску войск. До меня доходили слухи, что он и его сотрудники осторожничают и требуют подробных обоснований любого запроса, поступавшего от Петрэуса. Фэллон считал, что сокращение контингента в Ираке можно произвести быстрее, чем виделось Дэйву. Он совершил ошибку, пригласив репортера Майкла Гордона из «Нью-Йорк таймс» на встречу с аль-Малики. Впрочем, я-то просто пожал плечами, а вот Конди Райс рассвирепела. 11 июня я удостоился «поднятой брови» от президента, когда речь зашла об этом случае; эту мимику я всегда расшифровывал так: «Какого черта у вас происходит?» Буш хотел знать, какие меры приняты в отношении Фэллона. (Вдобавок президенту чуть позднее сообщили, что Фэллон на публике рассуждал о примирении в Ираке – а эти материи считались исключительной прерогативой Крокера.) Я попросил Пэйса провести с Фэллоном разъяснительную беседу. Буш-43 – как и Обама – всегда ценил откровенные, пусть даже критические, замечания старших офицеров, но – в частном порядке. Публичные заявления такого рода со стороны адмиралов и генералов не допускались, особенно по вопросам, которые значительно выходят за пределы их профессиональных обязанностей. Данный эпизод, когда слова старшего офицера вызвали негативную реакцию Белого дома, оказался первым из многих, с которыми мне пришлось разбираться.

Снова я посетил Ирак в середине июня, чтобы обсудить с Петрэусом стратегию, побывать в войсках и встретиться с иракскими лидерами. В очередной раз я призвал иракское правительство к действиям и убедил Малики не позволять членам Совета представителей уйти в месячный отпуск. При этом, не стану скрывать, я вел себя с премьер-министром Ирака как настоящий держиморда. Петрэусу я сообщил, что в сентябре мы потеряем поддержку умеренных республиканцев, – следовательно, ему нужно в октябре «что-то предпринять». Он обрисовал мне оперативные условия предстоящего сокращения

численности контингента: безопасность мирного населения в целом обеспечена, мы добились определенных успехов в провинции Анбар, иракцы настаивают на сокращении нашего присутствия, принимают на себя больше ответственности за наведение порядка (уже в тринадцати из восемнадцати провинций), а иракская армия постепенно становится боеспособной. Петрэус предложил начать вывод с бригады, которая воевала в Ираке с самого начала операции; я ответил, что ему виднее.

Думаю, Петрэус понимал, как именно я пытаюсь выиграть время, и был в целом согласен с моими действиями, но, возможно, в ходе этого своего визита я слегка переусердствовал. Мы в администрации знали, что сентябрьские инициативы должны исходить от Дэйва. А он, по неведомым причинам, вдруг сказал мне со смешком: «Знаете, я могу подложить вам большую свинью». Я неплохо владею эмоциями – спасибо многочисленным заседаниям в конгрессе: быстро учишься следить, чтобы твое лицо не выражало истинных чувств, – так что, полагаю, Дэйв не заметил, насколько меня потрясли и уязвили его слова. Да, конечно, ему поручили весьма непростую работу, он находился под постоянным давлением и, как и любой полководец, хотел, чтобы в его распоряжении оставались все войска, какие необходимы. И все-таки в этих словах прозвучала угроза. К счастью для всех нас, Дэйв поднаторел и в политике; он реально оценивал ситуацию и сознавал, что от него ждут определенной гибкости, иначе нетерпеливый конгресс уничтожит все наши достижения. Но отсюда не следовало, что все это ему нравится. И он только что выразил свою позицию.

В конце июня Фэллон пришел ко мне в кабинет и изложил свое видение дальнейших шагов по урегулированию в Ираке. Когда он уселся за круглый столик, принадлежавший Джефферсону Дэвису в его бытность военным министром[25], и принялся перебирать бумаги, стало ясно, что он мыслит принципиально по-другому, чем Петрэус, и, как мне показалось, эти мысли, во-первых, чрезвычайно опасны для нашей стратегии в Ираке, а во-вторых – чреваты политической катастрофой для него самого. Фэллон сказал, что прогресса по примирению не наблюдается, несмотря на постоянные обещания иракских чиновников; что правительство Ирака состоит из дилетантов, погрязло в коррупции и очевидно потворствует шиитам; что уровень насилия в стране не снижается – более ста американских солдат погибают каждый месяц; что повстанцы и террористы целенаправленно атакуют американцев, ослабляя политическую решимость США; что иракская армия пополняется крайне

медленно, сталкивается с проблемами обучения, снабжения и разведки; наконец, что способность США реагировать на кризисы в любом уголке мира ставится под сомнение, поскольку мы увязли в Ираке. Значит, подытожил он, требуется радикальное изменение политики в отношении Ирака, и «действия прямо сейчас» позволят избежать дебатов и ненужной конфронтации в сентябре. Он предложил сосредоточиться на обучении и обеспечении иракской армии с постепенным выводом американских войск с линии фронта. Фэллон рекомендовал сократить количество наших бригадных тактических групп с двадцати до пятнадцати к апрелю 2008 года, до десяти к началу декабря 2008 года и до пяти к началу марта 2009 года.

Я знал, что президент никогда не согласится с такими рекомендациями, да и сам я от них не в восторге, о чем прямо и сказал. Однако нельзя не признать, что Лис был прав в своей оценке ситуации на местах. И пусть впоследствии стали расползаться слухи о противоречиях между Фэллоном и Петрэусом, не могу не отдать Лису должное за то, что его предложения от 29 июня не стали достоянием общественности. В противном случае разразилась бы политическая буря, как в Белом доме, так и на Капитолийском холме.

Остальную часть лета я в основном занимался тем, чтобы сохранить ту толику поддержки, которой мы заручились в конгрессе, и помешать конгрессменам связать нам руки в Ираке. Вето президента на законопроект о финансировании военных действий, устанавливавший конкретные сроки вывода войск, не помешало демократическому руководству в обеих палатах возобновить попытки законодательным порядком изменить иракскую стратегию. Конгрессмены вновь призывали сосредоточиться на боеготовности и количестве времени, которое наши солдаты проводят дома. А умеренные республиканцы наподобие Ламара Александера вдруг вспомнили о рекомендациях Группы по изучению Ирака – отказаться от участия в военных операциях и в течение года приступить к поддержке, снаряжению и обучению иракцев. (Президент же воспринимал рекомендации Группы как стратегию вывода войск из Ирака, а не как стратегию достижения успеха.)

К началу июля наши возможности контролировать происходящее в конгрессе окончательно ослабли по причине того, что республиканцы в сенате, наподобие Пита Доменичи, публично отказались поддерживать президента. Ситуация обострилась настолько, что я отменил запланированную поездку в Центральную и Южную Америку и остался в Вашингтоне – вести переговоры с конгрессменами лично и по телефону. В основном я

упирал на то, особенно при общении с республиканцами, что нужно подождать, пока Петрэус и Крокер не представят в сентябре свой отчет. Я справедливо надеялся, что это даст нам время. Неужели после всего, через что мы прошли в Ираке, так сложно потерпеть какие-то шесть недель, когда станет известно, эффективна ли новая стратегия президента? Еще я начал «давить на логику»: странно, что критики, которые так яростно жаловались, что Буш игнорирует советы генералов в начале войны, теперь сами готовы проигнорировать мнение военных и даже не хотят его выслушать.

Также за лето я проработал вопрос о том, каким образом министерство обороны донесет президенту свои рекомендации о следующих шагах в Ираке, – в частности, о сокращении контингента. Я ничуть не сомневался, что президент должен выслушать лицом к лицу всех старших военачальников и советников. Неправильно, чтобы один генерал излагал столь глобальный план, и нельзя, чтобы президент поддался на аргументы одного человека, не узнав различные точки зрения. Оставалось надеяться, что продуманный мной «способ контакта» минимизирует последствия разногласий среди высшего военного руководства – разногласий, о которых знал и на которые опирался конгресс.

В разгар этой деятельности мне пришлось – так часто случается в Вашингтоне – разбираться со всевозможными слухами и домыслами журналистов. Например, репортер с репутацией человека, имеющего надежные источники в военных кругах, написал, что президент готовит Петрэусу участь козла отпущения, если стратегия усиления провалится. Заявление ни в малейшей степени не соответствовало действительности и привело президента в ярость. Потом мне сообщили, будто некие «люди в Белом доме» слышали, что Фэллон «копает» под Петрэуса и что, по уверениям отставного генерала, бывшего заместителя главы Комитета начальников штабов (и сторонника новой стратегии) Джека Кина, Фэллон «обливает Петрэуса грязью» в ОКНШ.

Двадцать седьмого августа Петрэус и Фэллон доложили ОКНШ и мне о своих прогнозах развития ситуации в Ираке. Выяснилось, что они вполне способны договориться между собой. Петрэус сообщил, что положение в стране во многом стабилизировано, однако национальное примирение идет медленнее, чем предполагалось, неопытное иракское правительство изо всех сил старается удовлетворить основные потребности граждан, но на региональном уровне наблюдаются серьезные различия от провинции к провинции. В июле отмечено

рекордное число нарушений безопасности – более 1700 в неделю. Но жертв среди гражданского населения на 17 процентов меньше по сравнению с декабрем предыдущего года; общее количество смертельных случаев сократилось на 48 процентов, а количество убийств – на 64 процента. Частота нападений в провинции Анбар снизилась с более 1300 в октябре 2006 года до немногим более 200 в августе 2007 года.

Дэйв рекомендовал с декабря 2007 года начать подготовку к постепенному сокращению контингента и приступить к передаче иракским вооруженным силам полномочий по обеспечению безопасности населения. Он даже назвал конкретные даты: вывод американских войск из Ирака может начаться с сентября 2007 года, причем к 16 сентября можно вывести экспедиционный отряд морской пехоты, а с декабря 2007-го по июль 2008 года – в общей сложности пять бригадных тактических групп (БТГ) и два батальона морской пехоты; вывод служб боевого обеспечения и технических подразделений можно ускорить. Тем самым наши силы в Ираке сократятся до первоначальных пятнадцати БТГ. Петрэус добавил, что не стоит почивать на лаврах, необходимы агрессивные действия на дипломатическом, политическом и экономическом фронтах. Он предложил составить не позднее середины марта 2008 года новый отчет, с рекомендациями по дальнейшему сокращению сил США в Ираке после июля 2008 года.

Решение об уменьшении количества БТГ с пятнадцати до двенадцати должно быть принято не позднее марта 2008 года. Петрэус прибавил, что сокращения численности войск после июля 2008 года «обязательно будут», но их темп определят факторы, «аналогичные рассмотренным в текущих рекомендациях».

Итак, началось. 29 августа я провел в «Танке» совещание с Объединенным комитетом начальников штабов, а 30 августа мы с Пэйсом предстали в Овальном кабинете перед президентом, вице-президентом, главой администрации Белого дома Джошем Болтеном; также на встрече присутствовали Стив Хэдли и Дуг Лют. Пэйс озвучил план Петрэуса, а также мнения Фэллона и ОКНШ. Он сказал, что военачальники и советники одобряют рекомендации Петрэуса, и не преминул уточнить, что ОКНШ и Фэллон тяготеют к ускорению темпа передачи полномочий иракцам, тогда так Петрэус больше склоняется к сохранению американского военного присутствия в Ираке ради безопасности иракского населения.

На следующий день я организовал мини-совещание с президентом, дабы «подготовить почву» для его предстоящих встреч с Петрэусом, Фэллоном и прочими. Мне хотелось, чтобы

Буш заранее услышал все доводы и ему не пришлось потом реагировать экспромтом; учитывая важность вопроса, такого нельзя допускать ни для одного президента – разве что в по-настоящему чрезвычайных ситуациях. Я также хотел, чтобы президент мог спокойно задать вопросы, в том числе политические, которые могут показаться неудобными или неуместными, чтобы при последующей встрече сформулировать их более обтекаемо. Как часто бывает, вопросов у Буша обнаружилось множество. Не спровоцированы ли эти рекомендации давлением, которое оказывается на наши войска? Не означают ли они изменение главной задачи? Бушу не нравились так называемые вынужденные меры воздействия на иракцев, подразумевавшие «принуждение» их к примирению, заставляющие принять законы, которые мы (и конгресс) полагали необходимыми для мирного сосуществования шиитов, курдов и суннитов. Президент указал, что сокращение наших войск должно производиться на основе «реальных условий». Он подчеркнул, что смена стратегии стала возможной благодаря успеху военной операции, а вовсе не благодаря давлению со стороны конгресса, не потому, что мы требовали невозможного от наших солдат, и не потому, что «к чему-то там принуждали» иракское правительство. Я пояснил, что стабилизация обстановки в самом деле позволяет приступить к передаче полномочий и что первыми будут выводиться подразделения, пробывшие в Ираке дольше остальных. Кроме того, мы планируем выводить части из районов, где ситуация с безопасностью наиболее стабильна, а вот в Багдаде усиленный режим службы будет продлен еще на несколько месяцев. Вице-президент уточнил, гарантируют ли все эти меры окончательный успех. Пэйс ответил: «Да. Именно гарантируют». Президент в итоге согласился с рекомендациями Петрэуса. Чейни, думаю, отнесся к ним скептически; будь президентом он, вряд ли план Дэйва получил бы одобрение.

Тридцать первого августа к участникам предварительного совещания присоединились Конди Райс и Фэллон. Нам с Пэйсом пришлось поволноваться. В шесть тридцать утра раздался звонок из Белого дома – с нелестными, мягко говоря, комментариями в адрес Фэллона, который передал свой отчет в администрацию заблаговременно; в его отчете говорилось, что наше присутствие в Ираке усугубляет тамошнюю нестабильность и провоцирует антиамериканские настроения в регионе. Фэллон настойчиво рекомендовал поскорее передать все дела иракскому правительству и вывести наши войска. Пэйс позвонил Фэллону и сказал ему, что некоторые его советы как-то не вяжутся с общей позицией. Фэллон вычеркнул пару абзацев, буря стихла, и

совещание началось в восемь тридцать пять утра.

Буш провел почти два часа в Ситуационном центре, откуда установили прямую видеосвязь с Крокером и Петрэусом в Багдаде. Петрэус снова дал общую оценку ситуации, в том числе остановился на некоторых политических и экономических достижениях, слегка скрасивших неспособность иракцев принять в конце концов ключевые законы, необходимые для достижения полноценного национального примирения. Далее он стал излагать свои рекомендации. Президент вновь выразил недовольство «вынужденными мерами воздействия». По словам Буша, Соединенные Штаты не в состоянии заставить иракцев забыть о вековой внутренней вражде. Это замечание вызвало оживленный обмен мнениями, почти спор. Крокер, Петрэус и Фэллон прямо возражали президенту, уверяли, что без давления со стороны США иракцы «не пошевелятся»; во взаимоотношениях внутри страны нет достаточного доверия, понимания и опыта. Я сказал, что существует принципиальная разница между реальным примирением и достижением прогресса на пути к нему. На мой взгляд, наша роль больше схожа с ролью посредника в переговорах между профсоюзом и руководством компании: мы помогаем обсуждать проблемы и находить компромиссы, и нам вовсе не обязательно, чтобы они полюбили друг друга. Что касается численности войск, в особенности сокращений с декабря по июль, то президент хотел убедиться, что планы составлены исключительно с учетом «ожиданий», а фактическое сокращение будет проводиться, исходя из оперативных условий на конкретный момент времени. Буш желал действовать осторожно. По иронии судьбы он выказал готовность к более решительным сокращениям после июля. Тут пригодились наметки Фэллона, и президент публично одобрил рекомендации Петрэуса.

В тот же день президент встретился с Объединенным комитетом начальников штабов. Пэйс изложил позицию ОКНШ и девять различных сценариев развития событий в Ираке, от дальнейшего увеличения контингента до ускоренного вывода войск. И сказал президенту, что ОКНШ независимо пришел к выводам, аналогичным рекомендациям Петрэуса и Фэллона.

Буш уточнил, не являются ли выводы ОКНШ следствием «военного стресса», о котором столько говорят в последнее время. Пэйс опроверг это утверждение, сообщив, что выводы сделаны «на основании взглядов персонала», но не «под давлением персонала». Буш спросил: «Почему же люди идут в армию, если они не хотят сражаться и защищать свою страну?» Тут вмешался вице-президент: «Насколько мы близки к моменту, когда придется выбирать между победой в Ираке и разрушением армии?»

Президент ответил: «Кому-то неизбежно предстоит рискнуть, и лучше пусть это будете вы, потому что я уверен – такого выбора нет». В конце концов Буш сказал: «Я поступлю так, как рекомендует Петрэус».

После встречи президент сделал краткое заявление для прессы. Я предварительно пообщался с Хэдли и Эдом Гиллеспи, советником президента по связям с общественностью, и предложил менее агрессивный, чем обычно, тон – так сказать, протянем руку критикам, это будет полезно для предстоящих слушаний в конгрессе. Они согласились и подготовили соответствующий текст. Но президент увлекся, «завелся» и сделал крайне жесткое заявление, от души пройдясь по критикам. После его речи я спросил у Хэдли с Гиллеспи: «Развлекается за наш счет?»

Процессы в Ираке разворачивались во многом в соответствии с моими планами и надеждами – с теми, которые были в начале года, и с теми, которые мы с президентом обсуждали конфиденциально несколько месяцев назад. Численность войск в Ираке должна была сократиться до прежнего уровня не ранее лета 2008 года. Президент продолжал говорить о «победе». Я же был вполне доволен тем, что наши шансы потерпеть унизительное поражение стали значительно ниже. Может быть, после всех предыдущих ошибок и просчетов все-таки получится добиться итогового успеха.

Два дня спустя, 2 сентября, президент и Конди тайно прилетели на авиабазу Аль-Асад в Западном Ираке, чтобы лично встретиться с Петрэусом и Крокером, руководителями иракского правительства и рядом суннитских шейхов, которые сыграли столь важную роль в организации сопротивления «Аль-Каиде» и подавлении мятежей в провинции Анбар. Пэйс отправился в Ирак в одиночку, а я вместе с Фэллоном прилетел на военном транспортнике С-17.

Мне хорошо запомнились два разговора на авиабазе Аль-Асад. Первый состоялся между Бушем и Крокером. Президент высказался в том духе, что борьба иракцев сродни той, которую вели мы за свои гражданские права. (Очевидно, эту мысль подала ему Конди.) Крокер возразил; он считал, что Ирак в этом отношении сильно отличается, что обстановка здесь намного хуже той, какая была в Америке, когда разворачивалась борьба за гражданские права. Важно понимать, сказал Райан, что тридцать пять лет правления Саддама – это три с половиной «десятилетия краха». Страна и народ жили в постоянном страхе, причем их намеренно разобщали. Потребуется немало времени, чтобы преодолеть этот «цикл страха». Действия США в 2003 году не

просто привели к смене режима, продолжал Райан. «Нет, это было намного больше… И своего Нельсона Манделы тут не нашлось, потому что Саддам их всех прикончил». Мы можем победить, но понадобится «приложить колоссальные и длительные усилия». Крокер признал, что успехи очевидны, но «если мы уйдем, тут случится гуманитарная катастрофа масштаба Руанды», немедленно вернется «Аль-Каида», а следом придет Иран, что «будет иметь непредсказуемые последствия для всех арабских государств». В общем, Крокер был настолько откровенен, насколько это возможно в беседах с президентами.

Второй разговор был с шейхами и с губернатором провинции. Говорили об одном – местные требовали денег от столицы на свои «карманные» проекты, прямо как наши конгрессмены.

Вообще лучшей характеристикой этой поездки стала бы цитата из интервью президента: «Генерал Петрэус и посол Крокер утверждают, что если мы не остановимся на достигнутом, то в дальнейшем можно будет обеспечить нынешний уровень безопасности с меньшим количеством американских войск».

Печальной сноской к встречам на авиабазе Аль-Асад стала гибель шейха Саттара: спустя всего несколько дней этот человек, возглавлявший движение «Пробуждение» в провинции Анбар, был убит.

Последним испытанием для Крокера и Петрэуса стали слушания на Капитолийском холме 10 и 11 сентября. Два долгих дня генерал и дипломат выступали перед конгрессменами и отвечали на вопросы – а в залах шумно митинговали «Женщины в розовом», антивоенная группа, склонная к эпатажным выходкам (некоторых ее участниц выставили вон прямиком со слушаний). Крокер и Петрэус строго придерживались фактов и честно рассказывали о проблемах Ирака. Очевидная осторожность в сочетании с откровенностью дала скептикам и критикам богатую почву для домыслов и сплетен. Некоторые фразы разошлись на цитаты в СМИ. Так, Крокер в ответ на вопрос сенатора Маккейна, выполнят ли иракцы то, что мы от них требуем, сказал: «Я дозирую свое доверие». Сенатор Клинтон заявила Петрэусу: «Отчеты, которые вы предоставили, поневоле вызывают подозрения». Сенатор Хейгел спрашивал: «Выиграть время? Для чего?» Демократы предсказуемо возмущались тем, что на политическом фронте особых успехов в Ираке нет. Многие республиканцы, уповавшие на более позитивные сдвиги и доказательства эффективности резкого изменения стратегии, тоже были недовольны. Некоторые из тех, кто молчаливо поддерживал военную политику президента, например, сенатор Элизабет Доул, призывали к «принуждению к действиям», а

другие настаивали на скорейшей передаче полномочий.

Профессионализм и сдержанность Крокера и Петрэуса, впрочем, принесли свои плоды, поскольку смотрелись заведомо выигрышно на фоне тех допросов с пристрастием, которые им устроили, особенно в сенате. Республиканские лидеры сената по завершении слушаний заявили, что теперь могут уверенно утверждать: попытки демократов протащить через конгресс свои «пораженческие» резолюции обречены на провал. Сайт антивоенной группы MoveOn.org обвинил Петрэуса в искажении фактов в угоду Белому дому; броский заголовок на сайте гласил: «Генерал Петрэус или генерал Предатус?» Лично меня этот заголовок оскорбил, о чем я заявил в интервью. Нападки на человека, посвятившего жизнь защите нашей страны, разъярили республиканцев и смутили демократов, равно как, на мой взгляд, затруднили критикам свободу маневра. К исходу второго дня слушаний стало ясно: отдельные конгрессмены довольны, а в целом у демократов нет шансов изменить военную стратегию. И в этом отношении наше с Пэйсом выступление 12 сентября и речь президента 13-го по поводу начала вывода войск – «возвращения с победой» – пришлись как нельзя более кстати.

Весь этот год я сознательно вел весьма рискованную игру. В августе один журналист отметил: «Даже на конфиденциальных встречах с законодателями, старшими помощниками и подчиненными-военачальниками… он избегал раскрывать все карты… Этот представитель администрации – человек, чьи взгляды менее всего известны». Я считал необходимым сохранять максимально нейтральную мину, особенно при общении с конгрессом, чтобы другие игроки не могли догадаться, какой именно подход я лоббирую. Единственным, кто знал правду (не считая моих сотрудников и Пэйса), был президент. Я признал все это на пресс-конференции 14 сентября: «Когда здесь, в Вашингтоне, разворачивались в последние месяцы бурные политические дебаты, когда, что важнее, мы просчитывали будущие действия США в Ираке, я намеренно старался оставаться как можно менее заметным, ибо был убежден, что таким образом принесу больше пользы стране – в Пентагоне, в сотрудничестве с коллегами по Совету национальной безопасности, в консультировании президента и во взаимодействии с конгрессом».

Далее я поделился своими соображениями относительно многочисленных задач, которые нам предстоит решить в Ираке. Прежде всего мы должны максимально использовать эффект «натиска» (как стали называть операцию с усилением нашего контингента) для достижения наших долгосрочных целей и не

допускать даже видимости поражения в Ираке. Мы должны успокоить наших друзей и союзников в регионе, а заодно дать недвусмысленный сигнал потенциальным противникам: Америка остается наиболее влиятельной внешней силой на Ближнем Востоке в долгосрочной перспективе. Мы должны максимально поддержать иракцев, чтобы они постепенно принимали на себя все больше ответственности за собственную страну и собственную безопасность. А дома мы должны добиться широкой коалиционной (имея в виду обе партии) поддержки устойчивого американского присутствия в Ираке, присутствия, которое позволит защитить национальные интересы США в регионе. У нас общая цель: сохранить то, чего добились для нас своими жизнями наши мужчины и женщины в военной форме, и показать им, что их служба, их жертвы не были напрасными.

Пресс-конференцию я завершил следующим образом: «Кое-кто уверяет, что стратегия Петрэуса слишком медленная, что нам нужно выводить войска из Ирака намного быстрее. Я считаю, что не имеет значения, как мы оказались в Ираке там, где оказались; важно в дальнейшем сделать все правильно – и понимать, какие последствия нас ожидают в противном случае. Вот что критически важно для Америки. И я считаю, что наше военное руководство, в том числе блестящий командующий полевыми силами, обладают всеми необходимыми качествами, чтобы эта задача была выполнена».

Зная, что ближайшее столкновение с оппонентами произойдет в марте, я решил на этой пресс-конференции бросить «новую морковку». Я сказал, что «надеюсь», что в марте Петрэус сообщит: «По его мнению, вывод войск можно продолжать в том же темпе во второй половине года». Я хотел подчеркнуть, что вывод подразделений продолжится, и это обстоятельство, как я надеялся в начале 2007 года, сместит фокус общественного внимания: что в 2008 году мы будем спорить о темпах вывода войск и об обеспечении долгосрочной безопасности Ирака, а не о самой войне или о нашей стратегии. Я твердо верил, что такой подход соответствует истинным интересам Соединенных Штатов, – и рассчитывал, что его не упустят из вида в предвыборной президентской кампании.

Последняя атака оппонентов, мечтавших об изменении стратегии, состоялась в середине сентября, когда сенатор Джим Уэбб представил законопроект, который требовал предоставлять военнослужащим перед очередной передислокацией столько же времени на родине, сколько они провели в последней командировке за пределами страны. Это была очередная попытка заставить президента ускорить вывод войск. С практической

точки зрения проект не имел смысла, поскольку предусматривал индивидуальные, а не коллективные отпуска, что невозможно организовать ни при каких условиях. На пресс-конференции 14 сентября я пояснил, что эта поправка может удлинить срок пребывания в Ираке тех частей, которые там уже находятся, а также заставит правительство привлекать дополнительные подразделения Национальной гвардии и резервистов, вызовет ненужное напряжение между солдатами и снизит тем самым боевую эффективность войск. Кроме того, мы с Пэйсом указали, что эта поправка вынудит нас изучать послужной список буквально каждого солдата в отдельности, чтобы определить сроки его отпуска, что обернется фактическим развалом боевых частей: ведь одни солдаты окажутся на фронте, тогда как другие – дома, и наоборот. В июле поправка набрала пятьдесят шесть голосов в сенате – ей не хватило всего четырех голосов для прохождения! Я обрывал телефоны конгрессменов, сосредоточившись на устранении этой проблемы как на важнейшей тактической задаче министра обороны. Выступив 17 сентября с речью в Уильямсбурге, штат Виргиния, я предложил сенатору Джону Уорнеру вместе вернуться в Вашингтон на вертолете. И воспользовался случаем, чтобы объяснить бывшему главе управления ВМС[26] невозможность реализации планов Уэбба. Уорнер согласился с моими доводами, и это было замечательно, учитывая старшинство Уорнера в комитете по делам вооруженных сил и тот факт, что он, как и Уэбб, представлял в сенате Виргинию.

В тот же день я сказал журналистам, что критики войны ругают президента без всяких на то оснований: они добивались сокращения численности войск, и это происходит; они желали точной даты начала вывода – и мы ее назвали; они требовали графика вывода – и Петрэус им его представил; они настаивали на изменении стратегии – и президент согласился. Думаю, прибавил я, что в интересах критиков позволить президенту до конца разобраться с ситуацией в Ираке, чтобы новый президент не начинал с разгребания завалов. К сожалению, мои слова прошли мимо ушей..

Восемнадцатого сентября спикер палаты представителей Нэнси Пелоси пригласила меня на завтрак. За пять дней до этого она опубликовала пресс-релиз, пестревший фразами наподобие «Стратегия президента в Ираке провалилась» и «Выбор – между планом демократов по разумному делегированию полномочий и планом президента по бесконечной войне в Ираке». Помня об этих фразах, я за завтраком убеждал ее содействовать скорейшему принятию законопроекта об ассигнованиях на

оборону до октября и принятию военного бюджета в целом, а не растягивать обсуждение на недели или месяцы. Я напомнил, что президент утвердил рекомендации Петрэуса по смене приоритетов в декабре, и сказал, что Петрэус и Крокер оба рекомендуют подход, заслуживающий широкой коалиционной поддержки. Она вежливо дала понять, что не заинтересована. Я не удивился. В конце концов, чтобы заниматься партийной политикой, совершенно необязательно следовать фактам, не говоря уже о соблюдении национальных интересов, верно?

Что ж, я выдержал суровый восьмимесячный бой с конгрессом, пережил «импровизацию на краю катастрофы», цитируя историка Джозефа Эллиса. И добился своего. 21 сентября конгресс не смог одобрить ни одну из поправок, способных изменить нашу стратегию.

Мы с Пэйсом в последний раз вместе выступили 26 сентября на заседании сенатского комитета по ассигнованиям. До начала слушаний, которые были назначены на вторую половину дня, я позавтракал с лидером демократического большинства в палате представителей Стени Хойером и рядом конгрессменов-демократов. А пообедал с сенатским политическим комитетом Демократической партии во главе с лидером сенатского большинства Гарри Ридом. Обе встречи прошли вполне дружелюбно и заставили о многом задуматься.

Слушания во второй половине дня, словно кто-то нарочно так постарался, разительно отличались: ничего подобного мне не доводилось видеть за всю мою профессиональную карьеру. «Женщины в розовом» и прочие горлопаны старались вовсю, в просторном зале было невероятно шумно. Председательствовал ветхий сенатор Роберт Берд. Слушания, на которых якобы дискутировался оборонный бюджет, сразу превратились в площадку для демократов, желавших непременно высказаться по Ираку. Берд умудрился вывести публичное заседание на совершенно новый уровень. Словно проповедник на ярмарке, он заигрывал с толпой, вовлекал ее в действо, распалял и фактически побуждал недовольных набрасываться на нас с Питом. То и дело он патетически восклицал: «Неужели мы и вправду стремимся создать стабильный и безопасный Ирак?» Толпа единодушно ревела в унисон: «Нет!» Когда же Берд заговорил о «подлой, адской войне в Ираке», ему в ответ завопили: «Спасибо! Спасибо!» Естественно, он не удержался от беспроигрышного драматического эффекта – мол, война обходится США в «триллионы долларов».

Демократы из состава комитета явно ощущали неловкость. Некоторые из них даже пытались призвать собравшихся к

порядку. Но тут сенатор Том Харкин поинтересовался у Пита, почему в армии столь «унизительное» отношение к геям. (В прошлом марте Пит в интервью для СМИ выразил свое личное мнение, что гомосексуальное поведение аморально.) Пэйс повторил свои слова – если уж на то пошло, для него это было последнее слушание; как говорится, терять нечего. Разумеется, псы сорвались с цепи. Зал взбеленился. Берд полностью утратил контроль над аудиторией и сразу это понял. Он молотил председательским молоточком с такой силой, что я испугался, как бы престарелого сенатора не хватил удар. Потом он объявил, что слушания откладываются, по подсказке помощников поправился – «приостанавливаются», а затем приказал очистить помещение от публики. Пока полиция Капитолия выполняла свою работу, сенатор-республиканец Джадд Грегг подошел к Харкину и бросил: «Стыдитесь». Харкин вскочил и заорал: «Нечего меня поучать!»

Я будто очутился на комедийном шоу – этакое «Субботним вечером» в стенах конгресса. Мне стоило немалых трудов не оборачиваться к толпе, иначе я расхохотался бы в голос. А с политической точки зрения это была своего рода сенатская версия рекламы сайта MoveOn.org. На следующий день я сказал своим сотрудникам, что присутствовал на «гражданских слушаниях под аккомпанемент беспорядков». Достойная кульминация моих сражений с конгрессом в 2007 году по поводу войны в Ираке. К сожалению, политическая жертва этой войны (точнее, обеих войн разом) сидела рядом со мной за столом для слушаний в последний раз.

Глава 3
Латая дыры, скрепляя узы

Рассчитывать на успех в реализации новой стратегии в Ираке не стоило, если я не сумею затушить – или хотя бы локализовать – череду политических и бюрократических пожаров, то есть конфликтов с высокопоставленными военными, с конгрессом, со СМИ, с другими учреждениями, в том числе с Государственным департаментом и с разведывательным сообществом. Чтобы понять, каким образом это лучше сделать, я потратил много времени и энергии в свои первые месяцы на посту министра обороны. Как несложно догадаться, я также был полон решимости установить прочный контакт с нашими войсками, особенно с теми, кто находился на линии фронта. Их следовало убедить – не словами, а делами, – что министр обороны стоит за них горой и лично отстаивает интересы солдат и офицеров в Пентагоне и в Вашингтоне.

В Вашингтоне почти каждый мой рабочий день начинался с совещания с Хэдли и Райс в шесть сорок пять утра. А затем я погружался в круговорот деловых встреч, отнимавших поистине невероятное количество времени. В Белом доме привычный распорядок дня выглядел так: совещание со Стивом и Конди; совещание с ними же плюс Чейни; совещание с ними троими плюс директор Национальной разведки[27], директор ЦРУ и председатель Объединенного комитета начальников штабов; так называемые «встречи патронов» – этих встреч бывало буквально до тысячи, и все делали заметки (как правило, я старался держаться максимально тихо); наконец, рабочее совещание с президентом. И на всех встречах обсуждались рутинные вопросы. Если же случался кризис, количество совещаний возрастало – только и всего. Признаться, очень быстро меня такая практика начала раздражать: мы часто совещались по одному и тому же поводу, тратили гигантское количество времени, пытаясь добиться общего согласия. Некоторые совещания оказывались «пустышками», судя по отсутствию результатов; кроме того, нередко получалось, что президенту рекомендовать нечего: мнимые согласия, которых вроде бы достигали, скрывали под собой существенные расхождения во взглядах. У меня даже появилась присказка: порой мы так долго жуем жвачку, что она полностью теряет свой вкус. Я выпил колоссальное количество кофе, а кормили на совещаниях, особенно после обеда, не то чтобы обильно; вспоминаются разве что свежеприготовленные

лепешки тортилья – с сырным соусом и сальсой. В общем, я откровенно скучал и злился – слишком, слишком часто.

В Пентагоне дела обстояли еще хуже. Рабочий день в кресле министра начинался с «дневного брифинга» в моем кабинете: мне излагали сводку основных событий за минувшую ночь и представляли перечень бюрократических проблем, требовавших решения; завершался день «экспресс-планеркой» за тем же круглым столиком Джефферсона Дэвиса: мы оценивали бюрократические достижения и зализывали раны. Этот столик был одной из трех старинных вещиц в моем кабинете. (В шутку я, бывало, говорил посетителям, что вещиц четыре, если считать меня самого.) Помимо столика Дэвиса позади моего стола располагался длинный стол, украшенный искусной резьбой и принадлежавший когда-то Улиссу Гранту[28]. А огромным столом для переговоров некогда владел генерал Джон Дж. Першинг[29]: этот стол распорядился перевезти в Пентагон из находящегося рядом с Белым домом Старого здания Исполнительного управления[30] второй министр обороны, пройдоха от политики Луис Джонсон[31]. Остальная часть кабинета была выдержана в стиле «позднего правительства»: кресла и диван коричневой кожи, изысканно освещенные яркими флуоресцентными лампами. На стене за моим столом висели два портрета – моих личных героев, генералов Джорджа К. Маршалла и Дуайта Д. Эйзенхауэра[32].

Роберт Рангел проводил как утренние, так и вечерние совещания; на последних присутствовали только мы двое и мой старший военный помощник. Среди всех моих знакомых Рангелу не было равных в умении владеть лицом, и потому, когда он начинал говорить, я понятия не имел, какую новость он собирается сообщить – хорошую (что случалось крайне редко) или что-нибудь этакое, от чего волосы встанут дыбом (это происходило регулярно). Остаток дня был заполнен видеоконференциями по защищенному каналу с боевыми командирами в Багдаде и в Афганистане, встречами с зарубежными коллегами (иногда с двумя или тремя в один день), совещаниями по бюджету или по различным программам вооружений; обсуждениями различных проблем с гражданскими сотрудниками и военными; совещаниями по текущим рабочим вопросам и по вопросам, которые представляли для меня особый интерес и которые я хотел контролировать лично (как правило, это касалось воинских частей в зонах боевых действий). Обедал я обычно один, чтобы помолчать хотя бы сорок пять минут за весь день. Чтобы перевести дух, я разгадывал кроссворд в свежем номере «Нью-Йорк таймс», одновременно поглощая сандвич.

Плюс в течение дня приходилось постоянно отвлекаться на телефонные звонки, переговоры с конгрессменами и слушания в конгрессе. На многих, если не на большинстве, встреч и совещаний меня сопровождал Пэйс, а впоследствии Майк Маллен. Слайды PowerPoint стали моим настоящим проклятием на совещаниях в Пентагоне; такое впечатление, что без них никто в министерстве не способен докладывать о чем бы то ни было. Будучи директором ЦРУ, я запретил использование презентаций на совещаниях за исключением карт и графиков, но на посту министра обороны потерпел неудачу при попытке всего лишь сократить количество слайдов на брифингах. В ЦРУ мне по большей части удавалось урвать для себя час или около того в день, чтобы поработать в одиночестве над стратегией и планами. В министерстве обороны такого счастья не предвиделось. Продуманная тактика бюрократов – так заполнить время босса совещаниями, чтобы у него не осталось времени вмешиваться в дела или создавать сотрудникам проблемы. Очень хочется написать, что команда Пентагона преуспела в этой тактике, но правда в том, что на проведении многих совещаний настаивал я сам, чтобы иметь возможность отслеживать состояние важных для меня проблем либо надавить на старших руководителей, дабы они приложили дополнительные усилия по достижению поставленных мной целей.

По правде говоря, ничто не может подготовить человека к выполнению обязанностей министра обороны, особенно во время войны. Сами масштабы министерства и его бюджет подавляют все прочее в правительстве. 535 конгрессменов быстро объяснили мне, что пентагоновские программы и деньги глубоко проникли в каждый штат и едва ли не в каждую общину. Целые отрасли промышленности и многие местные экономики зависят от решений, ежедневно принимаемых в Пентагоне. В военной иерархии министр обороны – второй после президента (вице-президент и председатель Объединенного комитета начальников штабов вовсе не входят в эту цепочку командования), и любой приказ американским вооруженным силам по всему миру поступает от президента через министра обороны непосредственно к боевым командирам (хотя лично я, из практических соображений и из любезности, обычно просил председателя ОКНШ передавать такие приказы в войска). Вдобавок у министра обороны имеются обязанности важнее любого совещания – он каждый день принимает решения, касающиеся жизни и смерти, и эти решения затрагивают не только американских военных. После событий 9/11 президент наделил министра обороны полномочиями сбивать любой

коммерческий авиалайнер, который он, министр обороны, посчитает угрозой Соединенным Штатам. Министр обороны также вправе отдать приказ запустить ракеты, чтобы сбить приближающиеся ракеты противника. Еще он может отправлять в бой бомбардировщики, авианосцы и сухопутные войска. И каждую неделю он принимает решения, согласно которым воинские подразделения передислоцируются в зоны боевых действий и в другие регионы мира. Словом, этот пост обеспечивает поистине невероятное могущество.

В то же время каждый министр обороны, желающий сохранить свою должность, обязан помнить, что работает на президента и служит, пока президент им доволен. Чтобы быть успешным, министр обороны должен добиться крепкого и взаимного доверия президента, равно как и главы аппарата Белого дома и других высокопоставленных сотрудников администрации – прежде всего с руководителем Административно-бюджетного управления.

Министр обороны также входит в федеральную команду по обеспечению национальной безопасности – наряду с вице-президентом, государственным секретарем, советником президента по национальной безопасности и директором ЦРУ, если упомянуть лишь некоторых ее членов; роль, которую министр для себя выберет в этой команде, способна оказать существенное влияние на успех страны в целом и президента в частности. Кроме того, машину министерства обороны питают финансы, а поскольку каждый выделяемый цент должен быть одобрен конгрессом, министру необходимы лоббистские навыки и политическое мастерство, чтобы заручиться поддержкой конгрессменов и раздвинуть их узкие горизонты на благо страны.

Если коротко, то министру обороны, несмотря на все могущество этой должности, приходится справляться с разнообразными конкурирующими интересами внутри Пентагона и за его стенами и сотрудничать со многими «клиентами», без поддержки которых он не в состоянии добиваться успеха. Он постоянно сражается на нескольких фронтах и значительную часть каждого дня тратит на разработку стратегий победы в больших и малых схватках – а попутно решает, каких боев избежать и в каких поддаться. Задача в том, чтобы выигрывать бои, которые обеспечивают общий успех, одновременно сохраняя и даже укрепляя отношения и при этом сокращая число врагов и максимизируя число союзников.

Перемирие дома

До того как занять пост министра, я слышал и читал, что отношения министерства обороны с конгрессом, СМИ, с правительственными агентствами – и с командой по национальной безопасности – далеки от идеальных. До меня также доходили слухи о серьезных трениях между гражданским руководством и высшими военными чинами. Затем, прибыв в Вашингтон на процедуру утверждения в должности, я воочию убедился в том, насколько все плохо, – сведениями со мной поделились конгрессмены из обеих партий, репортеры, с которыми я давно был знаком, приятели в правительстве и старые соратники, имевшие тесные связи со многими в Пентагоне как среди гражданских, так и среди военных. По сей день не готов сказать, сколько в этом обильном потоке было сплетен, продиктованных неприкрытой ненавистью к Рамсфелду, сколько межведомственных склок и сколько попыток просто подлизаться к «новому парню», поливая грязью его предшественника (давняя традиция и искусно отточенное мастерство в Вашингтоне). Впрочем, я прекрасно знал, что в Вашингтоне имидж важнее реальности; последняя же состояла в следующем: министерство обороны ухитрилось рассориться почти со всеми в городе, и мне предстоит заняться активным латанием дыр в отношениях. Без этого не обойтись, в том числе и для достижения победы в Ираке.

Начал я, как говорится, «ближе к телу» – с кольца E, внешнего коридора Пентагона, где находятся кабинеты самых высокопоставленных военных и гражданских чиновников министерства. Уже через час после приведения к присяге 18 декабря я провел первое рабочее совещание с высшим гражданским руководством министерства и Объединенным комитетом начальников штабов. Мне хотелось сразу же объяснить свои намерения. И вот что я, в частности, сказал:

«Первое: вопреки утверждениям прессы я не планирую никаких кадровых перестановок и никого с собой не привожу. Я полностью доверяю вам и вашему профессионализму. Менее всего нам сейчас, на седьмом году работы этой администрации и в разгар двух войн, нужна кучка неофитов, окружающих министра-новичка.

Второе: что касается принятия решений. Я готов слушать и не хочу, чтобы вы молчали. Я ожидаю от вас искренности и откровенности и хочу знать, в чем именно вы не согласны друг с другом или со мной. Если вы сочтете, что я собираюсь сделать ошибку – или уже ее допустил, – я снова прошу вас не отмалчиваться. Сам я предпочитаю заранее узнавать о замаскированных минах, а не наступать на них. Прежде всего я уважаю ваши навыки, ваши дела и ваш опыт. Мне понадобится

ваша помощь в предстоящие два года, которые, как я полагаю, будут непростыми.

Третье: насчет трудных вопросов. Лично я не слишком заинтересован в непременном единодушии. Я хочу, чтобы расхождения во мнениях были принципиальными, – так я смогу принимать решения по реальным проблемам, а не по правилам навязанной мне бюрократической игры. Я не боюсь принимать решения, и то же самое, очевидно, относится и к президенту.

Четвертое: стиль руководства. Вы быстро убедитесь, что я не сторонник формальностей и не приверженец строгого чинопочитания. Разговоры я предпочитаю медленной и мучительной смерти от PowerPoint. Надеюсь, вы найдете для меня возможности встречаться с нашими солдатами, моряками, морскими пехотинцами и летчиками, чтобы я мог исполнять свои обязанности, делясь с ними тем, как мы гордимся ими и как благодарны за их службу.

Пятое. Наш успех или провал зависит от того, будем ли мы работать как единое целое или разбежимся каждый по своим углам. Я обещаю вам открытую, прозрачную рабочую атмосферу. Я не стану принимать решений, затрагивающих чью-либо сферу ответственности, не предоставив этому человеку максимум возможностей взвесить все «за» и «против». Но как только решение принято, мы должны говорить в один голос – не важно, в конгрессе, в СМИ или где-то еще.

Шестое. Никакая стратегия не может быть реализована без стабильной двухпартийной поддержки со стороны конгрессменов. Конечно, необходимо учитывать смену парламентского большинства. Но я хочу, чтобы министерство воспринимали как нацеленное на сотрудничество с конгрессом и реагирующее на его запросы без малейших проволочек и попыток уйти от ответственности. Что касается СМИ, это наш канал коммуникации с американским народом и с окружающим миром. Нужно работать с ними дружественно, избегая антагонизма (пусть это болезненно сейчас и наверняка будет впредь).

Седьмое. Мои приоритеты ясны: Ирак, Афганистан, война с терроризмом и реформа министерства. Плюс еще многое происходит вокруг. Я намерен сохранить то разделение полномочий с заместителем министра [Гордоном] Инглендом, которое существовало при министре Рамсфелде, причем передать Гордону все по-настоящему зубодробительные проблемы! Мы с ним будем как сиамские близнецы. И я надеюсь установить столь же крепкие связи с председателем ОКНШ и начальниками штабов».

Затем я сообщил, что мы с генералом Пэйсом и моим

заместителем по политическим вопросам Эриком Эдельманом на следующий день, 19 декабря, отправляемся в Ирак; вернемся 22-го и представим отчет президенту 23 декабря. Одной из важнейших причин, по которой я беру с собой Пэйса и Эдельмана, служит необходимость показать равно гражданским и военным сотрудникам Пентагона, что председатель ОКНШ будет при мне равноправным партнером министра, а военным нужно понять, что высшие гражданские чиновники также важны для общего успеха.

Я повторил свои «пункты» и раскрыл их подробнее 24 января, на общем совещании с руководством министерства обороны, военным и гражданским, включая боевых командиров по всему миру. Я сказал, что признателен Гордону, который решил остаться в качестве заместителя министра, и что он будет старшим оперативным сотрудником министерства. Кроме того, я четко объяснил военным руководителям, что Эрику предстоит сыграть ключевую роль в представлении их интересов на межведомственных переговорах и в Белом доме, а потому им следует относиться к нему соответственно и тесно с ним сотрудничать.

Я подчеркнул, что, имея дело с конгрессом, не желаю преподносить сюрпризы надзирающим за нашей деятельностью комитетам, а поводы для противостояния с Капитолийским холмом хочу выбирать как можно более тщательно, чтобы приберечь боезапас для тех схваток, которые действительно имеют значение. Тех сотрудников министерства, у кого имеются особые отношения или кто дружит с конгрессменами, я призвал поддерживать и углублять эти отношения. Это наверняка всем нам пригодится.

Совещания и конференции, сказал я, должны стать более интерактивными. Брифинги должны служить отправной точкой для дискуссий и обсуждений, а не «приводным ремнем», который движется по кругу, причем только в одном направлении. Если необходимо использовать PowerPoint, то, пожалуйста, пользуйтесь презентациями разумно, лишь для того, чтобы начать обсуждение или проиллюстрировать тот или иной тезис. Еще я попросил своих новых коллег выстраивать брифинг, спрашивая себя, насколько он поможет нам достичь цели и каковы могут быть последующие действия. (Повторюсь: мое стремление поменять подход к проведению брифингов в Пентагоне обернулось полным провалом. Я не просто потерпел поражение – меня аккуратно обошли.)

Я сказал, что решил реформировать процедуру чинопроизводства для флаг-офицеров[33] – генералов и адмиралов. При Рамсфелде все назначения производились

централизованно, с визированием у министра. Я сообщил, что по примеру предшественника продолжу рассматривать все позиции и номинации для четырехзвездного и иногда для трехзвездного уровня, но в остальном возвращаю данные полномочия управлениям министерства и Объединенному комитету начальников штабов. Конечно, для меня ценно то, к чему стремился Рамсфелд, – чтобы управления делились опытом, чтобы нарабатывались операционные навыки, чтобы поощряли способных молодых офицеров и не задвигали тех, кто хочет пересмотреть устаревшие методы ведения дел. И я буду проверять, как управления выполняют свои «домашние задания».

Я счел возможным применить к военному руководству ту же тактику, какую использовал в управлении Техасским университетом и при работе с разведчиками-профессионалами, когда возглавлял ЦРУ: обращаться с людьми с тем уважением, которого заслуживают профессионалы. Я стану принимать решения, выясняя идеи и мнения сотрудников, анализируя их соображения и демонстрируя открытость и искренность. Каждый сотрудник будет в курсе рассматриваемых вариантов, у каждого будет возможность высказать собственную точку зрения (и не единожды, если им кажется, что это важно), но я стану скрывать свое мнение до финальной стадии процесса принятия решения. Я никогда не обманывался на свой счет и не воображал себя умнейшим человеком на свете. Как я сказал как-то Колину Пауэллу, я отличный слушатель и только благодаря откровенности и честности своих советников, гражданских и военных, я могу добиваться успеха в разрешении сложных проблем и пытаться предложить наилучший выход. В любых ситуациях, с которыми сталкивался в качестве министра, я искал помощи других – пусть и не всегда внимал советам – и полагался на других в эффективной реализации своих решений.

Веские аргументы способны заставить меня передумать. Так, почти сразу после вступления в должность мне пришлось принимать решение по новому командующему войсками США в Корее. Этот пост почти 60 лет подряд занимали армейские генералы. Я полагал, что пришла пора передать его другому роду войск. Наши ВВС и флот, несомненно, окажутся активными участниками любого возможного конфликта на Корейском полуострове, а потому я решил назначить новым командующим офицера ВВС. Начальник штаба сухопутных войск Джордж Кейси возразил и привел убедительные доводы в пользу того, что подобная замена несвоевременна, особенно учитывая, что мы ведем переговоры с Южной Кореей о передаче оперативного управления вооруженными силами от США корейцам. Кейси был

прав, и я в итоге рекомендовал президенту назначить на этот пост очередного генерала из состава сухопутных войск.

Как я сообщил сотрудникам на первом совещании в министерстве, я с самого начала упорно работал над тем, чтобы сделать председателя Объединенного комитета начальников штабов своим партнером в рамках цепочки командования – консультировался с ним практически по всем вопросам и через него доносил до руководителей штабов войск и командующих свои пожелания и высказывал надежды на откровенность и лучшие советы.

Я давно пришел к убеждению, что символические жесты обеспечивают значимые и реальные выгоды – это истинное «режиссерское искусство государственного управления», как выразился когда-то, кажется, политический обозреватель Джордж Уилл. Министр Рамсфелд редко встречался с комитетом начальников штабов в «Танке», предпочитая собственный конференц-зал. Я же ввел в свой распорядок регулярные встречи с военачальниками на их территории. В конечном счете такие встречи стали проводиться почти еженедельно. Даже когда не было актуальных вопросов для обсуждения, я все равно приходил в «Танк» – чтобы выяснить, что на уме у штабистов. Руководителей региональных подразделений и глав функциональных управлений (Европейское командование, Тихоокеанское, Стратегическое, Транспортное командование и прочие) я не собирал в Пентагоне, дабы они ввели меня в курс текущей обстановки, а, демонстрируя уважение, лично посетил их штаб-квартиры. Это, кстати, позволило вдобавок лучше ознакомиться с деятельностью различных штабов и предоставило возможность переговорить с сотрудниками, которых я иначе вряд ли бы встретил. Я также решил, что буду присутствовать при церемониях смены боевого командования, в знак символического признания важности роли командующих и для поддержания корпоративной культуры.

Мой подход к работе с военным руководством оказался гораздо более позитивным по последствиям, чем я смел предполагать. В отличие от многих своих предшественников я сталкивался с куда менее сильным давлением со стороны Капитолийского холма и с куда меньшим количеством утечек информации. Разумеется, со временем мне пришлось продемонстрировать готовность увольнять, когда того требовала обстановка, но это, наверное, делу не повредило.

Что касается конгресса, то, как я уже отмечал, самыми важными для меня людьми в Капитолии были председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил Карл Левин и

старейшина республиканцев, глава комитета до 2009 года Джон Уорнер. Комитет палаты представителей по делам вооруженных сил и его председатель Айк Скелтон, равно как и два комитета по ассигнованиям, тоже во многом имели значение для деятельности министерства, но чаще всего я имел дело с сенатским комитетом Левина хотя бы потому, что этот комитет утверждал все кандидатуры гражданских и военных руководителей Пентагона. Слушания по моему утверждению в должности позволили установить хороший контакт с Левином и Уорнером, и я старался уведомлять обоих сенаторов о своих действиях и планах, особенно в отношении кадровых перестановок. Левин был весьма критически настроен по поводу операции в Ираке, но моя готовность публично признать обоснованность некоторых его тревог – например, сомнений о способности иракцев достичь политического примирения – и даже согласие с его критикой в адрес иракского правительства позволили нам избежать личных конфликтов и не создавали препятствий для хороших рабочих отношений. Будучи убежденным демократом, Левин, по моему мнению, затеял ряд сенатских расследований просто из желания насолить республиканцам – и моему предшественнику, и другим. Но со мной он всегда вел себя честно, не увлекался закулисными играми и всегда держал слово. Если говорил, что что-то сделает, то делал. С Уорнером приятно было общаться, пускай порой он, на мой взгляд, чересчур охотно шел на компромиссы по Ираку. Следующим по старшинству среди республиканцев в комитете был Джон Маккейн. По иронии судьбы мы с Маккейном одинаково смотрели на многие вопросы – прежде всего касательно Ирака, – но этот сенатор оказался, как я уже упоминал, довольно непредсказуемым. На одном слушании он мог усиленно расточать похвалы, а на другом – буквально вцепиться мне в горло, причем по всякому поводу. Впрочем, я старался проявлять уважение и внимание ко всем членам комитета, как бы трудно подчас ни приходилось. Свое раздражение я сдерживал до того момента, когда возвращался в уединение министерского кабинета.

Я контактировал и со многими другими членами конгресса. Со спикером палаты представителей Нэнси Пелоси мы расходились во взглядах практически по всем вопросам, но поддерживали теплые личные отношения. Кроме того, время от времени я встречался с лидером большинства палаты представителей Хойером и другими демократами, которых он приглашал. Пожалуй, конгрессмены оценили мой подход; на завтраке у Хойера Том Лантос, председатель комитета палаты

представителей по международным делам, начал свое выступление с фразы на французском, которую он адресовал мне и перевел так: «Вот нота, которая делает музыку». Он прибавил: «Своей нотой вы объединяете людей и структуры. И, слава богу, ваш главный вклад в том, что вы установите общее уважение к разным мнениям и в Капитолии, и по всей стране».

При всех проблемах, которые мы вынуждены были решать, общение с лидером сенатского большинства Ридом зачастую сводилось к ответам на его телефонные звонки по поводу жалоб ВВС США на строительство ветроэнергоцентра в Неваде, создающего помехи для радаров. Однажды он позвонил мне с просьбой привлечь Пентагон к финансированию исследований синдрома раздраженной толстой кишки. С учетом двух войн, в которых мы участвовали, ситуации с бюджетом и прочих реальных трудностей, я не знал, смеяться или плакать.

Я усвоил, что едва ли не все конгрессмены постоянно носят при себе, как я это называю, «список в бумажнике»: если им доводилось случайно столкнуться со мной или позвонить, этот список мгновенно извлекался. Речь, конечно же, о перечнях местных проектов и программ, которые конгрессмены лоббировали. И наличие такого списка делало некоторых конгрессменов достаточно предсказуемыми. Если звонил сенатор от Кентукки Макконнелл, то, вполне вероятно, чтобы убедиться, что Пентагон выполняет обязательства по финансированию завода по ликвидации химических боеприпасов в его штате. Любой звонок от конгрессменов из Мэна или Миссисипи почти наверняка касался верфей; из Калифорнии – грузовых самолетов С-17; из Канзаса, Вашингтона и Алабамы – новых заправщиков для ВВС; из Техаса – с вопросом, когда БТГ вернутся из Европы и направят ли их в Форт-Блисс[34].

В тиши своих кабинетов конгрессмены вели себя спокойно, рассудительно, порой выказывали проницательность и разумность при обсуждении спорных вопросов. Но когда начинались открытые слушания, когда на телекамере загорался маленький красный огонек, они моментально преображались, как оборотни в полнолуние. Одни принимались позировать и проповедовать, произносить длиннющие речи с обилием резкой критики; другие и вовсе несли фанатическую и фантастическую чушь. Мне стоило немалого труда сохранять выдержку. Но, прочитав множество книг по истории, я знал: подобное поведение унаследовано от первых дней республики. Вдобавок, пусть конгрессмены смешны или неистовы, я никогда не забывал о важности их роли. При этом все они, кроме небольшой горстки, были вполне дружелюбны ко мне как к министру.

Возглавляя ЦРУ и будучи президентом Техасского университета, я почти не общался с прессой, поэтому регулярные пресс-конференции и принятые нормы общения с журналистами оказались для меня в новинку. Желая отойти от обычной в Пентагоне практики, я решил пригласить в пресс-секретари полноценного журналиста, которого предполагалось одновременно избавить от управления огромным пентагоновским отделом по связям с общественностью. Марлин Фицуотер, пресс-секретарь Буша-41, в свое время обратил внимание президента на тот факт, что он не может выполнять свою работу, не присутствуя на большинстве встреч, или если у прессы не будет уверенности, что он в самом деле выступает как «голос президента». Я целиком разделял позицию Марлина и хотел распространить ее на Пентагон. С этой целью я пригласил на работу Джеффа Моррелла, который сотрудничал с новостной службой канала Эй-би-си и был корреспондентом канала в Белом доме при Буше-43. Он стал ключевым членом моей команды.

Я продолжал придерживаться выбранной тактики и появлялся на пресс-конференциях вместе с председателем Комитета начальников штабов. Мы с ним сидели рядом за столом – это, по моему мнению, было не так формально (и более удобно). От данной тактики я отказывался всего несколько раз, в начале министерской карьеры, когда объявлял о важных кадровых решениях (особенно об увольнениях) – в таких случаях я выходил один и становился за трибуну. Со временем пресс-служба Пентагона стала шутить, что, если на сцене стоит трибуна, значит, кого-то готовят на заклание. Я подумывал, не разыграть ли сотрудников, чтобы сбить с толку, но все-таки сдержался.

За годы работы в Техасском университете я научился в беседах со студенческими группами и преподавателями никогда не использовать покровительственный тон по отношению к спрашивающему и не отвечать вопросом на вопрос. Того же принципа я старался придерживаться и в общении с репортерами. Пентагону повезло: в целом приписанные к нему журналисты – опытные профессионалы, и большинству из них интересны значимые вопросы, а не грязное белье и не подробности личной жизни. У меня никогда не возникало проблем с этими журналистами. Конечно, время от времени я злился на них, но, думаю, реже, чем они на меня; я-то по большей части высказывался прямо и откровенно, однако они не могли заставить меня говорить о том, о чем я говорить не хотел.

Не стану скрывать, ненавижу утечки информации. При этом я редко обвиняю журналистов за публикацию утечек; мой гнев предназначается тем сотрудникам правительства, кому доверено

хранить секреты и кто не сумел этого сделать. Когда я объявлял о продлении армейских командировок в зоне ответственности Центркома с двенадцати до пятнадцати месяцев, мне пришлось поспешить с выступлением – именно из-за утечки. Я был в бешенстве, ведь мы спланировали все таким образом, чтобы у командиров было сорок восемь часов на объяснение этого решения солдатам. В тот день я заявил прессе: «Нет слов, насколько мы возмущены тем, что одна непорядочная личность доставила столько хлопот и неприятностей не только нашим мужчинам и женщинам в форме, но и членам их семей… Любому человеку будет неприятно прочесть что-либо подобное в газетах».

Вообще мои взгляды на роль конгресса и СМИ слегка отличаются от принятых у высших представителей исполнительной власти, и я при каждом удобном случае стремился пропагандировать эти взгляды, в особенности – в профильных военных академиях. Так, на церемонии вручения дипломов в Военно-морской академии 25 мая 2007 года я сказал новоиспеченным энсинам[35] и лейтенантам:

«Сегодня я обращаюсь к вам с пожеланием всегда помнить о двух оплотах нашей свободы, согласно Конституции – это конгресс и пресса. Оба эти оплота, конечно же, время от времени испытывают наше терпение, но они служат надежнейшей гарантией свободы американского народа. Конгресс – равноправная ветвь власти, которая во исполнение Конституции собирает армии и обеспечивает стране флот. Представители обеих партий, ныне работающие в конгрессе, давно и твердо поддерживают министерство обороны и наших мужчин и женщин, носящих военную форму. Как офицеры, вы обязаны будете объяснять нижестоящим, что американская армия должна стоять вне политики, и осознавать наши обязательства перед конгрессом – быть честными и правдивыми, отчитываясь перед ним. Прежде всего это касается признания допущенных ошибок».

По поводу прессы я сказал следующее:

«То же самое верно в отношении прессы, с моей точки зрения, важнейшего гаранта нашей свободы. Когда пресса обнаруживает какую-либо проблему… высшее руководство должно в первую очередь установить, насколько обоснованны утверждения в прессе… Если факты неопровержимы, следует их признать, а затем принять меры по устранению проблемы. Если же обвинения прессы не соответствуют действительности, нужно представить документы, это подтверждающие. Пресса не враг, и относиться к ней как к врагу – значит, обрекать себя на поражение».

Многие конгрессмены, журналисты и редакторы прочитали эти мои слова. Полагаю, именно они стали фундаментом того

беспрецедентного, растянувшегося на четыре с половиной года «медового месяца», которым характеризовались мои отношения с обоими институтами.

Последней «прорехой», которую предстояло залатать, были межведомственные контакты, в частности с Государственным департаментом, разведывательным сообществом и советником президента по национальной безопасности. Это было проще всего. Со Стивом Хэдли мы работали в аппарате Совета национальной безопасности в 1974 году, с Конди Райс мы сотрудничали в рамках той же организации при Буше-41, как упоминалось выше. По собственному опыту и из наблюдений на протяжении большей части своей карьеры я знал, что госсекретари и министры обороны крайне редко общаются друг с другом. О благе страны при таких обстоятельствах говорить не приходится. С директором Национальной разведки, Майком Макконеллом, я был знаком с тех пор, когда он, двухзвездный генерал, возглавлял службу разведки Объединенного комитета начальников штабов. Почти девять лет работы в аппарате СНБ также заставили меня осознать, сколь важна для президента команда помощников, которая умеет работать вместе. Этот тезис доказал свою справедливость в президентство Буша-41, и администрация Буша-43 тоже не являлась исключением. Я охотно признал, что государственный секретарь имеет полное право выступать от лица Соединенных Штатов, а если мы с Конди найдем общий язык, наши взаимоотношения распространятся на оба ведомства и на остальное правительство. Символизм бывает полезен. Когда мы с Конди вдвоем встречались с лидерами стран Ближнего Востока, России или Азии, не только наша собственная бюрократия, но и другие страны получали четкий сигнал – сыграть на противоречиях в верхах администрации вряд ли получится.

И еще один фактор побуждал меня примириться с менее публичной, менее агрессивной, скажем так, ролью. Выше я писал о беспрецедентной власти и невероятных ресурсах, находящихся в распоряжении министра обороны. Эта власть и эти ресурсы побуждают проявлять здравый смысл в межведомственных контактах: министру обороны нет необходимости расталкивать всех локтями, чтобы оказаться на переднем плане. Он вполне может себе позволить держаться позади. Ведь никто не в состоянии игнорировать «восьмисотфунтовую гориллу в комнате»[36].

Что касается отношений между министром обороны, руководителем Национальной разведки и директором ЦРУ, здесь до моего прихода тоже не все было гладко и требовалось

приложить определенные усилия. Мы вчетвером – заместитель министра обороны по разведке Джим Клаппер, Макконнелл из Национальной разведки, директор ЦРУ генерал Майк Хэйден и я – обсудили способы устранить негативные последствия Закона о реформировании разведки от 2004 года и возможности объединить усилия разведывательного сообщества. Процесс предстоял трудоемкий – причем более трудоемкий, чем он мог бы быть, – вследствие грандиозного количества зарубцевавшихся шрамов и вражды между различными агентствами. Это один из тех редких примеров, когда уникальное сочетание личных отношений, длившихся десятилетиями, позволило значительно смягчить бюрократическую враждебность, мнившуюся непреодолимой. А еще это лишний раз напомнило всем нам: когда речь заходит о правительстве, его эффективность часто зависит от личных отношений.

Если у кого-то и были сомнения относительно того, что с моим назначением отношения между ведомствами начнут меняться в лучшую сторону, я постарался их развеять в своей речи в университете Канзаса в ноябре 2007 года. Я призвал сосредоточиться на дипломатии и развитии – задачах Государственного департамента и Агентства международного развития – и соответствующим образом распределять ресурсы и силы. Никто не мог припомнить, чтобы министр обороны когда-либо настаивал на увеличении бюджета Госдепа. Наше сотрудничество с Райс и Хэдли существенно упрочило контакты между министерствами и ведомствами, взаимодействие значительно улучшилось. Уже в феврале 2007 года Стив сказал мне, что я добился отличного прогресса и «подготовил поле для президента»; более того, мои усилия не остались незамеченными в других министерствах, и процесс интеграции оживился. Я не стал говорить этого вслух, но подумал: «И без того я веду достаточно сражений, чтобы искать новых».

Команда Буша

Я присоединился к администрации Буша в конце шестого года ее пребывания у власти. Ни президент, ни вице-президент больше не могли рассчитывать на сохранение своих постов. Это обстоятельство оказывало сильнейшее воздействие на атмосферу и обстановку в Белом доме. Закаленные в политических играх советники и профессиональные идеологи, такие могущественные в первый четырехлетний срок, почти исчезли. Все теперь рассуждали о наследии, истории и незавершенных делах –

разумеется, прежде всего об Ираке.

Среди всех книг и статей, написанных об администрации Буша и попавшихся мне на глаза, мало таких, в которых взвешенно оценивалось бы влияние событий 9/11 лично на президента и на его старших советников. Я вовсе не собираюсь «укладывать на кушетку» Буша или кого-либо еще, дабы проанализировать их чувства и реакции; мои рассуждения основываются на многократных доверительных разговорах с ключевыми фигурами администрации и на результатах собственных наблюдений.

Помимо травмирующего эффекта от самой атаки, полагаю, высшие должностные лица президентской администрации испытали нечто вроде паники: они подвели страну, допустили разрушительное нападение на Америку в свое «дежурство» на ответственных постах. Вдобавок после событий 9/11 они понятия не имели, неизбежны ли новые атаки, и, разумеется, ожидали при этом худшего. Поскольку высшее руководство страны опасалось, что в обширной «коллекции» разведывательных данных могут обнаружиться некие предупредительные знаки о новых нападениях, практически все фильтры для просеивания разведывательной информации – оценка ее надежности и достоверности – были убраны; итог очевиден: всего через несколько дней после событий 9/11 Белый дом наводнили бесчисленные слухи о готовящихся атаках, в том числе и о терактах в Нью-Йорке и Вашингтоне с использованием ядерного оружия. Слухи циркулировали неделями, если не месяцами, подпитывая панические настроения и стремление действовать безотлагательно. Кроме того, ощущался острый дефицит информации об «Аль-Каиде», не говоря уже о понимании того, что собой представляют она и прочие экстремистские организации: численность боевиков, технические возможности, руководители и тому подобное. Скорейшее заполнение этого информационного вакуума и защита страны от новых нападений логично превратились в единственную заботу президента и его советников. Любые препятствия – правовые, бюрократические, финансовые или международные – для выполнения этих задач подлежали решительному устранению.

Те, кто по прошествии лет станет критиковать отдельные действия администрации, например ситуацию в тюрьме Гуантанамо и методы ведения допросов, в перспективе могли извлечь гораздо большую выгоду из этой паники и необоримого желания защитить страну – ведь эта паника сродни тому страху за национальную безопасность, который заставил Линкольна временно отменить закон о неприкосновенности личности, а

Франклина Д. Рузвельта побудил интернировать американцев японского происхождения. Ключевым вопросом для меня стал следующий: почему и через несколько лет после событий 9/11, хотя удалось заполнить столько информационных пробелов, а обороноспособность страны кардинально улучшилась, – почему не был проведен целостный анализ нашей политики и полномочий, чтобы «отбраковать» те факторы, которые наиболее принципиально расходятся с нашими традициями, культурой и историей (скажем, выдача преступников другим государствам и «усиленные» методы допросов)? Однажды я задал этот вопрос Конди, и она признала, что, пожалуй, стоило бы провести такой анализ – допустим, после выборов 2004 года, – но ничего так и не было предпринято. Позднее Хэдли рассказывал мне, что подобие анализа все-таки после выборов заказали, и некоторые «одиозные» техники ведения допроса были отвергнуты, а конгресс поставили в известность о внесенных «коррективах». Но я, как и большинство американцев, об этом не знал.

Почти всех старших представителей команды Буша, к которой я присоединился, для публики демонизировали – тем или иным образом, причем с использованием методов, с какими я либо не согласен, либо считаю слишком упрощенными. Что касается президента Буша, я, приступив к работе, обнаружил, что он ничуть не сожалеет о принятых решениях и не испытывает ни малейшего душевного дискомфорта. Он прекрасно понимал, что не в состоянии изменить отношение современников к своему президентству, что давно вырыл себе «президентскую могилу» – и был готов в ней упокоиться. Он нисколько не пытался переосмыслить ситуацию и свое решение о вторжении в Ирак. Он был убежден в важности нашей «победы» в Ираке и часто высказывался об этой войне публично. Буш воспринимал Ирак как свое основное достижение на президентском посту (наряду с Афганистаном, разумеется) и с негодованием встречал любые предположения, что война в Ираке лишила наши усилия в Афганистане необходимой поддержки. Дни смешных прозвищ и поддразнивания за выполняемую сотрудниками рутинную работу давно миновали к тому времени, когда я занял министерскую должность. Я увидел зрелого лидера, прошедшего за пять лет чрезвычайно трудный путь.

Буш на самом деле гораздо интеллектуальнее, чем считает общественное мнение. Он обожает читать, постоянно рассказывает о сегодняшней порции «духовной пищи» и расспрашивает, что читают другие. Даже в последние два года своего президентского срока он регулярно устраивал то, что именовал «глубоким погружением», – подробные брифинги и

дискуссии с приглашением аналитиков разведслужб и прочих специалистов, посвященные многочисленным проблемам и вызовам национальной безопасности. Редкому аналитику или докладчику удавалось произнести несколько связных фраз, прежде чем Буш принимался засыпать его вопросами. Причем вопросы были непростые, задавались весьма напористо, и я могу понять, почему кое-кто вспоминает об этих брифингах с дрожью в голосе. Но другие находили обмен мнениями с президентом вдохновляющим. Отмечу также, что по некоторым вопросам, например по Ираку, президент обладал железобетонными убеждениями, и попытки его переубедить неизменно оказывались пустой тратой времени. При всей своей интеллектуальности, кстати, он почти мгновенно начинал скучать и не слишком терпел многоуровневые (или долгие) совещания. Он хотел, чтобы все говорили исключительно по сути. Пространные, философские или гипотетические дискуссии не для Буша. После шести лет своего президентства он усвоил то, что полагал необходимым, и редко подвергал сомнению собственные суждения.

Президент уважал военных и доверял им, но – по крайней мере в мои министерские годы – не торопился соглашаться со старшими советниками и военачальниками, особенно после того как в середине 2006 года стало понятно, что текущая стратегия в Ираке себя не оправдала. В Пентагоне он появлялся достаточно регулярно, демонстрировал готовность встречаться с начальниками штабов так часто, как того требовали обстоятельства, давал им возможность изложить свои взгляды и пообщаться с президентом напрямую. Он приветствовал откровенность, и я ни разу не слышал, чтобы он, пусть возражая или отвергая тот или иной довод, делал это в грубой, оскорбительной форме, отбивая тем самым всякую охоту к откровенности. Но он быстро терял терпение, когда старшие офицеры публично высказывались по «чувствительным» вопросам. Будь то директор Национальной разведки, адмирал Майкл Макконнелл, назвавший в интервью «Нью-йоркер» некоторые методы ведения допроса пытками, или Лис Фэллон, ударившийся в рассуждения о недопустимости конфликта с Ираном, или Майк Маллен, несколько раз позволивший себе покритиковать оперативную тактику в Ираке и Афганистане, – президент поворачивался ко мне и спрашивал: «Что стряслось с этими адмиралами?»

Личных отношений мы с президентом не поддерживали, но я чувствовал, что между нами сложились прочные профессиональные взаимоотношения. Он неоднократно приглашал нас с Бекки в Кэмп-Дэвид, но принять приглашение не

получалось: то я находился в зарубежной поездке, то Бекки уезжала на Северо-Западное побережье. Необходимость отказываться от этих приглашений доставляла мне существенные неудобства, особенно когда приглашения перестали поступать. Я искренне переживал, что президент подумает, будто мы избегаем того, что было настоящей честью для нас, тогда как на самом деле все объяснялось элементарной нехваткой свободного времени.

Одной до некоторой степени деликатной темой в нашем партнерстве – открыто мы это никогда не обсуждали – были мои тесные взаимоотношения с отцом президента. Когда в конце января 2007 года Буш-41 побывал в Вашингтоне и захотел приехать в Пентагон, чтобы повидаться со мной и встретиться с некоторыми военачальниками, мне позвонил Джош Болтен и предупредил: Буш-43 беспокоится, как бы этот визит не попал в газеты. Джош настоятельно рекомендовал отменить визит, и я сказал, что уступлю пожеланиям Буша-43. Поэтому на следующий день вместо дружеской встречи в министерстве обороны мы позавтракали с Бушем-41 в Белом доме. Несколькими неделями позже я возвращался со встречи в Белом доме, когда позвонил мой секретарь и сообщил, что Буш-41 направляется в Пентагон. Я едва успел приехать, чтобы поприветствовать его; он прошелся по моему офису, пожимая руки и беседуя с сотрудниками. Он провел в Пентагоне всего пятнадцать или двадцать минут; думаю, таким способом он хотел подчеркнуть свою независимость.

Единственной по-настоящему серьезной проблемой в моих отношениях с Белым домом Буша были советники президента по связям с общественностью и по взаимодействию со СМИ. Они постоянно пытались завлечь меня на какое-нибудь воскресное ток-шоу, предлагали, чтобы я написал комментарий для прессы или дал интервью. Я рассматривал их интересы – а также интересы советников Обамы – как в высшей степени тактические, продиктованные преимущественно «горячими» новостями, которые быстро утрачивают актуальность, и обычно узкопартийными. По моему мнению, когда речь заходит о СМИ, действует принцип «меньше – лучше», в том смысле, что, если кто-то появляется в медиапространстве реже других, люди уделяют ему больше внимания. Еще советники Буша время от времени пытались привлечь меня к участию в атаках Белого дома на критиков президента, но я неизменно отказывался. Когда летом 2008 года президент произнес речь в израильском кнессете и назвал своих критиков «инсинуаторами», пресс-служба Белого дома предложила мне «подкрепить» эти обвинения. Я распорядился, чтобы сотрудники моего аппарата послали их к

черту. (Конечно, это было проделано в более обходительной форме.) Выбирая поводы для драки, я предпочитал принимать собственные решения, а не доверять эту обязанность клеркам Белого дома.

Президент Буш всегда поддерживал мои рекомендации и решения, включая те случаи, когда я говорил, что намерен уволить некоторых его высокопоставленных назначенцев в министерстве обороны. Он принимал меня лично, когда бы я ни попросил об этом, и мы шли в ногу по стратегии в Ираке, по Ирану и по другим актуальным вопросам, хотя кое-кто в администрации, пресса и конгресс иногда предполагали, что я проявляю инициативу. Я подробно информировал президента обо всем, что делал и что собирался сказать публично.

Я получал удовольствие от работы с президентом Бушем. Он – сильная личность, человек твердых убеждений и человек действий. Как он сам сказал, только время покажет, насколько успешным президентом он был. Однако тот факт, что последние семь лет его президентского срока (и позднее) воинствующие экстремисты больше не нападали на Соединенные Штаты, весьма показателен.

* * *

С Диком Чейни я познакомился в середине 1980-х, когда он вошел в состав специального комитета палаты представителей по разведке. При администрации Форда я был младшим сотрудником Совета национальной безопасности, а Дик в ту пору трудился сначала заместителем руководителя администрации Белого дома, а затем ее возглавил; мелкая сошка вроде меня тогдашнего воспринимала человека на таком посту как небожителя. Мне кажется, Чейни нельзя понять, игнорируя обстановку в Белом доме во времена правления Форда. Президентская власть пребывала в полном упадке (такого не случалось более за всю историю современной Америки), Форд пожинал трагические последствия Вьетнама и Уотергейтского скандала. Закон о военных полномочиях президента, отказ от поставки обещанных Южному Вьетнаму вооружений, приостановка помощи антисоветскому и антикубинскому сопротивлению в Анголе – конгресс шаг за шагом сводил на нет былое президентское могущество. Чейни наблюдал все это прямо из Овального кабинета. Не сомневаюсь – его горячее одобрение мер по укреплению президентской власти после событий 9/11 в значительной степени обусловлено именно опытом работы при

Форде и решимостью отобрать у конгресса полномочия, которые президент утратил минимум пятнадцать лет назад.

Внешне Дик производит впечатление человека спокойного, говорит тихо и рассудительно, и поэтому, думаю, многие категорически недооценивают, насколько он консервативен. В 1990 году, в ходе подготовки к войне в Заливе, встал вопрос, необходимо ли добиваться поддержки войны с Саддамом Хусейном и от конгресса, и от Совета Безопасности ООН. Чейни, будучи министром обороны, полагал, что никакой поддержки вовсе не требуется, однако подчинился противоположному решению президента. А когда в конце 1991 года распался Советский Союз, Дик повсюду твердил, что желает увидеть демонтаж не только СССР и Российской империи, но и самой России, «дабы она впредь не угрожала остальному миру».

У нас с ним позднее сложились сердечные отношения. Когда в 1987 году я стал исполнять обязанности директора ЦРУ, то встретился с Чейни и попросил у него совета, как вести дела с Белым домом и конгрессом; он был единственным конгрессменом, с которым я счел нужным проконсультироваться. Мы плодотворно сотрудничали при администрации Буша-41, разделяя тревоги – как позже выяснилось, вполне обоснованные – относительно перспектив Горбачева, и оба полагали, что необходимо договариваться с другими русскими реформаторами, включая Бориса Ельцина. Гораздо позже, году, вероятно, в 2004-м или 2005-м, мы с Бекки присоединились к супругам Чейни и еще одной паре в качестве гостей бывшего посла США в Великобритании Анны Армстронг и ее мужа, Тобина, на их обширном историческом ранчо в Южном Техасе. Нас пригласили поохотиться на птиц. Ни я, ни Бекки не были охотниками, но отправились вместе с остальными гостями и наблюдали за стрельбой с безопасного расстояния. Мы неформально общались до, во время и после еды и великолепно провели время. (Потом, где-то через год, нас с супругами Чейни снова позвали на охотничий уикенд на ранчо Армстронгов. Мне предстояло выступать с докладом в Лос-Анджелесе, так что я вынужден был отказаться. Адвокат из Остина, приглашенный взамен, стал жертвой охотничьего инцидента с участием вице-президента.)

К тому времени когда я присоединился к администрации, Дик все больше беспокоился по поводу незаконченных дел, особенно связанных с Ираном, и стремился поскорее со всем разобраться, убежденный, что следующий президент может оказаться недостаточно жестким. Он был решительным сторонником наращивания сил в Ираке и постоянно привлекал самых ярых приверженцев той же точки зрения вне правительства

– например отставного генерала Джека Кина; чаще всего подобное происходило, когда ему казалось, что прочие члены администрации (главным образом я, Райс, Маллен и Фэллон) настроены недостаточно решительно. Вдобавок Чейни никогда не подвергал сомнению «усиленные методы дознания» и исключительную важность тюрьмы Гуантанамо для безопасности нашей страны. Неудивительно, что со временем он постепенно отдалялся от прочих высокопоставленных представителей администрации, но воспринимал эту самоизоляцию с юмором и с достоинством. Дошло даже до того, что практически каждое свое выступление он начинал словами: «Я знаю, что в этом споре проиграю» или «Я знаю, что в этом я одинок».

Поведение Чейни с членами правительства радикально отличалось от образа «Дарта Вейдера от политики», сложившегося у широкой публики благодаря речам Дика и твердости его убеждений. Никогда не слышал, чтобы он в гневе срывался на крик, – наоборот, Дик предпочитал доносить свое мнение спокойно и негромко. Он задавал экспертам и сотрудникам разведки продуманные вопросы, и я воспринимал его как менее агрессивного «дознавателя», если сравнивать с президентом. Из того, что я слышал в министерстве обороны, вице-президент скорее позволял кое-кому из своего аппарата играть «плохих парней» в межведомственных контактах, нежели сам исполнял эту роль. Опять же мои наблюдения основываются на последних двух годах его восьмилетнего срока. Я просто не знаю, насколько изменился его подход к работе, после того как государственным секретарем стала Конди, советником по национальной обороне – Хэдли (который работал на Дика в министерстве обороны в президентство Буша-41), и, конечно, после того как я сменил Рамсфелда (они с Чейни были исключительно близки). Но очевидно, что по важным вопросам вице-президент оставался приверженным своим убеждениям и, несмотря на обманчиво спокойную манеру вести дела, не собирался жертвовать ни одним из противоречивых, если не сомнительных, достижений администрации Буша. Да, мы с ним одинаково смотрели на целый ряд важнейших вопросов национальной безопасности – прежде всего на Ирак и Афганистан, но когда я предполагал, что он готов втянуть нас в новый военный конфликт, то сразу же принимался возражать (как и позднее, уже в администрации Обамы).

* * *

Конди Райс я хорошо знал и прекрасно с ней ладил. (Мы трое, считая Хэдли, до сих пор консультируемся друг с другом.) При Буше-41, когда я был заместителем советника президента по национальной безопасности, Конди работала экспертом по Советскому Союзу в СНБ. Мы оба имели докторские степени в советологии и россиеведении (Конди до сих пор говорит по-русски в отличие от меня) и находили согласие практически по всем аспектам крушения Советского Союза с 1989 по 1991 год; затем она вернулась в Стэнфорд. Приоткрою тайну: Буш-41 уполномочил меня летом 1989 года сформировать небольшую секретную группу для составления планов распада СССР, и я предложил Конди возглавить эту группу.

Конди действительно хороша во всем, за что берется, и потому вызывает нездоровую ревность и зависть у парней вроде меня, не обладающих спортивными, языковыми или музыкальными талантами. Но мы с нею быстро достигли профессионального взаимоуважения, которое, как я однажды выразился, пронизало насквозь наше тесное рабочее партнерство. Каждые несколько месяцев мы с нею встречались за обедом – неизменно в ее любимом ресторане в комплексе «Уотергейт»[37]. Едва ли не по всем основным вопросам во времена администрации Буша у нас с ней была единая точка зрения. По поводу Северной Кореи я был настроен куда пессимистичнее, чем Райс и ее переговорщики; мне казалось, что добиться от северокорейцев отказа от ядерной программы невозможно, однако почему бы не попытаться, – а вот вице-президент, кстати, выступал против любых переговоров.

Райс отличают здравомыслие на грани цинизма и суровый характер. Еще у нее острый как бритва язык, и она редко щадит тех, кто ей перечит. Однажды, на встрече с вице-президентом, где присутствовали она, Хэдли и я, Дик упомянул, что нужно защитить республиканскую базу в сенате. Конди мгновенно парировала: «Это сколько – шесть сенаторов?» В другой раз, когда высшее руководство встречалось в кабинете Рузвельта в Белом доме и обсуждало закрытие Гуантанамо (мы с Конди, помнится, оказались чуть ли не единственными сторонниками ее закрытия), генеральный прокурор Майк Мукасей заявил, что необходимо дождаться, когда игра закончится на всех кортах – то есть пока шумиха не уляжется сама собой. Конди ответила не задумываясь: «Майк, каждый раз, когда выходишь на корт, ты проигрываешь». Она скептически воспринимала технологии ведения допросов, до сих пор допускавшие унижение заключенных (обнажение и прочие методы, которые она считала сомнительными).

В ряде случаев мы с Конди вместе давали свидетельские

показания в конгрессе. Самым жутким оказался марафон из четырех слушаний подряд после президентского решения увеличить численность нашего контингента в Ираке. Некоторые члены комитета палаты представителей по международным делам вели себя грубо, недостойно и даже откровенно глупо – рядом с ними сенаторы из комитета по делам вооруженных сил мнились сущими ангелами. Я настолько разозлился на грубость и враждебность членов комитета по международным делам, что за полчаса до окончания слушаний попросту перестал отвечать на вопросы – и однозначно дал это понять конгрессменам. Но Конди – совсем другое дело. Она, так сказать, подалась вперед в седле и обрушила на головы конгрессменов (у нее явно больше опыта общения с этой публикой) всю свою осведомленность и логику. Хотя, конечно, от логики мало толку, когда критики, что называется, лают на луну.

Конди весьма ревностно оберегала сферу влияния Государственного департамента и его прерогативы и мгновенно ощетинивалась при малейшем намеке на то, будто Госдеп недостаточно тщательно выполняет свою работу на войне в Ираке и Афганистане. Мне неоднократно доводилось слышать сплетни о том, что какой-то генерал или адмирал публично жалуется на скудную гражданскую поддержку военных усилий. От боевых командиров в Ираке и Афганистане я узнал, что все не совсем так, что гражданские специалисты высоко ценятся, но их слишком мало. В самом начале моей министерской карьеры я получил из Госдепа служебную записку с просьбой заполнить офицерами доступные гражданские вакансии в Ираке. Учитывая, что наших парней и без того нагрузили прямыми обязанностями, я нисколько не обрадовался этому предложению, о чем и заявил публично. Однако мы с Конди никогда не позволяли служебным перебранкам подрывать наше сотрудничество. Мне несказанно повезло, что две потрясающие женщины – Конди Райс и Хиллари Клинтон – работали госсекретарями в мою бытность министром обороны. Когда дело касалось спорных вопросов, и при Буше, и при Обаме, я прилагал все усилия, чтобы привлечь Конди и Хиллари на свою сторону, – и они поступали так же.

* * *

Со Стивом Хэдли мы впервые начали работать вместе в аппарате Совета национальной безопасности в 1974 году. Его отличало поразительное усердие в организации межведомственных контактов, причем он не только заслужил

одобрение президента, но и, помнится, удостоился высоких оценок от коллег, считавших его действия полезными и оправданными. Стив глубоко предан Бушу-43. Как и положено хорошему юристу, он чрезвычайно дотошен, вплоть до мелочей. Когда в конце 2006 года я занял министерский пост, то предположил, что Стив устал и истощен. Но он продолжал пахать, подпитывая силы зеленым чаем. Я искренне его уважал, пусть именно он собирал все эти треклятые бюрократические совещания.

Другим ключевым членом команды по вопросам национальной безопасности, с которым мне предстояло работать наиболее плотно, был председатель Объединенного комитета начальников штабов. Как я уже писал, с Пэйсом мы проработали вместе девять с половиной месяцев, а с Майком Малленом – три года и девять месяцев. Они принципиально отличались друг от друга (первый был из морпехов, а второй – из моряков, и это лишь самая малость), причем как послужными списками, так и характером. При этом оба – ревностные католики, люди необычайной честности и благородства, и оба с хорошим чувством юмора. Их взгляды на гомосексуалистов в армии были диаметрально противоположными – Пэйс выступал категорически против, Маллен постепенно склонялся к одобрению. И оба отменно помогали своими советами мне и президентам, которым служили.

Я смирился с тем, что Маллен сменил Пэйса, когда Пит Кьярелли, мой новый старший военный помощник, позвонил Маллену – как говорится, звонок вежливости – и поинтересовался, что того беспокоит сильнее всего применительно к нашим вооруженным силам, и Маллен, в ту пору начальник штаба ВМС, ответил: «Состояние армии». Маллена я узнал лучше, чем Пэйса, из-за более длительного срока сотрудничества, и с ним мы преодолели множество трудностей. Время от времени, конечно, бывали конфликты, но не могу себе представить более твердого и компетентного председателя ОКНШ или лучшего партнера.

Среди первых действий Майка на новом посту были и те, с которыми я внутренне был согласен, но которых, верный своему принципу избегать ненужных столкновений, сам не предпринимал; и я решил понаблюдать, как он теряет политический капитал и в конце концов проигрывает. Думаю, Майкл чувствовал, что за последние годы значение должности председателя ОКНШ ослабело, и твердо намеревался вернуть ей былую ценность и превратить фигуру председателя в гораздо более заметную фигуру в публичном поле. Вскоре у него появился

длинный список публичных выступлений, телевизионных шоу и других мероприятий. Некоторые из моих сотрудников и представителей Белого дома проявили недовольство и рекомендовали мне «придержать» Маллена. Что ж – публичность Майка порой и вправду доставляла мне определенные неудобства, но я доверял ему, доверял нашему партнерству, а потому счел допустимым не вмешиваться. Майк был категорически против привлечения Джека Кина в качестве советника по Ираку, особенно с позиций его влияния на Петрэуса, и даже позвонил Кину и сказал, что того в Ирак больше не пустят. Кин пожаловался вице-президенту, и вскоре Чейни позвонил мне по телефону и поинтересовался, почему критики администрации могут ездить в Ирак, а один из самых рьяных защитников нашей политики – нет? Я в конечном счете предпочел перевести стрелки на Петрэуса – если ему эти визиты полезны, если он видит в них смысл, то пусть Кин летает в Ирак сколько понадобится. Еще Майк возражал против того, чтобы офицеры в отставке активно занимались политикой, и настойчиво повторял свои доводы. Он также хотел запретить использование военными термина «глобальная война с терроризмом», уже в самом начале своего пребывания в должности, – возможно, чтобы подчеркнуть независимость от Белого дома. Опять-таки я не то чтобы не соглашался, но понимал, что это означает гладить администрацию против шерсти и что в результате мы получим очередную никому не нужную перебранку. К слову, за почти четыре года работы бок о бок мы с Майком принципиально разошлись лишь по нескольким важным вопросам.

У Майка множество сильных сторон. Он подавал мне замечательные советы по назначениям старших офицеров и по личным взаимоотношениям между ними (в военной среде эти отношения решают очень и очень многое). Он четко отслеживал распределение ответственности, в особенности после провалов, и потому его помощь была неоценима, когда возникала необходимость уволить или заменить высших военных руководителей. Не могу не отдать должное его способности сводить начальников штабов в единый кулак, когда мы разбирались с комплексными проблемами наподобие бюджета, и тем самым не допускать междоусобной борьбы. Он предоставил начальникам штабов возможность донести свою точку зрения напрямую до меня и, если потребуется, до президента. Вообще у него явный дар сплачивать коллектив – дар, который, как я считаю, хорошо послужил вооруженным силам, обоим президентам, стране и мне.

Рискну предположить, что впервые в истории США

председатель Объединенного комитета начальников штабов и министр обороны оказались непосредственными соседями. Уверенный, что мне предстоит провести в Вашингтоне всего два года, я за непомерную сумму арендовал дом на территории Военно-морского комплекса – рядом с тем, где проживал Маллен как начальник штаба ВМС. Став председателем ОКНШ, он не пожелал сменить место жительства, хотя ему и полагался огромный дом в Форт-Майере, Виргиния, на другом берегу реки Потомак от округа Колумбия[38]; по закону этот дом предназначен только для председателя ОКНШ. В результате по выходным мы с Майком довольно часто забредали друг к другу, чтобы «проговорить между собой» наиболее спорные вопросы или программу действий. Вероятно, тем, кто работал в комплексе по выходным, было довольно странно видеть председателя Объединенного комитета начальников штабов в футболке, шортах и сандалиях, посиживающим на крыльце министра обороны, который облачен в джинсы и спортивную рубашку и покуривает сигару.

Небольшая проблема заключалась в том, что Майку как председателю Объединенного комитета начальников штабов полагалось несколько домашних помощников сержантского состава; они готовили, убирались в доме и тому подобное. Я, с другой стороны, будучи министром обороны и формально боссом Маллена, оставался гражданским человеком, следовательно, был не вправе рассчитывать на помощь по хозяйству, которую государство предоставляет «самым главным» генералам и адмиралам. Мы не переставали добродушно препираться и шутить по этому поводу. Обычно бывало, что Майк приезжал на выходные, а тут я, «поливаю треклятые цветочки в саду», как я говорил своим сотрудникам. Однажды ночью разразилась ужасная гроза, лил проливной дождь, и здоровенная ветка рухнула на мой двор. Она пролежала несколько дней, и наконец я сказал одному из своих охранников: «Как стемнеет, оттащи эту штуковину к Маллену – через час она исчезнет». Именно так и произошло. А на церемонии проводов с министерского поста (до которой тогда было далеко) Майк высказал предположение, что я сметал ему во двор палую листву. Это он зря – у меня не было садовой воздуходувки.

Еще одним высокопоставленным военным, с которым я впоследствии тесно сотрудничал, был морской пехотинец генерал Джеймс Хосс Картрайт. В первые месяцы своей работы я был о нем чрезвычайно высокого мнения – этот генерал возглавлял Стратегическое командование (которому подчиняются ядерные силы США, а в то время также – кибервойска). Когда президент

предложил Майка Маллена на должность председателя Объединенного комитета начальников штабов, кандидатура Картрайта стала моим логичным выбором на пост заместителя председателя. Он необычайно компетентен в военно-технической области и обладает редким умением объяснять узкоспециальные технические вопросы доступно для непрофессионалов. Я выбрал Картрайта еще до консультаций с Майком, а у того, как выяснилось, были свои соображения. В итоге я сказал, что принял решение, и попросил Маллена «обеспечить условия». Четыре года эти двое профессионально сотрудничали, на публике демонстрировали партнерские отношения, однако взаимопонимание между ними не заладилось с самого начала, и со временем ситуация только ухудшалась. Буш-43 и Обама отзывались о Картрайте неизменно уважительно. Он представлял начальников штабов на «совещаниях замов» в Белом доме и проводил там не поддающееся учету количество времени – наряду с моим представителем, гражданским заместителем министра обороны по политическим вопросам. Эта «группа замов», которую мы с Брентом Скоукрофтом учредили в 1989 году и в которой я председательствовал как заместитель советника по национальной безопасности при Буше-41, обсуждала тактические варианты в процессе подготовки совещаний своих руководителей и играла ключевую роль в управлении кризисными ситуациями. Картрайт отлично справлялся со своими обязанностями в этом качестве, равно как и с прочими, возлагаемыми на второго по старшинству военного руководителя вооруженных сил США, включая закупки, бюджетные согласования и другие критически важные административные вопросы. Стиль руководства у них с Майком был совершенно различный, а потому поддержание открытости Объединенного комитета начальников штабов и обеспечение тесного рабочего контакта с гражданскими службами министерства постоянно требовали максимума усилий (подозреваю, для Пентагона это в порядке вещей). Когда Майк отбывал в командировку, Картрайт сопровождал меня на все совещания в Белом доме, в том числе на мои «частные» переговоры с президентом. Этот человек весьма умен, наделен отменной практической сметкой и обладает великолепным чувством юмора. Я ценил его заслуги и личный вклад, пока мы работали вместе. Тем не менее при президенте Обаме у меня возникли некоторые проблемы с Картрайтом.

«Солдатский министр»

Будучи президентом Техасского университета, я тратил немало времени и усилий на заботу об интересах студентов.

Последние часто присылали мне свои жалобы по электронной почте, и всякий раз, когда я полагал, что жалобы имеют обоснования (что случалось не так уж редко), я принимал соответствующие меры. Кроме того, я пригласил президента студенческого сообщества на регулярной основе участвовать в моих рабочих встречах с сотрудниками университета. Сам я принимал участие в бесчисленном множестве студенческих мероприятий. Во многих крупных университетах президент для студентов всего лишь имя, а не реальный человек. Мне же хотелось, чтобы студенты видели в президенте своего сторонника и защитника. По общему мнению, я преуспел в создании такого рода отношений и в завоевании желаемой репутацию. Как говорилось выше, попрощаться со мной в мой последний день в университете пришли десять тысяч студентов.

Столь же персонализированных отношений я хотел добиться с нашими войсками. В Техасском университете, проходя по кампусу, я повсюду видел молодых людей в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, в футболках, шортах и с рюкзаками. А теперь я вдруг очутился в Ираке и Афганистане, где наблюдал молодых мужчин и женщин того же возраста – в полном боевом снаряжении, со штурмовыми винтовками, вынужденных существовать в жутких фронтовых условиях. Контраст был разительным и произвел на меня неизгладимое впечатление. Скажу честно, переход из президентов университета в министры обороны дался непросто в первую очередь эмоционально, и эмоции осложняли мою работу на новом посту, особенно когда я вспоминал, что многочисленная группа молодых людей пожертвовала своими мечтами и рискует жизнью ради того, чтобы защитить спокойный сон другой многочисленной группы – своих ровесников и всех прочих.

Личные отношения с двумя миллионами солдат – задача сложная, и к ее решению следовало подойти творчески. Когда я предложил завести специальный электронный адрес, чтобы солдаты могли писать мне напрямую, как это было сделано для студентов в Техасском университете, глава моей администрации Роберт Рангел посмотрел на меня так, будто заподозрил у министра приступ горячки. Два миллиона электронных писем, даже представить страшно! Словом, идею благополучно похоронили.

К намеченной цели не было коротких путей. Молодые люди в целом весьма скептичны, если не циничны, в своем отношении к риторике старшего поколения, тем более к риторике власти, поскольку слишком часто видят, что слова не соответствуют делам. А применительно к армии подобное отношение

усугубляется многократно. Единственный способ завоевать доверие солдат и избавиться от их безразличия к персоналии на посту министра обороны заключался в действиях, которые продемонстрировали бы, насколько я и вправду забочусь о войсках.

Так совпало, что многие решения, призванные заслужить это доверие, были в то же время необходимы и для успеха наших военных кампаний. В корне ошибочное и упорно отстаиваемое предположение, что война в Ираке будет короткой победоносной войной, породило множество проблем в войсках, в том числе для полевых подразделений. Месяцы растягивались в годы, а люди на высоких должностях тем не менее цеплялись за первоначальное предположение и вовсе, казалось, не желали увеличивать объемы финансирования, дабы обеспечить наши войска всем, что требовалось для успешного завершения миссии и последующего возвращения домой (и для предоставления наилучшего ухода раненым). Зачем тратить драгоценные доллары на снаряжение для войск, если после Ирака этого снаряжения образуется избыток? И потому на протяжении многих лет наши парни в Ираке перемещались в легких машинах вроде «хамви», этой современной версии джипа, которые даже при бронировании уязвимы для самодельных взрывных устройств (СВУ), гранатометов (РПГ) и снарядоформирующих зарядов (СФЗ)[39]. Такие автомобили чрезвычайно легко подорвать, и они превращаются в погребальные костры для американских солдат. Да, вкладываются средства в разработку и применение беспилотников (они же дроны, беспилотные летательные аппараты – БПЛА), но радикального увеличения поставок этих аппаратов в войска не предвидится, не говоря уже о том, чтобы активнее использовать их для разведки и наблюдения за противником. А дома, при нашем-то качестве военной медицинской помощи, абсолютно лучшем в мире, отношение к раненым и членам их семей мало-помалу превращалось в мину замедленного действия! Если коротко, сотрудники Пентагона, ответственные за обучение, материальное обеспечение и развертывание войск, проявляли категорически недостаточно внимания к каждому солдату и офицеру по отдельности. И решению этой задачи я отдавал немало времени весь свой срок пребывания на посту.

В первые месяцы министерских трудов я сознательно замкнул все «персональные» вопросы на себя. Как уже упоминалось, я рекомендовал президенту увеличить численность армии США и корпуса морской пехоты на 65 000 и 27 000 человек соответственно. В сентябре 2007 года я снова предложил

временно увеличить армию еще на 22 000 солдат. 19 января я подписал приказ, согласно которому части Национальной гвардии отныне полагалось развертывать боевыми единицами (а не как раньше, когда бойцов приписывали в индивидуальном порядке к частям из других штатов); при этом период развертывания ограничивался одним годом. На этот временной лимит постоянно покушались, но всякий раз, когда Объединенный комитет начальников штабов «протягивал загребущие лапы», я пресекал подобные попытки. И повторял снова и снова: «Я дал им слово, что они не будут служить дольше года. Как они могут поверить мне впредь, если я нарушу свое обещание сейчас?» При развертывании боевыми единицами, указывал я, любой специалист, например по обезвреживанию боеприпасов, захочет оказаться в той команде, с которой он тренировался, которую знает и которой доверяет, а не среди малознакомых коллег, еще не заслуживших его доверия. Увы, в нескольких случаях суровая реальность вынудила меня нарушить верность слову в отношении годичных командировок, но произошло это при чрезвычайных обстоятельствах. Что касается неимоверно трудного для меня решения увеличить длительность командировок в Ирак и Афганистан до пятнадцати месяцев, перед собой я оправдывался только тем, что солдатам по крайней мере гарантирован год дома, а значит, целый год они смогут прожить спокойно. Я хотел положить конец практике «стоп-лосса», принятой в нашей армии политике принудительно увеличивать срок службы. Подавляющее большинство тех, кто оказывался жертвами этой практики, составляли сержанты: продление их службы считалось необходимым для большей спаянности подразделений. Данная практика продолжалась довольно долгое время, а с «Большой волной» цифры существенно выросли; при мне пик «стоп-лосса» достиг почти 14 000 человек. Я воспринимал эту практику как армейский эквивалент крепостного права и предательство тех, кого она затронула, а потому был полон решимости ее искоренить. За несколько месяцев до моего ухода в отставку на «стоп-лоссе» не значилось ни единой фамилии.

Как я уже говорил, в каждом месте, которое мне доводилось посещать, я многое узнавал у молодых солдат и офицеров, составлявших мне компанию по моему настоянию. Беседы с сержантами-техниками на бортах десантных кораблей и на базах ВВС, жалобы на нехватку рабочей силы, каковая мешает «делать работу на совесть», сыграли немалую роль в моем решении прекратить дальнейшее сокращение персонала ВВС и ВМС. На авиабазе Крич в штате Невада, откуда управляют многими

нашими беспилотниками, действующими за рубежом, мне стало известно, что ежедневно «экипажи» этих аппаратов тратят минимум час в одну сторону на дорогу с авиабазы Неллис, а на базе Крич слишком мало удобств – прежде всего мест, чтобы перекусить и развеяться. Со временем эти недостатки были исправлены. В Кэмп-Пендлтоне я наблюдал, как морпехи, готовясь к переброске в зону боевых действий, тренируются на полигоне, имитирующем иракский город, – и узнал, что их командиры обучаются использованию беспилотников на тренажерах, потому что реальных дронов в наличии нет. Мы сумели скорректировать ситуацию к лучшему, пусть это и заняло много времени.

Когда выдавалась такая возможность, я старался встречаться с семьями и супругами военнослужащих. По большей части эти встречи оказывались для меня эмоционально опустошающими. Так, через несколько недель после своего утверждения в должности я побывал в Форт-Кэмпбелле, штат Кентукки. Сто первая воздушно-десантная дивизия готовилась к переброске в Ирак. Я встретился с некоторыми женами офицеров и солдат, и слезы этих женщин показали мне, что они прекрасно понимают, куда отправляются их мужья, и что вопреки общепринятому мнению испытания не очень-то хорошо учат стойкости. Среди женщин были совсем молодые, почти подростки, но уже с ребенком или даже двумя. Многие были напуганы, многих страшили организационные проблемы, которые только усугубляли стресс, – например, плохо организованное медицинское обслуживание в гарнизоне, длинные очереди ко врачам или необходимость ездить к педиатру за шестьдесят миль от места проживания.

И благодарность военнослужащих и членов их семей – вот та признательность, которую я – пока занимал пост министра обороны – ценил выше всего.

Наиболее трудным среди обязанностей министра обороны было для меня посещение госпиталей, но навещать раненых приходилось регулярно, причем с каждым разом становилось все хуже. Поначалу я даже засомневался в себе – справлюсь ли? Мне, конечно, советовали не переживать так сильно: мол, раненые «воодушевят вас своим мужеством», решимостью и стойкостью, – но я постоянно думал, и никак было не отделаться от подобных мыслей: «Да, все так. Но есть одно принципиальное отличие между всеми вами – конгрессменами, военными чинами, прочими – и мной. Ведь именно я посылаю этих парней в бой». Мне было физически больно видеть атлетичных молодых парней с ампутированными конечностями, с жуткими огнестрельными

ранениями – словом, со всевозможными ранами, как телесными, так и душевными. Некоторые находились в коме или пребывали без сознания. Многих окружали члены их семей, часто – молоденькие жены и крохотные детишки; жизни этих семей уже никогда не стать прежней. Помню, я подошел к очередной палате, а мне навстречу вышел врач и предложил не заходить внутрь: дескать, там лежит молодой солдат с серьезным ранением ноги, и он отказался прикрывать рану на время моего визита. Я собрался с духом и открыл дверь. Солдат вовсе не злился и не упивался жалостью к себе. Помню также солдата в госпитале имени Уолтера Рида[40], первого «четверного» ампутанта, потерявшего обе ноги выше колена и обе руки ниже локтя. По его словам, он надеется когда-нибудь снова сесть за руль. А его отец сказал мне: «Мы прошли долиной отчаяния и поднялись на гору надежды». Он попросил меня присмотреть за тем, чтобы его сын получил наилучшие протезы, и я пообещал помочь. Еще я встретил бывшего студента Техасского университета, раненного пулей в горло. Сиплым голосом он поведал, что ему позволили выбрать музыку, под которую проводили операцию, и он заставил всех снова и снова слушать боевой гимн «аграриев». Я пошутил, что ему следовало заранее убедиться – а вдруг оперирующий хирург заканчивал университет штата Техас в Остине, который издавна соперничает с Техасским политехническим?

В мае я в первый раз посетил Военно-медицинский центр имени Брука в Сан-Антонио, наше лучшее учреждение по лечению ожогов. В программе визита официально значилось посещение «Центра отважных», нового реабилитационного центра для людей с ампутированными конечностями, финансируемого за счет частных пожертвований, а также ожогового центра. Я сказал Питу Кьярелли, что не уверен, хватит ли мне мужества отправиться в ожоговое отделение. Он промолчал, и тогда я спросил: «Парни знают, что я должен приехать?» Пит утвердительно кивнул. Я прикрыл глаза, а потом сказал: «Что ж, тогда деваться некуда».

Я вошел в реабилитационный центр через ожоговое отделение, и меня встретил лейтенант морской пехоты Дэн Моран, в кадетской футболке Техасского университета и с фотографией в руках: на снимке я вручал Дэну диплом выпускника. Красавица жена и маленький ребенок, четырех недель от роду, скрашивали пребывание Дэна в госпитале. Лейтенант попросил меня оставить автограф на выпускном снимке, а затем поинтересовался, может ли рассчитывать, что именно я вручу ему медаль ВМС за доблесть на церемонии в Техасском университете. Разумеется, я согласился. (27 октября

мы с Бушем-41 вручили Дэну эту медаль в перерыве домашней футбольной игры на поле Техасского университета, и все 85 000 зрителей стоя аплодировали юному герою. Вот если бы каждый из наших раненых и ветеранов мог надеяться на подобное признание!)

Ожоговое отделение было почти заполнено. Мне показали молодого солдата, который провел в госпитале почти два года; чудовищные ожоги по всему телу, и мы с ним вместо рукопожатия стукнулись кулаками – он лишился пальцев. Увы, после долгой и героической борьбы за жизнь ему предстояло умереть несколько месяцев спустя. В отдельной палате лежал в коме сержант – весь обгорелый и с ампутированными конечностями. Я видел множество других пациентов, амбулаторных и тяжелых, которых ожидали впереди десятки хирургических операций. Просто нет подходящих слов, чтобы охарактеризовать их мужество. Поскольку Центр имени Брука расположен не в Вашингтоне и не на побережье, туда нечасто заглядывают всякие ВИП-гости. Пациенты упоминали, кстати, что и официальных посетителей могло бы быть побольше. После моего визита один армейский сержант сказал репортеру, что «чертовски много значит, когда кто-то из этих ребят приходит сюда лично». Он прибавил: «Мне не нужны лишние медали или деньги, просто хочется услышать “спасибо”».

Я никогда не простил бы себя, если бы не совладал с приступом робости и не побывал в ожоговом отделении. Впоследствии мне довелось еще несколько раз побывать в Центре имени Брука. Никакие слова не в состоянии выразить мою благодарность врачам центра – и остальных наших военных госпиталей – за их высочайшее мастерство и заботу о наших сыновьях и дочерях.

Вскоре после этого я посетил военный госпиталь США в немецком Ландштуле, куда направляли почти всех раненых из Ирака и Афганистана, прежде чем отправить в США. Мне сообщили, что я единственный министр обороны, навестивший эту больницу с начала войны в Ираке и Афганистане. Именно там я впервые наградил «Пурпурными сердцами» шестерых пациентов. Один из награжденных, молодой солдат, все еще оставался без сознания, и мне в первый раз случилось утешать плачущую мать. Позднее, через несколько месяцев, я снова увидел этого солдата: он сидел в инвалидном кресле на обеде, который устроили в Пентагоне для раненых воинов. С присущей молодым дерзостью он воскликнул: «Спорим, вы меня не узнаете!»

Я все сильнее ощущал личную ответственность за этих

парней в госпиталях, и груз ответственности становился все тяжелее. Тем не менее в госпитале всегда остается надежда. Но ее нет для погибших и для членов их семей.

Каждое утро я первым делом просматривал списки военнослужащих, мужчин и женщин, убитых и раненных в бою в предшествующие двадцать четыре часа. Никаких имен, просто описание случившегося и общее количество потерь. Сразу же после вступления в должность я начал подписывать соболезнования – родителям, супругам или детям тех, кто погиб на войне. Очень скоро у меня сложилось убеждение, что одной подписи недостаточно, и по вечерам я приписывал от руки пару личных фраз в конце каждого письма. С развитием «Большой волны» в Ираке подписывать приходилось более ста печальных писем в месяц. Некоторое время спустя я понял, что и личных фраз в письмах тоже мало. Я был полон решимости не допустить, чтобы эти мужчины и женщины когда-нибудь превратились для меня в статистические данные, и поэтому просил присылать мне их фотографии и сообщения местной прессы о жизни и смерти этих героев. Я смотрел на фото, читал рассказы семьи, друзей, тренеров и учителей о том, какими веселыми были эти ребята, как они любили ловить рыбу и охотиться, каких успехов добивались в спорте, как помогали другим людям. Или узнавал, что они маялись от безделья, пока не вступили в армию, где нашли цель и ориентиры жизни. И практически каждый вечер, четыре с половиной года, я писал соболезнования, читал воспоминания об этих молодых мужчинах и женщинах – и плакал.

Это происходило в уединении. Однако уже через несколько месяцев на министерском посту мои чувства, вызванные самопожертвованием этих удивительных мужчин и женщин в военной форме, начали прорываться публично. Первый раз это случилось 18 июля 2007 года, на обеде в Ассоциации корпуса морской пехоты. Я держался вплоть до конца выступления, пока не упомянул командира роты морпехов, капитане Дугласе Зембике, и его действиях в первом бою за Фаллуджу в Ираке в апреле 2004 года. По словам капитана, его люди «сражались как львы», а его самого позже окрестили «Львом Фаллуджи». Я рассказал, что он добровольно вызвался повторно отправиться в Ирак в начале 2007 года, но «на сей раз уже не вернулся – в свою страну, к своей жене Памеле и своей годовалой дочери». И тут я почувствовал, что теряю самообладание, хотя и сумел все же еще сказать, что более тысячи человек, включая многих морских пехотинцев, присутствовали на его похоронах на Арлингтонском кладбище, и один офицер заявил журналисту: «Твои люди

должны следовать твоим приказам, а не приходить на твои похороны». Это оказалось последней каплей – я просто не мог говорить дальше. В репортажах утверждалось, что я, очевидно, боролся с подступившими слезами. Так и было. Но я взял себя в руки и закончил такими словами: «Каждый вечер я пишу письма семьям молодых американцев, подобных Дугу Зембику. Для вас и для меня это не просто имена в статье или цифры на веб-странице. Они сыновья и дочери нашей страны».

Таково истинное лицо войны. Никогда и никому я не говорил о том, сколь тяжел эмоциональный груз от выездов на линию фронта, от посещения госпиталей и кладбищ, от сознания того факта, что отправляешь детей в опасность; это бремя беспрерывно становилось все тяжелее четыре с половиной года войны. Я исполнял свой долг, я был готов сделать все, чтобы мы победили в Ираке и Афганистане. Но я знал истинную цену победы. И это знание изменило меня.

Госпиталь имени Уолтера Рида

18 и 19 февраля 2007 года газета «Вашингтон пост» опубликовала в двух частях материал журналистов Даны Прист и Энн Халл, посвященный «административному кошмару» и «убогим условиям» пребывания раненых военнослужащих в Центральном армейском госпитале имени Уолтера Рида в Вашингтоне, округ Колумбия. В материале приводились задокументированные факты блуждания солдат по бюрократическому лабиринту, причем на всех этапах – предварительный осмотр, послеоперационное лечение, прохождение медицинской комиссии и так далее. Журналисты подробно описали Восемнадцатый корпус, где размещались выздоравливающие: обилие плесени и грязи, протечки, запачканные ковры, грызуны, тараканы и общий бардак. Налицо очевидная нехватка социальных работников, которые помогали бы пациентам, и отсутствие внятной помощи солдатам и членам их семей в перемещениях по огромному больничному комплексу или в сражениях с обширной и запутанной документацией. Статья меня буквально потрясла. На утреннем совещании с сотрудниками министерства 20 февраля я сказал, что у нас нарисовалась серьезная проблема, неспособность должным образом позаботиться о наших раненых и их семьях. Ситуацию нужно исправить, и немедленно.

В следующие два дня я узнал достаточно, чтобы большая часть фактов, изложенных в «Пост», подтвердилась, и чтобы

составить план ближайших действий. 23 февраля я встретился с президентом в девять утра, охарактеризовал серьезность положения в госпитале и сообщил, что намерен объявить в тот же день о создании экспертной группы во главе с Того Уэстом, министром армии и министром по делам ветеранов при президенте Клинтоне, и Джеком Маршем, министром армии при президенте Рейгане; эта группа должна тщательно изучить ситуацию и предложить меры по исправлению. Я счел, что им хватит сорока пяти дней, чтобы представить свои выводы. Еще я сказал президенту, что намерен добиваться наказания ответственных лиц и что это может привести к громким отставкам. Он полностью меня поддержал. Прямо из Белого дома я отправился в госпиталь и лично проинспектировал Восемнадцатый корпус. За несколько дней после публикации статьи здание слегка подчистили, но в целом его состояние просто-напросто удручало. После осмотра мне доложили о качестве амбулаторной помощи, проблемах с ресурсами и бюрократических препонах, которые и привели к условиям, отраженным в материале «Пост».

Я провел в госпитале пресс-конференцию, на которой заявил, что поражен до глубины души: оказывается, наши раненые военнослужащие не получают наилучшего возможного лечения и ухода на всех стадиях своего выздоровления, особенно это касается амбулаторной помощи. «Это неприемлемо, и с подобной практикой будет покончено», – подытожил я. Как и полагается высокопоставленному члену правительства, я признал свою вину: «Я благодарен журналистам, что они довели данную проблему до нашего сведения, и сильно разочарован тем, что мы сами ее не замечали». О наших раненых я сказал следующее: «Они не должны восстанавливаться в аварийных лечебницах, не должны преодолевать горы документов и пробиваться через бюрократические препоны в это трудное время, особенно трудное для них и для членов их семей. Они сражались с нашими врагами за рубежом, но им не пристало воевать еще против американской бюрократии». Я четко дал понять, что проблема не в том, что солдатам не предоставляется медицинская помощь мирового уровня, а в том, что со своей работой не справляются амбулаторные учреждения и администрация госпиталя. Затем я поименно перечислил членов экспертной группы и сказал, что они уполномочены проверить условия не только в данном корпусе госпиталя имени Уолтера Рида, но и в Национальном военно-морском медицинском центре в Бетесде, штат Мэриленд, и в любых других центрах, которые они выберут. Я подчеркнул свое «твердое убеждение, что столь комплексная организация, как

министерство обороны, должна действовать согласно принципу подотчетности на всех уровнях. Соответственно, когда факты установлены, лица, ответственные за допущение кризисной ситуации, подлежат привлечению к ответственности». Позже я особо отметил, что некоторые из этих офицеров и других лиц, непосредственно причастных к кризису, уже уволены со службы, а «другие персоналии, по субординации стоявшие выше, получили непредвзятую оценку».

Старшие офицеры отреагировали по-разному. Заместитель начальника штаба сухопутных войск, генерал Дик Коди, сказал: «Мы совершенно разочарованы состоянием палат и обнаруженными задержками, а недостаток внимания к деталям при ремонте здания является непростительным». С того дня Коди посвятил множество усилий решению проблем наших раненых, и под его руководством сухопутные войска в этом отношении двинулись в правильном направлении. К сожалению, другие офицеры заняли глухую оборону и всячески стремились преуменьшить масштабы кризиса. Главный врач армии, генерал-лейтенант Кевин Кайли назвал газетную статью «однобокой» и сосредоточился на «непозволительном» тоне материала, а не на фактах. Его ответ заставил меня заскрежетать зубами от ярости, но еще сильнее я разозлился на замечание армейского министра Фрэнсиса Харви, который, как мне передали, заявил: «Некоторые младшие сотрудники не выполняли свою работу, и точка». Приписывать явные трудности с предоставлением амбулаторной помощи в госпитале имени Уолтера Рида каким-то безвестным «младшим сотрудникам» было, на мой взгляд, просто бессовестно.

Я добивался кардинальных перемен, и, под моим давлением, армия стала предпринимать решительные шаги. 1 марта был уволен начальник госпиталя имени Уолтера Рида, генерал-майор Джордж Уэйтман. Он проработал в своей должности всего около шести месяцев, но принял наказание с достоинством. Генерал публично признал наличие проблем и извинился перед ранеными и их семьями. Зато министр армии Харви допустил, с моей точки зрения, серьезную ошибку. Он назначил временным начальником госпиталя Кевина Кайли. В ходе нашего собственного внутреннего расследования на протяжении предыдущих дней и в ходе парламентских слушаний в конгрессе на неделе стало совершенно ясно, что Кайли знал о проблемах в госпитале и что некоторые из них напрямую связаны с его не совсем надлежащим руководством. Назначение Кайли с тревогой встретили многие раненые и их семьи – ведь до сих пор он не принимал никаких мер к исправлению ситуации, а его публичные комментарии по-

прежнему были нацелены на преуменьшение масштабов кризиса. Харви процитировал прессе телефонный разговор с Кайли; последний раскритиковал «Пост» и сказал: «Я намерен защищаться… я хочу иметь возможность защищать себя, все было не так, это худший образец «желтой журналистики», и я планирую это сделать. Доверьтесь мне». Назначение Кайли, вдобавок к попыткам Харви возложить вину за кризис на нескольких «младших сотрудников», подтвердило в моих глазах, что министр армии не осознает глубины кризиса, а следовательно, вряд ли способен возглавить усилия по его преодолению. 2 марта, после разговора с президентом, я позвонил Харви и предложил ему подать в отставку, пояснив, что назначение Кайли стало той самой соломинкой, которая переломила хребет корове. Он был ошеломлен и, похоже, счел себя показной жертвой, которую кинули под автобус, чтобы утихомирить СМИ и конгресс. Так или иначе, в тот же день я получил заявление об отставке. Фрэнсис Харви хороший человек и преданно служил своей стране. Я уволил его потому, что, будучи проинформирован об обстоятельствах кризиса в госпитале имени Уолтера Рида, он не воспринял эти сведения всерьез. Именно так я и сказал журналистам.

Я провел пресс-конференцию 3 марта и объявил, что попросил сухопутные войска – исполняющим обязанности министра стал Пит Герен – назначить нового начальника госпиталя имени Уолтера Рида, а заодно отменил назначение Кайли. Я сказал репортерам: «Знаете, я разочарован тем, что некоторые армейские чины неадекватно оценивают серьезность ситуации с амбулаторной помощью в госпитале имени Уолтера Рида. Почему-то они предпочитают обороняться от нападок, как они это называют, и выказывают явное нежелание разбираться с существующими проблемами. Кроме того, я обеспокоен тем, что некоторые не до конца понимают необходимость однозначно донести до раненых и их семей, что для нас нет приоритета выше помощи нашим солдатам и что исправить ситуацию с качеством амбулаторного лечения является критически важным». Я подчеркнул, что полностью доверяю врачам, медсестрам и сотрудникам госпиталя – «одним из лучших и самым заботливым в мире».

По моей рекомендации президент учредил двухпартийную комиссию для изучения ситуации с лечением и уходом за ранеными в целом (напомню: эти вопросы находятся в компетенции министерства обороны и министерства по делам ветеранов). Возглавили комиссию бывший лидер сенатского большинства Боб Доул, сам получивший серьезное ранение на

Второй мировой, и бывший министр здравоохранения и социальных служб Донна Шалала. По предложению Джорджа Кейси я посоветовал президенту включить в состав комиссии кого-либо из нынешних молодых раненых, а также вдову одного из наших павших солдат.

На совещании со своими старшими советниками 5 марта я напомнил о словах, произнесенных мною в свой первый рабочий день, 18 декабря, а затем повторенных перед гражданскими и военными руководителями министерства в середине января. Я сказал, что, когда конгресс или пресса в чем-либо нас обвиняют, мы должны анализировать проблему, а не просто огрызаться. Кроме того, прибавил я, нельзя приписывать системные ошибки «младшим сотрудникам» или офицерам среднего звена. «Нужно заниматься другими делами – например материальным обеспечением войск». Далее я предположил, что в министерстве по делам ветеранов, похоже, немало проблем, если их столько вскрылось в госпитале имени Уолтера Рида. Я сказал, что учредить комиссию по изучению ситуации с ранеными в целом – моя идея, и я ожидаю полного сотрудничества. Еще я подтвердил, что неотложная медицинская помощь в госпитале – лучшая в мире, а кризис затронул только амбулаторное лечение. «Проще всего на свете починить стены; сложнее всего справиться с бюрократией и убедить людей, – сказал я. – Тем не менее дефицит ресурсов мы покроем. И получим все необходимые ресурсы».

Оставалось решить вопрос с генерал-лейтенантом Кайли. Я сказал своему помощнику Роберту Рангелу 6 марта, что хочу переговорить с генералом Коди, генерал-майором Эриком Шумейкером (новым начальником госпиталя имени Уолтера Рида), председателем Объединенного комитета начальников штабов и исполняющим обязанности министра армии Гереном о будущем Кайли. Конечно, окончательное решение принимать армии, но лично я сомневаюсь, что он служит как полагается. Вскоре Кайли уволился со службы.

Девятого марта все американские военнослужащие, мужчины и женщины по всему миру, получили информационное письмо за моей подписью. В письме рассказывалось о моей реакции на кризис в госпитале имени Уолтера Рида, перечислялись шаги по исправлению ситуации, а в конце их заверяли в том, что, «не считая самих войн, для меня нет более важного дела, нежели забота о наших раненых».

Амбулаторное лечение в госпитале имени Уолтера Рида отнюдь не единственная «медицинская» проблема, которая потребовала моего внимания, – просто эта ситуация оказалась

наиболее вопиющей. Повторюсь: никто не рассчитывал на длительную войну, не ожидал такого количества раненых, никто не планировал и не выделял необходимые ресурсы, будь то социальные работники, надлежащим образом оборудованные помещения и базы для ухода за ранеными, не говоря уже о преодолении бюрократической пропасти между министерством обороны и министерством по делам ветеранов и многом другом. На первом моем рабочем совещании министр по делам ветеранов представился, и я предложил ему любую помощь, понимая, что его департамент наверняка буквально припирают к стенке ветераны, возвратившиеся домой сразу с двух войн и имевшие серьезные ранения. Меня поразил его ответ: он заявил, что его министерство «в отличной форме» и никаких проблем не наблюдается. Что ж, я достаточно долго пробыл на государственной службе, чтобы понимать – когда руководитель министерства уверяет, что в его организации отсутствуют какие бы то ни было проблемы, он либо лжет, либо выдает желаемое за действительное. При этом я знал, что министр не склонен лгать. Скандал с госпиталем имени Уолтера Рида возник вследствие провалов в руководстве, однако ужасные условия амбулаторного лечения также явились следствием бюджетных и кадровых сокращений, нежелания вкладывать деньги в больничный комплекс, который готовили к закрытию, и безудержного аутсорсинга. Как я и предсказывал своим сотрудникам, справиться с бюрократическими проблемами оказалось гораздо сложнее, чем получить требуемые ресурсы.

В СМИ и в конгрессе меня громко расхваливали за то, что я повел себя столь решительно. Но, как обычно, намного важнее была реакция простых солдат. Через несколько недель после этих событий я получил по электронной почте письмо от человека, летевшего по делам вместе с армейским медиком. По словам автора письма, врач и его коллеги «удивлялись, что Гейтс влез в этот свинарник в госпитале имени Уолтера Рида, и желали ему удачи. С назначением нового администратора [Кайли] показалось, что все останется как раньше. Но Гейтс вытурил этого типа в двадцать четыре часа, и это многое им показало». Неназванный врач «чертовски признателен Гейтсу за его усилия наладить работу госпиталя. Гейтс подарил ему надежду».

В первые месяцы после своего утверждения я потратил много времени и сил, латая дыры и укрепляя союзнические узы. Я заслужил похвалу за свою спокойную и уважительную манеру ведения дел и общения с людьми – равно как и за улаживание взаимоотношений по всему Вашингтону. Но скандал с госпиталем имени Уолтера Рида предоставил мне беспрецедентную

возможность продемонстрировать, уже на ранней стадии, что, когда речь заходит о некомпетентности, небрежности или еще чем-либо негативно влияющем на наших мужчин и женщин в военной форме, я могу быть совершенно безжалостным. Такая принципиальность потребовалась мне и с весны 2007 года, когда я твердо решил добиться, чтобы старшие гражданские и военные руководители Пентагона позабыли о возможных в будущем гипотетических войнах, о повседневной политике и о бюрократической рутине и чтобы вместо этого сосредоточились на войне, которая разворачивается непосредственно у них на глазах, в Ираке и Афганистане. Ведение эффективной войны против наших врагов на зарубежных полях сражений требовало войны с самим Пентагоном.

Глава 4
Война с Пентагоном

На январь 2007 года у меня имелись: новый командующий вооруженными силами в Ираке, новая стратегия и 30 000 человек дополнительного контингента. Для успеха требовалась общая приверженность сотрудников министерства обороны решению главной задачи, однако я поразился, узнав, что таковой не существовало. Одно дело, когда страна и большая часть исполнительной власти не ощущают своей вовлеченности в войну, и совсем другое, когда этим грешит МВ – «Министерство войны». Подобное недопустимо.

Даже при том что государство вело одновременно две войны и ни в одной пока не побеждало, жизнь в Пентагоне, когда я там появился, в целом протекала согласно заведенной рутине. Я не обнаружил почти никаких признаков деловой суеты, тревоги или, если уж на то пошло, страсти, хотя ситуация виделась весьма мрачной. Старшие офицеры и старшие гражданские чиновники отнюдь не толпились у моего кабинета, не сыпали чудовищными цифрами, отражавшими тщетность наших военных и гражданских усилий, потребности в новом оборудовании взамен выведенного из строя или устаревшего, в большем количестве солдат либо в необходимости новых стратегий и тактик. Становилось понятно, почему мы терпим неудачу в Ираке и Афганистане: после первых военных успехов в обеих странах ситуация начала ухудшаться, а президент, его старшие гражданские советники и старшие военачальники не пожелали заметить очевидного – что большинство предположений, на которых исходно строилось военное планирование, опровергнуты жизнью. Как следствие, никто не пытался вносить необходимые корректировки. Фундаментальная ошибка заключалась в убеждении, что обе войны окажутся короткими и победоносными и что ответственность за обеспечение безопасности населения удастся быстро передать иракским и афганским силам самообороны. Кампании велись с лета 2003 года в Ираке и с 2005 года в Афганистане, затянулись не то что на месяцы – на годы, вопреки чрезмерно оптимистичным прогнозам, но по состоянию на середину 2006 года никто из старших гражданских чиновников или генералов не был уволен, не произошло никаких сколько-нибудь существенных изменений в стратегии, а в администрации не нашлось ни единого авторитетного человека, который привлек бы внимание к тому банальному факту, что мы не просто увязли в

обеих странах – нет, на самом деле налицо все признаки грядущей катастрофы. (Позднее мне рассказывали, что некоторые сотрудники СНБ, ЦРУ и Государственного департамента поднимали эту тему, но их не пожелали слушать.)

Историк Макс Гастингс написал в своей книге «Инферно», что «такова природа всех конфликтов: пока враги не начнут стрелять, пока корабли не будут тонуть, пока твои близкие или хотя бы товарищи не начнут умирать – даже профессиональным солдатам свойственно пренебрегать необходимой решительностью и беспощадностью». В конце 2006 года мы находились в состоянии войны в Афганистане уже пять лет, в Ираке – почти четыре года. Враг давным-давно стрелял, многие наши солдаты погибли, и все же нашим гражданским и военным лидерам, равно как и боевым командирам, по-прежнему не хватало «решительности и беспощадности». Я счел своим долгом изменить эту ситуацию.

Символично, что в министерстве ни один сотрудник высокого ранга не занимался непосредственно работой по обеспечению насущных потребностей боевых командиров и войск на линии фронта. Председатель Объединенного комитета начальников штабов представлял вооруженные силы в целом и выступал в качестве старшего военного советника президента, но не имел власти над военно-техническими службами и гражданскими агентствами, а также не распоряжался финансами. Старшие гражданские руководители, мои заместители, занимавшие высшие ступени иерархической лестницы министерства обороны, исполняли роли политических консультантов и обладали прямыми полномочиями только в пределах собственных сфер ответственности. Масштабы и сама структура министерства порождали тяжеловесность действий, если не сказать «парализовывали всякую инициативу», – слишком много различных организаций приходилось привлекать для решения самых элементарных задач. Скорость, маневренность, гибкость, столь важные для поддержки текущих боевых операций, – эти понятия были совершенно чужды Пентагону. Быстро сделалось очевидным, что только я, как министр, способен изменить ситуацию своей властью. Если нужно заставить гаргантюанскую, чрезвычайно сложную бюрократическую машину трудиться эффективно и оперативно на пользу фронтовых частей, инициатива по трансформации должна исходить сверху. Чаще всего это означало, что для преодоления бюрократии мы вынуждены были жертвовать установленными процедурами и управлять процессами непосредственно из моего кабинета. Личные усилия по поддержке командиров и частей в зонах боевых действий сделались в итоге неотъемлемой характеристикой

моего министерского статуса.

Министерство обороны устроено таким образом, что оно планирует войны и готовится к оным, но не в состоянии вести войну. На министра, его заместителей и старших военных руководителей армии, флота и ВВС возложены организационные, обучающие и снабженческие функции применительно к соответствующим родам войск. Что касается снабжения, тут все упирается в приобретение систем вооружения, кораблей, грузовиков, самолетов и других материальных ресурсов, которые, вероятно, понадобятся в некоем отдаленном будущем, но не сейчас, не для конкретного боевого командира, чей интерес измеряется исключительно несколькими неделями или месяцами. Военные ведомства составляют бюджеты на пятилетней основе, большинство программ закупок формируются на протяжении многих лет, а то и десятилетий, если считать от первоначального решения до исполнения. В результате бюджеты и программы зафиксированы на много лет вперед, и все бюрократические уловки каждого военного ведомства без исключения направлены на сохранение выделенного финансирования. Причем в этих уловках с ними заодно выступают промышленные компании, которые производят военное снаряжение, а также вашингтонские лоббисты, этими компаниями подкармливаемые, и конгрессмены, в чьих штатах или округах расположены военные заводы. Любые угрозы долгосрочным программам, мягко говоря, не приветствуются. Даже если мы находимся в состоянии войны.

Применительно к Ираку и Афганистану запросы боевых командиров и полевых частей направлялись региональному командующему в Центрком; командующий рассматривал заявки и, если соглашался с ними, передавал далее по цепочке командования, в Пентагон. Каждый запрос затем проходил «фильтры» Объединенного комитета начальников штабов, соответствующего военного ведомства, ревизионно-контрольного отдела (вот они, деньги), множественные бюрократические «фильтры» системы закупок, а нередко и другие, причем любой из этих «фильтров» мог застопорить исполнение заявки или вообще остановить процедуру выделения снаряжения. Актуальные, срочные запросы оценивались согласно существующим долгосрочным планам, программам и бюджетам; неудивительно, что зачастую им присваивали более низкий приоритет по сравнению со всеми остальными делами. Фактически они проваливались в «черную дыру» Пентагона.

Да, имеется так называемая экспресс-линия для удовлетворения самых насущных потребностей солдат, процедура «исполнения совместных срочных оперативных задач». Подобные

экспресс-запросы оцениваются на очень высоком уровне – скажем, ложатся на столы заместителя министра обороны и заместителя председателя Объединенного комитета начальников штабов. Те заявки, которые утверждаются, направляются в соответствующее военное ведомство, которому предлагается «изыскать средства». Словом, другая «черная дыра». Если даже деньги находятся, в порядке вещей растягивать период исполнения «срочной» заявки на несколько месяцев или лет. Хуже того, даже в разгар двух войн будущие потребности, бюрократическая летаргия, нежелание спорить с конгрессменами по лоббируемым программам, умонастроения, свойственные мирному времени, и нежелание брать на себя ответственность, особенно в вопросе о том, кому оплачивать снаряжение, вроде бы со всеми согласованное, – вкупе все это приводило к общему ступору, пусть наши дети и продолжали погибать на поле боя, лишенные необходимого снаряжения. Терпеть такое разгильдяйство я не собирался.

За спиной у меня был многолетний опыт работы в сфере национальной безопасности, но я никогда не притязал на право именоваться военным стратегом или реформатором системы обороны. При этом я мог похвалиться, как уже упоминалось, успешным руководством крупными организациями и компаниями. Меня призвали во власть, чтобы я предотвратил грядущий военный провал. Схватка с конгрессом за сохранение определенной численности контингента (чтобы у полевых частей было достаточно времени на выполнение поставленной задачи) была вполне кровопролитной, а вскоре я осознал, что мне предстоит не менее кровопролитная схватка с Пентагоном. Я решил, что должен стать главным в министерстве защитником боевых командиров и фронтовых частей. Пора действовать «решительно и беспощадно».

Ситуация осложнялась тем, что все военные ведомства, службы и агентства расценивали антипартизанскую войну в Ираке и Афганистане как «нежелательную аберрацию», как конфликт, в котором нам больше никогда не участвовать (кстати, аналогичное ощущение эти структуры испытывали после Вьетнама). Всем отчаянно хотелось вернуться к рутине обучения и оснащения наших сил для конфликтов в отдаленном будущем – как я говорил, именно к такому готовились в Пентагоне: для сухопутных войск это «типовые» полевые столкновения регулярных армий с крупными воинскими формированиями иных государств-наций; для морской пехоты – стремительные набеги, мобильные операции, высадка с моря и разнообразные десантные «штучки»; для ВМС – океанские и морские кампании с упором на использование авианосцев; для ВВС – высокотехнологичные

воздушные бои и стратегические бомбардировки территории противника (тех же иностранных государств).

Я был согласен с тем, что к подобным потенциальным конфликтам следует готовиться. Но я нисколько не сомневался, что вероятны они куда менее, нежели мелкие, локальные, нетрадиционные боевые столкновения. А еще, основываясь на истории и опыте, я был и остаюсь уверен – мы совершенно не в состоянии предсказать, какие виды потенциальных конфликтов нас ожидают. В самом деле, после Вьетнама, когда нам приходилось применять американские вооруженные силы за рубежом – в Гренаде, Ливане, Ливии (дважды), Панаме, на Гаити, на Балканах и в других местах, – это были, как правило, относительно локальные и весьма «грязные» по своей сути стычки. Единственный раз, когда мы использовали крупные традиционные формирования – против Ирака в операции по освобождению Кувейта в 1991 году, – вся война уложилась в сто часов. В Афганистане, с самого начала кампании в 2001 году, ситуация складывалась нетипично, а вторая война против Ирака началась с победоносного наступления, которое быстро «выродилось» в поддержание относительной стабильности, восстановление разрушенного и борьбу с повстанцами (в ту самую жуткую кампанию по «строительству государства», которой администрация Буша клятвенно обещала не допустить). Ни в одном из этих конфликтов мы не смогли предсказать, хотя бы за полгода, что окажемся втянутыми в длительные боевые действия. Лично я был уверен, что мы должны готовить наши войска, как с точки зрения кадров, так и с позиций материально-технического обеспечения, для участия в конфликтах любого рода и масштаба, от борьбы с терроризмом и подавления хорошо вооруженных негосударственных групп (например террористической организации «Хезболла») до «обычных» столкновений с другими национальными государствами. Развитие столь широкого спектра возможностей означало необходимость пожертвовать временем и ресурсами на подготовку к высокотехнологичным потенциальным миссиям, любезных сердцам военных планировщиков. Со всей решительностью в эту схватку я вступил в середине 2008 года, но в 2007-м и в начале 2008 года сосредоточился на том, чтобы предоставить нашим войскам в Ираке и Афганистане требуемое снаряжение и поддержку.

Бронемашины с усиленной противоминной защитой

Девятнадцатого апреля 2007 года, будучи с официальным

визитом в Израиле, я наткнулся в ежедневном обзоре прессы (в Пентагоне его именовали «ранней пташкой») на статью Тома Ванден Брука из «Ю-эс-эй тудей»; статья начиналась так: «С прошлого года зафиксировано более 300 нападений, но ни один морской пехотинец не погиб, поскольку все солдаты находились в новых бронемашинах, которые Пентагон в текущем году рассчитывает перебросить в Ирак в значительных количествах; об этом сообщил командующий частями морской пехоты в провинции Анбар». Далее в статье описывался приподнятый корпус с усиленным V-образным днищем, которое позволяет эффективно рассеивать взрывную волну и осколки при подрывах заложенных на дорогах мин – они, как правило, представляют собой самодельные взрывные устройства (СВУ). Журналист также процитировал бригадного генерала Джона Аллена, заместителя командующего коалиционными силами в провинции Анбар, который заявил, что за минувшие пятнадцать месяцев случилось тысяча сто атак на подобные бронемашины, а среднее количество потерь при таких нападениях – менее одного раненого морпеха. В тот же день я прилетел в Ирак, на двадцать четыре часа, чтобы обсудить с Дэвидом Петрэусом грядущее по осени сокращение нашего контингента, вернулся домой на тридцать шесть часов, а затем, 22 апреля, отправился в европейскую командировку – Россия, Польша, Германия. Несмотря на множество дел, я продолжал думать об этих новых бронемашинах и сразу после возвращения в Вашингтон организовал по ним рабочее совещание.

СВУ в Ираке доставляли нам немало хлопот с первых дней войны. С течением времени эти мины становились все мощнее, а повстанцы – все изобретательнее в способах их размещения, маскировки и подрыва. К концу 2006 года на самодельные взрывные устройства приходилось до 80 процентов потерь нашего иракского контингента. Хуже того, Иран снабжал иракских повстанцев «суррогатными СВУ» со снарядоформирующим зарядом: это кумулятивные снаряды, которые при взрыве, если говорить просто, формируют конус расплавленного металла, способный пробить броню тяжелых транспортных средств, в том числе танка «Абрамс». Стремясь выработать меры по противодействию СВУ и провести скорейшую переподготовку полевых частей, армия создала ведомство, несколько раз менявшее состав и название, но в конечном счете, в феврале 2006 года, по прямому указанию министра Рамсфелда, получившее обозначение «Организация двойного подчинения по предотвращению воздействия самодельных взрывных устройств», сокращенно «Джидду»[41] (название неуклюжее, а вот задача,

которую она решала, была критически важной). Ведомству выделили миллиарды долларов на разработку систем наблюдения и подавления радиосигналов, с помощью которых обычно подрывали СВУ, а также на поиск технических решений по раннему обнаружению и обезвреживанию СВУ. Создание «Джидду» – один из первых примеров готовности министра обороны и его заместителя выйти за пределы повседневной бюрократической деятельности, дабы решить конкретную боевую задачу.

Несмотря на принятые меры, все больше и больше наших солдат погибали, получали увечья и сильные ожоги от СВУ, причем многие из них оказывались в числе пострадавших из-за «хамви». Эти машины можно сколько угодно обвешивать броней по бортам, но не существует практических вариантов дополнительного бронирования днища. Солдаты были вынуждены укладывать на полы «хамви» мешки с песком, чтобы хоть как-то защитить себя. Это не слишком помогало. Я уже говорил – пылающие «хамви» превращались в погребальные костры для наших бойцов, и мне довелось своими глазами увидеть некоторых выживших в ожоговом отделении Военно-медицинского центра имени Брука в Сан-Антонио. Постепенно борта «хамви» буквально обросли толстой броней, в качестве дополнительной защиты от ракет, гранат и стрелкового оружия, но машины по-прежнему не обеспечивали никакой защиты от мин со стороны днища.

Первое совещание по бронемашинам с усиленной противоминной защитой (MRAP[42]), тем самым, о которых я прочитал в статье из «Ю-эс-эй тудей», состоялось 27 апреля 2007 года. Конференц-зал в офисе министра обороны не такой уж большой по вашингтонским (и пентагоновским) стандартам, и обстановка в нем типовая, что меня вполне устраивало. Я всегда стремился к неформальной атмосфере на совещаниях, чтобы ничто не мешало людям говорить свободно; не помню, чтобы хоть раз надевал пиджак ради встречи с сотрудниками в этом зале. За столом насчитывалось около двадцати мест, еще с дюжину стульев выстроилось вдоль стен. Разумеется, наличествовал экран для любителей показывать презентации, а стены украшали боевые фотографии, в том числе снимок Дуга Зембика, Льва Фаллуджи, чья история едва не заставила меня прилюдно разрыдаться на ежегодном обеде Ассоциации корпуса морской пехоты. К услугам жаждущих имелась кофейная тележка; лично мне кофе всегда помогает сохранять внимание и поддерживать самодисциплину – почему-то чашка кофе в руке не дает вспылить и обрушить громы и молнии на голову очередного бестолкового докладчика, чье

блеяние доводит до белого каления. К слову, подготовка к совещаниям вечно сопровождалась закулисной возней, множество людей пихались локтями, норовя всеми правдами и неправдами пробраться на устраиваемые мной рабочие встречи. Решения о включении в список участников принимали двое моих старших помощников. Думаю, люди рвались на эти совещания лишь потому, что хотели продемонстрировать другим: они принадлежат к «избранным», в присутствии которых обсуждаются важные вопросы, либо потому, что надеялись отстоять собственные интересы. К сожалению, такие участники совещаний редко подавали мне полезные идеи, в особенности по поводу бюрократических конфликтов, и приходилось самому догадываться, каким образом та или иная проблема попала в поле моего зрения.

Так было и с MRAP. Предысторию текущих событий я узнал оттуда же, откуда почерпнул первые сведения об этом транспортном средстве, – то есть из газет. Через два с половиной месяца после первого совещания я прочитал в «Ю-эс-эй тудей», что Пентагон впервые испытал MRAP в 2000 году, а корпус морской пехоты подал заявку на двадцать семь машин в декабре 2003 года, намереваясь укомплектовать ими подразделения утилизации взрывоопасных боеприпасов. В конце 2004 года армия рассматривала концепции автомобиля с усиленным бронированием – для продажи иракцам, а не для себя. Первый из автомобилей, почти идентичный MRAP, поставили Ираку на исходе лета 2006 года. Между тем еще в феврале 2005 года бригадный генерал морской пехоты Деннис Хеджлик в провинции Анбар подписал заявку на тысячу с лишним подобных автомашин для своих солдат. По данным газеты, запрос Хеджлика отложили в долгий ящик; пятнадцать месяцев спустя аналогичный запрос получил одобрение Пентагона. Первые автомобили прибыли в провинцию Анбар в феврале 2007 года, через два года после первоначального запроса.

Было выдвинуто сразу несколько объяснений задержки поставок MRAP для Ирака. Основная причина заключалась в том, что никто в высшем руководстве не желал тратить деньги на приобретение этих машин. Ведомства и службы не хотели расходовать бюджетные доллары на транспортное средство, которое не рассматривалось армией и корпусом морской пехоты в качестве перспективной замены «хамви» – легкой тактической бронемашины. Большинство считало, что после войны MRAP окажутся никому не нужными (да и сама война опять-таки скоро завершится). Правда, кое-кто указывал, что угроза, которую представляют СВУ, нарастает, что в 2006 году наши войска

столкнулись со снарядоформирующими зарядами (СФЗ), способными пронзить даже тяжелую броню. Другие утверждали, что лишь в 2006 году мины на дорогах стали главной угрозой нашим войскам, – игнорируя тот факт, что летом 2004 года более 100 ˚СВУ взорвалось в одном только Садре, а еще 1200 успели обезвредить. Закупка тяжелых MRAP могла откладываться и потому, что такие машины не соответствовали приверженности министра Рамсфелда тактике мобильных подразделений и мобильных операций. Также возникали сомнения в том, что промышленность обеспечит производство MRAP в необходимых количествах и выдержит сроки поставок. Наконец, некоторые противились приобретению MRAP просто потому, что полагали подобные машины пустой тратой денег: враги всего-навсего начнут использовать более мощные СВУ.

Так или иначе, на момент совещания в апреле 2007 года в Ираке находилось считанное число MRAP. Но еще до того как стать министром обороны, я чертовски хорошо знал, что наши парни сгорают заживо и подрываются в «хамви», – а будь они внутри MRAP, многие избежали бы ожогов и гибели.

Основным докладчиком на совещании 27 апреля был заместитель командующего корпусом морской пехоты генерал Боб Магнус (напомню, морская пехота первой из всех родов войск приступила к практическому использованию MRAP.) В ноябре 2006 года корпус представил заявку на бронированный автомобиль, способный защитить бойцов внутри от взрыва мины, а в январе 2007 года сразу девять компаний подписали контракты на разработку прототипов. Магнус подробно объяснил важность такого транспортного средства и прибавил, что всего заказано 3700 машин для морской пехоты и 2300 машин для армии, но средств на оплату контрактов недостаточно. Поэтому в 2007 году будет получено только 1300 машин. Ничего личного, бизнес есть бизнес.

Второго мая я встретился с министрами армии и флота, заместителем министра Инглендом, Пэйсом и другими сотрудниками; мы говорили о необходимости резко увеличить финансирование, масштабы и темпы реализации программы MRAP. Я нечасто позволял себе эмоции на рабочих совещаниях, но на сей раз использовал эмоциональный довод (к которому обращался снова и снова, когда речь заходила о MRAP): «Каждый день задержки стоит минимум одному из наших детей увечий или жизни». К моему огорчению, ни один высокопоставленный чиновник, гражданский или военный, не поддержал мое предложение по срочной закупке тысячи этих автомобилей. Несмотря на это, в тот же день я подписал приказ о

предоставлении программе MRAP наивысшего приоритета в рамках распределения бюджета министерства обороны и подчеркнул, что «следует всемерно ускорить производство и поставки данной техники на театр боевых действий, для чего необходимо определить, оценить и реализовать любые имеющиеся возможности». Этот приказ стимулировал производство MRAP; отмечу, что это первая со времен Второй мировой войны крупная программа военных закупок, срок реализации которой, от решения до полного промышленного цикла, составил менее года.

Конгресс полностью поддержал проект. Еще за месяц до моего приказа, 28 марта, сенатор Джозеф Байден предложил поправку, которая получила 98 голосов за в сенате и гарантировала дополнительно 1,5 миллиарда долларов на программу MRAP (пришлось слегка урезать бюджет 2008-го финансового года в пользу 2007-го). В конце апреля конгресс одобрил выделение 3 миллиардов долларов на закупку MRAP в течение следующих шести месяцев, а подкомитет палаты представителей по делам вооруженных сил приплюсовал еще 4 миллиарда на 2008-й финансовый год. Фактически конгресс соглашался дать все, что мы просили, до последнего цента. Учитывая, насколько разрослась впоследствии программа MRAP, без готовности конгресса предоставить средства на финансирование производства таких транспортных средств эти машины никогда не были бы изготовлены – во всяком случае, в тех количествах, которые были позднее закуплены. Без поддержки конгресса финансирование для программы MRAP пришлось бы изыскивать в регулярных бюджетах военных ведомств, что неизбежно спровоцировало бы бюрократическое и политическое кровопролитие. Привычное для конгресса пренебрежение финансовой дисциплиной оказалось в данной ситуации как нельзя кстати.

В субботу, 19 мая, на Абердинском испытательном полигоне в штате Мэриленд я осматривал новенькие и громоздкие с виду машины. Мне показали целый ряд различных моделей от разных производителей. Я с благоговейным ужасом наблюдал за взрывом мощного СВУ: тестовая машина, разумеется, пришла в негодность, однако бронекапсула для личного состава не пострадала. Находись внутри люди, они бы все выжили. Эксперты в Абердине выявляли слабые и сильные стороны различных моделей; их выводы затем поступали руководителям программы, которые принимали решение о закупке, а также производителям машин, обеспечивая обратную связь. Лично я ничем не мог тут помочь, поэтому только повторил знакомый призыв: «Поспешите!

Наши парни гибнут!»

В конце мая я одобрил реализацию программы MRAP согласно особому, чрезвычайно узкому разделу бюджета, тем самым благополучно избежав множества бюрократических препон, характерных для исполнения военных программ. Это обеспечило программе MRAP приоритет перед другими военными и гражданскими программами производства ключевых компонентов, таких как специальная сталь, шины и автомобильные шасси. Я также приказал создать особое управление по реализации программы MRAP и попросил, чтобы меня информировали о развитии событий каждые две недели. Я подчеркнул, что скорейшая поставка MRAP в Ирак является насущной необходимостью, а подобная оперативность и наличие целого ряда моделей сулят проблемы с запасными частями, техническим обслуживанием, обучением и многим другим. Что ж, решать эти проблемы мы будем по мере их возникновения, но стоит сразу честно доложить президенту и конгрессу – потенциальные проблемы суть риск, на который мы готовы идти, чтобы как можно скорее предоставить нашим войскам в Ираке наилучшую защиту. Еще я напомнил, что применение MRAP не дает стопроцентной гарантии: успешные нападения все равно возможны, и враг наверняка попробует адаптировать свои СВУ под новые машины. Но все-таки даже такая защита лучше, чем ничего.

Масштабы задачи стали понятны на моем первом совещании с управлением по реализации программы 8 июня. Первоначальный одобренный запрос на MRAP всех моделей составлял 7774 автомобиля. Всего за пару недель, однако, общее количество увеличилось до 23 044 машин на совокупную сумму чуть более 25 миллиардов долларов – похоже, боевые командиры быстро оценили преимущества MRAP и поняли, что теперь в Вашингтоне готовы перейти от слов к делам. Но где взять все необходимые комплектующие и материалы для производства этих транспортных средств, от специальной баллистической стали до шин, да еще в соответствующих невероятных объемах? Как доставлять MRAP в Ирак? Где их размещать? Где хранить? Именно управлению по реализации программы, во главе с директором по оборонным исследованиям и разработкам (в скором будущем – заместителем министра по закупкам, технологиям и материально-техническому обеспечению) Джоном Янгом, выпало искать ответы на эти вопросы. И ответы были найдены.

В ходе поездки на Ближний Восток в конце лета 2007 года я на собственном опыте испытал, насколько велика потребность в

MRAP в передовых частях. При посещении лагеря Арифджан в Кувейте, гигантского логистического центра, обеспечивающего военные операции в Ираке, ближе к вечеру, меня привезли на «Кладбище» – территорию площадью в десятки акров, где складировались останки тысяч американских танков, грузовиков, «хамви» и других транспортных средств. Почти все машины были уничтожены вражескими атаками в Ираке. Я намеренно отделился от сопровождающих и некоторое время бродил среди бесконечных рядов присыпанной песком военной техники, каждый экземпляр которой свидетельствовал о страданиях и потерях наших войск. Мне слышались крики раненых и стоны умирающих. Покидая лагерь, я сказал себе, что павшим уже не поможешь, но, клянусь Богом, я переверну небо и землю, чтобы спасти жизнь их товарищам.

В конечном счете мы закупили примерно 27 000 MRAP, в том числе тысячи машин новой вездеходной модификации для Афганистана, на общую сумму почти 40 миллиардов долларов. Эти расходы сберегли нашей стране бесчисленное количество жизней. Позднейшие подсчеты показали, что применение MRAP сократило потери приблизительно на 75 процентов по сравнению с «хамви»; если сравнивать с танками «Абрамс», БМП «Брэдли» и «Страйкер», потери снизились где-то наполовину. При этом конструкторы продолжали вносить улучшения. Например, сила взрыва под днищем машины зачастую оказывалась такова, что у солдат внутри MRAP не редкостью были переломы ног и костей таза, поэтому пол и сиденья автомобиля подверглись переработке.

Восемнадцатого января 2008 года я посетил Центр исследований космических и военно-морских систем вооружения в Чарльстоне, штат Южная Каролина, где MRAP получали боевое оснащение перед отправкой в Ирак. Я съездил на завод и пообщался с рабочими, многие из которых были ветеранами войны. Эти мужчины и женщины, настоящая «соль земли» и патриоты, были искренне увлечены своей работой. Каждый из тех, с кем я беседовал, точно знал, что автомобиль, который собирают на заводе, спасет, вполне вероятно, жизни наших солдат. Один из рабочих, бородатый верзила в джинсах и клетчатой рубашке, пригласил меня сесть на водительское сиденье MRAP. Из «бардачка» машины он достал ламинированную карточку, тоже отправлявшуюся в Ирак. На этой карточке стояли подписи всех специалистов, которые трудились над данным транспортным средством. Бородач сказал, что всем известно – жизни солдат зависят от качества их работы, и им хочется, чтобы солдаты, которые будут ездить на этой машине, знали: каждый член

команды берет на себя личную ответственность за конкретную MRAP. По его словам, такую карту клали в «бардачок» каждой MRAP.

С конца 2007 года при очередном посещении Ирака я неизменно получал приглашения посмотреть на MRAP. Командиры подразделений особенно полюбили эти машины, ведь теперь солдаты возвращались невредимыми (или почти невредимыми) с заданий, которые ранее могли оказаться фатальными. От солдат я слышал, что ездить в машине очень неудобно, она настолько тяжелая (вес машин варьировался от примерно четырнадцати до почти тридцати тонн, в зависимости от модели), что практически не годится для бездорожья, что довольно часто случаются опрокидывания. Плюс машины были настолько высоки, что при движении в городских условиях цепляли антеннами электрические провода. Впрочем, наши изобретательные солдаты быстро нашли выход: длинными отрезами пластиковых труб они приподнимали эти провода, и машины спокойно катили дальше. Нашлись специалисты, которые переделали MRAP в машины экстренной медицинской помощи, а один командир бригады ухитрился поставить внутри рабочий стол и получил мобильный командный пункт. Но в основном эти машины просто доставляли солдат из одного места в другое в гораздо более безопасных условиях, чем до сих пор. Снова и снова боевые командиры подводили меня к поврежденным MRAP, и рядом неизменно присутствовали два-три солдата, которые рассказывали, что машина спасла им жизнь. Некий журналист поведал мне о полковнике, который в прямом эфире с камеры наблюдения видел, как автомобиль его подразделения охватило пламя после взрыва СВУ. Он взмолился вслух: «Господи, пусть выживет хоть один!» К его величайшему изумлению, наружу выбрались все трое солдат, раненые, но живые. Они ехали на MRAP.

К середине 2008 года мы сосредоточились на переброске MRAP в Афганистан, поскольку там постоянно возрастала угроза СВУ. Чем больше машин мы туда переправляли, тем отчетливее понимали, что эта техника, сконструированная для применения на относительно ровной местности и существующей дорожной сети Ирака, тяжелая и маломаневренная, не очень-то годится для бездорожья гористого Афганистана. Управление по реализации программы MRAP не подвело и здесь: была разработана облегченная, маневренная модификация MRAP – колесный вездеход.

В истории MRAP много героев – те морские пехотинцы, что на протяжении нескольких лет добивались одобрения концепции

«противоминного автомобиля», директор программы бригадный генерал Майк Броган и его команда, Джон Янг и все те, кто работал с ним в управлении по реализации программы MRAP, мои собственные сотрудники, особенно Пит Кьярелли, который ратовал за необходимость лучше защищать солдат и ежедневно напоминал всем вокруг, что министр лично следит за исполнением этой программы, а также наши промышленные партнеры, замечательные рабочие завода в Чарльстоне и даже конгресс, в кои-то веки поступивший правильно и, самое главное, не поддавшийся искушению «заболтать» вопрос. 21 мая 2008 года я написал благодарственное письмо всем основным участникам программы, высоко оценив их вклад. К официальному письму я приписал от руки: «Ваши усилия – и усилия членов вашей команды – спасли немало человеческих жизней. От имени всех, кто возвращается домой живым и здоровым, благодарю вас всем сердцем».

Как заведено в огромной бюрократической системе, злодеи в основном остались безымянными и безликими. Такие люди были, скрывать не стану; они цеплялись за старые планы, программы и устаревший образ мышления и отказывались подстраиваться под изменившиеся обстоятельства. Неповоротливая и косная бюрократическая структура, которую министерство обороны использует для приобретения техники, не слишком эффективна даже в мирное время. И я воочию наблюдал, насколько она не приспособлена к потребностям военного времени. Плюс, как я уже писал, налицо были необъяснимо мирные умонастроения, непригодные для военного времени. Моя роль состояла в том, чтобы спихнуть все эти препятствия на обочину, – дабы люди наподобие Джона Янга могли принять срочные меры по спасению человеческих жизней.

Тем, кто утверждал и продолжает утверждать, что MRAP представляет собой ненужный, дорогостоящий, однозадачный автомобиль, что реализация программы по его производству не позволяет приступить к достижению более важных долгосрочных приоритетов, я готов предложить простой совет: поговорите с парнями, которые остались в живых после подрыва на СВУ, поскольку находились внутри MRAP.

Разведка, наблюдение, рекогносцировка

С этим треклятым мирным образом мышления в стенах Пентагона мне приходилось сталкиваться и разбираться снова и снова. К осени 2007 года мое нетерпение достигло точки кипения.

28 сентября я созвал совещание с руководителями всех отделов – равно гражданскими и военными – и зачитал им, если позволительно так выразиться, приговор. Я сказал, что для наших боевых командиров и фронтовых частей «разница между завтра и следующей неделей или поставкой снаряжения на текущей неделе и через месяц принципиальна. Министерство ведет войну вот уже шестой год. Тем не менее мы все еще опираемся на процедуры, едва пригодные для мирного времени и совершенно недопустимые во время войны». Я прибавил, что не имеет значения, о чем идет речь – будь это производство и поставка MRAP, активность служб разведки, наблюдения и рекогносцировки (РНР) или организация развертывания войск, – для меня очевидно, что ведение бизнеса по правилам «редко отвечает потребностям наших фронтовых частей». Я предложил искать возможности иных подходов к решению проблем, причем не бояться «разбить фарфор», если выяснится, что это необходимо ради успешного осуществления планов: «Для наших частей в зоне боев разница между получением чего-либо в следующем месяце и в следующем году просто катастрофическая… Все мы каждый день должны анализировать наши идеи и планы относительно боевых действий с точки зрения того, как мы можем ускорить процессы, повысить их эффективность или добиться максимального результата».

Через месяц я сказал министрам трех военных ведомств: «Мне нужно, чтобы вы и ваши команды продолжали рыть землю и шуршать по углам и не боялись отвергать общепринятое, если это поможет нашим детям на фронте».

Четырнадцатого января 2008 года я направил Майку Маллену весьма суровую служебную записку с указанием фактов, когда «официальный запрос на мое имя несколько месяцев (в одном случае более шести) блуждал по бюрократическим и штабным кабинетам Центркома / Объединенного комитета, прежде чем лечь мне на стол». Я настоятельно просил Маллена подумать над реорганизацией системы таким образом, чтобы меня немедленно информировали о любых ходатайствах, составленных в мой адрес нашими боевыми командирами в Ираке и Афганистане.

Непосредственным поводом проявить нетерпение стали затруднения с организацией разведки, наблюдения и рекогносцировки по запросам командиров боевых частей. Казалось бы, в нашем распоряжении широкие возможности: беспилотники, винтовые самолеты-разведчики, аналитики, лингвисты, центры обработки данных, накопившие массивы полезной информация, в том числе перехваченные телефонные разговоры главарей террористов и «живое» видео боевиков,

закладывающих СВУ. При этом мы держали боевых командиров на голодном разведывательном пайке.

В случае MRAP ускорение производства и сокращение сроков поставки потребовало лишь анализа возможностей и нахождения дополнительных средств. Применительно к РНР я обнаружил полное отсутствие энтузиазма и непонимание важности задачи со стороны ВВС, где когда-то служил сам.

Сочетание передовых технических возможностей разведки и военных операций в режиме реального времени при прямой поддержке мобильных групп в Ираке и Афганистане позволило провести подлинную революцию в военном деле. Воздушная разведка позиций противника восходит по крайней мере к Гражданской войне, когда использовались воздушные шары, но за последнюю четверть века этот вид разведки приобрел совершенно иное качество. Прообразы новой разведки я наблюдал воочию в свою бытность заместителем директора ЦРУ, весной 1986 года: мы передавали в реальном времени спутниковую информацию о развертывании ливийской системы ПВО нашим пилотам, которые атаковали Триполи. Но в сравнении с тем, что применялось в Ираке и Афганистане, ливийские достижения выглядят весьма блекло.

Став директором ЦРУ, я в 1992 году попытался привлечь ВВС к сотрудничеству в разработке высокотехнологичных беспилотников; эти аппараты способны кружить над целью много часов подряд, тем самым гарантируя беспрецедентные возможности фотовидеосъемки и перехвата радиосигналов. ВВС не заинтересовались, и мне сказали открытым текстом, что люди идут в ВВС летать на самолетах, а на дронах пилоты не нужны. К тому времени когда я вернулся в правительство в конце 2006 года, беспилотник «предейтор»[43] уже наводил ужас на наших врагов, однако образ мышления в руководстве ВВС ничуть не изменился. В Ираке армия использовала для воздушной разведки двухмоторные винтовые самолетики, которые переоборудовали для непрерывной «живой» видеосъемки – «потокового видео» – конкретной местности в течение длительного периода времени. Применение этих самолетов (известных как «подразделение НОВУ» – наблюдение, обнаружение, выявление, уничтожение[44]) не только облегчило поиск боевиков, устанавливавших СВУ на дорогах, но и предоставило аналитикам данные для отслеживания людей и транспортных средств, благодаря чему стало возможным выявлять и нейтрализовывать террористические сети, занятые производством и размещением бомб. Помню собственные ощущения от просмотра в реальном времени видео с повстанцами, закапывающими СВУ, или

трассировку маршрута пикапа с экстремистами от места изготовления бомбы к месту закладки! И еще удивительнее – и приятнее – было наблюдать, как этих повстанцев и пикап оперативно уничтожают в результате невероятной интеграции технического прогресса и человеческих сил.

Появились и другие разведывательные платформы – различные пилотируемые летательные аппараты, аэростаты (дирижабли), стационарные камеры и прочие датчики. Изначально полный арсенал этих средств применялся подразделениями специального назначения, но со временем и в остальных родах войск осознали богатство возможностей РНР, в том числе для ведения регулярных боевых действий и для защиты солдат. Их популярность росла в геометрической прогрессии.

Но имелись серьезные препятствия для удовлетворения спроса. В частности, ограниченные производственные мощности той единственной компании, которая выпускала «предейторы» и наземные станции обработки данных. Кроме того, требовалось гораздо больше лингвистов для перевода перехваченных разговоров. Плюс существовали количественные и качественные ограничения на другие системы сбора информации. Например, весьма эффективную разведывательную платформу представлял собой самолет морского базирования Р-3, предназначенный главным образом для охоты за подводными лодками. Если не обобрать, что называется, до нитки Тихоокеанское командование и другие морские зоны ответственности, то для использования в Ираке и Афганистане у нас найдется всего лишь считанное число таких самолетов. Вдобавок эти имеющиеся в нашем распоряжении машины достаточно древние, то есть время пребывания в воздухе у них невелико.

И не стоит забывать о малом количестве экипажей, обученных управлению дронами, особенно в ВВС. Армия использовала собственную версию «предейтора» под названием «Уорриор», привлекая к работе сержантов и уорент-офицеров. ВВС, однако, настаивали на привлечении к управлению дронами квалифицированных пилотов в офицерском звании. И ясно давали понять своим пилотам, что управление беспилотником с земли («крути джойстиком») не столь вдохновляющая и перспективная карьера, как выписывание кружев в небесах на истребителе. Неудивительно, что молодые офицеры вовсе не ломились в двери службы управления беспилотными аппаратами. Когда в середине 2007 года я вплотную занялся проблемами РНР, ВВС использовали восемь «капсюлей» (шесть экипажей в каждом, всего около восьмидесяти человек) и три дрона, обеспечивая двадцатичетырехчасовое покрытие. И у руководства ВВС не было

никаких планов по увеличению этих цифр. Что ж, я собирался вмешаться.

Как ни смешно – впрочем, это логично, учитывая сказанное выше, – среди профессионалов РНР шла ожесточенная подковерная борьба за право контролировать все военные программы и операции беспилотников. Армия требовала самостоятельности, и я был на ее стороне; ВВС настаивали на своем абсолютном контроле – при том что по-прежнему не испытывали энтузиазма относительно применения дронов. Эти интриги безумно меня раздражали, особенно в разгар военных действий, и я был полон решимости не допустить победы ВВС.

В области РНР каждый род войск и каждое военное ведомство реализовывали собственные программы, без какой бы то ни было координации, и никто в министерстве не отвечал за организацию межведомственного сотрудничества в боевых условиях. У заместителя министра обороны по разведке, у ЦРУ с их дронами (которыми в основном управляли военные) и у директора Национальной разведки были свои планы. Словом, типичный кавардак.

Но сколь бы серьезными ни были осложнения, «Большая волна» в Ираке и нарастание напряженности в Афганистане требовали радикальной активизации РНР. Почти все мои еженедельные видеоконференции с Дэвидом Петрэусом, сначала в Ираке, а затем в Афганистане, сопровождались настойчивыми просьбами Дэйва прислать больше беспилотников. Я попросил Райана Маккарти, одного из моих сотрудников, бывшего армейского рейнджера и ветерана Афганистана, быть моими глазами и ушами – и министерской «дубинкой», если понадобится, – в осуществлении программы разведывательного перевооружения.

Прежде всего на первом этапе, летом 2007 года, следовало изыскать дополнительные ресурсы. Я был готов, выражаясь фигурально, раздеть догола почти каждого нашего командира в других регионах по всему миру, чтобы перебросить его средства РНР Петрэусу. В каждой зоне ответственности регионального командования действует штаб во главе с четырехзвездным генералом. Эти командующие – иногда их сравнивают с проконсулами Римской империи – не желали расставаться с любыми силами и средствами, которые получили в свое распоряжение. Тем не менее мы собрали все дроны, какие смогли найти и какие еще не были отправлены в Ирак, а также забрали у моряков самолеты Р-3 для развертывания в Ираке и Афганистане. Заводы уже приступили к выпуску улучшенной версии «предейторов», БПЛА «рипер», и мы приняли меры к увеличению

производства «риперов» и ускорению их развертывания. Одновременно происходило наращивание выпуска «предейторов» и ускорение подготовки новых экипажей. Я приказал ВВС увеличить число «капсюлей» для «предейторов» с восьми до восемнадцати и подчеркнул, что хочу получить план дислокации к 1 ноября.

Ряд событий поздней осени подтвердил, что руководство ВВС не осознало настоятельной необходимости развертывания РНР и не желает отказываться от традиционного образа мышления. Последнее особенно озадачивало, поскольку ВВС принимали непосредственное участие в боевых действиях, предоставляли авиационную поддержку наземным войскам, организовывали эвакуацию раненых и перевозили транспортными бортами огромное количество техники в Ирак и Афганистан. В конце октября 2007 года начальник штаба ВВС Майк Мосли (Базз) подготовил доклад о том, что ВВС могут увеличить число «капсюлей» до восемнадцати к октябрю 2008 года, – слишком медленно, на мой взгляд. А в напряженнейший момент, когда мы пытались перекинуть на передовую все доступные разведывательные платформы, ВВС предложили завершить программу финансирования полетов почтенного самолета-разведчика У-2 к концу лета 2008 года. Этот тип самолета – на таком летал Фрэнсис Гэри Пауэрс, сбитый Советами в 1960 году, – по-прежнему состоял на вооружении и обеспечивал отличное разведывательное покрытие. По-моему, предложение отказаться от его использования на данном этапе граничило с сумасшествием. Кроме того, почти на всех совещаниях Мосли и министр ВВС Майк Уинн заговаривали о новых бомбардировщиках или о дополнительных многоцелевых истребителях F-22. Да, эти самолеты много значили для будущего, но в текущих войнах не играли никакой роли.

Я своими глазами наблюдал последствия кризиса с беспилотниками, когда посетил авиабазу Крич в штате Невада в самом начале 2008 года. В Криче базируется Четыреста тридцать второе разведывательное крыло, а также Пятнадцатая и Семнадцатая разведывательные эскадрильи; там же расположен центр управления, откуда пилотируются дроны, действующие в Ираке и Афганистане. База находится посреди пустыни, и, когда я впервые там побывал, условия на ней были поистине спартанские. В центре управления имелось с дюжину отсеков, каждый занимал пилот ВВС. Со стороны рабочие места сильно смахивали на игровые автоматы – вот только эти мужчины и женщины играли жизнями реальных людей. На экранах перед собой пилоты в Неваде видели в режиме реального времени все

то, что фиксировали камеры «предейторов» и «риперов» в Ираке и Афганистане. Каждый пилот с помощью джойстика и пульта дистанционно управлял летательным аппаратом за тысячи километров от себя. Пожалуй, я не видывал более удивительной демонстрации технологической и смертоносной мощи.

Мне показали новый ангар с «предейторами» и «риперами». Оба типа БПЛА напоминали гигантских жуков с длинными паучьими «лапами», широким размахом крыльев и камерой, похожей на огромное глазное яблоко. «Рипер» намного больше «предейтора» и в снаряженном состоянии способен нести боевую нагрузку, сопоставимую с нагрузкой некоторых истребителей. Разглядывая эти аппараты, я категорически не мог понять, почему требуется столько усилий, чтобы убедить руководство ВВС, что эти «дистанционно пилотируемые летательные системы» являются неотъемлемой частью будущего ВВС и должны стать существенным элементом новой военно-воздушной доктрины.

Я побеседовал с пилотами БПЛА, и они поделились со мной своими житейскими заботами. Каждый день они минимум час добирались сюда из своих домов на авиабазе Неллис, выполняли несколько изнурительных миссий, а затем снова были вынуждены тратить минимум час на обратную дорогу. На авиабазе Крич не было мест, где нормальному человеку захотелось бы перекусить. Не было гимнастических и тренажерных залов. Никаких перспектив блестящей карьеры для пилотов, управлявших дронами, не было – их не продвигали по службе, если только они не сядут за штурвал настоящего самолета, а потому они не могли надеяться на медали и поощрения, положенные «самолетным» пилотам. Через несколько месяцев после моего визита ВВС продлили часы работы детского центра на авиабазе Неллис, профинансировали медицинскую и стоматологическую клиники на авиабазе Крич и приступили к строительству нового продуктового магазина и ресторана.

На протяжении зимы 2007/08 года потребность в средствах РНР продолжала расти, и стало ясно, что мой план «пиратского набега» не работает. 4 апреля 2008 года я направил служебную записку адмиралу Маллену, убежденному стороннику использования средств РНР и своему ценному союзнику; в этой записке я выражал готовность «действовать агрессивно на всех фронтах», добиваясь необходимого качества РНР в Ираке и Афганистане. Я предложил провести рабочее совещание и обсудить его идеи относительно дополнительных возможностей увеличения РНР-поддержки на период от тридцати до девяноста дней. Десять дней спустя я сказал Маллену, что нам нужен более комплексный подход к расширению наших технических

возможностей в краткосрочной перспективе.

Вскоре я создал специальную группу по средствам РНР во главе с директором программ оценки Брэдом Берксоном и генерал-лейтенантом морской пехоты Эмо Гарднером. Я попросил их разработать схему использования имеющихся средств РНР на периоды в 30, 60, 90 и 120 дней. Каждому ведомству и службе, задействованным в этой схеме, было предписано назначить своего старшего представителя в эту специальную группу. Отчитываться им предстояло непосредственно передо мной, раз в месяц; ближайший отчет – через две недели.

Мы с Малленом, заместителем министра по разведке Клаппером и Берксоном также согласились, что следует изыскать дополнительные ресурсы РНР на территории Соединенных Штатов и в региональных зонах ответственности. Скажем, зачем столько пилотов и БПЛА в учебных центрах? Не лучше ли отправить их на фронт? Еще стоит внимательнее присмотреться к работе команд в Ираке и Афганистане. Возможно, они сумеют более эффективно использовать те ресурсы, которыми располагают на сей день. Подобные бюрократические бои всегда усугубляли мою одержимость желанием защитить наши войска, причем в срочном порядке.

Первый отчет спецгруппы по средствам РНР лишний раз обозначил масштабы проблемы и снова заставил меня скрежетать зубами. Из почти 4500 американских беспилотников по всему миру чуть более половины было развернуто в Ираке и Афганистане. Ситуацию следовало изменить. Также необходимо было увеличить количество переводчиков для работы с перехваченными сообщениями, снабдить фронтовые части автоматическими наземными датчиками раннего предупреждения, набрать людей и развернуть оборудование для оперативной обработки тактической информации и обеспечить обратную связь аналитиков с командирами боевых частей. В августе я утвердил семьдесят три новых инициативы на сумму 2,6 миллиарда долларов. Я так увлекся, что позабыл арифметику. На очередном совещании, когда мне сказали, что скоро у нас будет двадцать четыре «капсюля» (каждый с достаточным количеством дронов и экипажей для круглосуточного боевого дежурства), я спросил, нельзя ли довести число «капсюлей» до девяносто двух. Мне ответили: «Нет, иначе дроны закроют солнце».

За лето Берксон и Маккарти побывали на авиабазе Крич, а также в Ираке и Афганистане. Теплого приема они не удостоились. Когда они подсчитывали количество «предейторов» в ангарах авиабазы Крич, один офицер ВВС пожаловался в Пентагон: дескать, мои «микроменеджеры» указывают ему, что он

должен делать. Но на авиабазе Крич Берксон и Маккарти отыскали свободные людские ресурсы «емкостью» от двух до трех экипажей-«капсюлей» и доложили, что «налет» пилотов составляет всего шестьдесят часов в месяц. На этом они не остановились. Штабисты в Багдаде и Кабуле изрядно разозлились на «чинуш из Вашингтона», явившихся с проверкой. Однако имело значение лишь то, что этим двоим удалось найти незадействованные ресурсы.

Комитеты конгресса по ассигнованиям не очень-то понимали, как реагировать на пожелания специальной группы по средствам РНР, поскольку эти запросы шли вне традиционного бюджетного процесса. Почти всегда финансирование в конечном счете утверждалось, но процедура отнимала слишком много времени, так что конгрессмены упорно предлагали распустить спецгруппу и вернуться к стандартным бюрократическим процедурам. Я пару раз менял структуру спецгруппы и переименовал ее при администрации Обамы, – в общем, вел с Капитолийским холмом привычную игру в наперстки, растянувшуюся на три года, чтобы гарантировать существование в Вашингтоне механизма, позволяющего эффективно поддерживать боевых командиров на местах.

Остаток моего министерского срока мы сосредоточились на увеличении возможностей РНР в Ираке и Афганистане. К июню 2008 года ВВС доложили, что радикально увеличивают количество воздушных патрулей с использованием БПЛА. В следующем месяце я одобрил перераспределение 1,2 миллиарда долларов из бюджета министерства на приобретение пятидесяти самолетов MC-12 – известных как «либерти» и способных передавать потоковое видео и собирать другие разведданные, – в первую очередь для Афганистана. Эти относительно недорогие, морально устаревшие двухвинтовые самолеты – традиционно презираемые ВВС – отлично справлялись с порученной задачей. Распределение ресурсов РНР между Ираком и Афганистаном доставляло постоянную головную боль Центральному командованию, но всегда выручал здравый смысл: «предейторы» использовались как охотники на боевиков, а «либерти» как нельзя лучше годились для противодействия акциям с использованием СВУ. Мы разрабатывали и развертывали также многие другие камеры и платформы как воздушного, так и наземного, стационарного базирования, чтобы обеспечить наши войска оперативными разведывательными данными и защитить базы и форпосты, особенно в Афганистане. Когда я покидал свой пост, боевое дежурство несли почти шестьдесят «капсюлей».

Упрямство Пентагона, нежелание сосредоточиться на

текущих войнах, неготовность поддерживать командиров и части в зонах боевых действий неприятно меня поразили. На нижних уровнях выдвигались неплохие идеи, но преодолеть бюрократическую стену им удавалось крайне редко, а иначе было не добиться, чтобы тебя выслушали и восприняли всерьез. Военные слишком часто «придушивали» младших офицеров, а иногда и не только их, если те осмеливались подвергнуть сомнению существующую практику. Выступая перед офицерами ВВС через несколько дней после создания специальной группы по средствам РНР, я дал понять, что поощряю назревшие перемены, неортодоксальное мышление и уважительное инакомыслие. Я вспомнил предыдущих реформаторов ВВС, ту институциональную враждебность и то бюрократическое сопротивление, с какими им довелось столкнуться. Я попросил присутствовавших в аудитории офицеров среднего звена здраво оценить, насколько эффективно организована, укомплектована и оборудована их служба. И снова повторил, что меня беспокоит наше благодушие «в военное время и неспособность предоставить ресурсы, необходимые прямо сейчас на поле боя». А потом произнес фразу, которую перед самым выступлением записал карандашом на листе с текстом своей речи: «Люди привержены старым способам ведения бизнеса, и потому-то нам кажется, будто мы в кресле у стоматолога».

В Вест-Пойнте в тот же день я рассказывал кадетам о военном руководстве. Понимая, что мои слова тут же разойдутся по всей армии, я сказал:

«Чтобы преуспеть в асимметричных сражениях двадцать первого века – а именно они, на мой взгляд, окажутся доминирующей формой боестолкновений в ближайшие десятилетия, – нашей армии потребуются лидеры, наделенные чрезвычайно гибким мышлением, находчивостью и фантазией; лидеры, готовые и способные думать и действовать творчески и решительно в меняющемся мире, в конфликтах, к которым мы попросту не могли подготовиться за шесть минувших десятилетий… Лишь одно останется неизменным. Мы по-прежнему будем нуждаться в мужчинах и женщинах в военной форме, которые станут называть вещи своими именами, станут говорить подчиненным и начальству то, что есть на самом деле, а не то, что тем хочется услышать… Если офицер – слушайте меня очень внимательно, – если офицер не режет правду-матку и не поощряет откровенность, он оказывает себе и армии в целом медвежью услугу».

Памятуя о статье, опубликованной чуть ранее неким армейским подполковником, который весьма критически оценил старших офицеров, я добавил: «Призываю вас облачаться в

мантии бесстрашных, трезвомыслящих, но лояльных диссидентов, когда того требует ситуация».

Из-за трений по поводу PHP и других проблем с ВВС (об этом ниже) мою речь восприняли как атаку на руководство этого ведомства. На пресс-конференции вскоре после речи в Вест-Пойнте меня спросили, таково ли было мое истинное намерение. Я ответил, что на самом деле за многое хвалил ВВС в своем выступлении, а критиковал военную бюрократию – по всем направлениям и родам войск, особенно в отношении обеспечения потребностей фронтовых частей. Все согласились, что оба выступления отражают мысль, которую я озвучил публично при вступлении в должность: нужно сфокусироваться на войнах, которые мы ведем сейчас, не забывая о потенциальных конфликтах, и потому необходимы серьезные перемены в управлении всеми ведомствами и службами. И первый шаг был сделан.

Раненые

На мой взгляд, скандальная ситуация с амбулаторным лечением раненых в госпитале имени Уолтера Рида бросила тень на высшее военное руководство военно-медицинской службы и на министерство обороны в целом. Я не сомневался, что руководство даже не подозревало о том бюрократическом и административном кошмаре, с которым слишком часто сталкивались наши раненые солдаты, равно как и об организационных, финансовых и житейских трудностях, ожидавших этих бойцов и членов их семей. Скандал вызвал множество откликов в прессе, стали появляться исследования, где приводились факты, свидетельствующие о состоянии дел в других госпиталях и медицинских центрах, и руководство военно-медицинской службы совместно с министерством приступили к исправлению положения.

За все годы работы министром мне не доводилось видеть, чтобы военные брались за решение проблемы с таким рвением, такой страстью и такой поспешностью, а всего-то и требовалось, что осознать – мужчины и женщины, которые пожертвовали своим здоровьем ради страны, не получают должного ухода после стационарного лечения. В процесс активно включились даже высокопоставленные генералы и адмиралы. Не думаю, что это объяснялось исключительно карательными мерами с моей стороны, наподобие увольнения высоких чинов. Я всегда был убежден, что военному руководству нужно только объяснить: они

подвели наших героев, – после чего мгновенно предпринимаются попытки сделать все правильно. А вот сложившиеся бюрократии, военные и гражданские, будь то в министерстве обороны или в министерстве по делам ветеранов, – совсем другая история.

В военных действиях после событий 9/11 сухопутные войска наряду с морской пехотой понесли наибольшие потери, и на их долю пришлось наибольшее число пострадавших от различных травм, как физических, так и психологических. При встрече с начальником штаба сухопутных войск Кейси в начале марта я предложил не дожидаться результатов деятельности всевозможных комиссий, изучающих общую ситуацию с уходом за ранеными, а действовать немедленно: реформировать госпиталь имени Уолтера Рида и оценить положение дел по уходу за ранеными в других военно-медицинских центрах. По поводу комиссий по инвалидности я сказал: «Если сомневаетесь, если боитесь ошибиться – смело принимайте сторону солдата». Кейси и его заместитель, генерал Дик Коди, решительно взялись за работу, и подталкивать их не приходилось. 8 марта мне доложили о плане действий. Под надзором Коди в госпитале имени Уолтера Рида произошли кадровые перестановки (не считая тех, которые инициировал я сам), был создан корпус заботы о раненых (служба, обязанность которой заключалась в организационной помощи амбулаторным пациентам), появился «центр одного окна для солдат и их семей», всем амбулаторным пациентам обеспечили надлежащие условия проживания. Армия также открыла «горячую линию» для раненых и членов их семей, учредила группы по изучению эффективности работы двенадцати ключевых военно-медицинских центров и занялась исследованием системы определения инвалидности. Генерал Кейси по собственной инициативе взял под строгий контроль ситуацию с лечением черепно-мозговых травм и посттравматических стрессов. В июне Кейси сообщил, что стартовала программа обязательного информирования солдат о причинах и симптомах посттравматического стресса; цель этой программы – не только помочь справиться с душевными травмами, но и, для начала, устранить отношение к стрессу как к психическому заболеванию. Кейси сказал мне: «Мы должны избавиться от стандартного подхода – мол, если в тебе нет дырок, ты готов служить в армии». Остальные ведомства и службы тоже двигались в намеченном направлении.

Девятого марта я подписал информационный циркуляр, адресованный всем мужчинам и женщинам в вооруженных силах США и излагавший мою точку зрения на ситуацию в госпитале имени Уолтера Рида. В циркуляре описывались предпринятые

действия, в том числе создание двух независимых экспертных групп. При этом подчеркивалось, что министерство будет действовать, не дожидаясь докладов этих групп. Еще в циркуляре указывалось, что мной дано распоряжение провести всесторонний общеминистерский анализ программ военно-медицинской помощи, имеющихся ресурсов и организации работы и что старшему гражданскому и военному руководству настоятельно рекомендовано приложить все усилия по содействию аналитикам. «Деньги будут выделены, – приписал я. – Помимо самой войны для нас не существует более высокого приоритета, чем должная забота о наших раненых». Эти слова я неизменно повторял следующие четыре года – и всемерно старался реализовать их на практике.

Вскоре после этого я создал рабочую группу по контролю ухода за ранеными и поручил отчитываться передо мной каждые две недели о действиях, принимаемых в министерстве обороны по удовлетворению потребностей раненых и их семей. Задачи рабочей группы были весьма амбициозными: 1) полностью изменить систему установления инвалидности; 2) сосредоточить усилия на лечении черепно-мозговых травм и посттравматического стресса; 3) выявить и устранить недостатки в организации работы с ранеными; 4) наладить оперативный обмен данными между министерствами обороны и по делам ветеранов; 5) обеспечить надлежащие условия размещения раненых воинов; 6) реформировать процедуру передачи выздоравливающих в ведение министерства по делам ветеранов. Теми же вопросами занималась созданная мной независимая комиссия Уэста – Марша и президентская комиссия Доула – Шалалы. Я не собирался ждать, пока рабочая группа и обе комиссии распределят полномочия между собой, тем более что у каждой все-таки был собственный круг задач.

Также требовалось убедиться, что правильные идеи подхватываются всеми ведомствами и службами министерства обороны. Как и в случаях с MRAP и PHP, собственной заинтересованностью я намеревался дать понять, насколько важна проблема, и рассчитывал личным примером побудить сотрудников действовать смело и агрессивно. Еще мы с Гордоном Инглендом возродили совместную надзорную группу министерства обороны и министерства по делам ветеранов – Главный рабочий комитет, – сопредседателями которой стали заместители министров от каждого ведомства; эта группа была призвана существенно облегчить и улучшить процедуру выхода военнослужащего с действительной службы в отставку или получение им статуса ветерана.

С самого начала войн в Афганистане и Ираке ни министерство обороны, ни министерство по делам ветеранов почему-то не задумывались, тем более не готовились к поступлению огромного количества раненых (в подавляющем большинстве мужчин), которые вдруг хлынули потоком в наши госпитали. Многие не выжили бы, получи они подобные ранения в предыдущие войны, однако грандиозные достижения современной медицины и великолепное мастерство врачей позволяли надеяться на исцеление даже в наиболее тяжелых случаях, в том числе черепно-мозговых травм и множественной ампутации; пусть этих несчастных ожидало длительное лечение и годы реабилитации, даже пожизненная инвалидность, – главное, что они оставались жить. Бюрократические структуры министерств обороны и по делам ветеранов привыкли взаимодействовать с пожилыми ветеранами Вьетнама и более ранних войн, а также с отставниками, привыкли решать традиционные проблемы стариков – и оказались неспособными подстроиться под обстоятельства военного времени (то же самое можно сказать о правительстве как таковом). Моя схватка за права раненых с военной и гражданской бюрократией протекала на трех фронтах, и везде я руководствовался убеждением, что раненых в бою или при боевой подготовке следует выделять в особую категорию пациентов, которая должна получать (в моей терминологии) «платиновый уход» с точки зрения медицинской помощи, размещения, административной поддержки и всего остального. Я хотел приставить к раненым административный персонал, для которого они были бы единственными «клиентами». А бюрократические структуры обоих министерств не могли или не желали отделять раненных в бою от прочих нуждающихся в уходе.

Все ведомства и службы министерства обороны создали собственные бригады заботы о раненых; аналогичным образом поступили гарнизоны и базы на территории Соединенных Штатов. Теперь у раненых появились временные «дома», где гарантировался надлежащий уход. Но им пришлось выдержать настоящий бой за право находиться в этих «домах». Я был потрясен, узнав всего через несколько месяцев реализации программы, что армейские медицинские лагеря такого рода заполнены почти до отказа. Когда я утверждал эту программу, то предполагал, что места в лагерях зарезервированы для солдат, получивших ранения на фронте или при подготовке к боевым действиям, однако армия размещала в лагерях всех подряд, не делая различий. В итоге «спасательный пояс», который, по моему замыслу, полагался воину, раненному в Ираке, мог достаться

солдату, не покидавшему США и сломавшему ногу в автомобильной аварии. Разумеется, последнему тоже необходима первоклассная медицинская помощь, но все-таки мы создавали такие подразделения и лагеря для другой цели. В разговорах с ранеными в лагерях по всей стране я слышал, что боевые части нередко отправляли в лагеря наркоманов и солдат с дисциплинарными проблемами. В конце концов я убедил нового министра армии Пита Герена строже придерживаться первоначального плана, но согласился на «естественную убыль», чтобы не пришлось силой выгонять никого из уже принятых пациентов.

Второй фронт, на котором я воевал, представлял собой бюрократическую волокиту в принятии решений по инвалидности. Если человек страдает от серьезного (и это еще мягко сказано) ранения, нет никакой необходимости тратить несколько месяцев на выяснение, имеет ли он право на полную пенсию по инвалидности. Аналогичным образом, решение о передаче раненых, неспособных по состоянию здоровья к продолжению воинской службы, в ведение министерства по делам ветеранов не должно занимать столько времени, сколько занимало. Я назвал свой подход «многоуровневым». Президент Буш поддержал меня в стремлении облегчить раненым процедуры установления инвалидности – изначально мы исходим из блага солдата, а затем, при необходимости, вносим коррективы. Поскольку число раненых солдат в системе здравоохранения составляло лишь незначительный процент от общего числа тех, кто нуждался в медицинской помощи и статусе инвалида, я не сомневался, что систему следует модифицировать. «Мы должны оценивать ситуацию глазами солдата, а не с точки зрения правительства», – сказал я группе курсантов Вест-Пойнта в сентябре. Пилотная программа ускоренного установления инвалидности стартовала в Вашингтоне, округ Колумбия, но нас по-прежнему ограничивали законодательство и бюрократические проволочки. Я добивался перемен в течение многих лет, но дружная оппозиция военной и гражданской бюрократии – и отсутствие поддержки моих усилий со стороны высокопоставленных чиновников – во многом определили мое поражение. Любой новый подход, любое изменение привычного уклада, любое решение, требующее одобрения конгресса, любая попытка отделить раненых в бою от прочих подвергались анафеме большинством чиновников в министерстве обороны и в министерстве по делам ветеранов.

Третья схватка развернулась вокруг самой системы установления инвалидности. Чтобы получить право на пенсию по

инвалидности, раненый должен доказать, что является инвалидом минимум на 30 процентов. Забавная дотошность, не находите? Как можно оценить количественно, на 28 процентов человек инвалид или на 32 процента? Знаю, знаю, существуют всякие правила и руководящие принципы; знаю, что некоторые ветераны пробуют обмануть систему и получить от государства больше денег. Но когда дело касается раненных в бою, побывавших на волосок от смерти, и мы продолжаем заниматься казуистикой… Я хотел ошибаться в пользу солдата, безоговорочно. Я предложил ввести процедуру проверки раз в пять лет; это позволит при необходимости пересмотреть оценку и исправить вопиющие ошибки, допущенные на начальном этапе. Увы, меня не поддержали.

Также я добивался дополнительной заботы о семьях погибших и тяжелораненых, помимо первоклассной медицинской помощи для жертв текущих конфликтов – страдающих от посттравматического стресса, черепно-мозговых травм, утраты конечностей и проблем со зрением. На мой взгляд, все эти травмы «останутся главной заботой военной медицины еще много лет».

В середине июля, на совещании со старшим гражданским и военным руководством министерства, мне привели статистику, которая как будто доказывала мою правоту в применении «многоуровневого» подхода. На тот момент на действительной службе в Ираке и Афганистане находилось 1 754 000 человек. Тридцать две тысячи были ранены в бою, половина вернулись в строй в течение семидесяти двух часов. Десять тысяч солдат и офицеров были эвакуированы из Ирака и Афганистана по медицинским показаниям, причем не все в связи с боевыми травмами; в общей сложности, по состоянию на 15 июля, 2333 человека считаются тяжелоранеными. Иными словами, число раненных в бою составляет лишь малую часть от общего количества пациентов.

Меня грызло ощущение необходимости действовать – в немалой степени потому, что я предполагал оставаться на своем посту не долее шести месяцев. Если я не добьюсь значимых успехов и если мой преемник не будет столь озабочен этими вопросами, все сведется к пустой говорильне. Я знал, что одним из главных препятствий для надлежащего ухода за ранеными военнослужащими и ветеранами является бюрократическая разделенность двух министерств – обороны и по делам ветеранов. Раненому предстояло пройти две комиссии по инвалидности, а также получить медицинские справки в одном министерстве и передать их в другое, что всегда было сопряжено с трудностями.

Министры по делам ветеранов, с которыми я сотрудничал в администрациях Буша и Обамы (Джеймс Пик и Эрик Шинсеки соответственно), проявляли заинтересованность в устранении этих препон. К сожалению, если в Вашингтоне и есть бюрократия неповоротливее той, что в министерстве обороны, это министерство по делам ветеранов. Только когда мы с министром по делам ветеранов лично вмешивались, дело, самое простое, сдвигалось с мертвой точки. Если мой преемник решит, что это не входит в его обязанности, все наши успехи, пусть незначительные, быстро забудутся. Опять же, насколько я мог судить, основная проблема заключалась в нежелании системы отличать раненных в бою от тех, кто выходит на пенсию из-за потери слуха или из-за геморроя.

Раненые и их семьи часто рассказывали, насколько трудно найти информацию о доступных льготах. Когда я упомянул об этом на совещании в Пентагоне, мне прислали список на двух страницах с перечнем веб-сайтов, на которых содержатся все сведения по льготам и иным формам поддержки раненых. Однако исходные условия – необходимость прошерстить весь этот материал и допущение, что в каждой семье раненого военнослужащего имеется компьютер с выходом в Интернет (а если он лечится в медицинском учреждении далеко от дома, например?), – показались мне симптоматичными: что-то не так с системой в целом. В январе 2008 года я официально попросил кадровую службу Пентагона подготовить печатный буклет для раненых, этакий мини-справочник по вопросам льгот и другой помощи. Через месяц мне представили несколько брошюр и листовок, новый перечень веб-сайтов и колл-центров – так сказать, все, что вы хотели знать о помощи раненым. Я прокомментировал так: «По-моему, вы совершенно меня не поняли. Нужен один буклет, читабельный, с четкой рубрикацией и подробным указателем. Именно об этом я просил». Спустя две недели я получил служебную записку с характеристиками буклета и уведомлением, что все должно быть готово к 1 октября. Я буквально взбеленился и написал в ответ: «Мне кажется, что если на подготовку нужно шесть месяцев, наши проблемы серьезнее, чем я думал». И так оно и было.

Многие из этих вопросов находились в ведении заместителя министра обороны по кадрам и боеготовности (КБ). Для его отдела, судя по всему, приоритетным было сохранение статус-кво. Практически любой вопрос, который затрагивал здравоохранение (в том числе недостатки «Трайкэр», военной программы медицинского страхования, о которых постоянно докладывали военнослужащие всех рангов), уход за ранеными и

установление инвалидности, провоцировал активное сопротивление, пассивную оппозицию или просто бюрократическое упрямство КБ. Скажу честно, я злюсь до сих пор, даже сейчас, когда пишу эти строки. Увы, моя неудачная попытка преодолеть инертность этой громоздкой, хоть и жизненно важной для министерства структуры, будет, боюсь, иметь печальные последствия для военнослужащих и членов их семей.

Помимо бюрократических преград в министерствах обороны и по делам ветеранов на пути реформирования системы установления инвалидности для раненных в бою стояло еще два других препятствия. Первое – это конгресс, который на протяжении многих лет вникал в ветеранские проблемы и, как собака Павлова, инстинктивно и мгновенно реагировал на любые лоббистские запросы организаций ветеранов (ВО, в том числе Ветеранов американских зарубежных войн и Американского легиона[45]). Почти всякое новшество требовало нового закона – а это, сами понимаете, непросто. В октябре 2008 года я инициировал разработку «автономной» поправки, которая позволяла министерству самостоятельно организовывать уход за тяжелоранеными.

В декабре мы с Малленом встретились с сотрудниками министерства обороны, которые изучали ситуацию с ранеными, чтобы обсудить инициативы, достойные внимания новой президентской администрации. Я сказал, что побеседовал с новым министром по делам ветеранов Эриком Шинсеки, и он готов сотрудничать с нами по системе установления инвалидности. Вариантов было два: либо министерства обороны и по делам ветеранов работают вместе, либо мы обращаемся за поддержкой к законодателям. Маллен заметил, что нужно увеличить финансовую поддержку семей раненых, и я ответил, что нам необходим соответствующий закон, который уменьшит для них финансовое бремя. Еще я напомнил, что следует поместить под нашу «опеку» Национальную гвардию и резервистов. Разумеется, мы понимали, что нам придется нелегко – во многом благодаря ветеранским организациям.

Я высоко ценю ВО и все, что они делают для ветеранов, их патриотические и образовательные начинания, их стремление помогать семьям военнослужащих. Тем не менее они снова и снова становились помехой моим усилиям изменить ситуацию к лучшему в отношении помощи тем, кто состоял на действительной военной службе. Например, именно они в значительной степени несут ответственность за провал попытки добиться изменений в системе оценки инвалидности, о чем говорилось выше. Эти организации фокусировались на

обеспечении максимальной поддержки ветеранам, поэтому солдаты и офицеры действительной военной службы оказывались во второстепенном положении, особенно если речь заходила о каких-либо новых льготах или пособиях, «ущемляющих» ветеранов. В частности, ВО категорически воспротивились законопроекту на основе превосходных рекомендаций комиссии Доула – Шалалы. По-моему, подобная близорукость непростительна.

Другой пример. Сенатор Джим Уэбб выдвинул законопроект, суливший ветеранам небывало щедрые образовательные субсидии. Я посчитал, что эти субсидии чрезмерно велики и могут негативно повлиять на желание нынешних военнослужащих оставаться на действительной военной службе. Я предложил конгрессу ввести пятилетний ценз: отслужи – и тогда претендуй на субсидии; тем самым мы гарантируем себе по крайней мере два срока, прежде чем человек покинет армию. Когда я позвонил по этому поводу спикеру палаты представителей Пелоси, она сказала: «По таким вопросам мы во всем полагаемся на ВО». (Во время моего визита в Форт-Худ осенью 2007 года супруга одного военнослужащего сказала мне, что солдат должен иметь возможность поделиться этой образовательной субсидией с женой или с детьми. Я счел это отличной идеей и передал президенту Бушу, а тот озвучил ее в своем обращении к нации в 2008 году. На Капитолийском холме идею встретили кисло, но мы смогли включить ее в окончательный вариант законопроекта; я рассматривал эту льготу как своего рода компенсацию за отказ ввести пятилетний ценз для получения субсидии.)

Было чрезвычайно тяжело добывать в министерстве обороны точную (и достоверную) информацию о том, насколько успешны шаги по улучшению помощи раненым и их семьям. Бюрократы из управления КБ регулярно докладывали мне, что все замечательно, что наши военнослужащие и их семьи всем довольны. Между тем от самих раненых я очень часто слышал обратное. Я требовал более полной и надежной обратной связи – от раненых, от их товарищей, супругов и родителей. «Хочу провести независимую оценку положения солдат и их семей, хочу видеть список программ, на которые нужны деньги», – таково было мое неизменное пожелание.

Мне так и не удалось одолеть упрямство и косность управления кадров и боеготовности, а также медицинской бюрократии, равно военной и гражданской. Это одна из моих величайших неудач на посту министра.

Весной 2008 года стало окончательно ясно, что принципиальная озабоченность министерства обороны планированием, подбором снаряжения и подготовкой личного состава к грядущим крупным войнам с другими национальными государствами при фактическом игнорировании текущих конфликтов и иных форм боестолкновений, например, иррегулярных и асимметричных войн, идет вразрез с насущной необходимостью. Именно это противоречие лежало в основе всех прочих схваток с Пентагоном, о которых я писал выше. За мои четыре с половиной министерских года этот вопрос оказался одним из немногих, когда мне приходилось давить на председателя ОКНШ и на весь Объединенный комитет начальников штабов.

Мне представлялось, что их подход состоит в намеренном игнорировании реальности. Ведь практически любой конфликт с применением вооруженных сил США со времен Вьетнама – за исключением разве что войны в Персидском заливе и первых недель войны в Ираке – подразумевал нетрадиционное противостояние: нашими противниками выступали малые государства или негосударственные образования наподобие «Аль-Каиды» и «Хезболлы». Военные же как будто исходили из следующего принципа: если готов и снаряжен к победе над большой страной, любая угроза меньших масштабов не заслуживает внимания. Но я не сомневался, что отсутствие с 2003 года успеха в борьбе с иракскими повстанцами опровергает это убеждение. Конечно, я признаю важность подготовки к войне против других государств. Хотя конфликты такого рода наименее вероятны, они будут иметь самые серьезные последствия, если к ним не готовиться заранее. Тем не менее, на мой взгляд, столь же необходимо финансировать, закупать снаряжение и обучать войска с учетом широкого круга потенциальных противников. Я никогда не ставил себе целью принизить значимость межгосударственных конфликтов или ценность современного оружия, не низводил их до «боев второго сорта» по сравнению с войнами, которые мы вели в настоящее время; скорее, я добивался того, чтобы мы не ограничивали себя традиционными возможностями. Я хотел иметь такой бюджет и такую организационную культуру, которые на данный момент в министерстве обороны отсутствовали.

Если коротко, я стремился сбалансировать наши возможности. Мне хотелось закрепить уроки и возможности, усвоенные в ходе кампаний в Ираке и Афганистане. Нельзя, чтобы

армия мало-помалу забыла, как воевать против повстанцев (а после Вьетнама именно так и произошло). Нельзя допустить, чтобы оказалась напрасной реформа специальных операций, борьба с терроризмом и антипартизанские методы, революционизированные благодаря не имевшему ранее прецедентов слиянию возможностей разведки и боевых сил. Нельзя забывать, что обучение и оснащение сил безопасности в других странах, особенно в развивающихся, может стать важнейшим фактором победы без развертывания наших собственных войск. Мои сражения с Пентагоном на протяжении 2007 года – из-за MRAP, PHP, ухода за ранеными и прочего – заставили меня осознать чрезвычайную привлекательность традиционной войны для военного мышления: она словно зашита в ДНК штабистов, как и в ДНК тех бюрократов и политиков, промышленников и конгрессменов, которые жаждут и далее сохранить крупные программы закупок, инициированные в годы «холодной войны», и пресловутый «генеральский» образ мысли.

В соответствии с законом 1986 года президент должен представить Стратегию национальной безопасности, документ, описывающий мир таким, каким его видит президент, формулирующий цели и приоритеты во внешней политике и в сфере национальной безопасности. Министр обороны на основании этого документа готовит Национальную стратегию обороны (НСО), показывая, каким образом министерство поддержит усилия президента в рамках своих программ. НСО является фундаментом военного планирования, любых кампаний с использованием вооруженных сил, а также разведывательных операций. Учитывая, что ресурсы не беспредельны, НСО оценивает способность министерства обороны отводить риски и реагировать на них, причем «риск» определяется в терминах потенциальной угрозы для национальной безопасности в сочетании с вероятностью возникновения и «последствиями и ущербом в случае допущения критической ситуации». А председатель Объединенного комитета начальников штабов, опираясь на НСО, разрабатывает Национальную военную стратегию, в которой содержатся конкретные рекомендации для военных ведомств, служб и боевых частей с учетом сформулированной президентом Национальной стратегии безопасности.

Подготовка каждого из этих трех документов занимает много месяцев, отчасти потому, что все заинтересованные структуры в правительстве и министерстве обороны имеют право изложить собственные взгляды на этапе обсуждения черновых вариантов. Разумеется, на словах все ратуют за единодушие, но

бесчисленные часы тратятся на споры и согласования текстов. Иногда дискуссии и вправду оказываются полезными, но чаще всего они отражают усилия всех бюрократических структур защитить локальные приоритеты и программы. Как ни удивительно (но вполне ожидаемо), практический эффект этих документов ограничен высшим уровнем власти. Лично я не припомню, чтобы читал Национальную стратегию безопасности, когда соглашался стать министром обороны. И когда занял свой пост, я не удосужился прочесть ни одной предыдущей стратегии национальной обороны. Не могу сказать, что мне это сильно мешало в работе.

НСО приобрела для меня значимость весной 2008 года. Во-первых, на ней будет мое имя; во-вторых, я сам хотел, чтобы в этом документе были сформулированы мои укрепившиеся воззрения на необходимость большей сбалансированности в нашем военном планировании, без перекоса в сторону традиционных либо нетрадиционных войн. Ключевым в наброске текста был абзац по оценке рисков:

«Доминирование США в традиционной войне не является бесспорным, но представляется устойчивым в среднесрочной перспективе, учитывая текущие тенденции… Следует и впредь уделять особое внимание нашим усилиям в создании возможностей для решения других [нетрадиционных] задач. *Это подразумевает допущение дополнительного, но приемлемого риска в традиционной сфере* [курсив мой. – Р. Г.]. Мы не ожидаем, что подобное допущение приведет к утрате господствующего положения или существенному ослаблению указанных возможностей».

Этот абзац, в особенности фраза, выделенная курсивом, спровоцировала восстание. Председатель Объединенного комитета начальников штабов, министры флота и военно-воздушных сил, а также начальник штаба сухопутных войск дружно отказались поддержать документ, написанный таким языком. Они заявили, что «невозможно принимать дополнительные риски для традиционных возможностей ради других областей применения военного потенциала».

В середине мая я встретился с членами Объединенного комитета начальников штабов и боевыми командирами. Я спросил, в чем они видят разницу между «риском» применительно к нынешним войнам и «рисками», проистекающими из нашей способности реагировать на будущие угрозы. «Почему вы предполагаете, что государства-конкуренты будут полагаться исключительно на традиционные возможности, чтобы бросить нам вызов?» – уточнил я. Снова подчеркну: я вовсе

не отрицаю необходимость подготовки к крупномасштабным межгосударственным конфликтам и не требую перераспределить значительные оборонные ресурсы в ущерб традиционным возможностям. Я просто хотел официально закрепить в оборонном бюджете и в самой культуре министерства обороны признание наличия нетрадиционных военных возможностей и гарантировать выделение ресурсов на боестолкновения, заведомо, по моему мнению, более вероятные, – чтобы планирование, бюджетирование, обучение и программы закупок распространялись и на эту сферу. Всего-навсего! Но даже такая малость была воспринята как покушение на основы, поскольку она угрожала модернизационным приоритетам штабистов.

В конечном счете я согласился несколько смягчить аргументацию в НСО, однако в публичных выступлениях продолжал настаивать на адекватном распределении ресурсов оборонного планирования и закупок. Понимаю, эти препирательства могут показаться абстрактными – прозаическая бюрократическая междоусобица, – но затронутые вопросы, редко волнующие широкую общественность, имели вполне реальные последствия для наших мужчин и женщин в военной форме и для нашей национальной безопасности, особенно когда бюджет урезают и предстоит трудный выбор.

В конце сентября 2008 года, выступая в Национальном университете обороны в Вашингтоне, округ Колумбия, я обобщил ситуацию с моей войной против Пентагона, шедшей в течение почти двух лет.

Баланс, к которому мы стремимся, таков:

– баланс между победой в конфликтах, ныне разворачивающихся, и готовностью к другим возможным боестолкновениям в иных местах или в будущем;

– баланс между признанием таких возможностей, как борьба с повстанцами и обеспечение стабильности, а также помощь партнерам в укреплении военного потенциала, и поддержанием традиционных возможностей, прежде всего технических и технологических, с учетом развития регулярных сил других государств.

Нисколько не хочу сказать, что вел свои войны внутри министерства обороны в одиночку. За исключением НСО и еще нескольких вопросов моим верным союзником неизменно оказывался Майк Маллен. Также меня, как правило, поддерживали большинство боевых командиров, в первую очередь, насколько мне известно, офицеры, участвовавшие в боевых действиях в Ираке и Афганистане. По многим вопросам, в частности относительно заботы о раненых, высшее военное

руководство министерства зачастую действовало даже решительнее, чем я предлагал первоначально. Старшие гражданские руководители: Эдельман, Янг, Клаппер – и их сотрудники тоже ни в коем случае не «отсиживались в окопах». Моими противниками были приверженцы традиционного мышления, отрицавшие любую «идею со стороны», полагавшие, что мои действия и намерения угрожают их «карманным» программам и бюджетам. Более того, сами масштабы Пентагона серьезно осложняли попытки сделать что-либо иначе, чем это делалось ранее. Мои войны внутри Пентагона в 2007–2008 годах велись по конкретным проблемам и ради наших парней, сражавшихся в Ираке и Афганистане. Более глобальные проблемы я не затрагивал, разве что упоминал в разговорах и речах. Но когда я узнал, что мне предложено остаться на своем посту и в администрации президента Обамы, то начал планировать, как на самом деле реализовать свои идеи в бюджете. Гордон Ингленд однажды обронил: «Мы делаем то, что финансируется». И мне выпал шанс впервые в жизни взять на себя ответственность за этот процесс.

Игра в виноватых

В Вашингтоне принято снимать скальпы, едва дела начинают идти не так, как хотелось бы. По правде говоря, не существует однозначного ответа на вопрос, чье бездействие привело к проблемам, которые я описал выше. Пытаясь, с переменным успехом, исправить эти проблемы, я пришел к выводу, что в каждом случае к происходящему причастны, независимо друг от друга, сразу несколько институтов, и никто из них – ни военные ведомства, ни Объединенный комитет начальников штабов, ни заместитель министра по закупкам, ни ревизоры – не имел определяющего влияния на остальных. Боевые командиры говорили о выводе войск из Ирака на протяжении 2005 и 2006 годов. Если следовать этой логике, зачем гражданским и военным руководителям министерства изымать из бюджета средства на приобретение нового бронированного автомобиля? Ведь война предположительно скоро закончится? ВВС никогда не нравилась идея беспилотных самолетов, так с какой стати вкладывать немалые средства в программу БПЛА за счет других программ? Никто не предвидел огромного потока тяжелораненых пехотинцев и морпехов, а также многократных командировок в Ирак и Афганистан, обернувшихся многочисленными физическими и душевными травмами самих солдат и членов их семей. Госпиталь

имени Уолтера Рида предполагалось закрыть в ходе проведения реформы армейского здравоохранения. Так зачем тратить деньги на содержание госпиталя, на удобства для амбулаторных пациентов или на дополнительный административный персонал?

Злого умысла в пренебрежении нашими войсками и их благополучием не было и не могло быть. Зато имелась токсичная комбинация некорректных предположений о длительности и характере войны, закостенелой бюрократии, бюджетных решений, принятых в отрыве от реальной ситуации на фронтах, сосредоточенности военных ведомств на рутинном составлении бюджета и яростных схватках за каждый лишний доллар на планирование грядущих войн; Белый дом не осознавал насущных потребностей наших войск в зонах боевых действий и не желал слушать «горстку горлопанов» из конгресса, которые перечисляли эти потребности; сам же конгресс по большому счету настолько зациклился на политических аспектах войны в Ираке, что то ли отмахивался, то ли просто малодушничал, когда ему показывали суровую реальность войны, которую вела страна. Вообще политический климат в Вашингтоне, стараниями нескольких специальных комиссий, инспекций и аудиторских проверок, на фоне общей жажды скандалов, способствовал усугублению бюрократической робости и осторожности чиновников. В итоге сформировалась тяжеловесная и склонная к «зависаниям» система, полная антитеза той быстроте, гибкости и инновациям, которые требовались для поддержки наших войск на передовой.

На мой взгляд, если уж мы заговорили о вине, то ее следует возложить на тех руководителей, которые отнюдь не кричали на каждом углу о необходимости поддержать наши войска за рубежом, и на тех, кто имел возможность действовать, но не действовал.

К первой группе отнесу региональные командования и боевых командиров, глав военных служб и начальников штабов тех родов войск, что оказались в «группе риска», председателя Объединенного комитета начальников штабов и его заместителей, гражданских руководителей всех уровней в министерстве обороны, а также политиков из комитетов по делам вооруженных сил обеих палат конгресса.

Вторую группу составляют прежде всего министры обороны и их заместители. Только они обладали властью игнорировать все организационные границы и бюджетные разногласия – и начать действовать. Только они, приняв на себя ответственность, могли устранить риски для физических лиц и организаций. Только они могли росчерком пера уничтожить самые нелепые бюрократические препоны и барьеры, препятствующие

перенаправлению бюджетных средств. Министр Рамсфелд с успехом осуществил нечто подобное, когда создал Организацию двойного подчинения по предотвращению воздействия самодельных взрывных устройств. Но он оставил без внимания другие вопросы, которые я посчитал критически важными. В некоторых случаях я потерпел поражение – в частности, по реформе системы ухода за ранеными, особенно в части предоставления административной и финансовой поддержки сверх положенной тем, кто носит форму, и изменения устаревшей, нарочито сложной и непрозрачной системы установления инвалидности. Уверен, что не оправдал надежд и в чем-то еще.

Министр Рамсфелд однажды сказал: «На войну идешь с той армией, какая у тебя есть». Известная фраза – и абсолютно верная. Но я хотел бы добавить: шевелись, черт подери, и создавай армию, которая тебе нужна. Именно за это мы воевали с Пентагоном.

Глава 5
Сложный мир за пределами Ирака

Ни один президент, даже во время войны, не может позволить себе роскошь сосредоточиться на одной-единственной проблеме. И Буш-43 не стал исключением. В последние два года работы его администрации мы, продолжая вести две масштабные войны, столкнулись с серьезными международными проблемами, связанными с Россией, Сирией, Ираном, Израилем, Пакистаном, Китаем, Северной Кореей, НАТО, Восточной Европой, Грузией, а также с морским пиратством. Эти проблемы в совокупности требовали от президента и его старших советников по национальной безопасности столько же, если не больше, внимания, сколько отнимали войны в Ираке и Афганистане. Причем некоторые из них вызвали существенные разногласия в правительстве.

С тех пор как в 1993 году я покинул пост директора ЦРУ, мир кардинально изменился. Тогда Соединенные Штаты разгромили армию Саддама Хусейна – четвертую по численности на планете – менее чем за сто часов в ходе войны в Персидском заливе. Восточная Европа освободилась, Германия объединилась, Советский Союз недавно распался, а Китай скрывал амбиции, фокусируясь на экономическом росте и развитии торговли. Победив в «холодной войне», Соединенные Штаты возвышались на мировой арене в гордом одиночестве – единственная уцелевшая сверхдержава, политический, военный и экономический колосс.

Мы не понимали и не могли представить, что семена будущих неприятностей уже прорастают. Уже намечались грядущие соперничества и трения. В России следствием экономического хаоса и коррупции, которые сопровождали распад Советского Союза, стали горькие обиды, усугубленные вступлением большинства бывших членов Варшавского договора в НАТО к 2000 году. Ни один русский не возмущался сильнее таким поворотом событий, чем Владимир Путин, который позже скажет, что распад СССР был величайшей геополитической катастрофой двадцатого столетия. Китай, устрашенный гибелью СССР и нарастанием военной мощи Америки (что показала война в Персидском заливе), решил увеличить и укрепить свои вооруженные силы. Первое нападение «Аль-Каиды» на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке состоялось в феврале 1993 года; другие атаки организовывались регулярно на протяжении 1990-х

годов. Между тем многие страны все чаще и громче негодовали по поводу нашего доминирования и «дурной привычки» поучать всех вокруг, как им следует себя вести и что делать. Исчезновение советской угрозы, помимо прочего, устранило для многих убедительную причину продолжать безоглядно поддерживать во всем Соединенные Штаты и поубавило желание подчиняться нашим указаниям. Другие искали возможности избавиться от нашего «назойливого» стремления во имя свободы и демократии перекроить мир по собственным лекалам целесообразности. Короче говоря, наше горделивое пребывание на вершине могущества и высокомерие, с каким мы вели себя в 1990-х, будучи единственной на тот момент сверхдержавой, провоцировали массовые возмущения. И поэтому, когда 11 сентября 2001 года рухнули здания Всемирного торгового центра, многие правительства и народы – кто публично, а большинство тайком – приветствовали беду, постигшую США. В их глазах чванливый и бесцеремонный колосс получил по заслугам.

Полагаю, что широкое недовольство политикой США, слегка приутихшее сразу после событий 9/11, возродилось и начало распространяться еще активнее из-за принятой президентом Бушем стратегии «Кто не с нами, тот против нас»; опираясь на эту стратегию, мы вступили в войну с терроризмом. Вторжение в Ирак, а затем и ставшие известными факты об условиях содержания заключенных и злоупотреблениях охранников в тюрьме «Абу-Грейб» и в следственном изоляторе в Гуантанамо, о методике «улучшенных допросов» и тому подобное – все это усиленно подпитывало антиамериканские настроения в мире. На мой взгляд, в 2006–2007 годах наметилось некое ослабление этой враждебности, особенно в Европе, где отошли от власти главные противники наших действий в Ираке. Канцлера Герхарда Шредера в Германии в сентябре 2005 года сменила куда более консервативная Ангела Меркель, а во Франции в мае 2007 года Жак Ширак уступил президентские полномочия убежденному стороннику США Николя Саркози. Поэтому, когда я вернулся в правительство в декабре 2006 года, отношения с большинством европейских и других стран в целом были на подъеме, хотя, конечно, вторжение в Ирак оставило немало пятен на нашей международной репутации. И – опять-таки в целом – наши отношения со многими странами были хуже, чем когда в январе 1993 года я уходил из правительства, которое возглавлял президент Буш-41.

Минувшие четырнадцать лет ознаменовались и иными значительными изменениями в международной обстановке. Как я не раз говорил Бушу-43 и Конди Райс в мой прежний

правительственный срок, проблемы или кризисы, как правило, возникали, решались и заканчивались. Война судного дня в октябре 1973 года – серьезный кризис, чреватый конфронтацией с Советским Союзом, – завершилась в течение нескольких дней[46]. Даже иранский кризис с заложниками, весьма острый, болезненный и затяжной, продлился всего 444 дня. Но сегодня уже не представлялось возможным оперативно разрешить проблему и забыть о ней – нет, сегодня проблемы продолжали накапливаться. Аппарат служб национальной безопасности, призванный улаживать подобные проблемы, разросся до гигантских размеров, но в конечном счете все приходилось делать восьми людям: это президент, вице-президент, государственный секретарь, министр обороны, председатель Объединенного комитета начальников штабов, директор Национальной разведки, директор ЦРУ и советник президента по национальной безопасности.

Большую часть времени мы работали вместе в Ситуационном центре Белого дома, который никоим образом не похож на высокотехнологичные, хайтековские центры из голливудских фильмов. Думаю, многие четырехзвездные командующие в армии и на флоте, а также в ЦРУ, могут похвастаться существенно более технологически «продвинутыми» конференц-залами и оперативными центрами с самым передовым оборудованием. Когда я покидал администрацию в 1993 году, Ситуационный центр Белого дома представлял собой обыкновенный конференц-зал: несколько телеэкранов, пара-тройка проекторов, но в основном пользовались флипчартами, поскольку экраны и проекты нередко выходили из строя. За столом обычно усаживались вдесятером – по четыре человека вдоль каждой стороны и по одному с торцов; президент садился в торце, под президентской печатью на стене.

В годы президентства Буша-43 комплекс Ситуационного центра был отчасти модернизирован. Его разместили в другом помещении, появилось даже два окна; впрочем, это новшество лично я посчитал бессмысленным, потому что окна постоянно закрывали ставнями по соображениям безопасности. Главное техническое улучшение состояло в установке аппаратуры для видеоконференций: теперь президент и прочие члены нашего «кружка восьми» могли вести переговоры лицом к лицу с коллегами и партнерами на другом конце света. Президент Буш регулярно проводил видеоконференции с нашими послами и командующими войсками в Ираке и Афганистане. Экраны для отображения карт тоже стали получше. За новым столом помещалось до четырнадцати человек, еще двадцать могли сесть

вдоль стен – помощники, секретари и иные приглашенные. При этом зал был довольно тесным, и всегда существовала опасность кого-то задеть или придавить, если слишком быстро отодвинуть стул. На мой вкус, число «заднескамеечников», которые сидели на всех совещаниях (и исправно делали заметки), кроме наиболее важных, чересчур возросло по сравнению с былыми временами; я, скажу честно, был не в восторге – а как прикажете предотвращать в таких условиях утечки информации? Как ни печально, при президенте Обаме положение только усугубилось, особенно на заседаниях по афганской войне.

Рассаживались всегда в соответствии с протоколом, как при Буше, так и при Обаме. Президент неизменно садился во главе стола, вице-президент располагался по правую руку от него, государственный секретарь – по левую. При администрации Буша-43 я сидел рядом с госсекретарем Райс; при администрации Обамы мне отвели место с другой стороны стола, рядом с вице-президентом Байденом. Это было не очень-то удобно, учитывая, сколь часто мы с ним расходились во мнениях.

Под столешницей прятались розетки для подключения ноутбуков и прочих электронных устройств. Но я никогда не видел, чтобы кто-то ими пользовался. В основном мы беспокоились, как бы не пролить кофе на электронику и не поджарить все на столе – и, возможно, всех за столом. Со временем я стал ненавидеть долгие часы заседаний в Ситуационном центре – бесконечные дебаты, повторяющиеся дискуссии, бесплодные и изнурительные попытки найти наилучшее среди худших решений… (По-настоящему хороших вариантов не предлагалось и не рассматривалось практически никогда.) Через несколько месяцев после инаугурации президента Обамы я предложил разрешить спиртное на ранних вечерних заседаниях. Многие согласно закивали, но, увы, этим все и ограничилось. Помню, какой-то предприимчивый сотрудник повесил шторы на вечно закрытые ставнями окна. Обама, едва зайдя внутрь, сурово спросил: «Кто это сделал?» На следующий день шторы исчезли. В общем, Ситуационный центр обставлен по-спартански; возможно, это правильно – ведь там принимаются решения о жизни и смерти, о войне и мире.

Также мне пришлось провести чудовищно много времени в самолетах. Почти во все свои международные поездки я отправлялся на видавшем виды (от роду несколько десятков лет) «Боинге-747» с маркировкой «E-4B» на фюзеляже; этот самолет модернизировали, чтобы разместить на борту Национальный оперативный центр – фактически мобильный центр управления. У него нет иллюминаторов, корпус надежно защищен от

всевозможных помех, способных повлиять на работу электроники. Самолет может заправляться в воздухе, так что, если не считать необходимости профилактики, ремонта и обслуживания, я мог летать круглосуточно 365 дней в году – восемнадцать часов из Вашингтона до Сингапура, четырнадцать до Багдада, семнадцать до Кабула. В передней части фюзеляжа имелся просторный кабинет, совмещенный со спальней (двухъярусная кровать), сугубо утилитарный и обеспечивавший безопасную телефонную связь в любой точке мира. Единственным отвлекающим фактором были топливопроводы, скрытые за подвесным потолком: когда происходила дозаправка в воздухе, я вынужденно прислушивался к бульканью тысяч фунтов топлива – и молился, чтобы не случилось протечки. Еще на борту имелся неплохой конференц-зал, где коротал время перелета старший персонал; большой, но обычно битком набитый отсек для прессы и целая вереница электронных постов, где несли службу остальные сотрудники. Помимо экипажа на борт брали полный комплект технических специалистов, чтобы при необходимости «подлатать старушку», и подразделение службы безопасности, охранявшее самолет на земле. Во многих отношениях мой «воздушный» кабинет не отличался от земного – мне всегда можно было дозвониться, а благодаря магии современной электроники электронные письма из Пентагона мгновенно переправлялись в небеса. И стоило только мне устроиться в уединении, чтобы почитать или вздремнуть, как самый младший из моих военных помощников на борту непременно приносил новую кипу деловых бумаг. Генералы и адмиралы не позволяли министру расслабиться ни на миг в бесконечном потоке работы.

Я налетал на этом самолете год, прежде чем обнаружил, что могу выбирать блюда, которыми нас кормят. В последующие несколько лет всем на борту приходилось разделять мои категорически нездоровые предпочтения в еде: чизбургеры с беконом, сандвичи с солониной, сыром и кислой капустой, барбекю. Экипаж даже прозвал наш самолет «Большая рулька». За четыре с половиной года я побывал в ста девяти странах, провел на борту самолета тридцать пять рабочих недель (250 дней путешествий) и лично съел шестнадцать фунтов грудинки. Отдаю должное BBC – они ведут замечательную статистику.

Я гордился тем, что летаю на этом самолете. Когда огромный сине-белый лайнер с надписью «Соединенные Штаты Америки» на фюзеляже и большим американским флагом на хвосте приземлялся в любом городе, я словно давал понять, каковы могущество и возможности США. Больше всего удовольствия мне доставил Мюнхен: мы увидели там пилотов президента Путина,

фотографировавших мой самолет из своей кабины.

Россия

Одним из моих первых полетов на этом самолете стал визит в испанскую Севилью в начале февраля 2007 года, на встречу министров обороны стран – участниц НАТО; оттуда я полетел на Мюнхенскую конференцию по безопасности. Будучи в Севилье, я также встретился с Сергеем Ивановым, который почти шесть лет занимал пост министра обороны России, а в скором времени стал первым вице-премьером. Иванов в Севилье присутствовал на заседании совета «Россия – НАТО». Это современный космополит, вежливый и обходительный, свободно говорит по-английски и намного откровеннее большинства российских чиновников. На нашей встрече он сказал мне, что Россия желает выйти из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, подписанного при администрации Рейгана и запрещающего Соединенным Штатам и Советскому Союзу (правопреемником которого стала Россия) развертывать баллистические и крылатые ракеты средней и малой дальности (от 500 до 5500 км). Иванов назвал нелепой текущую ситуацию, когда Соединенные Штаты и Россия в настоящий момент являются единственными странами в мире, которым запрещено развертывать подобные типы ракет. По его словам, Россия не собирается размещать ракеты на западе, но хотела бы разместить их на юге и востоке – против Ирана, Пакистана и Китая. Я ответил, что, если Россия желает расторгнуть договор, «вы сами по себе – США не готовы отвергнуть соглашения по РСМД». Мы уточнили наши разногласия по противоракетной обороне в Европе – хотя Иванов согласился отправить российских специалистов в Вашингтон, чтобы продолжить обсуждение этой темы, – и по поставкам российского оружия в Китай, Иран и Венесуэлу. Мы также договорились поддерживать контакты на министерском уровне, а в завершение беседы он пригласил меня посетить Россию.

Каждый год высокопоставленные правительственные чиновники, политические деятели, ученые и эксперты по безопасности из США, Европы и других стран мира собираются на Мюнхенскую конференцию по безопасности, чтобы обменяться идеями, послушать выступления и дружески пообщаться с влиятельными людьми. В частности, в Мюнхен всегда приезжали наши «Три амиго» – сенаторы Джон Маккейн, Линдси Грэм и Джо Либерман. Мне эта конференция показалась невероятно нудной, и после второго ее посещения я зарекся туда ездить.

Однако в 2007 году все было для меня в новинку и я счел себя обязанным пойти на конференцию. В просторном зале заседаний старого отеля высокопоставленные правительственные чиновники сидели за длинными, узкими столами, которые выстроились рядами вдоль центрального прохода. Позади столов тянулось то ли двадцать, то ли двадцать пять рядов стульев для прочих участников, с отличным видом на сцену – если бы не спины сидящих за столами. Я сидел в переднем ряду столов. Буквально через проход от меня разместились президент России Владимир Путин, канцлер Германии Ангела Меркель и украинский президент Виктор Ющенко. Последний, которому очень хотелось дистанцироваться от России и даже вступить в НАТО, выглядел совершенно больным, его лицо изобиловало оспинами – он искренне верил, что это последствия попытки российской разведки его отравить. Когда Меркель пошла к трибуне, чтобы открыть конференцию, только ее пустой стул разделял Ющенко и Путина. Я сидел всего в полутора метрах от них, и мне показалось, что Ющенко смотрит на Путина с нескрываемой ненавистью. Уверен, чувства были взаимными.

Следом за Меркель выступал Путин. Ко всеобщему удивлению, он начал обличительную речь против США. Он заявил, что Соединенные Штаты использовали свое неоспоримое военное преимущество, чтобы создать и поддерживать «однополярный» мир; что в связи с доминированием США мир стал более дестабилизированным и «резко возросло число войн и региональных конфликтов». Он добавил, что «мир одного хозяина, одного суверена» и пренебрежение со стороны США основополагающими принципами международного права стимулировали новую гонку вооружений, поскольку страны, которые ощущают угрозу, вынуждены накапливать оружие ради собственной безопасности, в том числе оружие массового уничтожения. Путин спросил, почему Соединенные Штаты создают военные базы с персоналом до 5000 военнослужащих у российских границ; почему НАТО агрессивно расширяется в направлении России и почему система ПРО в настоящее время разворачивается в Польше недалеко от границы с Россией. В заключение он сказал, что Россия, «страна с тысячелетней историей», вряд ли нуждается в советах по поводу того, как ей действовать на международной арене. В ответах на вопросы он немного смягчил впечатление от своей речи, отозвался о президенте Буше как о достойном человеке, с которым можно иметь дело. Тем не менее общее воздействие выступления Путина, особенно на европейцев, было ошеломляющим: они будто угодили под ледяной душ. Путин явно пытался вбить клин

между европейцами и США своими антиамериканскими нападками, но все вопросы, которые ему задавались, были враждебными по тональности и содержанию. Он неправильно оценил аудиторию. Вернувшись на свое место, Путин подошел ко мне, улыбнулся, пожал руку и повторил приглашение Иванова посетить Россию.

Я решил, что суровость его выступления открывает передо мной неплохие возможности. И потому, пока он говорил, я начал переписывать вступительную часть черновика своей речи – мне предстояло ее произнести на следующий день. Это было мое первое публичное выступление за границей в качестве министра обороны, и среди участников конференции ходили самые разные слухи насчет того, как министр Гейтс, известный как ястреб «холодной войны», отреагирует на слова Путина. Некоторые американские чиновники, в том числе из Государственного департамента, убеждали меня «не церемониться».

Проконсультировавшись с моим помощником заместителя по европейским вопросам Дэном Фатой, чьим суждениям доверял, я решил не отвечать Путину в его же стиле, но использовать юмор в качестве оружия.

«Если вспоминать дела давно минувших дней, скажу прямо: меня как ветерана «холодной войны» одно из вчерашних выступлений почти заставило заскучать по былым, менее сложным временам. Почти. Многие из нас обладают опытом в дипломатии и политике. У меня же, как у второго вчерашнего оратора [Путина], опыт совершенно иной – карьера в разведке и шпионаже. И, думаю, старым шпионам свойственно говорить без околичностей.

Тем не менее мне пришлось пройти перевоспитание, я провел четыре с половиной года в должности президента университета и много общался с сотрудниками и студентами. Очень многие университетские президенты в последние годы узнали на личном примере, что подобное общение сводится к простой формуле: будь вежлив – или проваливай.

Реальный мир, в котором мы живем сегодня, совсем другой и гораздо более сложный, чем двадцать или тридцать лет назад. Мы все сталкиваемся с общими проблемами и задачами, которые необходимо решать в партнерстве с другими странами, включая Россию. По этой причине я на этой неделе принял приглашение президента Путина и министра обороны Иванова посетить Россию.

Одной «холодной войны» вполне достаточно».

По одобрительным кивкам и улыбкам во всем зале я понял, что выбрал правильную тактику. Остаток моей речи был

посвящен НАТО и ряду проблем за пределами Европейского континента, в том числе необходимости больше внимания уделять обороне и прилагать больше усилий в Афганистане. Я также протянул оливковую ветвь мира нашим давним союзникам. Рамсфелд однажды упомянул различия между «старой Европой» (наши первоначальные партнеры по НАТО) и «новой Европой» (бывшие члены Варшавского договора, которые присоединились к альянсу), причем явно указал, что американцев сильнее интересуют последние. Я же решил, что стоит устранить ненужные недоразумения относительно наших предпочтений, а заодно сформулировал мнение по поводу Североатлантического альянса, которое часто буду повторять в должности министра обороны:

«На протяжении многих лет предпринимались попытки разнести народы Европы и государства альянса по разным категориям: «свободный мир» против «стран за «железным занавесом», «Север» против «Юга», «Восток» против «Запада», – и мне сказали, что некоторые даже рассуждают о противостоянии «старой» и «новой» Европы.

На мой взгляд, все эти характеристики принадлежат прошлому. Различие, которое видится мне, сугубо практическое – я бы сказал, это позиция реалиста: налицо различие между теми членами альянса, кто делает все возможное, чтобы выполнять коллективные обязательства, и теми, кто этого не делает. НАТО не подразумевает «членства на бумаге» и не является «клубом для общения», то есть «говорильней». Это военный блок, имеющий весьма серьезные обязательства».

Реакция на мою речь в Европе и в Америке была исключительно позитивной. В частности, я получил письмо от сэра Чарлза Пауэлла, советника по национальной безопасности при британском премьер-министре Маргарет Тэтчер; это письмо выражало общее отношение: я «выбрал абсолютно верный саркастический тон, чтобы одернуть Путина и поставить его на место».

Докладывая президенту о своем участии в Мюнхенской конференции, я поделился с ним своим убеждением: с 1993 года Запад, и особенно США, недооценивали масштабы российского унижения после поражения в «холодной войне» и распада Советского Союза, ознаменовавшего крах былой русской империи. Высокомерие американских правительственных чиновников, академических кругов, бизнесменов и политиков, стремление постоянно поучать россиян, как им вести внутренние и международные дела (не говоря уже о психологической травме, вызванной стремительной утратой статуса сверхдержавы)

породили недовольство, превратившееся со временем в застарелую обиду.

Я не стал говорить президенту, что, с моей точки зрения, отношения с Россией ухудшались с того самого момента, как Буш-41 покинул свой пост в 1993 году. Добиться согласия Горбачева на членство объединенной Германии в НАТО – это было огромное достижение. Но торопливое присоединение к альянсу после распада Советского Союза многих бывших его сателлитов было ошибкой. Нет, пригласить в НАТО страны Балтии, Польшу, Чехословакию[47] и Венгрию, конечно, следовало, но затем процесс привлечения новых членов нужно было приостановить. Соглашения США с румынским и болгарским правительствами касательно переброски войска через военные базы в этих странах фактически представляли собой провокацию (тем паче что мы никогда не разворачивали контингенты в 5000 военнослужащих ни в одной из этих стран). У русских имеются вековые исторические связи с Сербией, которые мы в значительной степени проигнорировали. А попытка принять в НАТО Грузию и Украину оказалась и вправду последней каплей. Корни Российской империи прослеживаются до Киевской Руси девятого века, и потому украинская тема была действительно провокационной. Готовы ли европейцы, тем более американцы, отправлять своих сыновей и дочерей на защиту Украины или Грузии? Едва ли. Иными словами, расширение НАТО было политическим актом, а не тщательно проанализированным стратегическим ходом; тем самым подрывались цели альянса и безрассудно игнорировались собственные жизненно важные национальные интересы русских. Понятно и стремление Путина снять ограничения, которые накладывал на Россию Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ; этот документ устанавливает предельную численность неядерных вооруженных сил России и НАТО в Европе). Договор заключали, когда Россия была слаба, и ей пришлось согласиться на условия, диктовавшие правила перемещения войск даже по российской территории. Как я позднее сказал Путину в личной беседе, я бы не потерпел ограничений на переброску солдат из Техаса в Калифорнию.

На протяжении всей моей карьеры, как я уже писал, меня воспринимали как сторонника жесткой политики в отношении Советского Союза. Не стану отрекаться. Многие из проблем между постсоветской Россией и США выросли из усилий российских лидеров обрести внутриполитические выгоды, представив Соединенные Штаты, НАТО и Запад в целом как постоянную угрозу России; вдобавок современная Россия тяготеет к запугиванию своих соседей, прежде всего тех государств, которые

когда-то входили в СССР; имеет привычку использовать поставки нефти и газа в качестве инструмента политического давления и «выжимания» средств у европейских государств; грубо нарушает права человека и политические свободы и продолжает поддерживать ряд террористических режимов по всему миру. Но во времена «холодной войны», стараясь не допустить военного конфликта между нами, мы всегда учитывали советские интересы, маневрируя со всей осторожностью в тех вопросах, где эти интересы затрагивались. Ослабевшая Россия 1990-х годов заставила нас забыть эту безоговорочно полезную практику. Мы отказались от попыток увидеть мир с их точки зрения, перестали налаживать отношения ради долгосрочной перспективы. Таковы были мои личные убеждения – однако ныне я был министром обороны в администрации президента Буша, а потому поддержал решение о привлечении Грузии и Украины в НАТО (пусть и с легкими угрызениями совести, поскольку к 2007 году стало ясно, что французы и немцы против). Что касается систем ПРО, я продолжал искать способы учесть российские интересы и предлагал России военное партнерство. Тем не менее я отдавал себе отчет, что мы будем двигаться дальше, вместе с русскими или без них.

Отношения между Соединенными Штатами и Россией в мою бытность министром обороны в администрации Джорджа У. Буша определялись следующими факторами: решением президента усилить противоракетную оборону в Восточной Европе с учетом потенциального нападения со стороны Ирана, усилиями США по расширению НАТО за счет Грузии и Украины и вторжением России в Грузию. Наше стремление разместить системы ПРО в Европе также определяло характер отношений США и России в первый срок президента Обамы.

Нежелание русских соглашаться с реализуемым США укреплением противоракетной обороны в Европе имеет глубокие корни. Еще в ходе первых переговоров по ограничению стратегических вооружений, при администрации президента Никсона, Советы добивались запрета на разработку и развертывание системы противоракетной обороны, которую, по их мнению, готовили Соединенные Штаты (у них самих такой системы не было); наличие подобной системы обеспечивало нам существенные преимущества в стратегических ядерных силах. В 1972 году был подписан Договор об ограничении систем противоракетной обороны наряду с соглашением, которое ограничивало стратегический наступательный потенциал обеих сторон уже имеющимися военными программами. Стратегическая оборонная инициатива (СОИ) президента Рейгана, о которой

объявили в 1983 году и которая предусматривала создание общенационального противоракетного «щита» с использованием передовых технологий, очевидно, разгневала СССР и, думается, привела русских в ужас. Помнится, я пошутил, что всего два человека на планете уверены, что СОИ окажется эффективной, – Рейган и Михаил Горбачев. Советы к тому времени находились под огромным экономическим давлением и понимали, что им не по силам конкурировать с нами в этих вопросах.

Решение президента Буша в 2002 году выйти из договора по ПРО 1972 года (тем самым у Соединенных Штатов появлялась возможность разворачивать любые системы ПРО по своему желанию) и последующее размещение перехватчиков и радарных станций на Аляске и в Калифорнии, наши усилия по привлечению Грузии и Украины в НАТО, наша поддержка независимости Косово (против чего русские категорически возражали) в сочетании с противостоянием России действиям США в Ираке и других «горячих точках» немало способствовали охлаждению российско-американских отношений, чем и объяснялась тональность выступления Путина в февраля 2007 года в Мюнхене. Личные отношения между Бушем и Путиным тем не менее оставались вполне уважительными.

Я усугубил сложную ситуацию с Россией, подписав – на следующий день после приведения к присяге в качестве министра обороны в декабре 2006 года – рекомендацию президенту разместить в Польше десять американских ракет-перехватчиков дальнего действия, а радиолокационную станцию для них развернуть в Чешской Республике. Мы предполагали начать строительство во второй половине 2008 года. Эта система должна была перехватывать иранские ракеты, если те будут запущены в сторону США или наших европейских союзников. При этом я понимал, что переговоры обещают быть трудными: Польша настаивала на значительно более активной военной помощи, а позиция правительства Чехии постоянно менялась. Русские же восприняли эти планы как угрозу своим стратегическим силам и как очередную попытку «окружить» их страну. Несколько недель спустя президент одобрил мою рекомендацию.

* * *

Итак, я принял приглашение посетить Россию. Мой самолет приземлился в аэропорту Шереметьево апрельским утром, в понедельник. Первая моя встреча была с новым российским министром обороны Анатолием Сердюковым, человеком, который

пришел в правительство из мебельного бизнеса, ранее руководил налоговой службой России и имел обширные личные связи и политические контакты. Встреча проходила в министерстве обороны России в Москве: это внушительных размеров здание без каких-либо иных отличительных особенностей, характерное для советской архитектуры. Конференц-зал тоже оказался весьма простеньким. Сердюков плохо разбирался в вопросах обороны, но ему поручили реформировать Российскую армию – задача сложная, даже опасная. На нашей встрече его неизменно сопровождал (и постоянно ему подсказывал) начальник российского Генерального штаба генерал Юрий Балуевский. Наша беседа, как и другие переговоры в Москве, практически полностью была посвящена противоракетной обороне.

Явно следуя сценарию, Сердюков сразу сказал, что американские планы угрожают стратегической обороне России и чреваты негативными последствиями для мира во всем мире. Я ответил, что наша система призвана защитить от ракетного нападения со стороны Ирана и Северной Кореи, но он возразил, что ни одна из данных стран не обладает ракетами, способными достичь Европы или США, и скорее всего не поставит такие ракеты на вооружение в обозримом будущем. Россия, по его словам, сильно обеспокоена тем, что наша система сможет перехватывать российские баллистические ракеты. Я сказал, что необходимо учитывать интересы обеих сторон, что нам открываются беспрецедентные возможности для сотрудничества и что мы должны думать на десять и даже на двадцать лет вперед. Мой заместитель по политике, Эрик Эдельман, вновь заверил русских, что радар в Чехии не помеха: он будет находиться слишком близко к российским границам, поэтому не сумеет «вести» ракеты, запущенные из России, – плюс сама система ПРО не в состоянии перехватывать российские МБР, а отработанные ступени ракет будут сгорать в атмосфере. Российские военные эксперты, казалось, слушали все более охотно и, очевидно, заинтересовались. Мы перечислили множество пунктов, по которым возможно военное сотрудничество, в том числе совместные исследования и разработки, общий доступ к данным радарного слежения, совместное тестирование элементов системы ПРО, возможное использование старой советской РЛС в Азербайджане. Я пригласил россиян посетить наши центры ПРО на Аляске и в Калифорнии и предложил, с согласия польского и чешского правительств, регулярные инспекции установок ПРО в этих странах. Мои предложения выходили далеко за рамки всего, что предлагалось России ранее. Я понимал, что на самом деле русские беспокоятся не по поводу системы, которую мы

обсуждали, а по поводу того, что в какой-то момент в будущем мы дополним ее возможностями, которые поставят под угрозу военную доктрину России. Сердюков и Балуевский не отступили ни на шаг, но согласились продолжить консультации технических экспертов с обеих сторон.

Затем я отправился в Кремль на встречу с Владимиром Путиным. В последний раз я въезжал в Кремль в 1992 году в качестве директора ЦРУ, и меня провезли в ворота в лимузине американского посла, с американским флажком на капоте; тогда возникло чувство, будто я совершаю круг почета. К 2007 году и мир, и я сам сильно изменились. Мы с Путиным уселись за стол в его богато украшенном и весьма просторном кабинете, где повсюду золото и великолепные канделябры – наследие царских времен, любезно сохраненное коммунистами. Как я докладывал президенту Бушу, встреча с Путиным прошла в сердечной обстановке, сильно отличавшейся от атмосферы в Мюнхене. Путин одобрил идею консультаций экспертов в области противоракетной обороны и пригласил меня приехать в Россию снова. А также перечислил длинный список российских бед, в причастности к которым он обвинил Запад. Обвинения были вполне предсказуемыми: мы тоже составляем перечни угроз и вызовов; многие в Соединенных Штатах не считают Россию партнером; зачем Америке военные базы вблизи российских границ; Северная Корея и Иран не обладают ракетами, способными угрожать США; почему Соединенные Штаты поддерживают грузинских «сепаратистов»; напряженность в отношениях объяснима, поскольку мы «смотрим друг на друга через прицел дробовика»; мы хотим быть партнерами, даже стратегическими союзниками. Вопросом, который действительно его тревожил, была ситуация с обычными вооруженными силами в Европе. Путин сказал, что это «колониальный» договор, унижающий Россию. Я же в своих ответах пытался отметить позитивные моменты для потенциального сотрудничества.

За пятнадцать минут до конца встречи появился помощник и что-то прошептал на ухо Путину. Он резко, но очень вежливо завершил встречу, и меня проводили из его кабинета. Выяснилось, что умер бывший президент России Борис Ельцин.

В тот же день я встретился с Сергеем Ивановым, уже в ранге первого вице-премьера российского правительства. Мы обсудили большую часть тех же вопросов, о которых шла речь на встречах с Сердюковым и Путиным, но Иванов поделился и некоторыми соображениями по Ирану. «Знаете, иранцам не нужны ракеты, чтобы доставить ядерное оружие в Россию», – сказал он, явно подразумевая готовность России усилить давление на Иран, если

Тегеран не приостановит работы по обогащению урана.

Пресса сообщала, что в Москве меня встретили «прохладно», я доложил президенту Бушу, что все переговоры проходили дружественно, по-деловому и удивительно конструктивно. Теперь я вижу, что наши страны, попросту говоря, пинали банку, стремясь тянуть время в вопросах противоракетной обороны. Россияне признают, что их поставили перед свершившимся фактом, что наши предложения о сотрудничестве больше смахивают на нож у горла: сколько ни дергайся, результат известен заранее. Они надеются тем не менее найти достаточно сторонников в Европе, чтобы заморозить реализацию проекта. Мы готовы сотрудничать с Россией, но не допустим помех своим планам (пусть улаживание разногласий заняло в итоге больше четырех лет).

На обратном пути домой я остановился и в Варшаве, и в Берлине, чтобы проинформировать правительства Польши и Германии о результатах моих встреч в Москве. Президент Польши Лех Качиньский в Варшаве дал понять, что хотел бы ускорить процесс развертывания противоракетной обороны, чтобы завершить необходимые процедуры до выборов 2009 года. Польский министр обороны Александр Щигло сдержанно отметил, что предложение США (развертывание десяти ракет-перехватчиков дальнего радиуса действия в Польше) будет «внимательно рассмотрено» и не следует «предопределять исход переговоров». Кроме того, он сказал (этот рефрен я слышал неоднократно на протяжении многих лет), что любой военный план призван в первую очередь укрепить безопасность Польши.

После поездки я доложил президенту Бушу, что в Польше и Чешской Республике имеются внутриполитические проблемы относительно предлагаемой системы ПРО: два ведущих коалиционных партийных блока в Польше выступают против, а в Чехии правительство озабочено разногласиями с парламентом и предстоящими выборами. Опросы показывали, что более половины чехов против размещения радарной станции на территории страны. В Польше, по данным одного опроса, 57 процентов населения были против ракет. Госсекретарь Райс, в Москве в середине мая, а затем президент Буш, на своем ранчо в Кроуфорде и во время визитов в Польшу и Чешскую Республику, подчеркнули решимость США продолжать движение по намеченному плану. Путин тогда предложил в качестве альтернативы совместное использование данных российской РЛС в Азербайджане. На встрече министров обороны стран НАТО в Брюсселе в июне, в присутствии министра обороны России Сердюкова, я заявил, что, несмотря на предложение Путина, мы

не намерены отказываться от проекта системы ПРО.

Двенадцатого октября 2007 года мы с Конди встретились в Москве с нашими российскими коллегами – в формате «двое на двое», – а также с президентом Путиным. Мы привезли предложения, еще более привлекательные для россиян, нежели те, которые я выдвинул в апреле, в том числе условие, что ракеты-перехватчики не могут быть поставлены на боевое дежурство, пока Иран не продемонстрирует, что обладает баллистическими ракетами с ядерными боеголовками.

Путин пригласил нас к себе на дачу в Подмосковье. По дороге мы миновали множество шикарных поместий и торговых центров, причем эти магазины ничуть не уступали внешне высококлассным моллам в богатых американских пригородах или в фешенебельных районах Лондона, Парижа и Рима. Жизнь в России явно изменилась к лучшему – во всяком случае, для некоторых, особенно тех, кто жил по соседству с Путиным. Его дача оказалась большой и красивой, но произвела на меня впечатление утилитарной, больше похожей на корпоративный пансионат. Путин заставил нас подождать примерно двадцать минут; американская пресса потом язвила, что мы оба «набирались смелости». Наконец он пришел, извинился и объяснил, что говорил по телефону с премьер-министром Израиля Эхудом Ольмертом, обсуждал иранскую ядерную угрозу.

Нас провели в простой, средних размеров конференц-зал, посреди которого стоял большой овальный стол. Каждому предложили минеральной воды, кофе и несколько пирожных. Нас с Конди сопровождал очень компетентный посол США в России Билл Бернс и переводчик. К Путину присоединился министр иностранных дел Сергей Лавров, министр обороны Сердюков, начальник Генерального штаба генерал Балуевский и переводчик. Едва все расселись, как в зал запустили прессу, которая довольно долго толкалась за лучшие места. Убедившись, что аудитория собралась, Путин почти десять минут говорил в основном о противоракетной обороне. Он позволил себе сарказм: «Однажды мы можем захотеть разместить систему ПРО на Луне, но прежде чем до этого дойдет, есть опасность упустить шанс на согласие из-за вашего упорства в реализации собственных планов». Он предупредил нас насчет «стремления во что бы то ни стало выполнить предыдущие договоренности со странами Восточной Европы». Нам с Конди не слишком понравилось, что нас используют в качестве реквизита, но мы соблюдали протокол, а когда мы получили разрешение ответить, пока русские не выгнали прессу, я попытался сгладить впечатление и сосредоточился на плюсах совместной работы. После ухода

прессы мы с госсекретарем переглянулись и дружно закатили глаза. Дача Путина, шоу Путина.

Когда приступили к обсуждению, Путин продолжал настаивать, что наши планы представляют угрозу для России, поскольку Иран в краткосрочной перспективе безопасен для США и Европы. Он показал нам карту с оценкой дальности иранских ракет (концентрические круги) и названиями немногочисленных стран, которых эти ракеты могут достичь. Он сказал, что данные круги – похоже, нарисованные от руки школьником с цветными карандашами – отражают последние оценки российской разведки. Я легкомысленно прокомментировал, что России нужна новая служба разведки. Он даже не улыбнулся. Как мы и уславливались с Конди, я представил наши новые предложения, призванные убедить русских, что ракеты в Польше и радар в Чехии нисколько не угрожают России – наоборот, открывают возможности для сотрудничества. Мы предложили новые планы по совместной разработке архитектуры противоракетной обороны, которая будет защищать Соединенные Штаты, Европу и Россию; объявили, что согласны с идеей Путина обмениваться радиолокационными данными с целью создания интегрированной системы управления и защиты; посулили дополнительные «меры прозрачности», в том числе кадровый обмен, который позволит россиянам контролировать нашу систему, а нам соответственно, их; как я уже говорил, проявили готовность привязать развертывание ПРО в Европе к усилению иранской ракетной угрозы, вести совместный мониторинг военных программ Ирана и поставить ракеты на боевое дежурство, только когда иранская угроза подтвердится. Путин, казалось, искренне заинтересовался этими предложениями и прямо об этом сказал. По-моему, все российские представители, за исключением генерала Балуевского, были уверены, что Соединенные Штаты искренне желают сотрудничать с Россией. Мы договорились организовать консультации экспертов, чтобы конкретизировать высказанные идеи.

В ходе встречи я написал Конди записку – мол, Балуевский напоминает мне о «старых добрых временах». Она ответила: «Когда-то он считался умеренным прогрессистом. Но все меняется». После нескольких часов встреч подряд я послал Конди другую записку: «Терпеть не могу дипломатию. Уже и забыл, насколько я на самом деле не люблю этих парней». Чуть позже Конди, меня и посла Бернса с женой принимали за ужином Сергей Иванов и его супруга. После ужина я сказал Конди: «Ну, некоторые мне все же нравятся».

На следующее утро я выступал с речью в Академии

Генерального штаба, здание которого тоже представляло собой образчик сталинской архитектуры. Едва войдя в зал, где собралось несколько сот российских офицеров, я понял, что аудитория настроена недружелюбно. Председательствовал на встрече пожилой генерал, типичный суровый красный командир, а бледные и хмурые лица аудитории выражали недоверие и недоброжелательность. Я рассказывал о реформах, которые необходимы для создания современной армии, и говорил о возможностях сотрудничества в будущем. Русские офицеры продолжали держаться настороженно: они явно крайне подозрительно относились к США, к нашим военным и ко мне, а также, очевидно, им не нравились реформы в Российской армии. Когда настала пора задавать вопросы из зала, некий полковник спросил меня, почему Соединенные Штаты хотят захватить Сибирь. Закаленный многолетним опытом ответов на вопросы членов конгресса, я довольно быстро справился со ступором, в который меня ввергла эта фраза. Я просто ответил, что ни о чем таком мы даже не помышляем. Позже Билл Бернс объяснил, что якобы за несколько недель до моего выступления Мадлен Олбрайт публично рассуждала о том, как Россия могла бы развивать Сибирь в условиях, когда край обезлюдел и вообще население России сокращается. Тот полковник и другие офицеры сделали из слов Мадлен соответствующий вывод[48]. Обычная российская паранойя.

Как Сизиф, пытавшийся катить камень в гору, мы продолжали в 2008 году переговоры с русскими по противоракетной обороне. Россия считала, что письменный вариант наших с Конди предложений на даче Путина «искажает» суть предложенного. Однако единственное изменение, которое мы внесли в письменный вариант, заключалось в формулировке, что присутствие российских офицеров на базах в Польше и Чехии, конечно, потребует согласия правительств этих стран. Тем не менее я сказал Иванову на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале, что мы хотим добиться прогресса в вопросах противоракетной обороны и контроля стратегических вооружений, прежде чем президент Буш покинет свой пост. Если принципиальное соглашение по этим вопросам будет достигнуто, прибавил я, мы с Конди готовы хоть на следующий день приехать в Москву для новой встречи в формате «двое на двое». Президенты двух стран также обменялись мнениями, и 12 марта Буш направил Путину письмо с изложением возможностей по сотрудничеству до окончания срока его полномочий. У нас в руках был козырь: Путин очень хотел, чтобы Буш, после саммита НАТО в Бухаресте в начале апреля, посетил Сочи, место

проведения будущей Олимпиады. Буш не торопился брать на себя какие-либо обязательства, дожидаясь визита в Бухарест, чтобы оценить, что скажет и сделает Путин.

Мы с Конди вновь прилетели в Москву 17 марта и в тот же день встретились с новым президентом России Дмитрием Медведевым, а затем отдельно с Путиным. Атмосфера во время этого визита была еще лучше, чем в октябре. Русские были заинтересованы в продолжении сотрудничества, пусть президентство Буша заканчивалось, а Медведев стал новым главой Российского государства. Но я заранее предупредил своих сотрудников, что, как мне кажется, шансы на успех для рамочного соглашения по стратегическим вооружениям – один против ста, а нежелание России допустить вступление в НАТО Грузии и Украины, равно как и признать независимость Косово, – слишком серьезные препятствия, чтобы их можно было легко преодолеть.

Я был поражен малым ростом Медведева: он примерно с меня – где-то сто шестьдесят сантиметров, но, вероятно, фунтов на тридцать легче. Он держался уверенно, был хорошо осведомлен и производил впечатление, но я не сомневался, что Путин незримо стоит за его спиной.

Мы встретились с Путиным в Кремле, в красивой овальной комнате с высоким потолками; светло-зеленые стены обильно украшала лепнина, покрытая сусальным золотом. Первоначально мы рассчитывали на час, но в итоге встреча растянулась на два. Путин сказал, что тщательно проанализировал письмо президента, и есть много вопросов для обсуждения. В ходе встречи Конди передала Путину проект декларации о стратегических вооружениях, где рассматривалось около двадцати вариантов сотрудничества в четырех областях: повышение безопасности (в том числе ограничение стратегических вооружений и противоракетная оборона), предотвращение распространения оружия массового уничтожения, борьба с глобальным терроризмом и укрепление экономического сотрудничества. Нам удалось согласовать несколько пунктов касательно противоракетной обороны, прояснить спорные моменты, возникшие после октябрьских переговоров, в том числе российское присутствие на объектах в Польше и Чехии, а также обсудить дальнейшие шаги по ограничениям в развертывании и потенциальном использовании стратегических ядерных сил. По поводу последнего вопроса я подчеркнул, что мы готовы подписать соответствующий договор, но он должен быть коротким и предусматривать необходимость адаптации условий к меняющимся обстоятельствам. Я добавил, что участвовал в подготовке первого договора по стратегическим

вооружениям в 1972 году и хорошо помню это соглашение объемом с телефонную книгу. Путин прокомментировал: «А вы и вправду немолоды». Я улыбнулся и утвердительно кивнул.

На следующий день мы встретились с нашими российскими коллегами, министром иностранных дел Лавровым и министром обороны Сердюковым. Говорил преимущественно Лавров, и должен признать – хорошо, что договариваться с ним выпало Конди. Моя склонность к прямоте и крайне слабые дипломатические навыки вполне могли бы привести к провалу. Снова и снова мы обсуждали щекотливые моменты размещения системы ПРО и наши предложения по углублению сотрудничества. Лавров, наконец перейдя к делу, заметил: «Мы принимаем как данность, что вы будете строить третью базу [в Польше и Чехии; первая находилась в Калифорнии, вторая – на Аляске], но хотим окончательно убедиться, что ваши ракеты не будут повернуты против России». Через несколько минут он откровенно описал сомнения русских: «Я бы не назвал позитивным то обстоятельство, что мы не в состоянии помешать вам построить третью базу, даже при том что рассматриваем ее как дестабилизирующий фактор. Наша позиция прагматична, но позитива не ждите».

На совместной пресс-конференции после встречи обе стороны пытались соблюсти приличия, характеризовали переговоры как «плодотворные и позитивные». По правде говоря, реального прогресса удалось добиться всего в двух пунктах: первым была рамочная декларация, которую русским отчаянно хотелось подписать в Сочи после саммита НАТО, и дополнительное соглашение по ограничению стратегических наступательных вооружений. Приглашение Грузии и Украины в НАТО Лавров оценил просто: «Оно уничтожит двусторонние отношения между нашими странами». Независимость Косово, по его словам, «является нарушением международного права». Президент Буш все-таки поехал в Сочи и подписал рамочную декларацию, но всем было ясно, что ничего иного администрация Буша от России не получит.

Я был убежден, что русские никогда не примут противоракетную оборону в Европе, поскольку воспринимают ее исключительно в качестве потенциальной угрозы для себя. Вдобавок я совершенно не ожидал политической оппозиции ПРО в Польше и Чехии. Еще в январе 2008 года новое польское правоцентристское правительство во главе с премьер-министром Дональдом Туском ясно дало понять, что Польша не примет у себя перехватчики, если Соединенные Штаты откажутся предоставить дополнительно ракеты меньшей дальности для

обороны Польши и не докажут свою готовность прийти на помощь не только в случаях, предусмотренных уставом НАТО. В июне 2008 года министр обороны Польши Богдан Клих сообщил мне, подытоживая переговорный процесс, что «президенту Бушу важно объявить о политической и военной поддержке Польши, аналогично тому как Соединенные Штаты поступили в отношении Иордании и Пакистана». Чехи, со своей стороны, выставляли колоссальные ценники на строительство РЛС, а также требовали, чтобы американские компании и граждане, занятые в этом проекте, платили налоги в чешскую казну. Словом, наши предполагаемые партнеры по ПРО в Европе усиленно выкручивали нам руки.

Грузия

Когда распадался Советский Союз и Грузия (древняя страна на Кавказе, аннексированная Россией в начале девятнадцатого века[49]) объявила о своей независимости, две пророссийских грузинских провинции, Южная Осетия и Абхазия, также потребовали самостоятельности. Кровавый конфликт не утихал до 1994 года, пока Россия наконец не смогла договориться о прекращении огня и введении российских миротворческих сил в обе провинции. Хрупкий мир продлился до января 2004 года, когда агрессивный и импульсивный грузинский националист, Михаил Саакашвили, был избран президентом Грузии. Летом 2004 года Саакашвили направил части грузинского МВД в Южную Осетию под предлогом борьбы с «бандитизмом», фактически – чтобы восстановить власть Грузии в регионе. Грузин заставили с позором уйти, а сама попытка нарушить сложившийся статус-кво привела русских в ярость. Когда летом 2006 года Саакашвили направил войска в третью стремящуюся к независимости грузинскую провинцию[50], он дал понять, что готов сражаться против сепаратистов в двух пророссийских регионах. Ненависть русских к Саакашвили стала еще сильнее, когда в 2007 году он приехал на границу Абхазии и пообещал местным лоялистам, что они окажутся «дома» в течение года.

На руку России в этом отношении сыграла декларация независимости Косово (этот край являлся частью Югославии и имел давние исторические связи с Сербией) в феврале 2008 года, поддержанная Соединенными Штатами и европейцами, но вызвавшая резко негативную реакцию просербски настроенной России. Русские воспользовались ситуацией в качестве предлога, усилив давление на Грузию. Если Запад одобряет независимость

Косово, значит, те же стандарты нужно применить и к Абхазии с Южной Осетией. Путин в апреле заявил, что Россия, вполне возможно, признает независимость двух провинций. 21 апреля Саакашвили позвонил Путину, потребовал отказаться от курса на признание и процитировал слова западных лидеров, согласных с его мнением. Путин в своем ответе воспользовался богатством русской разговорной лексики, чтобы объяснить Саакашвили, куда он может отправиться вместе со своими цитатами. Вскоре после этого Грузия провела мобилизацию, а Россия направила 400 десантников и батарею гаубиц на развертывание вблизи линии прекращения огня. Акты насилия в обеих провинциях в течение лета существенно участились. 7 августа Грузия начала массированный артиллерийский обстрел столицы Южной Осетии, города Цхинвали, и грузинские войска вступили на осетинскую территорию.

На следующий день русские части вошли в Южную Осетию, разгромили грузин и двинулись в глубь грузинской территории, выполняя карательную миссию, целью которой являлось уничтожение грузинской военной инфраструктуры. Они нападали на военные объекты, в особенности на те, которые были сертифицированы НАТО, топили патрульные катера береговой охраны, взрывали военную технику, прерывали коммуникации и сожгли ряд сел. Заместитель начальника российского Генерального штаба заявил, что русские действуют, желая ослабить армию Грузии, но совершенно очевидно, что это сообщение было также адресовано другим государствам Центральной Азии (и Украине): вот чем вы рискуете, стремясь в НАТО.

Русские расставили западню, и порывистый Саакашвили угодил в нее с разбега. Россия – и Путин в частности – хотела восстановить традиционную сферу российского влияния, в том числе на Кавказе. Один репортер спросил меня, «по-прежнему» ли я доверяю Владимиру Путину? Я ответил: «По-прежнему – интересное слово. Я никогда не считал, что политика в сфере национальной безопасности должна строиться на доверии. Думаю, такая политика основывается на жизненных интересах и текущих реалиях». После встречи с Путиным в 2001 году президент Буш сказал, что заглянул Путину в глаза и «увидел его душу». Некоторым своим коллегам в частном порядке я говорил, что тоже смотрел в глаза Путину и, как и ожидал, увидел хладнокровного убийцу.

Сразу с началом вторжения президент Буш, Конди, Стив Хэдли, адмирал Маллен и я сели на телефон; мы вели переговоры с нашими коллегами в России и Грузии, призывали русских

остановиться и отвести войска к линии прекращения огня, а грузин просили не совершать больше никаких глупостей или провокаций. Когда я говорил с Сердюковым 8 августа, то сказал, что мы встревожены эскалацией боевых действий, и настоятельно рекомендовал «остановить продвижение ваших сил и прекратить ракетные и воздушные удары по территории Грузии». Я спросил в лоб, намерена ли Россия оккупировать Грузию целиком. Он ответил, что таких намерений нет. Со своим грузинским коллегой я тоже обошелся без дипломатических уверток. Я сказал ему: «Грузия не должна ввязываться в конфликт с Россией, вы не победите». Грузинским войскам следует прекратить боевые действия и отойти на подготовленные позиции. Прежде всего необходимо было избежать прямого боевого контакта между грузинскими и российскими войсками. Я заверил грузинского министра, что мы потребовали от русских не вводить дополнительные силы и уважать территориальную целостность Грузии. Эти переговоры растянулись на несколько дней.

Грузины попросили немедленно отпустить из Ирака тех 1800 человек, которых Грузия направила в Багдад в рамках миротворческой операции. Задолго до конфликта мы договорились, что Грузия сможет вернуть свои подразделения домой когда захочет – мы не станем возражать. В то же время мы сильно тревожились по поводу того, что русские решат помешать переброске этого контингента и последующей гуманитарной помощи в Грузию. Военное противостояние с русскими было последним, чего нам хотелось, а если бы они сбили один из наших транспортных бортов, такое развитие событий виделось весьма вероятным. Соответственно, адмирал Маллен поддерживал тесный контакт со своим российским визави, первым замминистра обороны генералом Николаем Макаровым, а наше посольство в Грузии было на прямой линии с русскими и предоставляло им точную информацию о том, когда очередной американский самолет войдет в воздушное пространство Грузии, дабы убедиться, что этим самолетам позволят беспрепятственно сесть. Мы заверили, что вовсе не снабжаем грузин дополнительной военной техникой и персоналом, который будет воевать против русских. Переброска грузинских войск началась 10 августа и была завершена на следующий день, а 13 августа я объявил, что мы начинаем посылать гуманитарную помощь. Никакого вмешательства со стороны русских не было.

Президент Франции Николя Саркози договорился о прекращении огня, которое должно было вступить в силу 12 августа, и президент Медведев заявил в тот день, что русские соблюдают перемирие. Но это было не так. 17 августа Россия

обязалась начать вывод войск на следующий день. В тот момент российские войска находились в сорока милях к западу от Тбилиси, столицы Грузии, и заняли обширную часть страны. Вывод войск закончился только к середине октября. Между тем в сентябре Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Ее поддержали только Никарагуа и палестинская террористическая группировка ХАМАС. Райс впоследствии журила Лаврова за этот «триумф» российской дипломатии.

Среди членов нашего правительства и в других администрациях было популярным мнение, что именно агрессивность и импульсивность Саакашвили позволили России наказать Грузию. Однако решительность и мощь российского наступления, а также проведенных кибератак, заставили многих широко раскрыть глаза. Я сказал на пресс-конференции 14 августа, что «действия России на прошлой неделе поставили под сомнение все предпосылки [нашего стратегического] диалога и будут иметь далеко идущие последствия для взаимоотношений в будущем – это касается и двусторонних отношений, и контактов с НАТО». Еще я прибавил: «Думаю, сегодня все народы Европы смотрят на Россию иначе, нежели до сих пор». При этом, перечисляя проблемы, с которыми мы столкнулись применительно к России и Грузии, я сухо заметил: «Обе стороны не были с нами достаточно откровенными».

Президент Буш и все старшие советники понимали, что, прими мы серьезные односторонние политические и экономические меры против России, это сулило немалый риск, и уже Соединенные Штаты, а не русские, могли оказаться в изоляции по итогам вторжения. Заявление Европейского союза с осуждением военных действий было предсказуемо осторожным. И потому, хотя большинству из нас хотелось суровых мер против России, мы, что называется, умерили пыл и согласились действовать заодно с нашими союзниками по НАТО. (Это напомнило мне о моем первом правительственном кризисе: в первую же неделю моей работы в ЦРУ в августе 1968 года Советы вторглись в Чехословакию. Европейцы ужаснулись жестокому вторжению, но для них все вернулось на круги своя и они возобновили отношения с Советами буквально через три или четыре месяца.)

Администрация Буша не имела ни времени, ни энергии, ни терпения, чтобы выстраивать отношения с Россией в нужном ключе. До истечения срока полномочий президента Буша оставалось менее пяти месяцев, и по большому счету было уже все равно. Впрочем, российское вторжение в Грузию обернулось и приятной стороной: шесть дней спустя поляки подписали с нами

договор о размещении в своей стране десяти ракет-перехватчиков.

Сирия

Сирия представляла собой проблему для Соединенных Штатов последние два десятилетия «холодной войны». Режим, контролируемый семьей Асад, несколько раз воевал с Израилем, организовал вторжение в Иорданию, заключил союз с Ираном и поддерживал целый ряд террористических групп на Ближнем Востоке. Весной 2007 года израильтяне предоставили нам убедительные доказательства того, что Северная Корея тайно построила в Сирии ядерный реактор. Мнения среди членов президентской администрации разделились; нас вдобавок сдерживало то обстоятельство, что эту шокирующую информацию мы получили от израильтян, следовательно, они были вправе настаивать – если не требовать – совершенно конкретной реакции в сроки, удобные для них самих. Существование реактора и роль Северной Кореи в его создании – все сведения мы получали исключительно от израильской разведки. В последующие месяцы мы долго обсуждали, стоит ли предпринимать военные действия и насколько тесно нужно работать с израильтянами; эти дискуссии имели непосредственное отношение к Сирии, но также они во многом предвосхитили дебаты по иранской ядерной программе в 2008 году и позже.

Контакты между северокорейскими ядерщиками и высокопоставленными сирийскими чиновниками, как можно предположить, начались еще в 1997 году. В 2005 году мы обнаружили крупную строительную площадку на востоке Сирии, но назначение этого комплекса стало понятным только после изучения фотографий, сделанных «изнутри» сооружения и предоставленных израильтянами в 2007 году. Конструкция сильно напоминала северокорейский реактор в Йонбене, и наши аналитики пришли к выводу, что этот реактор способен производить плутоний для ядерного оружия.

Сирия в течение многих лет оставалась высокоприоритетной разведывательной целью для Соединенных Штатов, как и любое другое государство, причастное к разработке и распространению оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного. Раннее обнаружение строительства крупного ядерного реактора в такой стране, как Сирия, – это был, очевидно, громкий успех разведки США. Правда, к тому времени, когда израильтяне сообщили нам подтвержденные данные о назначении комплекса, строительство

уже вступило фактически в завершающую стадию. И вот это абсолютно точно был провал американской разведки. Я спросил президента: «Как мы можем вообще доверять каким-либо оценкам северокорейских, иранских или иных ядерных программ, при таком-то конфузе?» Ни президент, ни конгресс, что удивительно, не стали поднимать шум. Хотя, принимая во внимание возможные последствия, они просто обязаны были это сделать.

Команда национальной безопасности президента Буша продолжала обсуждать, какие шаги необходимы, а я попросил генерал-лейтенанта Мартина Демпси, главу Центрального командования, предложить военные варианты решения этой проблемы и списки целей для каждого варианта. Доклад Демпси я 15 мая переслал советнику по национальной безопасности Стиву Хэдли, чтобы он показал выкладки президенту. В докладе, помимо вариантов военного вмешательства, излагались соображения, каким образом можно лишить сирийской поддержки движение «Хезболла» в Ливане, в частности – как не позволить «Хезболле» свергнуть слабое ливанское правительство в отместку за наш военный удар по Сирии. Тактика успешного сдерживания «Хезболлы» подразумевала использование американских сухопутных сил, на что президент, разумеется, не согласится. Я сказал Хэдли, что есть и другие соображения, которые нужно учитывать, – например, то впечатление, какое произведет на Ближний Восток в целом военный удар по Сирии: в конце концов, мы уже ведем две войны в этом регионе и в сравнительной близости от него. А еще нельзя забывать о вероятности того, что шейхи Саудовской Аравии и правители Иордании могут публично отказать нам в поддержке. Да и в самой Сирии сегодня находится около 7000 американцев.

Несколько недель Чейни, Райс, Хэдли и я постоянно перебирали варианты наших действий в Сирии. Чейни считал, что мы должны атаковать реактор, и чем скорее, тем лучше. Он был уверен, что тем самым мы не только не допустим присоединения Сирии к «ядерному клубу», но и наглядно продемонстрируем Ирану, к чему могут привести чрезмерные амбиции. Заодно, по словам Чейни, мы могли бы уничтожить склады с оружием «Хезболлы» на территории Сирии, изрядно ослабив эту группировку (чего неустанно добивался Израиль). Нанеся тщательно просчитанный удар, мы, возможно, достаточно напугаем Асада, и он прекратит наконец тесно сотрудничать с Ираном, что позволит нам окончательно изолировать иранцев. Чейни часто повторял, что любые наши действия (или бездействие) наверняка скажутся на наших отношениях с израильтянами и на собственных шагах последних. Как всегда,

Дик излагал свои взгляды весьма продуманно и с опорой на аналитику. К нам четверым нередко присоединялись Майк Маллен, директор Национальной разведки Майк Макконнелл и директор ЦРУ Майк Хэйден; обычно мы усаживались за стол в кабинете Хэдли в Белом доме и за обедом или за чипсами с сальсой прикидывали, какой вариант действий лучше подойдет президенту. Чейни понимал, что из нас четверых он единственный полагает военный удар наилучшим способом решения проблемы. Но, вполне может быть, надеялся убедить президента в своей правоте.

Первое многочасовое рабочее совещание с участием президента состоялось вечером 17 июня. Присутствовали Чейни, Райс, Хэдли и я, а также Маллен, глава администрации Белого дома Джош Болтен и несколько сотрудников СНБ. Моя позиция, которой я неизменно придерживался и в последующие четыре года, была такова: мы уже ведем сразу две войны в мусульманских странах, наша армия не готова к подобным нагрузкам, многие страны в мире и без того считают, что мы слишком охотно прибегаем к военной силе, и последнее, что нужно Америке, – это нападение на еще одну арабскую страну. На мой взгляд, мы располагаем и временем, и ресурсами, чтобы обойтись без немедленного военного удара. Поглядывая в свои заметки, я перечислил факты:

«Если не считать прямых доказательств враждебных действий против американцев (Ливия – 1986 г.; Панама – 1989 г.; Афганистан – 2001 г.), в нашей истории нет ни единого прецедента внезапного нападения США на другое суверенное государство. Никаких «перл-харборов» мы не устраиваем. Напоминаю, что президент Рейган осудил авианалет Израиля на иракский реактор «Осирак»[51] в 1981 году.

Доверие к США в отношении оружия массового уничтожения подорвано, причем как дома, так и за рубежом, вследствие всем известной пропагандистской кампании относительно наличия такого оружия у Ирака – и неудачных его поисков.

Израилю доверяют не больше, чем Америке, особенно на Ближнем Востоке и в Европе, да и в американском обществе отношение к нему тоже противоречивое. Военные действия на основании информации, предоставленной третьей стороной, выглядят чрезвычайно рискованными. Интересы США и Израиля далеко не всегда совпадают.

Любые действия Израиля будут рассматриваться как провокационные, направленные на восстановление авторитета и могущества израильтян после их вялого конфликта с «Хезболлой» [в 2006 году] и на укрепление власти слабого израильского

правительства. При этом любой шаг Израиля может развязать новую войну с Сирией.

Упреждающий удар, если США соберутся его нанести, вызовет бурю негодования на Ближнем Востоке и в Европе, а попытки доказать обоснованность нашей операции против Сирии и Северной Кореи на основе имеющейся в нашем распоряжении в данный момент разведывательной информации будут заведомо неудачными – в лучшем случае их воспримут с глубоким скептицизмом. Военные действия США будут трактовать как очередной пример «импульсивности» администрации, и они могут поставить под угрозу наши усилия в Ираке, в Афганистане, даже переговоры по размещению ПРО в Европе. Более того, подобные действия будут рассматриваться как попытка отвлечь внимание от провала в Ираке».

Я сказал собравшимся, что согласен: нельзя допустить, чтобы строящийся реактор начал работу, – однако не следует использовать его в качестве предлога, дабы одновременно решить все проблемы с Сирией: успокоить Израиль и «попутно» выполнить другие тактические задачи, как предлагает Чейни. Мы должны сосредоточиться на самом реакторе. Мне представляется, что предпочтительный подход – начать с дипломатии и зарезервировать военный удар в качестве последнего аргумента. Мы должны разоблачить тайный сговор сирийцев и Северной Кореи, объявить, что они нарушают резолюции Совета Безопасности ООН, Договор о нераспространении ядерного оружия и многие другие международные соглашения. В Организации Объединенных Наций мы должны потребовать немедленного замораживания строительства и допуск на объект инспекторов, представляющих пять постоянных членов Совета Безопасности (США, Великобритания, Франция, Россия, Китай). Говорить надо прямо – Соединенные Штаты не позволят запустить этот реактор, но следует обратиться к Совету Безопасности и Международной комиссии по атомной энергии с просьбой начать переговоры по уничтожению реактора или хотя бы полного прекращения работ на объекте. Да, конечно, президент Сирии Башар Хафез аль-Асад наверняка воспротивится, но у него всего два варианта: либо признать нарушение всех международных договоров, либо доказать, что этот объект предназначен совсем для других целей. Если он выберет второе, мы добьемся своего дипломатическими методами; если же, как мы полагаем, он не в состоянии представить убедительные доказательства, мы с полным основанием привлечем к решению проблемы остальные государства – пусть помогают образумить сирийцев и способствуют нераспространению ядерного оружия не

на словах, а на деле. Как я позже сказал президенту, возможность отсрочить введение реактора в работу благодаря уничтожению насосной станции (без водоснабжения реактор не может функционировать) или удару по самому реактору останется доступной для нас на всем протяжении дипломатического процесса. Завершил свое выступление я так: «Полагаю, никто на белом свете не сомневается в готовности этой администрации применить силу, но лучше использовать ее в качестве последнего аргумента, а не первого шага». На следующий день, после видеоконференции с Петрэусом и нашим послом в Ираке Райаном Крокером, президент отвел меня в сторонку и поблагодарил за мои комментарии накануне вечером. Он знал, что мы с Хэдли и Райс обсуждали «вариант Тодзио» – имеется в виду японский премьер-министр, отдавший приказ о внезапном нападении на Перл-Харбор; Буш просто сказал: «Я не собираюсь этого делать».

Во второй половине июня ситуация обострилась: израильтяне наседали, призывая нас действовать или хотя бы оказать им помощь. Президент был настроен произраильски – как и Чейни – и открыто восхищался премьер-министром Израиля Эхудом Ольмертом; я даже всерьез забеспокоился, как бы Буш не решил предоставить израильтянам свободу действий и не отказался от всех преимуществ последовательного подхода, тем самым взваливая на США бремя последствий нападения. Высшие руководители администрации снова сформулировали свои позиции на встрече с президентом 20 июня. Чейни заявил, что мы должны немедленно разбомбить реактор. Мы с Райс ратовали за последовательный подход: сначала дипломатия, а уже потом, если понадобится, – военные действия. Генерал Пэйс поддержал нас, сказав, что «так у нас два шанса победить вместо одного». Хэдли отметил, что если дать Асаду слишком много времени, он организует арабский мир против нас. Я же предупредил президента, что Ольмерт пытается заставить его плясать под свою дудку.

В начале июля я в частном порядке донес свои взгляды до президента. Я сказал ему, что недавно прочитал рассуждения о применении силы бывших министров обороны Каспара Уайнбергера и Дональда Рамсфелда, а также Колина Пауэлла и Тони Блэра, и все они сходятся в одном – применение силы должно быть последним доводом, к которому прибегают, когда прочие меры воздействия не увенчались успехом. Я предупредил, что превентивный удар США по сирийскому реактору приведет к «серьезной негативной реакции» дома и за рубежом, что мы рискуем потерять остаток поддержки наших усилий в Ираке и что может даже распасться антитеррористическая коалиция. В то же

время, если мы позволим израильтянам самостоятельно решать проблему, нас непременно обвинят в соучастии или припишут нам роль закулисного кукловода, а сам «преступный сговор» почти наверняка обернется войной на всем Ближнем Востоке и вызовет непредсказуемую реакцию в Ираке. Я убеждал Буша «сообщить премьер-министру Ольмерту, что мы не допустим начала работы реактора, но Израиль должен подождать, пока мы не справимся с ситуацией по-своему. Если они откажутся, то в дальнейшем останутся сами по себе. Мы им помогать не станем». Кроме того, добавил я, президенту следует сказать Ольмерту без всяких экивоков, что если Израиль предпримет военные действия в одиночку, это поставит под вопрос отношения Израиля с США в целом.

Президент переговорил с Ольмертом 13 июля, и хотя не пожелал воспользоваться моими советами по стилю беседы, однако настоятельно рекомендовал премьер-министру «пока не вмешиваться». Ольмерт ответил, что реактор представляет собой угрозу Израилю, а дипломатии особой веры нет, даже если дипломатические усилия возглавят Соединенные Штаты. В ходе разговора президент обещал не упоминать о реакторе публично без предварительного согласия Израиля.

Все члены команды национальной безопасности встретились на следующее утро, и темой обсуждения стало поведение израильтян. Я был в ярости. Я сказал, что Ольмерт просит нашей помощи с реактором, но при этом выкручивает руки: бомбите, и все, других вариантов не предусмотрено. Если мы не подчинимся его диктату, Израиль начнет действовать самостоятельно, и мы никак не сможем ему помешать. Фактически Соединенные Штаты являются заложниками израильской политики. Если состоится тайная операция, все внимание общества будет сосредоточено на том, что совершили израильтяне, а не на действиях Сирии и Северной Кореи, которые спровоцировали подобное развитие событий. Я предупредил, что, если за нападением начнется война, Соединенные Штаты обвинят в том, что мы не «приструнили» израильтян. «Наше предложение [первый, дипломатический / политический шаг] покажется образчиком политического лицемерия, все решат, что правительство США подчиняет свои стратегические интересы желаниям слабого израильского правительства, которое уже успело развязать один конфликт в регионе [против «Хезболлы» в 2006 году], и что мы не захотели перечить израильтянам».

Я всегда поддерживал Израиль и продолжаю его поддерживать. Это, если угодно, этический и исторический императив; я верю в сильное, жизнеспособное еврейское

государство с правом на самооборону. Но наши интересы не всегда совпадают, как я уже говорил, и я не готов рисковать жизненно важными американскими стратегическими интересами ради подкрепления линии «твердой руки» израильских политиков. Президент сказал, что ему понравилась «упертость» Ольмерта и что не хотелось бы принуждать премьер-министра дипломатическими инициативами или даже откровенным давлением. Райс позвонила мне поздно вечером и поделилась опасениями по поводу ситуации. Я пообещал, что попробую снова поговорить с президентом, и она сказала: «Передай ему, что это наша общая точка зрения».

Хэдли, Райс, заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов генерал Картрайт, Макконнелл, Хэйден, Болтен и я встретились в понедельник, 16 июня. Болтен поинтересовался, удалось ли «подтолкнуть» президента в нужном направлении насчет реактора и Израиля. Я эмоционально объяснил, что нет. Я сказал, что Буш ставит взаимоотношения с Израилем выше стратегических интересов США в Ираке и на Ближнем Востоке и контактов с другими нашими союзниками; надо наконец втолковать Ольмерту, что США сами разберутся с сирийской проблемой. Ольмерт должен понять, что на карту поставлены жизненно важные американские интересы, как я указывал ранее, и при необходимости проблема будет решена так или иначе, прежде чем Буш покинет свой пост. Я повторил свои слова – мол, Ольмерт выкручивает нам руки. Тем не менее было ясно, что вице-президент, Эллиот Абрамс из СНБ, мой коллега Эрик Эдельман, советник Конди Элиот Коэн и другие поддерживают израильскую позицию и готовы предоставить Израилю полную свободу действий. Думается, и президент склонялся к этой точке зрения, в основном потому, что с пониманием воспринял утверждения Ольмерта о сирийском реакторе как потенциальной угрозе Израилю (хотя вслух он такого никогда не произносил – во всяком случае, при мне). Не желая конфликтовать с Ольмертом, Буш тем самым встал на сторону Чейни. Не желая зажигать перед израильтянами красный свет, он фактически зажег зеленый.

Шестого сентября израильтяне нанесли по реактору авиационный удар и уничтожили комплекс. Они настаивали на сохранении в тайне факта существования реактора, уверяя – как оказалось, правильно, – что дефицит публичного внимания и разочарование из-за гибели реактора убедят Асада не предпринимать ответных мер военного характера. Но мы с Конди больше беспокоились о том, что Сирия и Северная Корея сумели осуществить свой дерзкий план в нарушение нескольких

резолюций Совета Безопасности ООН и международных договоров, сумели втайне обеспечить Сирию ядерным потенциалом (вполне вероятно, что этот комплекс не единственный, что имеются и другие комплексы и лаборатории) и не заплатили за это никаким политическим ущербом. Мы не смогли использовать их гамбит в свою пользу, чтобы разорвать союз Сирии с Ираном или ввести более жесткие санкции в отношении Ирана.

Всю неделю после авиаудара сирийцы не покладая рук уничтожали разрушенный комплекс, вывозили все компрометирующее оборудование и конструкции, которые могли быть опознаны как элементы ядерного реактора. Они работали преимущественно по ночам, а днем накрывали участок брезентом, чтобы замаскировать свои действия. По настоянию израильтян мы молча наблюдали за происходящим. Наконец, в апреле 2008 года, когда израильтяне сочли, что риск сирийского возмездия существенно снизился, мы обнародовали сведения о реакторе, предоставив общественности фотографии и разведывательные данные. К тому времени всякая реальная возможность добиться широкого политического осуждения сирийцев и Северной Кореи была бесповоротно утрачена. Отсутствие сколько-нибудь явной реакции Сирии на израильский налет – аналогично отсутствию реакции Ирака на бомбардировку реактора «Осирак» Израилем в 1981 году – подкрепляло мнение тех, кто был уверен, что нападение на иранские ядерные объекты вызовет разве что «ограниченный» ответ.

В Америке этот щекотливый и трудный вопрос национальной безопасности широко обсуждался, но без каких-либо заметных последствий. Президент выслушал своих старших советников и принял жесткое, но необходимое решение на основе того, что услышал, и на основе собственных воззрений. Кстати, утечек не случилось вовсе. Я был недоволен путем, на который мы встали, но сказал Хэдли, что эта ситуация – модель принятия решений по национальной безопасности. Как ни крути, серьезную проблему удалось решить, и ни одно из опасений, которые нас преследовали, не воплотилось в реальность. Трудно критиковать успех. Но мы допустили, чтобы пушки использовали прежде дипломатии, позволили провести очередную военную «профилактику». Это заставляло меня нервничать еще сильнее из-за другой, куда более масштабной проблемы для национальной безопасности.

Иран

После свержения шаха в феврале 1979 года Исламская Республика Иран стала постоянной головной болью для всех американских президентов. События в Иране стоили Джимми Картеру переизбрания в 1980 году и чуть не довели Рональда Рейгана до импичмента в 1987 году. Каждый президент, начиная с Картера, пытался тем или иным способом достучаться до тегеранского руководства и наладить межгосударственные отношения, и каждый же был вынужден отступить, так и не добившись успеха.

Я принимал участие в первой из этих попыток. В октябре 1979 года советник по национальной безопасности президента Картера Збигнев Бжезинский представлял Соединенные Штаты в Алжире на торжествах по случаю двадцать пятой годовщины алжирской революции. Я сопровождал Бжезинского в качестве специального помощника. Помню, ему сообщили, что иранская делегация – премьер-министр, министр обороны и министр иностранных дел – хотят с ним встретиться. Бжезинский получил одобрение из Вашингтона и принял иранцев в номере гостиницы. Мне поручили делать заметки. Бжезинский сказал, что США готовы признать революционный режим, готовы сотрудничать, и даже предложил продать им оружие, которое мы поставляли в Иран шаху, – ведь у нас был общий враг, Советский Союз. Иранцы отмахнулись от всех предложений и потребовали, чтобы Соединенные Штаты выдали шаха, который находился в нашей стране на лечении. Обе стороны довольно долго повторяли одни и те же доводы, но наконец Бжезинский встал и сказал иранцам, что возвращение шаха в Тегеран «несовместимо с нашим национальным достоинством». Этим переговоры и закончились. Три дня спустя наше посольство в Тегеране было захвачено, более пятидесяти американцев взяли в заложники. А через несколько недель те иранские официальные лица, с которыми мы встречались, лишились своих должностей.

Двадцать четвертого апреля 1980 года Соединенные Штаты предприняли дерзкую военную операцию по спасению заложников. Как первый помощник главы ЦРУ адмирала Стэнсфилда Тернера я был в курсе наших планов и в ту ночь вместе с адмиралом находился в Белом доме. Операция завершилась огненной катастрофой в песках пустыни на востоке Ирана; восемь американцев погибли при столкновении вертолета с транспортным самолетом С-130 на земле. Это был унизительный провал. Разве что практически сразу после этой трагедии было создано Совместное командование специальных операций[52], благодаря чему появились превосходные военные возможности – и людские ресурсы, и соответствующее

оборудование, – которые позволили прикончить Усаму бен Ладена тридцать один год спустя.

На 1980 год также приходится начало восьмилетней войны между Ираком и Ираном, которая вспыхнула в сентябре, – напали иракцы. Подход США и администрации президента Рейгана было сугубо практичным – мы не хотели, чтобы какая-либо из сторон одержала полную победу; в тот или иной момент мы предоставляли скромную тайную поддержку обеим участникам конфликта. Все пошло прахом в связи с тайной продажей иранцам противотанковых ракет: прибыль от этой торговли скрытно направлялась в Центральную Америку, на поддержку антикоммунистического движения контрас в Никарагуа. В этом и состояла суть скандала «Иран – контрас», который разразился в ноябре 1986 года, едва не похоронил администрацию Рейгана и закрыл для меня возможность стать директором ЦРУ в начале 1987 года. Словом, жизнь научила осторожности в отношениях с Ираном.

В последние два года президентства Рейгана Соединенные Штаты фактически воевали с иранцами в Персидском заливе, когда обеспечивали военно-морское прикрытие кувейтских нефтяных танкеров. Некоторые наши корабли напоролись на иранские мины; мы отвечали ударами возмездия, а потом случился трагический инцидент, когда корабль ВМС США непреднамеренно сбил иранский пассажирский самолет.

С начала 1980-х годов отношения с Ираном дополнительно отравлял тот факт, что Иран был главной опорой террористической организации «Хезболла» – предоставлял террористам деньги, разведданные, оружие, обучал бойцов и посылал полевых командиров, а также готовил террористов-смертников, которые взорвали, в частности, посольство США и казармы морских пехотинцев в Бейруте в начале 1980-х. До нападения «Аль-Каиды» на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 года «Хезболла» убила больше американцев, чем любая другая террористическая группа в истории.

В 2004 году нас с Бжезинским попросили стать сопредседателями комиссии по политике США в отношении Ирана, созданной под эгидой Совета по международным отношениям. Одна из причин, по которым после ухода с поста директора ЦРУ я переехал на Северо-Западное побережье, заключалась в желании впредь избегать участия в подобных проектах. Но тогда, из-за уважения и дружбы с Бжезинским и президентом Совета по международным отношениям Ричардом Хаасом, я согласился.

Комиссия опубликовала свой отчет в июле 2004 года, она

признала провал неоднократных попыток на протяжении предшествующих двадцати пяти лет наладить отношения с Тегераном, но пришла к выводу, что военное вмешательство США в Афганистане и Ираке, на восточных и западных границах Ирана соответственно, изменило «геополитический ландшафт» и может предложить новые стимулы для взаимовыгодного диалога. В отчете рекомендовалось предпринимать избирательные дипломатические усилия для решения таких вопросов, как иранская ядерная программа. Еще предлагалось снять американские возражения в отношении гражданской ядерной программы Ирана при условии твердых гарантий, использовать экономические контакты в качестве «рычага позитивного давления» на Иран плюс усилить пропаганду демократических ценностей, «не ограничиваясь призывами к смене режима». В целом рекомендации учитывали то обстоятельство, что пресловутое иранское упрямство наверняка будет препятствовать прогрессу в отношениях.

Когда к власти пришел президент-«реформист», ходжат-оль-ислам-оль-мослемин («аятолла») Сейид Мохаммад Хатами – один из тех, кто в 1998 году призывал к «диалогу с американским народом», – а «реформаторы» одержали убедительную победу на всеобщих выборах в 2000 году, рекомендации, изложенные в отчете комиссии, казались вполне приемлемыми, даже несмотря на продолжающуюся поддержку Ираном террористов и боевиков. Однако, учитывая события двух последующих лет, в том числе выборы нового президента, сторонника твердой руки, и поддержку Ираном шиитских экстремистов, которые убивали наших солдат в Ираке, к моему возвращению в правительство в конце 2006 года рекомендации из отчета совершенно утратили актуальность. О них настолько быстро забыли, что, когда, после представления моей кандидатуры на должность министра, кто-то спросил Стива Хэдли, известно ли администрации о моей позиции по Ирану, изложенной в таком-то отчете, Стив, как мне передавали, в полном недоумении переспросил: «В каком, говорите, отчете?»

Двадцать третьего декабря 2006 года, через пять дней после моего утверждения на посту министра обороны, Совет Безопасности ООН проголосовал за наложение на Иран экономических санкций, как бы «интернационализировав» тем самым давние действия Соединенных Штатов – американцы вводили санкции против Тегерана при администрации Клинтона и в первые годы администрации Буша. В своей речи 10 января 2007 года, объявляя об изменении стратегии в Ираке и начале «Большой волны», Буш также сказал, что отныне американские

войска будут преследовать иранских агентов на территории Ирака, «пособников мятежа»; что важнее, президент сообщил, что отправляет в Персидский залив второй авианосец и приказал развернуть в регионе батареи ПРО с ракетами «Пэтриот». На встрече в Белом доме 21 января Райс передала мне записку: «Иранцы занервничали. Надо ковать железо, пока горячо».

Беда была в том, что занервничали не только иранцы. Некоторые конгрессмены и политические обозреватели публично рассуждали, не готовимся ли мы еще к одной войне, – и опасения возрастали всякий раз, когда администрация извещала о новых «происках» и «пакостях» со стороны иранцев. На пресс-конференции 2 февраля я попытался найти правильный баланс, заявил, что второй авианосец должен усилить наше давление на иранцев в ответ на их действия по обучению террористов и поставки шиитским экстремистам, воюющим против США в Ираке (мы были уверены, что иранцы убили – либо готовили убийц – пяти американских солдат, погибших в Кербеле 20 января), а также показать нашу озабоченность непреклонным стремлением Ирана обзавестись собственным ядерным оружием. Я подчеркнул, что «мы не планируем воевать с Ираном». 15 февраля я сказал: «Уже в который раз вынужден повторить – мы не ищем предлога для войны с Ираном». Но ни мои интервью, ни слова Чейни, произнесенные несколько дней спустя – мол, «все карты по-прежнему на столе» (так и было на самом деле), – не помогли покончить со спекуляциями.

Аятолла Хомейни, верховный духовный лидер Ирана, выступил публично 8 февраля и предупредил, что Иран нанесет ответный удар в случае нападения Соединенных Штатов. Одновременно командующий военно-морскими силами корпуса стражей исламской революции объявил о проведенных испытательных стрельбах: иранцы испытали противокорабельную ракету, «способную поразить большой военный корабль». Пытаясь скрасить последствия этого заявления, я сообщил прессе после встречи министров обороны НАТО в Севилье, что мы наблюдали за испытанием, и «за исключением пуска ракеты, это был обычный день в Персидском заливе».

Примерно в это же время администрация начала публиковать доказательства того, что иранцы поставляют элементы СВУ иракским террористам, убивающим наших солдат. Мы не могли доказать, что к поставкам причастны высокопоставленные иранские чиновники, но лично я полагаю их осведомленность об этом несомненной; я требовал от наших командиров большей агрессивности – выявляйте иранских агентов в Ираке, преследуйте их и убивайте. Напряженность в отношениях с

Ираном стала еще ощутимее в марте 2008 года, когда ВМС корпуса стражей исламской революции захватили пятнадцать британских моряков и морских пехотинцев, которых обвинили в незаконном проникновении в иранские территориальные воды. (Я тут же распорядился, чтобы моряки США и морские пехотинцы не патрулировали в Заливе и не высаживались на другие корабли без прикрытия боевых вертолетов или корабля в пределах огневого поражения. Я не собирался рисковать жизнями наших моряков и морпехов, случись им попасть в руки иранцев.) Четыре дня спустя Соединенные Штаты начали военно-морские учения в Персидском заливе, с участием двух авианосцев и десятка других военных кораблей, – впервые с 2003 года сразу два авианосца провели совместную тренировку в Персидском заливе.

Эти действия породили новую волну спекуляций о том, что президент Буш готовится к вторжению в Иран. Журнал «Экономист» предположил, что Буш «не хочет покидать свой пост, оставив иранский вопрос преемнику». В редакционной статье журнал объяснял, почему Буш должен действовать сейчас:

«Прежде всего это очевидное стремление Ирана создать собственное ядерное оружие и страх того, что приближается точка, когда иранскую ядерную программу будет уже невозможно остановить. Во-вторых, это приход к власти Махмуда Ахмадинежада, президента-популиста, который отрицает холокост и открыто призывает к уничтожению Израиля; его апокалиптические выступления убедили многих людей в Израиле и Америке, что в мир пришел новый Гитлер, намеревающийся организовать геноцид. В-третьих, это недавно вошедшее в моду в администрации Буша стремление обвинять Иран во многих проблемах Америки, не только в Ираке, но и по всему Ближнему Востоку… Учитывая чрезмерное желание [Буша] обвинить Иран в блокировании благородных усилий Америки на Ближнем Востоке, президент может поддаться искушению нанести превентивный удар по иранской ядерной программе; это будет достойный способ завершить не самое удачное президентство».

Честно говоря, я разделял ряд опасений журнала. Все недели, месяцы и годы на посту министра обороны я стремился не допускать новых войн, пока мы не завершили свою миссию в Ираке и Афганистане. Помните старую шутку: «Когда угодил в яму, перво-наперво перестань копать»? В Ираке и Афганистане, по моему мнению, Соединенные Штаты как раз очутились в довольно глубокой яме. Если бы возникла реальная и серьезная военная угроза американским жизненным интересам, я бы первым настаивал на адекватном военном же ответе. При отсутствии такой угрозы я не видел необходимости затевать

новую войну. В ящике моего письменного стола я держал выписку с цитатой из книги Уинстона Черчилля, которая призвана была не давать мне забывать о житейских реалиях; в 1942 году Черчилль сказал: «Никогда, никогда не думайте, что война будет простой и легкой или что любой, кто отправляется в плавание к неведомым берегам, сможет совладать со всеми приливами и ураганами на своем пути. Государственный деятель, который поддается приступу военной лихорадки, должен понимать – едва прозвучал сигнал, он больше не хозяин положения, а раб непредвиденных и неконтролируемых событий».

Поэтому я выступал против военных действий в качестве основного или предпочтительного варианта решения вопроса с сирийским ядерным реактором, в ситуации с ядерной программой Ирана и позже – с противостоянием в Ливии. Я был убежден, что американцы устали от войны, и знал не понаслышке, насколько утомлены и изнурены наши войска. В администрации Буша, правда, были и те – их возглавлял Чейни, – кто открыто говорил о силовых решениях, в том числе применительно к Ирану, до завершения президентского срока. Мне передавали, что по Государственному департаменту бродят слухи: если израильтяне ударят по Ирану (а это всегда возможно), дело обойдется скорее всего региональным конфликтом, и поэтому мы должны «сделать это» сами. Буш, к счастью, был против таких действий. Но я испытывал определенные сомнения на его счет и потому последовательно выступал против любых попыток втянуть нас в новый конфликт.

За время моей работы в администрации Буша мне часто приходилось беспокоиться относительно влияния израильтян и саудовцев на Белый дом, в особенности по поводу влияния премьер-министра Ольмерта и короля Абдаллы, которых объединяло желание «позаботиться» об Иране, пока Буш еще остается президентом. У Чейни были весьма близкие контакты с обоими, благодаря чему они имели прямой выход на Белый дом. Как я уже говорил, сам президент высоко ценил Ольмерта, да и с королем у него сложились теплые личные отношения. В период с апреля по август 2007 года я вел очень откровенные беседы с этими иностранными лидерами.

Восемнадцатого апреля 2007 года я приехал в Израиль. В Тель-Авиве я встретился с министром обороны и министром иностранных дел, а на следующий день поехал в Иерусалим на рандеву с Ольмертом. Мы ехали на автомобиле, и поездка, как всегда, меня очаровала, не в последнюю очередь потому, что, проносясь по иудейским холмам, можно увидеть останки военной техники, реликты войны 1948 года – напоминание об угрозе

безопасности, с которой Израиль сталкивался с первых дней своего существования. Дорога также напомнила мне, насколько мал Израиль территориально. Мы с Ольмертом встретились, можно сказать, в частном порядке (по одному помощнику с каждой стороны) в его спартанском кабинете, где и провели большую часть времени. Это была наша первая встреча, и она получилась вполне доброжелательной. Что касается Ирана, мы согласились и далее обмениваться разведданными по иранской ядерной программе и оценивать влияние санкций и других мер на ход выполнения этой программы. Ольмерт не сомневался, что ядерный Иран представляет собой принципиальную угрозу существованию Израиля (как и сирийский ядерный реактор), и сказал, что не позволит эту программу реализовать. Он признал, что пока можно ограничиться санкциями и другими способами давления на Иран, но настаивал на том, чтобы мы обязательно предусмотрели все варианты. Я согласился, но никакого обсуждения военных операций не было.

Мы долго говорили о безопасности Израиля, и я пообещал, что Соединенные Штаты гарантируют Израилю сохранение его качественного военного преимущества (КВП) над любыми потенциальными региональными противниками – мы предоставим израильтянам нашу самую передовую военную технику, в том числе тактические самолеты, вооружение и системы ПРО. Мы договорились о создании управления по контролю проблем КВП Израиля. Я попросил Ольмерта не препятствовать нашей торговле военной техникой и оружием с Саудовской Аравией. Для убеждения я использовал аргументы, к которым буду постоянно обращаться в следующие четыре с половиной года: я призвал Ольмерта мыслить стратегически – ведь Саудовская Аравия опасается угрозы со стороны Ирана куда больше, чем испытывает желание угрожать Израилю. Покидая Иерусалим, я сказал себе, что множество часов в регионе отсчитывают время до завершения иранской ядерной программы. И задача состоит в том, как замедлить иранские и израильские часы, одновременно ускорив ход часов санкций и давления.

Возможность откровенно побеседовать с королем Абдаллой представилась через три месяца. Совместные поездки госсекретаря и министра обороны бывают крайне редко, если вообще случаются, но тут все сложилось именно так и 31 июля в египетском Шарм-эль-Шейхе мы с Конди встретились с президентом Хосни Мубараком и другими официальными лицами Египта, а затем провели переговоры с нашими коллегами из Совета по сотрудничеству стран Персидского залива (политического и экономического союза, который включает

Саудовскую Аравию, Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар и ОАЭ) и с представителями Египта и Иордании. Наша совместная поездка была призвана донести несколько важных сообщений – прежде всего подчеркнуть значимость регионального сотрудничества для поддержки нового правительства Ирака и для противостояния попыткам Ирана стать главным игроком за местным столом. Мы знали, что ряд присутствующих глубоко обеспокоены начавшимся выводом американских войск из Ирака, и постарались успокоить тех, кто полагал, что мы слишком торопимся. Еще нам хотелось, чтобы наша совместная поездка продемонстрировала общий подход к повестке дня, которого придерживаются и Государственный департамент, и министерство обороны США. Дополнительную весомость нашему приезду обеспечило объявление, сделанное в Вашингтоне за день до встречи с представителями СССПЗ: администрация Буша готова предложить десятилетние пакеты военной помощи в размере 20 миллиардов долларов Саудовской Аравии, 13 миллиардов долларов Египту и 30 миллиардов долларов Израилю. Забавно, что одним из непредвиденных последствий этой необычной совместной поездки госсекретаря и министра обороны оказалось почти всеобщее убеждение – дескать, мы приехали вместе, чтобы сообщить, что США собирается атаковать Иран. Чиновники всех правительств, кроме одного – сейчас станет понятно, какого именно, – испытали невероятное облегчение, когда мы заверили, что подобных планов нет и в помине.

После переговоров в Шарм-эль-Шейхе мы с Конди на моем самолете отправились в Джидду, экономическую столицу Саудовской Аравии, на аудиенцию у короля Абдаллы. Личной встрече с королем в его дворце предшествовал роскошный банкет. Зал, где проходил банкет, по размерам превосходил добрых пять или шесть баскетбольных площадок, а посредине раскинулся просторный бассейн. Шведский стол включал, должно быть, минимум пятьдесят блюд. Больше всего меня поразил аквариум, от пола до потолка, примерно 75 футов в поперечнике и 30 футов высотой; во время банкета прямо у нас за спинами плавали бесчисленные рыбы, в том числе несколько крупных акул. Когда я спросил одного из саудовцев, как они добиваются, чтобы акулы не пожирали других рыб, он ответил, что важно строго соблюдать график кормления.

У саудитов заведено, что всякая встреча с королем начинается с общей беседы в присутствии всех членов делегации, а затем гостю или гостям положено просить о личной аудиенции. Мы с Конди тоже подчинились этому правилу и имели продолжительную персональную встречу с королем, на которой

из посторонних присутствовал только переводчик. Мало найдется дипломатических встреч, которые отложились бы в моей памяти лучше этой. Вдобавок это была единственная встреча с зарубежным лидером, в ходе которой я, министр обороны США, утратил самообладание. Король Абдалла, грузный мужчина за восемьдесят, явно имеющий серьезные проблемы со здоровьем, держался на удивление бодро, говорил четко и курил одну сигарету за другой. Он требовал полномасштабной военной операции против иранских военных целей, не желая ограничиваться ядерными объектами. Он предупредил, что если мы не нанесем удар по Ирану, саудовцам «придется действовать самостоятельно, дабы защитить свои интересы». Насколько я мог судить, он просил Соединенные Штаты направить американских мужчин и женщин на войну с Ираном, чтобы обеспечить господство Саудовской Аравии в Персидском заливе и в регионе в целом, как если бы мы были наемниками. Король просил американцев пролить кровь, но не уточнил, готовы ли сделать то же самое саудовцы. Он долго говорил о том, что отношение к Соединенным Штатам в регионе меняется, что многие правительства расценивают нашу текущую политику как проявление слабости. Чем дольше я слушал, тем сильнее злился, а потому ответил не совсем дипломатично. Я сказал, что без прямой иранской военной агрессии против сил США или против наших союзников любая попытка президента начать новую «превентивную» войну на Ближнем Востоке скорее всего приведет к импичменту; что наши руки связаны конфликтом в Ираке и что президент согласится использовать военную силу исключительно для защиты жизненно важных американских интересов. Я также прибавил, что сдержанность, которую мы проявляем и которая видится королю нашей основной слабостью, на самом деле есть показатель могущества: ведь мы способны сокрушить любого противника. Я сказал Абдалле, что ни ему, ни кому-либо другому не советую недооценивать силу и крепость Соединенных Штатов: те, кто имел неосторожность так считать – Германская империя в Первую мировую, нацистская Германия, имперская Япония и Советский Союз, – все оказались на свалке истории. Признаюсь, я изрядно завелся. И на этом встреча завершилась.

Почти четыре года спустя, на последней моей встрече с королем в качестве министра обороны, Абдалла с улыбкой припомнил нашу дискуссию в Джидде – дескать, в тот вечер я «перевернул расклад». Король пояснил, что хотел от Соединенных Штатов однозначного ответа по поводу нашей позиции в отношении Ирана, но никак не мог его получить – до того вечера. Он сказал, что моя откровенность заслуживала доверия.

Все лето и всю осень мы старались заручиться одобрением международных санкций против Ирана и убедить Китай и Россию, в частности, ограничить торговые контакты с Ираном; этим усилиям был нанесен катастрофический удар, когда 3 декабря 2007 года спецслужбы США представили совместный секретный доклад «Иран: ядерные намерения и возможности». Уже первое предложение фактически подводило черту под предпринимаемыми мерами: «Мы полагаем, с высокой степенью вероятности, что осенью 2003 года Тегеран остановил свою программу разработки ядерного оружия». Далее в докладе говорилось, что от самой идеи рано или поздно обзавестись ядерным оружием Иран не отказывается и что, пусть на середину 2007 года иранская ядерная программа не перезапущена, «мы не знаем, ведутся ли в настоящее время какие-либо изыскания в данной области». Я посчитал, что мы рискуем утечкой информации и пресса наверняка подхватит эти выводы, вырывая их из контекста, а потому рекомендовал президенту (на что он согласился) опубликовать «общедоступную» версию ключевых положений доклада. За всю свою карьеру в разведке мне не приходилось сталкиваться с документом, который нанес бы больший урон интересам безопасности США и дипломатическим усилиям. Практически во всех странах мира разведывательные службы работают на правительство, следовательно, поддерживают официальную точку зрения. Независимые суждения нашей разведки были решительно непонятны. Соответственно, большинство других стран сразу задались вопросом, какого черта затевает администрация Буша, обнародуя доклад разведки, который прямо противоречит точке зрения администрации и ее дипломатическим усилиям. Мой французский коллега, министр обороны Эрве Моран, охарактеризовал ситуацию весьма точно и красочно: он сказал, что этот доклад для нас «как волос в супе».

Шестого января 2008 года группа из пяти вооруженных иранских быстроходных катеров оказалась в опасной близости от трех военных кораблей США в Персидском заливе. Правила применения силы для наших ВМС в Заливе были предельно ясны: не предпринимать действий, которые могут быть восприняты как провокационные, однако делать все необходимое для защиты своих кораблей. Если иранцы подойдут к нашим кораблям на расстояние «очевидной угрозы», ВМС вправе открыть огонь. Капитан одного из наших кораблей уже готовился отдавать приказ о стрельбе на поражение, когда иранские катера наконец отвернули. Два дня спустя, после некоторых препирательств с Белым домом, мы выложили полное видео инцидента. В тот же

день я обсудил по телефону с президентом ряд вопросов, и Буш спросил, что бы я посоветовал, если вдруг иранский катер, начиненный взрывчаткой, потопит военный корабль США. Я дал конкретный ответ – к сожалению, подробности раскрыть не могу, поскольку этот вариант до сих пор рассматривается как возможный, – и мы договорились не упускать этот вопрос из вида.

Когда я начинаю спрашивать себя, что еще может пойти не так, обязательно происходит что-либо плохое. Через неделю или чуть позже я встретился с президентом по вопросам, касающимся старшего военного персонала и планируемых назначений. Было ясно, что Буша что-то грызет; в конце концов он спросил меня: «Что не так с этими адмиралами?» Как уже упоминалось, я знал, что он недоволен адмиралом Майком Макконнеллом, директором Национальной разведки, который дал интервью еженедельнику «Нью-йоркер» и назвал пыткой методику допроса, известную как псевдоутопление; для Буша это была щекотливая тема. Еще президент поделился сомнениями относительно председателя Объединенного комитета начальников штабов, адмирала Маллена, и главы Центрального командования, адмирала Фэллона: он не был уверен, что после избрания нового президента эти двое будут продолжать осуществлять в Ираке выработанную им стратегию. Если так может случиться, не стоит ли их заменить, пока есть время? Буш явно обиделся на несколько заявлений Фэллона о том, что Соединенные Штаты не должны воевать с Ираном, и на жалобы Маллена, что ситуация в Ираке мешает выделить достаточно ресурсов для войны в Афганистане. На следующий день президент застал меня врасплох, сообщив, что поинтересовался у Петрэуса, готов ли тот возглавить Центральное командование. Дэйв сказал, что нет, что хотел бы уехать в Европу и что у него нет ни малейшего желания кого-либо подсиживать. Вскоре после этого мне позвонил Хэдли, снова по поводу «парней из ВМС». Я спросил Стива – неужели кто-то в составе СНБ начал «охоту» на Фэллона? Он ответил: «Президент и вице-президент сильно беспокоятся». Я уточнил, не связано ли это с его публичными заявлениями в отношении Ирана. Стив сказал: «Да, в основном».

Несколько недель спустя уже Фэллон позвонил мне под вечер и предупредил, что журнал «Эсквайр» собирается в ближайшие дни опубликовать статью о нем и что, вероятно, статья вызовет «кое у кого изжогу». Оценка пресс-службы – а в Вашингтоне обычно эта оценка важнее, чем сама статья, – гласила, что из статьи следует, будто только Лис Фэллон удерживает Буша от нападения на Иран. «Изжога» и вправду началась, прежде всего потому, что эти утверждения не имели ничего общего с

действительностью. Но все понимали, впрочем, что президент перестал доверять Фэллону; таков был кумулятивный эффект ряда заявлений адмирала для прессы, из которых рисовался портрет военачальника, серьезно расходящегося с главнокомандующим во взглядах на Ирак и Иран.

Через три дня, 6 марта, Маллен и я прибыли к президенту, который спросил: «У нас что, проблема Макартура[53]? Он оспаривает решения главнокомандующего?» А мне Буш бросил: «Я знаю, как бы вы поступили, посмей он перечить вам». Я сказал Бушу, что никакой «проблемы Макартура» не наблюдаю, что Фэллон рвется извиниться перед ним. Президент ответил: «Не надо, я не хочу унижать парня, но он загоняет меня в угол». Когда Маллен сказал, что Фэллон должен добровольно подать в отставку, Буш заметил: «Но без давления, без нажима. Если он решится, должно быть ясно, что он собрался уходить сам, исключительно по собственной инициативе. Ведь он сделал столько полезного для страны». И подытожил: «Давайте возьмем паузу и еще подумаем». На следующий день президент снова заговорил со мной о Фэллоне. По его словам, он решил выждать и посмотреть, сообразит ли Фэллон «поступить правильно». Я ответил: «Думаю, рано или поздно мне придется вмешаться. Я не могу держать на службе командира, который не пользуется доверием президента». Буш возразил: «Я не говорил, что не доверяю ему», – на что я сказал: «Хорошо, принимается. Но мое доверие он потерял». Мы вновь договорились не предпринимать пока никаких действий.

По правде сказать, действия Фэллона как военачальника полностью согласовывались с политикой администрации, но вот его общение с прессой создавало иное, категорически неприемлемое впечатление. 7 марта я получил от Фэллона крайне вежливое, написанное от руки письмо с извинениями; в письме упоминалось, что он надеется сохранить свой пост. Тем не менее 11 марта адмирал Фэллон – вероятно, с подачи Маллена – направил председателю ОКНШ и мне по электронной почте просьбу об отставке с должности главы Центркома. «Нынешнее неловкое положение, общественная реакция на расхождения моих взглядов с политикой администрации, а также последствия этих расхождений для исполняемой миссии доказывают правильность моего решения», – писал он. Фэллон продержался на своем посту почти год, не хватило всего пяти дней для ровного счета. Позже в тот же день, на пресс-конференции, я воздал должное его сорокалетнему служению народу США и сказал журналистам (разве что немного преувеличив), что «адмирал Фэллон принял это трудное решение самостоятельно. Я считаю, что это

правильный поступок, даже при том что лично я не верю в существенные разногласия между ним и администрацией». Политически Фэллон сделал все верно и с большим достоинством.

Партийные лидеры конгресса в очередной раз оправдали мои ожидания, использовав отставку Фэллона как повод атаковать администрацию. Гарри Рид назвал отставку «еще одним примером того, что независимость и откровенное, непредвзятое суждение экспертов не приветствуются этой администрацией». Нэнси Пелоси заявила, что отставка Фэллона является «потерей для страны, и если она так или иначе спровоцирована администрацией из-за политических разногласий, это усугубляет нашу потерю».

Президент и конгресс ожидают от старших военачальников свободного и честного выражения своего личного и профессионального мнения. Никто не требует от них выражать это мнение через средства массовой информации. Адмирал Уильям Фэллон не последний старший офицер, при мне потерявший работу благодаря слишком вольному общению с прессой.

Администрация нуждалась в новом главе Центркома, и мы с Малленом быстро сошлись на кандидатуре Дэвида Петрэуса. Проблема с внесением непредвиденных изменений в состав высшего военного руководства заключается в том, что всегда наличествует эффект последовательности, оказывающий влияние на другие должности: например, кто должен заменить Петрэуса в Ираке? Я исходил из убеждения, что нам нельзя терять завоеванные позиции; это означало, что новым командующим должен стать человек, обладающий практическим опытом и знаниями не только плана кампании, но и основных игроков с иракской стороны. Рэй Одиерно, едва успевший расстаться с должностью командира корпуса, отвечавшего за повседневные полевые операции в Ираке, и уже представленный на пост заместителя начальника штаба сухопутных войск, казался наилучшим выбором. Обсудив ситуацию с президентом, я объявил 23 апреля, что рекомендую назначить Петрэуса главой Центркома, а Рэю – вернуться в Багдад. Для Одиерно и его семьи это была огромная жертва: возвращаться в Ирак всего через полгода после отъезда, – но он без промедления согласился. Поскольку мы хотели, чтобы Петрэус оставался в Ираке столько, сколько возможно, смену командования решили отложить до начала осени. Генерал-лейтенант Мартин Демпси прекрасно справлялся с работой в качестве исполняющего обязанности главы Центркома, и мы были уверены, что он способен требуемое

время нести бремя командования в одиночку.

В следующие два месяца, несмотря на хлопоты со сменой командования, Иран оставался главным пунктом моей повестки дня. 8 апреля 2007 года я встретился с председателем ОКНШ, Демпси и заместителем министра обороны по политическим вопросам Эриком Эдельманом, чтобы обсудить наши дальнейшие шаги. Я сказал, что, хотя большинство революций, как правило, ослабевают по прошествии времени, утрачивают радикализм и вырождаются в старомодные диктатуры, в Иране, с избранием Ахмадинежада на пост президента и с приходом во власть студентов-экстремистов, причастных к захвату нашего посольства в 1979 году, революционный пыл не думает угасать – наоборот, разгорается все жарче. Демпси доложил, что Центрком разработал стратегию «сдерживания» для Ирана, объединившую все схемы и тактики предыдущего военного планирования. Он готов представить эту стратегию на рассмотрение Объединенного комитета. Я указал, что нынешней администрации «чрезвычайно трудно принять стратегию сдерживания», которая подразумевает сосуществование Соединенных Штатов и обладающего ядерным оружием Ирана. Пару недель спустя Майк Маллен сообщил мне, что Центрком и Объединенный комитет проанализировали, среди прочих сценариев, несколько потенциальных вариантов военных действий на фоне того, что иранское правительство усиливает «свое пагубное, смертоносное влияние в Ираке». Между тем президент поручил ЦРУ и министерству обороны проработать максимум сценариев развития событий и способов воздействия, от традиционной дипломатии до применения традиционной военной силы, чтобы наконец остановить иранскую ядерную программу.

Споры внутри администрации усилились, а противоречия накалились, когда в мае Израиль обратился к США с рядом военных запросов; удовлетворить эти запросы означало существенно увеличить возможности Израиля нанести удар по иранским ядерным объектам. 10 мая на встрече с Объединенным комитетом начальников штабов в «Танке», хотя речь шла в основном об Афганистане, президент вдруг спросил, рассматривал ли кто-нибудь варианты военной акции против Ирана. Он тут же добавил, что наша цель, конечно, состоит в том, чтобы помешать Ирану получить ядерное оружие и что он «просто хочет, чтобы штаб поразмыслил над этим», а вовсе не призывает к вторжению.

Через два дня команда по национальной безопасности встретилась с президентом в его личной столовой, примыкающей к Овальному кабинету. Среди участников были Чейни, Райс,

Маллен, Болтен, Хэдли, его помощник Джим Джеффри и я. Мы обсуждали два вопроса: какой ответ дать израильтянам и как же все-таки быть с иранской ядерной программой? Во многом совещание было повторением дискуссии по поводу сирийского ядерного реактора годом ранее. Хэдли попросил меня произнести вступительное слово. Как правило, представляя президенту какой-либо заведомо важный вопрос, я заранее записывал для себя все доводы, чтобы не упустить принципиальных моментов. Учитывая, что Буш-43 дал зеленый свет Ольмерту в отношении сирийского реактора, от этого совещания я не ждал ничего хорошего.

Я посоветовал ответить израильтянам отказом на все их запросы. Если мы удовлетворим хотя бы один, это будет означать, что США поддерживают стремление Израиля «разобраться» с Ираном в одностороннем порядке: «Тогда мы мгновенно утратим способность контролировать положение дел во всем регионе». Я сказал, что иначе мы передадим защиту жизненно важных национальных интересов США в руки иностранной державы, правительство которой, когда мы просили их не нападать на Сирию, не прислушалось к нашим просьбам и поступило по-своему. Нам следует более тесно сотрудничать с Израилем, продолжал я, активно использовать технологии противоракетной обороны и другие возможности, но Ольмерт должен понять – и сообщить ему об этом нужно «в самых жестких выражениях», – что действовать в одностороннем порядке недопустимо. Соединенные Штаты не потерпят наличия у Ирана ядерного оружия, однако нам необходимо долгосрочное решение, а не просто задержка на срок от года до трех. Я прибавил, что удар, нанесенный США или Израилем, покончит с разногласиями в иранском правительстве, укрепит позиции наиболее радикальных элементов, объединит страну в ненависти к нам и продемонстрирует всем иранцам насущную потребность обладания ядерным оружием. Я предупредил, что Иран не Сирия, он будет мстить, что поставит под угрозу Ирак, Ливан, поставки нефти из Персидского залива (и вызовет взлет цен на нефть), положит конец процессу мирного урегулирования, а также сделает неизбежной войну «Хезболлы» с Израилем. Коснувшись желания уладить иранскую ядерную проблему до завершения президентских полномочий Буша (а именно таково было намерение Чейни), я заметил, что наши текущие усилия по изоляции Ирана, по существенному ослаблению его экономики и по остановке ядерной программы могут и не привести к успеху и к изменению политики Тегерана при Буше, но они, несомненно, послужат его преемнику надежным набором инструментов и

способов давления. В заключение я указал, что сформулированные самим президентом условия превентивной войны в данном случае еще не сложились, против нас, судя по недавнему докладу, даже наша собственная разведка, и в итоге в изоляции окажемся мы, а никак не Иран.

За мной выступал Чейни, и я предугадывал все его аргументы. Он мимоходом заявил, что полностью со мной не согласен. Соединенные Штаты должны предоставить Израилю все, что тот запрашивает. Мы не вправе допустить, чтобы Иран получил ядерное оружие. Если мы сами не готовы действовать, значит, нужно привлечь израильтян и развязать им руки. Через двадцать лет, утверждал Чейни, если Иран таки станет ядерной державой, люди будут говорить, что администрация Буша могла остановить его, но не сделала этого. Я перебил Дика, сказал, что двадцать лет спустя люди будут говорить: мы не только не остановили ядерную программу Ирана – нет, мы помогли ее реализовать. Я не сомневался, что и Конди не в восторге от запросов Израиля, но то, каким образом она выражала свою озабоченность, одновременно рассуждая о невозможности бросить нашего союзника на произвол судьбы, заставило нас с Малленом после совещания предположить, что Райс готова поддержать президента. Маллен в своей речи перечислил сложности, связанные с проведением успешной атаки. Хэдли отмолчался. Президент явно был разочарован, причем не столько дискуссией, сколько отсутствием четких рекомендаций относительно Ирана. Многие в этом помещении разделяли его разочарование.

В тот же день я вылетел в Колорадо-Спрингс, чтобы принять участие в торжествах по поводу пятидесятилетия НОРАД – Объединенного командования воздушно-космической обороны Северо-Американского континента. На борту самолета я все больше беспокоился: президент вполне может поддаться на уговоры Чейни и Ольмерта и согласится на вторжение или на свободу действий для израильтян, особенно если Конди не станет противиться. Я решил еще раз пообщаться с Бушем в частном порядке. Я позвонил ему и сказал:

«Мы не должны превращать наши жизненные интересы на всем Ближнем Востоке, в Персидском заливе и в Юго-Западной Азии в заложника интересов другой страны, пусть она сколь угодно близкий союзник. Прежде всего мы не должны рисковать нашими достижениями в Ираке и жизнями наших солдат ради израильской военной авантюры в Иране. Ольмерт строит собственные планы и будет следовать им независимо от наших решений… Мы окажемся в положении наблюдателей в ситуации,

которая непосредственно нас затрагивает… Большинство данных свидетельствует о том, что мы пока располагаем временем… Военный вариант, вероятно, останется возможным еще в течение нескольких лет… Применение силы со стороны Израиля или Соединенных Штатов гарантирует – я в этом уверен, благо видел эту публику в 1979-м, – что иранцы наверняка создадут ядерное оружие и примутся мстить… Внезапное нападение на Иран чревато также конфликтом в Персидском заливе и всевозможными последствиями этого конфликта, притом мы не проводили консультаций с конгрессом и не получили одобрения американского народа. Мне кажется, это очень опасно, и не только для поддержания наших усилий в Персидском заливе».

В конце концов президент отклонил израильские запросы, но одновременно одобрил критическое усиление двустороннего обмена разведывательной информацией и укрепление сотрудничества по замедлению иранской ядерной программы. В ближайшие годы мне предстояло с энтузиазмом наблюдать за резким расширением нашего военного сотрудничества с Израилем, руководить совместным военным планированием в отношении Ирана и значительно увеличить военные возможности США в Персидском заливе. Несмотря на разногласия в администрации и с Израилем относительно иранской ядерной программы, никто не сомневался, что данная программа являет собой колоссальную угрозу стабильности и безопасности всего региона.

Вряд ли можно приписать стечению обстоятельств тот факт, что через несколько недель, в середине июня, израильтяне провели военные учения, за которыми, о чем они прекрасно знали, следили многие государства. Словно репетируя удар по Ирану, сто израильских истребителей F-15 и F-16 вылетели из Израиля, совершили ряд маневров над восточной частью Средиземного моря и возле побережья Греции и вернулись на базы. Также учения предусматривали развертывание спасательных вертолетов и использование самолетов-заправщиков. Тактика полетов и другие элементы потенциального удара были продемонстрированы наглядно. Расстояние, которое покрыли истребители, составило 862 морские мили. А расстояние от израильских авиабаз до иранского комплекса по обогащению урана в Нетензе равняется 860 морским милям. Израиль четко сигнализировал всем наблюдателям, что готов к удару и может нанести его в любой момент.

Думаю, мой самый весомый аргумент (тот, с которым, пусть неохотно, согласился даже вице-президент) заключался в

следующем: израильская атака аукнется нам в Ираке, поставит под угрозу все, чего мы добились благодаря «Большой волне», и правительство Ирака, не исключено, потребует от нас немедленно вывести американские войска. Я обсуждал этот аргумент с президентом 18 июня, и Буш решительно заявил, что не позволит подвергать наши успехи в Ираке опасности. Я ответил, что именно это он должен внушить израильтянам.

Учитывая связи израильтян в администрации Буша, они быстро узнали о моей роли и моей точке зрения в политических дебатах. Министр обороны Израиля Эхуд Барак настойчиво пытался «наладить контакт» и заставить меня изменить свое мнение. Я знал Эхуда с тех пор, как возглавлял ЦРУ, а он был командующим армии обороны Израиля, то есть уже пятнадцать лет. Я уважал его и всегда приветствовал наши встречи – ну почти всегда. Наше первое «свидание» после политических дебатов по Ирану произошло 28 июля. На этом совещании и впоследствии мы разработали некоторые меры по значительному усилению безопасности Израиля, в том числе размещение в Израиле американской РЛС Х-диапазона[54] и участие США в нескольких израильских программах противоракетной обороны (главная из которых – «Железный купол», программа защиты от ракет малой дальности). Мы с Бараком и в дальнейшем поддерживали диалог и нашу дружбу и сотрудничество, пока я оставался на посту министра обороны.

Кстати, Иран косвенно причастен и к казусу с еще одним, по крайней мере старшим, офицером, который позволил себе не согласиться с президентом Бушем. В начале июля адмирал Маллен заявил журналистам, что, по сути, американские военные слишком изнурены, чтобы воевать с Ираном. Это сильно не понравилось президенту, о чем мне рассказал Хэдли. Я позвонил Маллену и посоветовал ему «остыть» в отношении Ирана. Я не стал передавать слова президента – мол, похоже, что Маллен подлизывается к следующему главнокомандующему, продолжая работать с нынешним. Просто не могу понять, откуда у старших офицеров такое пренебрежительное отношение к политике. Неужели они не понимают, какую реакцию в Белом доме вызывают их интервью прессе?

По всему свету

За два года работы в администрации Буша-43 я побывал в десятках стран. Больше дюжины раз я летал на совещания НАТО, на которых почти неизменно говорил с трибуны о трех

важнейших условиях развития: необходимость увеличения европейских инвестиций в оборону, необходимость более активного участия Европы в разрешении конфликта в Афганистане и необходимость реформирования самого НАТО, как организационно, так и с точки зрения ведения дел. На протяжении десяти или около того лет страны – участницы блока обязывались выделять на оборону по меньшей мере два процента своего валового внутреннего продукта (ранее норма составляла три процента). В 2007–2008 годах всего пять из двадцати восьми членов НАТО выполнили это требование, в том числе Греция и Хорватия, остальные потратили меньше. Учитывая экономический спад, пришедшийся именно на эти годы, призывать европейцев увеличить расходы на оборону было все равно что кричать в колодец.

Совещания НАТО были для меня мучительно скучными. По каждой теме представитель каждой из двадцати восьми стран произносил собственную речь, причем, как правило, зачитывал заранее подготовленный текст. Мой секрет мнимого бодрствования стал достоянием публики по вине французского министра обороны, который на очередном совещании весьма напыщенно описал, сколь утомительны эти встречи: он признался, что сам рисует, чтобы скоротать время, а затем упрекнул меня за то, что я решаю кроссворды.

На саммите НАТО в Бухаресте, Румыния, в апреле 2008 года президент Буш задержался за столом заседаний намного дольше большинства своих коллег – он провел на совещании минимум пять часов, но ближе к вечеру решил выкроить толику свободного времени, пока не начался торжественный ужин с фольклорной программой. Мы с Конди, сидевшие сразу за ним, тоже хотели уехать. Но кто-то должен был остаться и представлять Соединенные Штаты до самого конца вечеринки. Я предложил президенту и Конди сделку: я остаюсь в зале, пока не завершится рабочая часть совещания, зато меня не потянут на официальный ужин. Они сразу же согласились. Со временем я завел несколько хороших друзей среди коллег-министров и продолжаю высоко ценить альянс как таковой. Но терпеть эти долгие и нудные совещания было выше моих сил.

В свои первые четырнадцать месяцев в должности министра обороны я совершил три поездки в Азию. Первая, в начале июня 2007 года, была в Сингапур, на Азиатский саммит по безопасности «Шангри-Ла», получивший такое название в честь отеля, где он проводился каждый год. В своей первой «азиатской» речи я сосредоточился на призывах к Китаю объяснить миру цели активного военного строительства, а также попытался снизить

накал страстей в отношениях с Китаем, говорил о двусторонних контактах по широкому кругу вопросов. Во время этой поездки я посетил и наши войска в Афганистане. В киргизском Бишкеке – местный аэродром Манас являлся важным звеном в цепочке воздушного снабжения нашего афганского контингента и служил базой для переброски подкреплений в Афганистан – невероятно коррумпированное правительство Курманбека Бакиева рассматривало нашу заинтересованность в аэродроме как источник немалых доходов (я бы точнее назвал их подход вымогательством). Киргизы то и дело заговаривали о закрытии Манаса, чего мы никак не могли допустить, так что мне пришлось встретиться с Бакиевым и позволить ему, фигурально выражаясь, снова пошарить в наших карманах. Он сам, его чиновники и генералы выглядели и вели себя так, будто воскресли Советы, чьим вассалом когда-то была Киргизия. Бакиев перечислил список областей, где мы якобы игнорируем суверенитет Кыргызстана и интересы киргизов, «мошенническим путем» лишая их доходов. Я счел за оскорбление, что этот отъявленный жулик за своими жалобами не предложил мне даже чашки чаю. Без сомнения, это самый неприятный зарубежный лидер среди всех, с кем мне довелось общаться в бытность министром обороны, и я, скажу честно, обрадовался, когда его свергли в апреле 2010 года.

Конечным пунктом моей поездки стало американское кладбище в Нормандии, где 6 июня отмечали шестьдесят третью годовщину «Дня Д». Мы с министром обороны Франции Мораном председательствовали на памятных мероприятиях. Было прохладно, ветрено и дождливо, как и в тот исторический день в 1944 году. После церемонии я прошелся в одиночестве среди бесчисленных рядов белых крестов, скорбя по жертвам, которые они олицетворяли, и размышляя о новых надгробиях, что ставятся дома, в Америке, над останками молодых мужчин и женщин, отправленных мною в бой; эти новые жертвы для нашей страны важны ничуть не меньше солдат, павших в Нормандии. Тяжелый день.

В Китае, Южной Корее и Японии я побывал в начале ноября 2007 года, в ходе своей второй поездки в Азию. Президент Буш и председатель КНР Ху Цзиньтао договорились о развитии и укреплении сотрудничества в военной сфере, и поэтому я полетел в Пекин – впервые за последние пятнадцать лет. В самый первый раз я побывал в Китае, будучи сотрудником ЦРУ, в конце 1980 года, когда на улицах столицы еще безраздельно властвовали велосипеды. Ныне я наблюдал весьма оживленное автомобильное движение, а загрязненный пекинский воздух практически не

годился для дыхания. Китай готовился принимать Олимпийские игры, и было ясно, что им предстоит много работы, чтобы избежать необходимости облачать всех спортсменов и зрителей в противогазы. На переговорах всех уровней обсуждались те же три темы: международные и региональные проблемы безопасности (я много времени уделял в этом отношении Ирану); межгосударственные контакты двух наших стран; конкретные вопросы военного сотрудничества. Буш и Ху Цзиньтао в апреле 2006 года подписали меморандум о двусторонних обсуждениях ядерной стратегии, но мало кто сомневался, что Народно-освободительная армия КНР не в курсе этой договоренности. Тем не менее я призывал начать «стратегический диалог», который поможет лучше понять военные намерения и программы друг друга.

Моя третья поездка в Азию, в конце февраля 2008 года, стала частью кругосветного перелета, включавшего остановки в Австралии, Индонезии, Индии и Турции. Эту поездку изрядно омрачило то обстоятельство, что за неделю до отлета я поскользнулся на льду около своего дома в Вашингтоне и сломал плечевую кость в трех местах. Мне повезло: перелом был несложный, операции и гипса не потребовалось, руку просто перебинтовали и сделали перевязь. Но во время поездки рука доставила мне несколько неловких моментов. На очень милом обеде, устроенном в мою честь премьер-министром Австралии Кевином Раддом, я держался отлично, пока Радд не приступил к затяжному монологу по истории Австралии. Я дослушал до Первой мировой войны, и тут совокупный эффект болеутоляющего, смены часовых поясов и бокала вина заставил меня заснуть. Понадобились не слишком незаметные усилия моих американских коллег, чтобы меня разбудить. Кевин Радд отреагировал достойно, а вот моя команда долго потешалась и высмеивала «дипломатическую дремоту». Следующим утром, едва встав с постели, я с ужасом увидел, что вся верхняя часть моего тела – черно-сине-желтая. В поездке меня сопровождал военврач ВВС США, он позвонил паре австралийских врачей; медики были озадачены тем, что синяки появились через неделю после падения, но с типичным для «осси»[55] юмором они сообщили, что «все рассосется само собой». Остальная поездка была бессобытийной, но чрезвычайно длительной.

Большинство моих прочих заграничных командировок в президентство Буша, исключая частые посещения Ирака и Афганистана, попадали в категорию, которую бывший госсекретарь Джордж Шульц определил как «садоводство»: это были поездки, когда я «удобрял почву» и «окучивал» наших

друзей, союзников и других. Важнее всего для меня всегда было встречаться в этих поездках с нашими мужчинами и женщинами в военной форме, разбросанными по всему миру. Каждая встреча, казалось, придавала мне новые силы, обеспечивала приток столь необходимой душевной энергии и идеализма, без которых я бы ни за что не справился с делами в Вашингтоне.

Глава 6
«Хорошая война», «плохая война»

К осени 2007 года непопулярная война в Ираке – «плохая война», «война по произволу» – шла намного лучше, чем прежде. А вот война в Афганистане – «хорошая война», «война по необходимости», которая по-прежнему пользовалась ощутимой двухпартийной поддержкой в Вашингтоне, – мало-помалу вызывала все больше вопросов. Политические игры в Вашингтоне вокруг этих двух войн злили и расстраивали президента Буша. На встрече с Объединенным комитетом начальников штабов в «Танке» 10 мая 2007 года он заявил: «Многие в конгрессе не понимают военных и военные реалии. Афганистан – хорошо. Ирак – плохо. Какая чушь!»

Война за отстранение талибов от власти в Афганистане и за уничтожение «Аль-Каиды» началась – по примечательному стечению обстоятельств – менее чем через месяц после того, как 11 сентября 2001 года произошло нападение на Соединенные Штаты. Спустя всего несколько недель талибы были разгромлены, а их вожаки, наряду с лидерами «Аль-Каиды», бежали в приграничные гористые районы Пакистана. 5 декабря 2001 года Хамид Карзай волей неформальной группы афганских племенных вождей и политиков был выбран председателем «временной администрации» на полугодичный срок. В июне 2002 года великое народное собрание народа (лойя джирга) избрало Карзая временным президентом на два года, а затем, в октябре, Карзай стал полноправным президентом на пятилетний период. С самого начала Карзай обладал серьезной поддержкой Соединенных Штатов и международного сообщества, которое помогало ему и его правительству закрепиться во власти и эффективно распространить полномочия и возможности национального правительства за пределы Кабула. Когда я стал министром обороны, США имели в Афганистане около 21 000 солдат и офицеров, тогда как численность войск НАТО и наших партнеров по коалиции составляла около 18 000 человек.

В разговоре с Бушем в начале ноября 2006 года я, опираясь на материалы прессы, которые читал, сказал президенту, что войной в Афганистане, по-моему, в настоящее время фактически пренебрегают. Я прибавил, что все слишком сосредоточились на создании сильного центрального правительства в стране, у которой никогда его не было, зато чересчур мало внимания уделяют улучшению управления, безопасности и обеспечения

населения на областном и районном уровнях, а также почему-то игнорируют местных племенных вождей и советы племен. В ходе своей первой поездке в Афганистан в январе 2007 года я быстро пришел к выводу, что, как и в Ираке, мы изначально недооценили стойкость и решимость наших противников и не смогли скорректировать стратегию и распределение ресурсов, когда стало понятно, что ситуация меняется в худшую сторону. Пока мы были заняты Ираком, талибы с 2002 по 2005 год заново укрепились в западном Пакистане и на юге и востоке Афганистана. Их «штаб-квартиры» действовали в пакистанских городах, включая Пешавар и Кветту, они безбоязненно вели свою подрывную деятельность и практически не встречали противодействия со стороны правительства Пакистана; если коротко, талибы оправились от сокрушительного поражения и снова сделались серьезной боевой силой. Вдобавок они получили бесценный, пусть и непреднамеренный подарок от лоялистов: государственная власть в Афганистане за пределами Кабула – Карзая везде называли мэром Кабула – едва ли ощущалась, зато среди провинциальных афганских чиновников вовсю процветали коррупция и некомпетентность.

Первое значимое боестолкновение войск США с возрожденным «Талибаном» случилось на востоке Афганистана 28 июня 2005 года: четверо «морских котиков» попали в хорошо подготовленную засаду; отправленный им на выручку вертолет с другими «котиками» и армейским спецназом был сбит. Погибли трое из четверых «котиков» и шестнадцать американских военнослужащих на борту вертолета. Один из тех троих погибших «котиков», лейтенант ВМС Майкл Мерфи, был посмертно удостоен Почетной медали конгресса за героизм. В тот день американские потери в расчете на один бой оказались самыми тяжелыми за всю афганскую войну, и случившееся однозначно дало понять, что талибы вернулись. Весной следующего, 2006 года, «Талибан» активизировался одновременно на юге и на востоке Афганистана. Им в немалой степени помогло то обстоятельство, что примерно в те же сроки президент Пакистана Первез Мушарраф заключил сделку с приграничными племенами, пообещав не допускать пакистанские войска на племенные земли, если племена не позволят «Аль-Каиде» и талибам свободно действовать на этой территории. Разумеется, условия сделки племенные вожди выполнять не собирались, и таким образом «Талибан» обрел надежное убежище в приграничье. «Весеннее наступление» талибов характеризовалось массовыми убийствами, казнями учителей, сожжением школ, расстрелами строителей, что прокладывали дороги в сельской местности, и прочими актами

целенаправленного насилия. К талибам в их бесчинствах примыкали и другие экстремистские группы, в первую очередь те, которые возглавляли Гульбеддин Хекматияр (ранее мы поставляли ему оружие для сопротивления Советам) и Джалалуддин Хаккани[56].

К концу 2006 года американские командиры в Афганистане говорили журналистам, что количество нападений талибов возросло на 200 процентов, если сравнивать показатели на декабрь годом ранее, и что с тех пор, как сделка Мушаррафа с племенами вступила в начале сентября в силу, число терактов в приграничных районах увеличилось на 300 процентов. Военные докладывали, что число нападений террористов-смертников выросло с 27 в 2005 году до 139 в 2006 году, число взрывов на дорогах за тот же период выросло с 783 до 1677, а число прямых атак с использованием стрелкового оружия, гранат и ножей увеличилось с 1558 до 4542. Год 2006 оказался для нас в Афганистане самым кровопролитным с 2001 года. Когда я стал министром обороны, война в Афганистане, как и в Ираке, явно развивалась в нежелательном направлении.

Признавая ухудшение ситуации, президент Буш, как раз перед моим утверждением в должности, приказал увеличить численность американских войск в Афганистане с 21 000 до 31 000 человек за два года – он назвал это решение «Малой волной». Также президент распорядился вдвое увеличить финансирование восстановительных работ, направлять в страну больше военно-гражданских групп (они выезжали на «места», в провинции, где активно реализовывались проекты по восстановлению экономики Афганистана), поручил принять меры по улучшению повседневной жизни афганцев, санкционировал увеличение численности афганской армии и призвал посылать в Афганистан больше американских гражданских экспертов, чтобы они научили местных чиновников в Кабуле трудиться эффективнее (и помогли справиться с коррупцией). Еще Буш обратился к нашим союзникам, убеждая «приложить все необходимые усилия» и отбросить «национальные препоны», ограничивавшие боеспособность коалиционных подразделений.

Таков был фон моего первого визита в Афганистан в середине января 2007 года, менее чем через месяц после принесения государственной присяги. Как и в мою первую поездку в Ирак, меня сопровождал генерал Пэйс. Около полуночи мы приземлились, пересели в бронированные джипы и покатили в составе усиленного конвоя на главную базу США в Кабуле – Кэмп-Эггерс. Повсюду лежал снег, дороги заледенели, температура была градусов двадцать[57]. Меня разместили в здании,

принадлежащем «Бадру»[58]: маленькая спальня на втором этаже, тусклое освещение, кровать, кушетка, кресло, письменный стол и шторы, причем вся обстановка, похоже, доставлена сюда из старого студенческого общежития. Мои сотрудники поселились все вместе с одном номере с четырьмя двухъярусными кроватями. Мы понимали, что «роскошествуем» по сравнению с нашими войсками, и никто не жаловался.

Наутро я встретился с нашим послом, Рональдом Нейманом, затем с командующим американским контингентом генерал-лейтенантом Карлом Эйкенберри, затем с другими командирами, а в завершение – с командующим Международными силами содействия безопасности (коалиции под эгидой НАТО), британским генералом Дэвидом Ричардсом. В совокупности, если брать все встречи, я услышал следующее: повстанческое движение «Талибан» усиливается, убежища талибов в Пакистане создают серьезные проблемы, весна 2007 года будет более жестокой, чем предыдущая, необходимы подкрепления. Мне пожаловались, что страны – участницы НАТО не выполнили обещания и «недопоставили» примерно 3500 военных инструкторов, а Эйкенберри – которому предстояло отправиться домой через неделю после моего визита по причине ротации кадров, – попросил в преддверии весеннего наступления продлить афганскую командировку батальона 10-й горнострелковой дивизии (это около 1200 человек).

Я сказал Эйкенберри, что, если он и вправду видит необходимость в подкреплениях, я готов рекомендовать данную тактику президенту. В то же время, как указал Пэйс, дополнительные войска для Афганистана означают увеличение нагрузки на американскую армию, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Я подчеркнул, что хочу сохранить инициативу и не позволить талибам перегруппироваться, а Пэйс привлек наше внимание к очевидной – но оттого не менее существенной – загвоздке: с учетом «Большой волны» в Ираке, где задействованы 160 000 человек, армия и корпус морской пехоты попросту не имеют достаточных людских ресурсов для Афганистана. Я принял предложение стать министром обороны, намереваясь обеспечить наших командиров в Ираке и Афганистане всем необходимым для победы. В свой первый же визит в Афганистан я понял, что не в состоянии реализовать это намерение в обоих местах одновременно.

В тот же день мы вертолетом полетели на восток, перевалили через заснеженные горы и приземлились на передовой оперативной базе Тиллман, которая расположена на высоте приблизительно 6000 футов[59] на востоке Афганистана, всего в

нескольких милях от границы с Пакистаном, в зоне основного «коридора» проникновения талибов на афганскую территорию. Когда мы приземлились, я не мог не вспомнить, что чуть более двадцати лет назад, в качестве заместителя директора ЦРУ, был на пакистанской стороне границы, смотрел на Афганистан и вел переговоры кое с кем из тех самых людей, с которыми мы теперь сражаемся. Суровое напоминание о нашей ограниченной способности заглядывать в будущее и предвидеть непреднамеренные последствия наших действий. Именно оно заставляло меня проявлять максимум осторожности, когда речь заходила о военных операциях в новых регионах.

Нас встретил капитан Скотт Хорриган, командир базы Тиллман, организовавший для меня своего рода экскурсию. Его бойцов поддерживали примерно 100 афганских солдат – таков был гарнизон укрепленного форпоста в горах, названного в честь капрала Патрика Дэниела Тиллмана, профессионального футболиста, который был призван в армию и трагически погиб в Афганистане от «дружеского огня» в 2004 году. Пешая экскурсия по снегу, камням и грязи лишний раз вынудила меня посочувствовать нашим молодым парням, затерянным в этой глуши, вдали от всех соблазнов современного общества. Капитан Хорриган руководил дорожным строительством, договаривался с местными племенными советами, обучал афганских солдат и воевал с талибами. Его база минимум раз в неделю подвергалась ракетно-минометному обстрелу. От перечня его обязанностей и от того делового тона, каким он их описал, у меня перехватило дыхание. Мне подумалось, что ответственность, возложенная на этого молодого капитана, власть и независимость, которыми он обладал, существенно затруднят для него возвращение к повседневной гарнизонной жизни в мирное время, не говоря уже о возвращении на «гражданку». Больше, чем любой брифинг в штабе, скромная компетентность, деловитость и сноровка, мужество, которые демонстрировали сам капитан, его первый сержант и его солдаты, убедили меня, что мы непременно победим, если изыщем верную стратегию и соответствующие ресурсы.

Драматическим контрастом посещению базы стала моя первая встреча с президентом Карзаем вечером того же дня – в президентском дворце в Кабуле. Своим положением и самой жизнью Карзай был обязан американской поддержке, при этом он оставался пуштуном до глубины души – и афганским националистом. Соответственно недоверие и неприязнь к англичанам, которые неудачно пытались «умиротворить» Афганистан в девятнадцатом веке, были в его ДНК. В

последующие четыре с половиной года мы с ним встречались много раз, часто один на один, при каждом моем новом визите в Афганистан. Со временем мы стали вести друг с другом весьма откровенные разговоры. За несколько дней до моего первого визита его жена родила сына, и на следующих совещаниях я всегда спрашивал об этом мальчике, которым Карзай очень гордился. Иметь дело с Карзаем было невероятно сложно и требовало изрядного терпения, особенно если приходилось общаться с ним почти каждый день, но я быстро понял, насколько важно внимательно его слушать; увы, слишком многие американцы, в том числе все наши послы, сменившиеся в стране за мою бытность министром, делали это крайне редко. А ведь Карзай совершенно открыто высказывался о том, что его заботило. Задолго до того как такие проблемы, как жертвы среди гражданского населения, действия частных охранных подразделений, ночные рейды и использование собак в патрулировании, стали предметом малоприятных публичных споров между Карзаем и международной коалицией, президент Афганистана поднимал эти вопросы в частном порядке. Мы чересчур медленно улавливали эти сигналы и принимали меры. Карзай понимал, что коалиция ему действительно необходима, однако он остро реагировал на всякое действие, способное разгневать афганский народ, вызвать сомнения в насущной потребности присутствия иностранных войск в стране и выставить его самого в дурном свете в глазах соотечественников. «Конечно, у меня много недостатков, – сказал мне Карзай однажды, – но я знаю свой народ».

Полностью зависимый от щедрости и покровительства иностранных государств и войск, он тем не менее был «исключительно чувствителен» к любым действиям или словам, которые не выказывали должного уважения афганскому суверенитету, гражданам Афганистана или президенту страны. Особенно бурно проявлялась у него «аллергия» на критику из-за рубежа, направленную в адрес его самого или его семьи, в частности, по поводу коррупции. Он внимательно изучал иностранную прессу ревностно (или это делали его сотрудники) и как-то показал мне критическую статью о себе в газете «Айриш таймс». Помнится, я тогда подумал: да брось, какой дурак будет читать такую газету за пределами Ирландии? Но слишком часто, как при администрации Буша, так и при Обаме, американские официальные лица не желали «калибровать» критику Карзая, не желали понимать, что, когда и где следует говорить вслух, будь то публично или в частном порядке. В результате и без того непростые отношения становились куда сложнее, чем они могли

бы быть.

Из январской поездки я вернулся с твердым намерением добиться отправки подкреплений в Афганистан, а также убедить наших союзников по НАТО направить туда больше солдат и поискать возможности наладить сотрудничество с пакистанцами в вопросе охраны границ. Оптимизма, признаюсь, я почти не испытывал.

Откуда взять дополнительные подразделения американских войск? Благодаря «Большой волне» в Ираке наши сухопутные части практически «обезлюдели». Мне часто доводилось слышать от старших офицеров при обсуждении этого вопроса: «Даже окопы пустые»; они имели в виду, что подкрепления брать просто неоткуда. И все же, полагая критически важным не допустить активного наступления талибов весной 2007 года, через несколько дней после возвращения в Вашингтон я рекомендовал президенту (а он одобрил) продлить военную командировку батальона 10-й горнострелковой дивизии еще на 120 дней, как и просил Эйкенберри. Также я предложил президенту утвердить план ускоренного развертывания новых подразделений 82-й воздушно-десантной дивизии. Все вместе это давало приблизительно 3200 американских солдат, то есть численность нашего контингента в Афганистане вырастала до 25 000 человек – более многочисленная армия пока в войне не участвовала. До конца 2007 года других подкреплений не предвиделось, учитывая наши обязательства в Ираке. Запрос к НАТО о 3500 дополнительных инструкторов для афганской армии и полиции по-прежнему оставался «подвешенным».

Президент Буш не терпел обвинений в том, что война в Ираке – и операция «Большая волна» – вынуждают нас экономить силы или отвлекают от выполнения поставленных задач в Афганистане. Поэтому он постоянно злился на Майка Маллена, который имел неосторожность в интервью прессе высказаться именно в таком духе. В конце сентября президент выразил мне свое недовольство словами Маллена по поводу Ирака – мол, Ирак «отвлекает». Кроме того, Бушу категорически не понравилось утверждение Маллена, произнесенное перед конгрессом: «В Ираке мы делаем то, что должны. В Афганистане мы делаем что можем». Да, Майк просто описывал суровую реальность, со всеми ее политическими неурядицами, но подобные публичные заявления, думаю, заставили президента сомневаться – будет ли Маллен поддерживать наши усилия в Ираке и в дальнейшем, уже при новом главнокомандующем?

Как я уже упоминал, и наших союзников по НАТО требовалось убедить делать больше. На рабочем совещании НАТО

в Севилье в начале февраля 2007 года, первой встрече, в которой я участвовал в качестве министра обороны, я настойчиво попросил европейцев направить в Афганистан обещанные подразделения, инструкторов и вертолеты. Еще я прямым текстом сказал, что пора забыть обо всякого рода ограничениях на характер миссий, которые позволено проводить их частям в составе сил содействия безопасности. Я сказал, что весеннее наступление в Афганистане важно превратить в наступление альянса, а не в очередную атаку талибов. Несколько моих европейских коллег, в том числе министр обороны Германии Франц Йозеф Юнг, возражали: в Афганистане, с их точки зрения, необходим «сбалансированный и всеобъемлющий» подход, и следовательно, альянс должен ориентироваться прежде всего на экономическую помощь и восстановление инфраструктуры страны, а не на применение силы. Этот рефрен мне многократно приходилось слышать впоследствии. Впрочем, европейский подход во многом представлял собой типичный пример национально-государственного строительства (в Афганистане это труд на десятилетия), а не прагматичную тактику, единственно пригодную в разгар войны. Европейцы, особенно те, чьи подразделения были развернуты в более мирных регионах Афганистана, на севере и западе, хотели решать глобальные, долгосрочные задачи, тогда как в администрации Буша, а затем и в администрации Обамы, крепло осознание, что мы должны сузить наши цели, сосредоточиться исключительно на тех, которые могут быть достигнуты в короткий срок (ведь американский народ устал от войны и все более очевидно выражал свое нетерпение). Никто и никогда, по-моему, не упоминал ни на совещаниях, ни в прессе об этом фундаментальном расхождении во взглядах между США и нашими союзниками по НАТО, а ведь это был один из основных источников разочарования и политических трений.

Когда в 2006 году европейцы соглашались участвовать в операции в Афганистане под эгидой НАТО, они полагали, что подписываются на миссию «вооруженного миротворчества», вроде операции НАТО в Боснии, а не на полноценную войну с местными экстремистами. Европейская общественность войны не желала и не была готова к людским потерям, а потому большинство правительств Европы столкнулось с серьезной политической оппозицией своим военным обязательствам. На протяжении нескольких лет я постоянно нудил и изводил европейцев своими рекомендациями, но на самом деле меня искренне удивляла их твердая решимость продолжать эту миссию – с учетом внутриполитических проблем, особенно в тех странах, где

коалиционные правительства, что называется, висели на волоске. Самая тяжкая доля и самые большие потери выпали странам, чьи части были дислоцированы на юге и востоке Афганистана (США, Великобритания, Канада, Дания, Нидерланды, Австралия, Эстония и Румыния), но французы, немцы, итальянцы и испанцы также направили тысячи своих военнослужащих в Афганистан. Правда, заставить эти части покинуть укрепленные базовые лагеря, как выяснилось, было по-прежнему непросто. Со временем «национальные» отговорки почти исчезли, численность союзных войск постепенно выросла, и никто не отказался от участия в миссии.

Также я намеревался добиться конкретных действий от пакистанцев: было давно пора ликвидировать приграничные убежища и остановить проникновение талибов через афгано-пакистанскую границу. Пакистан чрезвычайно важен для Соединенных Штатов, как применительно к Афганистану, так и в регионе в целом, но сам я ездил туда всего дважды, поскольку быстро понял, что мой гражданский коллега-пакистанец имеет нулевое влияние в военных вопросах (фактически он был «пешкой» при начальнике штаба пакистанской армии). Мой первый – и единственный значимый – визит в Пакистан состоялся 12 февраля 2007 года, примерно через три недели после первой поездки в Афганистан. Цель визита заключалась в том, чтобы встретиться с президентом Мушаррафом, который тогда одновременно возглавлял и штаб армии, и выяснить, готов ли он активизировать военные усилия Пакистана на афганской границе, особенно в преддверии весеннего наступления талибов. Я сказал Мушаррафу, что США, НАТО, Афганистану и Пакистану нужно укреплять сотрудничество. В ответ же я услышал фразы, знакомые до оскомины. Международные средства массовой информации и некоторые иностранные лидеры представляют ситуацию так, будто все афганские проблемы связаны с «подстрекательством» Пакистана, сказал Мушарраф, но мы должны воевать с талибами там, откуда они «родом» и где в основном действуют, то есть в Афганистане. По его словам, только пакистанским спецслужбам удалось захватить ряд руководителей талибов и «Аль-Каиды», а сам Пакистан «является жертвой экспорта афганского экстремизма». После того как Мушарраф изложил свои планы пограничного контроля, организации лагерей для беженцев и военных действий в Вазиристане (на северо-западе Пакистана, на границе с Афганистаном), мы с ним вдвоем удалились в какой-то крохотный кабинет для закрытого совещания. Я перечислил ему конкретные шаги, которых мы ждем от Пакистана, назвал

возможные варианты пакистано-американского партнерства и рассказал о мерах, каковые Соединенные Штаты собираются принимать самостоятельно. В этой беседе с глазу на глаз Мушарраф признал пакистанские неудачи в контроле границы, но задал риторический вопрос: что делать одинокому пакистанскому пограничнику, когда он видит, что тридцать или сорок вооруженных талибов движутся в сторону афганской границы? Я ответил: «Позвольте пограничникам предупреждать нас, и мы устроим засаду». Он сказал: «Мне нравятся засады, мы должны устраивать их ежедневно». Вот прямо сейчас, подумал я.

Я подробно изложил наши конкретные пожелания: захват троих наиболее известных талибов и лидеров экстремистов; предоставление США расширенных полномочий против «Талибана» и «Аль-Каиды» на территории Пакистана; ликвидация самых одиозных группировок повстанцев и лагерей террористов; ликвидация «штаб-квартир» талибов в Кветте и Пешаваре; перекрытие основных маршрутов проникновения через границу; активизация сотрудничества разведок и ускорение оперативного обмена информацией, в том числе тактической; разрешение на разведывательные полеты над Пакистаном; создание совместные центров мониторинга безопасности границ, с персоналом из пакистанцев, афганцев и представителей коалиционных сил; партнерство в военном планировании. Мушарраф невозмутимо меня выслушал и притворился, будто всерьез намерен рассмотреть эти предложения. В итоге пакистанцы все-таки развернули около 140 000 военнослужащих на границе с Афганистаном (и понесли тяжелые потери), да и с совместными центрами и пограничным контролем удалось добиться скромного прогресса, но в остальном мы и годы спустя продолжали озвучивать практически те же самые пожелания.

Реальная власть в Пакистане принадлежала военным, и в ноябре 2007 года Мушарраф передал руководство пакистанской армией генералу Ашфаку Парвезу Каяни. Я сразу же передоверил контакты с Пакистаном Майку Маллену, который после этого регулярно летал в Пакистан на переговоры с Каяни.

Между тем мне стало ясно, что наши усилия в Афганистане на протяжении 2007 года в значительной степени ослаблены не только чрезмерно амбициозными (и потому невнятными) целями, но и хаосом в структуре военного командования, неразберихой с организацией экономической и гражданской помощи и полным непониманием того, как на самом деле ведется эта война.

Проблема военного командования была хорошо знакома всем, кто имеет хотя бы общее представление об иерархии: слишком много высокопоставленных генералов пытались

одновременно «встать к штурвалу». 1 февраля 2007 года генерал армии США Дэн Макнейл сменил британского генерала Ричардса в качестве командующего МССБ (Международных сил содействия безопасности) в Кабуле. Макнейл стал первым четырехзвездным американским генералом, командированным в Афганистан. Он командовал объединенными силами коалиции, в которую вошли около двух третей американского контингента, дислоцированного в стране. Поскольку ему подчинялись и подразделения НАТО, Макнейл докладывал непосредственно генералу армии США Джону Крэддоку, исполнявшему обязанности главнокомандующего войск НАТО в Европе. При этом Макнейл командовал лишь половиной (от 8000 до 10 000 человек) подкреплений из США и других стран коалиции, переброшенных в Афганистан; в рамках операции «Нерушимая свобода» данные подкрепления в свою очередь подчинялись другому американскому генералу, уже с тремя звездами на погонах, а тот рапортовал четырехзвездному главе Центрального командования в Тампе. Вдобавок немалая доля войск специального назначения в Афганистане подчинялась еще одному командиру, также в Тампе.

Подобная кое-как выстроенная схема управления войсками нарушала все принципы единоначалия. Плюс, в дополнение к прочим неприятностям, Крэддок и Макнейл не ладили друг с другом. Крэддок ревниво оберегал свою зону ответственности; всякий раз, когда я предлагал командующему МССБ выступить перед министрами обороны на рабочих совещаниях, Крэддок возражал, и мне приходилось настаивать. Могу вспомнить единственный случай за все мои годы в должности министра, когда я был вынужден отменить распоряжение старшего офицера. Это случилось сразу после того, как генерала Стэна Маккристала назначили командующим МССБ: по пути в Кабул я предложил ему вместе со мной принять участие во встрече министров обороны стран НАТО, чьими солдатами Маккристалу предстояло командовать, и сказать несколько слов. Я написал Крэддоку служебную записку и попросил все устроить. Позже мы сидели рядом на каком-то официальном обеде, и он передал мне ответную записку, где говорилось, что он не одобряет приглашение Маккристала на встречу с министрами – мол, это может породить нежелательный прецедент. Я черкнул в ответ: «Принято к сведению. А теперь устройте как я прошу».

Об этих проблемах с командованием и единоначалием я слышал от многих, в том числе в Пентагоне, – от своего заместителя Эрика Эдельмана, от помощника министра обороны по вопросам международной безопасности Мэри Бет Лонг, от Дуга Люта из СНБ, от сотрудников НАТО и от полевых офицеров в

Афганистане. Я попросил Пита Пэйса подумать, как можно все исправить; через некоторое время он пришел ко мне, кипя от негодования из-за «треклятой политики». Прежде всего сложность заключалась в том, что операция «Нерушимая свобода» подразумевала не только обучение и оснащение афганской армии, но и проведение тайных («черных») специальных миссий. Европейцы, в особенности немцы, трактовали наше стремление объединить все силы под американским командованием как мошенничество: будто бы мы завлекли их в Афганистан, прикрываясь лозунгами о коалиции, а на деле изначально планировали всем заправлять единолично. Еще они были уверены, что мы хотим принудить силы НАТО к участию в «черных» миссиях, чего категорически не одобряла европейская общественность. В завершение Пэйс процитировал слова Крэддока: командование и управление – «грязная работа, но от нее есть толк». Увы, в действительности толка как раз не наблюдалось. И решение этой проблемы затянулось до лета 2010 года, то есть понадобилось почти девять лет, если считать от начала войны.

Международная гражданская помощь и программы восстановления инфраструктуры также пребывали в хаосе. Десятки стран, различные международные и неправительственные организации предпринимали несогласованные попытки помочь афганцам создать крепкое правительство, восстановить разрушенное хозяйство, укрепить экономику и реализовать гуманитарные проекты. Это было – и до сих пор остается – своего рода комплексной бизнес-задачей, тем более сложной, что никто не имел ни малейшего представления об усилиях партнеров и коллег. Каждая страна и каждая организация действовали строго в своем секторе, осуществляли собственные проекты. Лишь изредка происходил обмен информацией (что сработало, а что – нет), сотрудничества почти не отмечалось, а уж о какой-либо координации и речи не шло. Хуже того, все эти чужестранцы весьма нечасто информировали афганское правительство о своих действиях; спрашивать же самих афганцев, какие проекты им необходимы, никому и в голову не приходило. Конечно, эти вопросы не касались меня впрямую, у министра обороны иная зона ответственности, хотя исторически американские военные, обладая ресурсами и организацией, участвовали в решении многих традиционно гражданских задач в зонах боевых действий. Но ответственность за войну лежала на мне, а потому я рассудил так: если мы не выстроим «гражданскую» сторону процесса, наши шансы на достижение целей, поставленных президентом, сократятся до невозможности.

Требовался высокопоставленный гражданский координатор, с широкими полномочиями от международного сообщества, способный взять на себя функции контроля за экономической и гуманитарной помощью и за прочими проектами, реализуемыми в настоящее время в Афганистане, а также работать вместе с президентом Карзаем и его правительством, дабы структурировать, упорядочить и обеспечить плодотворность предпринимаемых усилий, причем с максимальным привлечением афганцев. Мы обсуждали сложившуюся ситуацию на встрече министров обороны НАТО в Севилье в феврале 2007 года, а затем продолжали переговоры еще нескольких месяцев. Я считал, что координатор должен быть европейцем и, по возможности, получить мандат от Организации Объединенных Наций, НАТО и Европейского союза, тем самым заручившись поддержкой практически всех международных организаций и стран, причастных к восстановлению Афганистана. Поиски нужного человека замедлились на несколько месяцев из-за стремления британцев «пропихнуть» на эту роль Пэдди Эшдауна[60], бывшего члена парламента, с 2002 по 2006 год занимавшего пост Верховного представителя ООН по Боснии и Герцеговине. Соединенные Штаты и другие союзники были готовы согласиться, главным образом потому, что британцы действовали весьма настойчиво. Но Карзай, как оказалось, прекрасно знаком с ролью, которую Эшдаун сыграл в бывшей Югославии. В ходе моего визита в Кабул в декабре 2007 года Карзай заявил мне, что его кабинет единогласно отвергает кандидатуру Эшдауна на пост старшего гражданского координатора, поскольку «Афганистан не заинтересован в вице-короле для своего развития». Карзай подчеркнул, что опасается Эшдауна – дескать, «ходили всякие слухи» о его «своеволии» на Балканах. Нужно четко определить сферу влияния и масштабы полномочий координатора, ограничить его возможности сугубо проектами международной помощи, их упорядочиванием и лоббированием афганских интересов.

В марте 2008 года старшим гражданским координатором утвердили норвежского дипломата Кая Эйде, главу миссии Организации Объединенных Наций в Афганистане. Эйде, сумевший установить хорошие рабочие отношения с Карзаем и обсуждавший с ним откровенно самые деликатные вопросы (как правило – к общей пользе), представлял свою оценку текущей ситуации в Афганистане на каждом совещании министров обороны НАТО. Он не старался делать вид, будто проблем не существует, но в целом смотрел на ситуацию с оптимизмом. Я сошелся с Эйде достаточно близко, узнал его как человека и

решительно поддерживал, а потому в разговорах со мной он неизменно высказывался предельно прямо. Ооновской бюрократии понадобилось несколько месяцев, чтобы прислать Эйде дополнительный персонал, хотя результатов, разумеется, требовали чуть ли не с первого дня. Несмотря на все усилия Эйде, осмысленная координация международной помощи, на которую я надеялся, так в Афганистане никогда и не появилась – как и все прочее, подразумевавшее сотрудничество разных государств.

Не менее сложно было ответить на вопрос, каких успехов мы добились в Афганистане – и добились ли вообще. Меня чрезвычайно раздражало несовпадение мнений: вашингтонские аналитики, опираясь на данные разведки, воспринимали происходящее последовательно пессимистично, зато гражданские чиновники и военные в Афганистане демонстрировали уверенность в позитивном исходе. За годы работы в ЦРУ и СНБ я многократно наблюдал аналогичную картину – во Вьетнаме, в Афганистане в 1980-х годах, во время войны в Персидском заливе; не стану перечислять далее, примеров гораздо больше. Трудно сказать, кто больше заслуживал доверия – люди на местах событий или вашингтонские аналитики, однако лично я все же склонялся на сторону Вашингтона (вероятно, потому, что сам побывал в шкуре вашингтонского эксперта). Тем не менее опыт заставлял меня относиться к экспертной информации настороженно: вопреки общепринятому мнению аналитики из разведки очень часто предпочитают показывать, что лица, принимающие решения, понятия не имеют, что они делают, вместо того чтобы их поддерживать, – в особенности когда могут провернуть этот фокус, выступая на заседании конгресса.

Несколько месяцев изучения мной конфликтующих точек зрения вылились в итоге в публичное недовольство 25 сентября 2007 года, в ходе очередной видеоконференции: Макнейл в Кабуле, Крэддок в Брюсселе, председатель ОКНШ и другие в Вашингтоне – и я как «модератор». Я заговорил о принципиальных разногласиях между оценками вашингтонских экспертов и прогнозами «парней из провинции». Я признался, что не знаю, каким образом обеспечить получение точной и адекватной информации. Я сказал: «Я в замешательстве и уверен, что остальные со мной согласятся». Затем я попросил Джима Клаппера, заместителя министра обороны по разведке, проанализировать расхождения в оценках между афганскими и вашингтонскими источниками. Он доложил пару дней спустя, что положение даже хуже, чем нам виделось: налицо различия в трактовке ситуации между штабом генерала Макнейла, Центральным командованием, НАТО, ЦРУ и военной разведкой в

Вашингтоне. Замечательная диспозиция в разгар войны!

В середине октября Клаппер сообщил, что налаживается «здоровый» диалог между всеми аналитическими службами касательно «реальной ситуации» в Афганистане. Он сказал, что аналитики ЦРУ и других агентств отправились в Афганистан и, работая вместе с «полевыми» экспертами, составили список из сорока пяти – пятидесяти вопросов, вызывающих наибольшие разногласия, чтобы попробовать устранить противоречия. По-моему, наши разведчики продолжали упускать из вида главное. В отчетах слишком много внимания уделялось тактической информации – ежедневным докладам о боевых действиях – и всякого рода непроверенным слухам; все имели доступ к одним и тем же данным, но вот интерпретации этих данных варьировались весьма широко. А вот целостная картина по-прежнему не складывалась.

В середине июня 2008 года я снова позволил себе высказать недовольство – в ходе видеоконференции с генералами в Кабуле и Брюсселе и высшим руководством Пентагона в Вашингтоне: «Парни [это относилось к офицерам в Кабуле], вы рассказываете, что все довольно хорошо, а потом я получаю доклад разведки, где утверждается, что все катится к черту. Я не представляю, как на самом деле идет война! Думаю, и президент не может похвастаться четким пониманием ситуации в Афганистане». Да, расхождения в оценках базировались на фактах, не были плодом бюрократических игр, но все-таки пора и меру знать…

Отсутствие ясности подпитывало мои опасения относительно того, что в реальности все обстоит не слишком хорошо. Недостаточный уровень подготовки боевых частей и инструкторов, дефицит гражданских специалистов, бардак в военном командовании, хаос в координации усилий по распределению международной гражданской помощи, слабое взаимодействие между гражданскими и военными представителями усугублялись схожими проблемами и на афганской стороне, а еще – открытой коррупцией среди чиновников, суетливостью Карзая, нехваткой компетентных министров и государственных служащих, разладом между столицей и провинциями. Эрик Эдельман докладывал мне об этих афганских слабостях уже в середине марта 2007 года. Он также указал, что афганское министерство внутренних дел, похоже, вовлечено в торговлю наркотиками, а Карзай слишком много времени проводит в своем дворце, вместо того чтобы демонстрировать себя стране. Эдельман, карьерный дипломат, закончил свой доклад фразой, возможно призванной не допустить чрезмерного погружения в депрессию: «Я не унываю, но есть

много вопросов».

Две недели спустя я, Райс и Хэдли встретились в Вашингтоне с генеральным секретарем НАТО Яапом де Хоопом Схеффером. Суть его позиции сводилась к знакомому тезису: «Я чувствую, что мы способны «сдерживать», но не можем «победить»» талибов. Он усомнился в необходимости дальнейшего присутствия НАТО в регионе, но потом смягчил свою формулировку – сказал, что требуется лучшая координация, более полная интеграция наших сил, лучшее обучение афганской армии, больше последовательности в публичных заявлениях руководителей НАТО и правительств стран – участниц блока по поводу войны. Генсек НАТО добавил, что необходим человек с реальным авторитетом, способный говорить с Карзаем от имени всех стран, участвующих в урегулировании в Афганистане, такой человек, который «сможет объяснить ему горькую правду». Мы согласились со всеми его предложениями, и Хэдли спросил, действительно ли нам нужны три высокопоставленных представителя в Кабуле – от НАТО, от ЕС и от ООН. Я намекнул, что все следует перепоручить НАТО, и Райс меня поддержала: «Оформите это де-юре или де-факто, но парень из НАТО должен быть главным».

В ходе своего второго визита в Афганистан, в начале июня 2007 года, я снова и снова возвращался мыслями к тому печальному факту, что стратегически мы в Афганистане сегодня более или менее в том же положении, что и в Ираке в 2006 году, – в лучшем случае в патовой ситуации. В комментарии для прессы я заявил: «Думаю, на самом деле мы медленно и осторожно двигаемся в правильном направлении. Я намерен и впредь внимательно следить за этим движением». Пожалуй, «внимательно» – это преуменьшение; следовало сказать «пристально и неотрывно». На совещании 26 июля с высшим гражданским и военным руководством Пентагона я сказал, что мы теряем европейскую поддержку, поскольку европейцы не готовы воевать; в традиционной войне против талибов за нами преимущество, но уровень насилия растет; новый президент США должен решить, следует ли направлять в Афганистан подкрепления взамен оконфузившихся сил НАТО; пакистанцы не собираются изгонять «Аль-Каиду» и талибов со своей территории, чтобы мы «тепло» встретили их на другой стороне границы, в Афганистане, и при этом не разрешают нам в одностороннем порядке провести операцию в Пакистане. Сравнительно неплохо смотрится разве что афганская армия, которая, при всех своих проблемах, куда опытнее и пользуется большим уважением, нежели любое другое афганское государственное образование.

Сложности с цепочкой командования и различия в оценках происходящего в Афганистане были наглядно продемонстрированы на видеоконференции 13 сентября. Заместитель командира 82-й воздушно-десантной дивизии США, бригадный генерал Джо Вотел, заверил меня, что мы сохраняем инициативу в Восточном Афганистане, но ситуация постепенно ухудшается, талибы и их союзники все чаще организуют нападения террористов-смертников, похищают женщин, обезглавливают местных активистов и перемещают свои базы ближе к Кабулу. Генерал уточнил, что резко выросло число переходов через пакистанскую границу; что на востоке количество атак увеличилось на 75 процентов по сравнению с предыдущим годом; что разрозненные группы повстанцев мало-помалу объединяются в более крупные формирования. Генерал Макнейл усомнился в «жуткой картине», нарисованной Вотелом, и заявил: «Мы вовсе не катимся по наклонной, и талибы не берут верх. Мы уничтожаем их повсюду, добрались до многих их лидеров и в целом действуем вполне успешно. Думаю, мы в хорошей форме, если говорить о войне с талибами». Просто замечательно – подумалось мне; даже боевые командиры на местах не в состоянии сойтись во мнениях. Адмирал Фэллон добавил: «Я согласен с Дэном [Макнейлом] – наши перспективы в Афганистане отнюдь не такие мрачные, как хотелось бы кому-то верить».

Я прибыл в Кабул 4 декабря и вертолетом отправился в провинцию Хост на востоке Афганистана. 82-я воздушно-десантная дивизия проделала превосходную работу в этой провинции, эффективно противодействуя повстанцам; несмотря на общий рост насилия, было ясно, что, как и сказал Вотел, мы все еще сохраняем инициативу. Будучи в Хосте, я прилетел в некую деревушку, чтобы встретиться с группой провинциальных чиновников и племенных старейшин. Мы приземлились в поле недалеко от деревни, и вокруг, куда ни взгляни, не было ни единого пятнышка зелени – все бурое, почти неживое. Как нередко бывало при посещении столь отдаленных мест в Афганистане, я снова спросил себя: «С какой стати люди вообще сражаются за эти Богом забытые края?» Чиновники и старейшины собрались под навесом без стен; к счастью, кто-то позаботился принести стулья, так что на землю садиться не пришлось. Я не мог не восхититься – про себя, конечно – импозантностью бород: многие седые и с рыжими прожилками хны. Передо мной словно разворачивалась сцена из восемнадцатого века – но тут один из старцев сказал, что прочел в Интернете мою недавнюю лекцию в университете штата Канзас относительно «мягкой силы»[61].

Очень своевременное напоминание о том, что традиционные обычаи и деревенское платье не обязательно равнозначны технологической отсталости (урок, который следовало усвоить всем, кто сражался против талибов). Я покидал Хост под впечатлением эффективного сотрудничества между воинскими подразделениями и гражданскими экспертами из Государственного департамента, Агентства международного развития и министерства сельского хозяйства. Вот уж действительно всеобъемлющая борьба с врагом! Военные операции прекрасно сочетались с деятельностью по восстановлению хозяйства, причем афганцы естественно и полностью интегрированы в процесс. Хост той поры был своего рода моделью: там сотрудничали свободномыслящие и опытные американские военачальники, достаточное число гражданских специалистов США, местное население и компетентный губернатор-афганец.

Беседы в Кабуле с боевыми командирами из разных регионов Афганистана настраивали на оптимистический лад. Все утверждали, что ситуация в целом «не хуже», чем раньше, «просто другая». Командир из южного региона доложил, что его части «выпало провести год гораздо лучше, чем обещали СМИ, и лучше, чем думают в европейских столицах». Командир из западного региона тоже рассуждал о «хорошей форме», командир из северного уверял, что «мятежников нет и в помине – организованная преступность и племенные распри представляют собой намного большую угрозу безопасности». Командир из восточного региона заверил, что «борьба с повстанцами продолжается и прогресс налицо». Каждый при этом упоминал, что рост насилия – благодаря более агрессивным действиям сил коалиции по преследованию талибов – почему-то воспринимается в Вашингтоне как признак наших неудач. И каждый командир хотел иметь в своем распоряжении больше войск, а Макнейл сказал, что ему не хватает минимум четырех батальонов и определенного числа инструкторов.

Затем я встретился в частном порядке с Карзаем. Я сказал, что, вероятно, он достаточно наслушался поучений с разных сторон, а теперь хоть кто-то готов выслушать его самого. Он сразу заговорил о том, что русские, иранцы и пакистанцы вмешиваются во внутренние дела Афганистана (несомненно, это была правда), что они и афганский Северный альянс[62] совместно строят козни против него. Продолжая развивать эту тему, он настолько поддался конспирологическим настроениям, что даже заявил, будто «вовлеченность» (имелось в виду сотрудничество с Северным альянсом) подвергает страну опасности, а сторонники

СА – «союзники Путина» – ныне убивают парламентариев и детей. «Это не талибы и не “Аль-Каида”, это наши собственные бандиты»; поэтому афганскому правительству «необходимо проконсультироваться с Соединенными Штатами относительно того, как с этим справиться». Поскольку большинство операций талибов разворачивалось на юге Афганистана, основную тяжесть войны, по словам Карзая, несли пуштуны, и у них возникло ощущение, что мы нацелились на них. Он сказал, что для решения этой проблемы нужно теснее сотрудничать с племенами. В общем, классический Карзай – суетливый параноик, но не зря говорят, что, когда кажется, будто за тобой следят, у тебя не обязательно паранойя.

По возвращении я доложил президенту Бушу, что значительный прогресс в Афганистане очевиден, но все происходит слишком медленно. Региональные командиры преимущественно оптимистичны, однако их оптимизм опровергается дружными просьбами прислать подкрепление либо снаряжение, восполнить военный потенциал, который не смогло обеспечить НАТО. Я сказал, что нужно готовиться и далее вкладывать существенные средства и силы в обучение и вооружение афганских подразделений безопасности, особенно в армию, и соответственно необходимо больше инструкторов и наставников – увы, именно здесь НАТО нас катастрофически подводит. Я резюмировал: НАТО не знает, как вести антипартизанскую войну; наставники и команды по взаимодействию с местным населением понятия не имеют, чем занимаются; немногочисленное присутствие талибов на севере в настоящее время используется племенными вождями как повод воссоздать ополчение; на западе лучше бы заменить итальянцев на кого-то еще, а на юге полный бардак. Практические рекомендации таковы: там, где ответственность лежит на нас и где Карзай назначил компетентных и честных руководителей, все в порядке; в остальных регионах ситуация не располагает к благодушию. Следует отказаться от европейского стремления к масштабному государственному строительству в пользу целенаправленной борьбы с повстанцами независимо от того, насколько это расстроит европейцев. Из опыта «Большой волны» в Ираке мы вынесли твердое убеждение: сначала обеспечиваешь людям безопасность, а уже потом берешься за прочее.

Прикидывая перспективы на 2008 год, я намеревался добиться на апрельском саммите НАТО одобрения нашей долгосрочной стратегии в Афганистане (иных вариантов попросту не было). Более года министры обороны стран, чьи войска подчинялись Региональному командованию «Юг» (РКЮ: США,

Великобритания, Канада, Австралия, Дания, Нидерланды, Эстония и Румыния) проводили консультации по улучшению военного сотрудничества. Последняя встреча состоялась 13–14 декабря 2007 года в Эдинбурге. В ней впервые участвовали также и министры иностранных дел. Конди не прилетела, ее представлял заместитель по политическим вопросам Ник Бернс, с которым я познакомился во время работы в аппарате СНБ вместе с Конди при Буше-41.

Я предложил министрам разработать для альянса трех– или пятилетний стратегический план по всесторонней интеграции военных операций и программ гражданского развития. Я сказал, что такой план позволит определить цели за пределами ранее намеченного вывода войск в конце 2008 года и поможет примириться с реальностью: успех в Афганистане потребует времени. Пролог к этому плану должен четко изложить, зачем мы пришли в Афганистан и чего достигли на текущий момент, обрисовав тем самым рамки действий, которые до сих пор непонятны Европе, а также предоставив значимое политическое прикрытие и политические «боеприпасы» для европейских правительств. Я призвал наметить этапы и задачи, чтобы мы ясно видели, какого прогресса добились. Соединенные Штаты, сказал я, могут подготовить первоначальный проект и вынести его на обсуждение партнеров по РКЮ, затем в штаб-квартиру альянса и, наконец, на саммит НАТО в Бухаресте в апреле. Еще я предложил британцам составить аналогичный трех– или пятилетний план исключительно для юга, для провинций Гильменд, Урузган и Кандагар, и рассмотреть этот план на встрече в Канаде в конце января. Обе мои инициативы получили поддержку, а Ник Бернс и другие министры внесли ряд полезных дополнений. Должен отметить, что эти инициативы никогда бы не были даже озвучены без помощи и усилий моих гражданских и военных коллег в Пентагоне и Государственном департаменте. Именно благодаря им мы ступили на дорогу к внятной и эффективной афганской политике.

На Рождество 2007 года, будучи дома, я размышлял над тем, что вопреки всем проблемам мы получили от конгресса зеленый свет в Афганистане. Год напролет демократы в конгрессе трубили о провале в Ираке и пытались похоронить стратегию президента Буша; центральное место в их попытках занимало противопоставление иракской войны войне в Афганистане, которую они упорно поддерживали – отчасти, вероятно, чтобы продемонстрировать, что они пекутся о национальной безопасности. Ни разу на слушаниях в конгрессе на протяжении года я не слышал критики роли США или их действий в

Афганистане. Наоборот, я постоянно слышал слова в поддержку войны как от демократов, так и от республиканцев, заодно с призывами к нашим союзникам направить дополнительные войска и снять ограничения по их боевому применению. Ирония в том, что к концу 2007 года война в Ираке разворачивалась намного лучше, зато ситуация в Афганистане непрерывно ухудшалась. Многие конгрессмены не осознавали этих реалий и отказывались их замечать. Словно поддавшись некоему гипнозу со стороны демократов, они в один голос говорили о необходимости ускорить вывод войск из Ирака, чтобы мы получили возможность направить подкрепления в Афганистан.

В середине января 2008 года я объявил, что мы отправим 3200 морских пехотинцев на «единоразовую дислокацию» в Афганистан в апреле, в результате чего общая численность нашего контингента составит около 31 000 человек. Тогда же я написал официальное письмо своим коллегам министрам в правительствах стран, которые, как мы полагали, способны на большее в нынешней ситуации. Я написал, что морские пехотинцы – своего рода мостик к событиям предстоящей осени и что отказ союзников выполнить свои обязательства ставит под угрозу миссию альянса как таковую.

В стремлении добиться на саммите НАТО общего заявления о решительной поддержке афганской миссии я невольно сам себе поставил подножку, не уследив за своим языком в интервью Питеру Спигелу из «Лос-Анджелес таймс», опубликованном 16 января. Спигел поинтересовался успехами борьбы с повстанцами. И я ответил ему прямо: «Меня тревожит, что мы направляем туда [военных советников], которые не подготовлены должным образом. Меня тревожит, что некоторые воинские подразделения не знают, как воевать против повстанцев… Большинство европейских сил, сил НАТО, не обучены противостоять повстанцам, они обучены разве что для действий в Фульдском коридоре» (это область в Германии, откуда, как считалось, скорее всего начнется советское вторжение в Западную Европу[63]).

Вообще-то моя любимая присказка гласит: «Не упусти шанс заткнуться вовремя», – но в данном случае я ей не последовал. Само собой разумеется, начался настоящий ад. НАТО оскорбилось. Эдельман доложил мне, что союзники сильно расстроены, а некоторые страны думают, будто мои критические замечания направлены конкретно против них. Эрик позвонил своим коллегам из Великобритании, Канады и Нидерландов, а также генеральному секретарю НАТО, и все они были изрядно обеспокоены последствиями моего интервью. На следующий день на специальной пресс-конференции я сказал, что мои замечания

характеризовали проблему в целом: я вовсе не проводил сравнения между американскими войсками и солдатами других стран и надеюсь, что союзники воспользуются возможностями обучения борьбе с повстанцами. Соединенные Штаты после Вьетнама забыли, как воевать с партизанами, добавил я, и повторное обучение весьма недешево обошлось нам в Ираке и Афганистане. Слава богу, страсти улеглись.

Поездка в Европу в начале февраля предоставила мне случай наладить отношения. Но я не переставал публично говорить о проблемах и вызовах для альянса, искренне опасаясь за его дальнейшую судьбу, ибо нисколько не сомневался в ценности этого военного блока. За день до моего отъезда мы с Майком Малленом выступали на заседании сенатского комитета по делам вооруженных сил, и я предупредил, что альянс рискует превратиться в «двухуровневую структуру»: одни союзники готовы сражаться и умирать ради безопасности людей, а другие – нет, и это подвергает блок серьезной опасности. Почти одновременно со мной Конди Райс неожиданно отправилась в Афганистан, где тоже призывала союзников прилагать больше усилий.

На встрече министров обороны НАТО в Вильнюсе, столице Литвы, 7–8 февраля я признал, что моя резкость приносит плоды, обратные ожидаемым, и постарался смягчить аргументы, но содержание моей речи было вполне традиционным. Под конец встречи несколько стран, в том числе Франция, сообщили, что рассматривают возможность увеличения численности своих воинских контингентов в Афганистане. 9 февраля на Мюнхенской конференции по безопасности я обратился напрямую к европейским народам, а не к их правительствам. Это было совершенно нетипично для американского министра обороны: обращаться к населению других государств, – однако мы с президентом, Райс и Хэдли сочли, что будет полезным объяснить, чем успех в Афганистане важен для европейцев (особенно с учетом того, что их собственные правительства отнюдь не рвутся это делать). Я напомнил о многочисленных террористических актах, устроенных исламскими экстремистами в Европе, и сказал, что задачей США и союзников «является разрушение и уничтожение этого движения… Мы должны постоянно лишать их способности наносить удары в глобальном масштабе, причиняя колоссальный урон, равно как и подорвать саму их идеологию… И наилучшая возможность добиться этого заключается в победе в Афганистане».

Я чувствовал, что у решения по Афганистану на апрельском саммите НАТО хорошие перспективы, – и не ошибся в своих

ощущениях. Союзники единогласно поддержали «Стратегическую декларацию», которая обозначила намерение альянса остаться в Афганистане на длительный период и желание повысить эффективность управления за счет большего внимания к подготовке афганских структур, прежде всего полиции. Несмотря на растущую озабоченность Вашингтона вопросами национально-государственного строительства, Соединенные Штаты согласились поддержать заявленный в декларации «комплексный подход», подразумевавший военные меры и экономические шаги. Президент Буш пообещал, что в 2009 году США направят в Афганистан существенные подкрепления, но, по моему совету, не стал называть конкретные цифры. Мы рассчитывали, что такого заявления окажется вполне достаточно, чтобы побудить к действиям правительства союзных стран. И это в самом деле произошло: ряд союзников объявили о грядущем увеличении численности своих контингентов, а Франция сразу сообщила, что отправит в Афганистан еще минимум 700 военнослужащих. По итогам саммита можно было сделать вывод, что риск «дезертирства» наших союзников в конце 2008 года значительно уменьшился. Для меня, человека старой закалки и бойца «холодной войны», было удивительно, что даже русские согласились в Бухаресте на переброску военной техники альянса в Афганистан через территорию России. И уже не имело особого значения, что новые обязательства альянса – довольно скромные и расплывчатые. «Комплексный подход» гарантировал, что теперь можно сосредоточиться на амбициозных целях, каковые я и другие официальные лица США почти привыкли считать недостижимыми в военное время.

Численность американских войск в Афганистане продолжала заботить меня весь 2008 год. В мой первый год в должности министра эта численность выросла с 21 000 до 31 000 человек. Генерал Макнейл в течение нескольких месяцев просил подкреплений, а когда настала пора апрельского саммита, его «аппетит» возрос с 7500 до 10 000 человек дополнительно. Соединенные Штаты единственные могли удовлетворить просьбу генерала. Несмотря на широкую поддержку афганской войны в конгрессе, кое-кто сомневался, что президент Буш сдержит обещание направить дополнительные войска в Афганистан в 2009 году, – ведь администрацией уже будет руководить новый президент США. «Думаю, независимо от того, кто будет избран президентом, этот человек захочет добиться победы в Афганистане, – сказал я однажды. – Поэтому вполне логично, что нынешний президент дал такое обещание». Как я говорил коллегам, по мере вывода войск из Ирака Соединенные Штаты

получили возможность перебросить от 3 до 5 бригад (общая численность от 15 000 до 30 000 человек) в Афганистан в 2009 году, но остаток своего министерского срока (который заканчивался в январе 2009 года) я «не желаю переливать из пустого в порожнее»

Весь 2008 год мы были вынуждены «собирать по крохам» – там позаимствовать несколько вертолетов, сям отыскать «бесхозный» батальон, тут подобрать группу саперов, а здесь поживиться освободившейся разведывательной техникой. Президент сказал, что не хочет «Большой волны» в Афганистане, и я ответил, что мы не в состоянии ее устроить, даже возникни такое желание. В конце июля, когда мы прорабатывали варианты, как выполнить запросы боевых командиров в Афганистане до конца ноября, случился ряд утечек информации из Объединенного комитета начальников штабов. Я позвонил Майку Маллену и пожаловался на это обстоятельство. Также пришлось напомнить Маллену, что он снова разозлил президента: выступая в телевизионной программе, адмирал сказал, пусть и не впрямую, что Буш велел ему сосредоточиться на Ираке, а уже потом заниматься Афганистаном. Сам президент упорно повторял, что нужно убедить союзников, неготовых направлять в Афганистан – например Японию, – активнее участвовать в финансировании обучения и оснащения афганских частей. К сожалению, результаты были не слишком утешительными.

Полномочия генерала Макнейла как командующего МССБ истекали в начале июня 2008 года. В преддверии перемен начальник штаба сухопутных войск генерал Кейси и Майк Маллен рекомендовали в качестве преемника Макнейла генерала армии Дэвида Маккирнана. В 2003 году Маккирнан командовал коалиционными и американскими силами в ходе вторжения в Ирак. В 2005 году он был назначен главнокомандующим сил США в Европе и отлично проявил себя на этом посту – и вообще имел неплохой послужной список. При одобрении его кандидатуры Кейси и Малленом (пусть заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов генерал Картрайт был против) я не видел причин оспаривать это назначение. Задним числом, увы, понятно, что мне стоило задаться вопросом, годится ли традиционный военный опыт Маккирнана для Афганистана. Признаю, я допустил ошибку.

Маккирнан провел в Афганистане менее трех месяцев, когда мы с ним встретились в Кабуле. Он сказал, что если ему разрешат разобраться с убежищами талибов в Пакистане, «мы готовы обеспечить безопасность Афганистана в течение шести месяцев». Я спросил, побеждаем ли мы, с его точки зрения. «Где-то

налаживается управление, где-то растет экономика, где-то есть безопасность, – ответил он. – Но мало найдется мест, где сходятся все три фактора. Кое-где мы побеждаем медленнее, кое-где – быстрее». Еще он попросил дополнительно три бригадных тактических группы вдобавок к бригаде 10-й горной дивизии, которая должна прибыть в январе 2009 года, заодно со снаряжением и техническим персоналом – в общей сложности от 15 000 до 20 000 военнослужащих. (Вскоре он попросил и усиление боевой авиации – значительное количество вертолетов.) Маккирнан сказал, что готов «прибегнуть к тактике выжженной земли»; это был не слишком тонкий намек на выступление Маллена в комитете палаты представителей по делам вооруженных сил 10 сентября: Маллен тогда брякнул, что не может утверждать, что мы побеждаем в Афганистане, чем опять привел в бешенство Белый дом и, по-видимому, раззадорил этого генерала.

К середине лета 2008 года, еще до просьбы Маккирнана о значительных подкреплениях, я начал испытывать опасения: очень может быть, что иностранное военное присутствие в Афганистане достигло той степени, когда большинство афганцев видят в нас «оккупантов», а никак не союзников. До этого момента, судя по опросам и личным беседам, большая часть местного населения считала нас именно союзниками. Но у меня среди всех сотрудников высшего уровня в администрации Буша-43 был наибольший опыт работы с Афганистаном и Пакистаном в 1980-х годах, и я собственными глазами наблюдал катастрофу, постигшую Советы, несмотря на их военную группировку численностью почти в 120 000 человек: столь существенное военное присутствие (и жестокая тактика) заставило афганцев повернуться к ним спиной.

Исторически сложилось так, что Афганистан не проявлял доброжелательности к чужеземным армиям. Я стал вслух высказывать свои соображения о том, каков «переломный момент» с точки зрения численности войск, – и действовать, исходя из своего беспокойства. 29 июля я попросил провести анализ политических и военных последствий дальнейшего увеличения численности нашего контингента в Афганистане. Десять дней спустя я также попросил подготовить справку по афганским аэродромам, дорогам и другим объектам инфраструктуры, чтобы определить, способны ли они справиться с дополнительной нагрузкой, если мы перебросим подкрепления численностью более 20 000 человек.

К концу лета мое беспокойство относительно нашего «следа» на афганской земле и отношения афганцев к нам достигло пика.

Хотя мы прилагали максимум усилий, чтобы избежать жертв среди гражданского населения – думаю, прецедентов подобного в истории войн не найти, – жертвы все равно были. Конечно, талибы скрывались среди местных, использовали мирных жителей как «живой щит» и убивали любого, кто осмеливался им возразить, равно как и тех, кто просто пытался «не ввязываться». Тем не менее мы, бывало, действовали неуклюже и с запозданием реагировали на инциденты, когда жертвы среди гражданского населения случались по нашей вине, пусть каждая из них воспринималась как личная трагедия. Процедура расследования таких инцидентов была следующей: зарегистрировать факт, изучить обстоятельства, а затем, если мы и в самом деле виноваты, предложить «искупительный платеж» семье жертвы. (Первоначальные доклады почти всегда преувеличивали число погибших и раненых, это достоверно показали проведенные расследования.)

Я снова посетил Афганистан в середине сентября, в первую очередь ради того, чтобы публично выразить «искренние соболезнования и принести личные извинения за недавнюю гибель невинных людей в результате воздушных ударов коалиции». Пресс-конференция, на которой я произнес эти слова, транслировалась по телевидению на весь Афганистан, и позднее наши боевые командиры докладывали, что мое выступление местные восприняли благосклонно – увы, полагаю, ненадолго. Я сказал Маккирнану, что следует изменить подход: если мы думаем, что виноваты в жертвах среди гражданского населения, нужно сразу же выплачивать компенсацию, а уже потом организовывать расследование и проверять факты. Некоторые наши офицеров не согласились с моим предложением, но я был убежден: даже переплата выглядит сущими грошами по сравнению с дурной славой, которую мы иначе получаем. По договоренности с афганским министром обороны была создана постоянная группа по проведению совместных расследований для решения спорных вопросов. Еще я пригласил афганские (и американские) СМИ на брифинг, на котором меня информировали о процедурах, призванных помочь нашим пилотам избежать жертв среди мирного населения. И все же, несмотря на все наши усилия и неоднократные приказы Маккирнана, Маккристала и Петрэуса не допускать гибели мирных жителей, эта проблема продолжала нас преследовать.

В ходе личной встречи с президентом Карзаем я рассказал о мерах, которые мы принимаем, чтобы минимизировать жертвы среди гражданского населения. Я сказал, что его привычка спешить с оглаской сведений – зачастую непроверенных –

выставляет союзников не в лучшем свете и наносит урегулированию немалый вред. Я призвал Карзая воздержаться от обнародования цифр о жертвах среди гражданских лиц, пока факты не подтвердятся. Я также напомнил ему, что талибы ежедневно совершают предумышленные убийства мирных афганцев и сознательно подвергают опасности их жизни, – вот об этом-то как раз стоит говорить как можно громче. По-моему, он предпочел меня не услышать.

Другие аспекты наших операций тоже создавали проблемы с гражданским населением, а значит, и с Карзаем. Ночные рейды по поимке и уничтожению лидеров «Талибана» (без угрозы мирным жителям), весьма эффективные с военной точки зрения, сильно настроили простых афганцев против нас. То же самое можно сказать об использовании собак при патрулировании и особенно при обысках домов: это оскорбляло религиозные чувства афганцев[64], и Карзай регулярно мне жаловался. Наши войска далеко не всегда проявляли к местным уважение, которого от них требовали, в том числе ездили на автомобилях по проселочным дорогам, распугивая пешеходов и животных. Я слышал забавную и печальную историю о некоем афганском старце, который пришел к воротам главной базы коалиции в Кандагаре пожаловаться на оскорбление, нанесенное его семье нашими солдатами. Старика игнорировали три дня подряд, в итоге он вернулся домой, а три его сына присоединились к талибам. По счастью, мне не приходилось разбираться с вопиющими инцидентами (скажем, солдат помочился на мертвого талиба, или сфотографировался с отрубленной головой, или сжег Коран), но было достаточно случаев, которые усиливали мои опасения относительно резкого увеличения численности иностранных войск в стране. Независимо от того, насколько квалифицированны и профессиональны американские военные, определенного «некорректного», мягко выражаясь, поведения не избежать, и я хорошо это знал. Если нас начнут воспринимать как захватчиков или оккупантов (или всего-навсего как не уважающих чужие ценности), то, учитывая историю Афганистана, война будет проиграна.

* * *

Все мои зарубежные поездки оборачивались проблемами со здоровьем. Будучи на несколько лет моложе и своего предшественника, и своего преемника, я тем не менее был в возрасте под семьдесят, а потому у меня обычно занимало неделю

или около того восстановиться от смены часовых поясов, – и тут приходилось снова улетать. А поездки в Ирак и Афганистан сопровождались и тяжелой эмоциональной нагрузкой. Как уже упоминалось, я настаивал на встречах с солдатами и офицерами и на совместных обедах и слишком часто видел по их лицам, сколь высока цена пребывания на передовой. Улыбки попадались довольно редко. Все ходили с оружием, и я позже узнал, что – к моему великому сожалению – перед встречей со мной от них требовали сдать боеприпасы. Думаю, я понимаю такие меры предосторожности – наверняка в полевых частях хватало тех, кто злился на человека, «сославшего» их в эти опасные и Богом забытые края, – но мне до сих пор не нравится подобное проявление недоверия.

Посещать войска становилось с каждым разом все труднее, поскольку, всматриваясь в молодые лица солдат и офицеров, я непременно спрашивал себя, кого из этих детей я рано или поздно увижу в госпитале в Ландштуле, в палатах госпиталя имени Уолтера Рида или в Бетесде – а то и, не приведи Господь, в списках тех, кого ожидают почетные похороны на Арлингтонском кладбище. Еще я вдруг сообразил, что для тех бойцов с передовой, кто обедал со мной, встреча с министром вполне могла оказаться возможностью впервые за несколько дней, если не недель, съесть что-то горячее или принять душ. Каждая полевая часть, в которой мне довелось побывать, имела собственный импровизированный мемориал в палатке или под навесом – в память погибших: фотографии, сувениры, мелкие монеты… К таким мемориалам я всегда подходил в одиночку. Хотя боевой дух солдат, сержантов и офицеров неизменно был на высоте, при каждой встрече меня словно окутывала атмосфера горя, опасности и утраты. Я улетал домой с болью в груди, вызванной сочувствием к нашим парням и их далеким семьям. Каждый новый визит заставлял меня нервничать и злиться, особенно когда я сравнивал их самоотверженность и мужество с саморекламой и эгоизмом властолюбивых политиков – в Багдаде, Кабуле и Вашингтоне. Один молодой солдат в Афганистане спросил, что не дает мне спать по ночам. Я ответил коротко: «Вы». Чем больше было поездок в зоны военных действий и чем реже я бывал дома, тем сложнее удавалось сохранять внешнее спокойствие и самодисциплину, подавлять раздражение и скрывать презрение к участникам мелких политических игрищ. Образы наших солдат постоянно вставали перед моим мысленным взором.

В Вашингтоне я не искал общения вне работы. День изо дня шли бои – реальные и бюрократические, а то и несколько кряду, а

по вечерам я не мог дождаться, пока окажусь дома, отодвину незаконченные дела, напишу письма с соболезнованиями семьям погибших, налью себе стаканчик крепкого, слопаю размороженный ужин или что-то из еды навынос (такое случалось, когда Бекки уезжала на Северо-Запад), недолго почитаю что-нибудь не имеющее отношения к работе и выключу свет.

Каждое утро я вставал в пять, чтобы пробежать две мили по вашингтонской Эспланаде[65], мимо памятников жертвам Второй мировой, корейской и вьетнамской войн и мемориала Линкольна. И всякий раз я совершал нехитрый ритуал: задерживался у великолепной белой статуи Линкольна, желал ему доброго утра – и печально спрашивал: «Как ты с этим справлялся?»

* * *

Впервые я публично поделился своим беспокойством по поводу Афганистана на заседании сенатского комитета по делам вооруженных сил 22 сентября 2008 года, через пять дней после визита в эту страну. На слушаниях меня сопровождал генерал Картрайт. Подобно остальным я был уверен, что это мои последние слушания в должности министра обороны, и потому большинство сенаторов предваряли свои вопросы двумя-тремя добрыми словами в мой адрес. Покончив с панегириками, мы наконец перешли к делу. Левин спросил, почему мы оперативно не откликнулись на просьбу командующего направить больше солдат в Афганистан. Я ответил, что численность запрашиваемых подкреплений неоднократно изменялась, окончательную цифру я услышал от Маккирнана только на прошлой неделе, когда находился в Афганистане. Однако, продолжил я, «мы должны подумать о том, сколько военнослужащих допустимо для Соединенных Штатов разместить в Афганистане и куда лучше направлять ресурсы, чтобы восстановить афганский потенциал». Я добавил, что без нового увеличения длительности службы в зонах боевых действий и без продления сроков базирования дислоцированных там частей мы не отыщем нужного количества солдат, хотя вполне способны удовлетворить потребности в живой силе весной или летом 2009 года.

Левин задал затем провокационный вопрос с политическим подтекстом: можно ли быстрее отреагировать на просьбу командующего в Афганистане за счет ускорения темпов вывода войск из Ирака? Генерал Картрайт ответил, что сначала необходимо создать в Афганистане дополнительную

инфраструктуру и соответственно изменить циклы развертывания и переподготовки, так как в настоящее время эти циклы рассчитаны на тяжелые бригадные группы, востребованные в Ираке, а для Афганистана нужны иные формирования. Сенатор Джефф Сешнс из Алабамы поинтересовался, не должны ли мы вести себя в Афганистане «скромнее, чем до сих пор», в том, что касается наших планов переделать эту страну. Вопрос был как нельзя более кстати. Я сказал: «Мы должны внимательнее прислушиваться к тому, что говорит афганское руководство. Если афганский народ начнет воспринимать иностранцев как оккупантов, у нас ничего не выйдет; следует убедиться, что наши интересы совпадают с интересами афганского народа».

К осени 2008 года президент также пришел к выводу, что война в Афганистане идет не по намеченному сценарию, и попросил СНБ подготовить аналитический отчет, назначив ответственным Дуга Люта. 24 сентября я встретился с Картрайтом (Маллена не было в городе), Эдельманом, помощником министра обороны по специальным операциям и конфликтам малой интенсивности Майком Викерсом (это бывший сотрудник ЦРУ, я с ним работал по Афганистану в 1980-х; он прославился благодаря книге и фильму «Война Чарли Уилсона») и другими сотрудниками администрации, чтобы обсудить участие министерства обороны в подготовке этого отчета. Центральное командование сообщило, что не сможет предоставить подкрепления, запрошенные Маккирнаном, до периода с июня по октябрь 2009 года. Во-первых, требовалось переформировать бригадные группы для последующего развертывания (меньше танков и бронемашин); во-вторых, нужно многое построить – казармы, аэродромы, ангары и площадки для самолетов и вертолетов; в-третьих, необходима инфраструктура для обеспечения тысяч дополнительно перебрасываемых солдат.

Разведывательное сообщество заканчивало работу над докладом Национальной разведки – это самый авторитетный документ подобного рода, – и в нем ситуация в Афганистане рисовалась в чрезвычайно мрачных тонах. Еще до публикации доклада по Вашингтону пошли гулять сплетни, что в Афганистане «слабое, некомпетентное, коррумпированное правительство»; что силы международной коалиции топчутся на месте; что нападения талибов на города, даже когда их удается отбить, подрывают у населения уверенность в возможностях коалиции и правительства; что повстанцы все ближе к Кабулу. Безусловно заинтересованный в успешном исходе афганской кампании, я пожаловался на том сентябрьском совещании на «подножку пессимизма», отметив, что в целом для разведки «ситуация

прошла путь от сумерек до темноты за шесть – восемь недель».

Чтобы изменить как развитие событий в Афганистане, так и восприятие происходящего дома, в Америке, мы рассмотрели ряд вариантов: резкое увеличение численности афганской армии; укрепление взаимодействия с племенами, но не давая возникнуть локальным «центрам силы», способным сформировать собственные войска и бросить вызов центральному правительству; сотрудничество с компетентными местными губернаторами; предоставление помощи Пакистану с целью нормализации обстановки в приграничной зоне; налаживание торговых и иных связей между пуштунами по обе стороны границы; сосредоточение усилий в стратегически наиболее важных областях – на юге и востоке; военное планирование из расчета долговременного присутствия США в стране.

Как и в 2006 году, когда президент решил, что в Ираке не все гладко, мы обсудили три аналитических документа по Афганистану, подготовленных разными департаментами администрации. Отчет Государственного департамента был составлен по просьбе Конди; министерство обороны представило сразу несколько докладов (доклад ОКНШ с военной точкой зрения, «гражданский» доклад Эрика Эдельмана, обзор Центрального командования и, кажется, какие-то еще; для удобства будем считать их все одним) и доклад СНБ, подготовленный Дугом Лютом. Ключевым был именно доклад СНБ, и рекомендации, которые в нем содержались, сильно напоминали тезисы, звучавшие на совещании в министерстве обороны в конце сентября. Президент Буш в своих мемуарах высказался так: «[Мне рекомендовали] активизировать войну с повстанцами, в том числе направить в Афганистан военные подкрепления и гражданские ресурсы, а также еще теснее сотрудничать с Пакистаном для преследования и уничтожения экстремистов». Через год, уже при Обаме, Лют составит аналогичный доклад – и придет к совершенно иным выводам.

Учитывая, что у администрации оставалось буквально несколько недель, мы обсудили, стоит ли делать этот доклад достоянием общественности. Исходя из прошлого опыта, я советовал повременить: ведь любой документ, публично признанный «наследием» уходящей администрации Буша, будет немедленно отвергнут новой администрацией. Все согласились, что лучше просто принять рекомендации к исполнению. И вот, при 33 000 американских войск в Афганистане, еще нескольких тысячах в пути и почти 31 000 человек в составе международных сил (при запросе командующего на 20 000 дополнительно), затянувшаяся война в Афганистане фактически перешла в

ведение нового президента. В декабре Буш был готов утвердить отправку дополнительно 20 000 солдат, и Стив Хэдли справился у новоназначенного советника по национальной безопасности Обамы Джима Джонса, согласна ли новая администрация с решением Буша (каковы бы ни были последствия) или предпочтет выждать? Новая команда остановила свой выбор на втором варианте.

Одиннадцатого декабря 2008 года я нанес визит – первоначально планировалось, что он будет прощальным, – в войска, дислоцированные в Афганистане. В комментариях для прессы я предупредил новую администрацию о необходимости проявлять осторожность в наращивании иностранного военного присутствия в стране, где предыдущий опыт подобного присутствия оказался не слишком благоприятен: «Думаю, афганцы слегка обеспокоены тем, что мы будто бы указываем им, что и как делать, вместо того чтобы совместно разрабатывать планы, учитывать их поправки, а затем сотрудничать в реализации этих планов… Это их страна, их борьба и их будущее». Мы слишком часто упускали это из вида – и сами же страдали от последствий.

Эндшпиль Буша в Ираке

Хотя в сентябре 2007 года несколько попыток демократов законодательно изменить стратегию Буша в Ираке провалились, критика войны со стороны этой партии продолжалась, как продолжались и поиски способов избавить нас от этой войны как можно быстрее. Администрация ощущала постоянное давление, целью которого было ускорение вывода войск, и отбивалась от обвинений в том, что, несмотря на очевидное улучшение ситуации с безопасностью в Ираке, война не может считаться успешной: ведь иракцы по-прежнему не приняли законов, необходимых для реализации политического урегулирования и национального примирения. С началом нашего собственного экономического кризиса все чаще и громче в конгрессе стали рассуждать, что иракцам пора взвалить на себя основную часть военных расходов. В сентябре конгресс выделил только ту сумму, которой хватило бы на два месяца войны. В октябре сенаторы Левин и Рид затеяли кампанию, направленную на то, чтобы сенатский комитет по ассигнованиям сопроводил выделение средств на следующий период обязательным условием вывода большинства американских частей из Ирака в течение девяти месяцев после вступления решения в силу – причем финансы по

этому законопроекту выделялись всего на шесть месяцев. Подобное законодательное маневрирование растянулось почти на весь следующий год, но я ощущал растущую уверенность: пока Буш остается президентом, никакие поправки к законам, которые способны радикально повредить нашей стратегии в Ираке, через конгресс не пройдут.

В осенние месяцы, после сентябрьского объявления президента о завершении «Большой волны» и при том что ситуация продолжала в целом улучшаться, мы столкнулись с рядом трудностей – как в Багдаде, так и в Вашингтоне. Прежде всего упомяну скандал, связанный с деятельностью частных охранных корпораций (ЧОК). Эти компании-подрядчики действовали в Ираке уже много лет, однако не имели ни планов, ни структуры, ни надзора, да и какая-либо координация тоже отсутствовала. При этом роль подрядчиков становилась все важнее, всякий департамент правительства и правительственное агентство нанимали их самостоятельно, и численность сотрудников ЧОК в Ираке мало-помалу приблизилась к 150 000 человек. Из примерно 7300 охранников, нанятых министерством обороны, почти 6000 несли преимущественно стационарную караульную службу.

Государственный департамент, со своей стороны, нанял гораздо больше сотрудников ЧОК для охраны дипломатов, государственных чиновников, специальных посланников и некоторых других гражданских лиц; именно эти наемники доставляли нам максимум головной боли. Как высказался Дэвид Петрэус в ходе одной видеоконференции: «Они ведут себя, как Жабб[66] из “Ветра в ивах” – вопят: “Прочь с дороги!”». Поведение кое-кого из этих людей было и вправду отвратительным: они нередко оказывались участниками, а то и виновниками ДТП со смертельными исходами на иракских дорогах, да и вообще грубо обращались с гражданскими. Такое поведение, безусловно, подрывало наши усилия по завоеванию доверия и поддержки иракцев. Я сказал Петрэусу, что любого, кто носит от нашего имени оружие в Ираке, следует передать в его подчинение – Дэвид должен как минимум знать, что делают в стране все без исключения вооруженные американцы.

После нескольких особенно вопиющих инцидентов, имевших место летом и осенью 2007 года, буквально посыпались требования от иракцев и от конгресса (редкий случай, когда эти две стороны выступали заодно) призвать охранных подрядчиков к порядку и передать их под надзор и руководство Государственного департамента и министерства обороны. Сразу же начались споры по поводу юрисдикции: кто несет за них

ответственность – военная судебная система или министерство юстиции? Разногласия между Госдепом и министерством обороны, осложненные агрессивными дебатами в конгрессе, изрядно затруднили улаживание этого вопроса (хотя, на мой взгляд, все можно было сделать без сколько-нибудь значимых проволочек). Госсекретарю Райс и мне понадобилось разрубить поистине невероятно количество бюрократических гордиевых узлов. Переговоры тянулись месяцами, но наконец мы достигли соглашения, которое сблизило точки зрения Госдепа и министерства обороны на контроль операций подрядчиков, координацию их деятельности и подчинение ЧОК военному командованию. Пусть медленно, но положение дел менялось к лучшему.

Также следовало разобраться с курдскими террористами на севере Ирака, которые регулярно совершали рейды через границу и убивали турецких чиновников, солдат и полицейских. Турки требовали от иракского правительства положить конец этим набегам, однако Багдад был не в состоянии сделать это самостоятельно, без активного сотрудничества лидеров Иракского Курдистана. Турки нанесли ряд ответных ударов, на земле и с воздуха, и ситуация была очень близка к тому, чтобы перерасти в полноценный конфликт. Петрэус упорно убеждал турок по крайней мере заблаговременно нас предупреждать, чтобы мы не допустили случайного боестолкновения турецких и американских сил; увы, турецкие уведомления поступали весьма произвольно, зачастую уже после состоявшегося боя. Некоторые турецкие авиаудары пришлись фактически вплотную к иранской границе. Не раз и не два иранцы поднимали свои истребители на перехват, а нам оставалось только молиться, чтобы они ненароком не перепутали турецкие самолеты с американскими.

Обмен набегами продолжался много месяцев и привел к крупной контртеррористической наземной операции, которая началась в конце февраля 2008 года, как раз перед тем как я прибыл с визитом в Анкару. Турецкое правительство подвергалось серьезной критике внутри страны за свою «мягкотелость». Тем не менее я настоятельно рекомендовал остановить начатую операцию, учитывая все риски, какие ей сопутствовали, и заставить турок отвести войска на исходные позиции. Когда американские репортеры, меня сопровождавшие, спросили, уверен ли я, что турки прислушаются, я ответил – да, «потому что они слышали эти слова четыре раза». Наша неспособность помочь туркам разделаться с курдскими террористами, помимо прочих вопросов двусторонних отношений, привела к существенному охлаждению

сотрудничества; все понемногу стало меняться к лучшему, только когда мы предоставили туркам новое разведывательное оборудование для контроля границы и куда более оперативного и точного поиска террористов; еще мы убедили руководство Курдистана активнее сотрудничать с турками, а президент Буш совместно с премьер-министром Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом подписал соглашение об укреплении военного партнерства.

Осенью 2007 года в администрации заспорили, как поступить с пятью иранскими офицерами подразделения «Кудс», захваченными в Ираке в марте этого года. «Аль-Кудс» – это специальное подразделение корпуса стражей исламской революции, выполняющее «экстерриториальные задания». Оно подчиняется непосредственно аятолле Хомейни[67]. Лидер захваченной нами группы, Каис аль-Хазали, оказался давно разыскиваемым преступником, причастным к контрабанде смертоносных снарядоформирующих зарядов (СФЗ) и другого оружия в Ирак, обучению экстремистов-шиитов, созданию «эскадронов смерти», разжиганию насилия на религиозной почве, организации похищений и убийств. Именно он спланировал нападение в иракской Кербеле 20 января 2007 года, когда были хладнокровно убиты пятеро американских солдат. Иранцы явно рассчитывали так или иначе вернуть себе этих офицеров. Они заваливали жалобами и требованиями правительство Ирака, и даже в администрации Буша нашлись те, кто был готов пойти на уступки. Среди прочих, к моему великому удивлению, такую готовность проявил адмирал Фэллон, который сказал мне, что, по его мнению, мы должны отпустить «иранских заложников», если нам предложат взамен что-либо значимое. Я сообщил, что швейцарцы предложили нам свои посреднические услуги в этом вопросе, но лично я «не считаю подобное возможным».

В ходе очередной видеоконференции я сказал Петрэусу, что в Вашингтоне горячо обсуждается, не отпустить ли этих офицеров. Иранцы, по всей видимости, предприняли какие-то шаги к приостановке переброски «незаконного оружия» через границу, и Хэдли с Лютом планировали обратиться к президенту по поводу освобождения офицеров «Кудс». Я сказал Петрэусу, что налицо конфликт интересов в администрации: Райс и Хэдли хотели «выжать досуха» иранцев и только потом освободить; мы с Чейни настаивали на том, чтобы держать их в заключении неопределенно долго. Споры продолжались и продолжались, но все-таки троих из пяти иранских офицеров отпустили еще при администрации Буша; Каис аль-Хазали оставался в тюрьме до января 2010 года, когда его обменяли на Питера Мура,

британского компьютерного консультанта, похищенного в Ираке боевиками «Кудс». После того, что аль-Хазали устроил в Кербеле с нашими солдатами, сам я никогда бы его не отпустил.

Также осенью 2007 года случился один из наиболее неловких моментов за всю мою министерскую карьеру. Президент пообещал спикеру Пелоси копию совместного плана Петрэуса и Крокера по Ираку, а мне выпала сомнительная честь изыскать способ дезавуировать это обещание. Ситуация как таковая возникла из запроса сенатора Клинтон в прошлом мае предоставить схему сокращения войск в Ираке. Эрик Эдельман отказал сенатору, что побудило демократов в конгрессе сплотиться; за призывами представить эту схему нам припомнили и давний отказ министерства обороны поделиться с конгрессом стратегическими и оперативными планами. Это была еще одна попытка заставить администрацию принять на себя обязательства по конкретным срокам вывода войск из Ирака независимо от условий на местах; на мой взгляд, прямая безответственность. Законопроект прошел слушания в палате представителей в середине июля и в сенате в начале октября; согласно этому документу, министерство обороны должно регулярно отчитываться перед конгрессом о планировании передислокации наших войск из Ирака. На следующий день после подачи законопроекта в сенат я получил письмо от Айка Скелтона, председателя комитета палаты представителей по делам вооруженных сил; он торопил меня приступить к планированию, желал знать, каков будет наш «след» в Ираке после передачи полномочий иракцам, и настаивал на подробных брифингах.

Я сказал Хэдли, что мы не можем выполнить обещание президента и представить совместный план в конгресс, поскольку это создаст нежелательный прецедент. После недели тягомотных и мучительных переговоров с Капитолием все же удалось найти компромисс: я согласился регулярно направлять в конгресс старших офицеров, которые будут кратко информировать руководство обеих палат по ключевым вопросам, касающимся планов по выводу войск.

В сентябре, по рекомендации Петрэуса, президент объявил, что, если позволят условия на местах, все подкрепления, отправленные в рамках «Большой волны», будут выведены из Ирака к середине лета 2008 года; сокращение пяти тактических бригад вернет нас к первоначальным пятнадцати бригадам. Предвосхищая требования более быстрого и радикального вывода войск, я решительно поддержал предложение Петрэуса провести следующий анализ ситуации в марте – не раньше; именно в марте генерал будет готов озвучить свои рекомендации по дальнейшему

выводу войск во второй половине 2008 года. На пресс-конференции на следующий день после сентябрьской речи президента я позволил себе, что называется, кинуть кость конгрессменам. Я сказал, что Петрэус, надеюсь, «сможет сообщить, что сокращение численности контингента можно продолжать в том же темпе во второй половине текущего года»; это означало вывод из Ирака к концу 2008 года еще десяти тактических бригад – около 100 000 американских военнослужащих. Моя стратегия состояла в том, чтобы не допускать ненужных ошибок при сокращении наших сил в Ираке, иначе Ирак наверняка окажется центральным вопросом грядущих президентских выборов. Вдобавок таким образом новый президент получит политическое прикрытие для более длительного военного присутствия США в Ираке и устойчивого положения в регионе в долгосрочной перспективе. Я хотел, чтобы дискуссии вокруг Ирака сосредоточились на темпах вывода (полагая, что в этих дискуссиях генералы неизменно будут побеждать, ибо тут все упирается в боевые условия и фактическую ситуацию на местах).

Долгосрочное американское военное присутствие в Ираке виделось мне необходимым по нескольким причинам. Во-первых, подобное присутствие чрезвычайно важно для предотвращения межрелигиозных конфликтов; во-вторых, мы тем самым сумеем опосредованно помешать конфронтации, особенно между арабами и курдами. В-третьих, наши войска являются сдерживающим фактором для вмешательства Ирана. Следовательно, дальнейшее военное присутствие США в Ираке обнадежит наших друзей в регионе. Также нельзя забывать о продолжающейся борьбе с терроризмом и о насущной потребности обучения иракцев. Кроме того, совсем не хочется подвергать риску все, чего мы достигли столь дорогой ценой, ценой человеческих жизней, оставляя новое иракское правительство на милость соседей и охваченным внутренними разногласиями. Словом, оставаться в Ираке для нас жизненно необходимо.

После осенних треволнений я в частном порядке встретился с Петрэусом в Багдаде в декабре 2007 года, чтобы обсудить мартовский анализ и программу вывода контингента. Как я уже писал, в отношении численности войск мы придерживались сходных взглядов, зато расходились в оценке сроков: Петрэус считал, что нужно провести максимально возможный вывод подразделений в 2008 году и в начале 2009 года. «Не знаю, смогу ли обеспечить десять бригадных тактических групп [100 000 человек] к концу 2008 года», – сказал он. Я предполагал более

длительные сроки. Для меня постепенное, но непрерывное сокращение численности контингента в течение 2008 года представляло собой важнейший фактор для получения политической поддержки долгосрочного присутствия США в Ираке: «Если мы закончим 2008 год с тринадцатью – пятнадцатью бригадами в Ираке, боюсь, следующий президент потребует полного или почти полного вывода в весьма сжатые сроки, что дестабилизирует обстановку и, возможно, чревато катастрофой». Я сказал Петрэусу, что заметил его «предрасположенность» к выводу контингента в первой половине 2008 года (тут он застенчиво улыбнулся), то есть запланировал передислокацию большинства частей ближе к концу шестимесячного периода, а не распределил интервалы равномерно. Неужели нельзя сделать то же самое во второй половине года, даже если в марте поступит рекомендация продолжать вывод? Я сообщил, что намерен организовать процесс принятия решений аналогично тому, что было в минувшем сентябре: он представит свои рекомендации, а Центральное командование, председатель Объединенного комитета начальников штабов и я – свои. Будет здорово, если снова появится возможность показать, что все старшие военачальники единодушны; если же такого не случится, решение по срокам придется принимать президенту.

Еще во время нашей встречи я сказал Дэвиду, что президент хотел бы, чтобы он оставался на своем посту вплоть до 20 января 2009 года. Петрэус ответил, что предпочел бы уйти летом 2008 года и занять должность главы Европейского командования (и стать главнокомандующим объединенных вооруженных сил НАТО в Европе). Я уточнил, что готов попробовать договориться с президентом относительно утверждения его кандидатуры в сенате для работы в Европе, если он согласится задержаться в Ираке до ноября.

Когда я рассказал президенту о своей встрече с Петрэусом, Буш спросил, не стоит ли сохранить состав контингента в Ираке в количестве пятнадцати бригад, но объявить о дальнейших сокращениях после выборов, чтобы «заставить новую администрацию придерживаться нашего курса». Признав, что это будет «нежелательным подарком» новоизбранному президенту-демократу, Буш прибавил: «Вы не поверите, что нам оставил в наследство Клинтон». Этот же рефрен я постоянно слышал в адрес Буша все то время, когда трудился в администрации Обамы.

Президент встретился с Петрэусом в Кувейте 13 января 2008 года и попросил, чтобы мартовские рекомендации составлялись строго «на основе реального положения дел». Петрэус доложил

мне, что президент поделился своими опасениями о чрезмерной усталости войск, но снова повторил свой самый весомый аргумент – тяжелейшим ударом для военных будет поражение в Ираке. Президент, добавил Петрэус, сказал ему, что не возражает, если численность американского контингента сохранится на уровне пятнадцати бригад «на некоторое время»; ту же формулировку Буш позже повторил в заявлении для прессы.

Двадцать девятого января я встретился один на один с президентом за завтраком, чтобы обсудить вывод войск из Ирака. Я сказал Бушу, что сосредоточился на «накрытии стола» в Ираке и Вашингтоне и пытаюсь просчитать будущее как минимум на год вперед. Важнейший вопрос в том, как сохранить и развить наши достижения в Ираке, обеспечив нашему устойчивому долгосрочному присутствию в этой стране максимальную поддержку в самих США. Сложность в том, что любой из необходимых шагов способен поставить под угрозу все остальные. Как найти правильный баланс? Я сказал, что наши успехи в Ираке, несомненно, реальны, но требуют новых усилий. С моей точки зрения, продолжать вывод войск во второй половине года теми же темпами, что и в первой – как я публично выражал надежду в предыдущем сентябре, – «пожалуй, будет чересчур агрессивно». В то же время цепляться за пресловутый «порог» в пятнадцать бригад до конца года тоже рискованно, поскольку это покажет всем, что ситуация в Ираке перестала улучшаться. Иракцы и американцы получат неверный сигнал, который потенциально способен оказать значительное влияние как на исход предвыборной кампании в Соединенных Штатах, так и на решения, которые будут приняты после 20 января 2009 года. Вдобавок мы невольно ослабим военное и политическое давление на иракцев. Одновременно – поскольку все будет выглядеть так, что мы остались как «оккупанты», – это затруднит переговоры по стратегическому рамочному соглашению и статусу сил (первое было призвано заложить основу будущего американо-иракского экономического, политического и военного сотрудничества, второе – обеспечить правовую основу военного присутствия США в Ираке в долгосрочной перспективе). Наконец, никакие дополнительно выведенные войска не сделают более вероятным кардинальное сокращение численности американского контингента после 20 января, если президентом изберут демократа. По-моему, о большинстве этих рисков Буш не задумывался.

Приостановив выполнение рекомендаций Петрэуса, президент может объявить в апреле, что мы в состоянии вывести «чуть больше» тактических бригад к январю 2009 года. Я

посоветовал Бушу рассмотреть вывод одной бригады в сентябре-октябре и еще двух в конце ноября – начале декабря. Это позволит нам продержать четырнадцать тактических бригад в Ираке почти до конца 2008 года, а новый президент получит «четырнадцать минус две» в качестве подарка на инаугурацию. Это покажет, что дела в Ираке идут на лад, и поможет предотвратить стремительный вывод войск президентом-демократом.

Президент сказал, что подумает о моих советах. Затем, в завершение завтрака, он потряс меня заявлением, что жалеет о собственном недосмотре: «надо было поменять министра обороны еще пару лет назад». Это единственная критика, которую я когда-либо слышал от Буша в адрес Рамсфелда.

Прежде чем вновь отправиться в Ирак, на новое совещание с Петрэусом о выводе наших войск, я вытерпел еще одно слушание в сенатском комитете по делам вооруженных сил. Все было традиционно, никто из демократов с Капитолийского холма не нашел ни единого доброго слова о войне в Ираке, пусть даже Левин публично признал успех наших военных операций. На слушании Левин вторил Пелоси и Риду: мол, «Большая волна» провалилась, потому что враждующие иракские группировки так и не примирились между собой. К сожалению, эту позицию поддержал и сенатор Уорнер, старший республиканец в комитете.

Кроме того, обсуждался законопроект об увеличении для военнослужащих срока пребывания дома (политическая игра ради сокращения численности иракского контингента; демократы уже пытались в нее играть, но их попытки были заблокированы республиканцами в сенате прошлой осенью). Сенаторы хотели убедиться, что соглашения, относительно которых мы вели переговоры с иракцами, не обязывают нас защищать Ирак; сенатор Эдвард Кеннеди настаивал, что любые соглашения подобного рода должны получать одобрение конгресса. После слушания спикер Пелоси припомнила заявление Маллена о том, что американские вооруженные силы рискуют, перебросив столько солдат и офицеров в Ирак и Афганистан; она сказала, что слова Маллена «подтверждают мнение ряда конгрессменов – война в Ираке серьезно подорвала боеспособность и боеготовность страны», а значит, «необходим новый курс». При этом она ни разу не упомянула Афганистан, зато хватало откровенно партийных, бесстыдных нападок на войну в Ираке. Увы, с конгрессменами-демократами даже затрагивать любой вопрос, связанный с Ираком, в присутствии телекамер было попросту невозможно – весь здравый смысл мгновенно улетучивался. Я никогда не любил парламентские слушания, а

теперь и вовсе начал их ненавидеть. Каждый раз, когда кто-либо в ходе слушаний критиковал непримиримость иракских фракций, мне хотелось попросить слова и предложить членам комитета взглянуть в зеркало: может, сперва постараемся добиться примирения поближе к дому? Политическое позерство и партийные интересы производили гнетущее впечатление, и мне приходилось прилагать все больше усилий, чтобы оставаться спокойным и трезвомыслящим. До 20 января 2009 года было очень далеко.

Одиннадцатого февраля я провел почти два часа с Петрэусом в Багдаде. Я согласился с тем, что сокращение контингента до десяти бригад к концу года неразумно с военной точки зрения, а также с тем, что «пауза» для оценки и внесения корректив после вывода оставшихся подкреплений «Большой волны» в июле действительно имеет смысл. Мы договорились, что президенту следует объявить об этом в апреле, а затем, если позволят условия, мы возобновим вывод войск, что даст возможность Петрэусу сохранить четырнадцать бригад в Ираке до конца года. Я сказал, что поддержу плавность «глиссады» вывода войск, насколько это вообще возможно, но мы должны продолжать вывод контингента. Большинство американцев, напомнил я Дэйву, считают эту войну огромной ошибкой, так что для них сокращение численности наших войск является принципиально важным. Я также повторил свою мантру насчет минимальной необходимой поддержки общественности и конгресса для достижения наших долгосрочных целей в Ираке. Кажется, Петрэус разделял мою веру.

На пути домой я сообщил представителям прессы, которые сопровождали меня на борту самолета, что «краткий период осмысления и оценки сделанного, вероятно, вполне оправдан». По моим прикидкам, требовалось около сорока пяти дней. Мои комментарии вызвали эффект разорвавшейся бомбы. Белый дом рассчитывал на паузу в несколько месяцев, а не недель. Хиллари Клинтон заявила, что «опечалена» моими словами, и призвала президента «завершить войну, которую он необдуманно начал». Сенатор Обама сказал, что решительно не согласен с паузой в «давно назревшем выводе наших полевых частей из Ирака». Начальники штабов оказались равно недовольны моими словами и самой паузой. Но газета «Вашингтон пост» неожиданно отметила, что «министр обороны из администрации Буша наконец-то прислушался к своим командирам». А газета «Юс-эс-эй тудей» резюмировала: «Успех военной операции снял вопрос об Ираке с повестки выборов».

На следующий день после моего возвращения из Ирака я

передал президенту рекомендацию Петрэуса, с которой сам был согласен: в начале апреля объявить паузу для осмысления и оценки сделанного и возобновить вывод из Ирака американских войск осенью, если позволят условия. При этом 1 сентября мы объявляем, что выводим еще одну тактическую бригаду, а в какой-то момент между октябрем и началом декабря говорим, что готовы дополнительно вывести одну или две бригады.

В тот же вечер я, как упоминалось ранее, поскользнулся на льду и сломал руку. На следующее утро мне предстояли слушания в конгрессе, но врачи меня не пустили. Я столько жаловался на скуку и бесполезность парламентских слушаний, что некоторые коллеги в шутку предположили, будто я упал нарочно, чтобы избежать еще одного «близкого контакта» с конгрессом. Тед Кеннеди прислал весьма дружескую записку с пожеланием скорейшего выздоровления – «вы нужны нам, мой друг».

Чуть больше, чем через неделю после нападок сенаторов на иракцев за неторопливость в вопросе принятия ключевых законодательных актов (кто бы говорил, уж поверьте!), иракский Совет представителей одобрил три важнейших законопроекта: бюджетный, о дебаасификации и амнистии и закон о региональных органах власти. После нескольких месяцев топтания на месте произошел реальный прорыв, имевший громадное значение для всех основных иракских фракций. Тем самым иракцы сделали колоссальный шаг вперед, а наши усилия по сохранению избранного курса получили весомую поддержку. Также в феврале генерал-лейтенант Ллойд Остин сменил Рэя Одиерно на посту командующего многонациональными силами в Ираке. Петрэус, безусловно, был главным архитектором новой стратегии в Ираке, но и Рэй сыграл немалую роль в том, что эта стратегия начала воплощаться. За одну неделю этого месяца в Ираке впервые с января 2006 года было зафиксировано менее пятисот случаев насилия. В марте был отмечен четвертый в порядке убывания уровень насилия за неделю с 2004 года. Конечно, бывали плохие дни – так, 10 марта пять солдат погибли от взрыва глубоко закопанного СВУ, а террорист-смертник подорвал еще троих, – но Петрэус был убежден, что повстанцы пытаются «нагнать повыше» волну насилия в преддверии намеченных на апрель выступлений перед конгрессом генерала и посла Крокера.

Чем ближе был апрельский «поворотный пункт», тем чаще становились совещания; мы с Петрэусом и председателем ОКНШ обсуждали наши дела минимум раз в неделю. Дэйв ознакомил нас с набросками своих рекомендаций на видеоконференции 20

марта. Он сказал, что после «Большой волны» основная задача сводится к «обеспечению безопасности и передаче полномочий». Он обозначил срок для сорокапятидневной паузы – середина июля, когда в Ираке останется пятнадцать тактических бригад; к концу года будут выведены еще две бригады, а третья – сразу после инаугурации.

Я сказал Дэйву, что вывод первой дополнительной бригады, как только позволят условия, будет отличной идеей, равно как и объявление о том, что мы возвращаемся к привычным командировкам продолжительностью двенадцать месяцев. «Главное – произвести впечатление и наметить цели», – сказал я. Также нужно дать понять, что «оценка» представляет собой непрерывный процесс, то есть что мы не будем выводить дополнительные бригады, если вдруг ситуация в Ираке покатится под откос.

Всего за несколько недель до выступления Петрэуса и Крокера перед конгрессом иракский премьер-министр Малики, разочарованный и возмущенный мятежом шиитских экстремистов в Басре (при поддержке Ирана, разумеется), приказал ввести в этот город подразделения иракской армии, дабы «восстановить порядок». Американские командиры пришли в ужас: Малики предпринял столь рискованные действия без надлежащей подготовки. Они всячески старались обеспечить логистику и планирование и консультировали Малики; без этой помощи он почти наверняка потерпел бы поражение. Но поражения не случилось, и в итоге Малики добился признания во всем Ираке в качестве «национального» лидера, подавившего недовольство сородичей-шиитов. Буш сказал начальникам штабов: «Мы должны похвалить Малики за взятие Басры и уничтожение экстремистов». Президент охарактеризовал случившееся как «знаменательное событие». «Раньше Малики был новичком, парализованным страхом, а теперь он готов к ответственности», – прибавил Буш.

На том же совещании, где прозвучало это мнение, президент подробно обсудил с начальниками штабов ситуацию в Афганистане, а также затронул тему здоровья наших солдат и офицеров. Маллен отметил, что успех в Ираке позволит перераспределить силы в пользу других регионов дислокации, прежде всего Афганистана. «Значит, Ирак вынуждает нас проигрывать в Афганистане?» – задал Буш риторический вопрос; все промолчали. Президент спросил о посттравматическом стрессе, и генерал Кейси доложил о выполняемой работе по «оздоровлению», «от командиров и далее ниже по субординации». Буш закончил совещание словами: «Самое худшее для боевого духа страны – иметь президента, который извиняется за свои

действия и не уверен в правильности своих поступков».

Реакция конгресса на выступления Петрэуса и Крокера 8 и 9 апреля значительно отличалась от сентябрьской и по сути, и по тональности. Петрэус рассказал о том, сколь хрупка ситуация с безопасностью в Ираке, и прибавил, что после отправки домой последней бригады из подкреплений, присланных в рамках операции «Большая волна», он попросил сделать в выводе войск паузу на сорок пять дней, с последующим периодом «оценки» (неопределенной длительности) до представления рекомендаций о дальнейшем выводе контингента. 10 апреля, в «поперечном» зале Белого дома (на пересечении северного фойе и коридора, соединяющего Восточную комнату и Государственную столовую), перед группой ветеранов, вместе с гражданским и военным руководством министерства обороны и другими чиновниками, выступил президент. Он подтвердил решение вывести к июлю последнюю из пяти дополнительных бригад из Ирака и всецело поддержал просьбу Петрэуса не форсировать дальнейшее сокращение контингента до завершения оценки и анализа сделанного. Буш сказал: «Я обещал ему [Петрэусу], что у него будет все время, какое потребуется». Он заявил, что война не «бесконечна» и что все полевые части после 1 августа переводятся на график с боевыми командировками продолжительностью двенадцать месяцев вместо пятнадцати.

Через несколько часов после заявления президента мы с Малленом присутствовали на заседании сенатского комитета по делам вооруженных сил. Петрэус, естественно, выбрал осторожную тактику в вопросе дальнейшего вывода войск, и президент с ним соглашался. Я описал приостановку вывода как «короткую паузу»: «Не думаю, что данный период окажется длительным, и хотел бы подчеркнуть, что мы надеемся, в зависимости от условий на местах, продолжить сокращение численности войск в Ираке этой осенью». Петрэус, уточнил я, подготовит свои рекомендации в этом отношении к сентябрю. Сенаторы, разумеется, не могли не обратить внимания на разницу между «неопределенной длительностью» в оценке Петрэуса и моей «короткой» характеристикой; я ответил: «Одно из преимуществ министра обороны, я полагаю, состоит в том, что он может себе позволить надеяться, а боевой командир – нет». Пресса расценила мои слова как признак того, что я не одобряю или даже категорически против позиции президента и Петрэуса, и это действительно так – во всяком случае, по тону. Я не сомневался, что нужно и дальше «болтать морковкой» вывода войск под носом у конгресса, дабы снизить политическую температуру.

Но в целом мои мотивы были куда более прагматическими, если смотреть вперед, а не только вокруг. Как я уже говорил, я был убежден, что долгосрочное американское военное присутствие в Ираке полностью отвечает нашим национальным интересам. Я считал, что продолжение вывода войск в 2008 году критически необходимо для обеспечения этого результата – хотя бы политической возможности его добиться – после грядущих выборов. Это означало, что нужно и дальше давить на президента и Петрэуса ради продолжения вывода и одновременно сопротивляться попыткам демократов изменить стратегию, заодно призывая поддержать долгосрочный подход. Я знал, что балансирую на тонком политическом канате.

Заранее написанную для этих слушаний речь я закончил весьма личным комментарием:

«Мне осталось восемь месяцев в должности министра. По-прежнему мы каждый по-своему оцениваем варианты развития Ирака… Шестнадцать месяцев назад я надеялся помочь отыскать некий двухпартийный путь для нашей политики в Ираке, путь, который потребует от нас куда меньшей – но адекватной потребностям – сосредоточенности этой администрации и ее преемников на ситуации в Ираке, курс, который гарантирует, что Ирак станет нашим союзником против экстремистов и будет способен к самоуправлению и обороне собственными силами. Теперь я опасаюсь, что вполне понятное разочарование медленным прогрессом и тревога в отношении принесенных жертв могут побудить нас к решениям, обоснованным в краткосрочной перспективе, но очень и очень дорогостоящих в перспективе долгосрочной. В 2001 году мы подверглись нападению у себя дома, были атакованы из Афганистана – и до сих пор находимся в состоянии войны в Афганистане сегодня в немалой степени из-за ошибок, которые допустили; ошибок, которые и я, среди прочих, допустил; ошибок в эндшпиле афганской войны с Советами. Если и в Ираке мы проведем эндшпиль с ошибками, последствия, уверен, будут гораздо хуже».

Несмотря на все мои усилия, понижение политической температуры, увы, не означало, что Ирак исчез из предвыборной повестки дня. После упомянутого выступления президента, после наших с Петрэусом, Крокером и Малленом свидетельств перед сенатом Обама публично призвал: «Конца войне благодаря политике Буша не предвидится, но давно пора завершить противостояние в Ираке». А Хиллари Клинтон прибавила: «Президенту стоит ответить на вопрос, который напрашивается сам собой, – если «Большая волна» провалилась, что сулит эндшпиль в Ираке?»

Критическим элементом «эндшпиля» являлись переговоры по стратегическому рамочному соглашению (СРС) и соглашению о статусе сил (ССС) с иракским правительством. Подписание ССС – которое обеспечивало юридический базис для постоянного присутствия войск США – обсуждалось на протяжении 2008 года, поскольку в конце этого года истекал мандат Совета Безопасности ООН, санкционирующий пребывание многонациональных сил в Ираке. Местные чиновники не проявляли интереса к расширению или «пролонгации» этого мандата. Нашу переговорную команду возглавляли Райс, Крокер, Бретт Макгерк из аппарата СНБ и Дэвид Саттерфилд из Государственного департамента. Сотрудники министерства обороны также входили в эту команду, наличествовала тесная координация усилий, в том числе с привлечением Петрэуса и его подчиненных, однако ведение переговоров военные с удовольствием передоверили Госдепу и штатским специалистам. Работа была и вправду неблагодарная. Препятствия возникали постоянно, в значительной мере из-за политической обстановки в Ираке и из-за ощутимого нежелания иракцев видеть вооруженные силы США на своей территории – в первую очередь таковое демонстрировали спонсируемые Ираном шииты. Все довольно быстро поняли, что планы подписать соглашение 31 июля совершенно нереальны.

Учитывая очевидные проблемы с подписанием ССС, я предположил, что иракцев можно стимулировать, показав, что мы заключили ряд аналогичных соглашений с другими странами. Например, стоит посоветовать им пообщаться с южнокорейцами и японцами; пусть обсудят преимущества и недостатки нашего пребывания в этих государствах. Как оказалось, это была чудовищно глупая идея. Представители Южной Кореи и Японии поделились с иракцами своим разочарованием американскими военными, нарушающими местные законы. Конфликты с частными охранными компаниями также не облегчали процесс, ведь иракцы обладали собственным, весьма негативным опытом взаимодействия с этими структурами. На видеоконференции 5 февраля с Малленом, Петрэусом, Фэллоном, Эдельманом и другими я изложил приоритеты министерства обороны для переговоров. Самое главное – добиться операционной свободы действий (в том числе юридической защиты наших войск) и права задержания подозреваемых (воинствующих экстремистов, которых иракцы легко могут отпустить). Что касается ЧОК, «мы согласны на компромисс». На следующий день Эдельман процитировал Крокера, который будто бы сказал о частных охранниках: «Эта зараза отравит ССС».

К началу лета все способы продлить наше военное

присутствие в Ираке казались не менее «ядовитыми». Я неоднократно слышал, что ССС «в этом году не подпишут», что иракцы ненавидят декреты Временной коалиционной администрации 2003 года и не меньше возненавидели резолюцию Совета Безопасности ООН. А именно эти три документа, причем вместе взятые, создавали правовую основу для дальнейшего пребывания наших военных в Ираке после декабря 2008 года. Несмотря на все проблемы, к июлю 2008 года участники переговоров согласились, что стороны близки к соглашению. По условиям нового документа мы обязывались вывести свои гарнизоны из иракских городов к середине 2009 года, сроки же полного вывода войск США подлежат обсуждению между Малики и американским президентом. Эдельман сказал мне: «Лучше и быть не могло», а Одиерно заявил, что «для работы достаточно».

В сентябре неожиданно возник вопрос о том, чьей юрисдикции подлежат американцы в военной форме, нарушившие иракские законы; мы пытались найти баланс между противоположностями: с одной стороны, следовало убедить наших солдат, что их никогда не сдадут на сомнительную милость иракских судов, а с другой – нужно было заверить иракцев, что любой совершивший серьезное преступление на территории Ирака окажется в ведении иракского суда. 9 сентября, на последней видеоконференции с Петрэусом как командующим в Ираке, я сказал, что юристы министерства обороны «давятся» предложенным компромиссом и беспокоятся, что может возникнуть прецедент для нашего военного партнерства с другими странами. Но в итоге мы и здесь нашли приемлемый вариант.

Петрэус доложил, что иранский бригадный генерал арестован в Ираке за подкуп законодателей – каждому он предлагал по 250 000 долларов за голос против ССС. Позже мы узнали, что глава иранского подразделения «Кудс», генерал-майор Касем Сулеймани, убеждал президента Талабани – Ирак не должен подписывать никаких соглашений с Бушем.

В день моей беседы с Петрэусом, 9 сентября, Буш объявил, что еще 8000 военнослужащих США вернутся домой к февралю 2009 года благодаря продолжающемуся снижению уровня насилия в Ираке. На следующий день мы с Майком Малленом выступали в конгрессе. Я сказал, что мы вошли в эндшпиль в Ираке и очень важно сделать все правильно. Я призвал наших политических лидеров проявлять осторожность и гибкость и учитывать рекомендации старших офицеров и военачальников. Я сказал: «Имейте в виду, мы должны ожидать, что задержимся в Ираке на годы, хотя формы нашего присутствия будут

ограничиваться и меняться».

Шестнадцатого сентября 2008 года Рэй Одиерно сменил Петрэуса в качестве командующего многонациональными силами в Ираке. Непосредственно перед церемонией смены командования я произвел Рэя в полные генералы – эта церемония транслировалась по видеоканалу из штаб-квартиры во дворце аль-Фав в Багдаде, так что жена и близкие Рэя, приглашенные в Пентагон, могли наблюдать посреди ночи за торжеством. Я прикрепил на униформу Одиерно заслуженных четыре звезды, а затем уголком глаза, заметил, как он исподволь отрывает «липучки» и переворачивает нашивку нужной стороной вверх[68].

Прилетев в Ирак ради передачи командования, я встретился с аль-Малики. Тот выразил беспокойство: если мы не сможем достичь соглашения о статусе сил и американские войска покинут Ирак, «ситуация серьезно осложнится. Нам необходимы американские войска, по крайней мере на некоторое время. Если они уйдут, мы лишимся всех успехов и достижений». Он сказал, что в интересах Ирака сохранить американское военное присутствие и «долгосрочные отношения». На самом деле все ключевые иракские лидеры хотели заключить соглашение – просто никто не хотел первым сообщить об этом публично.

Третьего ноября, за день до президентских выборов в США, я принял участие в совещании в Белом доме по поводу окончательного варианта соглашения. Иракцы предложили 120 поправок, из которых всего три или четыре были по-настоящему важными. Мы внесли некоторые изменения и через несколько дней в последний раз отправили текст договора иракцам. Переговорный процесс завершился – как минимум для Соединенных Штатов. Оба соглашения – СРС и ССС – были подписаны 17 ноября 2008 года послом Крокером и министром иностранных дел Ирака Хошияром Зибари в Багдаде. По условиям ССС, вооруженные силы США должны были покинуть все иракские города и деревни к 30 июня 2009 года, а полный вывод сил США должен завершиться к 31 декабря 2011 года. В Багдаде 14 декабря 2008 года президент Буш и премьер-министр Малики ратифицировали этот документ.

Наблюдая за церемонией подписания по телевидению, я испытывал колоссальное облегчение. Если вспомнить жуткие условия, с которых все начиналось в Ираке в конце 2006 года, мы прошли долгий путь. Ситуация с безопасностью в Ираке резко улучшилась, и пусть иракские политики погрязли в коррупции и ожидать благоприятных перемен в этом отношении вряд ли стоит, теперь они ведут дискуссии в парламенте и улаживают свои разногласия без стрельбы друг в друга. Намечены

конкретные сроки окончания военного присутствия США в Ираке, но благодаря соглашению мы получили еще три года, чтобы помочь стабилизировать ситуацию в стране и обучить местную армию. Завершение нашей военной миссии в Ираке не станет следствием политических неурядиц или, что хуже всего, военного поражения – нет, это будет передача полномочий демократически избранному правительству, которое опирается на обученную американскими инструкторами армию. В декабре 2008 года (и позже) я был уверен, что мы должны и далее в той или иной степени оставаться в Ираке после 2011 года, стать партнером иракцев в борьбе с терроризмом, продолжать обучение иракской армии, даже если это потребует новых соглашений.

Учитывая, сколь трудными были переговоры по ССС в 2008 году, и принимая во внимание едва не случившийся отказ иракского парламента утвердить этот документ, мне следовало быть более реалистичным в своих прогнозах, касающихся военного присутствия США в Ираке после 2011 года и тех проблем, с которыми мы столкнемся. Для многих иракцев мы были и навсегда останемся оккупантами и захватчиками, а вовсе не освободителями. С другой стороны, нравимся мы им или нет, нам удалось открыть для них совершенно иное – яркое – будущее (за которое заплатили очень высокую цену и сами иракцы, и американцы).

Не меньше я горжусь тем, что было достигнуто с января 2007 года на внутреннем поле боя, в Вашингтоне, округ Колумбия. Петрэус говорил мне, что операцию «Большая волна» необходимо дотянуть до января 2008 года; последние подкрепления, переброшенные в Ирак в рамках этой операции, покинули страну в июле 2008 года. Все усилия конгресса изменить курс, ограничить численность подкреплений или ускорить темпы вывода войск, равно как и обременить иракцев (и президента) невыполнимыми условиями, оказались напрасными.

Как говорится, у успеха много отцов, и это, безусловно, верно в отношении событий в Ираке в 2007–2008 годах. Среди «отцов» – президент Буш, решившийся изменить стратегию и одобривший «Большую волну»; среди них – боевые командиры и солдаты, чьи таланты, мужество и жертвенность обеспечили победу; среди них – гражданские специалисты, в том числе и прежде всего посол Райан Крокер; среди них – республиканское меньшинство в сенате, которое, невзирая на грандиозное давление, сопротивлялось всем попыткам сорвать планы администрации; среди них – шейхи провинции Анбар и многие другие иракцы, не испугавшиеся опасности и рисковавшие своими жизнями ради лучшего будущего для своей страны.

Новому президенту не грозят значительные проблемы в Ираке, по крайней мере в ближайшие нескольких лет. Зато его наверняка ожидает ухудшение ситуации в Афганистане. Как Майк Маллен сформулировал 10 сентября, мы не побеждаем в Афганистане, но «можем победить, я уверен». И Барак Обама, став президентом, публично поклялся это сделать.

Глава 7
Одна беда за другой

В разгар двух масштабных войн и перед лицом множества других вызовов национальной безопасности мне также пришлось разбираться с бесчисленными организационными вопросами в министерстве обороны. Некоторые из них были по-настоящему важными и требовали радикальных действий; другие оказались мелкими и досадными неприятностями; третьи даже слегка позабавили. И многие имели выраженный политический подтекст.

Военно-воздушные силы

При администрации Буша ВВС, род войск, в котором я сам недолго служил младшим офицером, доставляли мне едва ли не максимум головной боли. При этом я искренне считал, что ВВС проделали превосходную работу в Ираке и Афганистане, обеспечивая наземные войска авиационной поддержкой, проводя эвакуацию раненых, выполняя переброску личного состава и боеприпасов, а также прочие, не менее значимые и часто опасные задачи. Ранее я описал свой конфликт с руководством ВВС, которое упорно противилось моему намерению использовать больше дронов для разведки, наблюдения и рекогносцировки. Помимо упомянутого конфликта имелись и иные проблемы.

Наиболее существенная среди них была связана с ответственностью ВВС за наши стратегические бомбардировщики и межконтинентальные баллистические ракеты. 30 августа 2007 года, в восемь сорок, бомбардировщик B-52 вылетел с авиабазы Минот в Северной Дакоте, имея на борту шесть крылатых ракет воздушного базирования, каждая из которых снаряжалась ядерной боеголовкой, способной устроить взрыв, по мощности в десять раз превосходящий тот, каковым была уничтожена Хиросима. В 11:23 самолет приземлился на авиабазе Барксдейл в штате Луизиана. Его попросту оставили на летном поле как есть, без каких бы то ни было мер безопасности, обязательных для носителей подобного оружия. В десять часов вечера один из техников авиабазы Барксдейл обнаружил, что боеголовки на борту самолета не учебно-имитационные, а самые настоящие, загруженные по ошибке. Только тогда об этом инциденте сообщили в Национальный командный центр управления

вооруженными силами (НКЦ), под кодом «Согнутое копье» – этим кодом обозначают «происшествия, связанные с ядерным оружием, будь то боеголовки, компоненты или транспортные средства для перевозки ядерных материалов». Начальник штаба ВВС генерал Майк Мосли доложил мне об инциденте 31 августа. Я не поверил своим ушам – этакая расхлябанность совершенно не укладывалась в голове! Разумеется, я немедленно позвонил Хэдли и президенту. С объяснимой резкостью в голосе Буш распорядился «докопаться» до истинных виновников происшествия и постоянно держать его в курсе. Первоначальный доклад от НКЦ имел пометку: «Интерес прессы не ожидается». Еще одна ошибка.

ВВС немедленно провели инвентаризацию, чтобы убедиться, что остальное ядерное оружие находится там, где и должно находиться, а затем начали расследование. 19 октября министр ВВС Майкл Уинн доложил о своих выводах, среди которых был и следующий: «Выявлено ослабление контроля и несоблюдение стандартов обращения с ядерным оружием на авиабазах Минот и Барксдейл». ВВС освободили от занимаемых должностей трех полковников и четырех старших офицеров технического состава. Как и в том памятном скандале с амбулаторным лечением в госпитале имени Уолтера Рида, я задался вопросом, почему дисциплинарные меры коснулись исключительно среднего звена и не лежит ли «предельная» ответственность за «ослабление и несоблюдение» на более высоких инстанциях. Соответственно, я попросил бывшего начальника штаба ВВС, генерала в отставке Ларри Уэлча, члена научного совета при министерстве обороны (это консультативный совет, назначаемый президентом), возглавить комиссию по изучению этого инцидента в рамках широкого исследования правил и процедур по обращению с ядерным оружием. Уэлч представил отчет на заседании сенатского комитета по делам вооруженных сил 12 февраля 2008 года: «Подразделения, ответственные за обращение с бомбами, не имеют должного надзора и, следовательно, могут оказаться неготовыми к выполнению поставленных задач… Если принять во внимание все области применения и все способы хранения данного оружия, необходимо, на наш взгляд, гораздо больше ресурсов и больше внимания, чем это практикуется сегодня». Структурные изменения, ознаменовавшиеся слиянием ядерных и неядерных организаций, привели к «заметному снижению качества руководства там, где ядерная энергия является объектом постоянного внимания, и к общей девальвации заданий, связанных с ядерным оружием, в том числе в глазах тех, кто их выполняет». Да, конечно, гражданскому населению ничто не

угрожало, даже случись с самолетом катастрофа, но выводы Уэлча указывали на серьезные проблемы в отношении ВВС к ядерному оружию.

Я позволил ВВС самим решить, какие дисциплинарные меры и организационные изменения должны последовать за этим инцидентом. Пожалуй, мне стоило отреагировать более решительно, особенно после отчета Уэлча.

Двадцать первого марта, через пять недель после выступления Уэлча перед сенатским комитетом, мне доложили, что двумя днями ранее некий тайваньский офицер сообщил своему американскому контакту из Управления военного сотрудничества[69], что в партии оружия, поставленного на Тайвань некоторое время назад, было обнаружено четыре боеголовки МБР. Военные представители США сразу же осмотрели эту партию, нашли четыре носовых обтекателя МБР «Минитмен» («головных агрегатов») с соответствующей электроникой и взяли контейнер под охрану. (Согласно документам, в комплект поставки никакое ядерное оружие не входило.) На контейнер по ошибке нанесли маркировку, указывающую, что в нем хранятся аккумуляторы: в августе 2006 года Тайвань заказал в США аккумуляторы для боевых вертолетов, благополучно получил заказ и, не открывая, переправил на военный склад. Когда же контейнер наконец вскрыли, почти два года спустя, изумленные тайваньцы увидели обтекатели боеголовок и поспешили связаться с властями США.

Поскольку это произошло, что называется, по пятам инцидента «Согнутое копье», было понятно, что теперь-то весь ад вырвется наружу. Мои сотрудники и многочисленные агентства Пентагона, причастные к этим событиям, трудились в будни и в выходные, пытаясь выяснить, как такое вообще могло случиться. 24 марта я созвал руководителей армии, ВВС и ВМС и комитетов обеих палат по делам вооруженных сил, чтобы проинформировать их, а в пять часов пополудни того же дня имел беседу с китайским послом. Мы сильно беспокоились из-за того, что наша техническая ошибка будет неверно истолкована Китаем, а потому стремились сделать все возможное, чтобы убедить китайцев: это именно ошибка, ничего больше, а вовсе не тайная попытка снабдить Тайвань ядерным оружием. Я от всех добивался абсолютной честности.

После первого инцидента я недостаточно настойчиво отслеживал выполнение рекомендаций генерала Уэлча – и не собирался снова наступать на те же грабли. Поскольку все наши стратегические бомбардировщики с ядерным оружием и все МБР находились в ведении ВВС, я потребовал независимого

расследования, без участия ВВС. Возглавить расследование я предложил адмиралу Кирклэнду Дональду, руководителю ядерной программы ВМФ, поручив ему «изучить все факты и обстоятельства, имеющие отношение к транспортировке и поставке за пределы США важнейших компонентов ядерного оружия», которые были отправлены на Тайвань приблизительно в августе 2006 года. Я предоставил адмиралу широкие полномочия и попросил, чтобы его рекомендации затрагивали не только повышение эффективности военной логистики, но и определение «ответственности на всех уровнях… выявление лиц, пренебрегающих своими обязанностями и своей ответственностью». Также я попросил адмирала подготовить отчет как можно быстрее, уложившись максимум в шестьдесят дней. В тот же день я отдал приказ министрам ВВС и флота и директору управления тыла министерства обороны (организации, которая непосредственно доставила МБР на Тайвань) провести инвентаризацию всех ядерных и сопутствующих материалов по соответствующим ведомствам.

Свой предварительный доклад адмирал Дональд представил 15 апреля, указал, что признаки злого умысла отсутствуют и нет никаких доказательств того, что тайваньцы получили доступ к бортовой электронике или иным образом «модифицировали» компоненты ракет. Я поинтересовался, не устарели ли с течением времени наши стандарты безопасности. Кратко я напомнил адмиралу – и он терпеливо выслушал меня, – что в 1960-х я числился в составе Стратегического авиационного командования (так называемого САК генерала Кертиса Лемэя[70]), и в ту пору стандарты и меры безопасности были чрезвычайно строгими. На любой авиабазе САК, где базировались бомбардировщики или ракеты, в те дни с утра до вечера буквально кишели инспекторы из штаб-квартиры САК в Омахе; они прибывали на базы без предварительного уведомления и фактически под микроскопом изучали систему хранения оружия. Даже малейшее несоответствие, выявленное «проверками эксплуатационной готовности», было чревато увольнением командира конкретного подразделения. Похоже, сказал я Дональду, эти стандарты больше не поддерживаются в частях ВВС, задействованных в обслуживании ядерного оружия. На следующий день в сопровождении генерала Картрайта я отправился в Белый дом и проинформировал президента о предварительных выводах Дональда.

Окончательные выводы Дональда подтвердили, что за безопасность и надежность нашего ядерного арсенала волноваться не следует. Но, как я сказал на пресс-конференции

вскоре после этого, доклад адмирала показал, что налицо «общее снижение качества руководства ВВС, в особенности применительно к ядерному оружию… и эту проблему не слишком эффективно пытаются решить уже более десяти лет. Оба инцидента – на авиабазах Минот и Барксдейл и ошибочная поставка компонентов МБР на Тайвань… демонстрируют постепенное размывание строгих принципов обращения с ядерным оружием и отсутствие реального контроля ситуации со стороны руководства ВВС».

Пентагону, министерствам ВВС и ВМС следует всемерно добиваться абсолютной безопасности и разумного управления ядерным арсеналом страны. Там нет места для ошибок. Для американского народа, для наших союзников и потенциальных противников эффективность системы сдерживания зависит от идеальной реализации этого управления. Доклад Дональда, с его отрезвляющими выводами, требовал немедленных и решительных шагов, которые однозначно дадут понять: выявленные недостатки недопустимы, их исправление является главным приоритетом руководства ВВС и министерства обороны. Дональд, кстати, назвал в докладе поименно девять генералов (семь из ВВС и двое армейских) и восемь полковников, несущих, по его мнению, ответственность за инциденты.

Учитывая масштабы проблемы, я решил, что начинать нужно с самого верха, то есть избавиться от министра Уинна и генерала Мосли. Я проконсультировался с адмиралом Малленом, Гордоном Инглендом и генералом Картрайтом. Маллен прислал мне по электронной почте 2 июня письмо, где отмечал, что «халатность ВВС в отношении ядерного оружия есть проявление и симптом общего упадка, ответственность за который я персонально возлагаю на двух наиболее высокопоставленных руководителей… Считаю, что руководство ВВС необходимо привлечь к ответственности». Картрайт, обладавший практическим опытом в этом вопросе (он раньше возглавлял Стратегическое командование), согласился со мной. И президент – тоже.

Я всегда считал, что увольнять и отправлять в отставку нужно лично, причем один на один с увольняемым. (Среди всех президентов, с которыми мне довелось работать, эту точку зрения разделяли только Форд и Картер.) В случае с Уинном и Мосли, увы, я был вынужден поступиться своими принципами, в первый и единственный раз, – из-за утечки информации. Они оба присутствовали на конференции ВВС на базе Райт-Паттерсон в штате Огайо, и я попросил Гордона Ингленда, который направлялся на запад в тот день, заехать на базу и переговорить с

Уинном. А Майка Маллена попросил встретиться с Мосли. От этих увольнений я не получил ни малейшего удовольствия. Мне было приятно работать с обоими офицерами, но они, судя по всему, не понимали масштабов и степени опасности проблемы.

Одновременное увольнение министра ВВС и начальника штаба рода войск предсказуемо ошеломило военно-воздушные силы, равно как и Вашингтон. Но никаких страшных последствий не возникло. Позже меня стали обвинять, будто я уволил обоих из-за того, что они затягивали постановку на боевое дежурство беспилотных дронов (или – это обвинение выдвигалось чаще – потому, что мы не сошлись во взглядах на количество истребителей F-22), – в общем, так или иначе «препятствовали модернизации». Но на самом деле их судьбу решил доклад Дональда.

На пресс-конференции я объявил, что попросил Джима Шлезингера, занимавшего в прошлом посты министра обороны и министра энергетики, а также директора ЦРУ, возглавить экспертную комиссию, которая разработает меры для «обеспечения надлежащего высочайшего уровня ответственности и контроля в вопросах управления и хранения ядерного оружия и связанных с ним материалов и систем, подотчетных министерству обороны». Комиссия Шлезингера вскрыла новые серьезные проблемы, в том числе случаи халатности в секретариате министра обороны. На мой взгляд, ВВС уделяли ядерному оружию чересчур мало внимания. Они привыкли воевать в небе над Ираком (семнадцать лет!) и над Афганистаном (семь лет). После окончания «холодной войны», мне кажется, ядерная миссия стала для ВВС своего рода «навязанной обузой», этаким «отстойником», для которого всегда не хватало ресурсов и людей. А войны в Ираке и Афганистане, где мы активно задействовали авиацию, лишь усугубили проблему. Что ж, новым министру и начальнику штаба ВВС придется все менять.

Назвав кандидатуры тех, кого видел достойными этих постов, я покинул Вашингтон, чтобы посетить три базы ВВС, объяснить свои решения пилотам и авиатехникам – и дать им возможность задать вопросы или просто выразить свое отношение к происходящему. Я убежден, что, когда принимаешь жесткое или (особенно) спорное решение, важно показать свою готовность встретиться лицом к лицу с теми, кто от твоего решения сильнее всего страдает. На авиабазе Лэнгли в штате Виргиния, в штаб-квартире Боевого авиационного командования, летчики и обслуживающий персонал приняли меня уважительно, но прохладно. Их интересовали практические вопросы: каков баланс между текущими и потенциальными угрозами? Сколько

беспилотников Пентагон намерен закупить? Командир истребительного авиакрыла поинтересовался планами приобретения новых самолетов F-22 и уточнил, не слишком ли много внимания «здесь и сейчас в ущерб будущим, потенциальным угрозам». Почему министерство не доносит до широкой общественности, сколько ВВС сделали и продолжают делать для победы в нынешних войнах? Каких приоритетов необходимо придерживаться новому руководству ВВС, чтобы «они соответствовали генеральному курсу»? Прежде всего общение с сотнями летчиков позволило мне рассказать о состоявшихся увольнениях напрямую. Вуди Аллен как-то обронил, что 90 процентов жизни – это появление в нужных местах[71]. Я чувствовал, что мое появление в Лэнгли демонстрирует уважение к тем, кто, вероятно, наиболее категорично оспаривал увольнение Уинна и Мосли.

На авиабазе Питерсон в Колорадо-Спрингс, где расположена штаб-квартира Космического командования ВВС, меня приняли уже лучше, а самый теплый прием ожидал на авиабазе Скотт в штате Иллинойс, где размещаются Командование воздушных переброс и Транспортное командование; последнее возглавлял генерал Нортон Шварц, которого я рекомендовал к назначению на должность начальника штаба ВВС. Здесь передо мной были летчики, перевозившие наши войска и технику по всему миру, и Шварца они считали своим. Когда я произнес его имя, весь зал зааплодировал. К слову, на всех трех базах большинство вопросов так или иначе касалось текущих и будущих приоритетов. В отличие от Вашингтона пилотов волновали боевые задачи, а не персоналии.

Увольнение Мосли и Уинна обернулось одним из самых неудобных моментов в моей жизни. Я получил приглашение Уинна посетить его прощальную церемонию в Мемориале ВВС[72] 20 июня. Я удостоверился, что Майк искренне хочет меня видеть, что это не просто дипломатический такт. Конечно, я понимал всю неловкость ситуации, но согласился приехать на мероприятие и выступить с речью. Когда я появился там, меня приветствовали Мосли, Уинн и их жены. Из личного опыта я вынес убеждение, что супруги воспринимают события вроде санкционированного мною увольнения намного острее, чем их мужья, и опыт не подвел… Все, разумеется, держались вполне вежливо, но если бы взгляды могли убивать, я бы скончался на месте. Мы с Уинном и Мосли заняли три больших кожаных кресла перед трибунами, где сидели родственники, друзья и коллеги Уинна со своими семьями. Многие недоуменно переглядывались и даже тихо роптали – мол, что, черт побери, я тут делаю; ощущение было

такое, словно меня исподтишка колют кинжалами. Церемония продолжалась, а я все ждал, что ко мне подойдет какой-нибудь мальчуган, пнет по голени и сурово спросит, не я ли тот осел, который уволил его дедушку. Мысленно я поклялся никогда больше не принимать подобных приглашений.

К моему удивлению, кандидатура Шварца вызвала недовольство конгресса. Майк Роджерс, конгрессмен от Мичигана, заявил, что в 2003–2004 годах, будучи председателем ОКНШ, генерал преднамеренно ввел его в заблуждение, когда Роджерс выразил недовольство отсутствием охраны у складов с оружием в Ираке. Конгрессмен пригрозил сообщить об этом в Белый дом и своим коллегам в конгрессе. Несколько недель спустя сенатор Левин сказал мне, что мы должны встретиться в начале следующей недели и обсудить кандидатуру Шварца. Я сразу же согласился.

Встреча состоялась в моем кабинете 28 июля; присутствовали сенаторы Левин и Уорнер, Майк Маллен и я сам. Сенаторы прибыли в Пентагон для обсуждения кандидатуры – случай необычный, если не сказать беспрецедентный, – по крайней мере я ничего подобного не припоминал. Отличный сюжет для вашингтонской «мыльной оперы». Сенаторы высказали опасения по поводу «недостаточной прямоты» Шварца. В частности, на слушаниях 25 февраля 2003 года генерал Эрик Шинсеки, начальник штаба сухопутных войск, заявил во всеуслышание, что Америке понадобятся сотни тысяч солдат после вторжения в Ирак. Шварц, в ту пору трехзвездный генерал, приписанный к ОКНШ, на следующий день публично признал, что численность войск будет определяться обстоятельствами: например, тем, будет ли новая иракская армия сотрудничать с нами. Он не стал говорить, что Рамсфелд дал специальное указание – никто, выступая в сенате, не должен рассуждать о численности войск.

Левин сказал, что, по его мнению, ответ Шварца был уклончивым. Далее он заявил, что сенатор Билл Нельсон из Флориды был обеспокоен откровенностью Шварца и выражал свою озабоченность несколько раз с февраля по октябрь 2003 года. Он добавил, что сенатор Саксби Чамблисс не уверен, подходит ли Шварц для этой должности, и многие разделяют такое отношение. Словом, Шварцу нужно прийти и выступить в конгрессе на следующий день, а нам с Малленом предлагается подойти позднее, на закрытое заседание комитета. Благие ожидания… Увы, встреча со Шварцем не состоялась – во всяком случае, факт этой встречи не подтверждает никто из тех, кто должен был в ней участвовать. А 29 июля Левин и Уорнер пригласили Шинсеки и попросили его вспомнить дебаты 2003

года, получившие в генеральской среде прозвище «дебатов вокруг да около». Шинсеки уверил обоих сенаторов, что Шварц будет хорошим начальником штаба ВВС. Уорнер даже позвонил мне, чтобы передать его мнение.

Закрытое заседание комитета началось около пяти тридцати вечера в большом конференц-зале; участники расселись, как обычно в зале для слушаний: сенаторы за большим U-образным столом, мы с Майком – за маленьким столиком на некотором расстоянии от них. В зале было пятнадцать или шестнадцать сенаторов, несколько помощников – и никакой прессы. Левин для начала зачитал длинный отрывок из выступления Шварца в 2003 году и вновь усомнился в откровенности генерала при изложении фактов. Уорнер рассказал о встрече с Шинсеки, но не упомянул, что тот поддержал кандидатуру Шварца. Затем Левин обратился к нам с просьбой прокомментировать ситуацию.

В душе я кипел от негодования. Я ни на секунду не верил, что в 2003 году Шварц пытался ввести кого-либо в заблуждение, и полагал, что тогда сенаторы, Левин в особенности, фактически поставили его в безвыходное положение, по сути требуя, чтобы штабной офицер высказал свое мнение по вопросу, отвечать на который он не был уполномочен; более того, он имел четкий приказ воздержаться от любых рассуждений на затронутую тему. Сенаторы же таким образом явно вели политическую игру против Рамсфелда и президента. Ради Шварца я обуздал свой гнев и как ни в чем не бывало выступил в его защиту. Я дал сенаторам личную гарантию министра обороны, что никто из сотрудников Пентагона в общении с ними не превзойдет Шварца честностью и откровенностью. Я сказал, что возглавлял несколько весьма крупных структур, нанимал и увольнял множество людей, уверен в том, что способен судить о людях, и убежден, что Шварц – наилучший кандидат для данной должности. Я прибавил, что не утвердить его будет катастрофой для ВВС, что скамейка у нас короткая и очевидной альтернативы нет. Относительно мнимой «уклончивости» в 2003 году я сказал, что нужно учитывать контекст, не забывать, что численность войск менялась постоянно, никто не принимал окончательных решений – ни министр обороны, ни президент. Адмирал Маллен тоже поддержал кандидатуру Шварца, подкрепив мои доводы своими аргументами. После двухчасового обсуждения Левин сказал мне, что без этой встречи утверждение Шварца наверняка бы не состоялось.

Кандидатуры Шварца, Майка Донли на пост министра ВВС и генерала Дункана Макнабба на пост главы Транспортного командования были одобрены 1 августа. Через несколько дней я

получил записку от сенатора Уорнера: нас с Малленом хвалили за отстаивание «интересов Шварца». Вся эта история оставила очень неприятный привкус. Шварца, хорошего человека и опытного командира, без необходимости пропустили через мясорубку. Между тем подобную участь следовало уготовить политически мотивированным сенаторам, а никак не Шварцу.

В 2008 году, помимо описанных, имели место и другие эпизоды, связанные с ВВС и отнявшие у меня довольно много времени. Сложнее всего оказалось выбрать подрядчика по созданию нового самолета-заправщика для ВВС. Конкурентами выступали «Боинг» и партнерство корпорации «Нортроп Грумман» и европейского концерна «Эйрбас»; каждый из участников конкурса заручился влиятельной поддержкой в конгрессе – из числа представителей штатов, где предполагалось делать самолеты. «Боинг» лоббировали конгрессмены штатов Вашингтон, Канзас и, в меньшей степени, Миссури; за «Эйрбас» ратовали в основном конгрессмены от Алабамы. Контракт предусматривал производство 179 самолетов-заправщиков на сумму 35 миллиардов долларов. Это был главный пункт закупочной программы ведомства. Первоначально контракт отдали корпорации «Боинг», по хитроумному лизинговому соглашению, однако нашлись юридические неувязки, поэтому конкурс объявили повторно. Генеральный директор и финансовый директор «Боинга» подали в отставку, по меньшей мере один высокопоставленный гражданский чиновник министерства ВВС отправился в тюрьму по обвинению в коррупции – он принимал участие в определении победителя тендера и одновременно вел переговоры о своем трудоустройстве в «Боинг». Вопиющие нарушения были обнародованы в ходе антикоррупционного расследования, предпринятого сенатором Маккейном, который вступил на тропу войны с ВВС. 1 декабря 2006 года, еще до слушаний по моему утверждению, Маккейн попросил меня объяснить, как я смогу обеспечить конкуренцию за контракт на заправщики – и готов ли гарантировать, что все будет «публично, честно и прозрачно». Когда контракт в феврале 2008 года наконец достался партнерству «Нортроп» и «Эйрбас», уже корпорация «Боинг» подала протест. Бюджетно-контрольное управление в середине июня опубликовало доклад, зафиксировавший 111 мелких и крупных упущений при заключении контракта – по-настоящему серьезными из них были от силы полдюжины. Шесть дней спустя я получил написанную от руки записку: Джек Мерта, председатель подкомитета палаты представителей по ассигнованиям на оборону, был краток – «Выгоните команду закупщиков ВВС».

Девятого июля я объявил о проведении повторного ограниченного тендера на заправщики, на сей раз под надзором не ВВС, а заместителя министра обороны по закупкам, технологиям и материально-техническому обеспечению Джона Янга. Два месяца спустя, 10 сентября, я заявил конгрессу, что отменяю тендер, поскольку «стало ясно, что конкретного результата к январю достичь не удастся. Следовательно, вместо того чтобы обременять следующую администрацию непроработанным и, возможно, оспариваемым контрактом, мы должны аккуратно переадресовать данную закупку своим преемникам».

Я не считал уместным и возможным заключать контракт на такую сумму, тем более вызвавший много споров и претензий, в последние дни работы уходящей администрации; вдобавок этот контракт уже спровоцировал массу политических скандалов и эмоций (лично я не припоминаю другого такого случая). Каждая из заинтересованных сторон покупала рекламные полосы в прессе, стараясь убедить министерство обороны и конгресс в своих достоинствах и преимуществах (я подозревал, что расходы на эти объявления заранее включены в графу накладных затрат по конкурсу). Конгрессмены не стеснялись выдвигать нелепые требования и взывать к чувствам: лоббисты «Боинга» проталкивали законопроект с призывом «покупать американское», хотя большинство самолетов «Эйрбас» тоже предполагалось собирать в Алабаме, руками американских рабочих, и указывали на «несправедливое преимущество» конкурента – мол, «Эйрбас» получает субсидии от европейских правительства. Концерн «Эйрбас» в свою очередь обвинял «Боинг» в недобросовестной конкуренции, обернувшейся провалом первых двух тендеров. Как-то мой сотрудник проходил в зал для слушаний сразу за сенатором от штата Вашингтон Пэтти Мюррей и заметил, что никто не потрудился убрать «шапку» «Боинг» с бумаг в ее папке с документами. Обе компании и их сторонники в конгрессе прибегали, на мой взгляд, к предосудительной тактике и не чурались подтасовывать факты, лишь бы склонить министерство обороны к решению в свою пользу. В парламентских дискуссиях было столько жара и так мало здравого смысла, что я счел – пауза будет выгодна всем, страсти хоть немного, но остынут. Именно поэтому я решил передать контракт по топливозаправщикам своему преемнику. К моему великому огорчению, это решение бумерангом ударило по мне самому.

Совсем иной была ситуация, связанная с ВВС и возникшая весной 2008 года, когда я занимался выводом войск из Ирака, конфликтовал с Объединенным комитетом начальников штабов

по поводу Национальной военной стратегии и их озабоченности «грядущими войнами», в то время как положение в Афганистане продолжало ухудшаться, а ВВС по-прежнему не выказывали желания существенно наращивать свои разведывательные усилия.

Когда дело касается захоронения американских военнослужащих, погибших в бою, то нет, как мне кажется, мест более пронзительных и более священных, нежели морг на авиабазе Довер и Арлингтонское национальное кладбище. И там и там от работников ожидают совершенства в исполнении своих обязанностей, но оба мемориала в последние годы «отметились» непростительными ошибками в организации и управлении. Первой мое внимание привлекла такая ошибка в Довере. Тела погибших за рубежом американцев доставляют на авиабазу Довер в штате Делавэр, далее медики ВВС проводят вскрытия, невзирая на род войск, и готовят останки к дальнейшей транспортировке и захоронению. Это особая, печальная и важная ответственность.

Утром 9 мая мой старший военный помощник, Пит Кьярелли, получил электронное письмо от некоего армейского подполковника; по просьбе жены погибшего солдата этот подполковник встретил гроб с его телом на авиабазе Довер. Подполковник писал, что гроб «чуть ли не волоком вытащили» из самолета, а затем катафалк отвез останки солдата за пределы базы, в крематорий для домашних животных. Внутри обнаружились отдельные секции для домашних животных и для людей, но снаружи здания догадаться об этом не было ни малейшей возможности. Вскоре Кьярелли выяснил, что персонал морга в Довере нанял местную компанию, которой принадлежал крематорий домашних животных, и заключил контракт на кремацию тел семидесяти пяти военнослужащих. Никакого смешения останков людей и домашних животных, как нас уверяли, не зафиксировано.

Следовало действовать быстро, чтобы решить проблему и не допустить очередного громкого публичного скандала. Помимо самого крематория, как выяснилось, были и другие накладки: так, когда несколько тел военнослужащих доставили в крематорий, никто не позаботился выставить почетный караул и организовать достойное прощание с павшими, чего требовали приказы министерства и сама человеческая природа. По моему настоянию кремацию на данном объекте немедленно прекратили, были подписаны новые контракты с гражданскими моргами в окрестностях базы. Отныне присутствие почетного караула в военной форме при кремации стало обязательным. Также ВВС решили построить собственный крематорий на базе. Мы сообщили прессе обо всем, что произошло, вечером того же дня и

перечислили шаги, предпринятые для исправления ситуации; нашу честность, смею сказать, оценили. К сожалению, этим случаем «вклад» авиабазы Довер в наши проблемы не ограничился.

Другие сложности

Зимой 2007/08 года на меня навалились проблемы в «горячих точках» по всему миру: Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан, Северная Корея, Россия, Китай, Венесуэла, а также израильско-палестинский конфликт. Каждый день – буквально – приходилось разбираться с ошеломляющим разнообразием сложных вопросов. Например, за недолгий промежуток времени между визитом в Россию и встречами с израильским и афганским министрами обороны я был вынужден улаживать инцидент в Катаре: 15 октября 2007 года ракета «Пэтриот», которую случайно запустили с американской базы во время тренировочных занятий, упала в нескольких милях от базы, позади дворца катарского министра обороны (этот генерал проявил нетипичную доброжелательность к американцам и даже предоставил часть своего имения для отдыха наших военнослужащих). К счастью, никто не пострадал. Как, черт возьми, можно случайно запустить ракету? Я довольно жестко «наехал» на своих подчиненных. И велел все запросы по поводу инцидента переадресовывать Центральному командованию.

Майк Маллен огорошил меня еще сильнее 10 января 2008 года, когда сообщил, что американский спутник сошел с орбиты и падает на Землю. Вероятность того, что он свалится на какой-либо населенный пункт, составляла процентов 10 или даже меньше, однако токсичное топливо, гидразин, на котором работал спутник, представляло собой угрозу человеческому здоровью. Следующие несколько недель Стратегическое командование под руководством генерала Кевина Чилтона разрабатывало варианты уничтожения спутника – именно из-за гидразина. Наконец Чилтон доложил президенту Бушу о намечаемых действиях. Если использовать зенитную управляемую ракету SM-3 под управлением корабельной системы «Иджис»[73], шансы на успех составляют 79 процентов; две ракеты увеличивают вероятность успеха до 91 процента. Президент одобрил уничтожение спутника (операция получила название «Опаленный иней») и поручил мне определить сроки и провести операцию. Оптимальное окно для запуска появилось 20 февраля, когда я находился на борту E-4B и летел в Азию. Я связался с

генералами Картрайтом и Чилтоном из самолета в 13:40 по бортовому времени и, после обсуждения погодных условий и совместного решения не обнародовать сведения о происходящем до запуска ракеты, дал, что называется, отмашку. Ракета стартовала приблизительно два с половиной часа спустя и уничтожила «загулявший» спутник. Генерал Картрайт сообщил прессе кое-какие подробности: от спутника не осталось обломков крупнее футбольного мяча, а вероятность уничтожения топливного бака с гидразином «весьма высока». Отличная демонстрация возможностей ракеты SM-3, ключевого компонента нашей системы противоракетной обороны. Когда я приземлился в Канберре, мой австралийский коллега приветствовал меня словами: «Отличный выстрел, Боб».

При администрации Буша я уделял много времени тому, чтобы выяснить, как можно официально закрыть тюрьму на военно-морской базе Гуантанамо. Первое серьезное решение относительно этой тюрьмы пришлось принимать вскоре после принесения государственной присяги. В 2006 году Пентагон запросил у конгресса одобрения на выделение из бюджета министерства 102 миллионов долларов на строительство в Гуантанамо судебного комплекса. Предполагалось, что комплекс будет включать два зала судебных заседаний, конференц-залы, а также камеры для тысячи двухсот человек. Я распорядился отозвать запрос и подготовить проект временного изолятора за одну десятую стоимости комплекса.

К 2007 году центр содержания заключенных в Гуантанамо фактически превратился в тюрьму класса «люкс»: многочисленные тренажеры, в том числе эллиптические[74], телевизионные комнаты, читальные залы с книгами и журналами на арабском и других языках, невероятно профессиональные и хорошо подготовленные охранники. Но поскольку уже были опубликованы в прессе и получили печальную известность фотографии «раннего периода», когда условия содержания заключенных были не столь комфортными, а охранники позволяли себе глумиться над узниками, тюрьма в Гуантанамо продолжала пользоваться дурной славой во всем мире. Президент Буш и Конди Райс публично заявили, что хотели бы видеть тюрьму закрытой. Я разделял их желание.

Трудность состояла в том, что некоторые узники Гуантанамо были объявлены врагами США, совершенно очевидно готовыми, в случае освобождения, и дальше убивать американцев. Разумеется, таких отпускать на свободу было нельзя. Но если закрыть Гуантанамо, куда перевести этих заключенных? Госсекретарь Райс и я в беседах с президентом и генеральным прокурором Альберто

Гонсалесом в январе 2007 года предложили закрыть тюрьму и перевести заключенных на военные объекты на территории Соединенных Штатов – тем самым они окажутся в военных тюрьмах и судить их будут военные трибуналы. Чейни и Гонсалес не одобрили эту идею, тем более что правительственные юристы уточнили: перемещение заключенных на территорию США наделяет их в соответствии с нашей Конституцией значительными дополнительными правами. В итоге нашу с Райс инициативу отвергли. Я не стал хвастаться перед своими коллегами из администрации благодарственным письмом от исполнительного директора Американского союза защиты гражданских свобод, которым были оценены мои усилия. Как сказал бы Буш-41, это было бы неосмотрительно.

На слушаниях в конгрессе 20 мая 2008 года сенатор Дайэнн Файнстайн поинтересовалась, как обстоят дела с Гуантанамо. Я ответил: «Предельно честно – мы застряли, причем сразу в нескольких направлениях». Некоторые задержанные ожидали депортации, но правительства соответствующих стран не хотели их принимать или не гарантировали, что способны за ними уследить. (К слову, недавний взрыв в Мосуле устроил террорист-смертник из бывших заключенных Гуантанамо.) Конгресс же в отношении перемещения «худших из худших» в военные и гражданские исправительные учреждения на территории Соединенных Штатов придерживался принципа «это не моя песочница».

Последняя попытка администрации Буша закрыть Гуантанамо была предпринята летом 2008 года, когда постановление Верховного суда существенно ограничило намерения администрации в отношении прав узников (в частности, имелись планы лишить их личных свобод). Во второй половине июня состоялись два совещания в кабинете Рузвельта в Белом доме, который президент использовал в качестве рабочего конференц-зала. Этот кабинет украшают несколько портретов Франклина и Теодора Рузвельтов, медаль Нобелевской премии мира, некогда врученной Тедди, а также флаги родов войск, к древкам которых прикреплены почетные ленты с названиями исторических битв, начиная со времен Американской революции. На обоих совещаниях председательствовал Джош Болтен, глава администрации Белого дома; присутствовали Райс, генеральный прокурор Майк Мукасей (он сменил Гонсалеса в ноябре предыдущего года), я, директор ФБР, ряд сотрудников Белого дома, в том числе из офиса вице-президента, и юристы (по мне, последних было слишком много). Мы долго обсуждали последствия решения Верховного суда, правовые осложнения,

связанные с перемещением задержанных на территорию США, слабую позицию администрации в суде и политические аспекты вопроса. Райс и я оказались единственными, кто ратовал за энергичные усилия по принятию закона, который позволит закрыть тюрьму. Некоторые сотрудники Белого дома, например директор по коммуникациям[75] Эд Гиллеспи, беспокоились по поводу возможной реакции республиканцев: мол, нас наверняка спросят, как мы собираемся защищать американский народ, если закрываем Гуантанамо. Я ответил, что пора забыть о политических играх; зато у президента есть исторический шанс, который не следует упускать.

Мы с Конди остались в меньшинстве, проблема закрытия тюрьмы в Гуантанамо перешла «по наследству» к новому президенту. И ему тоже пришлось, мягко говоря, несладко. 20 октября 2008 года я отдал распоряжение Пентагону приступить к разработке плана по закрытию Гуантанамо – на случай если новый президент прикажет это сделать после своего вступления в должность в январе. Я объяснил, что план должен предусматривать законодательные меры, призванные сократить риски закрытия объекта, оценку в качестве альтернативы гауптвахты ВМС в Чарльстоне, штат Южная Каролина, а также определение двух или трех проблемных позиций в законодательстве, устранение которых позволит решить, где все-таки размещать заключенных.

Кроме того, значительную часть моего рабочего времени в последние месяцы деятельности администрации Буша занимали пиратство и кампания по запрету кассетных боеприпасов (эти снаряды выбрасывают при взрыве десятки малокалиберных бомб и предназначены для уничтожения войск или техники противника). Кассетные бомбы активно применялись Советами в Афганистане, американскими войсками в демилитаризованной зоне в Корее и израильтянами против «Хезболлы» в 2006 году. Соединенным Штатам угрожала международная изоляция в этом вопросе, поскольку мы отказывались подписывать договор о запрете использования кассетных боеприпасов. В конце июня Белый дом наконец-то осознал общественную значимость проблемы и предложил мне выступить с публичной речью в защиту подобных боеприпасов, рассказать, почему они так важны. Я уточнил: «Вы хотите, чтобы я изображал мальчика с плаката, рекламирующего кассетные бомбы?» Вице-президент Чейни, криво усмехнувшись, ответил: «Именно так. Я рекламировал допросы, а Хэдли – мины». Стив сказал, что хотел бы доложить президенту: я лично изучил ситуацию и полагаю дальнейшее использование этих боеприпасов жизненно необходимым.

Я проконсультировался с руководством Пентагона. Майк Маллен сказал, что кассетные боеприпасы – и вправду необходимое и очень эффективное оружие. Эрик Эдельман сообщил, что среди военных ведомств нет разногласий относительно полезности этих боеприпасов и что 90 процентов жертв неразорвавшихся боеприпасов составляют жертвы обычных бомб. Запрет кассетных бомб, следовательно, увеличивает риски, поскольку означает, что придется чаще использовать традиционные бомбы. Командующий корпусом морской пехоты, генерал Джеймс Т. Конвей, отметил, что Северная Корея, Россия, Иран, Индия имеют на вооружении кассетные боеприпасы и никто из них не торопится подписывать соглашение о запрете. Наше решение в итоге заключалось в разработке кассетных боеприпасов, которые автоматически деактивируются через определенное время. Мы обязались в ближайшие десять лет заменить 99 процентов наших кассетных боеприпасов.

Что касается пиратства, то оно бросало вызов международному сообществу на протяжении многих лет. Прежде всего вызывал тревогу Малаккский пролив между Индонезией, Малайзией и Сингапуром, через который проходит важнейший маршрут мировой морской торговли. Мы сотрудничали с правительствами этих трех стран, оказывали им поддержку, и постепенно уровень пиратства в проливе существенно снизился. Зато пираты, действующие у берегов Сомали, внезапно набрались дерзости, ибо почти не встречали сопротивления на судах, которые захватывали и за которые требовали выкуп; да и местная полиция вкупе с международными силами ничего не могла с ними поделать. Они обитали (и нанимали себе подручных) в тех районах Сомали, где не существовало власти правительства и никакая другая страна, в особенности Соединенные Штаты, не могла направить туда вооруженные силы, чтобы очистить регион от пиратов. Мы часами сидели в Ситуационном центре, пытаясь найти способы справиться с сомалийцами, и как-то доведенная до отчаяния Конди воскликнула: «Пираты? Пираты?! Ради всего святого, последним из госсекретарей с пиратами имел дело Томас Джефферсон!» Постепенно, впрочем, международное сообщество во главе с НАТО собрало в этом регионе значительные военно-морские силы, в число которых вошли китайские и российские военные корабли; судовладельцы стали прибегать к радикальным мерам для предотвращения абордажа – убирали бортовые трапы, использовали пожарные шланги, вооружали экипажи, размещали на борту специальные вооруженные группы. Принятые меры позволили снизить масштабы угрозы, но полностью ее не ликвидировали. Для нищих сомалийцев шанс попасть в плен или

погибнуть меркнет в сравнении с деньгами, которые приносит пиратство.

Последние два примера неожиданных проблем, пожиравших мое рабочее время и энергию, связаны с двумя военнослужащими: один имел блестящее будущее (но не слишком удачное прошлое), а другой был героическим сержантом морской пехоты.

Генерал-лейтенант Стэн Маккристал возглавлял Совместное командование специальных операций с 2003 по 2008 год. В этом качестве он руководил американскими войсками специального назначения в Ираке и Афганистане, курировал тайные операции по захвату либо уничтожению руководителей «Аль-Каиды» и лидеров повстанцев. Он добился немалых успехов – вспомним хотя бы арест Саддама Хусейна и ликвидацию Абу Мусаба аль-Заркави, лидера «Аль-Каиды» в Ираке, – и сыграл важную роль в «Большой волне» в Ираке и в борьбе с повстанцами в Афганистане. Я близко познакомился с Маккристалом в свой первый год на министерском посту, восхищался им и считал его, пожалуй, лучшим солдатом и боевым командиром среди всех, кого я когда-либо встречал. Я был полон решимости содействовать его карьере, поскольку он явно заслуживал более высокого уровня ответственности. Но я предполагал, что у Стэна возникнут трудности с продвижением по службе. Почти пять лет он был «наконечником копья» на двух театрах военных действий. Учитывая, насколько противоречивое отношение вызывал в обществе Ирак, а также опыт Пита Пэйса и Джорджа Кейси, я предвидел сложности на этом фронте. Маккристал также оказался в числе подозреваемых в расследовании гибели от дружественного огня капрала Пэта Тиллмана, поскольку подписал представление на «Серебряную звезду» за доблесть для Тиллмана, ни словом не упомянув о дружественном огне как причине его смерти. По итогам расследования Пентагон рекомендовал подвергнуть дисциплинарным взысканиям восемь офицеров, Маккристала в том числе. Армия не согласилась и не стала налагать на него никаких санкций.

В довершение всего сенатор Левин предпринял углубленное расследование обращения с задержанными (я думал, что это очередная атака на Рамсфелда), а также выразил обеспокоенность в связи с издевательствами над заключенными в Афганистане, где войсками командовал именно Маккристал. Левин сообщил мне, что имеется сорок пять заявлений о неправомерных действиях подчиненных Маккристала и что он, Левин, собирается вызвать Маккристала на сенатские слушания. Я тщательно изучил роль Маккристала в ситуации с Тиллманом и обвинения в жестоком обращении с заключенными, проконсультировался с Малленом и

другими сотрудниками и принял решение добиваться повышения Стэна.

По слухам, Маккристал претендовал на несколько четырехзвездных позиций, в том числе на должность главы Командования специальных операций, на пост руководителя Центрального командования и в качестве преемника Петрэуса в Ираке. Тем не менее я полагал, что первым шагом хорошо было бы убедить сенат утвердить кандидатуру Маккристала на спокойную штабную должность, которая позволит ему, при удачном раскладе, фактически начать с чистого листа. А затем, прикидывал я, уже можно говорить о более «публичной» работе и четвертой звезде, и сенату будет нелегко отказаться, ведь отказ будет означать, что они как бы признают собственную ошибку в его отношении. И поэтому я охотно поддержал предложение Маллена назначить Стэна директором Объединенного штаба[76]: это значимый пост, но мало заметный на вашингтонских «радарах». Что немаловажно: с этой позиции большинство генералов начинают путь к своей четвертой звезде.

В феврале 2008 года мы приступили к реализации плана. Сенатор Маккейн первоначально выступал против Маккристала из-за «дела Тиллмана», а Левин был против из-за упомянутого расследования случаев пыток заключенных. Словом, сенатский комитет по делам вооруженных сил намеревался заблокировать кандидатуру Маккристала. Я сказал президенту: «Маккристал – один из героев нынешних войн, и если мы не будем сражаться за него, то за кого вообще бороться?» И мы бросились в бой. Утверждение, которое сопровождается нападками и обвинениями, способно обескуражить даже мужественного солдата, поэтому я позвонил Стэну в начале июня и сообщил, что на основе собственного опыта гарантирую – это все политика, любой старший офицер, который воевал в Ираке и Афганистане, скорее всего столкнется в сенате с подобным позорным отношением к себе. Я прибавил, что мы с президентом готовы отстаивать его кандидатуру. На заседании комитета по делам вооруженных сил (который крайне редко проводит слушания о назначениях на должности для трехзвездных генералов) Маккристал четко и ясно ответил на все вопросы сенаторов. В августе он стал директором Объединенного штаба. Путь к еще большей ответственности и четвертой звезде был открыт, и звезда нашла его менее чем через год.

Из примерно сорока миллионов мужчин и женщин, которые служили в вооруженных силах США со времен Гражданской войны, менее 3500 человек были удостоены медали Почета, высшей воинской награды Соединенных Штатов, причем около 60

процентов получили ее посмертно. На мой взгляд, мы незаслуженно обходили почестями участников войны в Ираке и Афганистане, где было столько примеров героизма и самоотверженности. Президент Буш, думаю, испытывал горькое разочарование из-за того, что ему никак не представлялось возможности наградить этой медалью хотя бы одного героя, сумевшего остаться в живых. Однажды я спросил Кьярелли, почему так мало рекомендаций на медаль Почета. Он сказал, что медали «чересчур вольно» раздавали во Вьетнаме и нынешние офицеры твердо решили «поднять планку». Лично он полагает, что планку задрали чрезмерно высоко.

Поэтому представление на медаль Почета, поступившее в мою канцелярию, вызвало всеобщий интерес. Сотрудники министерства читали и перечитывали наградной лист и не скрывали своей радости. Не важно, жив представленный к награде или нет, стандарты документирования жесткие: необходимо несколько свидетельств очевидцев, карты, фотографии, а также заверенные отчеты по результатам проверок. Требования для награждения суровы, но справедливы: «Не должно быть места сомнению или возможности ошибки в присуждении этой награды». Как правило, наградной лист проходит множество этапов согласования и утверждения. К тому времени, когда рекомендация ложится мне на стол, любые сомнения устраняются, и исключений здесь почти не бывает.

Одно из таких исключений оказалось на моем столе в середине 2008 года – представление к медали Почета сержанта корпуса морской пехоты США Рафаэля Перальты, проявившего мужество, героизм и самопожертвование в ходе второй битвы за Фаллуджу 15 ноября 2004 года. Перальта вызвался добровольцем на зачистку местности; когда он распахнул дверь четвертого по счету дома, в него несколько раз выстрелили из АК-47. Двое других морских пехотинцев ворвались внутрь, и тогда боевик, скрывавшийся в доме, бросил гранату; ее взрыв, несомненно, убил бы всех, но Перальта, по словам очевидцев, накрыл гранату собственным телом. Он погиб, но остальные морские пехотинцы остались живы. Представление к награде получило одобрение всей цепочки командования, в том числе министра ВМС и председателя Объединенного комитета начальников штабов. Тем не менее в сопроводительной документации имелись отрицательные заключения от судебно-медицинской комиссии и заместителя министра по кадрам и боеготовности. В результате я лично опросил нескольких старших офицеров в цепочке командования сержанта Перальты и, с учетом единодушной поддержки всего руководства министерства, утвердил

рекомендацию. Я подчеркнул, что сержант Перальта удовлетворяет всем критериям награждения и достоин медали Почета.

После того как я подписал эту рекомендацию, мне сообщили, что генеральному инспектору министерства[77] подана жалоба: дескать, Перальта не мог сознательно совершить действия, которые спасли жизнь двум морским пехотинцам, и поэтому не заслуживает высшей воинской награды. Генеральный инспектор намеревался провести расследование, если только я сам не разберусь с жалобой. После консультаций с рядом высокопоставленных руководителей Пентагона, в том числе с Майком Малленом, я решил, что единственный способ все выяснить, не поднимая шума, – назначить специальную комиссию для рассмотрения жалобы. Председателем стал отставной генерал, один из командиров международных сил в Ираке, также в комиссию вошли кавалер медали Почета в отставке, нейрохирург и два патологоанатома. Комиссия получила доступ ко всей имеющейся информации, включая подробные медицинские заключения; опросила многочисленных экспертов; провела реконструкцию события и изучила представленные доказательства. Вывод, под которым подписались все члены комиссии, гласил: учитывая характер ранения, Перальта не мог сознательно накрыть гранату своим телом. У меня не оставалось выбора, и я отозвал свою подпись на наградном листе. Возможно, когда-нибудь появятся дополнительные свидетельства, будет проведен повторный анализ, критерии награждения посчитают выполненными и сержант Перальта все-таки удостоится медали Почета. Но и без нее нет ни малейших сомнений, что он был героем.

Каждый день на протяжении четырех с половиной лет вопросы, подобные этим, вставали передо мной, требовали внимания, рассмотрения и решения. Почти все они так или иначе затрагивали жизнь и карьеру мужчин и женщин, которые верой и правдой служили нашей стране. Некоторые решения отдавались болью в сердце, некоторые я принимал с удовольствием, ибо они сулили только хорошее и тем, кого непосредственно касались, и мне самому. По вечерам, когда жена спрашивала меня, как прошел мой день, я обычно отвечал: «Одна беда за другой».

Глава 8
На рубеже

Быть министром обороны мне не нравилось. Как говорят солдаты, слишком много камней в моем вещмешке: войны за рубежами США, войны с конгрессом, война с моим собственным министерством, кризис за кризисом… А самое главное – мне постоянно приходилось посылать молодых мужчин и женщин навстречу опасности. Бывая в зонах боевых действий, своими глазами видя чудовищные условия, в которых они вынуждены были жить, встречая их в госпиталях, составляя письма с соболезнованиями их семьям, присутствуя на похоронах, я чувствовал, что ноша непомерно тяжела. В книге «Команда соперников» Дорис Кернс Гудвин рассказывает о военном министре президента Линкольна, Эдвине Стэнтоне: после принятия решения, которое могло привести к гибели солдата, он «был найден за своим столом – сидел, уткнувшись лицом в ладони, и его грузное тело сотрясалось от рыданий. «Боже, помоги мне исполнить свой долг. Боже, помоги мне исполнить свой долг», – повторял он тихим, сдавленным голосом…» Я выписал эту цитату и положил листок в ящик своего стола.

Выше я уже писал, что для меня быть министром означало разрываться между любовью и войной – под «любовью» подразумеваются мои чувства к нашим солдатам. В 2008 году я начал рассказывать солдатам и офицерам в зонах военных действий (и в других местах), что ощущаю ответственность за них, как если бы они были моими собственными сыновьями и дочерями. Я ничуть не преувеличивал. Ничто не радовало меня сильнее простого «спасибо» от солдата, и ничто не злило больше, чем когда я узнавал, что с кем-то из военнослужащих несправедливо или дурно обошлись пентагоновские бюрократы. Мои старшие военные помощники тратили огромное количество времени, помогая конкретным молодым мужчинам и женщинам в военной форме, которые сталкивались с равнодушием или с пренебрежением; о подобных случаях обычно я узнавал из писем, адресованных на мое имя, или из средств массовой информации, или слышал «от первого лица» на встречах с солдатами. Установить новые стиральные машины на отдаленной передовой оперативной базе в Афганистане, помочь молодому морскому пехотинцу, страдающему от посттравматического стресса, справиться с бюрократическими рогатками – никакая проблема не была для меня слишком мелкой, слишком тривиальной,

слишком, если угодно, посторонней. Я хотел, чтобы наши парни и девушки знали: я сделаю все возможное, чтобы помочь им, – и надеялся, что об этом постепенно узнают во всех частях и подразделениях. Еще я хотел подать пример: если я могу выкроить время, чтобы попытаться помочь одному-единственному солдату, то, Богом клянусь, то же самое в состоянии сделать все прочие представители власти. И я понимал, что моя всепоглощающая любовь к военнослужащим и чувство ответственности за них, равно как и мое искреннее убеждение, что мы должны победить во всех войнах, побудят меня остаться на министерском посту, если новый президент о том попросит.

После моих первых месяцев в должности Гордон Ингленд вручил мне часы обратного отсчета – этакий хронометр, который отсчитывал дни, часы и секунды до полудня 20 января 2009 года; именно в этот день мне предстояло сложить полномочия и вернуться домой навсегда – как утверждала наклейка на часах, «вернуться в настоящий Вашингтон», то есть в мой дом в штате Вашингтон. Журналисты и конгрессмены всякий раз изумлялись, когда я сообщал им с точностью до суток, сколько еще пробуду министром, – я носил эти часы в своем портфеле и часто с ними сверялся.

Из-за выборов 2008 года мы оказывались в ситуации передачи президентской власти в военное время – впервые с 1968 года. Я был полон решимости минимизировать шансы «опростоволоситься» и поэтому начал готовиться к смене администрации уже в октябре 2007 года: помню, 1 октября я попросил Эрика Эдельмана передать совету по оборонной политике, который возглавлял бывший заместитель министра обороны Джон Хэмр, что я хотел бы на их совещании летом 2008 года сосредоточиться исключительно на вопросах передачи дел. Иногда уходящая администрация испытывает соблазн попытаться решить все проблемы до дня инаугурации, но на моей памяти это были седьмые президентские выборы и до сих пор я ни разу не видел, чтобы новая администрация не унаследовала проблемы от старой.

В начале 2008 года в прессе появилось предположение, что меня могут попросить остаться на посту – хотя бы на время, чтобы обеспечить бесперебойную работу министерства в ходе войны, – и не важно, кого изберут президентом. В конце марта, когда я присутствовал на праздновании восьмидесятилетия Збигнева Бжезинского, он сказал, что намекнул команде Обамы – в случае победы Обамы ему стоит удержать меня. Я кисло посмотрел на Збигнева и сказал: «Я думал, ты мне друг». Пресса не унималась, вопросы о том, готов ли я остаться, если меня

попросят, по весне задавали все чаще; обычно я молча вынимал из портфеля свои часы обратного отсчета и показывал, сколько времени остается до моей отставки. Я приложил изрядные усилия, чтобы утихомирить эти домыслы, и регулярно повторял: «Давным-давно я научился никогда не говорить «никогда», но обстоятельства, при которых я мог бы согласиться, для меня попросту немыслимы». В эти месяцы я, в частном порядке и публично, демонстрировал, что не хочу оставаться министром, не собираюсь цепляться за должность и желаю одного – отправиться домой по завершении срока администрации Буша.

Моя стратегия заключалась в том, чтобы везде и всюду проявлять непреклонность: если постоянно твердить, что я не хочу оставаться, рано или поздно меня перестанут спрашивать. Памятуя об этом, я при случае повторял свой ответ президенту Бушу в ноябре 2006 года: когда наши дети выполняют свой долг, сражаются и умирают на двух войнах, как я могу пренебречь собственным долгом? Но всему свое время, и на вопросы в ходе предвыборной кампании я неизменно отвечал одинаково – одинаково твердо, одинаково четко и одинаково отрицательно. Лишь раз я позволил себе дать слабину. В частной переписке по электронной почте в начале апреля с моим старым другом и бывшим заместителем госсекретаря Буша-43, Ричем Армитеджем, я потерял бдительность: «В основном мои обязанности [министра обороны] почти такие же, как в университете. Дети, дети… Они меня поражают. Заставляют меня плакать. Они такие замечательные. Только они могут убедить меня остаться…» Затем я спохватился и приписал: «Ладно, это строго между нами. Если Бекки увидит такое, она меня убьет».

Продолжая возводить «барьер отсекания» для вопросов о моем будущем, я, разумеется, был в курсе всех сплетен и слухов, которые ходили обо мне – и Майке Маллене. Мой пресс-секретарь, Джефф Моррелл, узнал в конце мая 2008 года из своих источников, что команда Обамы собирается взять на вооружение аргумент Маллена – с учетом войн в Ираке и Афганистане многомесячное «междуцарствие» просто-напросто непозволительно. Морреллу сообщили, что Обама хочет создать двухпартийный кабинет и что мое согласие остаться покажет иностранцам: США привержены текущей политике, – а внутреннюю аудиторию наверняка убедит, что Обаме можно доверять в сфере национальной безопасности. Кроме того, источники Моррелла позволили себе покритиковать ряд моих сотрудников – в частности, упоминались «агрессивные» законодательные инициативы Маллена и его «публичная активность». По-моему, точку зрения Майка в этом вопросе

воспринимали как оценку независимого эксперта, что было бы полезно для приходящей администраций, поскольку тогда им с Петрэусом будет проще возражать новому президенту, если тот затеет что-нибудь «этакое» в Ираке. Я сказал кому-то из старших помощников: «Адмирал Маллен занимает совершенно правильную позицию по Ираку и Афганистану». Президент Буш явно не разделял моей уверенности относительно взглядов Майка на Ирак, и в последние месяцы мне неоднократно доводилось слышать от различных людей в Белом доме суждение, будто председатель ОКНШ уже «забивает местечко» в команде следующего президента.

В середине июня появилось несколько газетных статей, посвященных моим усилиям обеспечить беспрепятственную передачу полномочий, и вновь посыпались рассуждения о том, что меня попросят остаться на посту на некоторое время. Мы с Малленом регулярно обсуждали, как все правильно организовать. Я учредил Группу старшего руководства, во главе которой поставил начальника своего аппарата Роберта Рангела. Задачей группы было гарантировать, что серьезные подготовительные меры, традиционно предпринимаемые министерством обороны при смене администраций, будут согласованными и останутся под моим контролем. Участие Маллена было принципиально важным, ведь он сохранит свой пост и при новой администрации, а потому сыграет главную роль в плавном переходе. Старших гражданских руководителей Пентагона следовало подготовить к работе вплоть до дня инаугурации и далее, чтобы новый министр не обнаружил, что в одиночку, как говорится, закрывает амбразуру (именно так случилось с министром Рамсфелдом в 2001 году – он работал один, дожидаясь утверждения остальных сотрудников в сенате). Между тем один из старших советников Обамы, Ричард Данциг, сказал, если верить приведенной в СМИ цитате: «Лично я считаю Гейтса хорошим министром обороны, а при администрации Обамы он станет еще лучше». В той же статье советник Маккейна заявил, что его босс, вероятно, попросит меня задержаться в должности на несколько месяцев, чтобы обеспечить плавный переход в военное время.

Восемнадцатого июня едва не произошла катастрофа. Обама намекнул Джо Клейну, который готовил статью для журнала «Тайм», что «хотел бы поговорить с Гейтсом насчет работы в администрации». Клейн передал это пожелание моему пресс-секретарю Джеффу Морреллу, а Джефф доложил мне. Я по-настоящему встревожился. Я сказал Джеффу, что, если Клейн упомянет об этих словах в своей статье, в оставшиеся шесть месяцев президентства Буша от меня как от министра не будет ни

малейшего толка. Я попросил объяснить это Клейну и указать, что если он опубликует цитату, я публично и однозначно заявлю, что ни при каких обстоятельствах не останусь в своей должности долее чем до последнего дня президентского срока Буша-43. Клейн согласился не публиковать высказывание Обамы, потому что, как он сказал Морреллу, его «не прельщала такая перспектива». В конце концов, интервью с Обамой в «Тайм» вышло в следующем виде: Клейн спрашивает Обаму, готов ли он предложить мне пост в своем кабинете, и Обама отвечает: «Не надо меня подлавливать… но я безусловно заинтересован в людях, которые работали в первой администрации Буша» [имелся в виду Буш-41].

Примерно в то же время я услышал от Джона Хэмра, что для меня слишком поздно – я уже «попал в шорт-листы на министра обороны и у Обамы, и у Маккейна». В воскресенье, 22 июня, я написал ему по электронной почте: «Общественность не понимает, что они [Маккейн и Обама] не входят в мой шорт-лист. Да и вообще в любой мой список. Люди понятия не имеют, что я буквально ненавижу эту работу – и письма, которые приходится писать каждый день [соболезнования родным и близким погибших в боях солдат]. Быть министром обороны, когда страна втянута сразу в несколько войн, совсем не то же самое, что в спокойные времена… Практически все наши дети, которые сегодня находятся в Ираке и Афганистане, отправились туда по моему приказу. Не намерен драматизировать и исполню свой долг, но не могу дождаться, когда избавлюсь от этого бремени».

В разгар всех этих спекуляций в СМИ, маневров и кросс-маневров случился весьма странный эпизод. В последний день июня мне позвонил лидер сенатского большинства Гарри Рид. Сказал, что именно он уговорил Обаму баллотироваться в президенты (на самом деле этим хвастались многие), но что касается вице-президента, подходящей кандидатуры все как-то не находится. Рид прибавил, что подумывает обо мне, поэтому и позвонил. Потребовалась вся моя сила воли, чтобы не расхохотаться прямо в трубку. Рид спросил, есть ли у меня общественная позиция по абортам; я рассмеялся и ответил, что нет. Далее он спросил, можно ли считать меня убежденным республиканцем. Я ответил, что вряд ли: вообще-то я избегал партийной деятельности на протяжении многих лет. Еще Рид спросил, как долго я работал в сфере высшего образования, и подчеркнул, что этот разговор – сугубо личный. «Возможно, ничего не выйдет», – подытожил он. Я никак не мог сообразить, говорил ли он всерьез, пытался ли подольститься – или просто бредил наяву. Ситуация выглядела настолько неправдоподобной,

что я никому не рассказал о звонке – отчасти потому, что мне бы скорее всего не поверили.

За несколько месяцев до президентских выборов Вашингтон, округ Колумбия, всегда превращается в жуткое и вызывающее нервные расстройства место – и остается таковым еще несколько недель после них. Люди, не входящие в правительство, но желающие попасть «внутрь», правдами и неправдами сражаются за посты в новой администрации, а те, кто уже «внутри», прилагают отчаянные усилия, чтобы остаться, или принимаются искать работу «снаружи». Острые локти и острые языки повсюду, сплетни и слухи текут по городу, как спиртное по бокалам на лоббистском приеме. Даже высокопоставленные карьеристы и государственные служащие напрягаются, сознавая, что в скором времени придут новые люди, наступят новые порядки и придется заново доказывать свою полезность тем, кто станет коситься на них с подозрением, потому что они трудились на предыдущую администрацию.

15 и 16 июля я провел последнее совещание старших руководителей министерства обороны при администрации Буша: собрались министры родов войск, начальники штабов, боевые командиры и старшие гражданские чиновники. Мы долго обговаривали моменты, связанные с передачей полномочий. Я сказал, что террористы испытали две предыдущие администрации на прочность почти сразу: первая атака на Всемирный торговый центр в 1993 году произошла через месяц после инаугурации Клинтона, а события 9/11 случились менее чем через восемь месяцев после присяги Буша, – так что очень важно сохранять бдительность в 2009 году. Я предупредил, что полный «комплект» гражданского руководства соберется только через какое-то время после инаугурации, и пообещал, что постараюсь убедить Буша-43 позволить нам проинформировать обоих кандидатов после партийных съездов. Председатель ОКНШ и другие сотрудники предложили заранее наладить контакты с кандидатами. Я напомнил им, что в предыдущие переходные периоды действующий президент обычно замыкал все контакты с потенциальными преемниками на советника по национальной безопасности или на главу администрации Белого дома, а единственной организацией, которой разрешено информировать кандидатов в президенты до выборов, является ЦРУ. Начавшаяся президентская кампания будет для нашего министерства сложнее, поскольку оба кандидата – сенаторы США с соответствующими допусками к секретным сведениям, и закон позволяет им настаивать на информационных брифингах. Вдобавок Маккейн заседал в комитете по делам вооруженных сил,

а Обама и Клинтон – в комитете по международным делам. Я сказал, что мы должны соблюдать крайнюю осторожность в ответах на запросы избирательных штабов и ни в коем случае не пересекать линию между законным правом сенаторов на информацию и пожеланиями кандидатов в президенты. Нашей единственной «точкой контакта» будет Группа старшего руководства во главе с Рангелом.

Ожидаемые осложнения не замедлили напомнить о себе. Приблизительно через две недели Обама собирался в Ирак, а на обратном пути, как сообщил нам один из сотрудников его штаба, отставной генерал-майор ВВС Скотт Грэйшн, кандидат хотел посетить военный госпиталь США в немецком Ландштуле. Туда привозили всех американцев и многих солдат союзных войск, получивших ранения в Ираке и Афганистане; там раненые получали необходимое лечение и отдых, после чего улетали домой. Грэйшн сказал, что два сотрудника избирательного штаба будут сопровождать Обаму в госпиталь. Мы ответили, что, согласно директивам министерства обороны, сенатор имеет право посещать военный госпиталь только в сопровождении личного помощника или сотрудника сената, но представители избирательного штаба ни к одной из этих категорий не относятся. Последовал, что называется, обмен любезностями; думаю, Грэйшн таким образом пытался «присоседиться» к визиту сенатора, а вовсе не передавал его просьбу. Так или иначе, Обама в конечном счете решил не посещать госпиталь, ибо не хотел создавать впечатление, будто использует наших военнослужащих – тем более раненых – в политических целях.

Примерно в то же время соратник Маккейна, Сара Пэйлин, кандидат на пост вице-президента, посетила церемонию Национальной гвардии на Аляске. СМИ накинулись на Моррелла с вопросом, почему ей это разрешили. Он ответил, что, будучи губернатором Аляски, Пэйлин являлась главнокомандующим Национальной гвардии этого штата.

Каждый день мы ходили по политическому минному полю. И ситуацию нисколько не облегчали слухи о том, что я могу остаться на своем посту. Этим слухам было чем подпитываться: например, на закрытой встрече Обамы с конгрессменами-демократами в последнюю неделю июля член палаты представителей Адам Шифф спросил, рассматривает ли Обама возможность удержать меня хотя бы на несколько месяцев. По сообщению журнала «Ролл колл», присутствовавшие демократы «застонали вслух», по всей видимости шокированные самой мыслью о том, что кому-то захочется сохранить назначенца Буша. В начале сентября то же издание предположило, что во мне

заинтересован Маккейн.

В сентябре Майк Маллен оказался чрезвычайно близко к тому, чтобы случайно взорвать политическую бомбу, и этот «взрыв», на мой взгляд, мог серьезно повредить ему самому, вооруженным силам США и министерству обороны. Я уже писал, что среди наших немногих существенных разногласий были возражения Майка и начальников штабов против моей Национальной стратегии обороны; в частности, они отвергали мою идею, что можно принять на себя некоторый дополнительный риск с точки зрения будущих традиционных войн с современными армиями других государств в пользу войн, которые мы ведем сегодня. В принципе заведено, что публикация НСО сопровождается публикацией документа, подготовленного Объединенным комитетом начальников штабов, Национальной военной стратегии; последний документ определяет, как силовые структуры будут использовать президентскую Национальную стратегию безопасности и НСО для военного планирования. Я внимательно изучил проект НВС и понял, что Майк явно отделяет себя и ОКНШ от ряда основных положений Национальной стратегии безопасности Буша. Ключевым элементом президентской стратегии на протяжении многих лет была «победа в затяжной войне»: данная фраза подразумевала войну с терроризмом и войны в Ираке и Афганистане. Майк ни словом о ней не упомянул. Однако из проекта следовало, что американские вооруженные силы не в состоянии реагировать на несколько военных вызовов одновременно, – это утверждение было совершенно противоположно тому, что мы с ним говорили конгрессу. Майк также опустил любые упоминания о «распространении демократии» вопреки «программе свободы» Буша. При этом он сказал мне, что хочет представить НВС в начале или середине октября.

На мой взгляд, Маллен выбрал категорически неподходящее время. 5 октября я написал ему длинное письмо, изложив свои соображения: «Считаю, будет серьезной ошибкой публиковать подобный документ в последние недели президентской избирательной кампании. Вообще-то НВС следовало опубликовать месяцев семь назад, и, с учетом этого, ты, как мне кажется, сильно рискуешь угодить под обвинение в попытке повлиять на исход выборов. Представление важной информации об опасностях, с которыми сталкивается нация, и о военных ресурсах, необходимых для устранения этих опасностей, в последние недели предвыборной кампании могут расценить как стремление военных вновь перевести дебаты в плоскость национальной безопасности [а не экономики] и тем самым

поддержать сенатора Маккейна.

Мне слишком часто приходилось видеть, насколько параноидальными становятся кандидаты по мере приближения дня выборов: любой сюрприз, любой неожиданный поворот сводит их с ума, и они предполагают худшее…. Ирония, конечно, в том, что ты прилагаешь немалые усилия, дабы удержать вооруженные силы вдали от политики. Но публикация НВС сейчас, особенно при дистанцировании от нескольких элементов НСБ и НСО, скорее всего, забросит вооруженные силы прямиком в политический котел.

В более широком смысле меня беспокоит, что публикация документа сейчас, а не через неделю или около того после выборов, заставит общественность задуматься о мотивах военных. Например – почему сейчас, в последние дни кампании? Кроме того, некоторые наверняка зададутся вопросом, почему высшее военное руководство подчеркивает свою независимость от гражданского – и от министра, и от президента – прямо накануне выборов? И что это означает для отношений между гражданскими и военными в дальнейшем? Для обоих кандидатов этот документ будет, весьма вероятно, пресловутой ложкой дегтя. Конечно, утечки всегда возможны (и незасекреченные слайды, показывающие, в чем именно ты хочешь дистанцироваться от нынешней администрации, подталкивают к размышлениям в этом направлении), но они вовсе не то же самое что официальное информирование.

Короче говоря, Майк, я убежден, что публикация НВС так близко к дню выборов будет воспринята как политически мотивированная и окажется грандиозной ошибкой. Соответственно я решительно выступаю против такой публикации. Риск породить недоверие к вооруженным силам у политических лидеров обеих партий и у общественности – равно как и создать проблемы для тебя самого, независимо от исхода выборов, – слишком велик».

* * *

В отношении содержания НВС я рьяно возражал против любых попыток избегать упоминаний о распространении демократии. Я считал, что «программа свободы» Буша в том виде, в каком ее публично представила администрация, выглядит чересчур упрощенной для реального мира: подлинная, стабильная свобода и демократия должны основываться на демократических институтах, главенстве закона и гражданском

обществе – а на это требуются десятилетия. Как и в случае с программой Джимми Картера по правам человека, единственными странами, на которые мы могли оказать нажим во имя реформ, были наши друзья и союзники; государства-«нарушители», в том числе Иран, Сирия и Китай, игнорировали нашу риторику. Однако я напомнил Майку, что распространение демократии по всему миру является одним из основополагающих принципов американской внешней политики с первых дней республики. «Изменились только методы, – написал я, – только способы достижения этой цели, и новая администрация, вероятно, будет использовать иную тактику, нежели нынешняя. Но от самой цели она не откажется». Я резюмировал следующим образом: отсутствие в НВС упоминаний об этой цели – причем нарочитое – «представляется мне чрезмерно дерзким».

Майк внес незначительные правки в свой проект и согласился опубликовать НВС после выборов.

Четырнадцатого октября президент Буш в последний раз прибыл в Пентагон, чтобы провести рабочее совещание в «Танке». Получился довольно откровенный разговор, каждый начальник штаба рассказывал, как его род войск изменился за время президентства Буша. Маллен начал первым: сказал, что за эти годы вооруженные силы США претерпели самое значительное изменение со времен Второй мировой войны. Теперь мы располагаем самой закаленной, самой опытной и мобильной армией в нашей истории, и, если сумеем удержать молодых лидеров, мы готовы к будущему. Он прибавил, что наши подразделения сегодня более сбалансированы, более инновационны, более гибки тактически и лучше интегрированы и организованы, чем когда-либо прежде. Я не мог не вмешаться, заметил, что наибольшая опасность для вооруженных сил и следующей администрации будет исходить от конгресса, который наверняка попробует сократить численность войск и заменить людей технологиями. Джордж Кейси говорил о превращении сухопутных войск из армии, обученной традиционным приемам в «холодной войне», в комплекс «модульных бригад», способных действовать более гибко и разнообразно; также он коснулся изменений в оснащении и снаряжении пехоты. Когда Кейси сказал, что количество беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в армии увеличилось с восьми в 2003 году до 1700 в Ираке в 2008 году, президент воскликнул: «В самом деле? Вы не шутите?»

Адмирал Гарри Рафхед доложил Бушу, что в 2001 году флот мог одновременно вывести в море лишь четверть наших

авианосцев, зато теперь мы в состоянии вывести половину. Он кратко оценил деятельность ВМС в Ираке и Афганистане, а также рассказал об успехах в развитии корабельных систем ПРО. Чейни спросил о китайской ракетной угрозе нашим авианосцам. Рафхед ответил коротко: «Есть подвижки». Генерал Конвей сообщил, что морская пехота довольна увеличением численности в соответствии с рекомендациями министра обороны и решением президента и что корпус достигнет нового «потолка» через три года, а не через пять, как предполагалось ранее. Морские пехотинцы, по словам Конвея, не испытывали никаких проблем со снабжением. Еще Конвей доложил об успешном развертывании самолетов «оспри»[78] (в начале 1990-х годов Чейни, будучи министром обороны, пытался закрыть эту программу – из-за перерасхода средств и проблем с опытно-конструкторскими работами), и вице-президент с усмешкой пожелал морской пехоте всего наилучшего. Генерал Шварц сообщил, что ВВС планируют увеличить число пилотов БПЛА с 300 до 1100 и подчеркнул, что теперь все признают полезность дронов. В завершение своего доклада он попросил президента и вице-президента посетить бомбардировочную или ракетную базу до ухода с постов и произнести речь о важности ядерного сдерживания. Наконец, адмирал Эрик Олсон доложил о ситуации в сфере ответственности Командования специальных операций (это командование курирует подготовку и обеспечение всех частей особого назначения, таких как «морские котики» и «Дельта», независимо от рода войск): спецназовцев сегодня насчитывается 55 000 человек, что на 30 процентов больше, чем в 2001 году. По его словам, «этим утром бойцы спецназа проснулись в шестьдесят одной стране мира». Президент и Олсон признали, что эти элитные подразделения несут наивысшие потери. (Полтора года назад предшественник Олсона сказал мне, что в «Дельте» уровень потерь ранеными и убитыми составляет 50 процентов.)

Прежде чем закончить совещание, Буш сказал, что не думает, будто текущая стратегия, направленная на участие в двух крупных региональных конфликтах сразу, пригодится в дальнейшем, поскольку «мы скорее всего постараемся этого не делать». И добавил: «Если таковы стандарты боеготовности, нам никогда их не достичь». Он также сказал, что нам необходимо сосредоточиться на «национально-государственном строительстве» там, где мы «разорвали государство на части и несем ответственность за происходящее, но меня чертовски заботит, как не допустить такого впредь. Однако вы сопротивляйтесь любому, кто станет вас к этому призывать, поскольку это обязанность Государственного департамента, хотя

вы [военные] способны выполнить их работу намного лучше».

Никто из присутствовавших в тот день в «Танке» не подозревал, что мои шансы и далее руководить теми же старшими офицерами при новом президенте возросли. Штаб Обамы вышел на меня в частном порядке. 24 июля сенатор-демократ Джек Рид из Род-Айленда сказал, что в ближайшее время улетает в Ирак вместе с Обамой, где проведет с ним много времени, и хотел бы знать: если Обама заинтересуется моими услугами на посту министра обороны, как я отнесусь к этому. Я ответил Джеку, одному из немногих конгрессменов, кого я действительно уважал, что «если он полагает, что я нужен стране, то я готов побеседовать на эту тему». Звонок раздался 3 октября, и Рид спросил, не против ли я встретиться с Обамой. Я сказал, что вряд ли мне подобает встречаться с одним из кандидатов до выборов, но я с удовольствием встречусь с ним позже. При этом, добавил я, я подготовлю список вопросов для нашей возможной послевыборной беседы.

Пообщавшись повторно с Ридом, я попросил Стива Хэдли передать президенту Бушу, что Обама «прощупывает» меня с намерением оставить на министерском посту. Стив перезвонил и сказал, что президент очень доволен и надеется, что, если меня и в самом деле пригласят в новую администрацию, я останусь во главе министерства обороны, ибо это «несомненно, пойдет на пользу стране». Я позвонил Риду 15 октября, чтобы договориться о том, как передать список вопросов, и несколько дней спустя Роберт Рангел вручил ему этот список в запечатанном конверте.

Двадцать девятого октября Рид сказал мне, что мои вопросы «вызвали исключительно позитивную реакцию и большой интерес» у Обамы и что кандидат очень хочет побеседовать со мной. Он уточнил, что Обама спрашивает, как лучше поступить – ответить на мои вопросы в письменной форме, либо кратко изложить свои ответы Риду, который затем проинформирует меня, либо просто принять вопросы к сведению, как основу для предстоящего разговора. Я высказался за последний вариант. Рид сообщил, что Обама «хочет поговорить сразу после выборов». Чем дольше я размышлял об этих контактах, тем отчетливее понимал, насколько они экстраординарны – даже, пожалуй, беспрецедентны. Вероятно, самым необычным было то, что потенциальный назначенец отправил предполагаемому президенту список вопросов, на которые тот должен ответить. Обычно все наоборот: кандидаты в вице-президенты, будущие члены кабинета министров и иные возможные назначенцы отвечают на вопросы избранного, но еще не вступившего в должность президента (или на вопросы, подготовленные его

окружением).

Мои вопросы могли показаться несколько самонадеянными, если не дерзкими. Но мы с Обамой оба собирались войти в неизведанные воды в разгар двух войн. В нашей истории не было прецедента, с момента создания министерства обороны в 1947 году, чтобы действующий министр обороны оставался в своей должности при новой администрации, пусть даже эта администрация – той же партийной принадлежности. Обдумывая подобный исторический шаг, я написал Обаме: «Полагаю, в реальности все будет значительно сложнее, чем может показаться. Вопросы… призваны помочь нам обоим осмыслить все заранее». Если мы собирались наладить взаимоотношения и работать вместе на благо страны, мы должны понимать друг друга с самого начала. Мне требовалось убедиться, что я могу задавать неудобные вопросы и получать прямые ответы, а также что новый босс ценит прямоту и откровенность. Плюс, честно говоря, поскольку я не хотел оставаться министром, то чувствовал себя вправе поддавливать Обаму относительно своей роли и вызовов для страны. Что мне было терять?

Через несколько дней после выборов мне дали номер телефона Марка Липперта, одного из ближайших помощников Обамы, через которого следовало договориться о встрече с избранным президентом. Я связался с Липпертом и попросил его согласовать все детали с Рангелом. Как и сравнительно недавнее предварительное собеседование с Бушем, встреча была окутана атмосферой тайны. Мы договорились встретиться 10 ноября в пожарном депо возле терминала авиации общего назначения в Национальном аэропорту имени Рейгана.

В тот день Обама направлялся обратно в Чикаго. Его самолет стоял на взлетной полосе в аэропорту. Моим сотрудникам сообщили, что я на секретном совещании «за закрытыми дверями»; я же спустился на персональном лифте из кабинета в подземный паркинг, уселся в одиночестве на заднее сиденье бронированного «шевроле» и покатил в аэропорт. Встреча была назначена на три тридцать, я приехал немного раньше. Все пожарные машины из депо убрали, чтобы наши «кортежи» могли заехать внутрь. Едва машины очутились под крышей, ворота закрыли. Пустое, безупречно чистое помещение производило впечатление огромной пещеры. Меня провели в небольшую переговорную, которую один из помощников Обамы тщательно подготовил к заседанию: американский флаг в углу, на столе бутылки с водой, миндаль, два банана, два яблока и бутылка зеленого чая. Я сел за стол и задумался о том, как строить беседу. У меня было довольно хорошее представление о том, как

закончится встреча, отчасти потому, что я знал – если Обама попросит меня остаться, я соглашусь. На следующий день после выборов я отправил семье электронное письмо и предупредил о возможном исходе: «Не важно, какие у кого политические взгляды – вчера был великий день для Америки. День, который отмечали дома и во всем мире. Страна, где и вправду сбываются мечты. Где афроамериканец может стать президентом. Где ребенок из Канзаса, чей дед совсем маленьким уехал на запад в крытом фургоне… стал министром обороны самой могущественной державы в истории человечества. В ближайшие несколько дней мне предстоит принять принципиальное решение. Помолитесь за меня, чтобы я решил правильно. Но у каждого из нас имеется долг перед отцами-основателями[79], долг, который необходимо заплатить».

Обама прибыл минут через двадцать пять. Я услышал шум снаружи, а затем Обама вошел в комнату. Это была наша первая личная встреча. Мы пожали друг другу руки, он снял пиджак, и я тоже. Он сразу приступил к делу, достал из кармана пиджака распечатку вопросов, которые я ему посылал. Первый вопрос был довольно простым: «Почему вы хотите, чтобы я остался?» Он перечислил причины: во-первых, из-за моей отличной работы на посту министра; во-вторых, потому что в ближайшие полгода ему необходимо сосредоточиться на экономике, а следовательно, нужны преемственность и стабильность в сфере обороны. Мой второй вопрос гласил: «Как долго вы намерены пользоваться моими услугами?» В скобках я приписал, что сам полагаю оптимальным сроком год – этого вполне хватит, чтобы Обама составил полноценную команду, отвечающую за вопросы национальной безопасности, чтобы ее члены успели освоиться со своими обязанностями. Формулировка «около года» не превратит меня в «хромую утку» и одновременно никого из нас не свяжет по рукам и ногам. Обама сказал: «Давайте пока оставим это открытым, но между собой договоримся, что речь идет о годе». Третий вопрос звучал так: «Мы не знаем друг друга. Готовы ли вы доверять мне с первого дня и включить меня во внутренний круг своих доверенных советников по национальной безопасности?» Он ответил: «Я бы не предлагал вам остаться, если бы не доверял. Вы будете участвовать в принятии всех важнейших решений – а также второстепенных, если захотите».

Мой четвертый вопрос касался персоналий: кого именно новый президент собирается включить в состав команды национальной безопасности? (У меня давно сложилось убеждение, что в сфере национальной безопасности президенту следует воспринимать ключевые должности «в комплекте» –

получится ли хорошая команда? Слишком много я повидал администраций, где старшие руководители – особенно государственные секретари и министры обороны – недолюбливали друг друга или не могли наладить рабочие отношения.) По-моему, Обама решил продемонстрировать, что предельно честен со мной. Он не рассчитывал назначить Чака Хейгела (бывшего сенатора-республиканца от штата Небраска) на руководящую должность, если я соглашусь остаться, поэтому обдумывал кандидатуру Джима Джонса (отставной генерал морской пехоты и бывший главнокомандующий вооруженных сил НАТО в Европе) на пост советника по национальной безопасности или госсекретаря. Тут же он упомянул, что последняя должность отлично подходит Хиллари Клинтон, и сказал, что она относится ко мне с уважением, но многочисленные обязательства ее мужа чреваты в этом случае потенциальными осложнениями. Я заметил, что, на мой взгляд, Джонсу больше подойдет национальная безопасность, а не Госдеп, поскольку отставной генерал во главе министерства иностранных дел заставит мир заподозрить нас в милитаризации нашей внешней политики. (Я ошибался и признаю свою вину. Два генерала, ставших государственными секретарями – мой герой Джордж Маршалл и Колин Пауэлл, мой хороший друг на протяжении многих лет, – вовсе не «милитаризировали» внешнюю политику США, совсем наоборот.) Также я посоветовал назначить директором Национальной разведки человека, которому Обама доверяет и который лишен политических амбиций.

Пятый вопрос заключался в том, как избежать моей изоляции (как «пережитка») в администрации и в министерстве обороны. Прежде всего каковы будут мои полномочия относительно назначений в Пентагоне? В комментариях к вопросам, отосланным Обаме, я написал, что не вижу иного способа обеспечить ответственность сотрудников, кроме как дать им понять, что я причастен к их назначению и могу их уволить. Я добавил, что понимаю: гражданское руководство министерства будет из соратников Обамы, и я открыт для рекомендаций, но мне нужна полная свобода, в том числе для отклонения кандидатур. Кроме того, поскольку мы находимся в состоянии войны и должны обеспечить плавный и гладкий переход от прежней администрации к новой, я спросил, позволят ли мне сохранить несколько ключевых сотрудников, пока идет утверждение кандидатур Обамы. Он сказал, что это вполне возможно.

Шестой вопрос касался заместителя министра обороны и его функций. Я предложил Джона Хэмра, председателя совета по

оборонной политике, который уже исполнял обязанности заместителя министра при администрации Клинтона. Я сказал избранному президенту, что вряд ли Хэмр вновь согласится занять эту должность, если ему не пообещают твердо, что он будет первым в списке на мое место, когда оно станет вакантным. «Мое основное требование к альтернативным кандидатам – опыт управления, предпочтительно крупной компанией или учреждением», – уточнил я. Обама сказал, что побеседует с Хэмром по поводу должности заместителя министра, и назвал еще Ричарда Данцига (министра ВМС при Клинтоне), но прибавил, что в любом случае со мной посоветуется. Он также сказал, что хотел бы заполучить Джека Рида, но замену для него в сенате будет подыскивать губернатор Род-Айленда, а тот – ярый республиканец. Тут Обама воскликнул: «Откуда, черт возьми, в Род-Айленде республиканский губернатор? Я же победил в этом штате с шестьюдесятью пятью процентами голосов!»

Мой седьмой вопрос касался того, разрешат ли мне сохранить двоих или троих нынешних сотрудников по крайней мере на все время моего пребывания в должности. Я упомянул Пита Герена, министра армии, Джима Клаппера, заместителя министра по разведке, и Джона Янга, замминистра по закупкам, технологиям и материально-техническому обеспечению. Обама сказал, что мои доводы выглядят убедительно и он их рассмотрит. Я также сказал, что хочу сохранить своих сотрудников канцелярии и пресс-секретаря.

Восьмой вопрос гласил: «Предполагаете ли вы сколько-нибудь существенное урезание оборонного бюджета в первый год работы вашей администрации?» Обама ответил, что всегда ратовал за масштабные расходы на оборону, но это было до экономического кризиса: «Я не могу принимать жесткие решения по другим министерствам и ведомствам, отталкивая своих сторонников, и оставить в неприкосновенности бюджет министерства обороны». Но я напомнил ему, что уже целое столетие мы после каждого военного конфликта сильно сокращаем расходы на оборону, а восстановление бюджета после этих сокращений требует не только средств, но крови и жизней. Я также упомянул свои слова, обращенные к Бушу-43: в конгрессе наверняка будут предприняты попытки сократить численность войск, чтобы защитить рабочие места, связанные с производством военного снаряжения и вооружений (большая ошибка, на мой взгляд). Обама уверил меня, что радикальных «усекновений» не будет, но министерство обороны должно разделить общее бремя сокращений.

Последний значимый вопрос заключался в том, что мы двое,

вероятнее всего, «мыслим схоже» в отношении Афганистана, но мне нужно знать, «насколько гибкими мы будем в наших действиях в Ираке, дабы сохранить завоевания последних полутора лет и дабы Ирак в 2009–2010 годах не превратился вновь в сплошную линию фронта». Обама сказал, что готов проявлять гибкость. Я спросил, сможет ли он отдать приказ об уничтожении воинствующих экстремистов – образно выражаясь, «пробежать наши десять ярдов, не отдавая мяча противнику»[80]? Обама ответил: «Да. Я не пацифист».

Мы проговорили пятьдесят минут. Наконец я сказал ему: «Если вы хотите, чтобы я задержался на год, то я согласен». Обама улыбнулся, протянул руку и ответил: «Я тоже».

В комментариях к своим письменным вопросам я предоставил ему определенные гарантии: «Я задал вам далекоидущие вопросы. В свою очередь хочу, чтобы вы знали – если я останусь, вам не придется волноваться по поводу того, что я попытаюсь проявлять независимость или оспаривать принятые решения. Как это было в моей работе с другими президентами, я намереваюсь давать лучшие и искренние советы, какие только в моих силах. Если вы решите иначе, я вас поддержу – или подам в отставку. Нелояльности не будет». Я повторил свое обещание в конце нашей встречи и держал слово два с половиной года.

Следующие три недели были неловкими, если не сказать больше. Почти сразу же я предупредил президента Буша, что меня попросили остаться. Я беспокоился, что он может подумать обо мне плохо, поскольку я согласился работать на человека, вся предвыборная кампания которого строилась на нападках на Буша за его явные и мнимые промахи во внутренней и внешней политике. Вопреки моим опасениям Буш тепло меня поздравил. Подозреваю, он думал, что шансы сохранить завоеванное столь высокой ценой в Ираке намного лучше, если я остаюсь министром обороны. О встрече с Обамой я рассказал лишь троим (кроме Бекки, разумеется) – Рангелу, генерал-лейтенанту Дэвиду Родригесу (Роду), который в июле сменил Кьярелли в качестве моего старшего военного помощника, и своей персональной ассистентке Делони Генри. Я был убежден, что больше никто не знает, но не учел аналитические навыки двух других своих военных помощников, которые наблюдали по телевизору, как кортеж избранного президента прибыл в аэропорт, а затем свернул от самолета к зданию аэровокзала, а потом, когда все сроки так называемого секретного совещания давным-давно прошли, заглянули в «глазок» в двери моего кабинета, удостоверились, что кабинет пуст, – и сделали логичный вывод: я тишком выскользнул на встречу с Обамой. К счастью, своим

открытием они ни с кем не поделились. После встречи с Обамой я сказал Рангелу, пресс-секретарю Джеффу Морреллу и Генри, что хочу оставить их при себе, если они не против. Рангел, истовый республиканец, глава аппарата комитета по делам вооруженных сил палаты представителей при республиканском большинстве, приятно меня удивил: он сам и другие ключевые сотрудники канцелярии, в том числе Райан Маккарти и Кристиан Марроне, согласились остаться со мной. Они все будут лояльны новому президенту и проявят себя отличными командными игроками, но это не значит, что время от времени не случалось ворчания «внутри семьи» в адрес некоторых новых сотрудников Белого дома, о внешней и внутренней политике и о непрекращающихся нападках на Буша (которого они все поддерживали и которому добросовестно служили). Когда я сказал Майку Маллену, что остаюсь, он, похоже, вздохнул с облегчением.

Двенадцатого ноября, когда руководство «переходного» штаба Обамы появилось в Пентагоне, дабы принять дела, возникла некоторая неловкость. Я в тот момент находился за границей. Не важно, насколько хорошо все организовано, насколько благи намерения и доброжелательно поведение «переходников» – их появление в кабинетах министерств и ведомств после выборов всегда порождает ауру враждебного поглощения. «Мы здесь, а вы – на выход. Теперь мы тут командуем. Вы, ребята, регулярно садились в лужу последние четыре года, а то и восемь лет». И часто за вежливыми улыбками проглядывают самодовольство и высокомерие. По счастью, в министерство обороны Обама направил Мишель Флурноа и Джона П. Уайта, которые работали в Пентагоне при администрации Клинтона и потому разбирались в правилах игры. При этом они даже не догадывались, что Обама попросил меня остаться, а посему этот переход радикально отличался от всех прочих в истории министерства. Рангел сказал им, что Пентагон окажет всемерную поддержку, готов сосредоточиться на выполнении их распоряжений и выделить преданных делу сотрудников и офисные помещения, равно как и все необходимые материалы, чтобы помочь новой команде освоиться в первые месяцы. Также Рангел сообщил, что ряд сотрудников согласились задержаться, пока ключевые кандидаты Обамы проходят процедуру утверждения, но, разумеется, решение принимать новой администрации. Он предложил им ввести своего человека в состав руководства министерства, чтобы тот поскорее вник в текущие рабочие процессы и кризисы, с которыми мы разбирались, понаблюдал за организацией работы и тем самым получил возможность лучше понять ситуацию в мире, с которым

Обаме придется иметь дело после 20 января.

По возвращении в США я встретился 20 ноября с Флурнуа и Уайтом. Позже Флурнуа отправила Рангелу список вопросов по поводу текущей деятельности министерства и возможных непредвиденных обстоятельств. Они хотели получить общее представление о военных операциях в глобальном масштабе: о том, какова ситуация в Ираке и Афганистане и каков баланс между ними; как решаются другие проблемы в мире; какова наша стратегия по борьбе с терроризмом; какие подробности следует сообщить Обаме до 20 января; что происходит на фронте киберугроз; каковы планы в отношении Ирана и России, а также какие планируются изменения в глобальной военной стратегии США. Мишель предложила продолжить обсуждение персонала «втайне» – мол, таким образом мы сможем затронуть все ключевые вопросы, но никого ненароком не оскорбим. Ни я сам, ни мои сотрудники не знали, кто именно из «переходной» команды займет в министерстве руководящие должности, а при таком раскладе я не собирался обсуждать щекотливые военные и бюджетные вопросы с людьми, которые тут, пока на дворе ноябрь и декабрь, но которые вполне могут исчезнуть после 20 января. Кроме того, требовалось получение допусков по секретности высокого уровня. Буш и Стив Хэдли были весьма конкретны в рекомендациях «не распахивать настежь дверь» перед «переходной» командой в том, что касается борьбы с терроризмом, разведки и операциях в Иране и Пакистане.

Я согласился на просьбу Флурнуа с несколькими оговорками: не будет брифинга по текущей афганской политике и стратегии, которая в данный момент реализуется; мы попросим Объединенный комитет начальников штабов предоставить перечень операций, которые можно обсудить «втайне», и определим ключевые оперативные планы – не вдаваясь в подробности, – которые, по нашему мнению, заслуживают приоритетного внимания новой команды. Я сказал Рангелу, что Флурнуа нужно дать понять: любое обсуждение Ирана «втайне» не будет доскональным.

Впрочем, самое важное информационное взаимодействие переходного периода у меня состоялось по электронной почте. 23 ноября я написал длинное письмо Джону Подесте, главе «переходного» штаба усилий Обамы, и в этом письме изложил свое видение практических трудностей, связанных с тем, что я остался в кресле. Для начала я предложил, чтобы, как только о моем назначении объявят публично, «переходники» докладывали ему и мне – так я буду знать, какие сложности и препятствия возникают, и получу возможность руководить работой в рамках

новых требований либо дополнять своими идеями программу избранного президента. Я понимаю, что отныне Пентагон становится министерством обороны Обамы и что, помимо сотрудников аппарата, спичрайтеров, пресс-секретаря и прочих, о ком мы говорили, хочу убедить остаться единственного старшего руководителя – Джима Клаппера. Мой базовый критерий приглашения на работу – компетентность. Я хочу поговорить с теми людьми, кого планируется назначить в министерство, а затем представить избранному президенту свои соображения по поводу их кандидатур. Как я и сказал Обаме при нашей встрече в здании пожарного депо: «Если я возглавлю министерство и буду требовать от подчиненных ответственного отношения к делу, старшие руководители должны знать, что я причастен к их назначению…» Еще, как упоминалось выше, я настаивал на своем праве предложить прежним сотрудникам министерства на время остаться на своих постах, пока сенат не утвердит их преемников (что могло затянуться на несколько месяцев). Это было неожиданное, если не беспрецедентное, требование. Практически всегда от политических назначенцев уходящего президента ожидают, что они уйдут до 20 января.

Ответ от Подесты я получил буквально через нескольких часов. Он охотно согласился на двойную подотчетность «переходной» команды, а что касается персонала, счел мое предложение вполне разумным. По поводу Клаппера он пообещал определиться в ближайшие дни. Возможно, заметил он, новая администрация предпочтет оценить каждого нынешнего сотрудника индивидуально и, допустим, обозначит некоторых из них как «исполняющих обязанности». В отношении пресс-секретаря все обстояло не столь гладко. Подеста уточнил, что здесь еще нужно обговорить детали, потому что, когда речь заходит об общении с прессой, «команда Обамы цепляется зубами – мы помешаны на контроле». Я сразу же написал в ответ, что Моррелл – фигура совсем не политическая и что я «сильно заинтересован в том, чтобы его сохранить». Свою позицию я обосновал так: «Думаю, до сих пор я выказывал готовность на уступки, а потому прошу пойти мне навстречу – я доверяю этому парню, он научился говорить от моего имени, и я хочу, чтобы он остался». Подеста быстро ответил: «Попробую согласовать». Я хотел сохранить Моррелла не только потому, что он обладал нужным опытом, имел множество связей в журналистской среде и по всему Вашингтону, благодаря чему нередко добывал конфиденциальные «лакомые кусочки» информации от коллег и правительственных чиновников, но и потому, что был одним из немногих, кто смел критиковать меня глаза в глаза, прямо

говорил, что я плохо ответил на тот или и ной вопрос, смел оценивать мое терпение (и нетерпимость) к сотрудникам Пентагона и оспаривать мои решения. Он также был одним из очень и очень немногих, с кем я мог позволить себе отвести душу и побыть самим собой, не опасаясь утечек информации, да и просто отдохнуть. И он нередко заставлял меня смеяться. Честно говоря, я не мог себе представить, что продолжу работать без него, Рангела и Генри.

В здании пожарной части Обама сказал мне, что намерен перво-наперво составить экономическую команду, но надеется назвать членов команды по национальной безопасности до Дня благодарения. Как выяснилось, объявление о назначениях запланировали на утро понедельника, 1 декабря, в Чикаго. Мы с Бекки провели День благодарения дома на Северо-Западе и полетели в Чикаго в воскресенье. На следующее утро мы добрались до отеля «Хилтон» и встретили новую команду в полном составе: Хиллари Клинтон, государственный секретарь; генерал Джим Джонс, советник по национальной безопасности; Джанет Наполитано, министр внутренней безопасности; Эрик Холдер, генеральный прокурор; Сьюзан Райс, представитель США в Организации Объединенных Наций. Джонс был единственным, кого я знал лично.

Президент произнес вступительное слово, а затем каждому из нас выделили минуту, чтобы сказать главное. Только я уложился меньше чем в минуту, и мое выступление выразило сокровенные чувства:

«Для меня большая честь, что избранный президент попросил меня остаться на посту министра обороны.

Учитывая, что мы воюем на двух фронтах и сталкиваемся с другими серьезными проблемами у себя дома и во всем мире; чувствуя глубокую личную ответственность перед нашими мужчинами и женщинами в военной форме и членами их семей, я должен исполнить свой долг – как делают они. Разве я мог поступить иначе?

Я служил своей стране как министр обороны почти два года и имел счастливую возможность возглавлять наших храбрых и преданных солдат, моряков, летчиков, морских пехотинцев и гражданских сотрудников; это самый благодарный опыт в моей жизни. Нет призвания достойнее, нежели продолжать служить им и нашей стране, и я рад работать с избранным президентом Обамой».

Я покинул Чикаго сразу же после пресс-конференции и вылетел на авиабазу Минот в Северной Дакоте, где дислоцировались МБР «минитмен» и бомбардировщики B-52. Там

я намеревался произнести давно запланированную речь перед летчиками о важности их работы. Авиабаза Минот и произошедшее на ней были среди причин, побудивших меня уволить министра и начальника штаба ВВС. Я хотел, что называется, «зажечь» летчиков. Этот визит был для меня как тоник. Лица мужчин и женщин в военной форме сразу после пресс-конференции наглядно напомнили мне, почему и ради кого я согласился остаться.

На следующий день я провел собственную пресс-конференцию, чтобы объяснить, что нисколько не намерен быть «министром-временщиком». Лита Балдор из агентства Ассошиэйтед Пресс задала вопрос, которого мне никогда ранее не задавали публично: «Вы проходите по партийному списку Республиканской партии?» Я сразу понял, что если отвечу: нет, я независимый кандидат, – то мгновенно разозлю обоих президентов: и того, кто первым назначил меня на пост, предполагая, что я республиканец, и нового, который хотел заполучить республиканца в свою команду по национальной безопасности и остановил свой выбор на мне. Я сказал, что не числюсь в списках Республиканской партии, но всегда считал себя республиканцем по убеждениям. Еще она спросила, запустил ли я заново свои часы обратного отсчета, и я сказал, что выбросил «эту чертову штуку», поскольку толку от нее, как выяснилось, никакого. Мы с избранным президентом согласились не устанавливать точные сроки моей работы в Пентагоне. Другой репортер захотел узнать, насколько эффективным будет мое сотрудничество с новым гражданским руководством Пентагона, совершенно очевидно чужим для меня. Я напомнил, что прибыл в Пентагон в декабре 2006 года, никого не зная лично, а в итоге все вроде бы удалось и все довольны. Я прибавил, что приятно удивлен решением избранного президента встретиться с Майком Малленом, равно как и желанием Мишель Обама работать с семьями военнослужащих.

Остаток недели я в основном прорабатывал со своими ближайшими соратниками образ «Гейтса 2.0» и свои приоритеты в должности министра обороны на последующие восемнадцать месяцев или около того (да, в ту пору я мыслил именно такими хронологическими рамками). Я сказал, что не хочу повторять ошибку Джимми Картера и закладывать в свой «ежедневник» слишком много приоритетов: пожалуй, с MRAP уже все в порядке, а вот со средствами РНР ситуация отнюдь не благополучная, да и отношение к раненым и к их лечению по-прежнему вызывает тревогу (мягко говоря).

Я испытывал серьезные опасения в отношении закупки ряда

вооружений и оборудования, которое виделись мне явным «вбухиванием средств непонятно во что». «Наша стратегия судостроения, похоже, меняется всякий раз, когда приходит новый министр или начальник штаба ВМС. Необходимо обеспечить совместный процесс закупок, чтобы избежать ненужной конкуренции в распределении бюджета и дублирования расходов». Нужно сбалансировать развитие передовых технологий и возможность приобретать больше кораблей, самолетов и другой техники. Мы должны организовать процесс закупок эффективно, «иначе конгресс, извините за прямоту, отымеет нас по полной». Нет, новые исследования эффективной организации труда нам ни к чему – и без того уже все полки в архивах забиты, а результат нулевой. «Нам нужно, как я уже сказал, сосредоточиться на принятии решений, исполнении этих решений и навыках ведения переговоров». Я добавил, что мы должны наметить для новой администрации дорогу к закрытию Гуантанамо, так как новая команда, на мой взгляд, «очевидно недооценивает правовую и политическую сложность перемещения заключенных в тюрьмы штатов». Процесс потребует изменений в законодательстве, а также осознания факта, что «полицейская дубинка не всегда лучший метод».

Что касается самого переходного периода, то я понимал, что нуждаюсь в помощи для выстраивания отношений с совершенно иным «набором» игроков в сфере национальной безопасности. Что эти новые игроки думают о Гуантанамо, о закупках, о распределении военного бюджета? Мы с соратниками посмеивались (почти смех сквозь слезы), прикидывая, как я буду разбираться с теми серьезными проблемами, которые сам себе создал. Я хотел, чтобы «переходная» команда работала и на меня, а не только на избранного президента, и добивался, чтобы мой «след» был заметен на всех страницах окончательного доклада Обаме, – короткий абзац с «особым мнением» в конце текста меня ни капельки не устраивал. Я попросил Райана Маккарти присоединиться к «переходной» команде и проследить, чтобы обо мне не забыли.

В ночь на пятницу 5 декабря, за мартини, стейком и красным вином (проверенная временем формула для интенсивного мозгового штурма), мы с соратниками постановили, что в первые девяносто дней новой администрации мне стоит минимизировать зарубежные поездки и вместо этого выстроить прочные отношения с новой командой по национальной безопасности и сосредоточиться на бюджете 2010 года.

Я сказал, что бывший заместитель министра обороны Джон Хэмр слышал от Пола Волкера[81], будто Обама собирается

финансировать оборону довольно щедро в первые два года, но затем топор, как говорится, упадет (пророческие слова, как оказалось). Следовательно, мне нужно активнее участвовать в обсуждении бюджета и в совещаниях по поводу конкретных военных программ. В частности, нужно добиться того, чтобы в столь важных вопросах, как закупки истребителя F-22 и грузового самолета C-17, окончательное решение оставалось за мной. И чтобы министры родов войск, фигурально выражаясь, носили две шляпы – исполняли свои традиционные обязанности защитников конкретного рода войск, но помнили при этом, что работают на меня и президента, а значит, должны поддерживать шаги на благо министерства и страны в целом, не увлекаясь привычным корпоративным лоббизмом. Я сказал, что, как мне кажется, наши цели в Афганистане «чересчур амбициозны». Я предложил сфокусироваться на приведении к власти правительства, которое не допустит, чтобы «Аль-Каида» и прочие террористы вновь напали на нас из своих безопасных убежищ на территории Афганистана; грандиозные же планы по национально-государственному строительству и развитию надо воспринимать как долгосрочную перспективу. Мы должны сосредоточить наши усилия на юге и востоке Афганистана, то есть в тех районах, где талибы особенно сильны. «Также, думаю, все собравшиеся согласятся, что мне следует продолжать свою кампанию по привлечению общественного внимания к уходу за ранеными, а в более широком смысле – к медицинскому обслуживанию всех раненых, семей военнослужащих и ветеранов». И в завершение мы обсудили необходимость ускорить разработку плана закрытия Гуантанамо.

На следующий день шизофренический характер моей жизни на протяжении этих недель был нарушен: я присутствовал на футбольном матче между сборными армии и флота в Филадельфии. (К сожалению, передышка была кратковременной.) В предыдущий понедельник я стоял на сцене рядом с избранным президентом Обамой. А в субботу уже обходил футбольное поле бок о бок с Джорджем Бушем, который приветственно махал рукой десяткам тысяч ликующих болельщиков. В этот промежуток, с понедельника по субботу, некий журналист спросил меня, трудно ли работать сразу при двух главнокомандующих. Я ответил, что всегда есть только один главнокомандующий, но да, быть «на побегушках» и разрываться между старым и новым президентами довольно неловко, поскольку у каждого свой распорядок встреч, а ты вынужден соответствовать.

На следующей неделе мы с Майком Малленом приступили к

изучению Барака Обамы. Я хотел знать, как он принимает решения, как строит отношения со своими советниками и как вообще смотрит на мир. Мы побеседовали с несколькими людьми, которые знали нового президента (или по крайней мере утверждали, что имеют представление о нем). Мы окрестили эти беседы «Обама 101»[82]; нашими «профессорами» были Скотт Графтон (генерал ВВС в отставке, помощник Обамы в избирательной кампании), Ричард Данциг (министр ВМС при Клинтоне), Роберт Соул (тоже сотрудник Пентагона при Клинтоне) и Мишель Флурнуа. Они сообщили, что Обама «норовит выйти за пределы возможного» в широком контексте внешней политики. Как все это увязать? К чему это может привести? И чего будет стоить лично мне? Обама, нам сказали, ориентируется на разнообразие точек зрения. Нам настоятельно советовали прочитать его книгу «Мечты моего отца». Нам дали понять, что он хорошо умеет слушать и уделяет большое внимание ответственности. По словам «профессоров», он скептически настроен в отношении противоракетной обороны и «далеко впереди всех» в отношении Гуантанамо. Данциг упомянул способность Обамы побеждать во враждебных избирательных округах и предположил, что новому президенту стоит попробовать договориться с исламским миром.

Предполагая, что «профессора» будут советниками Обамы, я попросил их не пытаться «найти наименьший общий знаменатель в разговорах с президентом», но вступать в дискуссии. Если все его советники согласятся между собой, ему будет тяжелее отклонить то или иное решение. Я специально напомнил о «межведомственной» позиции СНБ и предложил впредь игнорировать всякие попытки поделить сферы влияния и сосредоточиться на реальных проблемах и продуктивных обсуждениях. Графтон заметил, что новый президент хочет отозвать закон «Не спрашивай, не говори»[83], и Маллен тут же возразил, что слышал обратное. Я сказал, что нам, конечно, придется это проговорить, но президенту следует оставить данный закон на потом, когда наши войска преодолеют тот стресс, в котором сейчас находятся. По поводу Гуантанамо я сказал прямо, что закрыть тюрьму будет не так-то просто, как кажется. И, подводя итог встречи, подчеркнул, что все присутствующие явно «желают избранному президенту успеха на новом поприще».

Экземпляр доклада «переходной» команды я получил 11 декабря. Доклад представлял собой две с половиной страницы резюме для избранного президента и семьдесят одну страницу текста для министра обороны. Нам предоставили двадцать

четыре часа, чтобы внести поправки в проект, но я решил обойтись без каких-либо правок. Среди прочего в докладе содержались уничижительные замечания об администрации Буша – например, «требуется восстановить мудрое, ответственное и подотчетное руководство национальной безопасностью со стороны президента»; разумеется, мне не хотелось одобрять подобные инсинуации. Флурнуа и Уайт сами признали, что для меня доклад особой ценности не представляет – разве что служит документальным подтверждением приоритетов администрации Обамы, – зато наверняка будет полезен для новых руководящих сотрудников министерства. Я подумал про себя: «Вообще-то я тут; зачем нужны какие-то другие инструкции?» Впрочем, доклад и вправду пригодился: он позволил оценить взгляды команды Обамы на вопросы обороны.

Я также получил дополнительный отчет, в котором мои публично высказанные мнения по конкретным проблемам сопоставлялись с мнениями избранного президента. Мы примерно одинаково оценивали ситуацию в Ираке после подписания соглашения о статусе сил и сходились во взглядах на Афганистан, на увеличение финансирования Государственного департамента, на борьбу с терроризмом, на увеличение численности сухопутных войск и корпуса морской пехоты, на использование Национальной гвардии и резервистов, на уход за ранеными, на закупки – и даже, что меня удивило, в значительной степени одинаково мыслили в отношении оборонного бюджета. Зато принципиально расходились по вопросу о необходимости новых ядерных боеголовок (в своей речи в октябре 2008 года в Институте мира Карнеги я заявил, что потребность в ядерном оружии сохраняется и следует модернизировать имеющийся арсенал; один из моих сотрудников, который задержался в зале, сообщил, что некоторые сотрудники института шептались – мол, я только что гарантировал, что остаться министром Обама мне не предложит), и к развертыванию систем ПРО Обама был настроен скептически.

Первое заседание новой команды по национальной безопасности состоялось в штаб-квартире «переходного» кабинета в Чикаго 15 декабря. Помещение выглядело типовым для высотного офисного здания – множество разделенных перегородками отсеков и аскетичный конференц-зал. Когда я увидел столик с кофе и пончиками, то подумал, что, пожалуй, найду общий язык с этими людьми. На дороге из аэропорта Мидуэй была жуткая пробка, поэтому Хиллари Клинтон опоздала. Она обходилась без полицейского сопровождения, без «мигалок» и сирен, явно ведя себя на дороге с приличествующей

новоизбранному должностному лицу скромностью. У меня подобной скромности уже не было и в помине, так что я приехал одним из первых. В дополнение к тем, кто присутствовал на церемонии «именования» – Обаме, Байдену, Клинтон, Холдеру, Наполитано, Джонсу, Райс и мне, – присоединились Майк Маллен, директор Национальной разведки Майк Макконнелл, Рам Эмануэль (будущий глава администрации Белого дома), Подеста, Тони Блинкен (советник по национальной безопасности Джо Байдена), Грег Крейг (старший юрист нового Белого дома), Мона Сатфен (заместитель нового главы администрации), Том Донилон (заместитель Джонса), Джим Стейнберг (заместитель будущего госсекретаря), Марк Липперт и Денис Макдоно (оба из СНБ).

Я тщательно обдумал свое поведение на этом и последующих совещаниях. Мне довелось наблюдать достаточно смен президентской администрации, чтобы понимать (вот оно, преимущество «пережитка» любого ранга), что главная опасность первых дней – увлечься разговорами, в особенности скептическими суждениями по поводу новых идей и инициатив. («Это не сработает – уже пытались – ничего не вышло».) Умудренный опытом «всезнайка» опасен, словно скунс на вечеринке в саду. Поэтому я преимущественно молчал; говорил, как правило, если мне задавали конкретные вопросы. Мы сидели за столами, расставленными квадратом, и так получилось, что избранный президент оказался прямо напротив нас с Малленом. Все мужчины были в костюмах и при галстуках.

Обама начал с того, каким хочет видеть это совещание, и кратко охарактеризовал свой стиль поиска информации и изучения мнений. Байден призвал всех не стесняться и принимать деятельное участие в обсуждениях. «Переходная» команда подготовила материалы для совещания и заранее их разослала, причем каждая тема сопровождалась кратким комментарием: текущая ситуация, предвыборные обещания, ключевые моменты. На мой вкус, материалы были отличного качества, слава богу, почти лишенные предвыборной риторики. В ретроспективе было любопытно узнать чужое мнение по Афганистану; комментарий гласил, что выводов два – требуется больше военных и гражданских ресурсов, а главную роль в афганской «смуте» продолжает играть Пакистан. Отчет постулировал увеличение численности войск как ключевое начальное решение нового президента. С учетом последующих событий замечательно звучало последнее предложение «афганского» комментария: «Новой администрации, президенту и его старшим советникам необходимо сразу же сигнализировать всему миру, что

Соединенные Штаты намерены победить в этой войне и обладают терпением и решимостью сделать это».

Приступая к повестке совещания, Джонс изложил задачи Совета национальной безопасности и описал процедуры межведомственного взаимодействия. Затем завязалось обсуждение ситуации в Ираке, затянувшееся на час. Второй час мы говорили об Афганистане, Пакистане и Индии. Пакистан охарактеризовали как «основную, чрезвычайно опасную угрозу». За обедом мы еще час обсуждали Ближний Восток. Завершилось совещание дискуссией относительно первых шагов новой администрации, в том числе зарубежных поездок, встреч с иностранными лидерами, формулировок по национальной безопасности в инаугурационной речи президента, назначений в кабинете и тюрьмы Гуантанамо (это был самый длительный и жаркий спор), специальных посланников и переговорщиков, а также, конечно же, бюджета. Обама хотел действовать быстро, немедленно закрыть Гуантанамо и подписать административные указы о допросах, задержаниях и тому подобном, чтобы продемонстрировать радикальные перемены в политике по сравнению с администрацией Буша. Грег Крейг, будущий старший юрист Белого дома, указал на необходимость проявлять осмотрительность и осторожность: более трети указов, подписанных в первые дни работы администрации Клинтона, пришлось издавать снова, поскольку в ранних версиях обнаружились ошибки. Кто-то предложил установить крайний срок закрытия Гуантанамо. Я поддержал и назвал срок в один год; министерство обороны меня научило, что только конкретный срок способен заставить бюрократию шевелиться.

В целом, как мне показалось, эта первая встреча прошла неплохо: минимум позерства и попыток произвести впечатление на избранного президента (и друг на друга); обсуждение по большей части реалистическое и прагматичное. Да, мне пришлось вытерпеть и проигнорировать многочисленные выпады в адрес Буша и его команды (упавших не бьют, но не в политике) и выслушать нелестные отзывы о состоянии национальной безопасности и международной репутации США. Я сказал себе, что через четыре года или через восемь лет придет другая новая команда, которая точно так же будет насмехаться над этими людьми. Опыт убеждал меня, что, если отбросить словесную шелуху и радость победителей, между старой и новой администрациями гораздо больше преемственности, чем видится в первые, горячие деньки.

Повторная встреча команды по национальной безопасности состоялось во второй половине дня 9 января 2009 года в

Вашингтоне. Среди прочего мы обсуждали Ближний Восток, Иран и Россию. Формат совещания был таким же, как в Чикаго; Макконнелл и Маллен выступили с десятиминутными докладами, а после началось обсуждение. Что касается Ирана и России, то прозвучало много слов об ошибках, допущенных администрацией Буша, и о необходимости нового подхода к обеим странам.

Байден предложил мне поговорить тет-а-тет после совещания. Мы встретились в небольшом конференц-зале, и он спросил, что я думаю о роли вице-президента в сфере национальной безопасности. Я ответил, что имел возможность наблюдать в действии две совершенно разные модели – Джорджа Буша-старшего и Дика Чейни. Сотрудники Буша присутствовали на всех межведомственных совещаниях по национальной безопасности, в том числе на заседаниях комитета принципалов СНБ[84], тем самым регулярно обеспечивая президента информацией, но почти всегда он сам делился своими взглядами только с президентом. Чейни, напротив, не только заставлял сотрудников присутствовать на всех межведомственных совещаниях более низкого уровня, но и исправно посещал заседания комитета принципалов и встречи с советником президента по национальной безопасности. Он не скрывал своих взглядов и твердо, даже яростно их отстаивал. Его сотрудники вели себя аналогично на других совещаниях. Я сказал Байдену, что рекомендую «модель Буша», поскольку она больше соответствует статусу вице-президента как второго по значимости избранного официального лица страны; вдобавок – а в Вашингтоне это имеет практическое значение, – если никто не знает, что именно вице-президент советует президенту, то никто не состоянии оценить, сильными или слабыми были его доводы. Если же вице-президент станет участвовать во всех совещаниях, помимо тех, что ведет сам президент, то просто окажется еще «одним из», человеком, убеждения которого хорошо известны общественности. Байден внимательно выслушал, поблагодарил меня – и поступил в точности вопреки моему совету, выбрав для себя «модель Чейни».

Девятнадцатого декабря я обедал у себя в кабинете в Пентагоне с Хиллари Клинтон. Я ее пригласил, рассудив, что нам следует познакомиться поближе, и она охотно согласилась. Мы уселись за круглый столик, который некогда принадлежал Джефферсону Дэвису. Я поведал Хиллари печальную историю взаимоотношений министров обороны и государственных секретарей, упомянул о негативном влиянии этих конфликтов на администрацию и на президентов. Я заметил, что нам с Конди

Райс удалось наладить прочные партнерские контакты, и это сотрудничество благотворно сказалось не только на работе наших двух департаментов, но и на национальной безопасности в целом. Я сказал, что ни в коем случае не буду пытаться составить конкуренцию госсекретарю, в отличие от ряда своих предшественников, в роли основного представителя администрации по внешней политике, и что, как и при Буше-43, поддержу выделение дополнительных ресурсов Государственному департаменту. Надеюсь, закончил я, мы сумеем наладить такое же партнерство, какое существовало у меня с Конди. Хиллари достаточно долго пробыла в Белом доме и в сенате, чтобы ухватить суть моих слов, и ответила, что безусловно готова работать вместе. Надо признать, мы и вправду установили прочные партнерские отношения, отчасти потому, что, как выяснилось позднее, во многом мы одинаково смотрели почти на каждую серьезную проблему.

В середине декабря и начале января я получил сведения о том, кому из назначенцев Буша в Пентагоне придется уйти 20 января, кому предложат остаться, пока утверждаются кандидатуры их преемников, и кто получит приглашение стать «человеком Обамы». В частности, среди тех, кого выставляли на улицу, «переходная» команда назвала имя Гордона Ингленда. Вдвоем с избранным президентом мы уговаривали Джона Хэмра согласиться на пост заместителя министра (я даже взывал к его совести – мол, отказом он подведет лично меня), однако у него имелись некие обязательства, от которых, как он сказал, просто невозможно отделаться. Биллу Линну, сотруднику компании «Рэйтион»[85] и бывшему высокопоставленному руководителю Пентагона при администрации Клинтона, предстояло заменить Ингленда. Эдельман уже дал понять, что уходит, и на его должность заместителя министра по политическим вопросам прочили Флурнуа. Боб Хейл был выбран на пост контролера («денежного менеджера»), а Джею Джонсону предложили пост старшего юриста. Я быстро освоился с Флурнуа, Хейлом и Джонсоном, оценил их деловые качества, и мы, судя по результатам, неплохо сработались. Джонсон, успешный нью-йоркский адвокат, оказался лучшим юристом среди всех, с кем я когда-либо сталкивался в правительстве; это весьма откровенный и здравомыслящий человек, говорящий простым языком, наделенный кристальной честностью и отличным чувством юмора. Флурнуа демонстрировала отточенную логику мышления, ни в чем не уступая Эдельману (а для меня сравнение с ним было высокой планкой). С Линном мы почти подружились, но нашим отношениям все-таки чего-то не хватало. Предыдущая работа

Билла в министерстве обороны, похоже, заставляла его весьма цинично оценивать смелые инициативы, а еще я сомневался, что он всерьез верит в искренность моих планов и стремлений изменить фундаментальные принципы деятельности Пентагона.

За исключением перечисленных позиций я получил полную свободу рук и мог без малейшей оглядки предлагать бывшим сотрудникам администрации Буша задержаться на своих постах, пока не утверждены кандидатуры преемников. Не припомню, чтобы нечто подобное случалось когда-либо ранее. Это доказывало, на мой взгляд, что новая администрация не желает кардинального разрыва с предыдущей – во всяком случае, в разгар двух войн. Троим из «людей Буша» даже предложили остаться на неопределенный срок – Клапперу, моему заместителю по разведке, Майку Донли, министру ВВС, и Майку Викерсу, помощнику министра по специальным операциям и конфликтам низкой интенсивности.

Девятнадцатого января, в последний рабочий день Буша-43 на президентском посту, команды по национальной безопасности обоих президентов собрались в Ситуационном центре, и уходящая команда проинформировала новую о наиболее насущных вызовах, стоящих перед американским правительством: борьба с терроризмом, Северная Корея, Иран и другие фактические или потенциальные противники. После обмена шутками по поводу того, с какой стороны стола правильнее сидеть мне, легкомыслие исчезло, уступив место сосредоточенности. Мне представляется, что в докладе было не так много сюрпризов для команды Обамы, хотя некоторые подробности явно заставили задуматься. При предыдущих передачах полномочий такого общего совещания не проводили (самого избранного президента, конечно, всегда информируют); думаю, это знаковое событие, и решимость Буша обеспечить плавный переход удачно совпала с желанием нового президента идти на компромисс. Увы, такое бывает нечасто.

В преддверии инаугурации я стал настоящей головной болью для тех, кто организовывал торжественную церемонию. На Секретную службу возложили общую ответственность за обеспечение безопасности мероприятия, поручив координировать работу вашингтонской полиции, парковой полиции США[86] и Национальной гвардии. Чем ближе был день инаугурации, тем чаще в прессе мелькали жуткие цифры – дескать, на церемонию могут прийти свыше четырех миллионов человек, и мне представлялось, что полицейских и гвардейцев – насколько помню, их общая численность около 15 000 человек – окажется катастрофически мало, если что-то пойдет не так. Любое событие, не говоря уж о теракте, способно вызвать панику, а при том что

через Потомак ведут всего два или три моста, апокалипсис практически гарантирован. Если что-то случится, мосты окажутся забиты людьми, пытающимися убежать, что не позволит оперативно перебросить в город военные подкрепления. Я настаивал на том, чтобы привлечь значительно больше гвардейцев и разместить их в режиме ожидания на местных военных объектах. Организаторы церемонии уверяли, что все предусмотрено, что при надобности подкрепления смогут прибыть в течение нескольких часов из более удаленных мест их расположения; я отвечал, что в экстренных случаях подкрепления необходимы в срок от пятнадцати до тридцати минут. В итоге организаторы все же согласились увеличить численность подразделений Национальной гвардии в городе. К счастью, как всем известно, ничего плохого на инаугурации не случилось.

Одновременно служить двум администрациям стало еще забавнее и диковиннее в последние две недели перед инаугурацией. 6 января вооруженные силы США провели церемониал прощания с президентом Бушем в Форт-Майере, армейском лагере, отделенном от Вашингтона рекой Потомак. Соответственно событию в своей речи я воздал должное заслугам Буша перед страной в военном отношении (мой новый босс наверняка посчитал бы этот список бесконечно унылой литанией поражений). Затем, 10 января, весь клан Бушей – и тысячи других людей – собрались в городе Ньюпорт-Ньюс, штат Виргиния, на церемонию спуска на воду авианосца «Джордж Г. Буш». Это был замечательный день, омрачало его лишь то обстоятельство, что перед нами разворачивалась одна из последних публичных церемоний Буша-43 в качестве президента.

Все хлопоты, связанные с уходящей и приходящей администрациями, осложнялись для меня тем, что я тяжело повредил левую руку. В первый день дома, на Северо-Западе, во время рождественских каникул, внезапно началась метель. В Вашингтоне я скучал по работе на свежем воздухе, поэтому оделся потеплее и отправился насаживать снегоочиститель на газонокосилку, чтобы расчистить довольно длинную и крутую дорогу к крыльцу. Лезвие снегоочистителя было тяжелым, и, подняв его, я вдруг услышал хруст. Мне было шестьдесят пять лет, я уже привык, что любая физическая нагрузка сопровождается хрустом и скрипом, но есть обычный хруст, а есть совсем не обычный. Я сразу понял, что на сей раз хруст – из второй категории. Но через пару минут боль прошла и я продолжил возиться с косилкой. Рука двигалась, острая боль не возникала, и я решил, что, несмотря на явную проблему, не стану портить себе каникулы дурным диагнозом. Так что к врачу я

пошел, только когда вернулся в Вашингтон, округ Колумбия. Там я узнал, что повредил связки у предплечья и мне требуется операция. Я проверил свой календарь и сказал, что, наверное, смогу выкроить свободный денек в феврале. Врач смерил меня взглядом и спросил: «А как насчет завтра?» Мы сошлись на промежуточном варианте – в пятницу после инаугурации.

Как я уже говорил, Барак Обама стал восьмым президентом, с которым мне довелось работать, однако до сих пор я еще ни разу не присутствовал на инаугурации. И намеревался превзойти собственное достижение. Если на какое-то событие является правительство в полном составе, то всегда выбирают одного члена кабинета, чья обязанность – обеспечить преемственность власти в случае катастрофы. Я смог убедить штабы Буша и Обамы, что идеально подхожу для этой роли на время инаугурации. В конце концов, я превосходным образом олицетворяю преемственность: будучи креатурой Буша, я как ни в чем не бывало выйду на работу утром 20 января, и в то же время я единственный чиновник в администрации Обамы, чье назначение уже утверждено.

В следующий понедельник я приступил к работе на нового президента. С рукой на перевязи.

Глава 9
Новая команда, новая программа – и прежний министр

На 21 января 2009 года я пробыл министром обороны чуть более двух лет, но в тот день снова оказался «чужаком». Да, в предыдущие годы мне доводилось пересекаться с некоторыми нынешними соратниками Обамы, но в целом я никого в новой администрации по-настоящему не знал и, конечно, никого не мог назвать своим другом – исключая разве что нового директора ЦРУ, Леона Панетту. При этом новую администрацию буквально пронизывала «паутина» давних отношений – тут и партийные контакты и союзы, и связи, «унаследованные» от администрации Клинтона; естественно, я в этих связях и контактах совершенно не ориентировался. А соперничество между Хиллари Клинтон и Обамой за право выдвигаться кандидатом в президенты от Демократической партии на выборах еще больше сбивало меня с толку: кое-кто из бывших сотрудников администрации Клинтона поддержал Обаму и тем самым очутился в «лагере врагов» Хиллари, а среди сторонников Обамы преобладало прохладное, мягко говоря, отношение к Хиллари и ее сторонникам. Принцип «команды соперников» на вершине власти действовал намного эффективнее, чем ниже по вертикали власти.

Будучи «чужаком», я вдобавок мгновенно удостоился в новой администрации статуса «престарелого министра». Я был всего на три года старше Буша-43, однако разница с Обамой составляла почти двадцать лет. Многие влиятельные сотрудники – уровня ниже топ-руководства – новой администрации, особенно в Белом доме, учились в колледжах или даже в средней школе, когда я уже стал директором ЦРУ. Неудивительно, что в Белом доме ко мне приклеилось прозвище Йода (помните этого ветхого учителя джедаев в «Звездных войнах»?). Новые назначенцы, в основном из помощников и сотрудников аппаратов ассистентов конгрессменов, все, как один, были умными, бесконечно трудолюбивыми – и абсолютно лояльными президенту. Но вот знаний из первых рук о менеджменте в реальном мире им категорически не хватало.

Из-за различий в возрасте и опыте мы – они и я – имели принципиально разные системы отсчета. Моя «школа» включала войну во Вьетнаме, чреватое ядерным апокалипсисом противостояние с Советским Союзом и глобальную «холодную

войну». У них за плечами было неоспоримое превосходство Америки в мире в 1990-х годах, события 11 сентября 2001 года и войны в Афганистане и Ираке. Двухпартийность в основе национальной безопасности занимала центральное место в моем опыте, но у них таковой опыт отсутствовал.

Ряду новых сотрудников, как старшего, так и младшего ранга, похоже, недоставало осведомленности о мире, в который они только что попали. Символичное наблюдение: когда мы впервые собрались на совещание в Ситуационном центре, минимум половина участников даже не задумалось о необходимости выключить свои сотовые телефоны (им и в голову не приходило, что благодаря этой небрежности за ходом секретного совещания вполне могут следить с помощью электронных «жучков» иностранные разведки). После совещания я намекнул на непорядок Джиму Джонсу, новому советнику по национальной безопасности, и подобного больше не повторялось. Но, едва мы с Малленом вернулись в Пентагон в тот день, я с порога процитировал свою любимую фразу из «Смертельного оружия»: «Я слишком стар для этого дерьма».

Что касается старших членов команды Обамы, то вице-президента Байдена я встречал несколько раз в Капитолии, но не помню, чтобы мне приходилось выступать перед ним либо как-то еще иметь с ним дело. Байден был на год старше меня и, избранный в сенат в 1972 году, начал осваиваться в Вашингтоне лет на шесть позже моего. Джо просто невозможно не любить. Он выраженный, что называется, парень от станка, простоватый и грубоватый, причем вполне это сознает, а потому сам над собой периодически подшучивает. Прошло всего-то несколько совещаний в Ситуационном центре, а президент уже приобрел обыкновение довольно резко обрывать и осаживать Байдена. Вдобавок Джо человек предельно честный и просто не в состоянии скрывать, что он на самом деле думает, но это и один из тех редких людей, к которым всегда можно обратиться с личными проблемами, – и он наверняка приложит все усилия, чтобы помочь. Тем не менее, на мой взгляд, он допускал ошибки в отношении практически всех серьезных внешнеполитических вызовов и вопросов национальной безопасности последних четырех десятилетий. После очередного совещания в Белом доме мы с Малленом поехали обратно в Пентагоне вместе, и Майк повернулся ко мне и спросил: «А вы заметили, что сегодня согласились с вице-президентом?» Я хмыкнул, ответил, что, конечно, заметил и потому переосмысливаю свою позицию. За два с половиной года мы с Джо расходились во мнениях по множеству тем, прежде всего по поводу Афганистана, но личные

отношения между нами всегда оставались сердечными. Байден проработал в конгрессе гораздо дольше, чем предыдущий вице-президент Чейни, но оба были весьма опытными политиками, и меня не могло не удивлять, что они столь часто судили неверно о намерениях и действиях конгресса. Подробнее об этом я расскажу позже.

Что касается Хиллари Клинтон, то после нашего совместного обеда в декабре я был уверен, что мы сможем наладить тесное рабочее взаимодействие. И действительно, совсем скоро политические комментаторы стали отмечать, что в администрации, где вся власть и принятие решений были прерогативой Белого дома, мы с Хиллари представляли независимый «центр силы», не в последнюю очередь потому, что, по разным причинам, нас обоих воспринимали как «неувольняемых». Впрочем, некое кадровое решение президента вскоре изрядно осложнило нам жизнь.

Президент хотел назначить Джима Стейнберга, который был заместителем советника по национальной безопасности при президенте Клинтоне, заместителем государственного секретаря. Я сам дважды побывал в шкуре заместителя, а потому подозревал, что Джим не пожелает возвращаться в правительство ради поста заместителя кого бы то ни было. (Мой заместитель в министерстве обороны при Буше, Гордон Ингленд, был до этого министром ВМС. Однажды он сказал мне, что «быть министром чего угодно намного лучше, чем быть заместителем по любым вопросам».) Чтобы убедить Стейнберга принять назначение, Обама согласился на его просьбу, предоставил ему членство в комитете принципалов и допуск на заседания Совета национальной безопасности, равно как и место в совете заместителей[87]. Насколько мне известно, до сих пор ни один заместитель не получал права участвовать как самостоятельная единица в работе комитета принципалов.

Присутствие Стейнберга в комитете принципалов давало Государственному департаменту сразу два голоса – но эти голоса частенько не соглашались между собой. Стейнберг нередко озвучивал в совете заместителей мнение, которое шло вразрез с мнением Хиллари, а затем излагал это же мнение на заседаниях комитета принципалов и даже президенту. Короче говоря, предоставление Госдепу двух голосов в вопросах национальной безопасности оказалось ненужным усложнением процесса принятия решений. Могу догадываться, что договоренность Обамы со Стейнбергом вызвала, скажем так, сильное разочарование Хиллари, тем более что – насколько я понимаю ситуацию – Стейнберг, пусть и работавший некогда в

администрации ее мужа, отнюдь не являлся ее кандидатурой на роль заместителя госсекретаря. Хиллари обещали, что она получит полную свободу выбора собственных подчиненных в Госдепе, но это обещание в итоге сдержали не до конца, что служило постоянным источником напряженности в отношениях между Хиллари и сотрудниками Белого дома, особенно политическими назначенцами.

(Те члены Совета (и Штаба) национальной безопасности, которые недовольны двумя голосами министерства обороны в ШНБ, забывают, что закон об учреждении Совета национальной безопасности 1947 года прямо называет министра обороны в качестве члена совета, а председателя Объединенного комитета начальников штабов – в качестве приглашаемого советника. При этом в тексте закона нет ни единого упоминания о заместителе госсекретаря.)

Мой опыт сотрудничества с Хиллари продемонстрировал в очередной раз, что никогда не бывает слишком поздно научиться чему-то новому. Прежде чем она вошла в администрацию Обамы, мы не были знакомы лично, и мое отношение к ней определялось преимущественно тем, что я читал в газетах и видел по телевизору. Я быстро понял, что меня изрядно дезинформировали. Хиллари – женщина невероятно умная, одновременно идеалистка и прагматик, с суровым характером, неутомимая и ценящая хорошую шутку; словом, отличный коллега – и превосходный представитель интересов Соединенных Штатов на международной арене. Я пообещал себе, что впредь не стану составлять заранее мнение о человеке, с которым не знаком лично.

Джима Джонса, нового советника президента по национальной безопасности, я отчасти знал – по нескольким телефонным звонкам и парочке встреч. После того как я отказался от должности директора Национальной разведки в январе 2005 года, меня попросили позвонить Джонсу – четырехзвездному генералу и бывшему командующему корпуса морской пехоты, в ту пору главе Европейского командования и главнокомандующему сил НАТО в Европе – и попытаться уговорить его принять это назначение. (Странно, правда? Вот и я тоже недоумевал какое-то время – почему попросили именно меня?) Мой звонок на мобильный телефон застиг Джонса в ресторане в Неаполе. Он вежливо выслушал, но сказал, что не заинтересован в этой работе. После того как осенью 2006 года Джонс вышел в отставку, а я стал министром, он несколько месяцев спустя по инициативе конгресса провел оценку афганских сил безопасности и представил соответствующий

отчет, а потом в качестве приглашенного консультанта работал с администрацией Буша, когда та озаботилась повышением боеготовности палестинских сил безопасности на Западном берегу реки Иордан и улучшением их сотрудничества с израильтянами. Афганский отчет Джонса не произвел на меня сильного впечатления, а его постоянные просьбы направить больше морских пехотинцев в Палестину свидетельствовали, так сказать, о ненасытных аппетитах.

Тем не менее я обрадовался назначению Джонса на должность советника по национальной безопасности, поскольку больше никто из высокопоставленных представителей Белого дома не был военным и не разбирался в военных делах. Точно так же высшие чиновники администрации – не считая Тома Донилона, заместителя Джонса в СНБ, – не имели опыта руководства ведомствами, причастными к обеспечению национальной безопасности; разве что некоторые из них являлись сотрудниками среднего звена в правительстве Клинтона. Потребовалось всего несколько недель, чтобы Джим очутился в Белом доме фактически в изоляции. В отличие от множества работников администрации, он не участвовал в избирательной кампании и не был закадычным другом президента. «Начальник штаба» СНБ Марк Липперт, с другой стороны, прежде работал на сенатора Обаму и был его единственным советником по внешней политике с самого начала президентской кампании. Денис Макдоно, новый глава директората стратегических коммуникаций СНБ, тоже работал на Обаму в Капитолии, а затем, в ходе избирательной кампании, стал его главным помощником по вопросам внешней политики. Оба, Макдоно и Липперт, находились в постоянном контакте с новым президентом и имели с ним полное взаимопонимание; Джонсу о таком не приходилось и мечтать. Вдобавок Обама предоставил им полный доступ, дополнительно осложнив положение Джонса.

Еще после одного из первых моих еженедельных совещаний с Обамой Джонс пожаловался мне, что памятку для президента готовил Липперт единолично, даже не потрудившись его, Джонса, проинформировать. Для сотрудников СНБ эпохи Генри Киссинджера, Брента Скоукрофта и Збигнева Бжезинского подобное нарушение протокола и процедур было смертельным оскорблением. Могу только представить, что чувствовал Джонс, оказавшийся в ситуации, когда постоянно нарушались правила субординации, – а ведь он полжизни прослужил в морской пехоте, самой иерархической военной организации! Между тем у Донилона сложились тесные отношения с вице-президентом, а с главой администрации Белого дома Рамом Эмануэлем они и

вовсе были давними друзьями. Джонсу также пришлось иметь дело с некоторыми другими старшими сотрудниками Белого дома – Эмануэлем, президентскими советниками Валери Джарретт и Дэвидом Аксельродом, пресс-секретарем Робертом Гиббсом и прочими, – причем каждый из них обладал влиянием на Обаму в вопросах внешней политики. Возможно, десяток человек, в том числе собственные подчиненные Джонса, имели прямой выход на президента в обход Джонса, и их регулярно приглашали высказываться по темам, связанным с национальной безопасностью. Помнится, газета «Файнэншл таймс» процитировала кого-то из чиновников Белого дома, сказавшего: «Если меня спросят, кто на самом деле советник президента по национальной безопасности, я назову три или четыре имени, среди них Рам, а генерал Джонс, судя по всему, пользуется наименьшим влиянием».

«Нарыв» прорвался в ходе первого заграничного турне президента – на заседание группы G-20 в Лондоне 2 апреля и на саммит НАТО в Страсбурге и Келе (приграничных городах-спутниках во Франции и Германии соответственно) 3–4 апреля. Через несколько дней Джим рассказал нам с Хиллари, что на обоих саммитах «другие из Белого дома» (имен он не называл) давали президенту советы по вопросам внешней политики, в которых абсолютно не разбирались. Не скрывая презрения, он описывал, как один наивный сотрудник Белого дома на приеме в честь саммита НАТО убедил президента на виду у всех пообщаться одновременно с министрами иностранных дел Турции и Армении и попробовать заставить их работать совместно. Поскольку между этими странами существует давнишний конфликт, а история взаимоотношений омрачена пролитой кровью, попытка президента обернулась предсказуемой неудачей, и Обама оказался в неловком положении. Джонс прибавил, что он велел Тому Донилону возвращаться в Вашингтон после встречи G-20, но другие старшие руководители Белого дома распорядились, чтобы Донилон сопровождал президента на протяжении всего турне; Джонс узнал об этом, только когда столкнулся с Донилоном в коридоре отеля, где проживали участники саммита НАТО. Получить расписание президентских встреч и график запланированных переговоров, продолжал Джонс, тоже удалось не сразу, а Донилон, Липперт и другие постоянно норовили, что называется, «обойти его на вираже».

На следующее утро позвонил Майк Маллен и сообщил, что разговаривал с Джонсом и тот готов уйти. Я передал новость Хиллари, которая сильно забеспокоилась – она-то ничуть не

желала отправлять Джима в отставку.

Мы с Джонсом увиделись наедине поздно вечером, и он сказал: «Так дальше продолжаться не может». Он посетовал, что у него нет полноценного контакта с президентом – возможно, из-за разницы в возрасте. Описал свои трудности в Белом доме и признался, что виделся с президентом один на один всего лишь раз, в день инаугурации. Он снова пожаловался на Липперта и Донилона – мол, велел Липперту что-то там сделать, а Липперт, лейтенант резерва ВМС, фактически проигнорировал приказ своего босса – отставного четырехзвездного генерала. «Прямое неподчинение», – прокомментировал Джонс. Президент говорил, плакался Джим, что за ним будет последнее слово в вопросах национальной безопасности, но на деле все совсем не так: «Вокруг слишком много желающих, мне тут не место». Я сказал Джиму, что для меня он – тот самый «клей», который удерживает вместе команду по национальной безопасности, единственный человек в Белом доме, кроме президента и вице-президента, обладающий реальным опытом в сфере национальной безопасности, авторитетом и международной репутацией. Будет «катастрофическим ударом», если он все-таки решит уйти. Я сказал, что готов переговорить с президентом, если необходимо: «Мы не можем себе позволить потерять вас». Джим позвонил мне на следующий день и поведал, что добился персональной аудиенции у президента и надеется все уладить, «более или менее». Тон у него был оптимистичный, он поблагодарил меня за нашу беседу и сказал, что она ему помогла.

После этого кризиса рассмотрение вопросов национальной безопасности в Белом доме действительно сделалось более упорядоченным, появилось даже некое подобие организационной дисциплины. Джим в итоге провел в Белом доме почти два года, хотя во многом так и остался для администрации «посторонним».

Завершают список основных игроков в команде по национальной безопасности директор ЦРУ Леон Панетта и директор Национальной разведки Деннис Блэр. Мы с Панеттой неплохо узнали друг друга, сотрудничая в Группе по изучению Ирака. Вообще назначение Леона заставило кое-кого недоуменно приподнять брови, учитывая отсутствие у Панетты опыта в сфере национальной безопасности и тот факт, что прежде он не имел отношения к разведывательной деятельности (работу в должности директора Административно-бюджетного управления можно не считать). Лично я в нем не сомневался, поскольку видел, как он работает, в месяцы, посвященные изучению Ирака. Плюс я знал, что подавляющее большинство директоров ЦРУ не обладали разведывательным опытом – это своего рода традиция.

На самом деле в истории этого ведомства всего три кадровых офицера становились директорами ЦРУ (Ричард Хелмс, Уильям Колби и я). Зато Леон был умным и жестким человеком, управлял ранее крупными государственными проектами, а также, что весьма важно, знал, как работает конгресс[88] (этого знания ЦРУ давно не хватало). Еще он явно пользовался доверием нового президента и давно дружил с новым государственным секретарем. Время от времени Леон, как говорится, «снимал свою церэушную шляпу» и давал президенту здравые политические советы по спорным вопросам в сфере национальной безопасности; по мне, он разбирался в политических реалиях Вашингтона намного лучше любого другого сотрудника администрации, в том числе Обамы и Байдена. Он всегда старался максимально понятно изложить свою точку зрения, особенно когда высказывался не официально, как директор ЦРУ, а в личных беседах. Его уважение к профессионалам ЦРУ, остроумие и хорошее чувство юмора, политическая мудрость и здравый смысл – все эти качества побуждали меня видеть в Панетте ценный актив новой администрации.

С Блэром я впервые встретился в середине 1970-х годов, когда он, молодой офицер военно-морского флота, был приписан в качестве помощника к кому-то из сотрудников Белого дома, а я работал в штате СНБ. Стипендиат Родса[89], он, как мне сказали тогда, был «одним из умнейших людей в военной форме». В дальнейшем наши пути почти не пересекались – до встречи в администрации Обамы. Отставной четырехзвездный адмирал, Денни закончил службу главой Тихоокеанского командования, отвечавшим за военные операции, которые охватывали половину земного шара; пожалуй, его статус в современной американской армии можно сопоставить со статусом имперского проконсула в Древнем Риме. Майк Маллен и я отлично ладили с Денни, но вот отношения с другими членами команды по национальной безопасности и с разведывательным сообществом у него не задались с самого начала. Он и вправду верил, что является боссом всего разведывательного сообщества США, имеет реальную власть если не над всеми, то над большинством его составных элементов, включая ЦРУ. В реальности же, несмотря на понимание и компромиссы, которых достигли заместитель министра обороны по разведке Джим Клаппер, бывший директор ЦРУ Майк Хайден и бывший директор Национальной разведки Майк Макконнелл при моем участии в 2008 году, глава Национальной разведки по-прежнему не обладал законными властными полномочиями и не имел политического влияния на разведывательное сообщество. Если «вольница» среди

сотрудников Белого дома, причастных к сфере национальной безопасности, была для Джима Джонса головной болью, то для четырехзвездного адмирала и бывшего боевого командира разведка и все, что с нею связано, оказались сущим кошмаром. Мне часто доводилось повторять, что обязанности директора Национальной разведки сродни обязанностям не столько исполнительного директора, сколько председателя важного комитета в конгрессе, – да, имеются некие «унаследованные» прерогативы, но в основном тебе приходится убеждать и уговаривать. А таланта убеждать Денни недоставало.

К сожалению, первое серьезное столкновение у него случилось с Панеттой, который, будучи изрядно политически и бюрократически подкованным, стремился заручиться лояльностью ЦРУ. И Блэр невольно предоставил ему такую возможность. Еще при прежней администрации директорат Национальной разведки предложил, чтобы старший офицер разведки в столицах иностранных государств – «стационер» ЦРУ – одновременно считался представителем ведомства Национальной разведки; разумеется, в ЦРУ эту инициативу предпочли сунуть под сукно и «промариновали» ее целый год. Суть предложения сводилась к тому, что «стационеров» рано или поздно будет назначать директорат Национальной разведки, и нет гарантий, что пост предложат агентам ЦРУ, тогда как до сих пор именно последние занимали эти посты без какой бы то ни было конкуренции. Весной 2009 года Блэр в одностороннем порядке разослал во все ведомства директиву, просто утверждающую это предложение. (Как бывший глава ЦРУ, я подумал, что Денни спятил, – кто в здравом уме начинает лобовую атаку на агентство и его нового директора?) Панетта немедленно выпустил собственное распоряжение, отменявшее указание директора Национальной разведки; Блэр в ответ написал Панетте служебную записку с требованием отозвать распоряжение. Отношения между ними, изначально непрочные, моментально обернулись враждой. Леон победил, и всем стало понятно, что директор ЦРУ значит для Белого дома куда больше, чем директор Национальной разведки.

С президентом и другими членами команды национальной безопасности Блэр тоже не находил общего языка. Он имел обыкновение навязывать свои взгляды, давил авторитетом, предлагал на рабочих совещаниях окончательные решения, в том числе по политическим вопросам, хотя здесь его мнение было в лучшем случае совещательным; естественно, это вызывало недовольство президента. По словам Джонса и других, Обаме также не нравилось, как Денни ведет себя на утренних

брифингах, нередко дополняя сообщения разведки собственными суждениями. Я наблюдал за собравшимися в Ситуационном центре, когда он выступал, и было весьма очевидно, что единственными друзьями Блэра в комнате были мы с Малленом (может быть, еще Хиллари).

Мне пришлось достаточно тесно общаться с двумя другими назначенцами Обамы в администрации Белого дома. С Рамом Эмануэлем, новым главой администрации, мы прежде знакомы не были; этот человек отличался неуемной энергией и стал хорошо известен своей способностью терроризировать окружающих, даже членов правительства. Вооруженный неисчерпаемым запасом «f-бомб»[90], он вел себя точно кружащийся дервиш с синдромом дефицита внимания. Джонс сказал мне однажды, что, если Раму пришла в голову какая-то мысль в десять утра, он ожидает исполнения к четырем часа дня независимо от сложности задачи. Мне Рам нравился. Он заставлял меня смеяться. Политическое животное в естественной среде[91], он нередко отпускал замечания, демонстрировавшие глубокое понимание механизмов вашингтонской политики и деятельности конгресса. А что касается напыщенности, лично мне было не привыкать работать с такими людьми в Белом доме. У нас с Эмануэлем имелись серьезные разногласия по поводу «Не спрашивай, не говори» (закона о геях в армии), бюджета и Афганистана, но личные отношения оставались неплохими. Стоило мне уронить на него пару-тройку собственных «f-бомб» в ходе жаркого спора, он восхищенно воскликнул, что не ожидал такого от меня, и с тех пор, казалось, начал относиться ко мне с уважением. Так или иначе, он (и все прочие в Белом доме Обамы) неизменно выказывал мне вежливость и даже почтение.

Другим сотрудником Белого дома, которого я хотел бы упомянуть отдельно, был Джон Бреннан – Обама назначил его помощником президента и заместителем советника по национальной безопасности в вопросах внутренней политики и борьбы с терроризмом. Бреннан, кадровый сотрудник ЦРУ, один из немногих в администрации служил на руководящих должностях в аналитических и оперативных структурах управления. Не припоминаю, чтобы нам с ним доводилось сталкиваться в ЦРУ, хотя в его первые годы в качестве аналитика он, должно быть, работал под моим началом. Обама хотел назначить его директором ЦРУ, но работа Бреннана в ЦРУ в президентство Буша вызвала сопротивление Капитолия, поэтому президент в итоге остановился на должности, которая не требовала утверждения в сенате. На тех совещаниях в Белом доме, на которых я присутствовал, Бреннан высказывался, только

когда ему впрямую задавал вопрос Джонс или сам президент. Впоследствии Бреннан приобрел значительное влияние на администрацию Обамы и, насколько могу судить, успешно справлялся со своей работой – в частности, он сыграл главную роль в нанесении серьезного урона «Аль-Каиде»[92] (уже как директор ЦРУ во второй срок Обамы).

Новостью для меня стал институт «специальных посланников», которым поручалось работать в регионах: посол Ричард Холбрук теперь отвечал за Афганистан и Пакистан, бывший сенатор Джордж Митчелл – за мир на Ближнем Востоке, а генерал-майор ВВС в отставке Скотт Грейшн – за Судан. При администрации Клинтона специальных посланников, или «представителей», назначали решать сложные и отнимающие много времени и сил задачи внешней политики, например урегулирование на Балканах, – кстати, там Холбрук успешно участвовал в организации «посреднической» сделки (Дейтонских соглашений), позволившей добиться мира, пусть и непрочного. Мне представляется, что привлечение высокопоставленных лиц «со стороны» к решению щекотливых вопросов внешней политики – ошибка, поскольку это ведет к бюрократическим конфликтам в Вашингтоне и к путанице за рубежом относительно того, кто именно выступает от имени президента США.

Успех на Балканах в 1990-х годах сопутствовал Холбруку во многом благодаря уникальному сочетанию природы этого конфликта, личным качествам лидеров и характера и навыков Ричарда, замечательно подходящего для Балкан. Его принцип «прямо в лоб», увы, вряд ли сработает в таких странах, как Пакистан и Афганистан, чьи лидеры, культура и политические условия предполагают совершенно иной стиль ведения дел. Едва Холбрук получил назначение, разгорелся конфликт со Штабом национальной безопасности (Совет национальной безопасности реорганизовали и переименовали, чтобы расширить круг его обязанностей и включить в них внутреннюю безопасность); при этом Холбрук пользовался твердой и неизменной поддержкой Хиллари. Публичная суровость президента к Ричарду ясно дала понять, что Холбрук не принадлежит к «компании» Обамы, вследствие чего сама должность специального посланника постепенно превращалась в пустой звук. Вскоре Холбруку удалось разозлить и пакистанское, и афганское руководство, из-за чего он оказался на обочине переговорного процесса, хотя располагал ценной информацией и создал сильную команду.

Митчелл заслужил новое назначение своими успехами в качестве посредника в Северной Ирландии (поверьте, это существенное достижение). Впрочем, его шансы добиться того же

результата на Ближнем Востоке были невелики. Как мы увидели после Кэмп-Дэвидских соглашений 1978 года, которые сподвигли Израиль и Египет на подписание мирного договора в начале 1979 года, только тогда, когда и израильтяне, и арабы опираются на крепкий политический тыл и готовы идти на компромисс, возникает шанс на движение к миру. В начале 2009 года таких условий попросту не существовало. Слабое палестинское правительство Западного берега состояло из достаточно прагматичных политиков, но экстремисты хамас в секторе Газа были полны решимости уничтожить Израиль. В самом Израиле администрации Обамы приходилось иметь дело с премьер-министром Биньямином Нетаньяху – главой правокоалиционного правительства, который категорически не желал предпринимать каких-либо конструктивных шагов для создания двух полноценных государств. Команда Обамы разрывалась между двумя точками зрения: одну представляли «старые бойцы» Ближнего Востока – к примеру, Деннис Росс, считавший, что мы должны двигаться шаг за шагом и с большой осторожностью; другую олицетворяли Джим Джонс и я, полагавшие, что Соединенным Штатам нужен смелый подход, разработка проекта всеобъемлющего соглашения, которое наглядно покажет обеим сторонам, от чего им, возможно, придется отказаться и что они могут получить. В целом преимущество было за «старыми бойцами», и Митчелл постоянно сновал между Вашингтоном и Ближним Востоком, но результаты всех этих перелетов были нулевыми. А Скотт Грейшн столкнулся в Судане с неразрешимой ситуацией, усугубленной расколом в нашем правительстве из-за разногласий по предлагаемых мерам вмешательства, – но ему все же удалось организовать и провести мирный референдум, который способствовал появлению на карте Южного Судана.

Таково было ядро новой команды. А над этим ядром стоял президент. Интервьюеры настойчиво просили и просят меня сравнить Буша и Обаму, поскольку я работал на обоих, и не перестают удивляться, как я уживался со столь непохожими людьми. Позволю себе напомнить, что Обама – восьмой президент, с которым я работал, и каждый из восьми сильно отличался от прочих. Карьерные чиновники, по крайней мере те, кто не озабочен соблюдением партийных интересов, быстро учатся адаптироваться к разным президентским стилям и характерам. Для меня не составило проблемы перестроиться с Буша на Обаму.

Со временем мои отношения с Обамой окрепли, но всегда оставались сугубо деловыми, точно так же как и с Бушем хотя, как я уже говорил, Буш несколько раз приглашал нас с Бекки на

свое ранчо в Кэмп-Дэвиде (но мы ни разу не приехали). Обама порой говорил, что надо бы пропустить по стаканчику мартини, но дальше слов не заходило. До моего последнего вечера в Вашингтоне в качестве министра, когда они с Мишель устроили небольшой прощальный ужин для нас в «семейной» части Белого дома, мы вне работы не общались. Я не увлекался горными байками, а потому упустил шанс разделить спортивные пристрастия Буша-43; аналогично я оказался на фут ниже нужного, недостаточно атлетичен и слишком стар, чтобы играть за президентскую баскетбольную команду, да и гольф мне в отличие от Обамы скучен. Таким образом, наши два с половиной года вместе прошли почти исключительно в Овальном кабинете и в Ситуационном центре Белого дома.

Хотя Обама, на мой взгляд, типичный либеральный демократ, а себя я всегда считал умеренно консервативным республиканцем, мы в первые два года совместной работы довольно часто сходились во мнениях по вопросам национальной безопасности. В этой сфере, как и при большинстве президентских переходов, наличествовала очевидная преемственность между последними годами администрации Буша и первыми годами президентства Обамы, что бы там ни утверждали партийные кликуши с обеих сторон. Прогресс в Ираке в основном определялся стратегическим рамочным соглашением 2008 года, и Обама, по сути, принял позицию Буша по завершению войны в декабре того года – как он выразился, «ответственно». Обама ратовал за предоставление дополнительных ресурсов для Афганистана и явно был готов решительно преследовать «Аль-Каиду». В первый год нашей совместной работы он поддерживал необходимое финансирование расходов на оборону. Словом, налицо был прочный фундамент для продуктивного партнерства. В некоторых вопросах более низкого приоритета, о которых скажу позже, я мог не соглашаться с президентом, но шел на компромисс и поддерживал – как это было и при администрации Буша. Никто в Вашингтоне не в состоянии выигрывать постоянно, и до тех пор пока получалось добиваться своего в главном, я оставался заодно с президентом в прочем. Не припомню, чтобы мы с Обамой когда-либо обсуждали внутреннюю политику (и слава богу, уж простите).

Я узнал, что президент весьма прагматичен в вопросах национальной безопасности и готов выслушивать чужие мнения по большинству тем – иными словами, если использовать коммерческую терминологию, готов к сделкам. Так, при обсуждении ряда спорных ситуаций, о которых ниже, я

внимательно слушал выступающих и всякий раз выбирал правильный, с моей точки зрения, момент, чтобы предложить альтернативный вариант, призванный «ублажить» всех заинтересованных лиц, в первую очередь президента. Обычно, как и с Бушем, я предпочитал излагать свои взгляды президенту наедине и в большинстве случаев был уверен, что он в конечном счете согласится на мои предложения. Позже мне доводилось читать, что некоторых сотрудников Штаба национальной безопасности раздражала моя привычка подолгу отмалчиваться на совещаниях, но я понимал, что мои рекомендации будут иметь больший вес, если я не стану сыпать советами направо и налево (хотя, конечно, бывало, что я молчал, не имея собственного мнения по конкретному вопросу, и просто хотел послушать других, чтобы принять решение). Как правило, я приходил на совещания, предварительно переговорив с Клинтон, Джонсом и кое-кем еще, то есть имел довольно хорошее представление, о чем пойдет речь. Совещания в Ситуационном центре никогда не были для меня пустой говорильней: ведь результаты этих совещаний имели практическое значение, и я всегда запасался стратегией. Чаще, нежели мне нравилось, созывалось по два или даже три таких совещания в день, и для разработки стратегий требовалось много сил.

В характере Обамы мне не хватало одной черты – страстности, особенно когда мы обсуждали текущие войны. В моем присутствии Буш-43 – тут он очень отличался от своего отца – не проявлял сентиментальности, но к войне в Ираке относился именно страстно. Иногда, скажем, на церемониях награждения медалью Почета, я видел, как на его глаза наворачиваются слезы. Я работал на Обаму дольше, чем на Буша, и никогда не видел слез в его глазах. Обаме случалось злиться и гневаться (я редко слышал, чтобы он ругался, и потому брань из его уст производила сильное впечатление), но единственным предметом «военной» области, к которому он относился с пылким интересом, помимо утечек информации, был, как мне кажется, закон «Не спрашивай, не говори». Он верил, что изменение этого закона является неизбежным следующим шагом в расширении гражданских прав. Говорят, с не меньшим энтузиазмом он готов был работать над реформой здравоохранения, но я не присутствовал на совещаниях, где она обсуждалась.

Сильнее всего это отсутствие страстности беспокоило меня применительно к Афганистану. Когда солдаты подвергают свою жизнь опасности на фронте, они должны знать, что главнокомандующий, отправивший их в бой, верит в значимость возложенной на них миссии. Они должны слышать, и часто, как

он говорит с ними и со страной, не только благодарит за службу и самопожертвование, но и объясняет, почему эта жертвенность необходима, почему борьба благородна, почему наше дело правое и почему мы обязаны победить. Президент Обама никогда этого не делал. Он вообще редко говорил о войне в Афганистане, разве что объявлял об увеличении численности воинского контингента или, наоборот, о его сокращении, а также об изменениях в стратегии. В документах Белого дома упоминания «поисков выхода», «сокращений» и «ответственного завершения войны» существенно превосходили числом упоминания «успеха» и «выполнения миссии». Учитывая предвыборные заявления Обамы по Афганистану, я сам, наши командиры и войска ожидали большей приверженности делу и большей страстности.

Прошу понять меня правильно: я вовсе не считаю, что президент не заботился о наших войсках и их семьях. Он и его супруга, с самого момента избрания, прилагали немалые усилия, чтобы помочь нашим мужчинам и женщинам в военной форме. В частности, Мишель Обама вместе с Джилл Байден, женой вице-президента, отдавала очень много времени и сил, чтобы помочь вернувшимся домой солдатам найти работу, и заботилась об их семьях. Президент посещал военные госпитали, беседовал с ранеными, сопереживал им и утешал тех, кто потерял на фронте ребенка или мужа. И гарантировал выделение значительных дополнительных ресурсов министерству по делам ветеранов, бюджет которого запретили подвергать сокращению. Я никогда не сомневался в заботе Обамы о войсках – сомнения вызывала только его приверженность выполнению их миссии.

Обама – самый обстоятельный президент среди всех, с кем я работал. Его подход к решению проблем напомнил мне комментарий Линкольна о способе принимать решения: «Я никогда не тороплюсь, обдумывая ту или иную мысль, я отсылаю ее на север, прогоняю на юг, отсылаю на восток и прогоняю на запад». Обама не раз говорил мне: «Я не могу защитить то, чего не понимаю». Я редко видел, чтобы он спешил с решением, если обстоятельства позволяли собрать информацию, проанализировать ее и осмыслить. Его порой критиковали за «медлительность» в принятия решений, но мне это даже нравилось и внушало надежду – ведь вокруг столько специалистов и экспертов, которые, похоже, уверены, что проблема, выявленная утром, должна быть устранена к вечеру. В качестве участника процесса принятия решений я всегда чувствовал себя более уверенным в результатах после тщательного обдумывания. При этом Обама, когда того требует ситуация, вполне способен решать оперативно, и такое случалось

в вопросах «жизни и смерти». Однажды он сказал мне, что одна из причин, по которой он баллотировался в президенты, – скука: в сенате он отчаянно скучал. Я никогда не видел человека, не обладавшего ранее исполнительной властью – а уж тем более законодателя, – который так быстро и легко научился бы принимать решения и так наслаждаться осуществлением власти. И, подобно Бушу, едва Обама принимал непростое решение, заставить его передумать или пожалеть о сделанном было невозможно.

Я всегда воспринимал Обаму через «президентский образ». Он относился к должности президента с большим уважением. Я редко видел его в Овальном кабинете без пиджака и галстука, и он всегда вел себя с достоинством. Он цельный человек и своим поведением – во всяком случае, в тех ситуациях, когда я имел возможность за ним наблюдать, – подает превосходный пример для подражания. Наши отношения со временем достигли определенной степени свободы, и я частенько наедине поддразнивал Обаму, спрашивая, когда нас донимала очередная серьезная проблема: «Напомните-ка мне еще раз, почему вы так рвались на эту работу?» Его широкая улыбка известна всему миру, и я видел ее неоднократно; куда менее известно, что она может моментально исчезнуть, сменившись ледяным взглядом. Как-то мне подумалось, что единственным другим человеком, с которым я работал и который способен меняться столь же резко и быстро, была Маргарет Тэтчер. Скажу честно, не очень-то приятно быть свидетелем (а тем более поводом) этой моментальной смены выражения лиц. (Как и все, от Тэтчер я куда чаще удостаивался ледяного взгляда, нежели улыбки.) Часто мне хотелось, чтобы Буш и Обама были меньшими приверженцами куоса своих партий, но очевидно, что политический мир сильно изменился с тех пор, как я впервые вышел в отставку в 1993 году. Как ни крути, Обама – несомненный интеллектуал и человек темперамента. И не обязательно соглашаться с его политикой в целом, чтобы это признать.

Менее чем через две недели после инаугурации, под занавес еженедельной встречи со мной и Малленом, президент попросил меня остаться для частной беседы. Он спросил, все ли, на мой взгляд, делается как нужно. Я ответил, что команда взяла хороший старт, люди понемногу притираются друг к другу, а главы министерств и ведомств неплохо ладят между собой. (Проблемы, о которых я упоминал выше, еще не проявились.) Как Обама поступал и раньше со всеми старшими руководителями, он призвал меня никогда не скрывать от него правду, какой бы горькой та ни была, и не стесняться выражать несогласие (можно

подумать, я нуждался в его разрешении). Он закончил разговор фразой, которая, на мой вкус, отлично характеризовала проницательность человека, пробывшего президентом всего дюжину дней: «Что я знаю, то меня касается. Чего я не знаю, касается меня еще больше. А то, чего люди не говорят, беспокоит меня сильнее всего». У многих чиновников в Вашингтоне уходит немало лет на то, чтобы понять эту простую истину, а некоторые так никогда ее и не осознают.

Через несколько месяцев после инаугурации президент объявил на выходных «большой сбор» в Белом доме, чтобы члены кабинета и старшие сотрудники администрации могли свободно поговорить о том, как лучше добиваться поставленных целей. Меня попросили принять участие в семинаре на тему «Работать более эффективно для выполнения приоритетов администрации». Я уже видел, что президент и сотрудники администрации, как и многие до них, стремятся к полному контролю и пытаются централизовать власть (а заодно присвоить себе лавры за все достижения). Поразмыслив, я решил обойтись без околичностей и немного развлечься. Я заявил министрам правительства и старшим сотрудникам аппарата Белого дома, что нам необходимо постоянно помнить о двух фактах. Во-первых, никто в Белом доме, кроме президента, не вправе проводить политику или предпринимать действия; за пределами Белого дома эти полномочия распространяются на министерства и правительственные агентства. Насколько хорошо усвоят это сотрудники Белого дома, определит то, сможем ли мы вообще добиться цели, и если да, то как быстро и с какими затратами. Если аппарат президента не будет уважать министров, не пожелает сотрудничать с ними в реализации политики, пострадают все. Во-вторых, за пределами Административно-бюджетного управления никто в Белом доме не вправе свидетельствовать перед конгрессом по поводу политики и бюджетов. Министры кабинета и руководители агентств должны «владеть» политикой президента, когда какой-либо вопрос обсуждается в конгрессе, и администрация Белого дома игнорирует эту необходимость на свой страх и риск. Каким будет свидетельство министра – выдающим приверженность делу или начисто лишенным энтузиазма? «В стенах этого здания так легко оторваться от реальности».

Затем я остановился на повседневных контактах Белого дома и кабинета министров. Я сказал, что министрам часто звонят личности, утверждающие, будто «Белый дом хочет того-то и того-то»; лично я при таких звонках обычно представляю себе розовощекого юнца, младшего сотрудника администрации Белого

дома, со свежеполученным пропуском. Он, верно, и в химчистку звонит со словами «Говорит Белый дом». Таких людей, внезапно проникшихся ощущением собственного могущества, я называю лизоблюдами. Имейте в виду, сказал я собравшимся на семинаре, что, когда мой секретарь говорит мне: звонит Белый дом и чего-то хотят, – я такие звонки игнорирую. Здание вряд ли может звонить по телефону. Будучи членом кабинета министров, я ожидаю, что мне будут звонить только высокопоставленные сотрудники администрации Белого дома.

В завершение я изрек два предупреждения в адрес своих коллег по кабинету. Во-первых, слишком многие помощники уверены почему-то, будто карьерный путь наверх строится на рассказанных боссу страшных историях о бесчинствах и тайных замыслах других министерств или администрации Белого дома. Единственный способ избавиться от бессмысленной междоусобной вражды, сказал я, заключается в том, чтобы руководители администрации, министерств и агентств доверяли друг другу. Члены кабинета министров и старшие сотрудники Белого дома работают над одними и теми же вопросами, – следовательно, нужен регулярный личный контакт, нужно строить отношения; если так будет, то и помощники скоро сообразят, что собирание сплетен отнюдь не лучший способ делать карьеру, не говоря уже о вовлечении боссов в бюрократические сражения. Второе предупреждение касалось того, что вот в это самое время один или несколько человек в каждом из министерств и агентств занимаются чем-то незаконным, неподобающим или чем-то таким, что наверняка вызовет гнев босса. Следует, сказал я, создавать и внедрять механизмы, позволяющие находить подобных людей прежде, чем они причинят слишком много вреда. Это предупреждение, как поделились со мной позже несколько моих коллег по кабинету, и вправду заставило их призадуматься.

Наблюдая в середине 2009 года за новыми сотрудниками Белого дома, я поражался тому, насколько у них разные – к слову, как и у их предшественников, – мотивы, побудившие пойти на работу в правительство. Некоторые из них боготворили нового президента, невероятно усердно трудились ради его избрания и были целиком и полностью преданы ему лично. Они были готовы пожертвовать несколькими годами своей жизни, чтобы обеспечить успех Обамы на политическом поприще. Другие были «людьми причины»: они работали на него раньше и были готовы служить ему сейчас по той или иной конкретной причине, то есть воспринимали Обаму и служение ему как способ сделать собственную политическую карьеру. Третьи, и без того успешные

в плане карьеры, увидели возможность послужить стране, работая на человека, эту страну олицетворявшего, или просто захотели заняться чем-то новым для разнообразия. Еще одну группу составляли политические «наркоманы» – они обожали политику как таковую, и работа в исполнительной власти после восьми лет в Капитолии или «в глуши» (не на правительственных постах) была для них как глоток свежего воздуха. И было несколько человек, которым президент фактически выкрутил руки, вынуждая отвергнуть удобства частной жизни ради изнурительных совещаний и возможности не раз и не два становиться объектом показательной порки – в конгрессе или в СМИ.

Я был вполне финансово обеспечен, когда в конце 2006 года вернулся в правительство. Согласно этическому кодексу мне пришлось продать все акции, которыми я владел, в начале 2007 года, на пике рынка. А тем, кто присоединился к администрации Обамы в начале 2009 года, владея акциями (а таковых было немало), пришлось продавать активы в момент, когда фондовый рынок падал. В итоге некоторые понесли серьезные финансовые потери, и я восхищался их патриотизмом и готовностью жертвовать личным благополучием во имя высшей цели. Со многими из этих людей мне предстояло не соглашаться в ближайшие годы, но я никогда не сомневался в их любви к нашей стране (хотя, как и в случае с любой администрацией, любви к себе тоже хватало).

Самый неловкий момент моих первых лет работы с президентом Обамой случился приблизительно через три недели после инаугурации. Я позвонил Бушу-43, чтобы сказать, что мы добились значительных успехов в тайной программе, которой он интересовался. В новой администрации господствовал такой негатив по отношению к Бушу, что, кроме меня, как я понял, никто бы не удосужился его проинформировать. В ходе нашего короткого разговора он спросил, как идут дела, и я сказал, что просто отлично. Буш закончил фразой: «Важно, чтобы он [Обама] преуспел». Я ответил: «Аминь». К моему огорчению и глубокому смущению, на следующий день Обама сказал мне, что собирается позвонить Бушу и рассказать об успехе тайной операции. Проглотив комок в горле, я сказал, что это прекрасная идея. Едва Обама положил трубку, я позвонил Бушу-43 и предупредил, что новый президент будет ему звонить и что, надеюсь, он меня не выдаст. Да, конечно, мне следовало подождать и дать новому президенту шанс сделать все самому. Больше я с Бушем-43 государственные дела не обсуждал.

Новая программа обороны

К 2009 году я пришел к убеждению, что парадигмы как обычной, так и нетрадиционной войны больше не соответствуют изменившейся обстановке – наиболее вероятные конфликты будущего окажутся где-то посередине, с широкими вариациями по масштабам и летальности. Ополченцы и повстанцы могут получить доступ к современному оружию. Быстро модернизируемые армии, в том числе китайская, будут использовать «асимметричные» методы, чтобы лишить американцев традиционных преимуществ в воздухе и на море. Страны-изгои, наподобие Ирана и Северной Кореи, скорее всего станут прибегать к комбинированной тактике. И потому я был убежден, что наша стратегия, разработанная после окончания «холодной войны» и предусматривающая возможность одновременного участия в двух крупных региональных конфликтах (что в значительной степени определяло структуру вооруженных сил США), фактически устарела. Мы должны поддерживать и модернизировать наши стратегические и обычные боевые возможности, но также следует готовить и экипировать армию США для непредвиденных обстоятельств.

Соглашаясь работать на Обаму, я был полон решимости воспользоваться дополнительным сроком в должности для того, чтобы организовать структуру вооруженных сил, бюджеты и военные программы именно с учетом новой реальности. Когда экономический кризис в стране стал очевидным, я понял, что оборонный бюджет слишком явная мишень: конгресс и президент попросту не смогут его проигнорировать. Поэтому я решил сыграть на опережение, представить на рассмотрение сырой, контрпродуктивный и потенциально опасный бюджет, показав тем самым, что мы в министерстве в состоянии сами расчистить наши бюджетные и закупочные «конюшни». Я надеялся, что если Пентагон дерзко продемонстрирует готовность снизить бюрократическую нагрузку, повысив при этом военный потенциал страны, то при неизбежном грядущем крушении бюджетного поезда мы пострадаем только, что называется, по касательной. Увы, я был, скажем так, чрезмерно оптимистичен.

Мои приоритеты были ясны: продолжать заботиться о военнослужащих и их семьях; стремиться к наилучшей сбалансированности между подготовкой к будущим масштабным конфликтам и поддержкой наших вооруженных сил в войнах, в которые мы уже вовлечены и, вероятно, окажемся вовлечены в ближайшие годы; подкрепить эту сбалансированность грамотной бюджетной политикой; реорганизовать процедуру военных

закупок и избавиться от просроченных и финансово неподъемных программ; сделать все возможное, чтобы увеличить наши шансы на успех в Афганистане. Первые три приоритета означали продолжение моей войны с Пентагоном, второй и третий также сулили войну с конгрессом, а четвертый подразумевал войну с Белым домом. Значит, каждый день всего моего срока на посту министра придется воевать на несколько фронтов. Сдаваться заранее я не собирался. Подобно Обаме и Бушу я быстро начинаю скучать от спокойной жизни.

Что касается заботы о войсках, то осенью 2008 года я услышал о значительном несоответствии сроков медицинской эвакуации с поля боя в Ираке и в Афганистане – норматив для Ирака составлял один час, а для Афганистана – почему-то два. Изучив историю вопроса, я выяснил, что санитарные вертолеты НАТО не летают (наши, американские, летали) при «недостаточной видимости», то есть в сумерках, в темное время суток или в плохую погоду, равно как и не садятся в «небезопасных» посадочных зонах. Разумеется, именно в таких условиях и в таких местах чаще всего и требовались санитарные вертолеты. Следом на меня свалилось и другое малоприятное открытие: оказывается, когда в Афганистане поступал запрос на использование вертолета американских ВВС для эвакуации раненых, его должен был одобрить старший командир. Короче говоря, сплошные задержки, при том что каждая минута на счету.

Двенадцатого ноября я направил председателю Объединенного комитета начальников штабов служебную записку о необходимости «энергичных усилий» по приведению норматива медицинской эвакуации в Афганистане к одному часу и сопроводил текст пометкой «срочно и приоритетно». К моему изумлению, Майк Маллен, Объединенный комитет и гражданские и военные медицинские чиновники принялись возражать – дескать, в указанной мере нет ни малейшей необходимости. Учитывая, что выживаемость раненых превышала 95 процентов, а уровень их смертности при эвакуации, равно в Ираке и Афганистане, стабильно держался на 4–5 процентах, чиновники от военной медицины не видели повода добиваться уменьшения нормативного времени эвакуации раненых с поля боя в Афганистане. Хирург Объединенного комитета, однозвездный адмирал, заявил, что при достижениях современной военной медицины двухчасового норматива вполне достаточно, и председатель ОКНШ его поддержал. ВВС тоже выступили против шестидесятиминутного стандарта; ВМС, как говорится, тянули паузу, только сухопутные войска и моя канцелярия ратовали за изменения норматива. Бюрократы видели только цифры, и ничего

более.

Не стану скрывать, я разозлился не на шутку. На общем совещании старших офицеров и гражданских руководителей я сказал, что мне наплевать на статистические выкладки, что, будь я солдатом, которого только что подстрелили или который подорвался на мине, моим единственным желанием было бы увидеть как можно скорее санитарный вертолет. Я прибавил, что солдат, отправляясь в Ирак, уверен – за ним, если его ранят, прилетят в течение часа. Почему для военнослужащих в Афганистане приняты другие стандарты? Я подчеркнул, что это не сугубо санитарная проблема, эти нормативы оказывают влияние на моральное состояние и боевой дух, и в наших силах, слава богу, все исправить.

Промежуточное решение заключалось в немедленном выделении дополнительно десяти вертолетов и трех мобильных хирургических комплексов для южных и восточных районов Афганистана, где наши войска наиболее активно участвовали в боевых действиях. К концу весны туда должны были перебросить еще пятнадцать вертолетов и три мобильных госпиталя. В январе 2009 года эвакуация раненых в Афганистане в 76 процентах случаев занимала больше часа; к июлю число «затяжных» эвакуаций снизилось до 18 процентов.

В мае 2009 года я побывал на юге Афганистана, на передовой оперативной базе «Бастион» в провинции Гильменд, где посетил хирургический стационар и вертолетную часть, отвечавшую за эвакуацию раненых. Один из тамошних хирургов сказал мне, что до появления дополнительных вертолетов они часто не могли спасти жизнь солдату, потерявшему в бою или при взрыве обе ноги, но теперь спасают регулярно. Эти врачи – особая категория людей, а эвакуационные экипажи просто незаметные герои, которые ради спасения товарищей по оружию совершают вылеты в такие места и в таких условиях, какие и не снились гражданским. Всего-то и понадобилась очередная маленькая война внутри Пентагона, чтобы обеспечить их инструментарием, с помощью которого они могут наиболее эффективно выполнять свою работу.

Примерно в то же время, когда возникла ситуация с эвакуацией раненых, стало окончательно понятно, что в Афганистане требуется MRAP-подобная машина, сконструированная специально под особые местные природные условия. При уровне потерь вполовину меньше, чем в случае танка M1A1, и около четверти для «хамви», MRAP доказал свою полезность на ровной местности и на относительно приличных дорогах Ирака. Но эти транспортные средства были слишком

тяжелыми, с трудом маневрировали на пересеченной местности, поскольку не предназначались для бездорожья, и оказались чересчур широкими для узких грунтовых дорог Афганистана (зачастую там дорог не было вообще – так, просто колея). И снова, постоянно подгоняемая сотрудниками моего аппарата (и мною лично), специальная проектная группа MRAP засела за работу – и вскоре представила более легкий и маневренный автомобиль, MRAP-ATV (вездеход). В конце июня 2009 года был подписан первоначальный контракт на производство. Первые MRAP-ATV поступили в полевые части в Афганистане в начале ноября. Быстрота, с которой все происходило – на это ушло меньше года, как с оригинальными MRAP, – была попросту невозможной в рамках обыденного бюрократического процесса. И опять конгресс сильно выручил с деньгами.

Уже в самом начале президентского срока Обамы пришлось разбираться с ситуацией, изрядно беспокоившей военнослужащих и членов их семей. Начиная с войны в Персидском заливе 1991 года, прессе запретили присутствовать на прощальных церемониях и фотографировать покрытые флагами гробы с телами солдат, погибших за рубежом и доставленных в военной морг на авиабазе Довер в штате Делавэр. Военные ведомства посчитали, что «достойным проводам» не нужны зеваки и даже членам семей погибших не рекомендовали приезжать на авиабазу Довер для участия в церемонии. Некоторые СМИ, правда, уверяли, что такая тактика есть плод политически мотивированного стремления не позволить американцам увидеть «истинную цену» наших войн за рубежом. Другие газеты утверждали, что возвращающимся героям следует воздавать посмертные публичные почести. Я не был согласен с политикой «никаких репортеров», но когда в начале 2008 года задумался об изменении этой политики, то столкнулся с ожесточенным сопротивлением в стенах Пентагона как самих военных, так и гражданских чиновников, а потому временно отказался от своей идеи.

Девятого февраля 2009 года на пресс-конференции новый президент объявил, что хочет пересмотреть правила. На следующий день, опираясь исключительно на опубликованные в газетах слова Обамы, я снова распорядился провести опрос по поводу допуска СМИ на церемонии прощания с погибшими военнослужащими на авиабазе Довер и сообщил об этом на своей пресс-конференции. Я сказал, что изменения в правила могут быть внесены, если их одобрят члены семей погибших – и при условии сохранения неприкосновенности частной жизни. На проведение исследования отводилось две недели.

Опрос позволил выявить широкий спектр реакций. Несколько общественных групп, представлявших семьи военнослужащих и семьи погибших, возражали против каких-либо изменений, думаю, опасаясь «цирка», который вполне способны устроить СМИ. Корпус морской пехоты также был категорически против каких-либо перемен. ВВС и заместитель министра обороны по кадрам и боеготовности – гражданского управления, курирующего эти вопросы, – полагали, что не следует предпринимать никаких действий, пока не собрана статистика об отношении к данному вопросу самих военнослужащих и членов их семей. Сухопутные войска и флот высказались в поддержку перемен, но с полным уважением к пожеланиям семей: если родственники погибшего не хотят видеть прессу, значит, так и должно быть; если же они согласны допустить СМИ на церемонию прощания, то пусть журналисты фотографируют издали. Те, кто был против перемен, ничуть, на мой взгляд, не лукавили: их и вправду беспокоили чувства родственников погибших – выбивать из раздавленных горем людей согласие на присутствие СМИ казалось кощунством. Официальная рекомендация, оказавшаяся на моем столе 19 февраля и отражавшая «сводную позицию», советовала повременить с окончательным решением, пока военнослужащие, члены их семей, группы поддержки и прочие заинтересованные стороны не выразят публично свое отношение. Я согласился подождать еще неделю.

Политологи, историки и журналисты часто остаются в полном неведении о событиях, которые происходят, так сказать, за кулисами, но оказывают определяющее влияние на принимаемые важные решения. Я часто напоминал своим коллегам, что президенты и прочие высокопоставленные государственные чиновники имеют обыкновение прислушиваться к множеству советов – в том числе и тех, которые поступают вне официальных правительственных каналов. Что касается авиабазы Довер, в этом случае сыграл существенную роль фильм телеканала HBO «Забирая Ченса», вышедший в феврале: подполковник морской пехоты в исполнении Кевина Бейкона сопровождает тело младшего капрала Ченса Фелпса из Довера в его родной город в штате Вайоминг, и рядовые американцы на всем протяжении пути отдают почести павшему. После просмотра фильма я твердо решил, что мы должны публично почтить всех наших погибших, кого только возможно, и начинать нужно с Довера.

24 февраля мы с Малленом доложили президенту о результатах исследования; Обама выразил полную поддержку, и два дня спустя я объявил на пресс-конференции, что, по

обращениям военнослужащих и организаций, представляющих интересы их семей, приказываю: «решения о допуске СМИ на церемонии прощания на авиабазе Довер должны приниматься теми, кого они непосредственно затрагивают, то есть семьями погибших, и каждый случай подлежит индивидуальному рассмотрению. Нам не следует принимать решения от имени этих людей». Если родственники не возражают против присутствия СМИ, репортерам разрешается производить фото– и видеосъемку «с почтительного расстояния». Если родственники против, церемония остается закрытой для прессы. От имени погибшего вправе выступать человек, которого этот военнослужащий указал в качестве своего ближайшего родственника (в дальней перспективе мы намечали предоставить солдатам и офицерам возможность заранее выбрать, хотят ли они присутствия прессы на собственных – не дай бог, конечно, – похоронах). Церемония прощания со старшим сержантом ВВС Филиппом Майерсом в Хоупвелле, штат Виргиния, состоявшаяся 6 апреля, стала первой, которая получила освещение в средствах массовой информации в соответствии с новой политикой. Я присутствовал на похоронах Майерса на Арлингтонском кладбище 27 апреля.

Как мне докладывали, некоторые семьи сожалели, что не смогли встретить тело своего погибшего ребенка, отца или мужа, когда его останки снова коснулись американской земли на авиабазе Довер. Политика министерства обороны заключалась в том, чтобы отговаривать родственников погибших от подобного намерения; тем не менее кое-кто все равно прорывался в Довер, самостоятельно оплачивая авиабилеты и проживание в гостинице. Я счел, что мы должны сами проводить необходимые приготовления и брать на себя расходы тех семей, которые хотят приехать на авиабазу. ВВС превзошли себя в осуществлении этого решения. В январе 2010 года на авиабазе Довер открылся новый центр для семей погибших, площадью шесть тысяч квадратных футов, со спокойной, умиротворяющей обстановкой. Весной того же года началось строительство небольшого отеля, а также медитационного центра с прилегающим садом. К 2010 году около 75 процентов семей погибших американских военнослужащих приезжали на авиабазу Довер, чтобы встретить своих павших героев, – и почти 55 процентов родственников погибших были согласны на присутствие СМИ.

Я нанес свой первый визит на авиабазу 16 марта, когда решение только вступило в силу. Как часто бывало, чартерный «Боинг-747» с телами погибших приземлился среди ночи. Пока мы ждали начала церемонии прощания, я спросил у своих помощников, как погибли эти четверо военнослужащих. И не

сдержал эмоций, когда мне ответили, что солдаты погибли в «хамви», который подорвался на СВУ. Я стиснул зубы, а потом прошипел: «Выясните, почему у них до сих пор нет этих треклятых MRAP!»

Почетный караул ВВС в парадной форме и белых перчатках, печатая шаг, двинулся на летное поле, и мы пошли следом, невольно подтягиваясь и подбираясь. Ночь выдалась холодная, с ветром и дождем. Самолет стоял, залитый светом прожекторов; грузовой люк в борту, высоко над землей, уже открыли, и были видны два цинковых гроба, накрытых флагами. Я попросил своих помощников дать мне минутку, поднялся по трапу на борт и в сопровождении летчика прошел в задний грузовой отсек, где находились гробы. Сержант сухопутных войск Кристофер Абейта, специалист Роберт Вайнер, рядовой первого класса Норман Кэйн – все из 178-го пехотного полка, а также старший сержант ВВС Тимоти Боулз с авиабазы Элмендорф в штате Аляска… Оставленный в одиночестве, я позволил себе не сдерживать чувств: опустился на колени поочередно перед каждым гробом, прикладывая на мгновение руку к флагу. Слезы застилали глаза. Я не хотел уходить, но в конце концов ощутил присутствие капеллана, вошедшего в отсек, а потому поднялся с колен, вышел обратно на летное поле и встал, отдавая честь, когда почетный караул принимал гробы, необычайно аккуратно, с уважением и заботой – даже с нежностью, – и переправлял в ожидающие катафалки. На обратном пути в Вашингтон в салоне моего самолета царила тишина.

Через месяц я навестил раненых в госпитале имени Уолтера Рида. Я зашел в одну палату и увидел молодого солдата, который, сидя на кровати, читал номер «Вашингтон пост» с репортажем о моем мартовском визите на авиабазу Довер. В статье, среди прочего, цитировался и мой раздраженный вопрос насчет MRAP. Солдат вслух прочитал этот фрагмент статьи, а потом вдруг заплакал – и выдавил: «Ваш MRAP спас мне жизнь». Я едва сохранил самообладание. В те дни я еще не в полной мере осознавал, сколь тяжкую эмоциональную нагрузку налагают на меня мои обязанности.

Другой проблемой, с которой я намеревался разобраться уже в начале своего второго срока, был «стоп-лосс» – практика принудительного удержания на действительной военной службе по окончании контракта. Я знал, что контракты, которые подписывают солдаты, разрешают подобную меру, но считал эту практику нечестной игрой. «Стоп-лосс» не пользовался популярностью в войсках, что естественно, однако – и это важно – и конгресс относился к нему неодобрительно. Джек Мерта,

председатель подкомитета по обороне комитета палаты представителей по ассигнованиям, протолкнул законопроект, предусматривающий специальную компенсацию в размере 500 долларов в месяц за все время «стоп-лосса», причем закон вступал в силу задним числом, с 11 сентября 2001 года. В конечном счете мы оценили численность потенциальных получателей этой компенсации в 174 000 человек, и конгресс выделил более 500 миллионов долларов на выплаты пострадавшим военнослужащим.

Значительное число этих военнослужащих составляли сержанты. Старшие армейские офицеры утверждали, что увольнение сержантов со службы лишит подразделения опытного низового руководства. Поэтому свыше 14 000 человек подверглись «стоп-лоссу» единовременно. Операция «Большая волна» в Ираке не позволила свернуть эту практику в 2007 и 2008 годах, но вопрос остался в моем списке незавершенных дел. И я вернулся к нему вскоре после инаугурации Обамы. Благодаря сокращению численности нашего иракского контингента начальник штаба сухопутных войск генерал Джордж Кейси и Пит Кьярелли смогли разработать план прекращения «стоп-лосса», и я объявил о начале его реализации 18 марта 2009 года, через два дня после визита на авиабазу Довер. Предполагалось, что части армейского резерва начнут мобилизацию и развертывание без угрозы «стоп-лосса» в августе, Национальная гвардия – в сентябре, а подразделения регулярных войск – в январе 2010 года. Наша цель состояла в том, чтобы уменьшить количество пострадавших от «стоп-лосса» на 40 процентов к марту 2010 года, на 50 процентов – к июню, и совершенно покончить с этой практикой к марту 2011 года. Армия США справилась с поставленной задачей, и я горжусь этим фактом.

На первых местах в моем списке приоритетов стояли и другие вопросы, затрагивающие интересы мужчин и женщин в военной форме и членов их семей. Все еще требовалось, например, обеспечить оперативность поставок необходимого оборудования и снаряжения в полевые части, а контроль ситуации со средствами разведки, наблюдения и рекогносцировки (РНР) нельзя было ослаблять ни на секунду. Также следовало и далее совершенствовать функционирование специальных подразделений на аванпостах и базах – «транзитных рот», – созданных для того, чтобы раненые в боях могли поправить здоровье и вернуться в строй – либо отправиться домой, где их ожидали медкомиссия и уход со службы. Дополнительное внимание нужно было уделять лечению посттравматического стресса – и шокирующему росту числа самоубийств. Необходимо

расширять и развивать программы заботы о детях военнослужащих, семейное консультирование и прочие элементы системы помощи семьям военных. И нужно прилагать гораздо больше усилий, чтобы искоренить сексуальное насилие – преступное деяние, которое подрывает доверие и боевой дух, серьезно вредит сплоченности войск и разрушает человеческие жизни.

Порой среди вороха забот и проблем, связанных с войсками и одолевавших меня с утра до вечера, вдруг случалось нечто такое, что заставляло улыбнуться – или ободряло и внушало надежду. Два подобных случая произошли в первые месяцы моей работы в администрации Обамы. Однажды майским утром на первой странице «Нью-Йорк таймс» я увидел фотографию солдата, стреляющего из винтовки по талибам со стены базы Рестрепо в Афганистане. Фотограф агентства Ассошиэйтед Пресс запечатлел, как специалист Захари Бойд защищает артиллерийскую базу, облаченный в шлем, бронежилет, шлепанцы и розовые боксерские трусы с маленькими красными сердечками, внутри которых значилось «Я люблю Нью-Йорк». Я расхохотался. «Любой солдат, идущий против талибов в розовых «боксерах» и шлепанцах, обладает особым мужеством, – сказал я журналистам. – Поистине невероятная инновация в военной психологии!» Снимок настолько мне полюбился, что я попросил распечатать увеличенную копию и повесил ее на стену у дверей в свой кабинет; там она провисела следующие два года.

А за вдохновением я снова и снова обращался к истории лейтенанта Джейсона Джея Редмана, «морского котика», получившего семь огнестрельных ранений и перенесшего почти два десятка операций. На двери своей палаты в военно-морском госпитале Бетесды он повесил написанное от руки объявление следующего содержания:

«ВНИМАНИЕ! Все, кто собирается войти. Если вы переживаете из-за меня или хотите меня пожалеть – проваливайте сразу. Свои раны я получил на работе, которую люблю, которую выполняю для дорогих мне людей, защищая свободу любимой страны. Я крепкий парень и наверняка рано или поздно восстановлюсь полностью. В каком смысле? В том, до каких физических пределов только способно восстановиться мое тело. Затем я добавлю еще процентов 20 благодаря простому упрямству. В этой палате вас ждут веселье, оптимизм и интенсивная терапия. Если вы к этому не готовы, ступайте в другое место». Подписано: «Управляющий палатой».

Я встречался с Джеем и его семьей в начале февраля 2009 года, когда он вернулся в Вашингтон, чтобы подарить свое

объявление госпиталю. Встречи с этим молодым человеком и подобными ему придавали мне силы, физические и душевные, чтобы я продолжал трудиться на своем посту. Их пример постоянно был у меня перед глазами.

* * *

Я уже упоминал о необходимости готовиться к будущим потенциальным масштабным конфликтам против других государств, одновременно разрабатывая стратегии и тактики участия в войнах, в которые мы вовлечены сейчас или с которыми, вероятнее всего, столкнемся в ближайшие годы – будь то подавление повстанцев, борьба с терроризмом, «усмирение» малых государств-изгоев или преследование антиобщественных групп, что воспользовались хаосом в недееспособных государствах и последствиями гуманитарных катастроф. Именно эта военная доктрина, к которой я призывал, служила основным источником моих разногласий с Объединенным комитетом начальников штабов в рамках Национальной стратегии обороны.

Диалог по этим вопросам с высшим военным и гражданским руководством министерства я возобновил в начале января 2009 года, перед инаугурацией Обамы. Тема всплыла на последнем совещании по обороне при Буще-43; накануне президент и первая леди пригласили начальников штабов, строевых командиров и их жен, а также нескольких раненых, в Белый дом на великолепный, пусть печальный, прощальный ужин. На следующее утро мы взялись за дело. Поводом для споров на сей раз послужила речь, с которой я выступил в Университете национальной обороны – позднее она была в сокращенном виде опубликована в журнале «Форин афферс». Я начал совещание словами, что «намерен… добиться практической реализации стратегические рассуждения, которые излагал в последние два года». Я напомнил, что стратегическая обстановка резко изменилась по причине смены администрации, американского и мирового финансовых кризисов, ослабления общественной поддержки увеличения расходов на оборону, стратегического смещения фокуса внимания с Ирака на Афганистан, семи лет постоянных боевых действий и стресса для вооруженных сил – и решимости конгресса и новой администрации «исправить» бюджет министерства обороны.

Обстоятельства подкинули нам весьма заковыристую бюрократическую задачу. В 2009 году Пентагону предстояло провести сразу четыре комплексных аудита, которых требовал конгресс (аналитический обзор состояния обороны за

четырехлетний период, проверка текущей ситуации с ядерным оружием, аудит космической программы и оценка программы баллистических ракет), причем все они были принципиально важными для формирования оборонного бюджета. Также следовало исполнить бюджет 2009 финансового года, получить одобрение на дополнительные военные расходы, составить проект бюджета и дополнительных расходов на 2010 финансовый год (за несколько недель) и к осени разработать бюджет 2011 финансового года. Для столь неповоротливой бюрократии, как пентагоновская, и при длительных сроках выполнения каждой программы это была поистине грандиозная задача и чудовищный вызов. Я заявил старшему военному и гражданскому руководству, что у нас нет времени делать все последовательно, а потому уже в процессе составления и подготовки отчетов для конгресса мы должны опираться на данные, в них содержащиеся, чтобы сформировать бюджеты. Я ясно дал понять, что это позволит нам использовать параллельные процессы для ускорения стратегических и программных изменений, которые необходимо внедрить. Затем попросил высказывать мнения и идеи по поводу того, как действовать дальше. И задал ряд жестких вопросов:

– Ошибся ли я, выступая в УНО?

– Вы знаете меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что я и вправду ценю конструктивные дискуссии по фундаментальным вопросам?

– Каковы последствия нашей неспособности предвидеть, где понадобится использовать военную силу в дальнейшем?

– Как достичь сбалансированности, о которой я столько говорил, с учетом гибридных конфликтов, подразумевающих весь спектр возможностей – от примитивных столкновений до применения высоких технологий, и в то же время, с учетом готовности ответить на будущие вызовы со стороны «почти ровни» (например Китая)? Насколько эти варианты пересекаются?

– Как оценивать реальные риски и как такая оценка стимулирует вложение средств?

– Как нужно оценивать отдельные ведомства при оценке рисков? Можно ли сократить риски, вызванные сокращениями той или иной программы в конкретном ведомстве, за счет дополнительного стимулирования программ в другом ведомстве?

Первая возможность воплотить некоторые из этих идей в жизнь представилась еще осенью 2008 года, при подготовке бюджета на 2010 финансовый год. Конгрессмены от обеих партий неоднократно жаловались, что войны финансируются за счет дополнительных ассигнований, выходящих за пределы «базового» бюджета министерства обороны. Мне потребовалось время, чтобы

сообразить – тут очередная политическая возня. Большинство конгрессменов обожают дополнительные ассигнования, потому что в них можно впихнуть (безответственно) всевозможные нужные и ненужные, гражданские и военные, разумные и откровенно глупые расходы – и заодно похвалиться заботой о своих штатах и избирательных округах, игнорируя бюджетную дисциплину. Хуже того, конгрессмены нередко вычеркивали пункты, на которые мы запрашивали дополнительное финансирование ради победы в войне, и вставляли в проект собственные программы. Да и сам Пентагон тоже не отличался невинностью в этом отношении: значительная доля расходов на оборону в «базовом» бюджете – который охватывал все операции, от реорганизации сухопутных войск до приобретения новых истребителей F-35 – уходила именно на оперативные военные траты, что сулило серьезные проблемы в случае отказа выделить министерству дополнительное финансирование.

В любом случае, учитывая критику дополнительных ассигнований от обеих партий, я решил, что пора вынести некоторые связанные с ведением войн расходы за «границы» нынешних конфликтов, то есть включать эти расходы – например, на содержание войск специального назначения, на программы помощи семьям военнослужащих – в «базовый» бюджет Пентагона. Предположив, что в ближайшие годы нам придется развертывать эквивалент нескольких бригад в различных «горячих точках» по всему миру для участия в различных кампаниях, от мелких конфликтов до миссий по подготовке кадров и оказанию помощи, в качестве эксперимента мы добавили 25 миллиардов долларов в «базовый бюджет на финансирование подобных кампаний – тем самым уменьшая потребность министерства в потенциальных дополнительных ассигнований. На последнем совещании с президентом Бушем Объединенный комитет начальников штабов отстаивал собственную версию бюджета, и президент призвал сформировать «передовой» военный бюджет – с точки зрения модернизации, переоснащения наших сил после двух войн и финансирования «незапланированных столкновений». Благосклонность Буша только усугубила традиционную практику, когда уходящая администрация одобряет военный бюджет, а новая немедленно его отвергает. Но на сей раз в новой команде был я – человек, ухитрившийся усидеть на двух стульях.

К тому времени, когда мы закончили сводить бюджет 2010 финансового года, который включал договоренности Объединенного комитета начальников штабов с Бушем и изрядную долю расходов, ранее покрывавшихся из

дополнительного финансирования, этот бюджет составил 581 миллиард долларов – на 57 миллиардов больше, чем прогнозируемый вариант. Я сразу понял, что такое ни в коем случае, как говорится, не прокатит. Но я не принял во внимание, что программы, которые я сам считал экспериментальными, этакими «завлекалочками» для Белого дома и конгресса, Объединенный комитет начальников штабов и другие планировщики восприняли как гарантированную данность. Каждый отдел Пентагона выбрал свой бюджет до последнего цента из расчета общей суммы в 581 миллиард долларов. И когда пришлось составлять реальный бюджет, на десятки миллиардов долларов меньше, сразу же начались крики и стоны о «беспощадном урезании». Само собой разумеется, по мере развертывания этого действа некоторые представители администрации Обамы – и у них были основания так думать – решили, что команда Буша их подставила, постаралась изобразить все так, чтобы выглядело, будто Обама пренебрегает обороной, поскольку он будет вынужден сокращать бюджет Пентагона. Словом, попытка постепенно избавиться от дополнительного финансирования бумерангом ударила по мне самому. Я также осознал, что мне следовало заблокировать дополнения к бюджету, санкционированные Бушем. Сам не ожидал, что после стольких лет взаимодействия с конгрессом, после того как вроде совсем освоился в министерстве обороны, я, к своему великому огорчению и стыду, допущу столь наивные ошибки.

Пережив это фиаско, я приступил к составлению бюджета на 2010 год. На встрече с президентом 2 февраля я признал необходимость сократить расходы на оборону, но постоянно повторял – и тогда, и на пресс-конференциях, – что сокращения должны «определяться стратегическими параметрами, а не бухгалтерскими подсчетами», что наша цель – сделать лучше для страны, а не ублажать политиков. Президент согласился со мной. Цифры, на которых мы сошлись в начале февраля (533,8 миллиарда долларов «базового» бюджета на 2010 год и 130 миллиардов долларов на дополнительные военные расходы), были ниже, чем хотелось мне, но выше, чем расчеты Административно-бюджетного управления.

Одиннадцатого февраля у меня состоялся долгий разговор наедине с президентом, и я сказал, что «рассчитываю и надеюсь» направить ему новый проект бюджета, где сокращены многие программы, а расходы пересчитаны для обеспечения большей сбалансированности между текущими и будущими потребностями. Новый бюджет потребует принятия очень

трудных решений, сказал я, и наверняка вызовет много шума на Капитолийском холме. Если отложить публичное объявление до апреля, когда администрация официально представит совокупный бюджет в конгресс, все основные параметры оборонного бюджета станут известны, а это означает, что у промышленности, лоббистов и конгрессменов появится время предпринять шаги для «спасения» их собственных программ от сокращения.

Я рекомендовал весьма необычную, смею даже утверждать – беспрецедентную, политическую стратегию. Я сказал: «Предлагаю обсудить основные составляющие бюджета с вами и Питером [Орзагом, главой АБУ], прежде чем отправлять проект в АБУ. Затем я выступлю публично и изложу рекомендуемые действия в комплексе, представлю полноценный пакет последовательных реформ. Будет намного труднее отстаивать узкие интересы, если рассматривать пакет как единое целое, призванное служить интересам государства. Таким образом мы добьемся политического преимущества». Еще один плюс моего предложения, добавил я, что президент и АБУ смогут заранее оценить реакцию и, при необходимости, отвергнуть одну или более из моих рекомендаций. Президент воспринял мой совет с одобрением, но захотел выслушать мнение Орзага. Я воспользовался поддержкой Обамы, чтобы убедить главу АБУ.

Повторное составление бюджета на 2010 год дало возможность не только провести существенное «сбалансирование», но и отказаться от ряда чрезмерно дорогих, давно просроченных и необоснованных программ; в итоге появился шанс сосредоточиться на сложнейшей задаче реформирования процесса закупок министерства. Вообще история урезания расходов на оборонные программы, особенно крупные, не слишком красива. Когда в начале 1990-х годов министром обороны был Дик Чейни, он пытался ликвидировать две программы – штурмовика А-12 для ВМС и корпуса морской пехоты (за этим самолетом закрепилось прозвище «Летучий чипс» из-за его треугольной формы) и конвертоплана «Оспри» для корпуса морской пехоты, машины, сочетавшей в себе самолет и вертолет. Судьба А-12 по-прежнему неясна даже двадцать лет спустя[93], а что касается «Оспри», то Чейни был вынужден подчиниться конгрессу и разрешить производство этого аппарата. Когда другие министры пытались ликвидировать какие-либо программы, представители родов войск, в этих программах заинтересованных, тут же вступали в закулисные переговоры с симпатизирующими им конгрессменами, дабы сохранить и сами программы, и рабочие места, которые они обеспечивали. Когда же

сами министерства родов войск решали отказаться от той или иной программы, конгресс, как правило, просто отмахивался и продолжал финансирование, вопреки возражениям. Для большинства конгрессменов оборонный бюджет представляет собой «дойную корову», гарантирующую создание и сохранение рабочих мест в соответствующих округах и штатах. И потому, даже в тех редких случаях, когда Пентагон норовил продемонстрировать подобие финансовой дисциплины, конгресс всячески препятствовал этому намерению. Чтобы обмануть систему, требовалась совершенно иная политическая стратегия – та, которую я описал президенту.

Я с головой окунулся в бюджетный процесс. В феврале и марте 2009 года я провел около сорока рабочих встреч, на которых определялось, какие программы достойны увеличения финансирования, а какие являются кандидатами на ликвидацию или на приостановку. Это был весьма напряженный период, отчасти из-за объема дел, который на меня навалился, а отчасти потому, что все знали: на кону стоят сотни миллиардов долларов расходов на военные программы. Большинство совещаний проходило с участием, как ее окрестили в министерстве, «малой группы», куда входили заместитель министра Билл Линн (утвержден сенатом 11 февраля), председатель и заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов Майк Маллен и Хосс Картрайт, начальник отдела оценки программ Брэд Берксон и его заместитель генерал-лейтенант Эмо Гарднер, исполняющий обязанности ревизора Майк Маккорд и (после утверждения) ревизор Боб Хейл, заместитель министра по закупкам, технологиям и материально-техническому обеспечению Джон Янг («пережиток» администрации Буша), заместитель министра по политическим вопросам Мишель Флурнуа, а также Роберт Рангел и Райан Маккарти из моей канцелярии. Усерднее всего трудился Гарднер, оказавшийся той самой рабочей лошадкой. Каждые несколько дней мы проводили расширенные заседания («большой группы»), на которые приглашали министров родов войск, начальников штабов и других высокопоставленных гражданских лиц. Дважды в совещаниях участвовал весь высший руководящий состав министерства обороны, в том числе боевые командиры. Я не уставал повторять, особенно перед военными, что ключевой момент заключается в следующем: речь вовсе не идет об общем сокращении бюджета – средства, сэкономленные на одних программах, будут перенаправлены на программы с более высоким приоритетом.

Все эти совещания были важной частью моей стратегии. Одна из главных причин того, что предыдущие министры – от Роберта

Макнамары[94] и далее – терпели неудачу в попытках заручиться одобрением конгресса на рекомендуемые изменения в программах, состояла в том, что военные ведомства исключались из процесса принятия решений; как следствие, сами ведомства и начальники штабов оказывались в оппозиции министрам по поводу этих инициатив. Я хотел, чтобы министерства родов войск плотно участвовали в процессе, и был готов выделить каждому начальнику штаба и каждому министру все время, какое ему потребуется, чтобы изложить и обосновать свои взгляды. Зная, что ведомства нередко включают в свои бюджеты программы, которые им самим не нужны, но на которых наверняка будет настаивать конгресс, я сказал начальникам штабов, что на сей раз следует включить только программы, которые им действительно важны, «а политику оставить мне». По крайней мере четырежды мы встречались с начальником штаба сухопутных войск Джорджем Кейси и несколько раз с другими начальниками штабов. У каждого была возможность оценить не только собственные программы, но и пожелания остальных родов войск. Я сознательно добивался командной работы, ибо надеялся, что в дальнейшем, когда мы покончим с этим, начальники штабов (хотя бы они) поддержат любые мои решения.

Как я и предсказывал в разговоре с президентом, сведения о предыдущих попытках урезать расходы на военные программы просочились в конгресс и в прессу достаточно скоро; обычно источником утечки оказывалось то ведомство, чьим программам грозило сокращение. И потому на совещаниях, когда мы касались спорных моментов, я запрещал использование ознакомительных материалов; вместо этого были созданы читальные залы с ограниченным доступом, где высокопоставленные должностные лица готовились к заседаниям. Вдобавок мы резко ограничили число участников совещаний, хотя раньше от всевозможных помощников и ассистентов просто рябило в глазах. По предложению Майка Маллена все также подписали заявления о неразглашении. Я тоже подписал; прочие поворчали, конечно, но сильно не возражали. В других организациях, возможно, подобные соглашения не воспринимаются всерьез. Но мы с Майком отлично знали, что «клятва» и «честь» – не пустые слова для военнослужащих; в итоге у нас за все время не было ни единой утечки информации. Я не говорил никому, кроме «малой группы», о своих окончательных решениях до того дня, когда выступал с публичным объявлением. Разумеется, СМИ и конгресс буквально сходили с ума. Конгрессмены позже жаловались, что «в Пентагоне затыкают рты» и что министерству «недостает прозрачности», а я парировал в том духе, что предшествующая

«прозрачность» была результатом утечек, а не официальных брифингов.

Звучит, смею думать, грандиозно, да и сами масштабы затеянного мною предприятия были беспрецедентными. Другие министры всего-навсего пытались сократить или ограничить горстку оборонных программ. Мы же проанализировали более шестидесяти вариантов. В конечном счете я выбрал около трех десятков крупных программ, которые, в случае их реализации, обошлись бы казне приблизительно в 330 миллиардов долларов. Учитывая мой план объявить обо всех запланированных изменениях в комплексе и до представления совокупного бюджета администрации, нам повезло, что к тому времени, когда я был готов приподнять завесу тайны, конгресс разъехался на каникулы. (В надежде на нейтралитет, если не поддержку, руководителей комитетов по делам вооруженных сил и ассигнованиям мы проинформировали их за несколько дней до моего выступления, обозначили как широкий стратегический контекст, так и специфику. Все главы комитетов поддержали большинство моих рекомендаций.) Я рассчитывал, что реакция средств массовой информации и влиятельных персон будет в основном положительной, и когда конгресс соберется снова, те конгрессмены, которым мои планы не по нраву, вынуждены будут защищаться. Плюс «пакетное» представление изменений бюджета вполне способно разобщить обитателей Капитолийского холма по принципу «разделяй и властвуй». Ранее, когда к ликвидации предлагалось лишь несколько программ, «пострадавшие» конгрессмены мгновенно выстраивали оппозиционные коалиции, обещая в обмен на поддержку коллег отдать им свои голоса при голосовании по другим вопросам. А когда речь идет сразу о десятках программ, сформировать коалицию куда сложнее.

Что касается крупных оборонных предприятий, у большинства из которых было несколько контрактов с министерством, они, конечно, что-то теряли от пересмотра статей бюджета, но приобретали в тех сферах, где планировалось наращивать инвестиции. В общем и целом такой расклад с великой вероятностью убедит крупных подрядчиков согласиться с моими предложениями.

Было важно удостовериться, что президент не просто в принципе поддерживает реформы, но и подкрепит их угрозой вето в случае необходимости. 30 марта я доложил президенту, Раму Эмануэлю, Джиму Джонсу и директору АБУ Питеру Орзагу о предполагаемых реформах, подробно объяснив суть каждого пункта. Президент одобрил все. Рам, явно задумавшись о политической стороне реформы, попросил у меня список штатов

и округов, которые наиболее сильно пострадают от сокращений бюджета, – с указанием количества рабочих мест, затронутых каждым из моих решений. Президент, очевидно, был доволен тем, что мои рекомендации как нельзя лучше соответствовали его планам по реформированию министерства обороны. А если реформа начнет сбоить, он всегда может отказаться от одного или нескольких моих предложений.

Я вышел к публике 6 апреля. Сказал, что министерство обороны нуждается в смене приоритетов – в радикальной смене, а не в корректировке бухгалтерской отчетности. Я сообщил, что мы потратим 11 миллиардов долларов на финансирование развития сухопутных войск и корпуса морской пехоты и остановим сокращение численности ВВС и ВМС; 400 миллионов долларов пойдут на медицинские исследования и разработки; пересмотр параметров «базового» бюджета позволит выделить 2,1 миллиарда долларов на программы помощи раненым, жертвам черепно-мозговых травм и посттравматического стресса; также 200 миллионов долларов выделяется на помощь семьям военнослужащих, субсидирование жилья и образования. Всего же финансирование статей, направленных на социальную поддержку военнослужащих и членов их семей, выросло на 3 миллиарда долларов.

Я сказал, что мы перераспределили «базовый бюджет в пользу программ разведки, наблюдения и рекогносцировки, выделили 2 миллиарда долларов на развертывание пятидесяти БПЛА «предейтор», увеличение количества турбовинтовых самолетов «либерти» и разработку ряда усовершенствований средств РНР и технологических платформ, «оптимизированных для сегодняшних сражений»; на 500 миллионов долларов больше предназначено для приобретения новых вертолетов и обучения экипажей, «в которых ощущается настоятельная потребность в Афганистане»; также еще 500 миллионов долларов отводится на финансирование борьбы с терроризмом и обучение армий иностранных государств; дополнительные средства выделяются на совершенствование специальных операций как с точки зрения кадров, так и техники; еще предусмотрена закупка новых боевых кораблей для действий на мелководье, которые являются ключевым элементом новой тактики эффективной борьбы с повстанцами в прибрежных районах.

Применительно к обычным и стратегическим силам, сказал я, мы должны ускорить закупку истребителей стелс пятого поколения F-35 и приобрести больше истребителей F/A-18, чтобы полностью укомплектовать авиакрылья наших авианосцев, пока не встанут в строй все F-35; 700 миллионов долларов уйдет на

развертывание новых элементов системы ПРО; 200 миллионов необходимо для модернизации шести эсминцев и оборудования их системой «Иджис»; также следует профинансировать строительство дополнительных эсминцев DDG-51 типа «Арли Берк» (первый такой эсминец сошел со стапеля еще при Рейгане, однако, после легкой модернизации, до сих пор остается лучшим кораблем своего класса); бюджет рассчитан на утроение числа студентов в наших военных кибершколах; в него включены приобретение воздушного заправщика следующего поколения и первые шаги по замене ядерных субмарин с баллистическими ракетами. Кроме того, мы намерены оценить потребность ВВС в новом бомбардировщике.

Я понимал, что для прессы и широкой общественности все эти типы, классы и маркировки мало чем отличаются от заклинаний на тарабарщине. В заголовки новостей попадут прежде всего программы, которые мы хотим урезать или вообще прикрыть. Среди всех моих решений этого рода особый интерес вызвало завершение производства истребителей стелс F-22, ограничив его 187 самолетами. Меня даже наградили прозвищем «убийцы F-22», но на самом деле эта программа постоянно сокращалась на протяжении долгого времени: ведь по проекту 1986 года предполагалось построить 750 самолетов. За почти двадцать пять лет эта программа практически уподобилась Юлию Цезарю – множество рук норовили нанести ей все новые раны. Каждый министр обороны, кроме меня, подступался к ней с ножом. Производители, кстати, подстраховались – поставщики и субподрядчики у них были в сорока четырех штатах, благодаря чему программу неизменно поддерживали восемьдесят восемь сенаторов. Легко представить, сколь кровопролитным получилось сражение за остановку программы.

Помимо стоимости у меня были и другие претензии к F-22. Этот великолепный аппарат предназначался в основном для борьбы с аналогичными самолетами пятого поколения (предположительно китайскими), для ведения воздушных боев и подавления сложных систем ПВО. Но мы воюем вот уже десять лет, а этот самолет ни разу не вылетал на боевое задание. Я спрашивал защитников F-22 – даже если вспыхнет конфликт с Китаем, где мы собираемся базировать этот самолет ближнего радиуса действия? Неужели защитники программы думают, что китайцы не уничтожат авиабазы в Японии и других соседних странах, если американские самолеты будут взлетать оттуда? А в остальном, безусловно, нельзя не согласиться с пилотами – это действительно лучший истребитель в мире. После тяжелого «боя», в ходе которого президенту пришлось пригрозить своим

вето, сенат в июле 58 голосами против 40 поддержал наше предложение прекратить производство, остановившись на 187 самолетах. Палата представителей в конечном счете тоже согласилась.

Громкие дебаты вызвало мое предложение отказаться от производства нового президентского вертолета VH-71. Эта программа была наглядным примером случая, когда оборонный бюджет тратится впустую. На протяжении многих лет Белый дом добавлял к техническому заданию важные пункты, требовал повысить живучесть аппарата, увеличить дальность полета и установить больше пассажирских кресел, а заодно настаивал на мелочах вроде высоты потолка кабины не менее шести футов, чтобы президенту не пришлось нагибаться на борту, или непременного оборудования камбуза микроволновой печью. Бюрократия министерства ВМС, ответственная за закупки, тоже исправно вносила в ТЗ дорогостоящие технологические изменения, которые все сильнее нарушали исходный проект, имевший целью снизить расходы на производство вертолета. В итоге программа производства вертолета уже на шесть лет отставала от графика, а ее стоимость удвоилась и достигла 13 миллиардов долларов. Пять вертолетов из первоначальной партии имели дальность полета вполовину меньше той, которую хотел Белый дом (и чуть больше половины дальности нынешних вертолетов). Я сказал президенту Обаме, что он собирается купить вертолет, который по ряду характеристик уступает машинам из имеющегося парка, причем каждый экземпляр будет стоить от 500 миллионов до миллиарда долларов, зато в разгар ядерного нападения на страну он вполне сможет разогреть себе что-нибудь в микроволновке. Как я и ожидал, президент счел проект мертворожденной затеей. Озабоченность Капитолия – особенно шумели Джек Мерта и Билл Янг – вызвало то обстоятельство, что мы уже потратили 3,5 миллиарда долларов из средств налогоплательщиков, каковые, похоже, придется просто списать. Что ж, они были правы. Вина целиком и полностью лежит на Белом доме, министерстве обороны, ВМС (флот курировал контракт) и подрядчике.

Я также отменил несколько крупных заказов в рамках программы противоракетной обороны. Вообще-то эти заказы не могли пройти элементарного теста на здравый смысл. Думаю, до сего дня они уцелели только потому, что для некоторых конгрессменов любой доллар на систему ПРО означал осмысленную трату. Первый заказ предусматривал разработку «перехватчика кинетической энергии»: предполагалось сбивать вражеские ракеты (например, из Китая и России) сразу после

запуска. Годом ранее управление разработки баллистических ракет уже отменяло этот заказ, однако конгресс его восстановил. Пятилетний проект опытно-конструкторских работ растянулся в итоге на четырнадцать лет, никаких летных испытаний, конечно, не проводилось, разработчики едва приступили к третьему этапу планирования, а за сам перехватчик и вовсе не брались. Это оружие предполагалось развертывать в непосредственной близости от космодромов противника – что довольно сложно применительно к таким большим странам, как Россия, Китай или даже Иран. Вдобавок ракета получалась громоздкой и тяжелой, для нее требовался либо еще не существующий специальный морской носитель, либо наземная пусковая установка. А стоимость программы к моменту отмены выросла с 4,6 до 8,9 миллиарда долларов. Я с удовольствием вбил кол в ее сердце.

Так называемый лазер воздушного базирования также предназначался для уничтожения вражеских баллистических ракет сразу после запуска – и его постигла та же участь. Химический лазер предполагалось размещать на борту «Боинга-747», но дальность действия у него была всего около пятидесяти миль, следовательно, «боингу» предстояло кружить в небе поблизости от шахт противника (обычно эти шахты находятся далеко от границ)… Огромный неповоротливый самолет, лакомая цель для систем ПВО – лучше не придумаешь. Для гарантированного уничтожения вражеских ракет в конкретной зоне требовался флот от десяти до двадцати самолетов – при стоимости 1,5 миллиарда долларов каждый; по независимым оценкам, ежегодные эксплуатационные расходы на один самолет составляли примерно 100 миллионов долларов.

Я также прикончил «Армейскую боевую систему будущего», комплексную систему транспортных средств, электроники и связи с проектной стоимостью от 100 до 200 миллиардов долларов. Данная программа, как и многие другие проекты министерства обороны, разрабатывалась под боестолкновение традиционных армий. Да, ее отличала весьма амбициозная технологичность, но имелись серьезные сомнения в том, что эту программу удастся когда-либо реализовать по приемлемой стоимости. Меня вдобавок смущало, что конструкция основного транспортного средства для этой программы не учитывала всего, что мы выяснили в Ираке и Афганистане относительно СВУ и прочих угроз. Я закрыл «автомобильную» часть программы, а армия, приложив старания, смогла найти применение ряду технологий, разработанных в ее рамках.

Генерал Картрайт терпеливо сидел рядом со мной на протяжении всего шоу в пресс-центре Пентагона, порой вставлял

собственные комментарии, а затем помогал мне отвечать на вопросы. Он отлично разбирался в технической стороне дела, причем многих программ, и его помощь была неоценима – как тогда, так и в ходе принятия решений.

Едва ли не на следующий день после пресс-конференции я отправился в поездку по военным колледжам всех родов войск: Квантико, штат Виргиния, – морская пехота; авиабаза Максвелл, штат Алабама, – ВВС; Карлайл, штат Пенсильвания, – сухопутные войска; Ньюпорт, штат Род-Айленд, – ВМС. Я рассказывал слушателям о сути моей реформы и объяснял, какие последствия те или иные решения будут иметь для конкретного рода войск. Офицеры среднего ранга, к которым я обращался, являлись будущим наших вооруженных сил, и я надеялся в разговоре лицом к лицу заронить в их головы идеи, способные многое изменить в долгосрочной перспективе. Посмотрим, как это у меня получилось.

Мы сражались с конгрессом все лето и осень 2009 года за бюджет на 2010 год и за все изменения в военных программах, предложенные мною и одобренные президентом. Чтобы не терять темп, Джефф Моррелл, мой пресс-секретарь, предложил выступить в середине июля перед Экономическим клубом Чикаго (Рам Эмануэль основал этот клуб совместно с Уильямом Дэйли, членом правления и преемником Рама на посту главы администрации Белого дома). Учитывая, что все происходило в середине лета, я не мог не изумиться тому, сколько людей собралось на заседание, восторженной поддержке наших начинаний и широкому освещению этого события в прессе. Мероприятие олицетворяло собой одобрение политики Белого дома.

Когда в конце марта я обсуждал с президентом конкретные детали своих предложений, Байден и Эмануэль уверяли, что нам повезет, если удастся реализовать хотя бы половину или 60 процентов от намеченного. Когда улеглась шумиха, выяснилось, что из тридцати трех крупных изменений в военных программах, рекомендованных мной президенту, конгресс в конечном счете согласился в 2009 году на все, кроме двух. Год спустя мы успешно взяли штурмом и этот последний бастион. Просто невероятно! Невероятно и беспрецедентно.

Разумеется, не обошлось без критики, причем довольно резкой. Один отставной генерал заявил, что я «вырвал сердце у армии будущего». Другие твердили, что я уничтожаю систему противоракетной обороны. По словам отставного генерала-летчика, я «лишил ВВС будущего». Бывший министр ВВС Майк Уинн, как легко догадаться, отнюдь не член моего фан-клуба,

писал: «Я уверен, что… иранцы приплясывают от радости, восхищенные нашей новой политикой по обеспечению стабильности в мире. Наши национальные интересы в настоящее время сводятся к тому, что мы превратились в вооруженных охранников двух государств – Афганистана и Ирака». В то же время значительное число конгрессменов от обеих партий поддержало меня, как и большинство средств массовой информации; газеты и телеканалы наперебой изумлялись, как министр обороны вообще сподобился ликвидировать хотя бы одну военную программу, не говоря уже о трех десятках.

Политические и бюрократические бои продолжались вплоть до моего последнего дня в должности министра – и даже после. А между тем новый президент и его команда решали иные, более значимые для общества вопросы, связанные со здравоохранением и внешней политикой, а также (вспомним четвертый пункт в списке моих приоритетов) с налаживанием мирной жизни в Афганистане.

Намерения президента

Как я уже говорил, в первые несколько месяцев президентства Обамы мне то и дело приходилось одергивать себя и выказывать чудеса самодисциплины, поскольку все в новой администрации, начиная с самого президента, нещадно ругали Буша и его команду. Сидя на заседаниях, где звучали обвинения и упреки, я часто думал, что каким-то чудесным образом превратился в невидимку. Иначе не объяснить, что в мой адрес ни единого упрека не было высказано; более того, никто как будто не помнил, что совсем недавно я входил в предыдущую, столь сурово критикуемую администрацию.

Особенно нелегко было сдерживаться, когда члены новой команды принимались рассуждать, сколь ужасны наши отношения со множеством стран по всему миру, сколь пострадала наша международная репутация, сколь мало к нам уважения в иностранных государствах и сколько работы по исправлению ситуации нам предстоит. Да, я сам был готов признать, что война в Ираке, среди прочих факторов, изрядно подпортила отношение к Америке, но все же мир, который описывали назначенцы Обамы, сильно отличался от мира, который я видел собственными глазами, совершая заграничные поездки в качестве министра обороны при Буше. Вообще-то в 2007–2008 годах большинство стран явно были не прочь укрепить свои отношения с США. Наше партнерство с Европой, Африкой и Китаем

находилось, на мой взгляд, в хорошей форме, а довольно натянутые взаимоотношения с Россией объяснялись прежде всего именно действиями российской стороны, в том числе вторжением в Грузию, а не оплошностями со стороны Соединенных Штатов. Азиатские лидеры, однако, говорили мне, что при администрации Буша ощущали себя забытыми; главную же проблему, как обычно, представлял собой Ближний Восток.

Обсуждения в Ситуационном центре не оставляли места сомнениям и, если угодно, «дискриминационному анализу»: все плохо, на грани катастрофы, Обама и его команда пришли к власти как нельзя более вовремя, еще чуть-чуть – и было бы поздно. Возвращаясь в Пентагон после совещаний в Белом доме, мы с Майком Малленом спрашивали друг друга, почему никто в новой администрации совершенно не обращает внимания на то, что нас обоих могут обидеть некоторые из высказываемых в адрес Буша обвинений. Судя по всему, новичкам было плевать на наши чувства. Такова плата за позволение остаться – а если нам что-то не нравится, сами виноваты; правда, соглашаться со всеми обвинениями нас никто не заставлял.

Ни один президент не может позволить себе роскошь сосредоточиться лишь на малом количестве злободневных вопросов, но все равно – трудно вспомнить другого президента, который был бы вынужден сразу после инаугурации решать столь сложные задачи исторического масштаба, какие выпали Обаме. Экономический кризис в стране и реальная вероятность новой Великой депрессии на фоне двух продолжающихся войн, безусловно, занимали верхние позиции в списке. Также имелись мириады иных насущных проблем, в частности, иранская ядерная программа и нарастание угрозы новой ближневосточной войны, бряцающая ядерным оружием Северная Корея, экономический кризис в Европе, все более националистическая политика России и Китая, Пакистан, располагающий десятками ядерных боеголовок и все менее и менее управляемый… Прибавим сюда собственные инициативы Обамы – например, реформу государственного бюджета и глобальную реформу системы здравоохранения. В первые четыре месяца работы Обаме пришлось еще вдобавок иметь дело с запуском северокорейской ракеты в сторону Японии 5 апреля (к счастью, трагедии не случилось), убийством трех сомалийских пиратов и спасением американского капитана «морскими котиками» 12 апреля, ядерными испытаниями в Северной Корее (по-видимому, неудачными) 25 мая и совместной с Канадой операцией по вызволению двух канадских посланников ООН, похищенных в Мали «Аль-Каидой». Эти и прочие непредвиденные события

делали каждый день жизни интересным, но все они требовали внимания президента и соответственно внимания членов президентской команды по национальной безопасности.

Учитывая обещания, которые раздавались в ходе предвыборной кампании, к урегулированию в Ираке следовало приступать незамедлительно. В качестве кандидата Обама обещал в течение шестнадцати месяцев вывести из страны все боевые подразделения войск США, а затем, как предусматривалось стратегическим рамочным соглашением, полностью ликвидировать американское военное присутствие в Ираке к декабрю 2011 года. Генерал Рэй Одиерно, главнокомандующий коалиционных сил в Ираке, начал рассматривать различные варианты сокращения численности американского контингента задолго до инаугурации. Как обычно, произошла утечка – почти наверняка из Пентагона, – и газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала 15 января статью, в которой комментировала усилия Рэя. Из материала следовало, что уже обнаружились разногласия между Обамой и военными. Это настораживало. По моей просьбе Джефф Моррелл связался с советником Обамы Дэвидом Аксельродом и исполняющим обязанности пресс-секретаря Робертом Гиббсом; оба выразили крайнюю озабоченность тем фактом, что Обама, похоже, конфликтует с военными «прямо с порога» (такое в последний раз случалось с президентом Клинтоном). Они согласились, что Моррелл должен заявить прессе следующее: мои и Маллена беседы с Обамой «затрагивали широкий контекст и ни в коей мере не касались конкретных вопросов относительно наших дальнейших действий в Ираке и Афганистане, поскольку инаугурация еще не состоялась». Но в последующие месяцы проблемы в отношениях между Белым домом и военными превратились из гипотетических во вполне реальные.

В ходе видеоконференции Одиерно сообщил, что, как ему кажется, предшествовавший инаугурации визит в Ирак Байдена и сенатора Линдси Грэма прошел «на уровне», и он надеется – при условии стабильной обстановки на военном и политическом фронтах – убедить президента не требовать однозначного и безоговорочного соблюдения заявленного шестнадцатимесячного расписания. Рэй сказал, что Байден уверял – Обама не собирается поддерживать прямую связь с премьер-министром Малики на регулярной основе, как это делал Буш. Я заметил, что рассчитываю провести два совещания с Обамой по поводу вывода войск: видеоконференцию с участием Одиерно и Петрэуса и встречу в Пентагоне с председателем ОКНШ, начальниками штабов и мною. Я предупредил Одиерно – и всех прочих, – что

Обама, скорее всего, не будет принимать решения «с ходу», как часто поступал Буш, и наверняка пожелает проконсультироваться – в первую очередь со своими ближайшими помощниками.

Ирак стал темой первого заседания Совета национальной безопасности при Обаме 21 января 2009 года. Президент сказал, что хочет осуществить вывод войск таким образом, чтобы «гарантировать позитивные тенденции безопасности и защитить американских военнослужащих». Он попросил представить по крайней мере три варианта плана, один из которых должен соответствовать объявленному ранее шестнадцатимесячному расписанию вывода. На пресс-конференции на следующий день репортер спросил меня, следует ли что-либо из того факта, что в заявлении Белого дома по итогам заседания СНБ ничего не говорится о шестнадцати месяцах. Я ответил: «Я бы вообще не стал что-либо предполагать».

В начале февраля посол США в Ираке Райан Крокер и Рэй Одиерно прислали три варианта вывода войск: 1) срок вывода – двадцать три месяца, американский контингент сокращается до уровня, необходимого для «консультативного» присутствия, к декабрю 2010 года (минимальная степень риска, по оценке авторов плана, и высокая вероятность достижения наших целей); 2) срок вывода – девятнадцать месяцев, к августу 2010 года контингент сокращается до численностям, которая обеспечивает выполнение большинства, но не всех требований к подготовке иракских сил безопасности; 3) срок вывода – шестнадцать месяцев, завершение к маю 2010 года («наиболее рискованный» вариант с точки зрения «общего успеха миссии»). Крокер и Одиерно рекомендовали оставить в Ираке от 50 000 до 55 000 солдат, сформировать шесть бригад «помощи и консультативной поддержки», основными задачами которых будут обучение и подготовка иракской армии, предотвращение внешних угроз, проведение контртеррористических операций и защита американских военных объектов и граждан США на территории Ирака. Как предусматривается стратегическим рамочным соглашением с иракцами, полностью американские войска покинут страну к концу декабря 2011 года.

Я подробно обсудил эти варианты с Одиерно в январе и знал, на что надеется лично он. Я также знал, что Обама ни в коем случае не согласится на «задержку» в двадцать три месяца. И потому на неофициальной встрече с президентом 26 января я настоятельно советовал принять в качестве ориентира вариант с выводом войск за девятнадцать месяцев. Тем самым президентский «график» увеличивался на 90 дней, а «график» Одиерно сокращался на 120 дней. Я сказал Обаме, что этот

вариант продемонстрирует – он вовсе не привержен слепо выполнению предвыборных обещаний, он прислушивается к командующим войсками и при необходимости корректирует планы, а вдобавок мы обозначим конкретную дату перехода к «миссии по консультированию и оказанию помощи». Также при сроке девятнадцать месяцев мы гарантируем надлежащее военное присутствие США в стране в период иракских выборов в марте 2010 года. «И вы не попадете в плен ни к своим избирателям, ни к своим командирам», – подытожил я. Обама ответил коротко: «Я все понял. Политически это тоже правильно». Мы с президентом неофициально договорились, что вывод войск из Ирака начнется через шесть дней после инаугурации.

Не зная о нашей договоренности, комитеты заместителей и принципалов несколько раз встречались в первые три недели февраля, чтобы обсудить предложенные варианты. 26 февраля президент встретился в столовой Белого дома с лидерами демократической и республиканской фракций конгресса для «консультаций относительно сроков вывода войск». Как практически при всех президентах, с которыми мне довелось работать, подобные встречи были не столько полноценными консультациями, сколько шоу: президент сообщает, что намерен сделать, а затем конгрессмены высказывают свои соображения. На встрече присутствовали все старшие советники президента, в том числе и мы с Майком Малленом. Участники совещания расположились за огромным обеденным столом.

Если рассуждать политически, для президента вечер не слишком удался. Республиканцы почти единогласно поддержали план, даже Джон Маккейн не стал возражать. Демократы же буквально впали в истерику – и по поводу графика в девятнадцать месяцев, и по поводу того, что около 50 000 американских военнослужащих останутся в Ираке до конца 2011 года. Я сидел напротив спикера палаты представителей Нэнси Пелоси и наблюдал, как менялось выражение ее лица: то она выглядела так, будто проглотила целый лимон, то багровела, словно вот-вот взорвется. Она барабанила пальцами по столу и сжимала карандаш с такой силой, что костяшки пальцев у нее побелели. Наконец она не выдержала и ядовито заявила, что категорически не понимает, почему так много военнослужащих должны остаться в Ираке. В итоге среди демократов только сенатор от Иллинойса Дик Дурбин, близкий соратник Обамы, поддержал план президента.

На следующий день президент прилетел на базу морской пехоты Кэмп-Лиджен, штат Северная Каролина, объявил о своем решении и объяснил, что оно сулит вооруженным силам и стране.

Мы с Майком Малленом и Джимом Джонсом сопровождали Обаму. Когда он упомянул о жертвах и доблести войск, послышались аплодисменты, однако настоящая буря оваций разразилась, когда президент заявил морским пехотинцам, что собирается увеличить денежное содержание военнослужащим. В тот же день, 27 февраля, генерал Одиерно разослал во все подчиненные ему части информационное письмо: «После многочисленных консультаций с правительством и населением Ирака, с военным командованием США и гражданским руководством президент принял решение привести в действие план ответственного сокращения численности американских войск в Ираке… Президент четко сформулировал, в чем заключается изменение миссии для наших солдат, и его план предоставляет командирам на местах определенную свободу действий для исполнения этих рекомендаций».

В начале операции «Большая волна» в Ираке в 2007 году, как уже рассказывалось, я обещал Петрэусу присылать как можно больше войск и так долго, как только смогу. В случае Одиерно я пытался добиться того, чтобы он сохранил столько войск, сколько и пока сможет. Нельзя сказать, что Рэй полностью одобрял мои действия, но так он сможет обеспечить значимое военное присутствие в стране до окончания выборов в Ираке в марте 2010 года. (И Одиерно справился блестяще.)

После инаугурации президент не откладывая приступил к реализации ряда внешнеполитических инициатив, о которых говорил в ходе предвыборной кампании. Что касается Европы, в начале февраля он направил Байдена, Джонса, Холбрука и заместителя государственного секретаря Стейнберга на Мюнхенскую конференцию по безопасности. Суть заявлений этих посланников, в особенности Байдена, сводилась к тому, что неандертальцы больше «не заправляют в Вашингтоне», что вернулись «хорошие парни». Суля европейцам военные консультации, укрепление партнерских отношений и сотрудничество в рамках международных организаций, Байден сказал, что администрация Обамы надеется обойтись «без лишней критики» и приветствует конструктивные идеи; она ратует за соблюдение требований международных организаций, за ответственный подход к вопросам применения силы в случае крайней необходимости и за конкретный вклад каждой страны в обеспечение безопасности, не обязательно военный. Он и другие высокопоставленные американцы провели на этой конференции плодотворные переговоры с рядом европейских лидеров. Я искренне радовался, что на сей раз мне не пришлось туда ехать. При президенте Буше я бывал на этой конференции дважды, и

этого более чем достаточно. (В ходе второго визита в Мюнхен я попросил своих сотрудников вытащить меня с чрезвычайно нудного официального обеда под предлогом звонка из Белого дома. Сначала предполагалось провернуть этот маневр перед десертом. Потом я попросил вызвать меня, пока подают основное блюдо. В конце же концов, перед выходом к обеду, решил, что правильнее всего сбежать после салата. Когда я уходил, мне внимательно глядели вслед, явно гадая, какой кризис вынудил министра обороны США покинуть столь замечательное мероприятие так рано. По настоянию Пита Кьярелли мы задержались в моем гостиничном номере, чтобы «принять вызов», прежде чем отправились в бар отеля за пивом и колбасками.)

Памятуя о том, что в Азии считают, будто американцы этим регионом пренебрегают, я порадовался, что первую свою поездку за границу в ранге государственного секретаря Хиллари Клинтон предприняла именно в Азию, начиная с Индонезии. Это действительно важное сообщение, которое наверняка оценили.

Наиболее спорными среди ранних инициатив Обамы были его попытки установить надежные контакты со странами, где отношение к нам балансировало между неприязнью и откровенной враждебностью; на первом месте тут стояли Россия и Иран. В этих усилиях главная роль оставалась за президентом и Хиллари Клинтон, хотя мы много времени проводили вместе в Ситуационном центре, обсуждая каждую страну по отдельности. Лично у меня об Иране остались преимущественно дурные воспоминания от предыдущей работы в правительстве. Я побывал в Тегеране в конце 1977 года в составе команды, которая готовила государственный визит президента Картера, и уже тогда город, как мне показалось (а до исламской революции оставалось еще чуть больше года), выглядел, скажем так, напряженным. Осенью 1979 года я в качестве секретаря сопровождал в Алжир советника по национальной безопасности президента Картера Збигнева Бжезинского, совершившего первую (провалившуюся) попытку наладить отношения Соединенных Штатов с иранским руководством (наше посольство в Тегеране было захвачено несколько дней спустя). Я был в Белом доме вместе с директором ЦРУ Стэнсфилдом Тернером в тот весенний вечер весной 1980 года, когда окончилась неудачей операция по спасению наших заложников; я был свидетелем скандала «Иран – контрас» в 1986–1987 годах. Я находился в Ситуационном центре в разгар американо-иранского военно-морского конфликта в Персидском заливе в 1987–1988 годах и тогда, когда в 1988 году военный корабль США сбил ракетой гражданский иранский авиалайнер. Поэтому я напомнил президенту Обаме и принципалам, что

каждый президент, начиная с Картера, пытался договориться с иранцами, протягивал руку дружбы от имени Америки, но эту руку неизменно отталкивали, а два президента, Картер и Рейган, заплатили в итоге немалую политическую цену.

Обама и духовный лидер Ирана аятолла Хомейни обменялись письмами весной 2009 года, а Обама записал также видеообращение к иранскому народу по случаю иранского Нового года 20 марта. В ответ администрация получила официальное письмо из Тегерана с гневной филиппикой в наш адрес. Многие, особенно консерваторы, сурово критиковали президента за его намерение примириться с Ираном. Я скорее поддерживал Обаму, потому что верил, что, когда нас отвергнут – а это непременно произойдет, – мы окажемся в значительно более выгодной позиции, чтобы получить одобрение на ужесточение экономических санкций против Ирана в Совете Безопасности ООН. Так и случилось. Я был убежден, что санкции – единственно возможный способ остановить реализацию иранской ядерной программы, конечно, не считая прямого военного вмешательства. Но я недооценил реакцию израильтян и наших арабских друзей, которые испугались, что Соединенные Штаты готовятся рано или поздно заключить «великую сделку» с иранцами, тем самым бросая израильтян и арабов на произвол судьбы и на милость Тегерана.

Впрочем, разговоры внутри администрации насчет сотрудничества с Ираном стали смолкать после того, как иранский правящий режим фальсифицировал результаты выборов 9 июня и жестоко подавил протесты недовольных. Но все-таки администрация продолжала цепляться за эту идею вплоть до осени. Президента резко критиковали, тогда и позже, за нежелание выступить более четко и внятно в поддержку «зеленой революции»[95]. Меня эксперты Госдепартамента и аналитики ЦРУ, которые докладывали в Ситуационном центре, убедили, что слишком явная поддержка протестующих со стороны США может предоставить иранскому режиму отличный информационный повод выставить протестное движение «марионетками Америки» и «выкормышами ЦРУ» и использовать эти ярлыки против нас самих. Оглядываясь назад, я думаю, что мы могли и должны были сделать больше, по крайней мере на словах.

Другая проблема с Ираном, вставшая перед нами, была «унаследована» от Буша и возникла еще в последние дни его администрации. 7 января 2009 года я собрался выйти из кабинета и отпраздновать с моей бесконечно терпеливой женой сорок вторую годовщину нашей свадьбы. Едва я коснулся дверной ручки, как услышал голос Джеффа Моррелла – он разговаривал с

главой моего аппарата Робертом Рангелом. Джефф сказал, что ему позвонил корреспондент «аймс» Дэвид Сэнгер и сообщил, что пишет статью, где утверждается, что в начале 2008 года Израиль попросил США предоставить энное количество бетонобойных бомб и разрешить израильским самолетам пролет над территорией Ирака для нанесения удара по иранскому комплексу для обогащения урана в Нетензе. По информации Сэнгера, Соединенные Штаты ответили отказом на обе просьбы, сочтя, что израильская атака задержит реализацию иранской ядерной программы только на короткий срок, зато 150 000 американских военнослужащих в Ираке окажутся в опасности. Также корреспондент упомянул о секретном проекте, имеющем целью приостановить реализацию иранской ядерной программы. Сэнгер хотел, чтобы Моррелл уточнил у меня, что я думаю по этому поводу. Я пришел в ярость, я позвонил советнику по национальной безопасности Буша, Стиву Хэдли, и передал ему все то, что услышал от Моррелла. Я предложил Хэдли выйти на главного редактора «Нью-Йорк таймс» Билла Келлера и попытаться остановить публикацию статьи. Хэдли ответил, что это вряд ли сработает, и тогда, по совету Рангела, я предложил привлечь Джима Джонса, чтобы они, Хэдли и Джонс вместе, позвонили Келлеру. Помнится, ничего не вышло. Статья Сэнгера была опубликована 11 января. Месяц спустя Обама по-прежнему был настолько зол на Сэнгера, что настаивал на уголовном преследовании. Ох уж эти утечки…

Работая в Вашингтоне, я не понимал (и не понимаю до сих пор), как допускаются утечки информации о программах, которые являются альтернативой войне. Но утечки были, есть и, похоже, будут. Не знаю, кто конкретно виноват в этом случае: представители администрации, израильтяне или те и другие сразу, – но я знаю, что эти утечки практически лишили нас возможности избежать мирного урегулирования отношений с Ираном, и такое простить нельзя.

Применительно к России я как старый советолог не имел никаких возражений против попыток Обамы наладить отношения с Москвой – конечно, пока от нас не требовали односторонних уступок. Меня сильно порадовало одно из первых совещаний в Белом доме, когда Хиллари сказала, что у нее нет «ни малейшего» намерения отдавать что-либо даром. 29 января она послала министру иностранных дел России Сергею Лаврову написанное от руки письмо с изложением нашей позиции и характеристиками возможностей для конструктивной совместной работы, в том числе по соглашению о стратегических вооружениях, по решению глобальных экономических проблем,

по обеспечению мира на Ближнем Востоке, по ситуации в Иране, Северной Корее и Афганистане. Затем в начале февраля Обама написал президенту России Медведеву, тоже перечислил возможные направления сотрудничества и добавил, что они оба молодые президенты и у них иной склад ума, нежели у тех, кто достиг совершеннолетия в годы «холодной войны». (Интересно, кого конкретно он имел в виду?) Пресса отмечала несколько недель спустя, что Обама предложил Медведеву следующее: если получится разрешить иранскую ядерную проблему ко всеобщему удовлетворению, то необходимость размещения средств противоракетной обороны в Европе отпадет сама собой. Эта новость повергла в ужас консервативные круги Соединенных Штатах, но на самом деле предложение Обамы во многом повторяло наше с Конди Райс предложение Путину во время президентства Буша. В последующие месяцы администрация пыталась наладить сотрудничество различными способами, но в основе наших противоречий с Россией, как и раньше, оставался прежде всего контроль над вооружениями и противоракетная оборона. По первому вопросу удалось добиться некоторого прогресса, а вот по второму нас постоянно преследовали неудачи, порождавшие раздражение и злость.

Хотя к 2009 году уже было политически некорректно называть Иран и Северную Корею «государствами-изгоями» или «осью зла», они продолжали вести себя так, словно оставались таковыми, даже в мелочах. В марте 2009 года две американские журналистки пешком пересекли границу между Китаем и Северной Кореей и были арестованы по обвинению в шпионаже. Несколько месяцев спустя, в июле, трое американских туристов – двое мужчин и женщина – проникли в Иран из Ирака и были арестованы. Честно говоря, сочувствия лично у меня никто из них не вызывал: ни один человек в здравом уме не полезет по доброй воле на северокорейскую или иранскую территорию. Но мы должны были приложить все усилия, чтобы освободить этих остолопов.

Правительство Северной Кореи заявило, что отпустит арестованных журналисток, только если за ними приедет бывший президент США. Хиллари, Джим Джонс, я и несколько других сотрудников администрации собрались в кабинете Джонса в начале августа, чтобы принять решение. Хиллари сказала, что говорила с президентом[96] Картером и тот ясно дал понять, что поедет, если ему позволят обсудить с корейцами широкий спектр американо-северокорейских отношений – типичный Картер, «неуправляемая боеголовка», – а не только условия освобождения арестованных. Когда Клинтон сказала Картеру, что он не поедет в

Корею, пока Север не гарантирует освобождение пленниц, бывший президент ответил: «Вы не можете диктовать им – это же суверенное государство!» Я был против кандидатур и Картера, и бывшего президента Клинтона. Пусть отправляется кто-нибудь рангом пониже, например, бывший министр обороны Уильям Перри, бывший госсекретарь Мадлен Олбрайт или губернатор штата Нью-Мексико Билл Ричардсон, но ни в коем случае нельзя давать Северу шанс унизить бывшего президента США или позволить Пхеньяну диктовать свои условия. Не помню, кто именно сказал, что у арестованных журналисток множество контактов в СМИ и их семьи вполне могут обратиться к общественности, заявить, что администрация президента упустила возможность вызволить пленниц. Меня в немалой степени расстроило, что прочие участники совещания, казалось, больше озабочены внутренней обстановкой в США в связи с позицией Северной Кореи, нежели последствиями инцидента для нашей внешней политики. В конечном счете президент Клинтон таки отправился в Северную Корею и добился освобождения двух женщин. Задержанную туристку иранцы выпустили примерно через год, но прошло почти три года, прежде чем удалось освободить задержанных вместе с ней мужчин. И на подобные мелочи приходилось тратить огромное количество времени и сил.

Президенту сильно хотелось наладить отношения с мусульманским миром, и он искал возможности для этого. Мы пришли к общему выводу, что он должен произнести специальную речь по Ближнему Востоку, однако возникли серьезные споры о том, где и когда это произойдет. 4 июня 2009 года, за восемнадцать месяцев до «арабской весны»[97], Обама поднялся на трибуну перед огромной аудиторией в Каирском университете – и выступил с одной из лучших речей, какие я когда-либо слышал. Он откровенно говорил о напряженности в отношениях между мусульманами и США по всему миру, об общих принципах взаимодействия, об опасности, которую представляют для всех воинствующие экстремисты, об израильско-палестинско-арабском конфликте, иранской ядерной программе и приверженности Америки ценностям, отражающим и выражающим волю народа, прежде всего демократии. На мой взгляд, он умело построил свое выступление в той части, которая касалась прав человека и политических свобод, не уязвив при этом никоим образом правительство Мубарака (ведь Египет являлся нашим стратегическим союзником в регионе). Выступление Обамы было благосклонно воспринято большинством мусульманских стран и подняло наш рейтинг среди арабов. В Израиле отреагировали не слишком хорошо, да и

дома президент подвергся критике со стороны воинствующих неоконсерваторов[98], которые обвинили Обаму в том, что он извиняется за свою страну. Лично для меня главным в речи президента было вовсе не признание ошибок – в конце концов, такое может себе позволить любое свободное и сильное государство, – а тот факт, что его слова воспламенили ожидания многих арабов (например, что Соединенные Штаты заставят Израиль прекратить строительство поселений и согласиться на создание независимого палестинского государства). Правда, прошло совсем немного времени, и все вернулось к привычному недоверию и подозрительности.

В первые месяцы деятельности администрации Обамы министерству обороны также пришлось разбираться с вопросом, не имевшим отношения к внешней политике, но стоявшим высоко в президентском списке приоритетов: отмена закона «Не спрашивай, не говори» (НСНГ). Президент Клинтон в свое время настойчиво добивался для геев и лесбиянок, не скрывающих своей ориентации, права служить в американских вооруженных силах, но столкнулся с противодействием конгресса, да и высшее военное руководство встретило подобные попытки в штыки. Результатом переговоров стал компромисс, не удовлетворивший никого: по сути, геям разрешалось продолжать военную службу ровно до тех пор, пока они таятся и не заявляют открыто о своей сексуальной ориентации, то есть не демонстрируют «гомосексуального поведения». В период с 1993 по 2009 год около 13 000 военнослужащих, мужчин и женщин, были уволены со службы за гомосексуализм, о каковом стало известно либо после их собственного признания, либо в результате доклада сослуживцев вышестоящему командованию. Обама был полон решимости допустить к службе в армии гомосексуалистов, открыто заявляющих о своей сексуальной ориентации, но соглашался немного подождать. Он не хотел повторить печальный опыт Клинтона, не желал конфронтации с Объединенным комитетом начальников штабов в самом начале своего президентского срока. Это меня вполне устраивало. Думаю, все сотрудники министерства обороны, равно гражданские и военные, понимали, что перемены неизбежны, однако с учетом того, что армия задействована сразу в двух войнах и уже испытывала немалый стресс, возобладало мнение, что пока с реформами стоит повременить.

Меня терзали сомнения. Будучи директором ЦРУ, я в 1992 году отменил все ограничения, которые ранее не позволяли служить в ЦРУ гомосексуалистам. Если человек не скрывает своей сексуальной ориентации (не важно, он это или она), значит,

такой человек неуязвим в данном отношении для шантажа, и потому пусть служит столько, сколько сможет, отвечая тем же самым требованиям, которые предъявляются к остальным сотрудникам ЦРУ. Однако сотрудники ЦРУ не живут и не работают вместе 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Они не сидят бок о бок в окопах день за днем и не ютятся вместе в тесных корабельных кубриках. Следовательно, ситуация в армии и на флоте принципиально отличается от ситуации в ЦРУ; это подтвердили и мои беседы с солдатами, особенно молодыми, в Ираке и Афганистане. Помню, на обеде, где присутствовало с десяток срочнослужащих, один из них спросил о перспективах НГНС. Завязался оживленный разговор, и другой солдат сказал – так, между делом, – что если открытым геям позволят служить в армии, «мало им не покажется». Еще кто-то уточнил, планируется ли оставить закон в силе для боевых подразделений, – он имел в виду части, которые находятся в зонах боевых действий. Подобные комментарии мне доводилось слышать неоднократно. Но я не забывал, что геи обоего пола воюют доблестно и с честью, хотя вынуждены жить во лжи и в постоянном страхе перед разоблачением – и позорным увольнением со службы. В общем, когда в телевизионном интервью 29 марта 2009 года мне задали вопрос об изменении закона, я ответил: «Во многом я солидарен с президентом – много всего вокруг этого закона понаверчено, так что действовать нужно без спешки, по чуть-чуть».

Весной 2009 года стало очевидно, что велик риск обострения ситуации: кто-то вполне может обратиться в суд, а тот вынесет решение, которое потребует моментальных перемен. Подобное развитие событий представлялось мне наихудшим из возможных вариантов, и именно этот риск в значительной степени заставил меня двигаться дальше. В начале апреля на стол президенту легло первое судебное постановление – по делу майора медицинской службы Маргарет Уитт. Эта женщина пользовалась большим уважением и числилась в составе резерва ВВС на протяжении семнадцати лет. Она никогда не признавалась в своей сексуальной ориентации, но в 2004 году муж женщины, за которой Уитт ухаживала, сообщил о поведении майора руководству ВВС. Когда в 2006 году Уитт узнала, что ВВС начало расследование, результатом которого будет отставка, она подала в суд. Первая инстанция ее иск отклонила, и в июле 2007 года Уитт уволили из ВВС. По ее апелляции суд Девятого округа[99] в мае 2008 года тщательно изучил вопрос и вернул дело на повторное рассмотрение. ВВС в декабре подали апелляцию на решение суда Девятого округа в Верховный суд. В начале апреля 2009 года Обама провел совещание по этому поводу в кабинете

Рузвельта в Западном крыле. Президенту явно не терпелось избавиться от закона, который он считал унизительным. Но некоторые участники совещания указали, что закон есть закон и его следует соблюдать. Президент в ответ заметил, что в таком случае он публично объявит, что собирается изменить закон.

По совету главного юрисконсульта министерства обороны, уважаемого нью-йоркского адвоката Джея Джонсона, я счел, что нам не следует обращаться в Верховный суд, и другие руководители Пентагона со мной согласились. Джонсон исходил из следующего (я ему доверял как никакому другому адвокату из тех, с кем когда-либо работал): юридически позиция правительства довольно слабая, мы вполне можем проиграть, в результате чего воплотится в жизнь мой ночной кошмар – Верховный суд в одночасье устанавливает новые правила для вооруженных сил в отношении закона НГНС. Я сообщил высшему руководству министерства, что решение не подавать апелляцию не означает каких-то радикальных изменений в нашей политике, это сугубо технический – точнее, юридический – способ справиться с конкретной проблемой.

Эта дискуссия стала предметом нашей с Малленом первой встречи с Обамой по поводу закона НГНС 13 апреля. Мы согласились с тем, что закон необходимо менять, но, чтобы «смягчить негативные последствия», требовалось обойти всевозможные острые углы, которых было в избытке. Я говорил с президентом весьма откровенно. Надо помнить, сказал я, что среди американских военнослужащих много уроженцев Юга, Среднего Запада и горных районов Запада, причем чаще всего это выходцы из малых городов и сельской местности. Они воспитывались на консервативных ценностях и вообще более религиозны, чем прочие американцы. В армию они идут по целому ряду причин, но часто записываются на службу по настоянию (или по крайней мере с одобрения) отцов, тренеров и проповедников. Вооруженные силы не вправе отмахиваться от демографических и культурных реалий, мы вынуждены признавать их и работать с ними, если всерьез рассуждать об изменении закона НГНС.

Далее я сказал, что в Пентагоне никто понятия не имеет, насколько велико влияние закона НГНС на личный состав с точки зрения сплоченности коллектива, дисциплины, боевого духа и решимости продолжать службу. Мы не знаем, насколько оперативно получится реализовать изменения на практике без серьезных сбоев в функционировании вооруженных сил США. Военные никогда не обсуждали в своей среде – во всяком случае, публично – тему геев в армии. Я подозревал, что в основном все

сводилось к трепотне солдат в казармах или в барах после нескольких банок пива. Если государственная политика меняется, жестко предупредил я президента, это невозможно сделать президентским указом, поскольку военные не должны воспринять подобное изменение политики как выполнение очередного предвыборного обещания президента-либерала. Закон НГНС – это в первую очередь закон. Любое изменение закона необходимо осуществлять с привлечением избранных представителей американского народа. Так, и только так, изменения обретут легитимность. Я подчеркнул, что при таких обстоятельствах военные, вероятнее всего, даже не подумают спорить, и все пройдет быстро и гладко. Обама выслушал меня с удивительной невозмутимостью.

«Давайте сделаем это, но сделаем правильно», – заключил я. И посоветовал президенту создать комиссию или группу для изучения потенциального эффекта изменений и для выяснения оптимальных способов реализации этих изменений. Несколько недель спустя Рам Эмануэль попросил меня начать в войсках информационную кампанию, чтобы ослабить возможное сопротивление «группы традиционалистов». Я отказался, объяснив, что не собираюсь отвлекать военных в разгар двух войн ради спорных изменений в правилах воинского уклада – изменений, которые еще вполне могут не состояться. Когда президент отправится в конгресс и новый закон будет одобрен, тогда мы и начнем действовать.

Тем не менее мы с Малленом прикинули, как выстроить диалог министерства с вооруженными силами, как обеспечить конструктивную дискуссию, как не допускать впредь преследования людей нетрадиционной сексуальной ориентации и как избежать иных проблем, связанных со службой открытых геев в вооруженных силах. Я попросил Джея Джонсона изучить возможности внесения изменений в уставы, чтобы затруднить преследования геев и перенести ответственность за эти преследования выше по цепочке командования. В конце июня, отвечая на вопрос на пресс-конференции в Пентагоне, я сказал, что мы с Малленом активно обсуждаем изменения в законе НГНС с президентом и высшим военным руководством. Среди прочего мы оцениваем, как лучше организовать внедрение перемен, не жертвуя при этом боеготовностью, и определяем «узкие места», где потребуется определенная гибкость (например, если кого-то уволила третья сторона, должны ли мы вмешиваться и принимать меры?). Эти вопросы обсуждались в администрации и в министерстве остаток 2009 года.

Глава 10
Афганистан: «дом разделенный» [100]

Холодным солнечным днем в октябре 1986 года я стоял на горном хребте на северо-западе Пакистана, поблизости от афганской границы. Я был заместителем директора ЦРУ – и в сопровождении сотрудников директората Межведомственной разведывательной службы Пакистана (МРС) совершал поездку в тренировочный лагерь моджахедов. Там от тридцати до сорока бойцов в новеньких парках учились стрелять из гранатометов, мишенью им служили несколько намалеванных белой краской на скалистом склоне горы силуэтов советского танка Т-72. Я не сомневался, что всем в лагере известно: ЦРУ финансирует их операции, а потому они нарочно устроили пиротехническое шоу для человека, который подписывает чеки. Новые парки, специально отобранные меткие стрелки, охлажденная пепси за обедом, изъявления благодарности за оружие, боеприпасы и прочее снаряжение – все наводило на мысль о хорошо срежиссированном спектакле. И это был далеко не единичный случай.

За ширмой Оза[101] на афгано-пакистанской границе в тот день скрывались суровые реалии. Я прибыл в лагерь прежде всего потому, что МРС поставлял наши новые зенитные ракеты «Стингер» и другое оружие таджикам долины Панджшер и прочим непуштунским племенам, которые воевали с Советами в Афганистане. Именно пакистанцы решали, кому из моджахедов – каким полевым командирам – достанется наше оружие. ЦРУ могло задабривать и оказывать давление, но последнее слово оставалось за президентом Мохаммадом Зия-уль-Хаком и МРС. Разумеется, мы тесно сотрудничали с Зия-уль-Хаком в противодействии Советам, однако он одновременно принимал законы, способствовавшие дальнейшей исламизации Пакистана и укреплению исламского фундаментализма. Поэтому значительное количество американского оружия соответственно переправлялось афганским исламским фундаменталистам. А мы, к сожалению, демонстрировали полное непонимание Афганистана, его культуры, его племенных взаимоотношений, не могли разобраться, кто владеет реальной властью в стране. Став министром обороны двадцать лет спустя, я понял, что в Афганистане, как и в Ираке, американское правительство, когда

оно вознамерилось сменить местный правящий режим, столкнулось с сакраментальным вопросом «На кого?» – и совершенно не представляло себе последствий вмешательства в афганские дела. Мы не удосужились выяснить хоть что-нибудь о стране, которой двадцать лет назад помогали победить Советы.

Этот опыт – эти призраки прошлого – давно убедил меня, как я упоминал выше, что сильная демократическая (в нашем понимании) центральная власть, более или менее честная и эффективная, в Афганистане попросту невозможна, а наши попытки изменить афганскую культуру, создать полноценную экономику и реформировать местное сельское хозяйство обречены на провал. Наши задачи, думал я, следует свести к уничтожению талибов и прочих экстремистов, чтобы ослабить военный потенциал терроризма, и к помощи в создании афганской армии и местных сил безопасности, которые будут в состоянии контролировать экстремистов и не допустят укоренения «Аль-Каиды» в Афганистане. Нужно мыслить в пределах трех – пяти лет, этого времени вполне хватит для достижения конкретных целей, – также стоит прикинуть, как нам сохранить небольшое гражданское и военное присутствие на десятилетия вперед; я считал, что в Афганистане эта мера необходима ничуть не меньше, чем в Ираке. Нельзя просто взять и уйти – снова. Размышляя об этом, я не мог не вспоминать о советском контингенте численностью 120 000 человек и о более 15 000 погибших советских солдат[102]. Если в стране окажется слишком много иностранных войск, если будут чрезмерно высокими потери среди гражданского населения, если мы будем проявлять недостаточно уважения к афганцам и к тому, чего хотят они сами, о чем они сами мечтают, – афганцы и к нам тоже начнут относиться как к оккупантам, а не как к партнерам. И мы в итоге проиграем, как проиграл Советский Союз. Свои мысли по этому поводу я последовательно и публично озвучивал с декабря 2006 года по конец 2009 года, излагал свои соображения конгрессу и не скрывал скептицизма относительно существенного увеличения численности наших войск в Афганистане.

Перед инаугурацией Обамы Джо Байден, как я уже рассказывал, посетил Афганистан и Ирак. Беседуя в Кабуле с американскими дипломатами, командирами и солдатами, Байден обнаружил на всех уровнях серьезные разночтения в понимании нашей стратегии и тактических задач. Его предыдущая встреча с президентом Афганистана Карзаем, за обедом в феврале 2008 года, прошла не слишком удачно: он, тогда председатель сенатского комитета по международным делам, отбросил салфетку и чуть было не накинулся на афганского президента с

кулаками. На ужине с Карзаем в январе 2009 года разговор опять шел на повышенных тонах, и Байден обвинил афганского президента в неумении управлять государством и коррупции. Если характеризовать содержательную часть беседы, то Карзаю (как и Малики) Байден, в частности, сообщил, что Обама не намерен контактировать с ним так часто, как это делал Буш. Команда Обамы была убеждена, что частые видеоконференции Буша с обоими восточными лидерами вызвали у тех «нездоровую зависимость» от прямых контактов с президентом США, и это мешает находящимся в Ираке и Афганистане американцам выполнять свою работу. Отчасти я был согласен с этим мнением, однако кое-что меня смущало: ведь Буш проявил себя умелым наставником для обоих лидеров, и когда он затрагивал те или иные вопросы, оба понимали, что более высокой инстанции нет и жаловаться больше некому. Байден также встретился с командующим Международными силами содействия безопасности (МССБ) генералом Дэвидом Маккирнаном, который просил подкрепления численностью до 30 000 человек, особо упирая на предстоявшие в августе общеафганские выборы. В целом Байдена сильно обеспокоило то, что он увидел в Афганистане. (В Ираке дела обстояли значительно лучше.)

В ходе предвыборной кампании Обама обещал направить в Афганистан дополнительные войска, чтобы восполнить «пренебрежение ресурсами» со стороны администрации Буша, якобы сосредоточившей свое внимание на Ираке всего через несколько месяцев после падения режима талибов. По-моему, все высокопоставленные чиновники новой администрации в сфере национальной безопасности разделяли мнение, что мы в Афганистане не выигрываем и не проигрываем и что нужно обратить самое пристальное внимание на ситуацию в этой стране. Я говорил президенту Бушу на собеседовании в ноябре 2006 года, что, на мой взгляд, наши цели в Афганистане чрезмерно амбициозны, и на протяжении двух последующих лет мои опасения только возрастали. Во время встречи 26 января с Обамой я сказал, что не надо лелеять никаких грандиозных устремлений в Афганистане: мы просто не хотим, чтобы эта страна вновь сделалась для нас и наших союзников источником угрозы, как было при талибах. На слушаниях сенатского комитета по делам вооруженных сил на следующий день я высказался еще конкретнее: «Если мы задались целью создать [в Афганистане] центральноазиатскую Валгаллу – мы проиграем. Наши цели должны быть реалистичными и ограниченными, иначе мы обречем себя на неудачу».

Первая встреча Совета национальной безопасности новой

администрации, посвященная Афганистану, состоялось 23 января. Развернулась бурная дискуссия по поводу отсутствия внятной и последовательной стратегии. Петрэус и Маллен оба ратовали за скорейшее предоставление Маккирнану запрошенного подкрепления в 30 000 военнослужащих. Я поддержал саму необходимость выделения подкреплений, но усомнился в численности – отчасти из-за того, что налицо путаница в сроках. Дополнительные подразделения нужны, чтобы остановить летнее наступление талибов и обеспечить безопасность проведения августовских выборов, но большинство этих солдат мы попросту не успеем перебросить в Афганистан вовремя. Также я продолжал тревожиться из-за «размеров» нашего военного «следа». Байден вполне логично возражал против отправки дополнительных подразделений, пока не выработана согласованная стратегия.

Президент решил выйти за рамки правительства и обратился к Брюсу Риделу, эксперту по Ближнему Востоку и своему советнику в избирательной кампании, с просьбой провести за два месяца оценку ситуации в Афганистане и представить рекомендации по изменению стратегии. Холбрук и заместитель министра обороны Флурнуа стали сопредседателями исследовательской группы, а Дуг Лют и его персонал в СНБ обеспечивали техническую поддержку. Ридел давно работал аналитиком в ЦРУ, в том числе при мне. Это один из лучших, наиболее здравомыслящих экспертов по Ближнему Востоку.

Насущной проблемой президента были сроки: если мы собираемся перебросить в Афганистан тысячи военнослужащих (точное количество не имеет значения), надлежащим образом обученных и экипированных, чтобы они успели помочь в отражении летнего наступления талибов и в обеспечении безопасности афганских выборов, решение нужно принять до того, как Ридел представит свой отчет, – к огорчению вице-президента и его сторонников в Белом доме. В начале февраля, возвращаясь в США с Мюнхенской конференции по безопасности, Байден заявил прессе, что не допустит «самоуправства» военных по вопросу выделения дополнительных сил для Афганистана «под прикрытием искусственно сжатых сроков». Президент хотел объявить о своих планах по сокращению контингента в Ираке, прежде чем сообщить об отправке подкреплений в Афганистан, но сделать этого не удалось. Когда совет заместителей во главе с Томом Донилоном предварительно поддержал запрос на 30 000 военнослужащих, но сфокусировался на том, когда они прибудут в Афганистан и чего смогут добиться, стало ясно, что Объединенный комитет начальников штабов не проанализировал, сколько солдат дополнительного контингента смогут оказаться в

Афганистане к лету. В итоге запрос Маккирнана сократили примерно вполовину – приблизительно до 17 000 человек.

Нервозность обстановки, возникшая вследствие необходимости принимать решение о подкреплениях для Афганистана, можно сказать, второпях, породила в Белом доме подозрения: а вдруг старшие военные руководители, в первую очередь Маллен и Петрэус, «подставляют» Обаму, вынуждая президента преждевременно предпринимать серьезные шаги с далекоидущими последствиями? Полагаю, в число тех, кто придерживался такой точки зрения, входили Байден, Донилон, Эмануэль и некоторые другие советники Обамы, а еще по иронии судьбы Джим Джонс и Дуг Лют. Вполне возможно, что недоверие к Пентагону диктовалось и отсутствием у высокопоставленных гражданских чиновников Белого дома, начиная с вице-президента, опыта в военных вопросах (в данном случае речь о сроках подготовки и материально-технического обеспечения боевых подразделений). Я убежден, что военные не имели никаких скрытых мотивов: неспособность утвердить оперативные передислокации войск сама по себе ограничивала возможности президента, не позволяя воспрепятствовать летнему наступлению талибов и усилить меры безопасности в преддверии афганских выборов. Тем не менее подозрения нарастали и усугублялись.

Кроме того, сказывались – не могли не сказываться – инциденты, напрямую с войной в Афганистане не связанные. В конце февраля, например, адмирал Тим Китинг, командующий войсками США в зоне Тихого океана, сообщил на пресс-конференции, что Соединенные Штаты вполне способны сбивать северокорейские ракеты «Тэпходон-2» и что их предполагаемый запуск будет «суровым испытанием» уверенности новой администрации в собственных силах. Президент пришел в ярость из-за этого, как он выразился, «свободомыслия», а также из-за рассуждений адмирала о полномочиях президента. По мнению Обамы, рассуждения Китинга серьезно подпортили репутацию администрации: если президент прикажет сбить корейские ракеты, слова Китинга, растиражированные по всему миру, не позволят сделать вид, что мы тут ни при чем; если же президент решит бездействовать, все начнут спрашивать – почему? Мы с Малленом уточнили у президента, настаивает ли он на увольнении Китинга. Обама ответил, что нет, что каждый человек заслуживает второго шанса, но распорядился вызвать Китинга в Вашингтон и «примерно наказать». Китинг прилетел с Гавайских островов в Вашингтон – и удостоился встречи длительностью в десять минут. Я рассказал ему о недовольстве президента, подчеркнул, что мы все хотим, чтобы он остался на своем посту и

извлек урок из случившегося. Тим попросил меня передать президенту извинения и сказать, что такого больше не повторится. Увы, он ошибался (хоть и не на свой счет). Этот эпизод наряду с чрезмерной публичной откровенностью директора Национальной разведки Денни Блэра и по-прежнему неугомонного Майка Маллена показал очередную преемственность между администрациями Буша и Обамы, на сей раз выражавшуюся в недовольстве президента говорливостью генералов и адмиралов. Если коротко, уже в первые месяцы работы администрации возникли подозрительность и недоверие между старшими офицерами и Белым домом, включая президента и вице-президента, и это стало большой проблемой для меня: пришлось как-то подстраиваться под непростые отношения между главнокомандующим и его военачальниками.

Тринадцатого февраля президент провел заседание СНБ, посвященное Афганистану: решали, стоит ли дожидаться отчета Ридела, чтобы передислоцировать подкрепления в Афганистан, перебросить доступные 17 000 человек как можно скорее, отправить часть подкреплений сейчас, а остальные позже, или все-таки предоставить Маккирнану запрошенные 30 000 солдат. Ридел и все принципалы, кроме двух – Байдена и Стейнберга, – высказались за немедленную единовременную переброску 17 000 человек.

Шестнадцатого февраля, на регулярном еженедельном совещании, президент сказал мне и Маллену, что сам предпочел бы объявить сначала о сокращении численности иракского контингента, однако решил сообщить об отправке 17 000 военнослужащих для поддержки усилий по стабилизации в Афганистане и предотвращения дальнейшего ухудшения ситуации. Обама прибавил, обращаясь ко мне: «Полагаюсь на вас и на ваше мнение». На следующий день Белый дом распространил пресс-релиз, где говорилось именно об этом. Обама позже характеризовал это решение как самое непростое из тех, какие ему выпали в начале срока, но, что показательно, он обошелся именно пресс-релизом, а не выступил публично.

Позднее задавали вопрос, почему так много дополнительных сил – морских пехотинцев – было переброшено в провинцию Гильменд с ее малой плотностью населения. Это развертывание было призвано прежде всего предотвратить дальнейшее ухудшение обстановки за счет укрепления безопасности в провинции перед выборами. Но имелась и другая важная причина для переброски морских пехотинцев именно в Гильменд: их командующий Джим Конвей стремился освободить морпехов от «повседневных забот» в западном Ираке ради боевого обучения в

Афганистане, а также настаивал на том, что все морские пехотинцы должны действовать в одной «зоне ответственности», на одном театре военных действий, при собственном прикрытии с воздуха и с опорой на собственную службу тылового обеспечения. Только Гильменд отвечал этим условиям Конвея. Морские пехотинцы были полны решимости сохранить за собой оперативный контроль, чтобы получать приказы не от старшего американского офицера в Кабуле, а от своего командира – генерал-лейтенанта морской пехоты в Центральном командовании в Тампе. Что ж, в боях морпехи выказывали мужество и профессионализм и добились немалых успехов, но вот высшее их руководство ставило интересы своего рода войск выше общих интересов афганской миссии. Несмотря на попытки повлиять на командование корпуса морской пехоты через Пэйса и Маллена (неудачные), я так и не сумел полностью разобраться с этой и другие проблемами служебной иерархии в Афганистане до 2010 года. Конечно, мне следовало уладить возникшие противоречия в цепочке командования намного раньше. Это самая крупная из моих ошибок применительно к войнам в Ираке и Афганистане.

Помимо численности подкреплений на совещании СНБ 13 февраля обсуждались афганские выборы. Согласно Конституции Афганистана, президентские выборы следовало провести 22 мая 2009 года, когда юридически закончится срок полномочий Карзая, но Соединенным Штатам при поддержке наших партнеров по коалиции удалось вынудить афганцев отложить выборы до 20 августа. Холбрук заявил, что выборы в мае – это слишком рано: оппозиционные действующему президенту кандидаты не успеют подготовиться, а МССБ не хватит времени принять необходимые меры по обеспечению безопасности. Президент Обама поручил Холбруку передать Карзаю, что он, Обама, в курсе конституционного требования относительно сроков и что мы окажем помощь в «наведении мостов» к выборам в августе. Никто, включая меня, не счел подобающим хотя бы намекнуть, что новая администрация, декларируя движение к «главенству закона» в Афганистане, только что нарушила афганскую Конституцию и потворствует Карзаю, позволяя тому незаконно остаться у власти еще на несколько месяцев. Разумеется, оттягивание сроков преподносилось как наилучший способ предоставить другим кандидатам в президенты время организоваться, чтобы в конце концов провести убедительные и заслуживающие доверия выборы в Афганистане. На самом деле для Холбрука и всех, кто был причастен к данному процессу, такая пауза была необходима, чтобы подобрать достойную, если угодно – жизнеспособную,

альтернативу Карзаю, который, как считали в США, должен был уйти. Если афганская Конституция оказалась препятствием на пути к этой цели – то и черт с ней.

Примерно в те же дни Мишель Флурнуа вернулась из своего первого визита в Афганистан и поделилась некоторыми тревожными наблюдениями:

«Я видела не много подтверждений того, что мы располагаем эффективным комплексным планом межведомственного сотрудничества или хотя бы концепцией операций. Я по-прежнему считаю, что многие случаи соперничества и противоречий объясняются отсутствием единого руководства: в борьбе с повстанцами, в войне с терроризмом, борьбе с наркотиками, – а также усилиями, направленными на строительство государства. Слабейшим звеном, безусловно, является планирование межведомственной координации и управление ресурсами… Командиры боевых частей полагают, что предполагаемое существенное увеличение сил и возможностей США в сочетании с ростом численности и профессионализма АНСБ [афганских национальных сил безопасности] позволит эффективнее «зачищать» и «удерживать» ключевые области. Одних только сил МССБ явно недостаточно, чтобы справиться с мятежниками и содействовать афганскому самоопределению…»

Флурнуа доложила, что комбинированные команды помощи (гражданские плюс военные), призванные помочь урегулировать ситуацию в тех районах, которые армия «зачистила» от боевиков, практически «не имеют требуемых ресурсов». Надо признать, я ничуть не удивился, хотя и расстроился: в конце концов, об упущениях в сфере гражданской помощи в Афганистане и Ираке я говорил уже два года.

В начале марта я сказал своим сотрудникам, что сильно разочарован предварительным отчетом группы Ридела, поскольку он не содержал никаких новых идей. Среди прочего доклад призывал значительно активизировать гражданские консультации американских специалистов, но не выдвигал конкретных предложений о том, что это за консультации и где взять специалистов. Флурнуа заметила, что проект отчета целиком посвящен тому, что должно быть сделано, но вот «как» в нем отсутствует. По большому счету к обсуждению предлагалось четыре варианта: 1) «прихлопнуть крота», то есть терроризм (также использовалось выражение «косить траву») и игнорировать прочие цели; 2) подавить терроризм плюс провести обучение афганских сил безопасности, заключить сделки с полевыми командирами и как можно скорее вывести американские войска; 3) вести противопартизанскую войну и 4) вести такую войну

активнее, выходя за пределы численности подкреплений, указанных в запроса Маккирнана.

В середине марта за одну неделю состоялось сразу три заседания комитета принципалов и два совещания с президентом, посвященные Афганистану. Мы ознакомились с окончательной версией отчета Ридела: эксперты рекомендовали уничтожить террористические организации в Афганистане и особенно в Пакистане, оказать всемерную поддержку пока еще слабому афганскому правительству, сформировать и обучить афганские силы безопасности, добиться от Пакистана прекращения помощи террористическим и повстанческим группам, наладить эффективное гражданское управление в самом Пакистане и, используя американские дипломатические, военные и разведывательные каналы, ослабить вражду и недоверие между Пакистаном и Индией. Вот это скромность задач, не правда ли? Что существенно в плане грядущих конфликтов между Белым домом и военными, отчет утверждал: «Полностью обеспеченная финансированием и ресурсами противопартизанская кампания позволит нам перехватить инициативу и защитить свои жизненные интересы». Все принципалы, кроме Байдена, согласились с рекомендациями Ридела, а также поддержали развертывание дополнительного контингента в 17 000 солдат и выделение 4000 инструкторов для афганских сил безопасности. За исключением требования сфокусироваться на необходимости рассматривать ситуацию в Афганистане в региональном контексте и учитывать критическую важность Пакистана для исхода войны, отчет Ридела во многом повторял предыдущий отчет Дуга Люта, подготовленный «на закате» администрации Буша. Кроме того, как указала Флурнуа, оба доклада грешили общей слабостью: слишком много внимания уделено тому, что должно быть сделано, и слишком мало дано ответов на вопрос, как это сделать.

Байден утверждал на протяжении всего обсуждения – и позднее не раз возвращался к своим доводам, – что эта война не пользуется политической поддержкой дома, в США. Я думал, что он ошибается; если президент не поддастся сомнениям и правильно разыграет свои карты, Соединенные Штаты вполне в состоянии выдержать даже непопулярную войну. Бушу ведь удалось – с гораздо более непопулярной войной в Ираке и с обеими палатами конгресса в руках демократов. Ключевое условие успеха – показать, что мы добиваемся побед в военном отношении, затем, в подходящий момент, объявить о сокращении численности нашего контингента и продемонстрировать наглядно, что окончание войны совсем близко. Почти два с

половиной года спустя, когда я уходил в отставку, американский контингент в Афганистане все еще насчитывал 100 000 человек. Вопреки мрачным прогнозам Байдена в начале 2009 года, президент сумел справиться с недовольством внутри США.

Президент принял большинство рекомендаций Ридела и перечислил ключевые элементы своей новой стратегии «АфПак» в телевизионном обращении к нации 27 марта; за спиной Обамы перед камерами выстроились все старшие советники президента. Целью стратегии, по словам Обамы, является стремление «лишить поддержки, демонтировать и разгромить «Аль-Каиду» в Пакистане и Афганистане и не допустить возвращения экстремистов к власти ни в той, ни в другой стране в будущем». Президент отметил, что 17 000 солдат, чья переброска в Афганистан уже утверждена, будут «сражаться с талибами на юге и востоке и позволят нам наилучшим образом организовать сотрудничество с афганскими силами безопасности и преследовать повстанцев вдоль афгано-пакистанской границы». Он прибавил, что эти войска помогут обеспечить порядок в преддверии выборов в Афганистане, однако из выступления следовало, что первоочередной их задачей является противостояние талибам «в логове врага». С учетом подкреплений, в Афганистане на данный момент окажется около 68 000 американских солдат. Кроме того, мы намерены приложить усилия по дальнейшему обучению афганских сил безопасности и увеличению их численности.

Обама также призвал резко активизировать усилия США в невоенной сфере, попросил американских специалистов по сельскому хозяйству, педагогов, инженеров и юристов помочь в благородном деле мирного урегулирования, в предоставлении справедливых возможностей афганскому правительству и афганскому народу, в желании развивать экономику, которая больше не строится исключительно на незаконном обороте наркотиков. Гражданский «компонент» вообще занимал центральное место во всех политических стратегиях, призванных сократить и ликвидировать влияние талибов в Афганистане. Президент ни разу не использовал в речи слова «противопартизанский» и «контртеррористический», но смысл его заявления, если вдуматься, сводился именно к проведению подобных операций. Через два дня после обращения Обамы к нации я сказал в телевизионном интервью, что не уверен, что возникнет необходимость просить президента одобрить отправку дополнительных подкреплений, пока мы не увидим, как справляются уже переброшенные подразделения.

Я полностью поддержал решения президента, хотя испытывал

глубокий скепсис по поводу двух основных элементов стратегии. Основываясь на нашем опыте в Ираке, я питал обоснованные сомнения в том, что удастся набрать и направить в Афганистан необходимое число гражданских советников из Государственного департамента, Агентства международного развития, министерства сельского хозяйства и прочих ведомств. К сожалению, мои сомнения оправдались. Еще я сомневался, что мы сумеем убедить пакистанцев изменить свое «мировоззрение», и они вдруг начнут преследовать афганских талибов и других экстремистов по свою сторону границы. Когда наступление пакистанских талибов той весной удалось остановить только в шестидесяти милях от Исламабада, пакистанская армия, перейдя в контрнаступление, двинулась по их следам вплоть до приграничных провинций Сват и Южный Вазиристан, но лишь ради защиты «Талибана». Постоянное покровительство Пакистана, в том числе предоставление убежища лидерам афганских талибов в Кветте, было абсолютно осознанным: так пакистанцы страховались по причине недоверия к нам, помня наше нежелание продолжать сотрудничество в Афганистане в начале 1990-х годов. Администрация Обамы упорно старалась преодолеть это недоверие, но история работала против нас.

Мое определение успеха было значительно у2же, чем определение Ридела или концепция президента: опираясь на военные возможности – сочетая противопартизанские действия и войну с терроризмом, – обескровить талибов до такой степени, когда крупные и должным образом обученные и экипированные афганские силы безопасности смогут контролировать всю территорию страны и не допустят возможного возвращения «Аль-Каиды». Я намеревался придерживаться этой позиции все время своего пребывания в должности министра. Новая политика президента, при всем ее размахе, наверняка поможет достичь этой цели. Я говорил Петрэусу в Ираке, что ключом к успеху стало признание очевидного факта – даже если иракцы самостоятельно делают что-то отвратительно, это лучше, чем если мы делаем это за них превосходно. Как я считал, аналогичный подход следует использовать и в Афганистане; еще в свою бытность в составе администрации Буша я называл такой подход «принципом хорошего афганца».

* * *

В июне 2008 года по моей рекомендации президенту генерал Дэйв Маккирнан стал командующим МССБ в Афганистане: этот

контингент объединял американские силы и подразделения более сорока союзных стран. Джордж Кейси, начальник штаба сухопутных войск, и Майк Маллен считали, что Маккирнан подходит для этой работы, да и сам я был высокого мнения о нем, не в последнюю очередь потому, что он сумел наладить отличные отношения с нашими европейскими союзниками. Тем не менее к середине осени я уже открыто говорил своим ближайшим сотрудникам, что, похоже, допустил ошибку с этим назначением. По сей день мне трудно объяснить, что именно вызвало первоначальное беспокойство, но, так или иначе, на протяжении зимы моя тревога только нарастала. Возможно, больше всего сказывался двухлетний опыт работы с такими военачальниками, как Петрэус, Маккристал, Кьярелли, Род Родригес[103] и другими, умело сочетавшими контртеррористические и противопартизанкие тактики: я воочию наблюдал их тактическую гибкость и открытость новым веяниям, готовность к экспериментам, способность отказаться от идей, которые себя не оправдали, и двигаться дальше, пробуя иные подходы. Маккирнан был превосходным солдатом, однако ему очевидно недоставало гибкости и тактического мышления, необходимых для столь сложного театра военных действий, как Афганистан. Анализируя его послужной список – командующий сухопутными войсками коалиции в ходе первого этапа войны в Ираке, затем командующий американскими войсками в Европе, – я спрашивал себя, на своем ли месте оказался этот человек в афганском противостоянии.

Разумеется, помимо общей озабоченности возникали и конкретные вопросы, вызывавшие сомнения в компетентности Маккирнана. Пытаясь разрешить проблему командования коалиционными силами в Афганистане, мы с Малленом сочли, что лучшим вариантом будет продублировать структуру, успешно освоенную в Ираке: четырехзвездный командующий всеми войсками (Маккирнан) и подчиненный ему трехзвездный генерал, руководящий повседневными процессами. Маккирнан, как и Макнейл до него, проводил значительное количество времени с Карзаем и другими афганскими официальными лицами, встречался с послами стран коалиции, принимал «визитирующих» американских государственных чиновников и представлял НАТО, то есть исполнял дипломатические и политические обязанности. Эта роль была чрезвычайно важной, но требовалось, конечно, чтобы кто-то еще командовал боевыми операциями, не отвлекаясь на дипломатию и политику. Сам Маккирнан упорно сопротивлялся нашим планам. Еще меня беспокоило, что мы не слишком быстро и решительно принимаем меры по снижению

количества жертв среди гражданского населения. Как говорилось выше, наши усилия в этом отношении, на мой взгляд, не имели прецедентов, но почему-то каждый инцидент с жертвами среди мирного населения воспринимался как стратегическое поражение, и после каждого такого происшествия проводилось самое тщательное расследование. Вскоре после мартовского заявления президента я сказал Маллену: «Наши дети погибают на этой войне, и если я не буду уверен, что обеспечил им наилучшего командира из возможных, мне пора уходить с работы».

Ситуация обострилась в начале апреля, когда Мишель Флурнуа вернулась из Афганистана и поделилась со мной своей озабоченностью по поводу Маккирнана; она тоже усомнилась в том, что он подходит для занимаемой должности. Наши с нею претензии к Маккирнану совпадали по многим пунктам. И Маллен, и Петрэус согласились, что необходимо менять командующего. Кейси горячо возражал против увольнения Дэйва, твердил, что это «подло», и употреблял прочие сильные выражения. Он даже написал письмо президенту – правда, предварительно показал мне и попросил, чтобы именно я доставил это письмо.

Я несколько раз беседовал с президентом наедине, делясь своими опасениями, а в середине апреля сказал ему, что, как мне кажется, окончательно пришла пора перемен. Мы с Малленом и Петрэусом единогласно рекомендовали в качестве замены Маккирнану генерал-лейтенанта Стэнли Маккристала. Президент прекрасно сознавал, какой политический шум поднимется в связи с увольнением старшего военачальника, однако был готов с этим справиться.

Отстранение Маккирнана от командования было одним из самых непростых решений, какие я когда-либо принимал. Ведь он не допустил никаких вопиющих ошибок, и в армии к нему относились с уважением. Маллен обсуждал с Маккирнаном сложившуюся ситуацию на протяжении нескольких недель, а во второй половине апреля прилетел в Афганистан, чтобы убедить Маккирнана подать в отставку по собственному желанию. Дэйв дал понять, что хотел бы остаться на своем посту до конца боевой командировки, то есть до весны 2010 года. Я не мог ждать так долго. Я прилетел в Кабул 6 мая, почти сразу уединился с Дэйвом и постарался объяснить, почему настаиваю на скорейших переменах. Он выслушал и подчинился – надо отдать ему должное, повел себя весьма достойно.

Лишь много позже я узнал, что это был первый случай освобождения командующего от должности во время военных

действий с тех пор, как более пятидесяти лет назад, в 1951 году, Трумэн уволил Дугласа Макартура. Но в годы Второй мировой войны генералы Джордж Маршалл и Дуайт Эйзенхауэр неоднократно увольняли боевых командиров, среди которых многие были вполне дееспособными офицерами и даже личными друзьями командующих. Генерал Мэтью Риджуэй практиковал то же самое в Корее, как до, так и после назначения и отставки Макартура. В целом подобного рода снятие с должности было явлением достаточно распространенным, а потому не грозило завершением карьеры или пятном на репутации – как самого пострадавшего, так и армии США. Но к началу войны во Вьетнаме об этой практике в нашей армии почти позабыли. Я надеялся, что эпизод с отстранением Маккирнана покажет всем: старшие офицеры в военное время несут дополнительную ответственность, а для снятия с должности такому командиру вовсе не обязательно совершить какой-то личный проступок или допустить серьезную ошибку.

Одиннадцатого мая я объявил, что Маккирнан освобождается от должности и что на пост главнокомандующего в Афганистане я рекомендую Маккристала. Мой старший военный помощник Родригес станет заместителем командующего и будет отвечать за «повседневные» боевые действия. Один журналист попросил уточнить, что именно Маккирнан сделал неправильно. Я ответил, что абсолютно ничего, но новая стратегия требует нового командующего. На вопрос, почему выбрана кандидатура Маккристала, я сказал, что они с Родригесом обладают уникальным набором навыков – контртеррористических и противопартизанских.

Обычно при назначении нового командующего – как при администрации Буша, так и при администрации Обамы – я приглашал этого генерала на короткую фотосессию с президентом прямо перед началом еженедельного совещания в Овальном кабинете. Моя главная цель состояла в том, чтобы президент мог лично поздравить офицера и выразить ему свою поддержку и доверие. Президент знал о немалых успехах, которых Маккристал добился в проведении контртеррористических операций в Ираке и Афганистане. В официальной обстановке, увы, Стэн держался не слишком раскованно, и это еще мягко сказано. Когда Обама вышел к нам, то мимоходом пошутил, но Маккристал никак не отреагировал, даже не улыбнулся. После того как Стэн ушел, Обама усмехнулся и сказал: «Очень… целеустремленный человек».

Еще до утверждения кандидатуры Маккристала сенатом Маллен и прочие принялись изводить меня просьбами о

выделении дополнительных подкреплений – при том что совсем недавно президент одобрил план по переброске в Афганистан более 21 000 солдат. В системе продолжал рассматриваться запрос Маккирнана, согласно которому требовалось выделить сверх этой цифры еще 10 000 человек. Почти через неделю после моей встречи в Кабуле с Маккирнаном я присутствовал на совещании по боевому развертыванию и укомплектованию в новом оперативном штабе Родригеса. (Каждую неделю я встречался с председателем и заместителем председателя ОКНШ, сотрудниками своего аппарата и начальниками штабов, чтобы утвердить или отвергнуть «запросы на пополнение» от боевых командиров по всему миру – сколько подразделений, какие именно и так далее.) Мне доложили, что новая кампания в Кабуле потребует несколько тысяч человек дополнительно, возможно, намного больше, чем одобрил президент и утвердил конгресс, – иными словами, что 68 000 солдат явно недостаточно. Я удивился подобной просьбе и сказал, что мы не вправе увеличивать утвержденную численность войск без обращения к президенту. Когда Маккристал окажется в Афганистане, он сможет оценить, насколько эффективно используются имеющиеся силы, – к примеру, я знал, что солдаты и морские пехотинцы США занимались строительством объектов инфраструктуры и ремонтом; таких солдат безусловно следует передать в подчинение новой штаб-квартиры или отправить на передовую.

Между тем в Афганистане отчаянно не хватало американских гражданских советников и экспертов, чья деятельность в отчете Ридела характеризовалась как принципиально важная для успеха всей миссии. 2 мая Петрэус и Холбрук провели «координационную конференцию» с участием военных и гражданских экспертов, а также представителей ряда государственных органов. Посольство направило запрос на 421 человека, но Холбрук возразил, что сначала необходимо провести тщательный повторный анализ потребности в гражданских специалистах на провинциальном и окружном уровнях. Холбрук, очевидно, разделял мой скептицизм в отношении способности Государственного департамента оперативно направить значительное количество гражданских лиц в Афганистан. Я сообщил Государственному департаменту и Штабу национальной безопасности, что для заполнения вакансий готов предоставить несколько сот гражданских экспертов из министерства обороны и военного резерва.

На заседании комитета заместителей в конце мая Том Донилон подтвердил важность «гражданского компонента» и подчеркнул необходимость увеличить масштабы и ускорить

темпы реализации гражданской «Большой волны». Несмотря на очевидную неспособность Государственного департамента и других ведомств обеспечить нужное количество гражданских специалистов, заместитель госсекретаря Джек Лью (ответственный за контакты с администрацией) и прочие не воспользовались моим предложением «одолжить» (причем бесплатно) гражданских экспертов министерства обороны. Чаще всего в качестве причины отказа ссылались на тот факт, что наши люди якобы не полностью соответствуют профилю предлагаемых позиций. Лично я был уверен, что, обладай гражданский персонал министерства обороны хотя бы половиной навыков, которые Государственный департамент определял как обязательные, у нас бы было вполовину больше гражданского потенциала, чем мы имеем сейчас. Меня также беспокоило, что существенное число гражданских специалистов и экспертов США в Афганистане размещается в Кабуле, хотя наивысшая потребность в них ощущается на местах, в провинциях и районах, где наши войска противостоят талибам. Как правило, гражданские лица проводили в Афганистане год – при отпуске в несколько недель, – и почти все покидали страну летом, нередко оставляя дела незавершенными (минимум на два-три месяца, а то и вообще насовсем). Численность гражданских экспертов и места их назначений долго будут оставаться источником разочарования для наших боевых командиров и сотрудников Пентагона. (Многие гражданские специалисты, в конечном счете направленные Госдепом в Афганистан, не обладали необходимыми навыками либо – это было характерно почти для всех гражданских – отрабатывали свою командировку в Афганистан за надежными стенами посольства.)

Я полагал между тем, что в нашем распоряжении имеется еще один потенциальный «запас» гражданских экспертов. В большинстве американских «дарованных» колледжей[104], о чем я прекрасно знал, действуют международные информационно-пропагандистские программы, охватывающие, в частности, сельское хозяйство, животноводство, ветеринарию и управление водными ресурсами. Факультеты регулярно проводят исследования и отправляют студентов на полевую практику в развивающиеся страны; работая едва ли не в первобытных и зачастую опасных условиях, молодые люди вносят неоценимый вклад в общее полезное дело. Я неоднократно и настоятельно намекал Холбруку и чиновникам-координаторам из Агентства международного развития, что стоит обратить внимание на эти учебные заведения, связаться с президентом ассоциации «дарованных» университетов и предложить полевую работу в

Афганистане студентам. В отличие от многих государственных служащих студенты привычны к сельской жизни и сами хотят помогать. Возглавлял эту ассоциацию Питер Макферсон, бывший президент Университета штата Мичиган и руководитель Агентства по международному развитию с 1981 по 1987 год, при президенте Рейгане; я не сомневался, что он сделает все возможное, чтобы заручиться помощью университетов. К сожалению, как и предложение заполнить имеющиеся вакансии гражданскими специалистами министерства обороны, эта идея совершенно не заинтересовала Государственный департамент и АМР.

Показателен еще один случай, тоже имеющий отношение к направлению гражданских экспертов в Афганистан. Министр сельского хозяйства США Том Вилсак был согласен выделить десятки специалистов, однако, как он сказал мне, у его министерства не было денег на оплату командировок. Не хочет ли поддержать эту инициативу Пентагон? Пришлось объяснить, что мы не имеем на это права, поскольку решения конгресса ограничили возможности финансовых операций между государственными ведомствами. Нам, к примеру, разрешено переводить средства только Государственному департаменту.

Восьмого июня я встретился с Маккристалом, Родригесом, Малленом, Картрайтом и Флурнуа, чтобы продолжить обсуждение новой структуры командования. Действовать следует постепенно и поступательно, предупредил я в начале совещания, поскольку это щекотливый вопрос для коалиции, и потому стоит осенью назначить Родригеса только заместителем командующего МССБ, а затем – уже после Нового года – «надеть на него вторую шляпу», произведя в заместители командующего американским контингентом. Я в очередной раз напомнил, что нужно приложить максимум усилий к сокращению численности жертв среди гражданского населения, и предложил Стэну подготовить в течение двух месяцев обзор ситуации в Афганистане, проанализировать эффективность использования личного состава, которым мы располагаем и которым, возможно, будем располагать. Просьба представлялась совершенно разумной, не продиктованной никакими «тайными замыслами». Я сказал, что мы должны подготовить обзор прежде, чем я пойду к президенту с рекомендациями по подкреплениям, иначе убедить его не удастся. В завершение я сказал Маккристалу, что «слишком крупный военный след [чрезмерное количество войск США в Афганистане] будет стратегически опасным для нашей миссии». Увы, нам с президентом предстояло пожалеть, что Пентагон заказал этот обзор.

Следующий день оказался наихудшим для меня в работе с администрацией Обамы. Встреча с президентом началась с одобрения наших планов изменений в структуре управления и командования в Афганистане, в том числе проектов, касающихся новой штаб-квартиры Родригеса. Я заверил Обаму, что мы разработаем детальные планы, получим одобрение всех заинтересованных агентств и ведомств и постараемся сделать эти агентства и ведомства своими союзниками. Затем я изложил ситуацию с Маккристалом: что я попросил его подготовить в течение шестидесяти дней аналитический обзор, в том числе проанализировать потребность в подкреплениях и в ресурсах до конца года (возникли некоторые сложности, которых мы не предвидели). Когда обзор будет готов, прибавил я, министр обороны выйдет на президента, имея обоснование любого дальнейшего увеличения численности контингента, и больше ничего просить в 2009 году не станет. И тут, что называется, мне прилетело. Президент ядовито напомнил, что о политической поддержке увеличения численности контингента глупо даже мечтать – демократы в Капитолии не желают слышать ни о чем подобном, а республиканцы слишком увлеклись политическими играми, чтобы оказать реальную помощь. Обама признал, что получить согласие конгресса на дополнительные расходы в 2009 финансовом году было сложнее, чем кто-либо думал. Байден и Эмануэль тоже не остались в стороне. Я догадывался, что Байден – а возможно, и другие в этом кабинете – считает разговоры о подкреплениях и будущий обзор Маккристала элементами военной стратегии, целью которой является «охмурение» президента: таким образом армия якобы пытается заставить Обаму направить в Афганистан намного больше войск. Что ж… Я вновь изложил свои соображения по поводу сильного военного присутствия и добавил, что не понимаю, почему выделение подкреплений от двух до четырех тысяч человек должно вызвать столько зубовного скрежета.

Я покинул встречу, расстроенный не столько нежеланием выделять подкрепления, сколько общим направлением политики администрации. Байден особенно долго распространялся о реакции Демократической партии. (Его высказывания прямо-таки вынуждали вспомнить одержимость Чейни реакцией республиканцев при обсуждении ситуации с допросами заключенных в Гуантанамо.) Ни словом не было упомянуто о стремлении делать все необходимое ради достижения целей, не так давно публично сформулированных президентом, и для защиты наших войск. Президент и его советники в один голос повторяли, что, прежде чем направлять в Афганистан

дополнительные силы, нужно продемонстрировать успехи в использовании тех войск, которые уже там находятся. Я был потрясен до глубины души. Демократы контролировали обе палаты конгресса, и Белый дом попросту испугался. Скептицизм я еще мог понять, а вот политику – вряд ли.

Сенат утвердил Маккристала в должности командующего – открыв ему дорогу к получению четвертой звезды, – в тот же день, когда состоялась эта малоприятная встреча в Белом доме. Мои давние планы начать с утверждения его кандидатуры на пост директора Объединенного штаба и уже потом выносить дальнейшую карьеру на обсуждение сената окупились сторицей.

К сожалению, к лету внешнеполитическая команда Обамы начала распадаться. По вопросу об Афганистане Байден, его сотрудники, Эмануэль, некоторые члены Штаба национальной безопасности и, вероятно, все политические советники президента в Белом доме были на одной стороне, в то время как мы – Клинтон, Маллен, Блэр и я – на другой. Вдобавок наши «противники» все более подозрительно относились к военному руководству, упорно считая, что Маллен, Петрэус, Маккристал и другие старшие офицеры пытаются «пропихнуть» через президента радикальное увеличение численности контингента в Афганистане. Донилон, Денис Макдоно и другие открыто заявляли представителям Пентагона, что «Белый дом недоволен деятельностью Маллена в качестве председателя ОКНШ и никогда не был доволен»; жаловались, что он слишком часто дает интервью по телевидению, хотя нередко сами просили его появиться в том или ином ток-шоу. Макдоно язвительно уведомил Джеффа Моррелла, что запланированный через два месяца доклад Маккристала наверняка окажется «пустышкой», а президенту не нравится узнавать мнение Маллена по военным вопросам не напрямую, а из газет или ТВ. Все активнее циркулировали слухи об изоляции Джонса в Белом доме и о его потенциальном уходе. Байден, Донилон и Лют нарочито конфликтовали с Холбруком. И, как уже упоминалось ранее, серьезную трещину дали отношения между Панеттой и Блэром. По возвращении из поездки в Афганистан в конце июня Джонс сказал мне, что предупредил Стэна: любая фраза насчет подкреплений спровоцирует президента на «Виски-Танго-Фокстрот» – на военном сленге это эквивалент сакраментального вопроса «Какого хрена?»[105]. К концу лета вся эта крысиная возня вкупе со слухами породила огнеопасную обстановку – а Маккристал заканчивал подготовку своего доклада.

У меня был собственный список вопросов «Виски-Танго-Фокстрот» к президенту и другим сотрудникам администрации,

причем список продолжал пополняться. После еженедельного совещания (в присутствии заместителя председателя ОКНШ Картрайта) с президентом 15 июля Обама попросил меня задержаться – такое становилось уже привычным. А когда мы остались одни, буквально «уронил бомбу»: он-де намерен встретиться с генералом Картрайтом наедине и поинтересоваться, готов ли тот поддержать перемены и принять на себя обязанности Майка Маллена в качестве председателя Объединенного комитета начальников штабов. Я, разумеется, встревожился: если слухи о подобных планах просочатся, Майку предстоит два года изображать из себя хромую утку – хотя, конечно, вполне может быть, что президент таким образом пытается подтолкнуть Маллена к уходу. Я знал, что почти все в Белом доме предпочитают брифинги Картрайта, который изъяснялся намного четче Маллена. Картрайт также умел внятно объяснить сугубо технические моменты, а его аналитический стиль куда удачнее гармонировал с манерой президента. Но нельзя было забывать о публичности Маллена и его независимости. Я попросил президента отложить встречу с Картрайтом до сентября или до октября, когда сенат утвердит обоих, Маллена и Картрайта, на следующий срок. А когда встреча состоится, пусть президент просто предложит Картрайту остаться на полный двухлетний срок во второй раз. (Я поднял вопрос о его отставке после первого года второго срока, только чтобы «встряхнуть» председателя и заместителя председателя ОКНШ.) В ту пору я ничуть не возражал насчет Картрайта в качестве преемника Маллена на посту главы ОКНШ.

В начале августа у меня состоялся долгий и очень откровенный разговор по целому ряду вопросов с Рамом Эмануэлем в его угловом кабинете в Белом доме. Мне доводилось бывать в этом кабинете, когда его занимали многие предыдущие главы администрации, и я отметил, что обстановка практически не менялась, разве что слегка приобретала некий отпечаток личности хозяина; так, Рам поставил несколько семейных фотографий в рамках на этажерку за столом. Рам принял меня без пиджака, приветствовал сердечно, как всегда, и предложил диетическую колу. Проигнорировав «официальный» диван и кресла перед камином, мы сели за стол для переговоров. Первый вопрос, который я затронул, касался решения генерального прокурора Эрика Холдера отказать в защите министерства юстиции шестерым унтер-офицерам ВМС, служившим охранниками в Гуантанамо и ставшим ответчиками по судебному иску одного заключенного. Моряки не совершили ничего дурного, однако Холдер не желал предоставлять Конституционную защиту

лицам, связанным с содержанием заключенных в Гуантанамо. Министерство юстиции сообщило морякам, что правительство наймет им частных адвокатов, но я сказал Раму, что это отнюдь не то же самое, что государственная защита, то есть полная поддержка федерального правительства США, в зале суда. Все, кто носит военную форму, это знают, а потому волнуются за своих. Я подчеркнул, что отношение президента к военным со дня его избрания оставалось неизменно идеальным, но данный шаг может сильно и негативно повлиять на боевой дух и на отношение к главнокомандующему. Я также отметил, что Холдер принял свое решение, не проконсультировавшись со мной. Я заявил Раму – на языке, который, я был уверен, он поймет, – что нежелание министерства юстиции защищать невиновных американских военнослужащих есть пародия на правосудие и «чертовски серьезная ошибка».

Еще я сказал Эмануэлю, что шокирован заявлением заместителя советника по национальной безопасности Джона Бреннана, который посоветовал президенту передать дополнительные БПЛА «рипер» в Афганистане из ведения военных в распоряжение ЦРУ, не удосужившись хотя бы поставить в известность меня. Эти БПЛА принадлежат министерству обороны, и никто в Белом доме не имеет права выходить на президента с такой рекомендацией, минуя Пентагон и нарушая установленные принципы межведомственного взаимодействия. Это очередное проявление «неуемности» все более активного Штаба национальной безопасности в Белом доме и очередная попытка «микроменджмента» в военных делах – иными словами, жуткая комбинация, в прошлом не раз приводившая к катастрофическим последствиям. Я сказал Раму: «Я командный игрок, но не козел отпущения».

Возможно, самым важным из того, что я сообщил Эмануэлю, было мое пожелание президенту «взять на себя ответственность за афганскую войну», ради наших войск и ради наших союзников. Меня беспокоили не столько публичные заявления Обамы о необходимости разработать стратегию вывода войск, сколько то, о чем он предпочитал умалчивать. На мой взгляд, президенту следовало признать, что война может затянуться на годы, но одновременно продемонстрировать обществу, что он уверен в окончательной победе. Он должен публично объяснить, почему необходимы жертвы, которые приносят наши войска. Я сказал Эмануэлю, что, скорее всего, приду к президенту в середине сентября с новыми «предложениями по стратегии» – направить в Афганистан больше специалистов по разминированию СВУ, по утилизации боеприпасов, перебросить больше средств разведки,

наблюдения и рекогносцировки, а также медицинского оборудования; что касается боевых подразделений, я намерен воздержаться от просьб о подкреплениях до января. Я добавил, что вряд ли президент захочет отказать в том, что непосредственно важно для сохранения жизней наших солдат. Я не пытаются «давить», просто знаю по опыту, что, когда численность контингента достигнет 68 000 человек, нам понадобятся все перечисленные специалисты и все упомянутое снаряжение.

Эмануэль терпеливо слушал, пока я вещал, а потом сказал, что посмотрит, что можно сделать. Хотя я ни разу не повысил голоса в ходе встречи, думаю, он догадался, что я зол, а потому проявил нехарактерную для себя сдержанность. Позже я услышал, что некоторые политиканы в Белом доме всерьез поговаривают о моем уходе.

На видеоконференции 24 июня Маккристал доложил мне, что ситуация в Афганистане намного хуже, чем ожидалось. На юге, по его словам, повстанцы контролировали пять из тринадцати округов провинции Гильменд, Кандагару постоянно угрожали, да и большая часть региона находилась «вне нашего контроля». Афганские силы на юге насчитывали едва ли 70 процентов от штатной численности; вдобавок мало кто из местных рвался служить в армии. На востоке движение Хаккани расширяло свою зону влияния, но «наши ребята довольно уверенно держат руку на пульсе в этом районе». В целом, по мнению Маккристала, власть в стране фактически отсутствует, отсюда большинство проблем: «Тут нет легитимности». Когда я спросил, достаточно ли у него средств РНР, его ответ единственный раз за весь разговор вызвал улыбки на лицах: «Сэр, я генетически предрасположен не сознаваться, что мне чего-то достаточно».

Впервые о том, что Маккристал собирается просить значительных подкреплений, я услышал от Майка Маллена сразу после его возвращения из поездки в Афганистан в середине июля. Маллен сказал, что Маккристал может попросить дополнительно минимум 40 000 солдат. Я чуть не упал со стула. В голове мгновенно закрутилась масса вопросов: «Почему? Зачем? Неужели он действительно считает, что президент одобрит столь крупные подкрепления сразу после согласия о направлении 21 000 человек? А как быть с размерами нашего «следа» и тем, какое впечатление это произведет на афганцев? И как совместить все мои публичные заявления, выражающие озабоченность нашим чрезмерным военным присутствием, с поддержкой Маккристала?» Даже будь я согласен с оценкой и рекомендациями Маккристала, я понятия не имел, каким образом получить одобрение

президента хотя бы на толику этой цифры. Не требуется быть ясновидящим, чтобы предугадать реакцию Обамы.

Занимая пост министра обороны, я единственный раз по-настоящему встревожился именно тогда, когда услышал об этих намерениях Маккристала. Я решил тайно встретиться с генералом в Европе 2 августа и выслушать из первых уст обоснование безумных планов. Накануне поездки меня пригласили на «неформальное общение» президента с кабинетом и старшими сотрудниками аппарата Белого дома. Статья в «Вашингтон пост» утром 31 июля сообщила, что Маккристал готовится просить о значительном увеличении численности контингента в Афганистане; ничего не скажешь, очень вовремя для меня – прямо перед сутками непрерывного взаимодействия с сотрудниками Белого дома.

Я поднялся на борт самолета под вечер 1 августа и вылетел на авиабазу Шьевр в Бельгии; в восемь тридцать утра в воскресенье мы с Маккристалом начали беседу, которая растянулась на пять часов. Помимо нас во встрече участвовали все ключевые представители военного руководства: Маллен, Петрэус (как глава Центрального командования), адмирал Джим Ставридис (верховный главнокомандующий вооруженных сил НАТО, босс Маккристала в цепочке командования Северного альянса), Мишель Флурнуа, Родригес и, конечно, ряд младших сотрудников. Мы собрались в простеньком, сугубо утилитарном конференц-зале, уселись вокруг большого П-образного стола, благодаря чему всем отлично были видны слайды презентации в PowerPoint, этого непременного атрибута военных брифингов. Солдаты-срочники исправно подливали кофе в кофейники и подавали еду; они очевидно нервничали, вероятно, впервые в жизни наблюдая воочию столько четырехзвездных адмиралов и генералов в одном помещении. И, похоже, не обращали внимания на седого коротышку в синей спортивной куртке без каких-либо звезд.

Я начал совещание, подчеркнув необходимость соблюдения полной конфиденциальности во всем, что касается численности нашего контингента, вплоть до афганских выборов 20 августа, пусть это и выходит за рамки шестидесятидневного срока, отведенного мною Маккристалу для подготовки доклада. Я сказал, что налицо четыре «фокуса давления», вовлеченных в процесс: Белый дом и политическая оппозиция в конгрессе, влияние на Ирак, доступность подкреплений и последствия для и без того находящихся в напряжении армии и морской пехоты, а также необходимость дополнительного финансирования. Затем я задал Маккристалу восемь вопросов, которые записал на борту

самолета.

Какова оценка эффективности использования тех 68 000 американских военнослужащих, которые уже находятся в Афганистане или на пути туда? Удалось ли обнаружить случаи неэффективного использования или отсутствия реальной необходимости в этих силах?

Включают ли альтернативные стратегии, которые вы оценивали, географическое распределение, последовательную дислокацию и график развертывания?

Каковы риски и компромиссы при более медленном графике развертывания?

Как мы оцениваем возможные исходы выборов 20 августа и какое влияние они окажут на результаты общей оценки ситуации?

Каковы политические и военные риски, связанные с усиленным и длительным военным присутствием США в стране?

Значительное увеличение численности американских войск означает дальнейшую «американизацию» войны. Каковы ожидаемые последствия этого шага для Афганистана, НАТО и наших союзников?

Почему не подождать полного развертывания уже выделенных 68 000 солдат и только потом просить подкреплений?

Учитывает ли текущая оценка ситуации доступность вероятных подкреплений?

Большую часть совещания мы анализировали оценку Стэна, а он повторял, что ситуация «серьезная и непрерывно ухудшается», цитируя себя самого в разговоре со мной несколько недель назад. Он рассуждал о слабостях и недостатках Карзая и прочих афганских представителей власти во всей стране (за редкими исключениями), об отсутствии легитимности и массовой коррупции. Мы обсудили жертвы среди гражданского населения и его планы в этом отношении, а также новые правила поведения американских солдат, призванные показать наше уважение к местным ценностям. Маккристал ясно дал понять, что намерен сосредоточить военные усилия, как и ранее, на юге и востоке, но предложил выбрать около восьмидесяти округов и населенных пунктов, которые станут центрами сосредоточения наших дальнейших усилий по обеспечению безопасности; «чернильные пятна» на карте, где он все это демонстрировал, постепенно расширялись и в конце концов сливались воедино. Партнерство с афганскими силами безопасности является критически важным для успеха, но численность и качество этих сил необходимо радикально увеличивать и улучшать. Контртеррористические операции будут продолжаться, как и специальные операции,

направленные на уничтожение лидеров «Талибана». Еще мы обсудили укрепление военного взаимодействия и сотрудничества с пакистанцами и насущную потребность убедить их заняться уничтожением убежищ талибов по другую сторону границы. (Я не стал озвучивать свои сомнения в том, что это сработает, – пусть попробуют, вреда точно не будет.) Все эти вопросы наверняка станут предметом дебатов внутри администрации в ближайшие месяцы. «Стабильность в Афганистане – принципиальное условие окончательной победы, – сказал я. – Если афганское правительство падет под ударами талибов или обнаружит неспособность справиться с международным терроризмом, Афганистан может снова стать базой террористов, с очевидными последствиями для региональной стабильности».

Маккристал заявил, что необходима новая стратегия кампании, такая, которая основывается на защите мирного населения, а не на захвате территорий или на ликвидации повстанческих отрядов. Он много говорил об изменении оперативной культуры, о более тесном взаимодействии с населением. И подчеркнул необходимость срочных действий: «Думаю, ближайшие операции окажут решающие влияние. Если мы не сумеем перехватить инициативу и подавить повстанцев в… последующие 12 месяцев, пока афганские силы безопасности укрепляются, то велик шанс, что мы рискуем сами загнать себя в угол, и победить повстанцев станет невозможно». Я подумал про себя, что он прав относительно необходимости добиться хоть какого-то успеха в ближайшем будущем; сохранение статус-кво – прямая дорога к поражению. Мы, конечно, в состоянии добиться кратковременного успеха, но вот увеличение численности и обучение афганских сил потребует намного больше времени.

Затем мы перешли к вопросу, который, как всем было известно, послужил формальным поводом для встречи, – о дополнительных подкреплениях. Я повторил то, что говорил в течение полутора лет: история иностранных вторжений в Афганистан, советский опыт, приближение «переломного момента», когда численность нашего контингента и наше поведение превратят нас из друзей в «оккупантов». Маккристал хорошо подготовился. Он понимал, что его шансы получить существенные подкрепления мизерны без моей поддержки, а потому сразу взялся развеивать мои опасения. Он сказал, что численность контингента (пресловутый военный «след») не имеет особого значения; куда важнее, как этот контингент используется. Не сказать, чтобы для кого-то из присутствующих это стало откровением. Аналогичные дискуссии о численности войск регулярно разворачивались в отношении Ирака. Но я так долго

рассматривал Афганистан сквозь призму опыта Советов, что замечания Маккристала заставили меня призадуматься. Если афганцы увидят, что иностранные и местные солдаты совместными усилиями обеспечивают мир и устойчивую стабильность, гарантируя, что возвращения талибов можно не опасаться, они не станут, наверное, возмущаться присутствием чужаков на своей земле. Здесь критически важно уважать обычаи, традиции и ценности афганцев. Маккристал долго говорил о военном следе, а когда закончил, то я, пусть и не полностью убежденный в насущной необходимости значительных подкреплений, был уже готов не отвергать его идею с порога как безумную.

Я сказал Маккристалу, что хочу, чтобы он подождал с представлением доклада до завершения афганских выборов – тем самым появится возможность включить в доклад по крайней мере предварительную оценку их результатов. Нужно убедиться, что военная стратегия, обозначенная в докладе, соответствует более широкой политической стратегии, сформулированной президентом в марте: «Это необходимо для выполнения задач, поставленных Обамой». Я прибавил, что доклад и рекомендации по использованию войск следует представить раздельно, поскольку информация о первом наверняка утечет в прессу, а значит, второму документу надо обеспечить максимальную секретность. И потом, пусть администрация в первую очередь оценит общую ситуацию в стране и предложенную стратегию. Если одновременно выложить на стол конкретные сведения о численности и тактике войск, они полностью перетянут внимания на себя, и общую оценку ситуации благополучно проигнорируют.

Мы с Малленом докладывали президенту на совещании в Овальном кабинете 4 августа. Также присутствовали Байден, Эмануэль и Донилон. Мы сосредоточились на докладе Стэна и на процессе принятия решений в будущем. Я напомнил, что увеличение численности войск, утвержденное в феврале, предшествовало решению президента по стратегии в марте. Доклад Маккристала опишет текущую ситуацию таковой, каковой она видится генералу, а также покажет, как он намерен реализовывать мартовские стратегические планы президента, в том числе обозначит требуемые ресурсы.

Я повторил для президента все то, что говорил Маккристалу. Я сказал, что Стэну, вероятно, понадобятся некоторые дополнительные возможности по обучению афганской армии и некоторое дополнительное снаряжение – боеприпасы, средства разминирования, санитарные вертолеты и прочее, – но «в разумных количествах и обоснованно». Я продолжал: «Насколько

я могу судить, у вас, господин президент, этой осенью иные приоритеты – нагрузка на систему здравоохранения, энергетика, бюджет… Не стану добавлять вам забот». В конце 2009 года или в начале 2010-го, сказал я, мы сможем оценить, чего добились, и вот тогда я изложу наши дальнейшие рекомендации. Понимаю, что любой намек на подкрепления нуждается в обосновании, и ни в коем случае не буду пытаться выдавать желаемое за действительное или ставить президента в неудобное положение. Маккристал считает, что, располагая надлежащими ресурсами, он сумеет развернуть ситуацию в Афганистане в позитивном направлении в течение одного года, закончил я, а афганские силы окажутся в состоянии защищать основные населенные пункты через три года.

Президент отметил, что предпочел бы получить различные варианты действий, не только усиление контингента ради интенсификации противопартизанских мер. «Я никогда не предложу вам единственный вариант, – ответил я. – Но что бы мы ни решили, нам все равно понадобится намного больше инструкторов для афганской армии и намного больше снаряжения. Давайте перебросим инструкторов в сентябре, а затем в январе проведем экспресс-анализ – так сказать, вернемся к началу». В любом случае боевые подразделения не будут готовы к передислокации ранее весны, а по сути, речь ведь идет о том, увеличивать число боевых частей в Афганистане или нет. В январе мы уже будем иметь сравнительно неплохое представление о последствиях проведенных выборов, сможем, если потребуется, ускорить набор в афганскую армию и полицию, добьемся прогресса в их подготовке и даже в возвращении в строй, под флагом центрального правительства, бывших боевиков «Талибана».

Обама спросил, придется ли тратить по 100 миллиардов долларов в год в Афганистане. Если это необходимо для безопасности Соединенных Штатов, уточнил он, тогда все понятно. Но если эти деньги нужны исключительно ради отражения атак «Аль-Каиды», возможно, есть альтернатива? И что насчет Пакистана? Байден вмешался в беседу, заявив, что конгресс будет против любого дальнейшего увеличении численности войск: «Демократам ненавистна сама идея, а республиканцы просто скажут, что все как обычно, что администрация тянет старую песню». Кто бы сомневался. Эмануэль прибавил, что Капитолий проголосовал за дополнительный военный бюджет в прошлом мае только из уважения к президенту и что снова их к этому не вынудить. Президент подытожил: нужны «надежные, реальные варианты»;

он изучит доклад Маккристала, и мы вернемся к разговору в конце года или в новом году, попробуем оценить, на правильном ли мы пути. Я позволил себе напомнить, что в идеале нужно регулярно проводить корректировку тактики и стратегии, чего не делалось в ходе войны в Ираке и во Вьетнаме. Президент ответил, что Северный Вьетнам никогда не нападал на Соединенные Штаты, однако в ходе этой войны бывали моменты, когда базовая стратегия явно нуждалась в корректировке: «Я просто не хочу, чтобы Маккристал цеплялся за единственный вариант, даже если тот докажет свою неэффективность». Маллен оставил последнее слово за собой: если так случится, сказал он, «я первым прибегу к вам, умоляя остановиться».

Это совещание оказалось прологом к многочисленным дискуссиям ближайших месяцев. Очевидно, что президент рассуждал здраво и взвешенно, его комментарии и вопросы были всегда по делу. Безусловно, он не забывал о политике, но, в отличие от Байдена и Эмануэля, не позволял политике им руководить. Кстати, совещание это состоялось в сорок восьмой день рождения президента. По предложению Леона Панетты я спросил Обаму, что он хочет в подарок – вертолет за миллиард долларов или истребитель F-22? Он глубоко задумался.

Полторы недели спустя я спросил Картрайта, может ли Маккристал включить в свой запрос отдельной строкой инструкторов и военных специалистов, общей численностью до 7500 военнослужащих? А что касается боевых подразделений, этот вопрос мы отложим до января, поскольку все равно их не развернуть до конца весны. В общем и целом, если кратко подвести итог, по состоянию на середину августа я по-прежнему ратовал за относительно малое подкрепление к осени и считал любые дальнейшие шаги возможными только после первого января, в зависимости от результатов тщательной оценки ситуации.

Между тем Холбрук делал все возможное, чтобы добиться поражения Карзая на выборах 20 августа. Ричард в течение нескольких месяцев публично рассуждал о необходимости «равных условий» для всех кандидатов в президенты Афганистана, в том числе равной безопасности, равного доступа СМИ и транспорту, чтобы у всех была возможность агитировать за себя по всей стране. В действительности он добивался того, чтобы достаточное количество надежных кандидатов не позволило Карзаю получить большинство голосов в первом туре, а во втором туре нынешний президент вполне может проиграть. В отличие от афганских президентских выборов 2004 года, когда Соединенные Штаты сделали твердую ставку на Карзая, за несколько месяцев

до выборов 2009 года наша позиция в отношении кандидатов фактически сводилась к нейтралитету. Правда, Холбрук и посол США в Афганистане Карл Эйкенберри обнадеживали других кандидатов, встречались и фотографировались с ними, посещали предвыборные митинги и давали полезные советы. Карзай, возможно, не был идеальным президентом, думалось мне, но прекрасно понимал, что происходит в его собственной столице, и был вполне осведомлен о стремлении американцев от него избавиться. Как позже рассказывал нам Питер Лавой, старший офицер разведки, выступавший на заседании СНБ, Карзай сознавал, что Соединенные Штаты – администрация Обамы – отдаляются, и потому обратился к племенным вождям, рассчитывая переизбраться с их помощью.

Выборы были омрачены серьезными проблемами с безопасностью – и крупным мошенничеством, которое затеял Карзай. Ему не удалось добыть волшебные 50 процентов в первом туре, но он тем не менее сам себя назначил на второй срок. Получилось некрасиво: наш партнер, президент Афганистана, замарал не только себя, но и нас. Специальный представитель Генерального секретаря ООН в Афганистане Кай Эйде впоследствии представил министрам обороны стран НАТО доклад о выборах; на заседании он присел рядом со мной и, прежде чем взойти на трибуну, шепнул, что упомянет вслух о вопиющем иностранном вмешательстве, не конкретизируя, но мне следует знать, что он имеет в виду Соединенные Штаты и Ричарда Холбрука. Наши будущие отношения с Карзаем, чрезвычайно проблематичные, как и его критика в наш адрес, во многом объясняются именно этими неуклюжими попытками устроить «доморощенный путч».

* * *

На протяжении двух с половиной лет я предупреждал о рисках, связанных со значительным увеличением американского военного присутствия в Афганистане, и за этот период численность нашего контингента возросла с 21 000 до 68 000 военнослужащих. Я разрывался между историческим опытом, который буквально кричал об осторожности, и запросами командиров на местах, уверявших, что им необходимо больше войск для выполнения миссии, порученной им президентом и мной. Три очень разных командующих – Макнейл, Маккирнан и Маккристал – в один голос просили подкреплений. Я был убежден – и Майк Маллен разделял мои чувства, – что при администрации Буша войне в Афганистане не уделялось должного внимания и на нее не выделялось достаточно ресурсов. Но сколько все-таки требуется солдат, пока их не окажется слишком много, пока афганцы не перестанут видеть в нас союзников и соратников? Опросы, которые проводило посольство, свидетельствовали, что в 2005 году около 80 процентов афганцев считали нас союзниками и партнерами; летом 2009 года, после почти восьми лет войны, это число снизилось до 60 процентов.

Пытаясь поймать неуловимый «переломный момент», я обнаружил, так сказать, несколько уязвимостей в нашей афганской стратегии. Прежде всего речь о жертвах среди гражданского населения: каждый случай вызывал много шума, о нем непременно информировали весь мир талибы, да и Карзай тоже не оставался в стороне. Кроме того, не стоит забывать о нашем бездумном поведении и повседневном общении с афганцами: далеко не редкость, когда американские и коалиционные бронемашины нагло раскатывали по местным дорогам, разгоняя домашних животных и пугая людей. Мы часто не проявляли уважения к культуре ислама и забывали, что здесь принято почитать старших. Мы сотрудничали с афганскими чиновниками, которые грабили простых граждан. В Кабуле и по всей стране мы и наши партнеры по коалиции, а также неправительственные организации слишком часто принимались реализовывать проекты, не посоветовавшись с афганцами, а уж тем более не привлекая их к работе (а то и вовсе не удосуживались спросить, нужно ли им то или это). Стоит ли удивляться, что Карзай и другие местные чиновники жаловались, что не имеют никакой власти в своей стране? Или что даже достаточно честные и компетентные афганские чиновники не

могли заслужить уважения собственных сограждан? Мы увлеклись выкручиванием рук и громогласным осуждением и обсуждением коррупции, но как будто не обращали внимания на то, насколько сами ей способствуем, причем в масштабах, которые затмевали доходы от торговли наркотиками. Десятки миллиардов долларов текли в Афганистан из США и стран-партнеров, и мы то ли просто не знали о происходящем, то ли закрывали глаза на то, что некоторая часть этих сумм уходит на взятки и подкуп или оседает на банковских счетах в Дубае. Наши собственные ревизоры продемонстрировали, сколь неэффективны – если в данном случае вообще можно говорить об эффективности – оказались средства государственного контроля США. Афганцы, начиная с Карзая и далее вниз по ступеням властной лестницы, должно быть, качали головами, слушая наши обвинения в коррупции: они-то твердо знали, что структуры американского правительства (и почти наверняка представители целого ряда наших самых близких союзников) платят им и их родственникам за посреднические услуги и за иное сотрудничество. Мы с Хиллари Клинтон неоднократно призывали покончить с подобной противоречивой политикой Соединенных Штатов – увы, безрезультатно.

Важным подспорьем на моем «пути паломника»[106] от скепсиса в отношении усиления военного присутствия к одобрению увеличения численности американского контингента в Афганистане стало эссе историка Фреда Кагана, который любезно прислал мне предпубликационный вариант текста. Я давно знал и ценил Кагана, он с самого начала агитировал за «Большую волну» в Ираке, и мы встречались с ним время от времени и говорили об обеих войнах; помнится, одна встреча состоялась вечером в Багдаде, на террасе одного из дворцов Саддама Хусейна. Эссе под названием «Мы не Советы», впоследствии опубликованное в еженедельнике «Уикли стэндард», напомнило о жестоких реалиях моей первой афганской войны. В ходе того конфликта плохо обученная, полунищая и нередко полупьяная Советская армия постепенно перешла к тотальному террору, докатившись до войны с афганским народом; Советы убили по меньшей мере миллион человек и превратили в беженцев от трех до пяти миллионов афганцев. (По другим источникам, вторая цифра ближе к семи миллионам человек.) Они пытались радикально изменить афганскую культуру, широко перераспределяли собственность и стремились уничтожить «ключевые составляющие» местной социальной структуры. Как пишет Каган, «нарастание разочарования влекло за собой рост насилия, в том числе это

проявлялось в целенаправленных пропагандистских кампаниях по изгнанию сельского населения (людей заставляли перебираться в города, которые, как казалось Советам, намного легче охранять) … Советы также использовали химическое оружие, мины и иные взрывные устройства, предназначенные для того, чтобы калечить и убивать мирных граждан». Каган не рассказал мне в своем эссе ничего такого, чего я не помнил бы о поведении советских войск в Афганистане в 1980-х годах; работая в ЦРУ, я наблюдал за происходящим, докладывал об этом, а с 1986 года принимал непосредственное участие в противостоянии Советам в Афганистане. Зато эссе Кагана побудило меня – не бессознательно, а уже вполне осознанно, как министра обороны, – сопоставить поведение советских войск и наших военнослужащих в Афганистане. Как сказал Маккристал на нашей встрече в Бельгии, масштабы военного присутствия значат гораздо меньше, нежели то, для чего используются войска. Да, имелись причины осторожничать с выделением подкреплений, и я продолжал придерживаться того же курса, но теперь, во многом благодаря Фреду, я понял, что мы принципиально отличаемся от Советов.

На мои мысли о новых подкреплениях заметно повлияла речь президента Обамы, произнесенная им 17 августа перед ветеранами зарубежных войн. Президент сказал, затронув войну в Афганистане: «Афганский конфликт не завершится в одночасье, мы не победим врага всего за одну ночь. Победа не будет ни быстрой, ни легкой. Но мы никогда не должны забывать… что это не война по выбору. Это война по необходимости. Те, кто напал на Америку одиннадцатого сентября, замышляют сделать это снова. Если их не остановить, боевики «Талибана» создадут для себя еще более надежное убежище, где возродится «Аль-Каида» и вновь станет готовить убийства американцев. И потому это не просто война за правое дело. Это война, победа в которой имеет фундаментальное значение для защиты нашей страны». Единственный раз на моей памяти президент Обама высказался настолько откровенно и четко сформулировал необходимость довести эту войну до успешного завершения. Возможно, президенту передали мои слова, произнесенные в беседе с Эмануэлем несколькими днями ранее, – насчет того, что ему нужно признать «право на войну».

Поскольку Пентагон был привычнее к тому стилю принятия решений, который практиковал Буш, нежели к стилю Обамы, ожидать решения о предполагаемых подкреплениях к концу сентября было наивно. Как и планировалось, Маккристал представил мне свой доклад 31 августа. Копии получили Маллен, Петрэус и Ставридис (в НАТО). Петрэус на следующий день

одобрил выводы и рекомендации доклада и, что бы там ни утверждали впоследствии, поддержал обе идеи Стэна – о привлечении к службе в афганской армии бывших талибов из числа простых бойцов и о заключении перемирия с видными полевыми командирами «Талибана». Флурнуа обсудила доклад с Донилоном, и они согласились, что документ нужно передать на рассмотрение СНБ сразу после Дня труда (7 сентября), а затем заслушать мнения на заседаниях совета заместителей и комитета принципалов (с ограниченным составом участников).

Донилон не хотел устанавливать жесткие временные рамки на сроки выделения ресурсов; он логично предполагал для начала сосредоточиться на обсуждении доклада – как я и надеялся – и убедиться, что мы составили верную стратегию, а уже потом обговаривать численность подкреплений. Он указал, что не следует устраивать какие-либо дискуссии в НАТО, пока Белый дом не выразит свое отношение к докладу Маккристала. Ставридис в Брюсселе согласился, однако нам двоим пришлось долго успокаивать и уговаривать сильно раздраженного генерального секретаря НАТО, который рассчитывал, что его будут информировать с первого шага (и вполне оправданно, ведь Маккристал, помимо прочего, входил и иерархию командования НАТО).

Что касается президента, никто не собирался целую неделю держать Барака Обаму в неведении относительно доклада Маккристала. Мы с Малленом встретились с президентом в Овальном кабинете 2 сентября и, по его настоянию, передали ему копию доклада. Я сказал, что это ни в коем случае не новая стратегия, а только перечень конкретных шагов по реализации планов, одобренных в марте. На следующей неделе, продолжал я, президенту будут изложены заключения Петрэуса, Маллена и Объединенного комитета начальников штабов, а также мое собственное. Я пообещал, что представлю полный спектр вариантов, предложенных Маккристалом, и отметил, что главных проблем, затрагивающих войска, всего три – боевые подразделения, инструкторы и технический персонал (служба медицинской эвакуации, саперы и тому подобное).

В очередной раз я напомнил президенту о своем желании максимально ускорить переброску технического персонала, возможно, доведя его численность до 5000 человек. Нападения с применением СВУ происходили в Афганистане все чаще, количество пострадавших увеличивалось, поэтому затягивать с отправкой саперов и команд поддержки просто недопустимо – наши солдаты и офицеры на передовой такого не поймут и не простят. Я попросил «гибко реагировать» – конечно, по

возможности – на эти запросы, пожаловался, что некоторые мне самому пришлось придержать на несколько недель, чтобы не выйти за утвержденную президентом численность контингента в 68 000 человек. Будет идеально принять решение в течение недели; кроме того, можно ввести в практику еженедельный отчет перед ШНБ о переброске дополнительного персонала этой категории.

К моему изумлению и ужасу, президент отреагировал гневно. Зачем нам еще больше технического персонала? Разве этот персонал уже не включен в одобренные 21 000 человек? Разве ситуация как-то резко изменилась? Или вмешались какие-то тайные соображения? Общество и конгресс не различают боевые подразделения и технический персонал – для них это все американские военнослужащие. Инкрементное увеличение ведет к внезапному углублению обязательств. Любые дополнительные подкрепления окажутся непомерной нагрузкой с точки зрения как численности, так и финансов. Байден, разумеется, не преминул вставить – я уже привык к этому, – что республиканцы начнут твердить о «войне Обамы». Я сказал им, что мне позвонил сенатор Джо Либерман, который сообщил, что они с Джоном Маккейном и Линдси Грэмом хотят быть полезными; я ответил Либерману, что пусть тогда не позволят республиканцам в сенате «замылить» данный ключевой вопрос национальной безопасности. «Понимаю, – закончил я, – ваши опасения, господин президент, в отношении обязательств и расширения миссии, но война – штука динамическая, а вовсе не статическая. В конце года, независимо от численности контингента, мы все равно пересмотрим и изменим нашу стратегию, если выяснится, что она не работает».

Лишь выйдя из Овального кабинета, я позволил себе проявить эмоции и раздраженно сказал Байдену с Донилоном, что в вопросе о 5000 технических специалистах «с моральной и политической точки нельзя подвести наши войска».

Эта встреча сильно меня обеспокоила. Если я окажусь не в состоянии выполнять то, что полагаю необходимым для блага войск, какой от меня толк? И зачем мне тогда занимать должность министра обороны? Положение выглядело затруднительным. Я разделял озабоченность Обамы неопределенностью исхода конфликта и в то же время стремился удовлетворить запросы командующих, хотя и понимал, что любой командир всегда требует подкреплений – так ведется испокон веков в человеческой истории. Но как определить степень величины наших обязательств? Как оценить потенциальный риск? А еще меня настораживало очевидное отсутствие у Белого дома понимания – причем на всех уровнях, сверху вниз, –

неопределенности и непредсказуемости войны. «Они все, кажется, думают, что это наука», – записал я для себя. В тот день я был ближе к тому, чтобы подать в отставку, чем в любой другой день работы на министерском посту, хотя никто этого даже не заподозрил.

От споров касательно Афганистана меня в следующие недели регулярно отвлекали события за рубежом и дома – случаи самопожертвования наших солдат на передовой и глупости, извините за прямоту, тыловых крыс. Одно из таких событий произошло спустя два дня после того, как я получил доклад Маккристала. Младший капрал морской пехоты Джошуа М. Бернард, возрастом 21 год, попал в засаду вместе со своим подразделением и был смертельно ранен из гранатомета. Репортер агентства Ассошиэйтед Пресс сфотографировал умирающего морпеха, рядом с которым печально склонились два его товарища. На снимке стрелочками было показано, куда угодили осколки гранаты. После похорон Бернарда, через десять дней, агентство направило репортера поговорить с семьей капрала и сообщить, что собирается опубликовать фотографию. Отец Бернарда попросил не публиковать снимок в СМИ, пощадить чувства родственников погибшего. 3 сентября меня тоже поставили в известность о намерении Ассошиэйтед Пресс распространить фото; признаюсь, я возмутился до глубины души черствостью журналистов. С первых дней в министерском кресле я старался поддерживать добрые отношения с прессой и публично отстаивал, в том числе перед военной аудиторией, важность СМИ для обеспечения наших свобод (и для выявления проблем, требующих внимания). Но, по-моему, публикация этого фото выглядела откровенным бесстыдством.

Я позвонил Тому Керли, президенту и исполнительному директору Ассошиэйтед Пресс, и попросил его, с учетом пожеланий отца погибшего, не публиковать снимок. В какой-то момент разговора я сказал: «Я министр обороны США, и я умоляю вас не публиковать это фото». До сих пор мне не доводилось никого ни о чем молить, но гибель молодого морпеха и трагедия его семьи вдруг стали для меня очень личным делом. Керли заявил, что обсудит ситуацию со своими редакторами, но из его тона следовало, что надеяться на сострадание журналистов к родственникам павших практически бессмысленно. Тогда я направил в Ассошиэйтед Пресс официальное письмо, в котором, в частности, говорилось, что «американский народ понимает, что смерть на войне неизбежна, такова печальная участь солдата», но публикация фото будет воспринята как «неоправданный и бессовестный отказ от той похвальной сдержанности, какую

большинство журналистов и изданий демонстрировали в отношении военных после 11 сентября». Я указал на кощунственность потенциальной публикации и приписал, что речь не о соблюдении закона или положений Конституции, но об «элементарной порядочности». Агентство, к сожалению, не прислушалось к моим аргументам и в тот же день распространило снимок. По счастью, большинство газет и других средств массовой информации проявили больше здравого смысла, нежели Ассошиэйтед Пресс, и воздержались от публикации фото. С той поры прошло много времени, однако черствость Ассошиэйтед Пресс меня по-прежнему уязвляет.

Я официально направил доклад Маккристала президенту через Джима Джонса 10 сентября, вместе с меморандумом Маккристала о том, почему, как он считал, сама по себе стратегия борьбы с терроризмом не будет эффективной в Афганистане. На тот момент Стэн Маккристал почти наверняка был самым опытным и успешным в мире специалистом-практиком по борьбе с терроризмом. Успехи американских войск под его командованием в Ираке и Афганистане были широко известны. В документе, который я передал президенту, суммировались итоги летней охоты на плохих парней. Маккристал писал, что контртеррористические операции, безусловно, подрывают возможности террористов, но никакая операция не в состоянии обеспечить полную и окончательную победу над террористической группой. «Операции необходимы для ликвидации убежищ, но, чтобы победить терроризм на конкретной территории, следует добиться приемлемого и устойчивого уровня безопасности населения в данной стране… Без поддержки населения усилия по поиску и ликвидации террористов обречены на провал… Использование БПЛА [дронов] оправданно там, где дроны дополняют, а не подменяют возможности государственных органов безопасности; последние же весьма ограниченны при отсутствии базовой инфраструктуры, разведки и надлежащего военного присутствия». Учитывая контртеррористические заслуги Маккристала, я был поражен тем, что в последующие недели Джо Байден, его советник по национальной безопасности Тони Блинкен, Дуг Лют и прочие всячески показывали, будто разбираются в борьбе с терроризмом лучше Стэна.

Наряду с докладом Маккристала я направил президенту письменные заключения и комментарии Петрэуса, Объединенного комитета начальников штабов и Майка Маллена. В сопроводительной служебной записке я указал, что «все они, по сути, говорят одно и то же – что Маккристал по праву занимает

свой пост, что намеченный военными подход гарантирует достижение целей, обозначенных 27 марта, и что он должен получить соответствующие ресурсы, чтобы осуществить эти планы. Также все, различаясь только в степени убеждения, уверены, что никакая стратегия не будет эффективной, пока мы не справимся со всеобъемлющей коррумпированностью и открытым стяжательством государственных чиновников в Афганистане». Мне в то время и в голову не приходило, что мое обыкновение информировать президента о мнении каждого в цепочке командования в данном случае, из-за единодушной поддержки старших военных руководителей рекомендаций Маккристала, только усиливает подозрения Обамы и Байдена насчет решимости «военного блока» виртуально подмять под себя главнокомандующего.

В тот же день, когда президент через Джонса получил доклад Маккристала, я представил Обаме собственный меморандум (категории «лично президенту») с плодами моих размышлений. Я начал с того, что, при наличии подкреплений, одобренных президентом в феврале и марте, мы, как я надеюсь, спокойно дождемся начала 2010 года, чтобы оценить, привела ли тактика Маккристала к изменению ситуации в Афганистане; если результаты будут позитивными, у нас появится возможность обосновать наше постоянное и, быть может, усиленное военное присутствие в регионе. Но поскольку генерал указывает на нарастание критических тенденций и поскольку публичные заявления американских официальных лиц демонстрируют серьезную озабоченность текущим положением дел, «обсуждение и решения – в том числе о выделении дополнительных ресурсов – нельзя, как мне кажется, откладывать до начала следующего года, когда мы будем в состоянии показать, чего добились. К сожалению, обстоятельства сегодня таковы, что в ближайшие несколько недель мы очутимся на своего рода историческом перепутье». Я добавил, что, «как обычно», выбирать придется среди наихудших вариантов.

Основной альтернативой рекомендациям Маккристала мне виделась стратегия Байдена – «контртерроризм плюс». Я сказал президенту, что, на мой взгляд, этой стратегия присущи все недостатки контртеррористического планирования, а также она не предусматривает возможности пожинать плоды противопартизанских действий. «Честно сказать, я понятия не имею, как объяснить суть этой стратегии кому бы то ни было».

Я дерзко намекнул Обаме, что любое новое решение, отменяющее его мартовские распоряжения или обещания, которые он дал ветеранам в августе, будет воспринято как сигнал

об отступлении из Афганистана; несложно представить, какой вывод из этого факта сделают в Афганистане, Пакистане, в правительствах наших арабских союзников, в НАТО, Иране, Северной Корее и прочих странах – вывод об американской могуществе и решимости. Поэтому: «Мы должны дать ей [мартовской стратегии] шанс». Зная президента, я понимал, что у него, как и у меня, наверняка есть целый ряд вопросов, на которые он ищет ответы, прежде чем принять решение, – и позволил себе сформулировать некоторые из них:

«Как мы можем однозначно и убедительно увязать подход Маккристала и озвученную цель ликвидации «Аль-Каиды»?

Как нам изменить реальность, в которой коррумпированное, грабительское и некомпетентное афганское правительство способно нанести существенный урон любым нашим попыткам, военным и гуманитарным, обеспечить мир в Афганистане?

Как мы можем отказаться от «национально-государственного строительства» и всего того, что подразумевает этот термин, ради более реалистичной задачи создания потенциала, особенно в сферах разведки, обеспечения безопасности и правоохранительной деятельности?

Как можно преодолеть нежелание пакистанцев разобраться с афганскими талибами на своей территории?

Как можно добиться прекращения финансирования талибов странами Персидского залива?

Как убедить наших союзников и партнеров прилагать больше военных и гражданских усилий?

Мы обязаны предоставлять президенту ответы на вопросы о текущем развертывании наших сил: какой процент военнослужащих действительно задействован в ежедневных операциях, в том числе совместно с афганскими коллегами, какой процент защищает территорию, не покидая пределов передовых баз, и какой процент в настоящее время сосредоточен на внутренней поддержке – например, на строительстве или на обороне гражданских объектов?

Если президент согласится увеличить численность войск, как мы можем предотвратить неумолимый рост этой численности, аналогичный тому, что наблюдался во Вьетнаме? (И все помнят, к чему это привело.) Как нам успокоить американский народ, как доказать, что мы контролируем ситуацию с точки зрения численности и сроков? Как дисциплинировать нынешнее правительство, вовремя признать, что что-то не получается, и изменить курс? И как убедить конгресс и американский народ, что мы можем со всем справиться и обязательно справимся?»

Приоритетом, сказал я, должно быть скорейшее увеличение и

обучение афганских сил безопасности. Вооруженные силы США и их союзников следует рассматривать как временный «мост», как необходимое условие обучения афганцев и гарантию недопущения дальнейшего ухудшения ситуации на местах – по крайней мере, пока афганцы не будут в состоянии самостоятельно защищать свою территорию и окончательно изгнать талибов и «Аль-Каиду». Я добавил, что требуется проработать тактику реинтеграции раскаявшихся талибов. «Я уверен, что стратегия с фокусом на развитие потенциала афганской безопасности дает нам шанс на успех; к сожалению, другие инициативы такого шанса не сулят». Свое письмо я закончил сугубо личным комментарием:

«Господин президент, мы с Вами – никто из гражданских тут с нами не сравнится – несем на своих плечах бремя ответственности за наших мужчин и женщин в военной форме. Очень жаль, но я вынужден сообщить Вам, что каждый новый день утяжеляет это бремя. Но я считаю, что наши войска верят в заявленную миссию и хотят победить. Прежде всего они не хотят отступать, или проиграть, или узнать, что их жертвы – и жертвы их товарищей – были напрасными. Мы в долгу перед ними, а потому обязаны не только поддержать, но и разработать четкую стратегию и поставить достижимые цели. Думаю, мартовские решения подходят как нельзя лучше, однако необходимо их разъяснить – и войскам, и всему американскому народу. Как именно – вот одна из наших главных задач. Я по-прежнему ощущаю все раны, оставленные политическими сражениями за Ирак в первые два года моей работы в должности министра обороны; мне совсем не хочется получать новые раны во внутренних боях за Афганистан. Но еще меньше мне хочется увидеть своими глазами победу талибов или «Аль-Каиды», равно как и последствия для нашей репутации во всем мире, если мы отступим».

Несколько происшествий в сентябре почти полностью уничтожили и то малое доверие, какое оставалось между высокопоставленными военными и президентом и его администрацией. 4 сентября журналист Майкл Герсон опубликовал в «Вашингтон пост» интервью с Петрэусом, в котором генерал, что называется, рубанул сплеча и заявил: хотя нет никакой гарантии, что отправка дополнительных подкреплений приведет к успеху в Афганистане, но «если мы этого не сделаем, об успехе вообще можно забыть». Петрэус отверг стратегию «контртерроризм плюс» как недостаточную, отметив, что подобное предлагалось и ранее и что победа над террористами «обеспечивается разведкой на земле», а это требует

«развитой инфраструктуры». В своем интервью Петрэус похвалил подход Маккристала, охарактеризовал его как «полностью обеспеченную ресурсами комплексную тактику противопартизанской кампании». Практически все в Белом доме Обамы восприняли это интервью как «наглое лоббирование», призванное заставить президента утвердить выделение дополнительных подкреплений. Подозрения в отношении Петрэуса и его политических амбиций усугублялись тем обстоятельством, что Герсон был спичрайтером Джорджа У. Буша, – а Петрэус отрицал, что знал об этом.

Тринадцатого сентября президент провел первое из девяти – по моим подсчетам – весьма длительных (по два-три часа каждое) совещаний, посвященных докладу Маккристала и нашей стратегии в Афганистане. Два дня спустя в сенатском комитете по делам вооруженных сил состоялись слушания по утверждению Майка Маллена на второй срок в качестве председателя Объединенного комитета начальников штабов (Майк как раз горячо отстаивал необходимость переброски подкреплений в Афганистан). Он даже косвенно раскритиковал взгляды вице-президента, заявив, что мы не сможем победить «Аль-Каиду» и предотвратить превращение Афганистана в прибежище талибов «из-за моря… Ты должен быть там, где все происходит, где находятся люди, которые нуждаются в тебе, пока они не могут сами обеспечить свою безопасность». Президент и все прочие в Белом доме, разумеется, усмотрели в этом заявлении очередную попытку Маллена – и всех военных в его лице – заставить главнокомандующего действовать. Рам Эмануэль сказал мне, что президент «заговорил на языке улицы», когда услышал слова Маллена. Пытаясь несколько успокоить страсти, на пресс-конференции вскоре после этого я сказал, что президент имеет полное право ожидать ответов на свои вопросы по докладу Маккристала, что сейчас ему предстоит принять одно из важнейших решений своего президентства, и потому не стоит его торопить. Я предложил всем участникам конфликта «просто вдохнуть поглубже».

И тут произошел, фигурально выражаясь, «большой бум». В понедельник, 21 сентября, газета «Вашингтон пост» опубликовала подробный материал Боба Вудворда – анализ доклада Маккристала, явно основанный на просочившейся в прессу копии. Под материал отвели четыре колонки, заголовок гласил: «Маккристал: больше войск или миссия провалена». Газета заранее уведомила нас о том, что собирается напечатать материал, и все выходные накануне понедельника Картрайт, Флурнуа и Джефф Моррелл вели переговоры с Вудвордом и

другими сотрудниками «Пост», требуя удалить конкретные цифры, упоминания о промахах разведки, условные обозначения частей спецназа и тому подобное. Они добились некоторого успеха, но не могли обезвредить саму политическую бомбу, которая была заложена в этом материале. Статья заканчивалась цитатой из доклада Маккристала: «Отказ предоставить надлежащие ресурсы чреват рисками затягивания конфликта, возрастания потерь, увеличения общих расходов и в конечном счете критической потерей политической поддержки. Любой из этих рисков, в свою очередь, приведет скорее всего к провалу миссии». Уже покинув свой пост в министерстве обороны, я с огорчением узнал от осведомленного человека, что аппарат Маккристала намеренно допустил утечку, дабы «подстегнуть» Пентагон и Белый дом. Если это так, я сильно сомневаюсь, что сам Стэн знал об этом.

«Дровишек» в костер гнева и подозрений подкинули шесть дней спустя, когда в программе «60 минут» телеканала Си-би-эс показали интервью Маккристала: генерал в подробностях описал, насколько катастрофична ситуация в Афганистане и что должно было быть сделано, чтобы ее исправить. Интервью было записано в конце лета, задолго до того, как администрация углубилась в дебаты, но вот сроки выхода в эфир выбрали совершенно не ко времени.

За несколько недель до того Маккристала пригласили выступить с речью 1 октября в Лондоне; он уточнил у Маллена, следует ли ему выступать, учитывая шум, связанный с утечкой доклада. Майк сказал, что ничего против не имеет. Я тоже не возражал – хотя стоило бы. Речь Стэна была достаточно безобидной, но в ответ на один вопрос после выступления он фактически «похоронил» вариант, за который ратовал Байден.

Разъяренный президент вызвал нас с Малленом к себе. Мы втроем неоднократно обсуждали факты, которые он трактовал как попытки военных на него надавить. 16 сентября Обама спросил нас, почему все обсуждается публично. «Это свидетельство неуважения ко мне? Или они [подразумевались Петрэус, Маккристал и Маллен] пытаются меня подставить? Я хочу создать в администрации атмосферу доверия, где можно свободно высказывать и широко обсуждать любые точки зрения. Я готов посвятить важным вопросам столько времени, сколько понадобится, – многие часы и даже дни. Что не так? Проблема в процессе? Или они сомневаются в моей политике? Или им не нравится, что я никогда не служил в армии? Или считают, что я слишком молод, чтобы заметить, что они затевают?» Майк заверил Обаму, что о неуважении речи не идет. А я сказал, что мы

должны «заткнуть всем рты», пока не завершится обсуждение доклада.

Потом мы с президентом поговорили наедине. Я сказал ему, что Маллен звонил Петрэусу и Маккристалу после их интервью и уверен, что на данный момент ситуация под контролем. Я добавил, что слушания по кандидатуре Майка оказались для меня сюрпризом, тем более что перед заседанием мы обговорили с ним потенциально «горячие» темы.

Снова и снова я пытался убедить Обаму, что не существует никакого тайного плана, никакого скоординированного заговора трех высокопоставленных военнослужащих. Я говорил, что, если бы такой план существовал, никто из пресловутых «заговорщиков» не вел бы себя столь вызывающе. Я напоминал президенту, что Маккристал никогда ранее не занимал публичную должность наподобие той, на которой находится сейчас, то есть не имеет соответствующего опыта и слегка наивен при общении с прессой и с политиками. А Маллен и Петрэус – надежные члены президентской команды и готовы служить, но, особенно на слушаниях в сенате или в беседах с журналистами, оба чувствуют себя обязанными говорить в точности то, что думают, невзирая на возможные политические осложнения. Я убеждал президента, что Майка отличает независимость суждений, которая досаждала и Бушу. Увы, все мои старания оказались в значительной степени напрасными, и я счел это чрезвычайно неприятным и обескураживающим.

В прессе сообщалось, что военные якобы готовят кампанию по «принуждению» администрации к принятию рекомендаций Маккристала. Рам Эмануэль сказал мне, что, если верить журналистам, сразу четыре независимых источника утверждают, что Маккристал подаст в отставку в случае несогласия с его предложениями. Словом, между военными и Белым домом росла стена непонимания. Это было плохо для страны, даже опасно. Требовалось вмешаться. В ходе телефонной конференции с Маккристалом и Петрэусом 23 сентября я сказал генералам, что решение, перед которым стоит президент, является для него предположительно самым важным за недолгий срок пребывания на посту. Эксперты и политики в Вашингтоне расходятся во мнениях относительно дальнейших наших действий в Афганистане. Президент предпочитает выслушивать все заинтересованные стороны и тщательно анализирует услышанное; он готов потратить столько времени, сколько нужно, чтобы принять конкретное решение. Если он согласится дополнительно выделить существенные подкрепления, то сделает все возможное, чтобы выполнить эту задачу, пусть даже это

означает грандиозный политический скандал в Вашингтоне. Я попросил Маккристала прислать меморандум о силовых вариантах только мне, председателю ОКНШ, Петрэусу, Ставридису и генеральному секретарю НАТО. Больше, пожалуйста, никаких копий и никаких черновиков, гуляющих по рукам его сотрудников или показанных «сторонним экспертам», иначе, если снова произойдет утечка, она может оказаться фатальной для Стэна. Я заверил генералов, что президент не подвергает сомнению сам доклад и рекомендации о дальнейших шагах; он всего лишь хочет убедиться, что обстоятельства на местах требуют пересмотра стратегии, одобренной в марте. В завершение разговора я подчеркнул, что мы должны активно противодействовать стремлению прессы и кое-кого в конгрессе представить все так, будто президент конфликтует с военными.

Через четыре дня после оплошности, допущенной Маккристалом в Лондоне, я выступил с речью в Ассоциации сухопутных войск США и уделил много внимания утечкам информации. Я сказал, что важно не торопиться с решением относительно Афганистана, «и критически важно, чтобы все мы приняли участие в этом обсуждении – как гражданские лица, так и военные, чтобы президент имел возможность воспользоваться нашими лучшими советами, которые ему доложат без купюр, но в частном порядке». Большинство политических комментаторов сочли, что это намек на Маккристала, но вообще-то я «стрелял» сразу по нескольким целям. Мы регулярно слышали от представителей прессы, что Байден, Джонс, Донилон, Макдоно, Лют, Эмануэль и Аксельрод «изливали сокровенное» репортерам – зачастую не выбирая выражений, – о наших старших военачальниках, об Афганистане и о процессе принятия решений. Мне докладывали, что редакцию «Нью-Йорк таймс» буквально осаждают непрошеные информаторы из Белого дома, жаждущие поделиться своим ценным мнением. Я признал, что утечка произошла в Пентагоне. Но всякий раз, стоило мне упомянуть о возможности утечек в Белом доме, мгновенно поднимался шум, и администрация принималась горячо заверять всех вокруг в своей невиновности. Только президент признался – в разговоре со мной, – что подозревает о наличии «крота» в собственной «лавочке».

Меня снедало нетерпение и раздражение, совещания в Ситуационном центре обрыдли до предела – и кого бы не утомила пустая говорильня, час за часом и день за днем? – но в целом я был убежден, что мы занимаемся правильным и важным делом применительно к Афганистану. За всю свою карьеру я не могу вспомнить другого такого вопроса или проблемы, которые в

одиночку отнимали бы столько президентского времени и требовали таких усилий руководства, да еще в сильно сжатые сроки. Мы досконально изучили все существующие и потенциальные трудности. Если и искать недостатки в таком всепоглощающем подходе, я бы отметил, что, на мой взгляд, мы чрезмерно фокусировались на военной стороне кампании – вопреки стараниям Донилона и Холбрука – в ущерб широкому контексту формулировки политических и гражданских задач. Слишком мало внимания уделялось проблеме дефицита гражданских советников и экспертов, определению точного числа людей с нужными навыками, поиску таких людей и устранению дисбаланса в распределении гражданских специалистов США между Кабулом и другими районами страны. Мы также упустили из вида напряженные отношения между «лицами Америки» в Афганистане – послом Эйкенберри и командующим Маккристалом. В Кабуле за все время моего пребывания на посту министра сменились три посла США, и ни один из них, как мне кажется, не снискал лавров. Никто из них не превзошел Залмая Халилзада, урожденного афганца и посла США в Афганистане в 2003–2005 годах, в умении налаживать контакты и выстраивать сотрудничество с Карзаем. Не сравниться им было и с парой начальников резидентуры ЦРУ в Афганистане. Даже госсекретарь Клинтон жаловалась на «вольности» Эйкенберри – мол, он не желает подчиняться и не выполняет ее распоряжения. Мы с Клинтон хотели заменить Эйкенберри – он умудрился полностью испортить отношения с Карзаем, да и с министерством обороны и Государственным департаментом не ладил – и неоднократно говорили об этом Джонсу, но Белый дом всякий раз вставал на защиту посла.

С сентября по ноябрь мы снова и снова анализировали, прикидывали и забирались все глубже в дебри – вдавались в подробности, которые нам не требовались или которые было нецелесообразно изучать. В целом дискуссия на многих совещаниях разворачивалась в трех основных направлениях. Первое: характер угрозы. Каковы отношения между талибами, «Аль-Каидой» и прочими экстремистскими группировками в афгано-пакистанской приграничной зоне? Означает ли разгром талибов поражение «Аль-Каиды»? Если талибы вновь придут к власти, вернется ли «Аль-Каида» в Афганистан? Укладывается ли стабильный Афганистан в стратегические расчеты Пакистана? Второе: какая стратегия противостояния угрозе будет наиболее эффективной и действенной – «обучение и контроль» или «контртерроризм плюс»? Ключевой вопрос относительно первой стратегии заключался в том, насколько текущая афганская

модель управления «хороша» для достижения поставленных целей. Обладает ли афганское правительство достаточной легитимностью в глазах собственного народа, чтобы реализовать выбранную нами стратегию? А что касается «КТ-плюс», сработает ли она, если Соединенным Штатам не хватит ресурсов защитить мирное население? И насколько эффективными будут контртеррористические операции без надлежащей разведки? И третье: если мы и далее будем цепляться за мартовские решения президента, как мы узнаем, если – и когда – придет время менять курс?

Пакистан, безусловно, занимал центральное место в наших дискуссиях. Если Пакистан имеет настолько важное значение для успеха нашей стратегии, спрашивал Байден, почему мы тратим тридцать долларов в Афганистане против одного в Пакистане? Много раз возникала тема дополнительной военной и гражданской помощи пакистанцам. Их армия крайне подозрительно относилась к действиям американцев в Пакистане, полагая, что все усилия по увеличению численности нашего контингента на самом деле суть элементы коварного плана по захвату пакистанского ядерного оружия. Пакистанцы охотно принимали наши деньги и наше оборудование, но не наших людей. И не были особенно заинтересованы в том, чтобы мы обучали их ловить террористов и повстанцев на пакистанской территории. Что касается гражданской помощи, их паранойя и наша политическая упертость стоили друг друга. После долгих политических прений и усилий сенаторов Джона Керри и Дика Лугара, а также конгрессмена Говарда Бермана, конгресс одобрил пятилетний пакет помощи Пакистану на общую сумму 7,5 миллиарда долларов. Это было серьезное достижение, ровно то, что требовалось в данной ситуации, а долгосрочная перспектива демонстрировала нашу заинтересованность в прочном партнерстве. Но потом какой-то идиот в палате представителей присовокупил поправку к законопроекту; эта поправка предусматривала, что помощь может быть предоставлена только при условии, что пакистанские военные не вмешиваются в гражданское управление. Неудивительно, что пакистанцы возмутились, в особенности, конечно, военные. В мгновение ока потенциальное закрепление доброй воли с обеих сторон было пущено, как говорится, коту под хвост. Я знал, что в нашем арсенале нет ничего способного изменить стратегию Пакистана; думать иначе означало предаваться розовым мечтам. Но мы нуждались в сотрудничестве с этой страной.

Президент также постоянно возвращался к вопросу о стоимости нашего военного присутствия. Он отметил, что

стоимость дополнительных подкреплений, которые запрашивал Маккристал, составляет около 30 миллиардов долларов, однако, если «заморозить» все допустимые внутренние расходы, получается сэкономить всего 5 миллиардов; если урезать оставшиеся внутренние расходы на 5 процентов, мы сэкономим 10 миллиардов. Если война продолжится «еще восемь – десять лет», сказал Обама, она обойдется казне в 800 миллиардов долларов. Государство не может позволить себе такие траты, учитывая экономический кризис. С доводами президента сложно было не согласиться – расходы на войну и вправду выглядели астрономическими.

К пятому заседанию СНБ, в пятницу, 9 октября, наступила относительная ясность по ключевым вопросам. Панетта охарактеризовал общую картину простыми словами: «Мы не можем уйти и не можем принять статус-кво». По мнению президента, мы достигли «приблизительного согласия» по этому вопросу, а также сумели договориться, что реально с точки зрения борьбы с талибами; пришли к выводу, что разумно измерять безопасность населения успехами в борьбе с повстанцами, а не подсчетом уничтоженных талибов; что базовая стратегия «чернильных кругов» оправдана – на всю страну наших текущих ресурсов не хватит, поэтому следует придерживаться исключительно ключевых областей.

Затем Обама сформулировал новый перечень вопросов. В каких отношениях интересы афганского правительства соответствуют нашим собственным? Как мы можем ускорить подготовку афганской армии, с тем чтобы организовать вывод собственных войск в разумные сроки? Как нам перейти от «зачисток» занятых талибами районов к передаче ответственности за обеспечение безопасности этих территорий самим афганцам? Есть ли у нас стратегия реинтеграции талибов? Каковы графики достижения целей и как мы координируем усилия? Если мы решим не размещать наши войска по всей стране, на каких основаниях будут выбираться ключевые области и населенные пункты для защиты? Как мы намерены преодолеть нежелание пакистанцев мириться с увеличением численности американских войск? Я подумал, что поставленные вопросы сами по себе знаменуют прогресс в наших обсуждениях. Полагая, видимо, что президент склоняется к утверждению выделения дополнительных подкреплений, Байден поспешил вставить: «А если через год выяснится, что это не сработало? Что будем делать тогда? Вы же увеличиваете шансы на поражение!»

Около восьми часов вечера той же пятницы, когда я дома уплетал свою порцию жареного цыпленка из KFC, президент

позвонил и сказал: «Мне действительно нужен ваш совет относительно положения дел в Афганистане. Я рассчитываю на вас». А чуть ранее на неделе Байден во время заседания в Ситуационном центре наклонился ко мне и прошептал на ухо: «Будьте очень осторожны с рекомендациями президенту, потому что он сделает так, как вы скажете». Все выходные я размышлял, что же мне сказать Обаме.

Когда 13 октября мы с президентом встретились наедине в Овальном кабинете, я сказал, что много думал после его звонка и подготовил служебную записку с изложением своих мыслей на сей счет. Он широко улыбнулся, протянул руку над блюдом с яблоками на журнальном столике и спросил: «И каким будет решение?» Признаться, я сомневался в своем совете, но, так или иначе, одно из важнейших решений президентства Обамы в значительной степени основано на моих рекомендациях.

В записке я указал, что афганские талибы и «Аль-Каида» сегодня существуют в симбиозе, «каждый получает прибыль от успехов другого и купается в славе другого, как в самом Афганистане, так и за его пределами». «Аль-Каида» явно убеждена, что победа талибов над Соединенными Штатами в Афганистане будет иметь громадное стратегическое значение для всех террористов.

«Поскольку «Аль-Каида» находится под сильным давлением и в немалой степени зависит от других экстремистских группировок, успех этих других групп – прежде всего талибов – значительно укрепит среди мусульманского мира и за его пределами убеждение, что эти группы (в том числе «Аль-Каида») действуют по воле Бога и победа рано или поздно останется за ними. Афганистан и граничащий с Пакистаном район отличает от Сомали, Йемена и прочих потенциальных убежищ террористов то обстоятельство, что здесь находится центр экстремистского джихадизма; это место, где афганские мусульмане и их единоверцы из-за рубежа побеждают сверхдержаву и, по их мнению, заставляют ее напрягать последние силы… Успех талибов, захват и удержание части афганской территории, противостояние объединенным подразделениям нескольких современных западных армий (в первую очередь США) – пока события развиваются именно так – резко усилят экстремистскую мусульманскую мифологию и еще сильнее запутают общественное мнение относительно того, кто выигрывает, а кто проигрывает».

Я указал, что все три варианта, которые мы обсуждаем, «обречены на провал или уже провалились». Контртеррористические операции сугубо против «Аль-Каиды»

невозможны без значительного военного присутствия США в Афганистане и без надлежащим образом организованного сбора разведывательных данных. «Мы пытались бороться с терроризмом дистанционно в 1990-х годах, и это привело нас к событиям одиннадцатого сентября». Байденовский «контртерроризм плюс» (или «противопартизанский минус») – то, чем мы занимаемся с 2004 года, и «все видят, что результаты не слишком велики». Вариант «полностью обеспеченных ресурсами противопартизанских операций» очень похож «по своей амбициозности» на национально-государственное строительство и потребует столько войск, времени и денег, сколько мало кто в Соединенных Штатах или на Западе в целом готов предоставить.

Основные цели и приоритеты, одобренные Обамой в марте, безусловно остаются в силе, подчеркнул я, и об этом следует постоянно напоминать. Тем не менее мы должны сузить нашу миссию и приложить все усилия к налаживанию коммуникаций с афганцами. Мы не можем всерьез надеяться на полную ликвидацию талибов, поскольку ныне они являются элементом политической структуры Афганистана. Но мы можем ослабить и подорвать их военный потенциал, лишить их возможности контролировать крупные населенные пункты, можем и должны оказывать на них давление на территории вдоль пакистанской границы. Мы должны снизить их активность и уровень насилия до показателей 2004 года или близких к тому. Я рекомендовал сосредоточить американские военные силы на юге и востоке и поручить нашим союзникам контроль севера и запада. Наши военные усилия следует направить на стабилизацию ситуации в Афганистане и на то, чтобы выиграть время для подготовки афганских сил безопасности, в рядах которых, несмотря на множество недостатков, хватает мужественных бойцов – многие из них были готовы умереть (и умирали) в боях с талибами. Мы должны «тихо и без суеты положить под сукно все планы по созданию сильного и полноценного центрального правительства в Афганистане». Нам нужно, утверждал я, центральное правительство, где будут эффективные ключевые министерства – обороны, внутренних дел, финансов, образования, развития сельских районов. На данный момент этого достаточно. Мы должны помочь создать своего рода правительство «национального единства» или использовать аналогичные методы, чтобы придать администрации Карзая хотя бы толику легитимности в глазах афганского народа. И также мы должны покончить с коррупцией. «Нашим детям не стоит умирать ради того, чтобы коррумпированные афганские чиновники продолжали набивать свои карманы».

Все это обеспечит нашей миссии авторитет, который оценят общественность и политики. Все просто: «Остановить талибов, способствовать реинтеграции, создать потенциал для правительства – выборочно, укрепить афганские силы безопасности, передать им ответственность за поддержание порядка и победить “Аль-Каиду”».

Я поддержал просьбу Маккристала о выделении дополнительно 40 000 солдат, но предложил альтернативу – около 30 000 военнослужащих. Я призвал Обаму не обращать особого внимания на цифры, поскольку количество солдат всегда приблизительно и всегда возникают незапланированные потребности. Четвертая тактическая бригада, запрошенная Маккристалом (в совокупности около 40 000 солдат) должна сменить канадцев и голландцев, которые передислоцируются на юг в 2010 и 2011 годах, поэтому я предложил воспользоваться союзными обязательствами и убедить именно союзников предоставить требуемые подкрепления.

А чтобы американцы не оказались в патовой ситуации, вынужденные много лет подряд перебрасывать в зону боевых действий все новые и новые подразделения, указал я, надо торжественно пообещать, что мы рассмотрим ход операции в конце 2010 года и, при необходимости, «скорректируем наш подход». Еще я приписал, что совещательный процесс, несомненно, «приносит много пользы, но мы не можем ждать решения месяц или два. Неуверенность в будущем начинает сказываться на афганцах, пакистанцах, наших союзниках и наших войсках».

«В заключение, господин президент, позвольте заметить, что это ключевой момент Вашего правления. В Афганистане и Пакистане, в мусульманском мире и Северной Корее, в Китае и России и в других странах правительства очень внимательно наблюдают за нами. Если Вы решите не принимать рекомендации генерала Маккристала (или мою альтернативу), я призываю Вас обеспечить радикальное изменение сути миссии в противоположном направлении. И далее перебирать варианты, анализировать условия, плодить неразбериху не лучший образ действий; вдобавок в этом случае наши дети будут погибать ни за что».

Почти две недели спустя, 26 октября, президент пригласил Хиллари и меня, чтобы вновь обсудить варианты. Мы были единственными «посторонними» на совещании, где сотрудники Белого дома значительно превосходили нас числом: Байден, Эмануэль, Джим Джонс, Донилон и Джон Бреннан. Обама начал с того, что повернулся к нам с Хиллари: «Пора выложить карты на

стол. Не правда ли, Боб?» Я повторил основные тезисы своей служебной записки. Хиллари в общих чертах согласилась с моими предложениями, но призвала президента все-таки задуматься о переброске в Афганистан четвертой тактической бригады, если союзники откажутся выделить подкрепления.

После этого состоялся примечательный обмен мнениями. Решительно поддержав операцию в Афганистане, Хиллари сказала президенту, что ее противодействие «Большой волне» в Ираке было чисто политическим – ведь она в ту пору соперничала с ним, Обамой, на предварительных выборах в Айове. Она даже заявила, что в Ираке «Волна» сработала. Президент неохотно признал, что да, наверное, оппозиция «Большой волне» в Ираке была во многом политической. Услышать подобные признания от них обоих, да еще в моем присутствии, – это дорого стоило и выглядело несколько сюрреалистически.

Рам вновь повторил, что военные затеяли «заговор», дабы не оставить президенту возможности отвергнуть рекомендации Маккристала. Весь кипя от возмущения, я не стал, впрочем, цапаться с ним и поднял вопрос, который, как знал, беспокоит президента: зачем выделять 40 000 солдат дополнительно, если мы все равно намереваемся сузить характер нашей миссии? Я сказал, что на ранней стадии любого из предложенных вариантов, исключая «чистый контртерроризм», главная задача – переломить ситуацию в свою пользу и лишить талибов имеющихся у них возможностей. (Контртеррористическая стратегия сама по себе этого гарантировать не в состоянии.) Президент отметил, что по оценке АБУ дополнительные 40 000 солдат обойдутся казне в дополнительные 50 миллиардов долларов или более в год; в итоге за десять лет совокупная сумма расходов на войну достигнет, возможно, триллиона долларов. Каковы будут последствия с точки зрения национальной безопасности для бюджетного дефицита, вложений в оборону и так далее? Затем Обама завершил встречу, сказав, что хочет, чтобы мы приняли окончательное решение до его поездки в Азию (намеченной на 12 ноября).

Рам позвонил мне после встречи, извинился за «неуместное замечание», но снова сказал, что президент чувствует себя загнанным в угол из-за всех этих публикаций в прессе, в том числе той, которая появилась в день военной игры в министерстве обороны, якобы показавшей неэффективность варианта, предложенного вице-президентом. Я ответил, что вплоть до последней истории военные держались тихо, исполняя мое распоряжение советовать президенту исключительно в частном порядке. А вот сотрудники Белого дома язык, случалось,

распускали. Рам хмыкнул: «Знаю, знаю».

В тот же день ко мне пришел Джонс, чтобы поделиться сомнениями по поводу планов Маккристала. На совещаниях в Ситуационном центре он почти не подавал голоса. Джонс сказал: «Сто тысяч американцев в подчинении РК [регионального командования] «Юг» и РК «Восток» – просто дух захватывает. Но чего-то недостает, какого-то клея, который скрепит все вместе. Где общий план по Афганистану, включая роль НАТО?» Джонса тревожила также «упертость» военных – либо 40 000 человек, либо вообще никого не надо. Джим сказал, что ответственным за эту упертость считают Маллена и «вообще к нему в Белом доме неоднозначное отношение», хотя президент вроде бы в число недовольных не входит. Я снова отделался привычными комментариями – сказал, что о какой-либо организованной кампании, тем более о заговоре, рассуждать просто смешно, что заявление Маккристала в Лондоне – всего лишь устный ответ на вопрос, а Майк уже признал, что его слова на слушаниях в сенате были глупой ошибкой. Я добавил, что атмосфера в Белом доме, на мой вкус, становится ядовитой, особенно это касается Донилона, который постоянно отзывается о Маллене и других военных руководителях, употребляя фразочки вроде «самоуправство и вседозволенность». Меня бесит, что человек, который никогда не служил в армии и даже в Афганистан ни разу не летал, смеет обвинять боевых командиров в чем-то подобном да еще поучает, как и где, к примеру, развертывать вертолетные эскадрильи. Джонс признал, что надо бы «угомонить Тома, пока не заболтался».

Увы, на следующий день дерьмо, как говорится, снова полетело в вентилятор. Примерно три недели назад президент сказал мне, что хочет побеседовать с глазу на глаз с заместителем председателя Объединенного комитета начальников штабов генералом Картрайтом, дабы выслушать его собственную точку зрения на ситуацию в Афганистане. Я сказал тогда президенту, что, если о встрече с Картрайтом станет известно, Маллен наверняка почувствует себя уязвленным. Я посоветовал Обаме никому больше не говорить о своем намерении и предложил ему встретиться с Картрайтом в субботу в своей резиденции. Встреча состоялась во вторник, 20 октября, когда я был в Японии. Несколько человек в Белом доме знали о ней. Маллен не знал. А через неделю об этой встрече Джим Джонс рассказал Майку.

Маллен пришел ко мне и, что называется, с порога заявил, что чувствует себя преданным – Джонсом, Картрайтом и даже, возможно, мной. Встреча Обамы с Картрайтом, сказал он, продемонстрировала, что президент ему не доверяет. Он спросил,

почему президент просто не уведомил его о своем желании встретиться с Картрайтом (последнего-то обязали хранить тайну). Майк прибавил, что Картрайт теперь пребывает в полной растерянности, а сам он гадает, как ему себя вести на перспективу. Я понял эти слова так, что Майк подумывает об отставке. Я описал ему все, что предшествовало встрече, и упомянул о своем совете президенту. Я признал, что, вероятно, допустил ошибку, что, пожалуй, мне следовало рекомендовать Обаме не вести «сепаратные переговоры» за спиной Майка. Потом Маллен спросил, что я могу посоветовать ему, и я сказал, что совершенно не хочу оставаться на посту министра без него в должности председателя ОКНШ, поскольку он мой друг, поскольку я безоговорочно ему доверяю, – и мне очень неловко, что так получилось. Я добавил, что президент поставил всех троих – Маллена, Картрайта и меня – в идиотское, не побоюсь этого слова, положение. Мы договорились, что каждый из нас попробует приватно пообщаться с президентом.

Майк хотел ясности о якобы затеянной военными «кампании», об отношении президента лично к нему и об отношении администрации в целом к военным. Несколькими неделями ранее президент «надрал нам задницы», как выразился Маллен, за публичные выступления военных. Обама тогда сказал: «Что касается Афганистана, мои избиратели оценят, если я схлестнусь с военными по вопросам политики в Афганистане». Эти слова, несомненно, встревожили Майка (как и меня самого), и Маллен логично предположил, что отныне мы с президентом играем в разных командах. После встречи с Майком я позвонил Раму Эмануэлю и попросил устроить мне на следующий день частную пятнадцатиминутную аудиенцию у президента. Я сказал, что речь пойдет о кадрах, но не обо мне лично. Рам уточнил: «Майк?» Я ответил утвердительно.

Я рассказал Обаме о своем разговоре с Малленом, объяснил, что адмиралу кажется, будто он утратил доверие президента. И прибавил, что Картрайт тоже беспокоится и явно прикидывает, стоит ли ему продолжать работать. Я признал, что дал президенту неудачный совет. «Надо было одобрить вашу с Картрайтом встречу, но предварительно попросить вас позвонить Майку». Обама отметил, что тоже свалял дурака, что ему следовало просчитать все варианты, а он, похоже, не принял во внимание чрезмерную щепетильность военных по отношению к соблюдению протокола, не оценил этого обстоятельства, поскольку сам никогда не служил. Но, сказал он, как ему кажется, «с каждым человеком в форме я имею право говорить как главнокомандующий». Я отметил, что сам поступаю именно так, в

любой части и на любой базе, нарушая, быть может, служебную иерархию. Майк хотел бы поговорить наедине, прибавил я, после очередного совещания, прямо сегодня, во второй половине дня. Обама попросил меня передать Майку, что по-прежнему полностью ему доверяет, однако не преминул повторить, что военные своими публичными заявлениями загоняют его в угол применительно к проблеме Афганистана. Позже Майк сказал мне, что они с президентом «отлично потолковали» и уладили разногласия.

Этот эпизод напоминает, что люди на высочайших уровнях власти, жесткие и опытные профессионалы, привычные к постоянным политическим коллизиям и публичности жизни в Вашингтоне, все равно остаются людьми. Все мы, в той или иной степени, в чем-то уязвимы, в каком-то отношении чувствуем себя незащищенными, и у каждого есть свои «любимые мозоли». Никому не нравятся критические отзывы прессы, ставящие под сомнение наши мотивы, честность и компетентность. И всем, в том числе прошедшим огонь и воду старшим офицерам и убеленным сединами министрам обороны, время от времени требуется одобрительное похлопывание по плечу или иной жест поддержки. И, какими бы самостоятельными и самоуверенными мы ни были, приятно сознавать, что мы можем доверять своему боссу, особенно когда этот босс – президент Соединенных Штатов Америки.

К началу ноября мы свели разнообразие вариантов по Афганистану к трем основным: 1) 20 000 солдат дополнительно, половина – для участия в контртеррористических операциях, половина – для обучения афганцев, – вариант вице-президента; 2) одобрение запроса Маккристала на 40 000 человек; 3) вариант «Маккристал-бис» (моя версия): 30 000 американцев и от 5000 до 7000 солдат от союзников. Позднее будет много написано об обиде Пентагона на Картрайта, который помогал Байдену и сотрудникам вице-президента «состряпать» альтернативу плану Маккристала. Возможно, Маллен, Петрэус, Маккристал и другие военные и вправду обижались. Меня же это нисколько не заботило. Единственное, что вызывало опасения, – обыкновение Картрайта умалчивать о своих намерениях, скрывать их как от старших гражданских руководителей (в том числе и от меня – иногда), так и от военных в Пентагоне.

Ближе к завершению дискуссий возник важный вопрос: как быстро мы сможем передислоцировать дополнительные войска в Афганистан? Первоначальный военный план предполагал, что развертывание затянется более чем на год. Президент правильно отметил, что подобную неторопливость вряд ли можно

охарактеризовать как «оперативную необходимость». Он уточнил у Петрэуса, сколько времени заняло развертывание частей в Ираке в ходе «Большой волны». Около шести месяцев, ответил Петрэус. Обама заявил, что переброску войск в Афганистан нужно провести значительно быстрее. Военное руководство в конечном счете согласилось; большая часть подкреплений должна прибыть к концу августа 2010 года (настоящий кошмар для армейских логистов, но все-таки им удалось справиться с этой задачей).

Сколько времени проведут в Афганистане направленные туда подкрепления? Военные утверждали, что районы, очищенные от талибов, можно будет передать афганскому правительству и афганским силам безопасности в течение двух лет. Поскольку первые морские пехотинцы прибыли в провинцию Гильменд и вступили в бой с талибами летом 2009 года, президент предложил начать вывод подкреплений в июле 2011 года. Когда в прошлой администрации обсуждалась ситуация в Ираке, я выступал против любых конкретных сроков, но на сей раз поддержал президента – я был уверен, что в Афганистане нам не обойтись без, скажем так, драматических действий, иначе Карзай и афганское правительство вообще не удосужатся принять на себя ответственность за обеспечение безопасности собственной страны. Также я одобрил представленный военными двухлетний прогноз. Я отдавал себе отчет, что мы говорим не об освобождении всей страны от американского военного присутствия в июле 2011 года, а скорее о первом шаге; процесс будет идти округ за округом, провинция за провинцией. «Основанная на реальных условиях» дата начала вывода войск была поэтому для меня вполне приемлемой. Тем, кто уверял, что таким образом мы всего-навсего побуждаем талибов затаиться в ожидании ухода американцев, я ответил, что пусть затаиваются – это лишь даст нам больше возможностей добиться поставленных целей.

С практической точки зрения конкретная дата начала вывода войск предоставляла Обаме свободу маневра в отношении как широкой общественности, так и конгресса: тем самым президент давал понять, что вовсе не собирается затягивать войну в Афганистане до бесконечности. Большинство демократов и все больше республиканцев в конгрессе уже выказывали недовольство афганской войной, которая обходилась слишком дорого – и если считать в человеческих жизнях, и для государственной казны. А переброска подкреплений и усиление контингента наверняка лягут на экономику страны тяжким бременем – как это было с Ираком в начале 2007 года.

Эндшпиль начался 6 ноября – со срочного сообщения из

Кабула от посла Эйкенберри; сообщение было адресовано Клинтон и Белому дому, но почти сразу о нем стало известно едва ли не всем. Эйкенберри категорически возражал против стратегии противопартизанских операций и значительного увеличения численности американских войск. Он писал, что наращивание численности контингента идет вразрез с принципами «афганизации» и «цивилизаторства», составляющими суть нашей миссии. По его мнению, Карзай не может считаться адекватным стратегическим партнером, мы переоцениваем способность афганских сил принять на себя заботу о безопасности страны, а усиление контингента только усугубит зависимость афганцев от нас. Еще Эйкенберри жаловался на диспаритет: есть старший военный командир в Афганистане (Маккристал), но нет гражданского руководителя, – и намекнул, что этот пост должен занять именно он, а не кто-либо из высокопоставленных представителей ООН или НАТО. Также Эйкенберри рекомендовал и далее изучать ситуацию в стране, минимум несколько месяцев, пока реализуются проекты развития.

На мой взгляд, его рекомендации были просто смешны. Лишние четыре месяца анализа? Как можно реализовывать проекты развития, не обеспечив безопасность населения? Это сообщение-донос разрушило отношения Маккристала (и всего военного руководства) и Эйкенберри раз и навсегда; во-первых, оно в самом деле сильно смахивало на донос, а во-вторых, Эйкенберри в разговорах с Маккристалом никогда не упоминал о своей позиции (или о том, что собирается наябедничать в Вашингтон).

На День ветеранов, 11 ноября, мы вновь взялись обсуждать многократно обсужденные варианты. На следующий день президент позвонил мне с борта номер 1 по пути в Сингапур. Он сказал, что «созрел» для того, чтобы одобрить переброску в Афганистан двух тактических бригад при условии, что о третьей бригаде речь зайдет не раньше лета 2010 года, когда мы уже сможем оценить, что успел сделать Карзай и чего добились мы сами. Я сказал, что лучше бы одобрить переброску сразу трех бригад, дабы продемонстрировать решимость и облегчить военное планирование. А потом можно «привязать» фактическую передислокацию третьей бригады к действиям (или бездействию) Карзая. Обама обещал подумать. Затем он засыпал меня вопросами. Из 17 000 солдат «первого транша» сколько именно необходимо, дабы обеспечить развертывание частей подкрепления численностью в 40 000 человек? Может, стоит ускоренно перебросить некоторые подразделения третьей бригады для усиления второй? Каковы критерии успеха? Можем

ли мы ускорить и наращивание контингента, и последующий вывод войск? Как нам полноценно совместить гражданский и военный «компоненты»? Президент уточнил, что поставил все эти вопросы перед Штабом национальной безопасности.

Завершая разговор, Обама спросил, как правильно настроить биологические часы «под Азию». Я ответил: «Старым добрым способом – алкоголь и амбиен»[107]. Обама засмеялся и сказал, что уже вскрыл бутылку «Джонни Уокера».

Тринадцатого ноября я пригласил Эмануэля и Дениса Макдоно к себе, чтобы обсудить поставленные президентом вопросы и убедиться, что министерство обороны и ШНБ мыслят одинаково. Они приехали вместе с Лютом, а ко мне присоединился Маллен. Рам сказал, что мои рекомендации относительно одновременной переброски трех тактических бригад привлекли внимание президента. Я объяснил, что переброска двух бригад будет выглядеть как попытка президента «угодить нашим и вашим», а после долгих обсуждений многим это покажется, уж простите, «проявлением безволия». Я был уверен, что, когда в конгрессе поинтересуются личным и профессиональным мнением старших военачальников, те дружно ответят: двух бригад недостаточно.

Я не привык оставлять серьезные дела на волю случая. 14 ноября я позвонил Хиллари в Сингапур, рассказал о своем телефонном разговоре с президентом, пояснил свою позицию насчет трех тактических бригад и спросил, по-прежнему ли она меня поддерживает. Хиллари сказала, что да, целиком и полностью, а затем спросила: «А что Джонс?» Я ответил, что не знаю, он постоянно изворачивается, будто чего-то опасается. Клинтон утвердительно хмыкнула. Я сказал, что звоню, поскольку думаю, что президент может принять решение в ходе поездки, а она, Хиллари, – единственный мой сторонник в его команде. Она засмеялась и пообещала сделать все возможное.

Последнее совещание состоялось вечером 23 ноября, с восьми до десяти. На обсуждение вынесли две противоположные точки зрения. Меморандум ШНБ рекомендовал президенту утвердить переброску двух тактических бригад (около 20 000 человек, предложение Байдена), а по поводу третьей отложить решение до июля 2010 года. Маллен же в своей служебной записке на имя президента, переданной Джиму Джонсу, рекомендовал придерживаться первоначального запроса на 40 000 солдат; Маккристал тоже настаивал именно на своем варианте. «Ослиное упрямство военных» явно возмущало Байдена, Джонса и членов ШНБ и сулило дальнейшее охлаждение отношений между президентом и военными. Маллен в момент совещания находился

в Европе. Когда я позвонил ему, то сказал, что, как мне кажется, мы – он, я, Петрэус и Маккристал – пришли к согласию: моя альтернатива, 30 000 американцев плюс войска союзников, имеет больше шансов получить одобрение. Майк извинился, сказал, что отзовет свою записку и переработает текст. К счастью, я успел предупредить Джонса, чтобы тот не передавал президенту первоначальный вариант записки Маллена.

Совещание протекало буднично, без всякого драматизма. Маллен, Петрэус и Маккристал говорили откровенно, однако проявили тактическую гибкость, выразив готовность принять любое решение президента. Хиллари решительно поддержала запрос Маккристала, а постоянный представитель США в ООН Сьюзен Райс, заместитель госсекретаря Стейнберг, Маллен, Картрайт, Маккристал, Петрэус и я высказались за вариант «максимального давления» (за мою альтернативу). Байден, Донилон и Бреннан были против. Эйкенберри поддержал увеличение численности контингента, но усомнился, что противопартизанская стратегия сработает, поскольку не верил в дееспособность афганского правительства. Эмануэль рассуждал главным образом о политических осложнениях, вызванных дополнительными расходами бюджета, а также о влиянии президентского решения на общественное мнение, на систему здравоохранения, на бюджетный дефицит и прочее. По его словам, получить одобрение конгресса будет непросто.

Двадцать седьмого ноября, на следующий день после Дня благодарения, президент позвонил мне домой на Северо-Запад, и у нас состоялся длительный разговор. Обама согласился на 30 000 солдат с «люфтом» в пределах 10 процентов применительно к техническому и обслуживающему персоналу, но отказался одобрить переброску 4500 технических специалистов, не участвующих в обеспечении развертывания подкреплений (этот запрос пролежал на моем столе два месяца). Президент пояснил, что иначе общая численность специалистов достигнет 37 000 человек, а это число будет нелегко «продавить» через Капитолий, да и само число слишком уж напоминает запрос Маккристала, чтобы общественное мнение сумело различить боевые и технические подразделения. «Я устал договариваться с военными», – прибавил Обама. Когда я попробовал настоять на своем, сказав, что нарочно откладывал эту заявку на несколько месяцев в ожидании его решения, а теперь мне придется искать необходимых специалистов «из-под полы», президент отрубил: Маккристал наверняка в состоянии найти нужных людей. «Дуг Лют говорит, что в Афганистане очень много охвостья [тыловых частей], зато мало зубов [боевых подразделений]». Обама

попросил меня вернуться пораньше в Вашингтон для встречи с ним, а также пригласить Маллена, Картрайта и Петрэуса – нужно удостовериться, что возражения отсутствуют: «Если это не так, я вернусь к старой идее Маккристала – 10 000 человек, в основном инструкторы». Мы решили встретиться в воскресенье, в пять часов.

Готовясь к предстоящей встрече, в субботу утром я провел видеоконференцию с Малленом и Картрайтом и подробно их проинформировал. «Стэн должен понять, – сказал я, – что характер миссии изменился». Я озвучил угрозу президента вернуться к идее подкреплений из инструкторов. После видеоконференции у меня сложилось ощущение, что все будет хорошо, но я продолжал беспокоиться по поводу Маккристала – что он скажет в воскресенье?

В тот же день я пожаловался Джонсу, что меморандум ШНБ, представленный президенту, пытается конкретно определить численность подкреплений, в частности, не учитывает тот «люфт» в 10 процентов, который гарантировал мне президент. Я сказал, что надо внести исправления в текст соответственно пожеланиям президента, и Джонс согласился. Затем я упомянул о тех 4500 человек технического персонала, переброску которых президент не одобрил. Джонс сказал, что, по его мнению, президент просто забыл о них в ходе разговора с «приспешниками» в пятницу. «Эти ребята», прибавил Джонс, то есть Эмануэль, Аксельрод, Донилон и Макдоно, по-настоящему «увязли в политических интригах». А его, Джонса, фактически изолировали.

Позднее мне сообщили, что воскресная встреча с президентом переносится на девять тридцать утра. Придется лететь ночью, чтобы успеть добраться в Вашингтон с Западного побережья. Я заподозрил в этом происки ШНБ и попросил своих сотрудников: «Передайте им, пусть катятся к черту. Мы с президентом договорились на пять часов, к пяти я и приеду. Если совещание начнется в девять тридцать, что ж, обойдутся без министра обороны». Вскоре время встречи вернули на пять часов.

Встреча в воскресенье сильно отличалась от всех прочих заседаний в Овальном кабинете, на каких я когда-либо присутствовал. Участвовали Обама, Байден, Маллен, Картрайт, Петрэус, Эмануэль, Джонс и я. Обама сказал, что собрал нас в основном ради того, чтобы снова пройтись по решению и убедиться, что Маллен и Петрэус со всем согласны. Если эти двое выскажутся против, он вернется к идее Маккристала о выделении дополнительно 10 000 солдат, тем паче что в этом с ним солидарны большинство его гражданских советников. Затем президент предложил высказываться. Маллен и Петрэус

произнесли ровно то, что Обама хотел услышать. Эмануэль – ничего удивительного – напомнил о политических конфликтах с Капитолийским холмом и об опасности «соглашательства» президента и военных. Джонс и Картрайт поддержали решение. Я, разумеется, был рад услышать, что мое предложение принимается.

Затем произошел обмен мнениями, накрепко засевший у меня в памяти. Джо Байден сказал, что выступал за иной подход и готов двигаться дальше, но военным «следовало бы воспринимать решение президента как приказ». Обама отреагировал мгновенно: «Я приказываю». Я был попросту шокирован. Никогда раньше мне не доводилось слышать, чтобы президент формулировал свое решение как прямой приказ. Как правило, американским военным это совершенно не требуется. На посту министра обороны я ни разу не отдавал приказов что-то сделать; насколько мне известно, то же самое можно сказать о любом командующем. Бывший председатель Объединенного комитета начальников штабов Колин Пауэлл в своей книге «У меня получилось» пишет: «За свои тридцать пять лет службы я никогда никому не говорил: «Это приказ». И теперь, размышляя об этом, не могу вспомнить, чтобы от кого-либо слышал эти слова». Что ж, «прямой приказ» Обамы в ответ на ворчание Байдена показал, на мой взгляд, полное невежество обоих в вопросах американской военной культуры. Этот приказ был ненужным и обидным и продемонстрировал всю глубину недоверия Белого дома Обамы к военному руководству страны.

Президент объявил о переброске дополнительных подкреплений в Афганистан 1 декабря в Вест-Пойнте. Мы с Хиллари Клинтон, Малленом и Джонсом при этом присутствовали.

Подводя итоги, скажу, что этот масштабный спор по проблемам национальной безопасности был, на мой взгляд, во многом спровоцирован Белым домом и вопросами внутренней политики; ничего подобного за свою карьеру я не припоминаю. Политики в окружении президента стремились оповестить весь мир, что Пентагон при необходимости тут же «получит по рукам». Джонс поведал мне, что Дэвид Аксельрод подбрасывал прессе соответствующие комментарии. Думаю, Обама поступал правильно с точки зрения национальной безопасности, но все упиралось в политические расчеты и делалось именно под этим углом.

После выступления президента в Вест-Пойнте я записал для себя: «Мне действительно это надоело, я устал от политики переопределения национальных интересов, администрация

Белого дома подменяет собой команду по национальной безопасности, а ШНБ (Донилон и Лют) достали своим микроменеджментом. Май 2010 года выглядит намного привлекательнее января 2011-го [срока, который я наметил для своей отставки]. Я сыт по горло». Я был изрядно расстроен тем, что значимый процесс бесконечно затянулся благодаря политиканам.

Впрочем, буду справедлив: национальные интересы тоже подминали под себя политику, ведь президентское решение противоречило рекомендациям всех его политических советников и почти наверняка было наименее популярным из вариантов, если исходить из политических составляющих.

Оглядываясь назад, скажу, пожалуй, что все мы, старшие руководители, не слишком хорошо помогали президенту в той ситуации. Наша «команда соперников» позволила личной неприязни и недоверию замутить наше восприятие и просочиться в рекомендации. Например, моя стратегия географически ограниченных действий против партизан, в сочетании с агрессивными контртеррористическими операциями и уничтожением лидеров талибов, а также с увеличением численности и ростом профессионализма афганских сил безопасности, по сути, мало чем отличалась от того, что предлагал Байден. Различие между его рекомендациями и моим вариантом сводилось к разногласиям по поводу общей численности контингента: 83 000–85 000 против 98 000 военнослужащих. Цифра Байдена значительно превышала контртеррористические потребности, а моя была чересчур мала для полностью обеспеченной ресурсами стратегии противопартизанских действий. Агрессивное неприятие, подозрительность, равно как пренебрежительное отношение и оскорбительные нападки в адрес наших военачальников, особенно со стороны Донилона, Люта и прочих представителей администрации, заставляли боевых командиров защищаться и уничтожали «в зародыше» любые попытки найти компромисс. Недоверие и неприязнь Белого дома к Холбруку и озабоченность Люта военной составляющей кампании способствовали тому, что гражданскому «компоненту» афганской миссии уделялось крайне мало внимания. Соперники предлагали президенту альтернативы куда более черно-белые, если можно так выразиться, чем диктовало развитие событий. Коллегиальный процесс, который выявил бы точки соприкосновения, а не обострил разногласия, обеспечил бы скорейшее достижение договоренности и нанес меньший урон отношениям между военным руководством страны и главнокомандующим.

Ответственность за поиски точек соприкосновения и формирование повестки обсуждений обычно ложится на советника по национальной безопасности. А Штаб национальной безопасности, как предполагается, выступает в роли «честного брокера», курируя политические решения. Но в ходе дискуссий по Афганистану все было не так. Джим Джонс, а в еще большей степени его заместитель Том Донилон и Дуг Лют превратили ШНБ в «выразителя мнений», лишили нейтралитета, и это привело к расколу в правительстве: Белый дом и ШНБ, с одной стороны, министерство обороны и Государственный департамент – с другой.

Раздражение и разочарование сотрудниками Белого дома и ШНБ, порожденные афганскими дискуссиями, побудили меня решительно отстаивать интересы военных и упорно защищать собственную стратегию – более решительно и более упорно, чем следовало. Оглядываясь назад, я понимаю, что мог и должен был сделать больше, чтобы преодолеть разногласия. Еще в начале дискуссий, когда я поведал о необходимости сужения характера нашей миссии в Афганистане на заседании комитета принципалов, Байден прислал мне записку: «То, что вы сейчас изложили, я сам собирался сказать». Как-то той осенью мы завтракали вместе у него в резиденции, обсуждая наболевшее, но, возможно, мне стоило чаще видеться с ним наедине, чтобы найти общий язык. Не думаю, что мы сошлись бы на численности подкреплений, но наверняка могли бы сблизить свои позиции по стратегии; уже это позволило бы снизить накал многих дебатов.

А так – внутренний конфликт из-за афганской политики отравлял работу администрации весь остаток моего пребывания на посту министра. Байден, Лют и другие сотрудники Белого дома, выступавшие против принятого решения, ловили буквально каждую негативную новость об Афганистане, вплоть до самых незначительных, и пытались на этом основании убедить президента, что правы они, а военные ошибаются. И такая практика началась еще до того, как первый солдат из состава подкреплений ступил на землю Афганистана.

* * *

В разгар наших дебатов по Афганистану на родине, в США, произошла трагедия, наглядно напомнившая, какие сложности и опасности нам угрожают. 5 ноября на базе Форт-Худ в штате Техас майор сухопутных войск Нидал Малик Хасан расстрелял своих сослуживцев, убив тринадцать человек и ранив двадцать

девять. Это самое кровавое преступление такого рода, когда-либо случавшееся на военной базе в США. Хасан, как выяснилось, был исламским экстремистом и поддерживал контакт с обосновавшимся в Йемене пропагандистом экстремизма имамом Анваром аль-Авлаки. Нападение Хасана на сослуживцев стало сигналом для военных: теперь следовало повнимательнее приглядеться ко всему личному составу вооруженных сил, при необходимости произвести чистку собственных рядов, но прежде всего – ответить на вопрос, почему экстремистские взгляды Хасана, которых он не скрывал, до трагедии привлекали так мало внимания.

Президент произнес прочувствованную речь на панихиде в Форт-Худе. Перед службой я встретился по отдельности с семьями погибших, чтобы выразить соболезнования от имени министерства обороны и лично от себя. Отец одного из погибших, специалиста Фредерика Грина, пригласил меня на похороны его сына в Маунтин-Сити, штат Теннесси. Едва заняв министерское кресло, я решил, что буду посещать похороны павших героев в их родных городах, но потом отказался от этой мысли, сочтя, что мое присутствие будет воспринято как вторжение в частную жизнь. Однако в данном случае я принял приглашение мистера Грина. Маунтин-Сити, городок с населением около 2400 человек, находится на северо-восточной окраине штата. Ближайший аэропорт расположен неподалеку от Бристоля, примерно в часе лёта от Вашингтона. Я прилетел в Бристоль 18 ноября в сопровождении двух военных помощников (не считая, разумеется, агентов службы безопасности). Никого из сотрудников министерства, никакой прессы. Чтобы добраться до отдаленного города, нашим машинам пришлось преодолеть три горных хребта. Флаги, казалось, висели на всех зданиях. Повсюду виднелись памятные таблички, отмечавшие жизнь и самопожертвование специалиста Грина. Мы проехали городок насквозь, очутились в сельской местности и наконец остановились в деревушке Бейкерз-Гэп. Баптистский храм, простая, но живописная сельская церковь… Было ветрено, холодно и дождливо. Панихиду проводили на церковном кладбище, на холме рядом с церковью. Я приветствовал родственников погибшего в церкви, а затем занял свое место у могилы, под погребальным шатром. Жена Фреда Грина и две маленькие дочери сидели прямо передо мной. Пока шла служба, я мысленно представлял себе другие кладбища, разбросанные по бесчисленным малым городам Америки, кладбища, где родственники и друзья похоронили местных парней, которые рисковали всем и потеряли все. Когда панихида закончилась, я

пожал руки солдатам почетного караула и отправился в долгий обратный путь в аэропорт.

Чуть больше двух недель спустя, когда я подписывал распоряжение о переброске первых 17 000 человек в Афганистан, мои мысли сами собой вернулись к той печальной сцене в Маунтин-Сити.

Глава 11
С друзьями сложно, с врагами непросто

Вопреки впечатлению, которое могло сложиться по предыдущей главе, во второй половине 2009 года Афганистан для президента и его администрации вовсе не являлся основным вопросом повестки дня и не отнимал у них максимум времени; таковым он был только для тех из нас, кто занимался вопросами национальной безопасности. Президенту хватало проблем и дома, в США, – политические страсти вокруг реформы системы здравоохранения, продолжающийся экономический кризис… Обаме также пришлось уделять внимание Китаю, России, Северной Корее, арабскому Ближнему Востоку и Израилю, глобальной войне с терроризмом, а Иран вообще стоял особняком. Правда, в отличие от Афганистана на протяжении 2009 и 2010 годов по этим темам среди администрации практически не возникало сколько-нибудь серьезных разногласий.

С точки зрения национальной безопасности США Иран к 2009 году превратился в своего рода «черную дыру», прямо или косвенно втянувшую в свое гравитационное поле наши отношения с Европой, Россией, Китаем, Израилем и арабскими государствами Персидского залива. Каждый ключевой вопрос, связанный с иранской ядерной программой – пресечение попыток обогащения урана и предполагаемого производства ядерного оружия, введение санкций против упорствующих иранцев, расширение системы ПРО для защиты от потенциальной ракетной угрозы, – так или иначе затрагивал ту или иную страну или группу стран. Со стороны выглядело так, будто над миром растянута громадная паутина: дергаешь за одну нить, а сотрясаются и она, и соседние нити.

Ставки были чрезвычайно высоки. Руководство Израиля буквально бредило военным ударом по атомной инфраструктуре Ирана. Если бы они все-таки это сделали, мы почти не сомневались в иранской реакции: следовало ожидать немедленного ответного нападения на сам Израиль, на наших друзей в регионе и, вероятно, на Соединенные Штаты. Словом, барабаны били дробь. И единственным способом предотвратить в регионе третью войну за последнее десятилетие – войну, возможно, более масштабную и страшную, чем войны в Ираке и

Афганистане, – было оказание максимального экономического давления, которое в известной степени гарантировало, что иранские лидеры откажутся от своего стремления обзавестись ядерным оружием.

Для Израиля, кстати, нет отношений более важных, чем отношения с президентом США и американским конгрессом в лице руководства последнего. В этой связи попытка Обамы в начале президентского срока протянуть руку дружбы Ирану и исламскому миру в целом изрядно напугала израильтян. 20 февраля Биньямин Нетаньяху (Биби) снова стал премьер-министром Израиля, возглавив коалицию правых сил. Впервые я встретился с Нетаньяху при администрации Буша-41, когда занимал пост заместителя советника по национальной безопасности, а Биби был заместителем министра иностранных дел. Он явился в мой крошечный кабинет в Западном крыле – и неприятно удивил своей бойкостью и дерзостью: он критиковал политику США, всяческие демонстрировал свое высокомерие и непомерные амбиции. Я тогда сказал советнику по национальной безопасности Бренту Скоукрофту, что впредь надо запретить пускать Биби в Белый дом.

Вскоре после моего назначения директором ЦРУ в 1991 году я познакомился с Эхудом Бараком, в ту пору генерал-лейтенантом и начальником израильского генерального штаба. Прослужив тридцать пять лет в армии Израиля, Барак занялся политикой, стал премьер-министром в конце 1990-х годов, а в июне 2007 года занял должность министра обороны в правительстве Эхуда Ольмерта. Он сохранил свой пост, когда в начале 2009 года премьер-министром стал Нетаньяху, так что мы с ним оба были министрами-«пережитками». К тому времени, когда Биби уселся в премьерское кресло, мое почти двадцатилетнее знакомство с Бараком успело перерасти в крепкие дружеские отношения. Мы часто беседовали и встречались во время моей работы в администрации Буша, а при Обаме наши встречи и беседы происходили даже чаще. Барак приезжал в Вашингтон, чтобы повидаться со мной, примерно каждые два месяца. Этому имелось логичное объяснение: хотя политические и дипломатические контакты между администрацией Обамы и правительством Нетаньяху несколько «подморозились» в период с 2009 по 2012 год, в оборонной сфере страны продолжали тесно взаимодействовать; более того, во многом мы достигли того уровня сотрудничества, о котором раньше и не мечтали.

Первый визит Нетаньяху в Вашингтон в очередной «реинкарнации» в качестве премьер-министра состоялся в

середине мая 2009 года. Программа визита предусматривала встречу и обед в Белом доме и рабочий обед со мной в Пентагоне. Мы с ним сосредоточились на военном сотрудничестве и на обсуждении Ирана и иранской ядерной программы. Наш первый спор по поводу Ирана в духе «никаких атак, я вам говорю» разгорелся в ходе моего визита в Израиль в конце июля, когда еще свежи были впечатления от фальсификации иранских выборов и последующего подавления «зеленой революции» в июне. Биби убеждал меня, что иранский режим шатается и что удар по иранским ядерным объектам, весьма вероятно, обернется народным восстанием и свержением «экстремистского правительства». Я решительно возражал, поскольку был уверен, что нападение иностранного государства сплотит иранский народ и заставит его всячески поддерживать собственное правительство. Нетаньяху также верил, что ответные действия Ирана после удара будут «для проформы»: возможно, иранцы запустят нескольких десятков ракет по Израилю и произведут несколько залпов из Ливана, где правит спонсируемая ими «Хезболла». Он утверждал, что иранцы – реалисты и категорически не хотят спровоцировать масштабное военное вмешательство со стороны Соединенных Штатов, а потому ни за что не станут нападать на американские цели – скажем, на наши корабли в Персидском заливе или на нефтяные промыслы других стран. Закрытие же Залива для воспрепятствования экспорту нефти, по его словам, ударит по самим иранцам, сильно подорвет их экономический потенциал. Я снова возразил, указав, что Биби, очевидно, введен в заблуждение «нулевым» ответом Ирака на уничтожение Израилем реактора «Осирак» в 1981 году и весьма невнятной реакцией Сирии на бомбардировку ее реактора в 2007 году. Я сказал, что иранцы – персы – сильно отличаются от иракцев и сирийцев. Нетаньяху совершает большую ошибку, предполагая «мягкую» реакцию Ирана, и скорее всего атака иранских ядерных объектов обернется полноценной войной в регионе.

Эти две принципиально противоположные точки зрения доминировали в американо-израильском диалоге относительно Ирана весь остаток моего пребывания на посту министра. Между тем наши разведки докладывали приблизительно одно и то же о ходе реализации иранской ядерной программы, да и то, сколь радикально изменится ситуация в регионе и в мире после того, как Иран получит ядерное оружие, мы оценивали во многом одинаково. Споры велись исключительно о том, нужно ли наносить военный удар (и если да, то когда), и каковы будут последствия такого удара.

Последним «жестом навстречу» Ирану при Обаме стало

поистине гениальное предложение, выдвинутое США после консультаций с нашими союзниками в октябре 2009 года: пусть Иран передаст около 80 процентов тех 1,5 тонны низкообогащенного урана, которыми он, насколько нам известно, располагает, в Россию, где этот уран обогатят, затем переправят во Францию для производства переработки в топливные стержни, а потом возвратят в Иран для медицинских исследований в Тегеранском научном центре. По мнению экспертов, уран, использованный в «медицинском» реакторе, крайне сложно преобразовать для военных нужд, то есть для создания атомного оружия. Это предложение рассматривалось как способ вывезти из страны основную часть низкообогащенного урана и сделать его бесполезным для создания оружия, одновременно признавая право Ирана на использование ядерных реакторов в мирных целях. Франция, Великобритания, Китай, Германия, Россия и Соединенные Штаты поддержали это предложение, и 22 октября было даже достигнуто предварительное соглашение с иранскими переговорщиками в Европе. На следующий день Иран отказался от соглашения, видимо сообразив, что теряет свой главный козырь: низкообогащенный уран, – не приобретая никаких, по его мнению, стратегических выгод. Учитывая открытую ненависть президента Франции Саркози к иранскому режиму, полагаю, иранцы вообще не собирались передавать свой уран в руки французов.

Провал переговоров по иранской ядерной программе имел серьезные международные последствия. Администрация Обамы, и я в том числе, воспринимала эту сделку как возможность вывезти низкообогащенный уран из Ирана и тем самым выиграть больше времени для поисков долгосрочного решения, которое устроит все заинтересованные стороны. Как ни странно, но, в полном соответствии с моими ожиданиями, именно дипломатические усилия в отношении Ирана в немалой степени содействовали нашему успеху в нахождении партнеров, ратующих за более жесткий подход к проблеме.

Центральное место в этом новом подходе отводилось международному сотрудничеству. Совет заместителей встречался несколько раз в начале ноября и предложил в итоге, чтобы Соединенные Штаты прежде всего добились санкции Совета Безопасности ООН на введение дополнительных экономических санкций против Ирана – тем самым расширив «сеть давления». Президент провел заседание Совета национальной безопасности 11 ноября – прямо накануне важного совещания СНБ по Афганистану – и призвал рассмотреть дальнейшие шаги. Он сказал, что мы должны перейти от дружелюбия к давлению,

поскольку иранцы отказались от международной инициативы касательно тегеранского исследовательского реактора, поскольку они не желают реально сотрудничать с МАГАТЭ и пускать инспекторов агентства на комплекс в Куме (секретный объект, существование которого мы публично доказали, чтобы приструнить Иран и заручиться поддержкой для введения новых санкций), поскольку, наконец, они явно не заинтересованы в переговорах с шестью ведущими ядерными державами (Францией, Германией, Великобританией, Россией, Китаем и Соединенными Штатами).

Постоянный представитель США в Организации Объединенных Наций Сьюзен Райс отметила, что мы вряд ли сумеем убедить в своей правоте Совет Безопасности. Я сказал, что часы тикают, и это относится как к иранской ядерной программе, так и к терпению Иерусалима. Резолюция Совета Безопасности ООН необходима для введения более жестких санкций, а раз мы не ожидаем какого-то прорыва, стоит, по моему мнению, принять компромиссное решение в СБ, особенно если удастся провести его быстро. Тогда мы сможем ввести дополнительные санкции и другие карательные меры, не дожидаясь принятия «строгой» резолюции. В военном отношении, на мой взгляд, нужно быть готовыми к нападению израильтян на Иран и к ответным действиям Ирана, а также предусмотреть способ отправить иранцам «предупредительное сообщение» о возможных военных последствиях, параллельно экономическому давлению.

Я надеялся, что ООН отреагирует в январе или феврале, но резолюция Совета Безопасности появилась только в июне 2010 года. Лучше, конечно, чем ничего, но эта резолюция показала, что Россия и Китай по-прежнему неоднозначно оценивают давление на Тегеран. Китаю нисколько не хотелось терять значительные объемы нефти, которую он закупал в Иране, вдобавок китайцы ни в малейшей степени не стремились сделать хоть что-то, потенциально способное пойти на пользу Соединенным Штатам, – после того как в конце января 2010 года мы объявили о продаже оружия Тайваню на общую сумму 6,5 миллиарда долларов. Россия, думаю, все еще питала надежды на свое будущее экономическое и политическое влияние в Иране.

И Буш, и Обама публично заявляли, что военный вариант решения иранской ядерной программы никто не исключает, и Пентагону поручили планирование и подготовку операции, дабы эти заявления не оказались на поверку пустой угрозой. Военное руководство США беспокоилось, что либо израильтяне, либо иранцы могут начать военные действия практически без предупреждения, а это потребует немедленного вмешательства в

конфликт американских вооруженных сил в Персидском заливе. Тогда уже будет не до длительных консультаций с Вашингтоном и совещаний с президентом; у президента останусь только я, следующий после него в цепочке командования. За исключением споров о реакции США на нападение иранского быстроходного катера на один из наших кораблей, в администрациях равно Буша и Обамы не было никаких дебатов – не считая моих приватных бесед с каждым из президентов, – о том, какие военные решения, возможно, придется принимать в считанные минуты, если в заливе начнется масштабная стрельба. Лично я считал, что такая дискуссия давно назрела.

Соответственно, 4 января 2010 года я направил Джиму Джонсу служебную записку с просьбой созвать совещание высшего руководства в ограниченном составе для обсуждения возможного удара по Ирану без предварительного уведомления. Я хотел обговорить действия, которые мы должны предпринять, чтобы обеспечить наше военное превосходство в Персидском заливе, а также меры, которые необходимы – и не подразумевают применения силы – для продолжения экономического и политического давления на Иран. Я сформулировал в записке ряд вопросов. Если Израиль атакует Иран, следует ли нам поддержать Израиль, либо воспрепятствовать ему, либо не вмешиваться, либо действовать далее самостоятельно (особенно если Израилю не удастся уничтожить иранские ядерные объекты)? Если Иран нанесет ответный удар по Израилю, должны ли мы участвовать в обороне Израиля? Если Иран атакует американские войска и военные объекты либо иным образом посягнет на интересы США в отместку за израильскую агрессию, как лучше отреагировать? Какие меры мы должны предпринять для сдерживания иранцев, чтобы сохранить «тактическое господство» (то есть адекватно ответить на любые действия Ирана и постараться удержать ситуацию под контролем)? Следует ли развернуть наши части в боевые порядки заранее? Как мы отреагируем на перекрытие Залива, на акты терроризма, на манипулирование ценами на нефть и на прочие возможные иранские «отклики»? Многие из этих вопросов для меня обозначили и сформулировали заместитель помощника министра обороны по Ближнему Востоку Колин Кал и его команда; я восхищался их работой и был уверен, что всегда могу на них положиться. Поставленные мною вопросы, увы, на обсуждение не выносились – отчасти, думаю, потому, что последствия утечки информации в этом случае были взрывоопасными, как в переносном, так и в прямом смысле.

Чуть более трех месяцев спустя, 18 апреля, газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала на первой полосе статью, где утверждалось,

что в своей январской служебной записке я якобы предупредил: «Соединенные Штаты не имеют продуманной долгосрочной политики по предотвращению создания Ираном собственного ядерного потенциала». Безымянный источник, скромно названный «высокопоставленным чиновником», охарактеризовал мою записку как «тревожный звонок». Судя по всему, анонимный источник не озвучил авторам статьи (Дэвиду Сэнгеру и Тому Шэнкеру) ни один из поставленных мной вопросов, а просто сообщил, что данный документ посвящен политике, стратегии и вариантам военного вмешательства.

Джефф Моррелл уведомил главу аппарата СНБ Дениса Макдоно о публикации прежде, чем та увидела свет; само собой разумеется, Макдоно, Донилон, Бен Роудс (директор по стратегическим коммуникациям СНБ) и прочие сотрудники Белого дома фактически впали в истерику из-за этой статьи, которая допускала, что Белый дом не готов к противостоянию с Ираном. Я счел, что отрицать существование моей служебной записки глупо, и после консультаций с Морреллом, Робертом Рангелом и Макдоно согласился выступить с заявлением для прессы, разъяснить свои мотивы и цели. Национальная пресса уделила статье в «Таймс» пристальное внимание, а вот мое выступление, к сожалению, почти проигнорировала: я сказал, что эта служебная записка вовсе не «тревожный звонок», что в мои намерения не входило кого-либо пугать, я лишь определял следующие этапы оборонного планирования, указывал на проблемы, которые требуют дальнейшего межведомственного обсуждения и поиска политических решений. «В документе содержится ряд предложений, направленных на содействие упорядочиванию и своевременности процесса принятия решений». (Много позднее стали говорить, что будто бы в своей записке я призывал к «сдерживанию» Ирана, а не к тому, чтобы помешать иранцам обзавестись ядерным оружием. Скажу коротко – это неправда.) Статья в «Нью-Йорк таймс» довольно точно указывала на суть дела, однако искажала мои намерения и – к счастью – не затрагивала военные вопросы, о которых я писал.

Через три дня многие из этих вопросов мы обсуждали в Овальном кабинете с президентом, Байденом, Малленом, Джонсом, Донилоном, Бреннаном и Тони Блинкеном, советником по национальной безопасности вице-президента. Я сказал Обаме, что нужно проанализировать последствия внезапного нападения Израиля и провокаций Ирана, ведь и то и другое наверняка потребует военного ответа США в течение минут, максимум – часов. Принципалы почему-то предпочли «замолчать» эти возможности, хотя им не следовало так поступать. Чтобы

наилучшим образом подготовиться к любому повороту событий в Заливе, прибавил я, надо к 1 ноября осуществить ряд предупредительных мер, в том числе развернуть вторую авианосную группу, нарастить количество радиолокационных средств и средств ПРО, направить в Залив третий эсминец с системой «Иджис» и перебросить в регион иное необходимое снаряжение и оборудование. Я подчеркнул, что передислокации войск, которые я рекомендую, и возможные политические коллизии нужно обсудить срочно, в частности потому, что перемещения военных частей займут много времени. Обама ответил, что мы должны изучить варианты, но никаких конкретных решений прямо здесь и сейчас он принимать не собирается.

Меня слегка смутили слова, которыми президент закрыл совещание. Своим ближайшим советникам он сказал: «Чтобы не было недоразумений, пусть те из вас, кто намерен писать мемуары, запомнят: я ничего не решаю по Израилю и по Ирану. Джо, вы будете моим свидетелем». Признаться, меня уязвило высказанное вслух подозрение, будто кто-то из нас способен сделать достоянием общественности столь щекотливые темы.

К концу мая мы наконец обсудили последствия возможного нападения Израиля на Иран, хотя и не так досконально, как мне бы хотелось. Администрация при этом, надо отдать ей должное, сравнительно оперативно улаживала вопросы, упомянутые в моей служебной записке. Кроме того, укреплялись наши военные отношения с ключевыми государствами региона, которым мы предоставляли (или продавали) элементы системы ПРО и современное оружие и которых приглашали к более тесному военному сотрудничеству. В начале февраля я прилетел в Турцию, где встретился с премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом. В ходе долгой беседы, посвященной ситуации с Ираном, Эрдоган заметил, что любая страна мира имеет полное право использовать атомную энергию в мирных целях, но прибавил, что Ирану следует быть сговорчивее и сотрудничать с МАГАТЭ. Он скептически отнесся к эффективности новых санкций и сказал, что инициатива насчет изъятия иранского низкообогащенного урана еще сохраняет, возможно, свою актуальность. Я согласился с правом любого государства на мирное использование атома – при «надлежащих гарантиях безопасности», – но в своей обычной «изысканно дипломатической» манере предупредил: если иранцы удовлетворят собственные атомные амбиции, распространение ядерного оружия в регионе окажется неизбежным, это повлечет за собой военные действия со стороны Израиля и скорее всего

развяжет полномасштабную войну на Ближнем и Среднем Востоке. Я сказал, что экономические санкции необходимы, чтобы заставить Иран вернуться за стол переговоров. Эрдоган явно заинтересовался средствами противоракетной обороны, которые в состоянии обеспечить безопасность Турции, но хотел удостовериться в том, что мы действуем в рамках представлений о «коллективной безопасности», а не реагируем на конкретную угрозу (например на Иран). Мне показалось, мы не слишком хорошо поняли друг друга – Эрдоган, очевидно, опасался так или иначе спровоцировать иранцев.

Совсем другой была моя следующая встреча – с президентом Франции Николя Саркози. Он сильно напомнил мне Рама Эмануэля – такой же коротышка живчик, брызжущий энергией (оба они буквально врывались, а не входили в помещение). Саркози, что называется, с порога сразил меня откровенностью: «Иранцы лгут. И лгали с самого начала». Протянутую Соединенными Штатами руку дружбы в Иране, по его словам, восприняли как проявление слабости. В итоге мы «потеряли очень много времени». Он выразил сожаление, что новые санкции не вступили в силу прошлой осенью, и заметил: «Мы слабы. Это плохо кончится».

В ходе нашей встречи у Саркози вдруг зазвонил сотовый телефон. Он ответил, прикрывая губы рукой, и я понял, что он говорит со своей женой, певицей и бывшей моделью Карлой Бруни. Никогда ранее мне не доводилось видеть, чтобы глава государства прерывал международную встречу ради телефонного звонка супруги. Этот случай, признаю, вызвал немало ехидных и забавных комментариев среди моих сотрудников.

В начале марта я возобновил свой «антииранский тур», посетив Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты. С наследным принцем и заместителем премьер-министра, а также с королем Абдаллой мы встретились на королевской «ферме» за пределами Эр-Рияда. Я вырос в Канзасе, повидал немало ферм, но саудовская ничуть не походила ни на одну из них. Мы ужинали в шатре, где висели хрустальные люстры, а размеры шатра были таковы, что внутри поместился бы весь цирк братьев Ринглинг[108] и еще осталось бы свободное место. За огромным, в форме подковы столом расселись по меньшей мере сто человек, а угощение, как и на том ужине, который король устроил для нас с Конди Райс несколькими годами ранее в Джидде, насчитывало минимум сорок или пятьдесят перемен блюд, не считая дюжин десертов. Мы с королем сидели во главе стола, места рядом пустовали, а телевизор с громадным экраном прямо перед нами показывал арабскую новостную передачу. На мой взгляд, немного

странно смотреть телевизор во время ужина – но потом я понял, что хитрый старый араб нарочно велел включить телевизор, чтобы никто не мог подслушать нашу беседу.

После ужина мы встретились наедине и долго обсуждали Иран; я объяснил, чем руководствовался президент, отказываясь от предложения дружбы и переходя к давлению. Последнее король горячо одобрил, а против первого, к слову, он решительно возражал с самого начала. Когда мы заговорили о санкциях, я предложил обратиться к Китаю, убедить китайцев резко сократить закупки иранской нефти и найти себе нового партнера в лице Саудовской Аравии. Это не была официальная просьба, и король не стал брать на себя каких-либо обязательств. Мы также обсудили модернизацию ракет «Пэтриот» в составе системы ПРО Саудовской Аравии и договорились продолжить обсуждение приобретения более совершенных средств противоракетной обороны. Я пообещал направить в ближайшее время в Саудовскую Аравию главу Агентства по противоракетной обороне с поручением проинформировать короля и его министров о возможностях взаимодействия саудовской системы ПРО с нашей собственной и с системами противоракетной обороны других стран Персидского залива. Еще в беседе мы коснулись модернизации саудовского военно-морского флота.

Король подтвердил готовность Саудовской Аравии заключить сделку общей стоимостью 60 миллиардов долларов, которая, в частности, предполагала покупку восьмидесяти четырех истребителей F-15, модернизацию семидесяти F-15, уже состоявших на вооружении саудовских ВВС, двадцати четырех вертолетов «апач» и семидесяти двух вертолетов «блэкхок». Министры и генералы, заметил король, убеждали его купить русские или французские истребители, но, как мне показалось, он подозревал, что подобная настойчивость вызвана стремлением чиновников и военных набить свои карманы. Абдалла хотел тратить саудовские деньги на приобретение военной техники, а не прятать их в швейцарских банках, потому-то и стремился заключить сделку с нами. Король сказал мне открытым текстом, что рассматривает эту крупную сделку как инвестицию в долгосрочные стратегические отношения с Соединенными Штатами, в сотрудничество наших вооруженных сил на десятилетия вперед. В то же время Абдалла был весьма осторожен в высказываниях по поводу тех форм сотрудничества и военного планирования, которые могут быть восприняты иранцами как акт агрессии.

Затем я отправился в Абу-Даби, где встретился с наследным принцем Мухаммедом бен Заидом аль Нахайяном[109] – «МБЗ»,

как мы его называли. Это один из самых умных (и самых хитроумных) людей, которых я когда-либо встречал: говорит он тихо и мало и делает большие паузы между фразами. Его мысли относительно других стран Персидского залива и Ирана в частности были оригинальны и полезны. Сначала была короткая общая церемония, всего на несколько минут, а затем мы с принцем вышли во внутренний дворик дворца принца и уединились для конфиденциальных переговоров, которые продлились около часа. Мы обсудили изменение иранской стратегии Обамы (переход к давлению), затронули эффективность санкций (многие иранцы вели бизнес с ОАЭ), дополнительные средства системы ПРО и другие военные возможности Эмиратов.

Любая сделка по продаже арабским государствам относительно современного американского оружия, особенно самолетов и ракет, вызывала болезненную реакцию Израиля. Особенно встревожила израильтян та крупная сделка, которую я заключил с королем Абдаллой. Ситуацию усугубило то, что наши отношения с Израилем и без того были далеки от идеальных. Летом 2009 года администрация, что называется, насела на Нетаньяху, требуя десятимесячного моратория на строительство новых поселений на Западном берегу реки Иордан в качестве стимула для палестинцев, чтобы усадить их за стол переговоров. Между тем строительство поселений в Восточном Иерусалиме, которые израильтяне считают своей территорией, продолжалось. В результате палестинцы отказались от переговоров. В марте 2010 года – как раз когда я беседовал с королем Абдаллой – израильтяне объявили, что будут продолжать строить поселения в Восточном Иерусалиме. Фактически это была пощечина администрации Обамы, тем более оскорбительная, что Байден в то время находился в Израиле с официальным визитом. Госсекретарь Клинтон вскоре после этого предъявила Израилю ультиматум, потребовав, среди прочего, полностью остановить строительство поселений. Разумеется, встреча Обамы с Нетаньяху в Белом доме 26 марта прошла весьма нервозно, и президент в итоге откланялся, сообщив, что обедает с семьей, и оставив Биби кипеть от гнева.

Пока все бурлило и шипело, Эхуд Барак прилетел ко мне 27 апреля обсудить сделку по продаже оружия Саудовской Аравии. Как у нас повелось в последние годы, я встретил его у лимузина перед зданием Пентагона, сопроводил Барака и его спутников вверх по лестнице к официальной столовой министра обороны, а затем пригласил его в свой кабинет, где мы и заперлись, предоставив остальных друг другу. В рамках наших отношений с

Израилем США давно пообещали не продавать арабским странам оружие, способное подорвать «качественное военное превосходство» (КВП) Израиля. Барак указал, что сделка с Саудовской Аравией ставит под угрозу КВП Израиля. Я сказал, что, как мне представляется, у Израиля и Саудовской Аравии в настоящее время имеется общий враг – Иран, посему Израиль должен только приветствовать наращивание саудовского военного потенциала. Я также отметил, что ни разу за все время конфликтов на Ближнем Востоке Саудовская Аравия не произвела ни единого выстрела в сторону Израиля. Пусть даже Израиль не в состоянии рассматривать Саудовскую Аравию как потенциального союзника против Ирана – израильтяне должны хотя бы признать, что враждебность саудовцев по отношению к Ирану отвечает тактическим интересам Израиля. Я не преминул добавить (и предупредить), что, если саудовцы не смогут купить современные боевые самолеты у нас, они наверняка приобретут их у французов или у русских, а израильтяне могут быть уверены, что этим странам абсолютно наплевать на «качественное военное превосходство» Израиля.

Мы договорились о создании совместной американо-израильской рабочей группы по изучению вопроса. Группе предстояло выяснить, как сделать так, чтобы продажа F-15 Саудовской Аравии не уменьшила КВП Израиля, и определить возможности «возместить» Израилю последствия этой сделки. Я заверил Барака, что, как я и обещал два года назад премьер-министру Ольмерту, мы поставим Израилю ту же модель истребителя F-35, которой намерены обеспечить в соответствии с контрактами наших союзников по НАТО. Барак вернулся в Вашингтон в конце июня для оценки деятельности рабочей группы, и, как показалось, израильтяне были в целом удовлетворены предложенными мерами по защите их интересов.

Нетаньяху, конечно же, не остался в стороне от процесса. Я встретился с ним 7 июля в Блэр-хаусе – особняке на Пенсильвания-авеню, где обычно размещают почетных иностранных гостей президента США. Я сказал Нетаньяху, что действую сообразно распоряжениям президента и что генерал Картрайт возглавит группу старшего военного руководства, которая прибудет в Израиль на следующей неделе, чтобы обсудить военное сотрудничество и потребности израильтян в вооружениях, а также «разобраться, что вам нужно и как быстро вы хотите это получить». Я сообщил израильскому премьеру, что мы собираемся в ближайшее время уведомить конгресс о сделке по продаже F-15 Саудовской Аравии, что мы изучили вопросы КВП Израиля с израильскими экспертами в области обороны и

что «было бы полезно услышать от Израиля слова благодарности за беспрецедентные усилия, за проявленное внимание к озабоченности Израиля, вследствие чего израильтяне не возражают против сделки». Когда же он пожаловался на количество F-15, заявленных саудовцами для приобретения и модернизации, я многозначительно спросил: «Когда в последний раз Саудовская Аравия нападала на Израиль? И как долго эти самолеты прослужат без технической поддержки США? Посоветуйтесь с Эхудом [Бараком] по поводу того, что можно сделать для решения ваших проблем». Когда Нетаньяху спросил, как ему объяснить израильскому народу столь крупную сделку США с Саудовской Аравией, я напомнил ему, что враг моего врага – мой друг. Он ответил язвительно: «На Ближнем Востоке враг моего врага – мой враждебный друг».

«А как быть с аналогичными инвестициями в нашу армию? – уточнил Нетаньяху. – Как вы намерены компенсировать возникшую угрозу израильской стороне?» Раздраженный его настойчивостью, я сказал, что ни одна администрация США не сделала больше для обеспечения стратегической обороны Израиля, чем администрация Обамы, и перечислил элементы ПРО, ракетные системы и прочие пункты наших программ военных поставок Израилю, упомянул о финансовой поддержке и о направлении военного корабля с системой ПРО «Иджис» в восточную часть Средиземного моря. О каких еще компенсациях может идти речь? «Мы сотрудничаем по линии авиации и по линии ПРО, не считая F-35. Контракты давно подписаны, разве нет? Ведется активная работа по обеспечению вашего КВП. Поговорите с вашим министром обороны!» Я настолько разозлился, что после этой встречи попросил Флурнуа позвонить Эхуду Бараку и пожурить за то, что он не удосужился проинформировать Биби обо всех усилиях США в отношении безопасности Израиля. Барак переговорил с Нетаньяху, и к концу июля Биби отозвал возражения против продажи Саудовской Аравии американского оружия – в обмен на дополнительные поставки военной техники, в том числе еще двадцати F-35.

Израиль существует в опасном соседстве, окруженный народами и странами, которые не просто являются его заклятыми врагами, но грезят полным уничтожением еврейского государства. Он выдержал четыре войны против своих соседей, причем три из них – в 1948, 1967 и 1973 годах – за право собственного существования. Несколько арабских правительств, в том числе в Египте и Иордании, постепенно осознали выгоды от мира с Израилем, однако народы Ближнего Востока, считая и египтян с иорданцами, относятся к Израилю куда менее

благосклонно, нежели их правительства. На мой взгляд, стратегическая ситуация для Израиля ухудшается в немалой степени по причине его действий, способствующих дальнейшей изоляции. Убийство израильтянами лидеров хамаса в Дубае в январе 2010 года было, возможно, этически оправданным, но оказалось откровенной глупостью со стратегической точки зрения: операцию провели без должной подготовки, некомпетентно, быстро стало известно, кто все организовал. Это, в частности, стоило Израилю тайного сотрудничества с ОАЭ по вопросам безопасности. Кроме того, нападение израильтян 31 мая 2010 года на турецкое судно, перевозившее в сектор Газа гражданских активистов и обернувшееся гибелью восьми турок на борту, вкупе с последующей демонстративной реакцией Израиля на обвинения, привело к разрыву военного сотрудничества с Турцией, до того спокойно и успешно развивавшегося. Эти действия, равно как и подобные им, может, и были желательными и даже необходимыми тактически, но имели негативные стратегические последствия. Соседи Израиля приобретают все более современное оружие, народы этих стран становятся все враждебнее по отношению к евреям; я, оставаясь преданным другом и сторонником Израиля, убежден, что Иерусалиму пора начинать мыслить по-новому применительно к концепции «стратегической безопасности». Требуется налаживать более тесные контакты с правительствами, которые, не будучи союзниками израильтян, разделяют опасения Израиля в первую очередь относительно Ирана и растущего политического влияния исламистов, оседлавших волну «арабской весны». (В 2013 году Нетаньяху наконец извинился перед Турцией, обозначив возможность восстановления военных связей.) Учитывая уровень рождаемости палестинцев, намного опережающий уровень рождаемости израильских евреев, а также политические тенденции в регионе, скажу прямо – время не на стороне Израиля.

Ракеты против Ирана

Работать над системой защиты от баллистических ракет Соединенные Штаты начали в 1960-х годах. Строгие ограничения на разработку и развертывание систем противоракетной обороны наложил подписанный с Советским Союзом Договор о противоракетной обороне 1972 года. Тем не менее исследования продолжались, а в 1983 году их существенно стимулировало заявление президента Рейгана о Стратегической оборонной инициативе (СОИ), концепция которой предусматривала создание

«ракетного щита» для защиты Соединенных Штатов от советских ракет. Вообще говоря, в годы после речи Рейгана о СОИ (остряки быстро переименовали эту инициативу в «звездные войны») большинство республиканцев поддерживали практически все программы противоракетной обороны, тогда как демократы в основном выступали против – мол, это пустые фантазии, слишком к тому же дорогие. В 2002 году, как уже упоминалось, президент Буш в одностороннем порядке денонсировал договор 1972 года, тем самым устранив все ограничения по разработке и развертыванию систем противоракетной обороны. К тому времени, когда я стал министром обороны, конгрессмены в целом – степень энтузиазма, надо отметить, широко варьировалась, – поддерживали развертывание «строго ограниченного» количества элементов ПРО, предназначенных для защиты от случайного запуска или той горстки ракет, какую способны были запустить «страны-изгои» вроде Северной Кореи и Ирана. Мало кто из представителей обеих партий одобрял усилия по развертыванию полноценной системы ПРО или модернизацию имеющихся средств для защиты от массовых пусков с территории России или Китая, поскольку подобные шаги были одновременно технологически сложными, ошеломляюще дорогими и стратегически дестабилизирующими.

В конце 2008 года наша стратегическая система ПРО состояла из двадцати трех ракет-перехватчиков шахтного (наземного) базирования (ПШБ) в Форт-Грили на Аляске и еще четырех на авиабазе Ванденберг в Калифорнии. К концу 2010 финансового года планировалось довести количество противоракет до тридцати. Разработчики и сотрудники программы ПРО утверждали, что эти перехватчики могут выполнить ограниченную задачу – сбить одну или несколько ракет, нацеленных на США. Когда я стал министром обороны, президент передал мне, как раньше передавал министру Рамсфелду, полномочия по запуску перехватчиков на тот случай, если при ракетной атаке США будет некогда получать его разрешение.

Такова была ситуация, когда я рекомендовал Бушу, через несколько дней после вступления в должность, выйти на поляков и чехов с предложением о совместном управлении третьей «базой» ПШБ, которая будет размещена на их территории: радарная станция в Чехии и десять ракет-перехватчиков шахтного базирования в Польше. Обе страны проявили интерес к этим компонентам системы противоракетной обороны. С нашей стороны инициатива основывалась прежде всего на стремлении защитить США (и ряд областей Европы) от иранских баллистических ракет, угроза запуска которых постоянно

возрастала.

Как я писал выше, к концу 2008 года становилось все очевиднее, что политическая оппозиция размещению радара в Чехии помешает строительству станции ПРО. Польша согласилась разместить у себя ракеты-перехватчики сразу после российского вторжения в Грузию, хотя перед этим сомневалась больше года, но «аппетит» поляков в отношении американских гарантий безопасности, которые выходили за рамки обязательств, предусмотренных членством в НАТО, а также другие разногласия завели переговоры в тупик. К тому времени, когда Обама вступил в должность президента, было понятно, что наша инициатива теряет шансы как в Польше, так и в Чехии, и даже если получится чего-то добиться, политические споры затянутся на много лет, сделав бессмысленными все соображения оперативной тактической целесообразности.

Альтернативный подход к системе противоракетной обороны в Европе был предложен в середине 2009 года Пентагоном (а не Белым домом, как утверждалось позднее). Новая оценка разведкой возможностей иранской ракетной программы, опубликованная в феврале 2009 года, заставила министерство обороны переосмыслить свои приоритеты. Из доклада следовало, что ракеты дальнего радиуса действия Иран вопреки нашим ожиданиям практически не совершенствует, зато иранские ракеты малой и средней дальности, способные поражать наши войска и объекты в Европе и на Ближнем Востоке, представляют реальную угрозу; им уделяется повышенное внимание, и ведутся активные разработки. В докладе говорилось, что Иран может почти одновременно запустить от пятидесяти до семидесяти ракет меньшей дальности. Эти выводы вынудили нас серьезно задуматься над нашей текущей стратегией ПРО, которая ориентировалась в первую очередь на защиту территории США – а не Европы – от иранских ракет дальнего радиуса действия, запускаемых по одной или парно за раз. Похоже, иранцы отказались от создания МБР, по крайней мере в ближайшей перспективе. И десять перехватчиков в Польше в лучшем случае защищали лишь от нескольких иранских ракет. Третья «база» ПШБ попросту не справится с единомоментным запуском десятков ракет меньшей дальности.

Весной 2009 года генерал Картрайт проинформировал меня о технологических достижениях последних двух лет, связанных с ракетами морского базирования «Стэндард-3» (SM-3), и о возможности их использования в качестве альтернативы перехватчикам шахтного базирования для противоракетной обороны. Новые, более совершенные модификации SM-3

первоначально разрабатывались для защиты наших кораблей от вражеских самолетов и баллистических ракет меньшей дальности, устанавливались на многие американские военные корабли и прошли успешное боевое крещение при уничтожении сошедшего с орбиты американского спутника (это было при администрации Буша). Вообще-то официально новые SM-3 еще числились в разработке, но прототипы выдержали восемь успешных испытаний, и считалось, что данные прототипы вполне способны перехватывать баллистические ракеты малой и средней дальности, ни в чем не уступая ПШБ. Вдобавок благодаря меньшим затратам на производство SM-3 можно было изготавливать и ставить на боевое дежурство в больших количествах, чем «наземные» противоракеты.

Также наши исследователи добились технологических успехов в разработке элементов слежения воздушного, космического и наземного базирования, которые значительно превосходили своими возможностями стационарную РЛС, первоначально планировавшуюся к развертыванию в Чехии. Новые элементы не только обеспечивали интеграцию нашей системы с системами раннего оповещения и предупреждения стран-партнеров, но и позволяли более эффективно использовать радары, разбросанные по всему миру, в том числе модернизированные станции времен «холодной войны». Картрайт, бывший глава Стратегического командования, горячо ратовал за новый подход, ценность которого подтвердили предварительные выводы Обзорного доклада по программе ПРО; работа над докладом была начата по инициативе Пентагона в марте 2009 года.

На основании всей имеющейся информации руководство национальной безопасности США, равно военное и гражданское, пришло к выводу о необходимости скорректировать приоритеты: мы совместно с союзниками и партнерами должны развивать региональную «архитектуру сдерживания», реализовывать «поэтапный адаптивный» (или эволюционный) подход к противоракетной обороне в каждом регионе, с учетом угроз и обстоятельств, уникальных для данного региона; и поскольку, как было сформулировано, общемировой спрос на системы ПРО в течение следующего десятилетия может превысить предложение, то следует добиваться мобильности, чтобы элементы ПРО не составило труда перемещать из региона в регион при возникновении такой потребности.

Независимо от выводов и оценок при подготовке бюджета на 2010 финансовый год я решил сократить несколько глобальных, затратных и неудачных программ противоракетной обороны

наподобие лазеров воздушного базирования и кинетических перехватчиков (об этом говорилось ранее). В то же время я был твердо намерен сохранить противоракеты шахтного базирования на Аляске и в Калифорнии, остановившись на тридцати ракетах, и не увеличивать их количество до сорока четырех, как предлагалось; кроме того, были даны распоряжения продолжать исследования, разработку и испытания системы ПРО, предназначенной для противодействия МБР дальнего радиуса действия, которыми располагали Иран и Северная Корея. (Я также отменил строительство второго комплекса шахт для ПШБ в Форт-Грили, но, побывав там несколько месяцев спустя и увидев воочию, насколько близко оно к завершению, поправил сам себя и утвердил достройку. Повторюсь, я не эксперт, но всегда готов прислушаться к мнению экспертов.) Еще в соответствии с новой стратегией региональной противоракетной обороны я выделил значительные бюджетные средства на ускорение производства ракет-перехватчиков SM-3, равно как и других «региональных» элементов ПРО. И согласился профинансировать модернизацию систем ПРО еще шести эсминцев.

Я стремился увеличить наши возможности ПРО как можно быстрее, чтобы защитить американские войска в районах их развертывания и наших союзников. Несколько раз в период с мая по июль мы информировали конгресс о состоянии дел и в целом удостоились одобрения конгрессменов. Возражения вызвали разве что мои решения отменить ряд крупных – и очевидно неэффективных – исследовательских программ.

Те, кто позже уверял, что Обама отказался от третьей базы ПШБ на территории Европы, чтобы «умаслить» Россию, явно игнорировали растущее недовольство поляков и чехов нашими планами; кроме того, эти люди совершенно упускали из вида более важное обстоятельство: министерство обороны уже изменило свои приоритеты в отношении ПРО и сосредоточилось на непосредственной угрозе со стороны вражеских ракет малой и средней дальности. Конечно, некоторые представители Государственного департамента и Белого дома верили, что третья база ПШБ в Европе несовместима с «перезагрузкой» отношений с русскими, но мы в министерстве обороны так не думали. Осчастливить русских – такой задачи в моем списке дел не значилось.

В августе ШНБ попросил министерство обороны подготовить документ по изменениям в стратегии, дабы обосновать новые принципы организации противоракетной обороны в Европе, и мы подробно все расписали. Руководители ведомств встретились 1 сентября 2009 года и приняли решение рекомендовать

президенту одобрить поэтапный адаптивный подход к европейской системе ПРО, согласившись с моим предложением обеспечивать и далее защиту от угроз в долгосрочной перспективе, в том числе и за счет возможного в будущем развертывания в Европе системы ПРО на основе РЛС и ПШБ. Некоторые политические креатуры Обамы в Госдепартаменте и ШНБ высказывались против продолжения финансирования программы ПШБ. Мы договорились и впредь искать возможности для сотрудничества с Россией, в частности, потенциального использования в нашей системе ПРО русского радара, что расширит зону слежения. Я официально предложил поэтапный адаптивный подход в пояснительной записке на имя президента от 11 сентября, почти через три года после возникновения в президентство Буша идеи разместить в Европе третью базу ПШБ. Времена, технологии и угрозы изменяются. Нам следовало меняться вслед за ними.

Затем, как часто бывало, произошла утечка, которая выставила нас кучкой неуклюжих глупцов, пренебрегающих добрым мнением наших союзников. До той поры мы не провели ни одной из обязательных по закону консультаций с конгрессом или с союзниками относительно крупнейшего со времен предыдущей администрации изменения в политике национальной безопасности Буша и существенных корректировок стратегии противоракетной обороны в Европе. Когда 16 сентября мы узнали, что детали нового подхода к ПРО благополучно просочились в прессу, потребовалось действовать быстро, чтобы исправить положение, насколько это было возможно. В тот же вечер Хиллари направила группу чиновников Государственного департамента и министерства обороны к европейским правительствам и в штаб-квартиру НАТО. Президент позвонил премьер-министрам Польши и Чехии и сообщил им о своем решении и пообещал, что немедленно отправит представителей администрации в Варшаву и Прагу, чтобы проинформировать поляков и чехов обо всех деталях новой политики.

Утром 17 сентября президент сделал публичное заявление о новом подходе к ПРО. По закону подлости – непредвиденные и неудачные совпадения всегда случаются не вовремя – на этот же месяц пришлась семидесятая годовщина нацистского вторжения в Польшу. Некоторые газеты поторопились написать, что Польшу снова «предали», а большинство СМИ сошлось на том, что мы невольно подлили масла в огонь, провоцируя поляков. Президент и его ближайшие советники явно хотели выставить меня на первый план и отправить защищать эту новую стратегию: ведь это я рекомендовал ранее прежнюю стратегию Бушу и это мне

хватило авторитета, чтобы убедить Обаму ее подправить. Что ж, не в первый и не в последний раз при Обаме меня использовали в качестве политического прикрытия, но в данном случае я ничуть не возражал, так как искренне верил, что новая стратегия попросту лучше – точнее соответствует политическим реалиям Европы и более эффективна против «осовремененной» иранской угрозы. К тому же мне удалось сохранить и вариант с ПШБ, по крайней мере на какое-то время.

Когда мы с генералом Картрайтом собрались выйти к прессе, чтобы рассказать о новой стратегии, республиканцы в конгрессе и бывшие члены администрации Буша уже успели «отметиться» в СМИ жесткой критикой по поводу «предательства наших союзников» ради «выслуживания перед русскими». Сенатор Маккейн заявил, что мы «серьезно заблуждаемся». Я сообщил прессе причины, побудившие произвести переоценку программы, и объяснил детали новой стратегии. В ответ на один из вопросов я сказал, что русские должны принять неизбежность появления в Европе системы ПРО. Мы надеемся, прибавил я, что они присоединятся к этой системе, но в любом случае действовать собираемся независимо.

Ущерб от утечки информации удалось минимизировать. Скорее всего, правительства Польши и Чехии испытали немалое облегчение, поняв, что благодаря нашей неуклюжести они избежали конфликтов с собственными парламентами; почти наверняка нашу новую стратегию отвергли бы в Праге, да и в Варшаве тоже. Позвонив 18 сентября поочередно министрам обороны обеих стран, я сказал, что мы по-прежнему заинтересованы в их участии в европейской системе ПРО.

Как мне представлялось, наши цели согласно планам Буша и Обамы относительно ПРО и цели лидеров Польши и Чехии были совершенно разными, хотя ни у кого не нашлось смелости заявить об этом публично или хотя бы в частном порядке. Их цели были сугубо политическими, не имели ни малейшего отношения к Ирану, зато упирались, если можно так выразиться, в Россию: размещение американских ракет на своей территории служило конкретной и лучшей гарантией защиты от России за рамками обязательств, предусмотренных договором НАТО. Наши цели при обеих администрациях были прежде всего военными: минимизировать быстро возрастающую иранскую ракетную угрозу, как мы и пытались неоднократно объяснить европейцам и русским. Помнится, мы с Райс говорили Путину, что, если ракетная программа Ирана исчезнет, сразу же отпадет необходимость в системе ПРО в Европе. Вот почему в 2008 году я предложил Путину отложить постановку базы на боевое

дежурство до тех пор, пока иранцы не начнут испытывать ракеты, способные достичь Европы. Обама чуть ли не слово в слово повторил эти доводы президенту Медведеву.

Газета «Нью-Йорк таймс» подытожила всю эту историю заголовком «Обама перекраивает ПРО, чтобы осадить Тегеран», а «Вашингтон пост» высказалась менее крикливо: «Новый план призван противостоять иранской угрозе более эффективно». Лично я никогда не понимал причин злобы, которой исходили критики США. Новая стратегия гарантировала защиту Европы и 80 000 американских солдат в Европе, одновременно предусматривая дальнейшее совершенствование противоракет шахтного базирования для защиты территории США. А так – даже на выборах 2012 года Обаме припоминали «отмену» размещения системы ПРО в Европе.

Новая стратегия ПРО Обамы имела и еще одно, непредвиденное, но приятное последствие. Впервые с тех пор, как прозвучала речь Рейгана о «звездных войнах», создание ограниченной системы американской ПРО получило широкую двухпартийную поддержку в конгрессе. А это значимое событие.

Россия

Желание администрации Обамы «перезагрузить» отношения с Россией поначалу обернулось конфузом. Хиллари провела свою первую встречу с министром иностранных дел России Лавровым в Женеве 6 марта, и кто-то уговорил ее презентовать тому большую красную кнопку со словом «перезагрузка», написанным сверху по-русски. К сожалению, получилось так, что вместо «перезагрузка» написали «перегрузка». Лишнее доказательство того, что «милые пустячки» во внешней политике имеют склонность оборачиваться крупными неприятностями. Вспомните президентов, фотографирующихся в смешных шляпах, – а ведь фотографии сохраняются, можно сказать, навсегда.

В 2009–2010 годах в отношении Ирана Россия занимала двойственную позицию. На раннем этапе консультаций Медведев в разговоре с Обамой признал, что Соединенные Штаты правы в своих опасениях насчет ядерных и ракетных амбиций Ирана (слова, которые никогда бы не сорвались с губ Путина). Русские не пытались заблокировать новые санкции против Ирана, одобренные ООН, даже при том что всячески норовили эти санкции ослабить. Они воздержались от поставки иранцам новейших комплексов ПВО (С-300), развертывание которых значительно осложнило бы нанесение удара по ядерным

объектам Ирана. Путин пообещал Бушу не продавать эти комплексы Ирану, а когда президентом стал Обама, действительно разорвал контракт с иранцами.

Зато, едва речь зашла о противоракетной обороне в Европе, русские почти мгновенно сделали вывод, что новая стратегия, объявленная Обамой, чревата для них куда более серьезными проблемами, нежели предыдущий план Буша. Беспокойство у них вызывала потенциальная возможность развития европейской ПРО, каковое, как они полагали, позволит этой системе сбивать российские МБР. Вдобавок они сочли, что развертывание сотен современных ракет SM-3, запланированное на 2018–2020 годы, представляет для них еще большую угрозу, чем ПШБ. И с этого момента, через несколько недель после сентябрьского заявления президента, русские стали громко и решительно, если не сказать – агрессивно, выступать против нашей новой стратегии; вплоть до моей отставки с поста министра обороны (и позже) в этом отношении ничего не изменилось. Обсуждение потенциального партнерства в области противоракетной обороны велось исключительно из политических соображений обеими сторонами, но в реальности на договоренность не было ни единого шанса. Противоракетная оборона по сей день остается главным камнем преткновения в работе совета «Россия – НАТО» и на двусторонних встречах со всеми руководящими должностными лицами США. Иранская угроза не в состоянии перевесить в глазах русских сомнения в собственной долгосрочной безопасности. Как ни парадоксально, американские критики любят представлять новую стратегию как «большую уступку Обамы русским». Было бы здорово услышать – хотя бы раз в жизни – записного вашингтонского критика: «Что ж, признаю, что я ошибался».

За единственным исключением я почти не участвовал в поддержании отношений между США и Россией во время моей работы в администрации Обамы. Вместе с Конди Райс я прилетал в Россию несколько раз для участия во встречах «двое на двое» с нашими российскими коллегами и для переговоров с Путиным и Медведевым, но за два с половиной года работы на Обаму я посетил Россию лишь однажды, и это случилось под конец моего пребывания в должности, в 2011 году. За этот период не состоялось ни одной новой встречи в формате «двое на двое». Разумеется, я регулярно проводил двусторонние переговоры с российским министром обороны Сердюковым на сессиях НАТО, когда предполагались заседания совета «Россия – НАТО», но эти переговоры редко длились более получаса, а необходимость перевода оставляла мало возможностей для серьезного диалога – как правило, все сводилось к очередному «обмену любезностями»

по поводу системы противоракетной обороны в Европе.

Тем самым единственным исключением стали дебаты по новому договору о дальнейшем сокращении стратегических средств доставки ядерного оружия. У меня к этому договору было, так сказать, личное отношение. Как младший офицер разведки и советник американской делегации я принимал участие в переговорах по первому такому договору с Советами в начале 1970-х годов (ОСВ-1, Договор об ограничении стратегических вооружений); затем, в качестве младшего члена американской делегации, я присутствовал в Вене, когда президент Картер подписал в 1979 году второй договор (ОСВ-2, сенат США не ратифицировал этот договор из-за советского вторжения в Афганистан в декабре 1979 года). Переговоры о дополнительных сокращениях ядерных арсеналов двух стран продолжались на протяжении 1980–1990-х годов (так называемые переговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений), но практических результатов было мало. При Буше-43, в 2002 году, был подписан Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП, также известный как Московский договор), обязавший стороны оставить на боевом дежурстве максимум 1700–2200 ракет с ядерными боеголовками; окончание действия этого договора было отнесено на конец 2012 года, если только вместо него не будет заключено другое соглашение[110]. В начале 2009 года ОСВ, СНП и прочие жуткие акронимы уступили место «новому старту» – так администрация Обамы определила собственные усилия по заключению нового договора об ограничении стратегических вооружений. Той же весной Медведев подписал этот договор. Все президенты, на которых я работал, за исключением Картера, отзывались о переговорах с русскими по контролю над вооружениями как об утомительном и мучительно скучном процессе. Большую часть трудоемких согласований выполняли переговорщики и эксперты уровня заместителей министров (по крайней мере в Вашингтоне), только основные вопросы и препятствия выносились на обсуждение глав министерств и ведомств. Широкий контекст соглашения определился в течение нескольких недель: предлагалось ограничить число ракет с ядерными боеголовками на боевом дежурстве 1550 единицами, а количество стратегических ракетных пусковых установок и бомбардировщиков – 800 единицами. Проект соглашения предусматривал очень важные условия спутникового и удаленного мониторинга – впервые предполагалось установить датчики слежения на каждом бомбардировщике и каждой ракете, – а также проведение восемнадцати ежегодных инспекций

на объектах. Объединенный комитет начальников штабов и глава Стратегического командования поддержали проект договора, как и я сам. Генерал Картрайт и Джим Миллер, первый помощник заместителя министра обороны по политическим вопросам, были экспертами по стратегическому вооружению и сыграли немалую роль в формировании позиции высшего руководства Пентагона, в том числе моей.

Договоренность по пунктам соглашения была окончательно подтверждена 26 марта 2010 года, и президенты Обама и Медведев подписали документ в Праге 8 апреля. Через несколько дней я проинформировал президента, что в момент церемонии подписания российские военные провели учения по нанесению ядерного удара против Соединенных Штатов. Отличный образчик дипломатии Путина, подумалось мне.

Критики договора в Соединенных Штатах, не теряя времени, кинулись выявлять реальные и мнимые недостатки соглашения. Так, они утверждали, что договор лишает нас возможности развернуть полноценную противоракетную оборону, запрещает модернизировать стратегические средства, а также не позволит нанести при необходимости неядерный глобальный удар (с использованием МБР с неядерными боеголовками и дальним высокоточным наведением).

Поскольку договор ограничил число американских и российских ядерных боеголовок, предметом горячего обсуждения при его ратификации в сенате стала «жизнеспособность» наших стремительно устаревавших ядерных боезарядов и производственных мощностей. (Ряд наших производств был возведен еще для реализации Манхэттенского проекта в годы Второй мировой войны.) Руководители министерств и ведомств провели несколько совещаний, обсуждая варианты модернизации, но не новые возможности. Стоимость замены и модернизации оказалась весьма существенной – 80 миллиардов долларов за десять лет. Учитывая конечную цель Обамы – «нулевой уровень» ядерной угрозы, – идея модернизации не могла не встретить жесткого сопротивления на уровне «подкабинета, то есть заместителей министров, членов администрации Белого дома и ШНБ.

Обама четвертым из президентов, на которых я работал, прямо заявил, что хочет полностью избавиться от ядерного оружия (другие три – Картер, Рейган и Буш-старший). Бывшие государственные секретари Генри Киссинджер и Джордж Шульц, бывший министр обороны Уильям Перри и бывший сенатор Сэм Нанн также призывали к «нулевому уровню». Единственная проблема, на мой взгляд, заключалась в том, что я не слышал

подобных заявлений от лидеров прочих ядерных держав, будь то Великобритания, Франция, Россия, Китай, Индия или Пакистан. А если мы по-прежнему располагаем ядерным оружием, нам, черт возьми, стоит убедиться, что оно находится в рабочем состоянии и защищено от террористов и техногенных катастроф. Значит, следует развивать и внедрять новые технологии.

Я провел большую часть своей профессиональной карьеры, анализируя значимость ядерного оружия в системе национальной безопасности, с тех самых пор как получил звание второго лейтенанта[111] ВВС и назначение в стратегическую авиацию. На протяжении десятилетий дебаты относительно условий, при которых допустимо использование ядерного оружия, и споры о численности боеголовок становились все более жаркими и, фигурально выражаясь, эзотерическими. Эти споры напоминали мне порой препирательства средневековых богословов о том, сколько ангелов могут уместиться на острие иглы. Я никогда не верил, что ядерное оружие может быть применено, даже «на ограниченной основе», в войне между США и СССР, – в отличие от многих. Я был активным сторонником значительного сокращения огромных запасов ядерного оружия в нашем арсенале на паритетных началах с Советами, а впоследствии и с Россией. Но я не считал и не считаю, что мы должны в одностороннем порядке сокращать наш ядерный потенциал. Думаю, кстати, что попытка снизить количество ракет до минимального уровня – менее 1000 или 1500 – неизбежно побудит другие ядерные державы превысить эти цифры и поставит нас в невыгодное положение как минимум в глазах потенциальных противников. В общем, это вопрос глобальной политики и военного сдерживания.

Группа сенаторов во главе с Джоном Кайлом из Аризоны ясно дала понять, что не будет голосовать за ратификацию нового договора о СНВ, если администрация не запланирует в бюджете достаточно средств для модернизации существующих ядерных объектов и стоящего на боевом дежурстве оружия. Администрация пообещала предусмотреть такое финансирование, причем большинство расходов предполагалось обеспечить из оборонного бюджета. Я нисколько не возражал. (А Кайл все равно проголосовал против договора.)

В ходе слушаний перед ратификацией я (вместе с Майком Малленом) оказался стараниями администрации в первых рядах защитников договора. Мы с Клинтон и Малленом провели брифинг для всех сенаторов 6 мая, а потом выступили перед сенатским комитетом по международным делам 18 мая. В очередной раз республиканский «ястреб» – то есть я – был вынужден обеспечивать политическое прикрытие для президента-

демократа. Однако, как и в случае ПРО, меня это нисколько не тревожило, ибо я полагал, что и этот договор соответствует нашим национальным интересам. Ключевой вопрос нового договора, я сказал, тот же самый, который задают вот уже сорок с лишним лет, обсуждая проблему контроля стратегических вооружений: лучше или хуже будет стране от договора? Все эти годы, прибавил я, каждый президент рано или поздно соглашался, что с договором – лучше. По условиям договора, у нас остается достаточно МБР, подводных лодок с баллистическими ракетами и бомбардировщиков, а также мы получаем множество возможностей для проверки того, как соблюдает договор другая сторона. Договор не ограничивает наши программы ПРО; имеются вполне реальные планы модернизации нашего ядерного арсенала и сопутствующей инфраструктуры плюс предусмотрено выделение необходимого финансирования для реализации этих планов; также договор ни в малейшей степени не препятствует нам модернизировать наши стратегические силы, в том числе средства доставки, само ядерное оружие и вспомогательную инфраструктуру.

Хиллари охарактеризовала политические аспекты договора и ожидаемые последствия его ратификации, а Маллен описал военное значение документа, добавив, что Объединенный комитет начальников штабов поддерживает договор СНВ-3 целиком и полностью. Вопросы сенаторов были вполне разумными (для гражданских), критика – поверхностной, за исключением того, что сенатор-республиканец Джим Деминт из Южной Каролины предложил «воскресить» рейгановскую систему СОИ. В середине июня мы втроем также выступили на заседании сенатского комитета по делам вооруженных сил. Перед слушаниями я написал заметку для «Уолл-стрит джорнэл», объясняя важность договора, а позднее, в середине ноября, мы с Хиллари подготовили еще одну «апологию» – на сей раз для «Вашингтон пост». Нам также, вместе и по отдельности, пришлось на протяжении лета и осени провести много «качественных» переговоров с конгрессменами. Договор был ратифицирован сенатом на сессии «хромых уток»[112], накануне Рождества 2010 года. Сторонники ограничений победили с преимуществом всего в четыре голоса.

* * *

Серьезный кризис, потенциально чреватый глубокими «трещинами» в отношениях между США и Россией и никак не

связанный с ядерным оружием или Ираном, случился именно тогда, когда договор СНВ-3 находился на рассмотрении сената. 16 июня Джон Бреннан отозвал меня в сторонку после рабочего совещания и сказал, что ФБР раскрыло российскую программу внедрения «нелегалов» на территорию Соединенных Штатов. («Нелегалами», а также «спящими агентами», называют шпионов, которые прибывают в чужую страну, много лет обустраиваются и делают карьеру, получают благодаря этому доступ к значимой, даже секретной информации – и рано или поздно получают от своего шпионского руководства «пробуждающий» сигнал, требующий тех или иных действий.) За несколько лет расследования ФБР выявило четыре пары «нелегалов» в Нью-Йорке, Нью-Джерси и Виргинии. Семь или восемь человек оказались сотрудниками русской военной разведки (ГРУ). Непосредственной проблемой, по словам Бреннана, было то, что источник в Москве, с помощью которого удалось опознать этих «нелегалов», нуждался в немедленной эвакуации из России. Бреннан сказал, что они собираются арестовать всех «нелегалов», допросить их, предъявить обвинения – и в последующем предложить русским обмен агентами. ФБР беспокоило, что шпионский скандал разгорается в преддверии встречи Обамы с Медведевым в Белом доме 24 июня и накануне саммита G-8 в Канаде 25–26 июня. Было очевидно, что шум может подняться изрядный. Бреннан сообщил, что доложит обо всем президенту в пятницу, 18 июня, и настоятельно попросил меня присутствовать.

Директор ЦРУ Леон Панетта поделился со мной подробностями насчет «нелегалов». Его больше всего заботило, как быстро и безопасно вывезти из России источник информации. Сам некогда возглавляя ЦРУ, я был совершенно согласен: следует предпринять все возможное, чтобы сохранить и благополучно «извлечь» нашего агента.

Едва на следующий день мы заняли свои привычные места в Ситуационном центре, стало понятно, что все нервничают. Сразу вспомнились недоброй памяти времена «холодной войны»: шпионский скандал угрожал сорвать политический прогресс во взаимоотношениях США и России. Политики и дипломаты пришли на совещание, раздосадованные самим фактом того, что шпионы поставили под угрозу вроде бы начавшие складываться контакты с Москвой. Зато представители ЦРУ и ФБР были преисполнены решимости вывезти источник информации и предъявить обвинения иностранным агентам – до политики им дела не было. Панетта и директор ФБР Боб Мюллер доложили президенту план по спасению источника и проведению арестов. «Нелегалы», разумеется, проживали на территории Соединенных

Штатов под чужими именами, и никто из них, насколько нам было известно, пока не получал «пробуждающего» сигнала. Президент, похоже, злился на всех: на Мюллера – за желание непременно арестовать «нелегалов», на Панетту – за стремление эвакуировать из Москвы источник информации, на русских – понятно за что: «Как удачно, не находите? Только мы сумели хоть о чем-то договориться с русскими, и тут… Возвращаемся к «холодной войне». Прямо роман Джона Ле Карре. Договор СНВ-3, Иран, отношения с Россией в целом мы подвергаем опасности из-за таких вот ситуаций?» Байден твердо заявил в ответ, что интересы национальной безопасности США не требуют ровным счетом никаких действий. Он решительно подчеркнул, что «наша национальная безопасность основывается в значительной степени на игнорировании» фактических и потенциальных скандалов, способных «разрушить отношения с русскими». Джонс согласился с Байденом и поинтересовался, не можем ли мы отложить эвакуацию источника до сентября. Президент, демонстрируя адвокатский цинизм (и прагматизм), который наверняка показался оскорбительным Мюллеру и Панетте, сказал, что знает: если мы позволим «нелегалам» вернуться в Россию, «парни из ФБР и ЦРУ придут в бешенство», и, вероятно, произойдет утечка информации. «Республиканцы меня растопчут, но мне нужно сохранить широкую перспективу национальных интересов. Разве не существует более элегантного решения?»

Медведев, возможно, даже не подозревает об этой программе, вставил я, а вот Путин знает почти наверняка. Если мы арестуем «нелегалов», когда Медведев будет в Америке или сразу после его отлета, у себя дома он окажется в неудобном положении: «Быть может, есть способ перекинуть все на Путина». А между тем, прибавил я, обращаясь к президенту, «источник необходимо вывезти в оговоренные сроки». Я предложил Обаме конфиденциально встретиться с Медведевым в Канаде, передать ему список российских «нелегалов» в США с указанием их настоящих имен и званий ГРУ, спросить, насколько подобное укладывается в концепцию «перезагрузки», и потребовать, чтобы всех этих агентов эвакуировали в Россию в течение сорока восьми часов, иначе они будут высланы публично. Детям «нелегалов» тоже нужно позволить уехать с родителями. Я сказал, что такие шаги могут дать Медведеву козырь против Путина: зачем тот затеял нечто подобное? Почему не сказал ему? Я добавил, что мы вряд ли узнаем что-нибудь стоящее из допросов; пары «нелегалов» друг с другом не контактируют, а о самой программе и о шпионской сети русских нам уже известно достаточно от источника в Москве. Исходя из прошлого опыта, на организацию

обмена агентами может потребоваться год.

Президент сказал, что одобряет мое предложение, и покинул Ситуационный центр. Принципалы же продолжили разговор. Мы пришли к выводу, что моя рекомендация насчет беседы с Медведевым слишком затягивает дело; в конце концов было решено – и я согласился с этим – предложить президенту провести немедленную эвакуацию нашего агента из России, а затем просто выслать «нелегалов». Тем самым мы покажем, что не боимся действовать решительно, и не поставим того же Медведева в потенциально неловкое положение. Панетта и Мюллер тоже согласились. Панетта добавил, что «вице-президент перевернул все с ног на голову – если президент не отреагирует на русский шпионаж так, как ситуация того заслуживает, именно этим он создаст угрозу договору СНВ и всему остальному». Сведения о поимке шпионов, по его словам, неизбежно просочатся в прессу, а значит, нет шанса, что республиканцы в сенате ратифицируют договор СНВ, если Обама притворится, будто ничего не знает о российских «нелегалах». Я поддержал Леона.

«Нелегалов» арестовали 27 июня. К моему большому удивлению, обмен удалось организовать практически молниеносно – четверо «нелегалов» за четверых россиян, отбывающих тюремные сроки за шпионаж в пользу Запада. Эпизод, как мне показалось, завершился без какого-либо политического ущерба репутации президента и без урона двусторонним отношениям с Россией, но только потому, что мудрость возобладала над исходным побуждением президента и вице-президента «замести все под ковер», и потому, что другие советники Обамы отвергли мою первоначальную рекомендацию. Я восхищался президентом: он сумел справиться с собственным гневом и разочарованием и принять правильное, достойное решение.

Я уже отметил, что за все свои двадцать шесть месяцев работы в составе администрации Обамы ни разу не летал в Россию, но регулярно встречался со своим коллегой, министром обороны РФ Анатолием Сердюковым, в НАТО. Путин и Медведев поручили ему реформировать – и сократить – Российскую армию, особенно сухопутные войска, превратить верхний эшелон командования из громоздкого левиафана времен «холодной войны» в современный инструмент управления войсками. Задача была простой: сократить 200 000 офицеров и около 200 генералов, а также снизить численность штабистов на 60 процентов. Поскольку выходящим в отставку российским офицерам государство обещало предоставить жилье, Сердюкову

еще полагалось найти или построить квартиры для этих офицеров.

Сердюков не имел практического опыта в сфере безопасности. Он пришел к своей новой должности через мебельный бизнес и работу в Федеральной налоговой службе России. Но его тесть, Виктор Зубков, был первым вице-премьером и доверенным лицом Путина; чем дольше Сердюков оставался на своем посту и чем более спорными виделись его реформы, тем яснее становилось, насколько надежно он «прикрыт» как Путиным, так и Медведевым. (Впоследствии Сердюков все-таки оказался замешан в коррупционном скандале и был уволен в ноябре 2012 года.)

По мере того как осуществлялись наши внутренние реформы перераспределения бюджета внутри Пентагона, я все больше интересовался деятельностью Сердюкова. Именно поэтому я пригласил его в Вашингтон – это был первый визит российского министра обороны в США за последние шесть лет. Он прибыл в министерство обороны 15 сентября 2010 года, и я специально устроил так, чтобы на всем пути до моего кабинета не было никаких проверок документов: пусть почувствует себя желанным гостем; той же цели служили оркестры и марши почетного караула. (По-моему, за все четыре с половиной года на министерском посту подобный пышный прием я организовывал максимум для полудюжины гостей.) Я выделил весь день, чтобы пообщаться с российским министром. Утром мы подробно обсуждали реформы, идущие в наших министерствах, и проблемы, с которыми каждый из нас сталкивался. Признаюсь, я невольно вспоминал годы «холодной войны» и думал, что в ту пору не мог себе представить столь откровенного разговора о внутренних конфликтах и о вопросах двусторонних отношений между нашими странами. Хотя, как я уже писал, Сердюков, казалось, не принадлежал к кругу лиц, отвечавших за внешнюю политику России, и в тот сентябрьский день я сполна оценил его мужество, управленческие таланты и амбиции, необходимые для реформирования своей армию. Газета «Нью-Йорк таймс» процитировала некоего московского аналитика, который будто бы сказал: «То, что делает Сердюков, бросает прямой вызов российской военной культуре, культуре, основанной на идее массовой мобилизационной армии, возникшей у Петра Великого». Не знаю, правда это или нет, но Сердюков, вне сомнения, заслужил ненависть всего старшего военного руководства России.

Наши почти дружеские отношения нисколько не сказались на «больном» вопросе, который продолжал разделять Россию и

США, – я имею в виду ПРО. И я по-прежнему раздражал Путина. Вскоре после визита Сердюкова я сказал своему французскому коллеге Алену Жюппе, что при Путине в России нет и намека на демократию, что российское правительство всего-навсего кучка олигархов под контролем российских спецслужб, и что, хотя Медведев формально является президентом, политику страны определяет не кто иной, как Путин. Этот разговор стал достоянием прессы, и Путин, конечно, обиделся. В интервью Ларри Кингу на Си-эн-эн 1 декабря он сказал, что я пытался «опорочить» его самого и Медведева, а также отметил, что я «сильно заблуждаюсь». Что ж, я никогда не стремился «отполировать» мои дипломатические навыки.

На протяжении всего 2010 года лишь восемь человек в администрации занимались практическим решением проблем, которые сыпались на Вашингтон словно из огромного занебесного ящика Пандоры, и каждому из этих восьмерых, несмотря на вроде бы приданные нам огромные бюрократические аппараты, приходилось заниматься этими проблемами самостоятельно. Задача историков и журналистов – и мемуаристов – состоит в том, как точнее передать эти ощущения: когда ты вынужден ежедневно разбираться с многочисленными вопросами, буквально разрываясь между ними и уделяя в лучшем случае по несколько минут, оперативно впитывать информацию и мгновенно вычленять главное среди «белого шума» – и принимать решения в условиях постоянного дефицита времени и неизменного избытка противоречивой информации. В идеале, как мне представляется, следует изыскать способ структурировать наш аппарат национальной безопасности таким образом, чтобы повседневные вопросы можно было передать на более низкие уровни ответственности, и тогда президент и его старшие советники смогут сосредоточиться на общей картине и вести «большую шахматную игру». Увы, в реальном мире реальной политики об этом остается только мечтать. Мир становится все более сложным, в нем возникает все больше конфликтов и столкновений интересов, а потому – в подобной обстановке – итог, к сожалению, традиционно печальный: усталые, если не сказать изнуренные, люди начинают принимать решения, которые сложно назвать оптимальными.

Азия

В первые три года пребывания в должности я каждый год дважды летал на Дальний Восток – в частности, осенью 2007 года

посетил Китай. В 2010 году мне предстоял долгий азиатский вояж, сразу по пяти не связанным между собой поводам.

Любая поездка в Азию, даже если посещения Китая не планировалось, составлялась с учетом возможной реакции китайцев. Укрепление военных контактов с Пекином являлось нашей первоочередной задачей. Впервые я побывал в Китае в конце 1980 года, сопровождая тогдашнего директора ЦРУ Стэнсфилда Тернера: Джимми Картер и Дэн Сяопин в 1979 году подписали соглашение о технологическом сотрудничестве разведок наших стран и противодействии Советскому Союзу (мы искали способ восполнить потерю радаров в Северном Иране, утраченных ЦРУ после иранской революции 1979 года). Это экстраординарное сотрудничество продолжалось не один десяток лет, несмотря на все политические катаклизмы во взаимоотношениях наших государств. Став министром обороны, я решил наладить аналогичные контакты – в значительной степени защищенные от политических разногласий – в военной области. Прежде всего я хотел начать диалог по комплексным вопросам, таким как стратегия ядерного сдерживания и военное планирование на случай внезапного обострения ситуации с Северной Кореей. Я был убежден, что длительный диалог между Вашингтоном и Москвой в ходе наших многолетних переговоров по контролю над вооружениями предоставил нам возможность лучше понять друг друга и намерения каждой из сторон применительно к ядерному оружию; такой же диалог, но с Китаем, позволит избежать недоразумений и просчетов, вполне способных привести к военному противостоянию. Своим визитом в Китай в 2007 году я пытался заложить основу для потенциального диалога. Мы с китайскими коллегами договорились развивать практику совместной работы над довольно широким списком инициатив, от программ по обмену слушателями военных учебных заведений до прямой телефонной связи между министрами обороны и «стратегического диалога». Впрочем, не было ни малейших сомнений в том, что китайские военные руководители всячески уклоняются от подлинного диалога.

В последний год администрации Буша существенного прогресса достигнуть не удалось. Отношения между США и Китаем омрачились в октябре 2008 года, когда Буш-43 объявил о многомиллиардной сделке по продаже оружия Тайваню. Недоверие усугубилось в марте 2009 года, когда океанографическое судно ВМС США «Импеккабл» подверглось агрессивному преследованию китайских сторожевиков в Южно-Китайском море. Это был серьезный инцидент, чреватый

немалыми дипломатическими и военными осложнениями; китайцы, повторюсь, действовали агрессивно – и утверждали, что имеют полное право на свои действия, поскольку американский корабль находился в чужих территориальных водах. Позже пришли к выводу, что это возмутительное нападение было предпринято Народно-освободительной армией Китая (НОАК) без ведома гражданского руководства в Пекине; то же самое, по нашему мнению, относилось и к испытаниям противоспутникового оружия, устроенным в Китае незадолго до инцидента. Оба случая вызвали обоснованную тревогу из-за очевидного «самоуправства» НОАК. Тем не менее в целом сотрудничество продолжалось: в 2009 году, как и было запланировано, состоялся ряд визитов военных и гражданских представителей обеих сторон. Главным нашим «контактом» выступал китайский генерал ВВС Ма Сяотянь, заместитель начальника Генерального штаба НОАК. В Пентагоне за ним закрепилось прозвище «укротитель варваров» – то есть нас. Так сложилось, что именно с ним я виделся чаще всего за годы работы министром обороны.

В ходе своего визита в 2007 году я пригласил высокопоставленных китайских военных руководителей посетить США. 26 октября 2009 года генерал Сюй Цайхоу, заместитель председателя Военного совета ЦК КПК[113], наконец-то откликнулся на мое приглашение. Генерала и сопровождающих его лиц я принял в летнем коттедже президента Линкольна, в нескольких милях от центра Вашингтона. За ужином приемный зал оказался переполненным, но нас рассадили таким образом, что я очутился рядом с главой китайской делегации: это, как выяснилось, была единственная возможность переговорить с Сюем тет-а-тет. Я выбрал тему Северной Кореи – упомянул о рисках нестабильности, указал на опасность краха северокорейского режима как для Китая, так и для Южной Кореи, и сказал, что налицо взаимная заинтересованность в откровенном диалоге о наших действиях в данных обстоятельствах, в том числе о том, как не допустить использование ядерного оружия Севера и обеспечить его нераспространение. По реакции генерала сразу стало понятно, что я нарушил его «зону комфорта», вообще затронув эту тему. «Спасибо за вашу оценку ситуации в Северной Корее» – вот и все, что он мне ответил. Мы также обсудили вероятность моего повторного визита в Китай в 2010 году; как обычно, китайцы весьма прозрачно намекнули, что готовы свернуть все контакты и разорвать отношения, если мы продолжим поставки вооружений Тайваню. Тем не менее публичные заявления, мое и Сюя, демонстрировали «позитивный

взгляд на происходящие», поскольку требовалось показать прочность нашего сотрудничества в преддверии визита Обамы в Китай в следующем месяце.

Двадцать девятого января 2010 года администрация Обамы объявила о сделке по продаже оружия Тайваню на общую сумму более 6 миллиардов долларов. Контракт включал ракеты «Пэтриот», вертолеты, коммуникационные системы для истребителей F-16, минно-поисковые корабли и другую технику. Все понимали, что Китай ни в коем случае не промолчит. Как и команда Буша, мы пытались найти оптимальный баланс между выполнением своих обязательств перед Тайванем и сохранением критически важных отношений с Пекином. Администрация убеждала себя, что, пока мы продаем Тайваню оружие, которое можно охарактеризовать как «оборонительное», это минимизирует ущерб отношениям с Китаем. Однако получилось не совсем так: фактически эта сделка заморозила американо-китайское военное сотрудничество.

Например, жертвой сделки пал мой визит в Китай. Генерал Сюй, напомню, пригласил меня повторно посетить КНР в 2010 году, но после объявления о продаже оружия Тайваню Китай, в типично китайской манере, дал понять, что мой визит будет нежелательным; при этом китайцы усиленно добивались, чтобы именно я публично сообщил об отмене визита, тем самым стремясь избежать дипломатического скандала. На протяжении весны, поддразнивая китайцев, я то и дело повторял, что все еще планирую совершить поездку в КНР. Наконец мы получили официальное уведомление Китая о том, что мой визит в КНР в июне «представляется не соответствующим текущей обстановке». Пресса долго обсуждала эту «китайскую хитрость» и ее последствия для двусторонних отношений.

В начале июня я полетел в Сингапур на ежегодный Азиатский саммит по безопасности «Шангри-Ла», организованный лондонским Международным институтом стратегических исследований. Заседания проходили скучно, однако на саммит прибыли высокопоставленные руководители оборонных ведомств со всей Азии, благодаря чему представилась возможность укрепить двусторонние отношения со многими государствами региона; кроме того, меня просили произнести вступительную речь. Поскольку участники саммита активно обсуждали в кулуарах отмену моего визита в Китай, в своем выступлении я решил затронуть этот вопрос – и двусторонние отношения в более широком контексте. Заместитель начальника Генерального штаба НОАК генерал Ма, представитель Китая, сидел в первом ряду. Я напомнил преимущественно азиатской аудитории, что президент

Обама и Председатель КНР Ху Цзиньтао согласовали в прошлом ноябре «условия развития стабильного и крепкого военного сотрудничества» между двумя нашими странами. Я добавил, что ключевые слова здесь – «стабильный» и «крепкий»; подобные эпитеты вряд ли применимы к отношениям, которые «прерываются вследствие капризов политической погоды». Китайцы прекратили военное сотрудничество с США из-за продажи американцами оружия Тайваню, сказал я, но в этом нет никакого смысла. «Во-первых, поставки американского вооружения Тайваню начались не вчера… Во-вторых, Соединенные Штаты в течение многих лет наглядно и убедительно демонстрировали, что мы не поддерживаем независимость Тайваня… Наконец, поскольку Китай наращивает собственную военную мощь и в значительной степени сосредоточивает ее именно против Тайваня, поставки американского оружия Тайваню являются важным элементом поддержания мира и стабильности по обе стороны пролива[114] и во всем регионе». Я указал, что сделка по продаже оружия Тайваню отнюдь не препятствует укреплению американо-китайских политических и экономических связей, равно как «не мешает развивать сотрудничество в области безопасности, представляющее взаимный интерес… Но почему-то лишь военное сотрудничество по важнейшим вопросам взаимной безопасности оказалось заложником нынешнего конфликта, поводом для которого послужили, честно говоря, старые новости».

Когда начались вопросы из зала, отставной генерал НОАК попытался снова вернуть обсуждение к продаже оружия Тайваню. Я ответил, что китайцам, когда мы восстанавливали дипломатические отношения в 1979 году, было прекрасно известно, что поставки американского оружия Тайваню будут продолжаться. Почему же тогда, спросил я, Китай до сих пор цепляется за этот довод? Ответ генерала был честным – и весьма информативным. Китай, по его словам, не стал возражать в 1979 году против продажи Тайваню оружия, «потому что мы были слабыми. Но теперь мы обрели силу».

Возможно, самой важной среди множества моих встреч в Сингапуре стала встреча с президентом Южной Кореи Ли Мен Баком. Мне очень понравился Ли, человек здравомыслящий, реалистичный и настроенный проамерикански. (В отличие от его предшественника, президента Но Му Хена, с которым я встречался в Сеуле в ноябре 2007 года и который показался мне, во-первых, противником Америки, а во-вторых – слегка безумным. Так, он поведал мне, что главную угрозу безопасности в Азии олицетворяют Соединенные Штаты и Япония.) Чуть более двух

месяцев назад, 26 марта, Северная Корея устроила дерзкую провокацию, потопив южнокорейский военный корабль «Чхонан». Ли сказал мне, что предупредил китайского премьер-министра: Север должен «осознать всю тяжесть последствий». Я согласился, что отсутствие адекватной реакции на случившееся побудит преемника Ким Чен Ира и «далее похваляться военными успехами», а также «породит ощущение безнаказанности». Ли предложил убедить ООН ввести экономические и дипломатические санкции против Северной Кореи и прибавил, что нам нужно провести в ближайшее время совместные военные учения, чтобы показать свою силу. Мы уже договариваемся о дальнейших учениях, напомнил я, но Соединенные Штаты готовы принять рекомендации Южной Кореи по продолжительности и масштабу этих учений. Ли твердо заявил, что о возврате к шестисторонним переговорам по ядерной программе Северной Кореи не может быть и речи, «пока они не признают свою вину и не компенсируют потери». Я поддержал его: «Возобновление шестисторонних переговоров должно рассматриваться как награда; всякое действие влечет за собой последствия, а уже потом переговоры».

Китай в своих спорах с соседями всегда предпочитает разбираться с каждой страной по отдельности – так легче и проще каждую запугать. Именно поэтому Соединенные Штаты давно искали и продолжают искать способы убедить страны этого региона объединиться и – при участии Китая – мирным путем уладить эти споры. Администрация Обамы особенно активно использовала данную тактику, причем стремилась обеспечить и наше собственное участие в разрешении региональных конфликтов – по мере возможности. Это направление деятельности возглавляла госсекретарь Клинтон. Важным шагом вперед виделся ее планируемый официальный визит во Вьетнам в июле 2010 года, а сразу после этого – региональный форум Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в Камбодже (забегая вперед, скажу, что рассуждения Хиллари на форуме относительно притязаний на Южно-Китайское море и критика агрессивного поведения Китая неприятно удивили и разозлили Пекин). Пока я был в Сингапуре на Азиатском саммите, мой вьетнамский коллега пригласил меня в Ханой в октябре, на расширенную встречу министров обороны десяти стран АСЕАН: помимо представителей этих стран предполагалось участие министров обороны Австралии, Китая, Индии, Японии, Республики Корея, Новой Зеландии, России и Соединенных Штатов. Я знал, что Хиллари собирается посетить Вьетнам и Камбоджу в июле, и предполагал, что Вашингтон не станет

возражать против моего визита в более поздние сроки, а потому принял это приглашение. Расширение сотрудничества – как раз то, к чему мы призывали все заинтересованные стороны.

После саммита в Сингапуре я полетел в Азербайджан, чтобы обсудить дальнейшее участие этой страны в обеспечении нашего «афганского маршрута поставок» через Центральную Азию (так называемая Северная распределительная сеть). Я никогда не бывал в Баку раньше, но знал многое об истории Азербайджана. Страной с богатыми нефтяными месторождениями на Каспии руководил президент Ильхам Алиев – и руководил столь же уверенно, как и его отец, Гейдар Алиев. Последний правил Азербайджанской Советской Социалистической Республикой на протяжении восемнадцати лет, прежде чем Михаил Горбачев в 1987 году уволил его за коррупцию и изгнал из состава Политбюро ЦК КПСС. Во власть он вернулся после распада Советского Союза и занимал пост президента страны с 1993 по 2003 год, а затем передал бразды правления сыну. Если говорить совсем откровенно, Азербайджан был своего рода семейным предприятием. Я встретился с Ильхамом Алиевым в огромном дворце и передал ему письмо от президента Обамы, где говорилось о важности крепких дружественных отношений и подчеркивалось наше желание их поддерживать. Ни президент в письме, ни я на словах даже не обмолвились о правах человека. Азербайджанцы много жаловались, что мы не уделяем им достаточно внимания. Поэтому сам мой приезд уже позволил реализовать основную цель визита.

Мне показалось, что Баку насквозь пронизывает главная улица, которую образуют очень широкие бульвары со множеством новых красивых зданий и фешенебельных магазинов. Но всего в нескольких кварталах от этой «показушной» улицы располагался древний, пыльный и неуютный среднеазиатский город. В тот вечер мы ужинали в ресторане азербайджанской кухни, где разнообразное жареное мясо подавали на длинной деревянной доске. Помнится, мы только приступили к услаждению желудков, как один из сотрудников группы безопасности сообщил, что в ресторане пожар. Члены делегации поспешили эвакуироваться, но я не видел ни пламени, ни дыма, а потому остался за столом; компанию мне составила пара самых бесстрашных спутников. Через несколько минут, когда уже слышались сирены пожарных машин, группа безопасности, к сожалению, не оставила мне выбора – убегать или еще задержаться. Меня вывели за дверь, прямо навстречу первому пожарному автомобилю. Я сильно расстроился – терпеть не могу отказываться от хорошей, вкусной еды.

Вторая поездка в Азию в 2010 году, о которой стоит упомянуть, состоялась в середине июля и охватила Южную Корею и Индонезию. Основной целью визита в Корею была ежегодная встреча в формате «двое на двое»: с одной стороны госсекретарь Хиллари Клинтон и я, с другой – наши южнокорейские коллеги. Эта встреча приобрела особую значимость вследствие того, что Северная Корея потопила южнокорейский корвет «Чхонан». Лидер Северной Кореи Ким Чен Ир давно болел, и ходили слухи, что нападение на корабль ВМС Южной Кореи – идея его сына, Ким Чен Ына, молодого человека двадцати с чем-то лет; так, по моему мнению, он хотел показать северокорейским военным, что обладает необходимым мужеством и готов занять место своего отца. Подобный образ мышления предполагал учащение провокаций со стороны Северной Кореи, и потому было крайне важно подчеркнуть нерушимость нашего альянса с Южной Кореей.

Помимо переговоров «символическим» пунктом нашей с Хиллари программы было посещение демилитаризованной зоны в селении Пханмунджом. Нас привезли к наблюдательному пункту на вершине холма, где мы совершили обязательный ритуал, посмотрев в бинокль на территорию Северной Кореи. (Нам удалось избежать конфуза в отличие от нашего предшественника – не буду называть имени, – который приложил к глазам бинокль и стал позировать для фотосъемки, не заметив, что объективы закрыты защитными колпачками.) Лично я разглядел только деревья, ничего больше. В селении Пханмунджом нас провели в небольшое здание, прямо на демаркационной линии демилитаризованной зоны: именно здесь заключили перемирие военное командование Севера и представители сил ООН. Пока нам рассказывали исторические подробности, я смотрел в окно, за которым рослый и весьма грозного вида северокорейский солдат свирепо косился на нас с Хиллари. Мы прилагали все усилия, чтобы никак на это не реагировать; признаюсь, я с трудом подавил желание подойти к окну и сделать кое-что, не слишком соответствующее дипломатическому протоколу. В подобных ситуациях мне на ум частенько приходят, скажем так, оригинальные идеи, но, к счастью, я умею с ними справляться.

Третья важная поездка состоялась в октябре, в Ханой, для участия в расширенном заседании министров обороны стран – членов АСЕАН. Помимо беспрецедентного характера самого мероприятия выделю еще несколько значимых событий. Восемь министров, независимо друг от друга, говорили о необходимости разрешения споров относительно Южно-Китайского моря и других международных вод путем мирных переговоров; эта

критика была адресована Китаю, чей министр обороны, генерал Лян Гуанле, присутствовал в зале. Все согласились с необходимостью выработать общий «кодекс поведения» при разрешении таких споров. Как правило, подобные дискуссии вызывали бурную реакцию Китая, но на сей раз генералу Ляну явно дали указание «не устраивать сцен» – в отличие от министра иностранных дел Китая, который при аналогичных обстоятельствах изрядно пошумел в Камбодже в прошлом июле. Лян просто сидел и внимал с совершенно равнодушным видом. Очевидно, что китайцы наконец осознали: их демонстративно агрессивная тактика ведет к изоляции, – а потому решили не обострять отношения без надобности.

Мы с Ляном пообщались в Ханое наедине. Председатель КНР Ху Цзиньтао планировал посетить Вашингтон в январе следующего года и хотел заранее обеспечить позитивное впечатление от своего визита. Посему НОАК в целом и Ляну в частности, похоже, приказали проявить вежливость по отношению ко мне. Лян начал разговор с упоминания о предстоящем визите Ху Цзиньтао в США и сказал, что в целом наши отношения можно считать дружественными. Затем он прибавил: «Господин министр обороны Гейтс, я знаю, что вы придаете большое значение военному сотрудничеству, и я ценю это, но главное все-таки – уважать коренные интересы друг друга и не усугублять проблемы». После такого вступления он пригласил «уважаемого министра» посетить Китай в начале 2011 года, что свидетельствовало о стремлении китайцев принять меня в январе, до приезда Ху Цзиньтао в Соединенные Штаты.

Я принял приглашение, отложил заготовленные тезисы и заговорил, что называется, с чистого листа. «Надеюсь, наше военное сотрудничество впредь удастся уберечь от влияния политических взлетов и падений, каким примером тут может служить взаимодействие наших разведок». Стратегический диалог по ядерному оружию, сказал я, имеет принципиальное значение, поскольку позволит устранить недоверие и избежать ненужных осложнений; и нет никакой альтернативы прямому диалогу двух правительств. «Давайте не будем лукавить, – продолжил я. – Продажа оружия Тайваню есть политическое решение, к нему не причастен ни министр обороны лично, ни министерство обороны как таковое. И если наши политические лидеры продолжают поддерживать отношения, несмотря на все разногласия, кажется немного странным прерывать военное сотрудничество». Я напомнил Ляну, что в ходе моего визита трехлетней давности мы обсуждали длинный список направлений развития наших отношений, и выразил надежду, что мы можем

вернуться к этому списку. «Возможностей великое множество», – подытожил я. Любитель оставлять последнее слово за собой, Лян ответил: «Возможностей, безусловно, много, но США должны учитывать нашу озабоченность не на словах, а на деле». Я решил не оставаться в долгу и уточнил: «Как и во всем, уважение к озабоченности и перспективам требует взаимности».

Будучи в Ханое, я выступил с речью перед студентами национального университета Вьетнама. Скажу честно, ничего похожего мне раньше испытывать не доводилось. Сама речь была ничем не примечательной: обзор развития американо-вьетнамского военного сотрудничества за минувшие пятнадцать лет, – но вот атмосфера, в которой проходило выступление… Когда я вошел в зал, там гремела музыка в стиле то ли диско, то ли фанк, сверкали и бликовали стробоскопы, а собравшиеся слушатели – в основном молодые офицеры, но хватало и молоденьких студенток, – аплодировали, свистели и, как принято выражаться сегодня, вообще отрывались. Что ж, единственный способ удостоиться такого приема, словно я – заезжая рок-звезда, это, как выяснилось, получить приглашение от диктаторского режима.

Катастрофы

Дважды в течение 2010 года американские военные приходили на помощь населению в чрезвычайных ситуациях. Во вторник, 12 января, в шестнадцать пятьдесят три по местному времени, катастрофическое землетрясение силой семь баллов произошло на Гаити. По окончательным подсчетам, три миллиона человек пострадали и 315 000 погибли. Когда масштабы трагедии стали очевидными, президент Обама распорядился обеспечить скорейшую переброску американских военных подразделений на Гаити для оказания помощи и поддержания порядка. Я нисколько не сомневался, что основным побудительным мотивом президента было стремление не допустить гуманитарной катастрофы, однако я полагал, что еще он хотел продемонстрировать, как быстро способно правительство США мобилизоваться в чрезвычайной ситуации (особенно если сравнивать с реакцией администрации Буша на последствия урагана Катрина), и заработать как можно больше политических очков дома и за рубежом.

Первый запрос из Белого дома на оказание военной помощи пострадавшим на Гаити поступил в министерство обороны утром 13 января; мне сказали, что президент хочет «оперативного и

адекватного отклика». Обама попросил передать, что идеальное развертывание не требуется, «просто перебросьте наши части как можно скорее». Также президент подчеркнул необходимость плотного контроля за ситуацией и поручил докладывать ему ежедневно, утром и ближе к вечеру. Два катера береговой охраны США первыми добрались до Гаити 13 января, а вечером того же дня на острове приземлились два борта С-130 ВВС США (из авиакрыла специальных операций), которые доставили медицинское оборудование, припасы и средства связи. В первую спасательную команду из тридцати человек входили саперы и военные строители, планировщики и специалисты связи. По моему распоряжению к Гаити выдвинулось несколько кораблей ВМС, в том числе авианосец «Карл Винсон». Чтобы вновь открыть международный аэропорт в Порт-о-Пренсе, на остров перебросили дополнительный персонал ВВС; я утвердил приказ о «подготовке к развертыванию» бригады 82-й воздушно-десантной дивизии, всего около 3000 солдат. На момент землетрясения на острове находились 66 американских военнослужащих; они сообщили, что порт непригоден для высадки, пресной воды нет, нужна срочная медицинская помощь и специалисты по погребениям, чтобы надлежащим образом захоронить многочисленные жертвы. Мы делали все возможное, чтобы направить корабли, самолеты, оборудование и людей на Гаити как можно быстрее. Я сказал главе Южного командования[115] генералу Дугу Фрейзеру: «Президент присвоил ситуации наивысший приоритет. Составьте список необходимого – мы вам все предоставим. И не стесняйтесь с запросами».

Операция проходила не то чтобы гладко. Когда в Овальном кабинете в тот вечер мы докладывали президенту о наших действиях и планах, Обама, Донилон и другие в один голос повторяли, что все делается слишком медленно. Мы с Малленом попытались объяснить, что на острове царит хаос, дороги перекрыты, управление воздушным движением в международном аэропорту фактически отсутствует, а портовые сооружения в значительной степени разрушены. Наша основная задача на первом этапе заключалась в том, чтобы снова заработал аэропорт; благодаря этому мы сможем перебрасывать на Гаити существенно большие объемы грузов, включая технику и людей. Донилон вел себя агрессивнее прочих, укорял нас в медлительности и громко жаловался на «неспособность армии справиться с кризисом». В конце концов он перегнул палку со своим шоу на глазах президента и других – когда позволил себе вслух усомниться в том, что генерал Фрейзер подходит для руководства операцией. Пожалуй, я редко, будучи в Овальном кабинете, злился сильнее,

чем в тот момент, и, как никогда, был близок к тому, чтобы в разгар совещания выскочить вон из помещения, хлопнув дверью. Страшно хотелось закатить истерику и заявить президенту, что ему стоит определиться, кто тут вообще министр обороны. Понадобилась вся сила воли и вся самодисциплина, чтобы не дать выплеснуться эмоциям и усидеть на месте.

К 14 января экстренная команда ВВС расчистила взлетно-посадочную полосу в аэропорту и приступила к восстановлению круглосуточного управления воздушным движением. На рассвете 15 января на Гаити прибыло пять грузовых самолетов С-17 с дополнительными средствами связи и оборудованием для организации авиадиспетчерской службы, а также еще 115 сотрудников ВВС, которые взяли на себя заботы по управлению воздушным движением в зоне аэропорта и расширением его возможностей. С 16 по 18 января нам удалось посадить в международном аэропорту Порт-о-Пренса 330 бортов; это количество намного превышало объем воздушного трафика до землетрясения. Половину бортов составили гражданские рейсы, более восьмидесяти самолетов привезли помощь от других стран. (Наши усилия по налаживанию работы аэропорта позднее охарактеризовали как самую напряженную работу одной взлетно-посадочной полосы в истории – 4000 взлетов и посадок, раз в пять минут, в первые двенадцать дней после землетрясения.) Авианосец «Карл Винсон» подошел к острову 15 января, доставив 600 000 аварийных продовольственных пайков и 19 вертолетов. В тот же день заместитель главы Южного командования, генерал-лейтенант Кен Кин, прибыл на остров и возглавил рабочую группу по координации спасательных мероприятий. За выходные к «Винсону» присоединилось еще несколько американских военных кораблей, которые доставили вертолеты и морских пехотинцев. Спустя считанные дни после землетрясения мы располагали на Гаити 17 кораблями, 48 вертолетами и 10 000 моряков и морских пехотинцев – на самом острове и в прибрежных водах. Вашингтон назначил администратора Агентства по международному развитию, доктора Раджива Шаха, руководить и координировать усилия по оказанию помощи. В этой ситуации, как и в других, Шах проявил себя с наилучшей стороны, доказал свою компетентность и умение сострадать. Отмечу заодно, что с ним всегда легко найти общий язык.

Увы, к моему великому огорчению, президент направил на Гаити главу аппарата ШНБ Дениса Макдоно. Он прибыл на остров 15 января, в сопровождении капитана ВМС Джона Кирби, пресс-секретаря Объединенного комитета начальников штабов. Лично я после скандала «Иран – контрас» считал привлечение – или

вмешательство – СНБ в оперативные вопросы, мягко говоря, неоправданным. Против самого Макдоно я ничего не имел; беда в том, что такие «службисты» постоянно лезут не в свое дело, и когда административный чин из Белого дома принимается утверждать, что говорит от имени президента, то порядок соподчиненности нарушается. Предполагалось, что Макдоно будет отвечать за информирование прессы и общественности, но все восприняли его появление на острове как признак «бюрократической интервенции». Даже Джим Джонс, подчиненным которого формально был Макдоно, но который, по всей вероятности, сам его на Гаити не отправлял, признал, что это решение уж чересчур политическое. Он позвонил мне через день или два после прибытия Макдоно на остров и спросил, лишь отчасти в шутку: «Дотянулись до вас наши щупальца?» Я признался своим сотрудникам, что увидел во всем этом очередное проявление неготовности Белого дома к кризисам и очередной образчик микроменеджмента: с инаугурации минул год, а президент словно по-прежнему участвовал в предвыборной кампании.

Наши усилия по оказанию помощи Гаити осложнялись историей взаимоотношений и ситуацией на острове в целом. К США на Гаити относились с подозрением – вполне, к сожалению, обоснованным. В 1915 году, на фоне политического хаоса и шести президентов, сменившихся на острове за четыре года, не говоря уже о доминировании Германской империи в международном торговом балансе острова, президент Вудро Вильсон направил на Гаити 330 морских пехотинцев для защиты интересов США. В итоге мы фактически управляли Гаити, пока морские пехотинцы не покинули остров в 1934 году. В сентябре 1994 года президент Клинтон направил на Гаити 20 000 военнослужащих, чтобы ликвидировать военную хунту и восстановить в должности избранного президента, Жана Бертрана Аристида. Незадолго до прибытия войск Джимми Картер сумел заключить соглашение, по которому хунта отказывалась от власти, а ее лидер обязался улететь из страны. Вскоре после этого американские войска сопроводили Аристида в столицу острова и вернули ему президентство. Примерно шесть месяцев спустя американские силы были выведены с острова. А в 2004 году президент Джордж У. Буш перебросил на Гаити 1000 морских пехотинцев после свержения Аристида (под «аккомпанемент» обвинений в том, что Соединенные Штаты организовали это свержение или по крайней мере подстрекали к нему); позднее к американской морской пехоте присоединились воинские подразделения Франции, Чили и Канады.

Мне вспомнилась эта история, когда мы спешно комплектовали спасательный экспедиционный корпус для оказания помощи. Другие тоже ее вспоминали. Примерно тогда же, когда «Карл Винсон» встал на якорь у берегов Гаити, французский «государственный министр по сотрудничеству»[116] публично обвинил Соединенные Штаты в новой «оккупации» Гаити, приводя в качестве аргумента наш «захват» управления воздушным движением над островом; этот француз и министр иностранных дел Бразилии также жаловались, что мы предоставляем преимущество при посадке и вылете американским бортам. Хватало международной политической «возни» и вокруг нашего растущего военного присутствие на острове, регулярно всплывали намеки на «колонизацию» Гаити американцами, но сильнее всего меня беспокоило то, как будут относиться местные жители к американским морским пехотинцам и солдатам, которые патрулировали улицы и поддерживали общественный порядок. Я полагал, что наши усилия по оказанию помощи предоставляют отличную возможность исправить подмоченную репутацию американских военных на Гаити, и не хотел испортить выпавший шанс случайным (или преднамеренным) использованием силы против гаитян.

Также следовало предотвратить коллапс государственной власти на острове, ведь правительство Гаити, что называется, балансировало на грани и едва держалось еще до землетрясения. Как прикажете уважать гаитянский суверенитет, если нет ни действующего руководства, ни официальных партнеров? Многие чиновники погибли, в том числе и сотрудники национальной полиции, а оставшиеся в живых не имели практически никаких средств связи; президент же, Рене Преваль, склонный к затворничеству, пребывал почти в полной изоляции. После того как он и некоторые гаитянские министры обосновались в штаб-квартире полиции в аэропорту, Соединенные Штаты наконец-то получили официальную просьбу взять на себя управление аэропортом, но в остальном царила жуткая путаница, ибо гаитянские правители никак не могли разобраться, кто из них за что отвечает. В результате координация усилий проходила непросто, и это мягко сказано.

Наши отношения с миссией ООН на Гаити тоже порождали проблемы. «Миссия ООН по стабилизации в Гаити» (МОСГ) была создана в 1994 году[117], после свержения Аристида. В нее входили около 9000 сотрудников служб безопасности из десятка стран; командовали, сменяя друг друга, представители Бразилии. Когда произошло землетрясение, миссию возглавлял бригадный генерал Флориану Пейшоту Виейра Нету. Кин усиленно

налаживал хорошие рабочие отношения с Нету, и, после нескольких напряженных дней споров по поводу функций и задач, 22 января была достигнута договоренность: МОСГ и гаитянская национальная полиция займутся обеспечением внутренней безопасности, а военные США и Канады будут распределять гуманитарную помощь и поддерживать порядок при ее распределении. Наши войска получили право защищать себя в случае нападения, но в остальном были обязаны только обеспечивать безопасность мирного населения, получающего помощь.

Между тем упреки в том, что американские военные действуют слишком медленно, все чаще звучали в СМИ и в конгрессе, а также в Белом доме. Нас спрашивали, в частности, почему мы просто не сбрасывали гуманитарную помощь гаитянам на парашютах. Ответ представлялся очевидным, по крайней мере для меня. Существовал риск, что грузы, сброшенные в районах концентрации людей, упадут буквально на головы тем, кто кинется вперед, чтобы первым добраться до воды и еды. Если предварительно не обеспечить безопасность и порядок на земле, «десантирование» грузов способно вдобавок спровоцировать насилие. Мы старались создать адекватную инфраструктурную и логистическую цепочку, которая в состоянии оставаться стабильной и дееспособной на протяжении недель и месяцев. Мы знали, что помощь следует оказать как можно скорее, но дезорганизация и всеобщий хаос лишь сильнее навредили бы Гаити. Я сказал прессе 15 января, что не могу вообразить, благодаря чему Соединенные Штаты в целом и Пентагон в частности могли бы действовать быстрее.

Ряд частей, которые пришлось развернуть на Гаити, предназначались к передислокации в Афганистан, так что я рад был бы завершить оказание помощи как можно раньше. Государственный департамент и Белый дом, напротив, хотели, чтобы наши вооруженные силы оставались на острове как можно дольше. В итоге мы все-таки договорились приступить к сокращению численности экспедиционного корпуса в начале мая и завершить вывод войск в июне. В начале апреля я встретился в Пентагоне с бразильским министром обороны, и мы, устранив кое-какие «шероховатости», разработали программу позитивного и эффективного партнерства. Отдаю должное Кину и генералу Фрейзеру, которые в немалой степени способствовали успешному выполнению нашей миссии. Правда, забегая вперед, уточню, что задача восстановления разоренной, нищей и дурно управляемой страны, какой была Гаити, на военных не возлагалась.

Американские военные также оказали существенную помощь

во время наводнения в Пакистане летом 2010 года. Ничего подобного там прежде не случалось. К концу июля пятая часть страны находилась под водой, 20 миллионов человек пострадали и около 2000 погибли. Многие дороги, необходимые для спасения пострадавших, были размыты или затоплены. Оказание помощи нашими военными началось 1–2 августа – мы привезли продукты питания, установки по очистке воды и двенадцать временных понтонных мостов. 11 августа я распорядился перебросить в Пакистан из Афганистана шесть вертолетов CH-47 «Чинук». С приходом вертолетоносца «Пелелиу» мы развернули в общей сложности девятнадцать вертолетов для спасения пострадавших и оказания помощи, а к концу августа к «Пелелиу» присоединился вертолетоносец «Кирсардж».

Нашу помощь после мощного землетрясения в Пакистане в 2005 году восприняли с благодарностью, что привело к ослаблению, пусть временному, антиамериканских настроений в регионе. Однако пять лет войны в Афганистане, применение БПЛА в Пакистане, а также углубление разногласий между правительствами наших стран серьезно осложнили ситуацию. К лету 2010 года 68 процентов пакистанцев относились к США «недружественно». Поэтому я проявлял крайнюю озабоченность безопасностью наших вертолетов и их экипажей. Они действовали на северо-западе Пакистана, в таких областях, как Сват – рассаднике экстремизма и надежном прибежище талибов. Сельские жители и даже местная полиция и пакистанские военные, привыкшие к атакам американских ударных беспилотников, смотрели на наших военнослужащих с подозрением, если не с откровенной враждебностью. Я настаивал на том, чтобы пакистанцы выделяли в каждый вертолетный экипаж своего офицера: этому офицеру полагалось объяснять местным, что мы им помогаем, и организовывать распределение грузов с борта вертолета.

Пакистанская пресса сообщала, что местные жители не выказывают восторга, принимают помощь от экипажей наших вертолетов без каких-либо проявлений благодарности, даже без улыбок или рукопожатий. Наши экипажи докладывали, правда, об отдельных случаях радушия со стороны пакистанцев, но в целом население, повторюсь, относилось к нам с подозрением; еще люди часто задавали вопросы, почему мы не ремонтируем и не восстанавливаем дороги и мосты – мол, вот это была бы реальная помощь. Несмотря на суровый прием, в первые три недели августа наши экипажи эвакуировали около 8000 человек и доставили 1 600 000 фунтов гуманитарных грузов. Тем не менее антиамериканизм в Пакистане только усиливался.

Другие неприятности

Конец июля 2010 года обернулся еще одним «наводнением», бороться с которым было не в пример сложнее. 25 июля на сайте организации под названием WikiLeaks, созданной Джулианом Ассанжем, было опубликовано почти 76 000 документов из секретных баз данных Центрального командования в Ираке и Афганистане. Сайт WikiLeaks, как мы выяснили позднее, располагался на компьютерных серверах сразу в целом ряде стран, а сама организация рекламировал себя как источник «засекреченной, подцензурной или иным образом ограниченной информации политической, дипломатической или этической значимости». Я заявил журналистам 29 июля, что нарушение правил безопасности ставит под угрозу жизни и наносит урон репутации правительства США и его способности надежно защитить свои секреты. Я сказал, что публикация документов на сайте может иметь «потенциально драматические и определенно печальные последствия».

С военной точки зрения публикация этих документов означала не просто «типовую» утечку информации. В материалах сайта обнаружилось много сведений о нашей военной тактике, методах и процедурах, а также приводились имена иракцев и афганцев, сотрудничающих с американским командованием. До конца октября 2010 года сайт разместил сотни тысяч документов, и мы подсчитали, что из-за этого около 600 афганцев, которые нам помогали, оказались в опасности: талибы тоже пользовались Интернетом и наверняка узнали имена этих людей. Не менее серьезное беспокойство вызвала публикация 44 000 документов, раскрывающих методику борьбы с СВУ, равно как и материалов, характеризующих наши методы разведки и нашу оценку повстанческого движения. Многостраничные документы из Ирака подробно описывали злоупотребления при задержаниях, случаи гибели гражданского населения и признаки иранского влияния. Кроме того, на сайте разместили почти все документы Объединенной оперативной группы по Гуантанамо, в том числе протоколы допросов заключенных и характеристики этих людей.

«Наводнение» достигло катастрофических масштабов в ноябре, когда Ассанж предупредил, что собирается предъявить сотни тысяч документов и телеграмм Госдепартамента, переписку более чем со ста посольствами по всему миру. 22 ноября он написал в «Твиттере»: «В ближайшие месяцы вы увидите новый мир, история человечества откроется заново». И выполнил свою угрозу. Телеграммы и письма сделали явным тайные переговоры между американскими чиновниками и иностранными лидерами и

другими должностными лицами, а также представили шокирующе откровенные оценки этих лидеров (в том числе и прежде всего президента Карзая); вдобавок все желающие получили возможность заглянуть на «кухню» разведки: стала доступной информация о двусторонних контактах национальных разведок, об источниках и методах работы спецслужб, о контртеррористических операциях и так далее.

Очень скоро было установлено, откуда взялись эти материалы. Рядовой первого класса армии США Брэдли Мэннинг, служивший в Ираке, был обвинен в том, что скачивал документы со своего компьютера на базе и пересылал их основателю WikiLeaks. По-видимому, он, в нарушение правил безопасности, пронес в охраняемую зону под видом музыкальных дисков чистые компакт-диски и на дежурстве загружал на них секретные документы, пользуясь закрытой внутренней компьютерной сетью.

Мэннинг получил практически неограниченный доступ к немалому числу баз данных, потому что после войны в Персидском заливе и последующих войн в Ираке и Афганистане было принято решение обеспечить командиров на каждом уровне командования максимумом информации, насколько это вообще возможно. Техники провели мощный широкополосный канал в штабы в Ираке и Афганистане, командиры получили максимально полный доступ на всех уровнях. Постфактум стало известно, что во многих районах передового базирования плохо соблюдались правила безопасности и эксплуатационные условия, призванные гарантировать секретность информации; бывали случаи допуска к этой информации лиц, имевших поведенческие и медицинские проблемы, также указывалось на «практически полное отсутствие инструментов контроля и мониторинга сетевой активности». В выводах заместителя министра обороны по разведке в январе 2011 года отмечалось:

«Общеизвестно, что в зоне военных действий правила часто нарушаются, чтобы выполнить ту или иную боевую миссию. Это может быть необходимо вне периметра и там, где есть риск прямых враждебных действий. Но подобное поведение получило широкое распространение в гарнизонной культуре районов передовой дислокации, где повседневная рутина и ограниченные возможности занятости личного состава усугубили проблему… Вопрос в данном случае больше о служебном соответствии, чем о политике; меньше о том, чем именно мы делимся, и больше о том, как мы этим делимся. Служебное соответствие не подвергается сомнению на стратегическом и оперативном уровнях, однако ухудшается ниже по цепочке командования. В районах передового базирования многие обязательные практики

игнорируются, а стандарты снижаются».

Госсекретарю Клинтон пришлось много объясняться в столицах иностранных государств по всему миру, чтобы уладить проблемы, вызванные утечкой информации из министерства обороны. Нам с Хиллари бросилось в глаза, что прежде говорливые и откровенные собеседники-иностранцы теперь дружно словно набирали в рот воды, едва видели, что американский чиновник достает ручку и блокнот для заметок.

Я тоже попытался минимизировать ущерб от случившегося. В ходе одного брифинга для журналистов я указал, например, что документы Госдепартамента, выложенные для всеобщего изучения, показывают, что нет, по сути, никакой существенной разницы между тем, что американские чиновники говорят публично, и тем, что высказывают в частном порядке. Опираясь на долгие годы своего болезненного опыта, я напомнил, что американские правительственные учреждения сходны с решетом – «всегда протекают». Я процитировал «крик души» президента Джона Адамса: «Как может правительство трудиться далее при условии того, что оное публикует все свои переговоры с чужеземными государствами, сие мне неведомо. По моему убеждению, это опасное и порочное устремление, пусть и манящее новизной». Я также напомнил, что, когда конгресс установил пристальный надзор за деятельностью ЦРУ в середине 1970-х годов, многие думали, что теперь иностранные разведки перестанут обмениваться с нами информацией, но этого не произошло. На мой взгляд, сказал я, термины вроде «полный провал», «кризис доверия» и прочие, которыми оперируют молва и пресса, не слишком соответствуют ситуации:

«Правительства других стран взаимодействуют с Соединенными Штатами, поскольку это в их собственных интересах, а не потому, что мы им нравимся, или они нам доверяют, или полагаются на нашу способность хранить тайну. Некоторые уважают нас, некоторые боятся, многие нуждаются в нас. У нас на сегодняшний день крупнейшая в мире экономика и самый мощный военный потенциал. Как уже было сказано, на мировой арене мы стали незаменимым партнером. Следовательно, другие страны продолжат иметь с нами дело. Стыдно ли нам? Да. Чувствуем ли мы себя неуютно? Отчасти. Насколько долгосрочным окажется эффект публикации? Думаю, очень скромным».

Другая неприятность – во всяком случае, для меня – была связана с моей поездкой в Боливию в конце ноября 2010 года, на конференцию министров обороны стран Северной и Южной Америки. Я терпеть не могу все эти пафосные конференции с

громкими названиями. Они невероятно скучны и крайне редко приносят практические результаты. Но, поскольку в конференции участвовали все страны Северной и Южной Америки, министру обороны США пришлось поехать по политическим и дипломатическим соображениям. Свою первую такую конференцию, в 2008 году, я вытерпел в основном потому, что канадцы организовали ее в живописном горном городке Банф, в провинции Альберта. Вторая же, в боливийском Санта-Крусе, обещала быть ужасной сразу в нескольких отношениях. Прежде всего я ожидал от этой конференции, организованной правительством ярого противника США Эво Моралеса, бесконечных нападок и упреков в адрес США как от боливийских устроителей мероприятия, так и от их союзников из Венесуэлы Уго Чавеса. Когда я публично заявил, что раздумываю, стоит ли мне ехать, министры обороны Канады и Бразилии пообещали, что заставят боливийцев вести себя прилично. Я положился на их обещание и 21 ноября вылетел в Санта-Крус.

Дорога в отель из аэропорта Санта-Круса впервые в жизни за все годы работы министром вынудила меня понервничать из-за собственной безопасности. Я изводил себя подозрениями, зная, что Моралесу абсолютно все равно, убьют меня по дороге или нет; вполне возможно, такое отношение к моей персоне разделял и вооруженный до зубов боливийский военный эскорт. Маршрут пролегал по узким улочкам, битком забитым коровами, курами и собаками, а людей вообще было великое множество, и каждый перекресток выглядел как подходящее место для засады – в духе «Прямой и явной угрозы» Тома Клэнси. Каждый раз, когда машина притормаживала или останавливалась, я вжимался в кресло. Наконец мы добрались до отеля «Камино реал» – открытая терраса, никаких кондиционеров. Врач, который нас сопровождал, посоветовал свернуться калачиком на кровати в позе эмбриона и ничего не трогать. Не трогайте еду, сказал он. Не прикасайтесь к воде (даже под душ не вставайте). Не покидайте отель. Работники отеля принесли в мой номер вентилятор, размах лопастей которого достигал чуть ли не трех футов; я прилег, и мне почудилось, будто я сплю под открытым небом, а рядом беснуется торнадо.

Моя встреча с боливийским министром обороны прошла на удивление пристойно. Он явно получил сообщение от канадцев с бразильцами. Конференция открылась, однако, длинной – пятьдесят пять минут – приветственной и обличительной речью Моралеса. Он обвинил бывших послов США в поддержке попыток государственного переворота и заявил, что американское консульство «использует пулеметы» против его администрации.

Далее он прибавил, что американские посольства по всему миру спонсируют перевороты, а затем, что называется, перешел на личности: глядя мне в глаза, обвинил ЦРУ и министерство обороны в организации «подрывных усилий».

Моралес явно стремился спровоцировать меня на демонстративный уход из зала. Но, закаленный бесчисленными препирательствами с нашими конгрессменами на протяжении многих лет, я сидел и спокойно слушал. Когда Моралес завершил свое выступление и удалился, несколько латиноамериканских министров подошли ко мне и извинились: по их словам, Моралес грубо нарушил местные традиции гостеприимства. Я же просто хотел, чтобы эта чертова встреча поскорее закончилась и можно было покинуть Боливию. Обратный путь в аэропорт был столь же «захватывающим» и нервным, как и поездка в город. Признаюсь, никогда в жизни я не был так рад ощутить, как самолет ВВС США отрывается от взлетно-посадочной полосы.

* * *

У каждой администрации непременно находятся трудные союзники и непростые враги. Как мне кажется, президент Обама и его администрация в 2009 и 2010 годах по большей части успешно справлялись с теми и другими, хотя меня часто коробила публичная похвальба, особенно сравнения с администрацией Буша – разумеется, почти оскорбительные для последней. К счастью, злоба и горечь дебатов по Афганистану в конце 2009 года не распространились на другие сферы взаимодействия, и команда Обамы постепенно приучилась работать вместе, причем лучше многих, чьи попытки я наблюдал ранее.

За этот период произошло всего два крупных кадровых изменения. В мае 2010 года Денни Блэр был вынужден уйти с поста директора Национальной разведки. Его сменил мой старый друг и коллега Джим Клаппер. Блэр так и не сумел наладить прочные отношения с Белым домом; полагаю, последней каплей, переполнившей чашу терпения, стала его личная инициатива договориться с французскими спецслужбами по ограничению агентской деятельности на территории наших стран. Инициатива получила нулевую поддержку в администрации и, честно говоря, была воспринята как лишнее доказательство «странности» Блэра.

А после публикации в сентябре 2010 года книги Боба Вудворда «Войны Обамы» Джим Джонс покинул пост советника президента по национальной безопасности. Мне всегда казалось,

что он не подходит Белому дому Обамы, и, честно говоря, я удивился, что он столько времени сумел продержаться в своей должности. Думаю, рано или поздно он все равно бы ушел, а книга Вудворда оказалась лишь удобным поводом. С другой стороны, Джонс выступил в этой книге одним из основных источников информации и позволил себе много пренебрежительных комментариев в адрес других представителей администрации и даже собственных сотрудников – никто, кроме Джима, не мог знать таких подробностей. Цитировались и наши с ним разговоры по поводу Донилона: например мои слова, что Донилон в качестве советника по национальной безопасности будет «полной катастрофой». Опять-таки эти слова автору книги мог передать только Джонс. Ряд замечаний в тексте, на мой взгляд, принадлежали Дугу Люту – например, негативные отзывы обо мне и Маллене, рассуждения о якобы имевшем место «заговоре» военных с целью «глубже втянуть» президента в Афганистан. Лют произвел на меня благоприятное впечатление в администрации Буша, я чувствовал себя в долгу перед ним за его роль координатора усилий СНБ, однако Дуг сильно разочаровал меня в администрации Обамы. При обоих президентах, Буше и Обаме, Совет (или Штаб) национальной безопасности, похоже, чрезвычайно охотно делился информацией с Вудвордом; лично я такого сотрудничества никогда не понимал.

Первого октября президент принял меня в Овальном кабинете. Обама, как обычно, сидел в кресле с высокой спинкой перед камином, а я расположился на диване слева от него. Он взял яблоко из вазы на журнальном столике, надкусил, а затем внезапно спросил, кто должен заменить Джонса. По словам Обамы, сам он рассматривал кандидатуры Донилона, генерала Картрайта и Сьюзен Райс. Я сказал: «Надеюсь, в стенах этого кабинета нет ушей. Подозреваю, Хиллари вряд ли сработается со Сьюзен в качестве советника по национальной безопасности». Обама рассмеялся и ответил: «Это не новость, тут уши в стенах не страшны. Хиллари меня простит, а вот люди, которые пошли за мной, – вряд ли». Затем президент заметил, что прочел мои слова о Донилоне в книге Вудворда и хотел бы знать, чем объясняется мое негативное отношение. Я объяснил, что произнес эти слова в разговоре с Джонсом после «афганского» доклада и снисходительных комментариев Тома насчет старших офицеров – комментариев, которыми он явно злоупотреблял в ходе операции на Гаити. Тогда Том все-таки сообразил, что разозлил меня; он позвонил, мы встретились в частном порядке и сняли все претензии друг к другу. Я сказал: «Донилон как советник по национальной безопасности – в этом нет ничего страшного». И

попросил президента передать Тому мои слова. В итоге у нас с Донилоном сложились крепкие и теплые рабочие отношения, хотя его подозрения в отношении Пентагона и военных так и не рассеялись.

В середине 2010 года я ожидал и собственной отставки. Мы с президентом изначально договаривались, что я задержусь на своем посту примерно на год; и к концу 2009 года, особенно после афганской дискуссии, я действительно решил уйти весной 2010-го. О своем намерении я собирался сказать президенту сразу после рождественских праздников, как только вернусь в Вашингтон с Северо-Запада. Но президент опередил меня. 16 декабря 2009 года, за день до моего отлета на каникулы, он пригласил меня в Овальный кабинет. Плотно закрыл дверь и сказал: «Хочу поговорить о вас. Я бы предложил вам остаться на неопределенный срок, но этого, вероятно, не одобрит ваша семья. Значит, я прошу вас остаться по меньшей мере до января 2012 года». Обама искренне признался: «Просто не знаю, где и среди кого искать вам замену. И не только из-за того, сколь успешно вы справляетесь с руководством министерством обороны, но и из-за ваших навыков, вашего опыта, которым вы щедро делитесь». Я ответил, что весьма польщен и что он застал меня врасплох. Я-то ведь собирался предложить в январе, чтобы меня проводили в конце мая 2010 года. В конце концов, в Ираке все обстоит сравнительно неплохо, Афганистан тоже на правильном пути, да и второй год бюджетной реформы завершается… Сделаю все, что в моих силах, сказал я, но вообще-то мы уже разговаривали на эту тему с Бекки, и я признался жене, что, если меня попросят, наверное, останусь до января 2011 года. Обама широко улыбнулся и воскликнул: «А тогда мы с вами снова побеседуем!» Я подумал, что свою речь закончил точкой, а вот президент – многоточием.

Это «многоточие» обернулось продолжением разговора, и в итоге я согласился остаться в администрации до конца июня 2011 года. Думая о будущем, я подозревал, что если не помогу президенту подобрать мне преемника, то вынужден буду проработать до выборов 2012 года. Именно поэтому на встрече 1 октября, когда я поддержал Донилона в качестве замены Джонсу, я сказал Обаме: «У меня соображения по поводу моего преемника. Это Леон Панетта». Он руководил ЦРУ и АБУ и возглавлял президентскую администрацию, указал я, а следовательно, знает, как управлять крупными организациями; он ладит с конгрессом; по его работе в ЦРУ ясно, что он заботится о войсках, будет продолжать реформу министерства обороны, наверняка сумеет найти контакт с Объединенным комитетом начальников штабов;

наконец он в курсе текущих дел и проблем. Я уточнил, что уже переговорил на эту тему с Леоном, и он не ответил: «Черт побери, ни за что!» Думаю, прибавил я, он готов «принять дела в течение восемнадцати месяцев». Президент был краток: «Очень интересно. Я подумаю об этом».

Трудные союзники и непростые враги находились и за рубежом, и, к несчастью, дома. Лично мне в избытке хватало тех и других, особенно в Вашингтоне, округ Колумбия. Для меня 2010 год стал годом продолжения конфликтов и нескольких принципиальных стычек с Белым домом.

Глава 12
Тем временем в Вашингтоне

«Не спрашивай, не говори»

Год 2010 начался для меня с президентского обращения к нации[118] 27 января. И вроде бы ничто не предвещало проблем – разве что необходимость присутствовать на этом политическом шоу: скажу прямо, я терпеть не могу подобные спектакли. Президент выступает перед обеими палатами конгресса в Капитолии, все галереи в здании заполнены так, что яблоку негде упасть (ложу первой леди занимают люди, специально приглашенные, чтобы прокомментировать ту или иную часть президентского послания, а также – всегда – несколько человек в военной форме). Президент рассказывает конгрессу и американскому народу, как обстоят дела в стране – или как они будут обстоять, – неизменно подчеркивая собственные успехи (в худшем случае рассуждая о «беспрецедентных вызовах», которым он «смело противостоит»), и излагает программу действий на предстоящий год. Основные пункты этой программы неизбежно диктуются партийными соображениями. Сторонники президента в конгрессе встают – снова и снова, – аплодируют и издают одобрительные возгласы, а оппоненты сидят, скрестив руки на груди, за исключением тех редких моментов, когда президент упоминает нечто приходящееся им по душе или делает обязательные словесные «реверансы» в адрес американских военных. Судьи Верховного суда стоически молчат, не улыбаются и почти не аплодируют; поднимаются они со своих кресел, только когда президент входит и выходит из зала. Объединенный комитет начальников штабов следует примеру своего председателя: тот хлопает в ладоши – хлопают и они, тот встает – и они тоже вскакивают. В основном штабисты сидят спокойно, вставая и аплодируя только тогда, когда в речи звучат упоминания о войсках или когда возносится очередная безобидная хвала величию Соединенных Штатов. «Ближний» кабинет президента, напротив, вынужден подниматься едва ли не на каждой фразе – и уж точно при каждом выпаде в сторону оппозиции. Повторюсь, я абсолютно не в восторге от этих политических представлений и не важно, кто у власти – Буш или Обама. Мне просто стыдно быть участником ликующей политической клаки, особенно аплодировать стоя весьма спорным внутриполитическим инициативам и необоснованным предположениям. Внимательный наблюдатель наверняка заметил

бы, как часто я последним поднимаюсь и первым сажусь.

Именно так и случилось 27 января 2010 года, когда президент объявил в конце своей речи: «В этом году я вместе с конгрессом и нашими военными наконец-то добьюсь отмены закона, который лишает американцев альтернативной ориентации права служить своей стране, хотя они искренне любят свою страну, – лишает только из-за того, что они такие, какие есть. Это то, что необходимо сделать». В частной беседе с Обамой я уже признал, что закон «Не спрашивай, не говори» (НСНГ) нужно отменить, но меня покоробило (это выглядело как серьезное нарушение доверия), что президент фактически подставил меня и адмирала Маллена, проинформировав нас о своем намерении всего за день до обращения к нации. Он ринулся вперед, подняв забрало, и даже не посоветовался с начальниками штабов соответствующих родов войск, то есть с людьми, которым придется исполнять его распоряжения на практике, и не дал нам с Майком времени переговорить со штабистами. Все, что мы успели предпринять, – это уведомили их о намерении президента. Военное руководство США было категорически против геев на армейской службе, целиком поддерживало закон «Не спрашивай, не говори», принятый в 1993 году; начальники штабов соответствующих родов войск, возможно, считали неблагоразумным открыто выступать против, но по-прежнему выдвигали множество причин, по которым с отменой закона торопиться не следовало. «Упреждающий удар» президента, вероятно, был нанесен ради того, чтобы воспрепятствовать утечке информации из Пентагона до обращения к нации, однако безусловно вызвал недовольство военных, да и мое собственное.

Моя позиция, как я уже говорил, была однозначной с самого начала. Чтобы обеспечить легитимность перемен, особенно в столь щекотливом вопросе, любые изменения в тексте закона НСНГ должны быть приняты и одобрены конгрессом, то есть официально избранными представителями американского народа; президентский указ или постановления суда здесь, на мой взгляд, не годились. Мы также должны предоставить военнослужащим всех уровней и званий возможность высказать свои возражения, поскольку так станут более зримыми проблемы, стоящие перед нами, и способы их преодоления. Требуется время, чтобы командиры и солдаты привыкли к нововведениям, чтобы эти нововведения не повлияли сколько-нибудь существенно на боеготовность, сплоченность, дисциплину, боевой дух и стремление остаться на службе. Военным никогда не позволяют «голосовать», конечно, и я вовсе не отстаивал «армейский

плебисцит». Но все аргументы о том, что мужчины и женщины в военной форме думают по поводу НСНГ, за или против, основывались либо на предположениях, либо на спонтанных наблюдениях. Мне часто задавали вопросы насчет НСНГ, когда я бывал в войсках, и мой ответ всегда был одним и тем же: мы выполним приказ главнокомандующего и конгресса, но мы должны подготовиться надлежащим образом.

Ряд судебных исков, оспаривающих положения закона НСНГ, создавал стойкое впечатление, что суды, неспешно, но неумолимо, движутся к отмене этого закона – причем в формате «сегодня есть, а завтра нет», который мне виделся наихудшим среди всех возможных вариантов, поскольку, как я уже отмечал, у нас в этом случае не оставалось времени на подготовку к изменению политики. Мне предстояло сообразить, как ухитриться совместить действия всех трех ветвей власти: отговорить президента от желания действовать немедленно через распоряжения и указы, убедить конгресс внести необходимые изменения в законодательство (в начале 2010 года это выглядело маловероятным) и приступить к подготовке армии прежде, чем суды не оставят нам выбора и времени.

К счастью, мы с Малленом прекрасно осознавали, насколько твердо президент настроен отменить закон НСНГ, а потому заранее поручили нашим сотрудникам заняться подготовительной работой – еще летом 2009 года. В июне Объединенный комитет начальников штабов провел внутреннее совещание по НСНГ, на котором были обозначены риски, связанные с изменением политики, как то: утрата контроля за переменами, падение боеготовности, ослабление сплоченности и дисциплины, сопротивление (пусть неосознанное) военнослужащих этим переменам и непредсказуемость последствий при реализации новой политики в условиях войны. С другой стороны, ОКНШ перечислил несколько факторов, потенциально способных минимизировать эти риски: мужчины и женщины, поступающие на военную службу, ожидают некоторого сокращения личных свобод и соответственно корректируют свое поведение; геи и лесбиянки на службе стремятся доказать, что являются «полноценными военнослужащими»; подготовка и обучение с акцентом на общие ценности и уважение чужого мнения; активное руководство и координация изменений на всех уровнях. В докладе ОКНШ предлагался ряд альтернативных подходов к проведению исследования в войсках и назывались различные учреждения, которым можно поручить такое исследование. Словом, пускай президент отчасти застал нас врасплох своим обращением к нации, в целом мы были

достаточно хорошо подготовлены к реформе.

Вскоре выяснилось, что, проведя предварительную подготовку, мы поступили правильно. Шесть дней спустя, 2 февраля, нас с Малленом вызвали на заседание сенатского комитета по делам вооруженных сил, и председатель комитета сенатор Карл Левин попросил меня и адмирала высказать свое отношение к НСНГ. (Накануне мы встречались с президентом, обсуждали последующие заявления и практические шаги, и Обама нас, как говорится, благословил.) Я отдавал себе отчет, что слушание может оказаться историческим, и все об этом знают, а потому начал со слов, что «полностью поддерживаю решение президента». Я сказал, что вопрос сегодня уже не в том, одобряют ли вооруженные силы грядущие перемены, а в том, как лучше к ним подготовиться. Я объяснил, что после консультаций с Малленом создал в Пентагоне рабочую группу из руководителей высокого ранга и поручил ей разработать рекомендации по внедрению новой политики «к концу этого календарного года». Наш основной принцип, продолжал я, заключается в том, чтобы свести к минимуму неприятие и возможные конфликты в рядах вооруженных сил, причем особое внимание будет уделено частям в зонах боевых действий.

Я сказал, что рабочая группа проанализирует одновременно сразу несколько вопросов:

«Во-первых, рабочая группа проведет необходимые опросы военнослужащих, чтобы статистически подкрепить мнения о полезности или ненужности перемен… Во-вторых, группа тщательно изучит все изменения, которые потребуется внести в уставы и в политику, в том числе в правила и руководства министерства обороны… В-третьих, рабочая группа исследует потенциальные последствия изменений и их возможное негативное влияние на боевую эффективность».

Я подчеркнул, что исследование займет большую часть года, поскольку мы в первую очередь намерены «минимизировать сложности, сопровождающие изменение военной политики, для частей, ведущих сегодня активные боевые действия и почти десять лет подвергающихся непрерывному стрессу». Чтобы сенаторы оценили важность исследования, я прибавил, что группу возглавят главный юрисконсульт министерства обороны Джей Джонсон и четырехзвездный генерал Картер Хэм, главнокомандующий вооруженных сил США в Европе, ранее – боевой командир в Ираке. Закончил я свое выступление просьбой к членам комитета и к сенату в целом «не политизировать» данный вопрос.

Кульминацией слушаний стало выступление Маллена. Он

начал с того, что напомнил: Объединенный комитет начальников штабов обязан предоставлять президенту наилучшие при конкретных обстоятельствах советы военного характера. Далее он сказал, что сам, как председатель ОКНШ, поддерживает мнение министра обороны. А следующие три фразы адмирала Маллена – после семнадцати лет почти единогласного противостояния высшего военного руководства службе геев в армии – вошли в историю:

«Господин председатель, высказывая свое и только свое личное убеждение, скажу, что разрешение открытым гомосексуалистам служить в армии будет правильным решением. Независимо от того, как я отношусь к самому факту альтернативной ориентации, я не могу не тревожиться по поводу существующей политики, которая заставляет молодых мужчин и женщин лгать, чтобы получить возможность защищать своих сограждан. Для меня все сводится к честности – честности отдельных людей и честности институтов власти».

При этих словах Маллена в переполненном зале заседаний послышался дружный вздох изумления. По-моему, никто не ожидал столь решительного, однозначного одобрения планируемых перемен от председателя ОКНШ. Но Маллен указал на фундаментальный недостаток закона 1993 года: этот закон позволял геям служить в армии – там, где придается максимальное значение личной честности, – вынуждая их жертвовать этой честностью и идти на компромисс со своей совестью. Маллен прибавил, что, как ему кажется, мужчины и женщины в военной форме смогут принять перемены и приспособятся к ним, но он не в состоянии «это гарантировать». Исследование, о котором рассказал министр обороны, поможет устранить эту неопределенность.

На следующий день мы предстали перед комитетом палаты представителей по делам вооруженных сил под председательством конгрессмена Айка Скелтона. Само слушание было посвящено преимущественно бюджету, однако значительное время уделили и обсуждению отмены закона НСНГ (Скелтон выступал против). Когда несколько членов комитета заспорили между собой насчет исследования, я решил вмешаться. Я сказал, что имею опыт руководства тремя крупными организациями: ЦРУ, Техасским университетом и министерством обороны, – то есть мне уже приходилось реализовывать изменения в политике управления. Бывало всякое, я поступал правильно и допускал глупые ошибки. В частности, я совершил ошибку, когда, только приняв на себя руководство ЦРУ, попытался навязать управлению значительные изменения своим директорским распоряжением. С

тех пор я убежден, что наилучший способ сделать все правильно – собрать мнения тех, кого изменения непосредственно затрагивают, в данном случае военнослужащих и их родственников.

В обоих комитетах реакция на наши выступления была, к сожалению, довольно предсказуемой. Сторонники отмены закона поддерживали «реформистскую» позицию руководства Пентагона, но выражали обеспокоенность тем, что мы собирались затянуть с реализацией намеченных планов на несколько лет. Противники отмены ожидаемо негодовали – так, Джон Маккейн едко сообщил, что «глубоко разочарован», и добавил, что предложенное исследование «явно окажется предвзятым», поскольку исходит из убеждения, что закон должен быть отменен. К сожалению, позиции конгрессменов по данному вопросу, как и по прочим, выносимым на обсуждение конгресса, определялись их партийной принадлежностью (хотя не могу не признать, что среди представителей каждой партии нашлись те, кто пытался судить беспристрастно). Впрочем, пару-тройку дней после наших выступлений на заседаниях комитетов я был уверен, что мы получим время на проведение исследования. Демократы в сенате явно не располагали шестьюдесятью голосами, которые требовались, чтобы преодолеть сопротивление республиканцев, и даже спикер палаты представителей Нэнси Пелоси сказала, что сможет отложить голосование до промежуточных выборов в ноябре.

Несмотря на публичную поддержку данной инициативы, я разделял опасения начальников штабов родов войск о «несвоевременности» изменений политики – с учетом двух войн, которые мы вели, с учетом стресса, которому уже подвергались наши военные. Особенно сильно меня беспокоило влияние изменений на боеспособность и сплоченность тех боевых и тыловых подразделений армии, морской пехоты и войск специального назначения, которые несли на своих плечах всю тяжесть конфликтов «после событий 9/11»; пусть это лишь малая часть наших вооруженных сил, но именно в этих подразделениях спаянность и дух боевого братства имеют решающее значение для успеха и выживания. Я понимал, что основное бремя реализации новой политики ляжет на тех же офицеров среднего звена и сержантов, которые и без того находятся в состоянии перманентного стресса. Поэтому я хотел, чтобы боевые подразделения (в Ираке и Афганистане) по возможности не участвовали в исследовании и чтобы аналитики сосредоточились на опросе прежде всего в тех частях, которые недавно вернулись из зон боевых действий. Я надеялся, что промежуточные выборы в

ноябре заставят конгрессменов на время забыть о голосовании, хотя и ощущал спиной «горячее дыхание» судов. Правда, не стану лукавить – я был настроен скептически насчет того, что конгресс проголосует за отмену закона. Моя главная задача состояла в том, чтобы оперативно подготовить исследование и не допустить при этом «моментального» внедрения новой политики и «взбаламучивания» войск по поводу перемен, которые могут и не состояться. А если все же конгресс одобрит отмену НСНГ, я приложу все усилия к тому, чтобы осуществить изменения в вооруженных силах без накладок и инцидентов.

«Персонализированная» точка зрения Маллена, которую он высказал в конгрессе, изрядно осложнила жизнь главам родов войск. Все они, в особенности командующий корпусом морской пехоты, публично выступали против отмены закона НСНГ в ближайшее время. Своей озабоченностью они поделились со мной на встрече в «Танке» 19 февраля. Откровеннее всего выступали начальник штаба сухопутных войск Джордж Кейси и глава штаба ВВС Норти Шварц. Кейси сказал, что не поддерживает меня, но подчеркнул необходимость проведения консультаций с войсками, чтобы избежать впечатления, что «все решено заранее». Он добавил, что хочет зарезервировать за собой право представить «обоснованные военные рекомендации» на случай, если исследование покажет, что вооруженные силы воспринимают отмену НСНГ как плохую идею. «Военную культуру нельзя менять постоянно», – подытожил он. Шварц сказал просто: «Сейчас неподходящее время». Командующий корпусом морской пехоты Джим Амос уточнил, что его тревожит боеготовность подразделений, а затем спросил, что отвечать начальникам штабов, если пресса вдруг попросит поделиться «личным мнением». Я ответил как ни в чем не бывало: «Не надо ничего придумывать, просто будьте честны». Но я также напомнил, что исследование предоставляет шанс избежать открытого несогласия с Малленом и с главнокомандующим. Они могут и далее выражать беспокойство, достаточно лишь всякий раз оговариваться, что окончательное решение будет принято только по результатам исследования. Все трое согласились со мной, что, если закон отменят, нам придется исполнять это решение.

Благодаря стараниям Джея Джонсона и его сотрудников в конце марта я сообщил, что ряд изменений вступают в силу немедленно, чтобы сделать текущую политику управления и применение действующего законодательства более справедливыми. Я объявил, что повышу звание офицера, который уполномочен вести расследования случаев служебной дискриминации по гомосексуальному признаку со стороны

какого-либо генерала или адмирала. Мы собирались также пересмотреть критерии «достоверности информации» о гомосексуальных наклонностях военнослужащих, например, потребовать свидетельства под присягой и запретить распространение слухов. Еще следовало уточнить определение «надежного источника», на основе показаний которого возможно начинать расследование, и уделить «пристальное внимание третьим лицам, которые могут быть заинтересованы в причинении вреда обвиненному военнослужащему». Тем самым мы хотели решить проблему брошенных любовников и отвергнутых романтических поползновений: хватало ситуаций, в которых обвинитель использовал положения закона НСНГ, чтобы отомстить «коварному» обвиняемому. Определенные категории конфиденциальной информации отныне не подлежали использованию в качестве свидетельств – к примеру, сведения, изложенные юристам, священнослужителям и психотерапевтам, равно как и лечащим врачам и должностным лица системы общественного здравоохранения. По сути, изменения ограничивали сферу применения закона НСНГ в вооруженных силах и несколько облегчали положение тех военнослужащих, кто не предпринимал попыток скрыть свою ориентацию. Мы надеялись, что теперь военные перестанут тратить время и силы на поиски тайных геев и лесбиянок в своих рядах.

Как выразился один репортер, «больше не будет инквизиторского рвения, прокурорского пыла и политики, нацеленной на отлавливание военнослужащих-геев. Маленький шаг, но он поможет изменить военную культуру». С 1993 года, напомню, более 13 500 военнослужащих были уволены со службы за гомосексуальное поведение. Теперь таких станет меньше.

На Капитолийском холме после наших с Малленом выступлений развернулось бурное обсуждение вопроса об отмене НСНГ. Сенатор Левин заявил, что следует объявить мораторий на увольнения со службы, пока конгресс вновь не станет дееспособным после выборов. Честно сказать, я удивился – как можно ввести мораторий на исполнение закона? К счастью, Джей Джонсон подобрал для меня необходимые юридические обоснования. Я также прямо заявил президенту и Эмануэлю, что любую попытку узаконить отмену НСНГ до завершения исследования сочту неприемлемой, поскольку это будет воспринято как прямое оскорбление мужчин и женщин в военной форме, которым совсем недавно пообещали, что их мнением поинтересуются перед значимым изменением военной политики. Президентский указ или постановление конгресса будут означать, что на самом деле президенту и конгрессу на них наплевать.

Обама и Эмануэль подтвердили – однозначно и неоднократно, – что не планируют никаких корректировок законодательства до завершения исследования.

К середине апреля стали доходить слухи о некоей тайной сделке, якобы обсуждаемой администрацией Белого дома и конгрессом. Я встретился с Рамом 21 апреля и сказал ему, что на основании многочисленных свидетельств из сената делаю вывод: представители Белого дома активно «обрабатывают» сенаторов Либермана и Левина, настаивая на законодательных инициативах по поводу НСНГ до завершения пентагоновского исследования. Я прибавил, что устал от стремления Белого дома откликаться на давление со стороны гей-лоббистов по НСНГ без учета мнения военнослужащих – похоже, «никому здесь» (в Белом доме) нет дела до позиции военных.

Девять дней спустя мы с Малленом повторно изложили свои взгляды в ответ на официальный запрос Айка Скелтона о целесообразности законодательных инициатив по отмене НСНГ до завершения исследования: «Мы категорически против любой законодательной инициативы, которая предусматривает внесение изменений в текущую политику до завершения жизненно важного исследования». Наши слова проигнорировали. Политиканы из Белого дома, несмотря на протесты, продолжали вести закулисные переговоры с конгрессменами и «независимыми» экспертами о соответствующих законопроектах. Я узнал об этом, поскольку не раз в первую половину мая Рам приходил ко мне с очередным планом и спрашивал, что я думаю. Вспоминая заверения президента и Эмануэля – мол, они обязательно дождутся результатов исследования, прежде чем обращаться в конгресс, – я чувствовал, что перестаю доверять Белому дому.

Двадцать первого мая Роберт Рангел и Джей Джонсон встретились с заместителем главы администрации Белого дома Джимом Мессиной, главой аппарата Штаба национальной безопасности Макдоно и некоторыми другими сотрудниками аппарата президента. Речь шла о взаимодействии с конгрессом. Рангел снова изложил мою позицию. Мессина сказал, что президент уже не может публично выступить против конгресса. Дескать, им удавалось «забалтывать» и «педалировать» вопрос на протяжении нескольких месяцев, однако настойчивость конгресса относительно принятия мер «вынуждает президента отступить». Джонсон и Рангел объяснили, почему мы с Малленом так заботимся о проведении и благополучном завершении исследования, и дали понять, что, сколь бы «искусно» мы ни рационализировали потребность в изменении нынешнего законодательства ради ублажения Вашингтона, «это нисколько не

убедит военнослужащих – ведь они живут в другом мире, и для них все сводится к тому, отменит конгресс закон до завершения исследования или нет».

В воскресенье, 23 мая, пока Рангел, Джонсон и сотрудники администрации Белого дома искали возможности уладить противоречия и в ближайшую неделю выйти к конгрессу с согласованным предложением, Маллен встретился со мной на крыльце моего дома – специально приехал, чтобы обсудить состояние дел. Пыхнув сигарой, я сказал Майку, что Эмануэль уговаривает меня одобрить законопроект, которой предусматривает отмену НСНГ, но привязывает исполнение этого решения к результатам исследования и изучению рекомендаций. Мне кажется, что суть не меняется: все равно войска сочтут, что конгрессу наплевать на их мнение. Маллен сказал, что Белый дом обманул его еще тогда, когда он обсуждал этот вопрос с начальниками штабов. Майк вдобавок находился под сильным впечатлением от недавно опубликованной книги Джонатана Олтера «Обещание», где доказывалось, что Белый дом и президент не доверяют военному руководству. Я ответил, что тоже разочарован поведением администрации, а потом произнес фразу, которую позднее записал для себя: «Демократы опасаются потерь осенью, потерь, которые помешают им отменить НСНГ после выборов (и после исследования)». Я прибавил: «Они слушают только адвокатов геев и лесбиянок и вовсе не желают прислушиваться к войскам. Сплошная политика, я сыт ею по горло».

Двадцать четвертого мая я в последний раз, во время встречи наедине, попытался отговорить президента. Я сказал ему, что в 1993 году Объединенный комитет начальников штабов во главе со своим председателем единодушно выступил против президента, желавшего разрешить открытым геям службу в вооруженных силах. Семнадцать лет спустя нам с Майком удалось заручиться согласием начальников штабов на отмену закона, поскольку им пообещали, под гарантии Обамы, что у нас будет время завершить исследование, не опасаясь поспешных инициатив. «Вы собираетесь нарушить хрупкий мир, – сказал я. – Чем это обернется, я не знаю». Увы, Обама не прислушался к моим словам, поэтому я, что называется, выбросил белый флаг: я сказал президенту, что приму предложенный законопроект как минимально приемлемое промежуточное решение.

Сделка администрации с сенаторами Левином и Либерманом позволила отменить закон 1993 года, но отмена не имела юридической силы, пока министерство обороны не завершит свое исследование и не представит рекомендации по изменению

военной политики, а также пока президент, министр обороны и председатель Объединенного комитета начальников штабов не подтвердят, что исполнение нового закона не повредит боеготовности войск и не скажется на желании американцев служить в армии. «Я по-прежнему считаю, что в идеале результаты исследования министерства обороны должны были быть озвучены до одобрения законопроекта, отменяющего НСНГ, – сказал я на пресс-конференции. – Однако конгресс дал понять, что это невозможно, и я вынужден согласиться с текущим порядком действий». Корреспондент Си-эн-эн Джон Кинг сообщил 25 мая, что я «выступил с заявлением, которое поддерживает реформу, но, по сути, это очень, очень, очень прохладная поддержка». Кинг все понял правильно. Законопроект был одобрен сенатским комитетом по делам вооруженных сил (16 голосов против 14), но застрял на утверждении сената. Комитет палаты представителей по делам вооруженных сил тоже одобрил законопроект, несмотря на возражения своего председателя, а сама палата высказалась за 229 голосами против 186. Благодаря противодействию республиканцев в сенате, законопроект оставался в подвешенном состоянии вплоть до предрождественской сессии «хромых уток», а к тому времени как раз стали известны результаты исследования.

Великолепно организованное и курируемое Джеем Джонсоном и генералом Хэмом, исследование включало в себя опрос 400 000 военнослужащих (первоначально предполагалось опросить 200 000 человек, но я попросил сопредседателей удвоить число), опрос 150 000 жен и мужей военнослужащих, отчеты о встречах с фокус-группами, которые проводили Джонсон и Хэм и в которых участвовали почти 25 000 военнослужащих, а также результаты организованной независимой третьей стороной «горячей линии», в ходе которой военнослужащим нетрадиционной ориентации предлагалось на условиях полной конфиденциальности поделиться своим мнением. Это было крупнейшее исследование из всех когда-либо проводившихся министерством обороны, и оно впервые в истории США суммировало практический опыт отношения к геям и лесбиянкам в американской военной культуре.

Двадцать седьмого сентября я получил предварительный доклад о результатах исследования. Отрадно было, что от 15 до 20 процентов респондентов увидели положительные последствия отмены закона НСНГ; от 50 до 55 процентов заявили, что отмена слабо или вообще никак не повлияет на боеспособность подразделений и на возможность выполнения боевых задач. Около трети оказались против. Среди них большинство

составляли солдаты и офицеры сугубо «мужских» боевых частей – будь то сухопутные войска, подразделения специального назначения всех родов войск и особенно морская пехота. Исследование снабдило нас весьма полезной информацией по проблемным областям, которые потребуют особого внимания и дополнительных усилий, предваряющих вступление в силу нового закона. Даже опираясь на предварительные данные, можно было с уверенностью сказать, что недовольство новым законом ниже, чем ожидалось. Реализация новой политики наверняка столкнется с определенными трудностями, однако, судя по полученным результатам, глобального противодействия не будет. Словом, уже предварительный доклад точно убедит сенат принять новый закон.

Разумеется, стоило мне решить, что все в порядке, что мы наконец-то нашли возможность отменить НСНГ и не развалить армию, – вмешался суд, и начался хаос. 9 сентября судья федерального окружного суда Вирджиния А. Филлипс в Сан-Диего постановила, что закон НСНГ является антиКонституционным. 12 октября она отвергла просьбу администрации восстановить действие закона и выдала предписание военным более не принимать во внимание данный закон. Мои самые большие страхи стали явью. И случившееся спровоцировало конфронтацию с президентом (худшего конфликта между нами не бывало).

Когда судья Филлипс выпустила свой запрет, я находился в Брюсселе на совещании министров обороны стран НАТО. Президент позвонил мне 13-го и сказал, что готов искать способы отсрочить вступление в действие судебного решения, но мы должны найти возможность «подвесить» его исполнение до тех пор, пока конгресс не начнет действовать – точнее, как он выразился, «не покончит с этим подвешенным состоянием». Я ответил, что, как мне кажется, закон 1993 года остается в силе до рассмотрения апелляции, которую, конечно, сразу же нужно подать. И предложил, чтобы Джей Джонсон, юрисконсульт Белого дома Боб Бауэр и представители министерства юстиции вместе обсудили, какие варианты поведения «нам доступны в рамках законодательства». Президент согласился созвать такое совещание, но отметил, что «необходимо быстро и решительно снизить накал страстей».

Линия фронта, которая пролегла на следующей неделе между Белым домом и министерством обороны – между президентом и мной, – оформилась в тот же вечер, когда состоялось предложенное мною совещание юристов. Бауэр заявил, что министерству юстиции следует искать возможность отсрочки

судебного решения и подать апелляцию на постановление судьи Филлипс, а также заявить суду, что мы приостановим любые дальнейшие разбирательства относительно отмены НСНГ до вынесения решения в суде Девятого округа (это наиболее либеральный судебный округ в стране). Джонсон и Рангел возразили: такой шаг юридически недопустим, с учетом долгой истории применения закона НСНГ министерством обороны. Они напомнили Бауэру, что администрация отвергла аналогичные обоснования, когда сенатор Левин в начале года призывал к мораторию на увольнения, и сказали, что ожидают репутационных потерь, если администрация внезапно откажется от соблюдения законодательства. Обсуждение зашло в тупик. Представители Белого дома сообщили, что доложат обо всем президенту.

Хотя я по-прежнему находился за границей, нам с президентом организовали новый телефонный разговор 15 октября. Перед звонком Обамы Джонсон сказал мне, что из слов Бауэра понятно: президент «очень хочет» приостановить «сексуальную сегрегацию» на временной основе в ожидании решения по апелляции; он «долго и мучительно размышлял» предыдущие два дня. Джонсон сказал Бауэру, что я тоже «сильно озабочен» и что президенту нужно знать – мы с ним значительно расходимся во мнениях.

С борта своего самолета я переговорил с Малленом, Джонсоном и Рангелом. Я сказал им: «Знаете, от смены часовых поясов у меня голова кругом идет. Как прикажете изображать защитника Конституции в беседе с президентом, который у нас специалист по конституционному праву?» Рангел предложил просто подвергнуть сомнению разумность и правовую обоснованность приостановки сегрегации, не оспаривая идею в целом. «По-моему, отсрочка означает, что закон действует во всей полноте, – ответил я. – Думаю, тут ничего сложного, либо черное, либо белое. Закон или есть, или его нет».

Когда президент позвонил, то сразу сказал, что хочет приостановить исполнение закона на тот срок, пока дело рассматривается судом Девятого округа. Бауэр и Джонсон переговорили с юрисконсультским управлением министерства юстиции (это структура, которая оценивает законность действий правительства), и там подтвердили, что такое возможно. Мои возражения президент предпочел не услышать.

Мы вернулись к вопросу НГНС 19 октября в Белом доме. Я сказал: «Мне как-то непривычно соблюдать закон только частично, а не полностью… Закон или действует, или не действует, серой зоны не существует». Маллен поддержал меня.

Президент подался вперед, не вставая с кресла, и произнес тихо, но решительно: «Я категорически не согласен. Я считаю, что закон неправильный, что истцы имеют преимущество перед правительством». Он помолчал, явно борясь с раздражением, потом продолжил: «Прошло уже два года моего президентства, а никаких действий не предпринято. Никто не может обвинить меня в том, что я не держу слова». Он предложил нам подумать и встретиться снова на следующий день, поскольку вопрос необходимо решить в ближайшие двадцать четыре, максимум сорок восемь часов. По завершении встречи мы провели несколько минут наедине, и Обама признался: он не верит, что суд Девятого округа, несмотря на либеральную репутацию, отменит решение окружного суда. Нужно будет как-то отреагировать, «иначе группы [гей-активистов] определенно сойдут с ума». Президент добавил, что приостановление увольнений на время апелляции позволит ему подыскать возможности смягчить НСНГ, если закон будет восстановлен в полной силе.

На следующий день, после совещания СНБ по Афганистану, президент пригласил нас с Малленом в Овальный кабинет. Он спросил, каково наше мнение по поводу НСНГ, и я ответил, что оно ничуть не изменилось. Мне рассказывали, прибавил я, что, едва твердо установлено, что военнослужащий уличен в том, что определяется как «гомосексуальное поведение», закон однозначно требует его увольнения. Сославшись на консультацию Джея Джонсона, я подчеркнул, что президент «предлагает приостановить наиболее директивную часть закона». Когда всем стало ясно, что я не намерен отступать, Обама подытожил: «Я не стану просить вас поддержать то, к чему вы не расположены. Да, я лидер свободного мира, но не в моих силах, похоже, добиваться исполнения всех желаний».

Мне показалось, что голос у президента какой-то хриплый. Выходя из Овального кабинета, я неосмотрительно спросил, как он умудрился простудиться. Обама только махнул рукой, как бы намекая: не подлизывайся ко мне, я очень, очень зол. Он разозлился на меня действительно сильно, никогда раньше такого не случалось. Обама был убежден, что закон НСНГ – ошибка, и был чрезвычайно расстроен тем, что ничего не может с этим поделать. Я оказался одним из главных препятствий, однако, очевидно, он не решался приказать мне выполнить то, что я сам считал неправильным.

В тот же день, 20 октября, суд Девятого округа удовлетворил апелляцию правительства об отсрочке исполнения решения суда низшей инстанции, и закон НСНГ возобновил свое действие. На

следующий день я подписал распоряжение: увольнение из вооруженных сил по признаку сексуальной ориентации допускается исключительно с ведома министра соответствующего рода войск, причем после согласования с главным юрисконсультом Пентагона и заместителем министра обороны по кадрам и боеготовности. Конечно, фактически это означало приостановление увольнений, но я не возражал, ибо закон снова действовал и мы могли его выполнять.

Адмирал Маллен и я публично сообщили о результатах исследования, проведенного по заказу Пентагона, 30 ноября. Я кратко пояснил, что, судя по результатам опросов, «отмена закона НСН, потенциально разрушительная в краткосрочной перспективе, не сулит армии в целом мучительных, травмирующих перемен, которых многие опасались и предсказывали… Ключом к успеху, как и в большинстве случаев, когда речь идет об армии, является обучение, подготовка и прежде всего уверенное и принципиальное руководство, то есть четкая позиция всей цепочки командования».

В заключение я настоятельно посоветовал сенату утвердить новый законопроект, отменяющий действие НСНГ, и направить его на подпись президенту до конца года. Теперь, когда мы опросили наших солдат и офицеров, моя позиция по НСНГ во многом совпадала с позицией Белого дома, хотя бы в отношении к новому законопроекту. Я также предупредил сенатора Маккейна и других противников отмены НСНГ: «Те, кто предпочитает избегать принятия законодательных решений, сознательно доводят ситуацию до абсурда, и в итоге военную политику начнут определять решения гражданских судов». Что касается выступления адмирала Маллена, его суть можно выразить фразой: «Мы можем себе позволить такие изменения в политике».

Мы с Майком 2 декабря доложили о результатах исследования сенатскому комитету по делам вооруженных сил. Самый неприятный момент возник, когда меня спросили, стоит ли настаивать на отмене закона НСНГ, если опросы демонстрируют существенную долю недовольных среди военнослужащих. Я ответил довольно резко: «Не могу вспомнить ни единого прецедента в истории, чтобы в американских вооруженных силах проводился референдум по политическим вопросам. Вы собираетесь спрашивать у солдат, нравятся ли им пятнадцатимесячные командировки? Или хотят ли они участвовать в подавлении повстанцев в Ираке? Наша военная машина под руководством гражданских лиц никогда так не работала».

Несколько неопределившихся сенаторов сделали свой выбор

на основании пентагоновского исследования, и вопреки ожиданиям большинства политиков и комментаторов 18 декабря сенат проголосовал за отмену закона НСНГ, а 22 декабря президент подписал новый закон. Бросилось в глаза, что на церемонии подписания, которая транслировалась по ТВ, сценаристы и режиссеры намеренно разместили за спиной президента флаг морской пехоты. Массивные бюрократические колеса Пентагона вдруг закрутились с необыкновенной быстротой, ибо требовалось привести военную политику и правила министерства обороны в соответствие с новым законом и подготовить необходимые обучающие материалы для вооруженных сил. К концу февраля обучение уже шло полным ходом: начали с командиров, а затем охватили все два миллиона мужчин и женщин в военной форме. Министры родов войск и начальники штабов забыли о недавнем скептицизме и возглавили усилия по перестройке военной культуры. Новый командующий корпусом морской пехоты Джеймс Амос, который, как и его предшественник, выделялся среди прочих глав родов войск резким неприятием планов по отмене НСНГ, теперь отчаянно добивался, чтобы морские пехотинцы обучились новым правилам в первую очередь и лучше остальных.

Обучение шло гладко, но процесс сертификации изменений в законодательстве не завершился до моего ухода в отставку. Президент подписал третий и последний сертификат, требуемый для окончательной отмены закона НГНС (его уже подписали министр обороны Леон Панетта и председатель ОКНШ Майк Маллен) 22 июля 2011 года, через три недели и два дня после моего ухода. В соответствии с условиями нового закона условия НГНС были аннулированы во всех подразделениях американских вооруженных сил 22 сентября 2011 года. И ни малейших сложностей не возникло. Мы перевернули страницу в истории, и мир не покачнулся.

Мне могут возразить: мол, раз все было так тихо и спокойно, следовало отринуть наши страхи и опасения и действовать гораздо быстрее. Но я считал и считаю, что успешная реализация новой военной политики всецело обязана планированию и подготовке, которые ей предшествовали.

Война внутри (продолжение)

Переброска войск туда, где они сильнее всего требовались, оставалась насущным вопросом моей повестки дня в 2010 году. С начала года в Афганистане стали появляться вездеходы MRAP,

ощутимо снижая уровень потерь среди личного состава и обеспечивая надежную защиту солдат и офицеров. Мы добились значительного прогресса в развертывании на афганском ТВД дополнительных самолетов и беспилотных летательных аппаратов и тем самым серьезно улучшили возможности разведки, наблюдения и рекогносцировки. Но с изменением стратегии, теперь нацеленной на безопасность гражданского населения, все чаще боевые подразделения выдвигались на враждебную территорию в пешем порядке. Потери от самодельных взрывных устройств выросли, ранения и увечья становились все более тяжкими. Когда солдат наступал на мину или на самодельное взрывное устройство, обычно он лишался руки или ноги, и ему еще везло, если подрыв не сопровождался сопутствующими повреждениями паховой области, таза или брюшной полости. В такие раны попадали грязь и осколки, осложняя лечение в полевых условиях. Да, теперь, благодаря увеличению парка санитарных вертолетов, а также эффективности полевой хирургии, раненый солдат в большинстве случаев выживал, но его ожидали годы операций и реабилитации, годы борьбы и боли.

Выше я уже упоминал о своей встрече весной 2009 года с первым «четверным ампутантом», рядовым Бренданом Маррокко, который подорвался в Ираке на СВУ. Почти год спустя, в госпитале имени Уолтера Рида, я встретил второго такого раненого, морского пехотинца, изувеченного СВУ в Афганистане. Маррокко к тому времени получил протезы рук и ног, стал национальным героем и образцом для подражания, и этот морской пехотинец знал о Брендане и надеялся, что тоже вернется к полноценной жизни. Я подписывал распоряжения, отправившие их обоих на фронт, и хотя мое сердце обливалось кровью, когда я смотрел на этих молодых людей, их мужество и решимость жить дальше вызывали чувство, близкое к благоговению.

Несколько месяцев спустя я сам ощутил, насколько страшна война: мой внучатый племянник написал мне по электронной почте, что его школьный друг Джонатан Бланк из маленького городка Огаста в штате Канзас потерял обе ноги в Афганистане. Я навестил Джонатана в военно-морском госпитале в Бетесде. Он, подобно Маррокко и многим другим, кого мне доводилось встречать, был так молод, так уязвим… И удивительно крепок духом.

Каждое посещение больницы или госпиталя закаляло мою решимость до последнего сражаться с пентагоновской бюрократией ради защиты этих детей. Вездеходы MRAP, средства

разведки, наблюдения и рекогносцировки – это, конечно, важно, но этого недостаточно. Когда мы начали переброску подкреплений в Афганистан, то быстро выяснилось, что 75 процентов потерь – жертвы СВУ, причем 90 процентов из них получили ранения на юге. Между тем бомбы становились все мощнее. В 2008 году средняя мощность СВУ составляла десять килограммов в тротиловом эквиваленте, а к началу 2010 года возросла втрое; в том же 2008 году 10 процентов СВУ имели мощность свыше 75 килограммов, а к 2010 году их число тоже выросло примерно втрое. Чаще всего в качестве взрывчатого вещества для СВУ использовалось обычное удобрение, аммиачная селитра, которую доставляли грузовиками из Пакистана. Следовало если не остановить, то хотя бы замедлить этот поток.

Известны многие технологии и существует различное оборудование, помогающее обнаружить СВУ и не получить ранение или не погибнуть, разработаны также различные способы противоминной защиты передовых постов. К такому оборудованию относятся переносные миноискатели и детекторы взрывчатых веществ, а еще – большие привязные дирижабли (аэростаты), обеспечивающие наблюдение с воздуха за форпостами и территориями боевых операций. Увы, разнообразие оборудования означало, что за их приобретение и поставку фронтовым частям отвечают разнородные компании и бюрократические структуры, следовательно, об оперативности не может быть и речи. Но я хотел, чтобы это оборудование оказалось на фронте именно оперативно, к моменту, когда весной 2010 года мы начнем перебрасывать в Афганистан дополнительные 30 000 подкреплений.

В ноябре 2009 года мне доложили о проблемах, с которыми мы столкнулись: нет единого центра координации поставок снаряжения; разведка успешно игнорирует как тактику и технические приемы применения противником СВУ, так и наши собственные методы уничтожения СВУ и обнаружения ячеек подрывников; никто не в состоянии оценить наилучшие способы применения десятков самолетов «Либерти» в Афганистане – то ли их лучше использовать для получения информации о террористической активности, то ли для наблюдения с воздуха за дорогами и местностью для выявления СВУ и защиты своих войск; все исследовательские группы Пентагона работают по отдельности, вместо того чтобы совместными усилиями решать приоритетные задачи; нужно больше аналитиков и больше разведывательной информации; различные региональные командования в Афганистане фактически не обменивались сведениями об обнаруженных СВУ; наконец, не хватало

оборудования, которого, между прочим, в избытке было в Ираке. Брифинг в очередной раз убедил меня, что Пентагон не готов должным образом к управлению военными действиями в условиях постоянно меняющейся обстановки и к боям с тактически грамотным врагом, умеющим мгновенно адаптироваться.

И снова я встал «на тропу войны» с министерской бюрократией – для решения этих проблем, причем в срочном порядке. 4 декабря 2009 года я создал специальную группу по противодействию СВУ, которую возглавили заместитель министра по закупкам, технологиям и материально-техническому снабжению Эш Картер и генерал-лейтенант морской пехоты Джей Пакстон, директор по операциям в Объединенном штабе. Как и в ситуациях с MRAP и PHP, группа сосредоточилась на технических средствах, которые можно доставить в зону боевых действий в течение нескольких недель, максимум месяцев. Картер и Пакстон, надо отдать им должное, взялись за работу засучив рукава.

Других, однако, по-прежнему требовалось постоянно подгонять. Я встретился 8 января 2010 года с руководством Организации двойного подчинения по предотвращению воздействия самодельных взрывных устройств («Джидду»), созданной еще в 2004 году и призванной координировать ведомственные усилия по борьбе с СВУ. На совещании я сказал: «Ваша организация напрочь забыла о срочности. Осваивать деньги не цель вашего существования. Скажите, что вам нужно». У нас «на руках» оставались две войны, и одна из них совершенно очевидно разгоралась. Проработав на своем посту три года, я просто не мог понять, почему все еще нужно кому-то растолковывать, насколько важно вовремя позаботиться о войсках.

К концу января Картер и Пакстон разработали план, как прервать цепочку поставки удобрений (которые теперь именовали «домашней взрывчаткой»); планом предусматривалось, в частности, поставить в Афганистан почти 90 000 портативных детекторов взрывчатых веществ. Также было предложено увеличить количество аэростатов с тридцати до шестидесяти четырех к сентябрю, нарастить число башенных датчиков на передовых базах с 300 до 420, ускорить производство вездеходов MRAP и обеспечить войска в Афганистане достаточным количеством миноискателей и приборов подповерхностного радиолокационного зондирования (георадаров); более того, даже имелся план привлечения наших союзников, которых мы собирались обучать противоминной тактике и снабжать оборудованием. Поскольку тип миноискателей, необходимых при

патрулировании, может меняться в зависимости от характера задания, я счел, что следует не обеспечивать все подразделения стандартным комплектом средств обнаружения, а создавать своего рода локальные полевые склады, где будет храниться различное техническое оборудование и откуда солдаты смогут брать устройства и средства защиты, наиболее подходящие для конкретного задания или в текущей оперативной обстановке. Картер и Пакстон даже придумали, как это сделать.

К концу марта 2010 года появились контракты по приобретению значительных партий мини-роботов, портативных устройств обнаружения, электронных боевых комплектов, минных тралов и детекторов следов взрывчатых веществ. Ни одна идея, ни одна новая технология, никакая техника и никакая тактика не отвергались, что называется, с порога. Правда, все были согласны, что на фоне достижений технологии один датчик остается непревзойденным и с ним в выявлении взрывных устройств не сравнится никакой другой, – это собачий нос. Как следствие, мы стали приобретать и отправлять в Афганистан намного больше служебных собак. Новое снаряжение для борьбы с СВУ стоило немало – по предварительным подсчетам, 3,5 миллиарда долларов, и это только для подкреплений; для афганского контингента в целом сумма была существенно выше. Но я был уверен: каждый цент многократно окупится. Исследовательская группа продолжила работу в 2011 году, изыскивая дополнительные возможности обнаружения СВУ и способы защиты войск, в том числе предложила использовать специальное нижнее белье, чтобы снизить риски повреждений паховой области и брюшной полости.

Несмотря на успехи этой и других исследовательских групп, я полагал, что мы действуем не совсем верно – ждем, пока что-то произойдет, и только затем начинаем принимать меры. Значит, бюрократические конфликты побоку; я научился обходить такие препоны ради скорейшей доставки техники и снаряжения на поле боя. С Эшем Картером мы неоднократно обсуждали эту тему. Я попросил его подумать, как «узаконить» нашу деятельность. Если мои преемники не пожелают штурмовать бюрократические преграды, где гарантии, что наши войска в грядущих войнах будут получать все необходимое в сжатые сроки? Нужна «экспресс-линия», надежная система межведомственных контактов, гарантирующая оперативное удовлетворение срочных запросов с ТВД. Главным «узким местом» нынешней системы – объединенного управления срочных оперативных потребностей – были финансы: где взять деньги для срочных поставок? После утверждения любая «срочная заявка» пересылалась в

соответствующее военное ведомство или агентство, которое тут же выставляло счет к оплате. Слишком часто получалось, что средств не оказывалось или же ведомство решало, что его собственные приоритеты важнее, и не выделяло финансирования. Требовалась система, в которой необеспеченные потребности полевых частей будут доводиться до сведения министра, в крайнем случае заместителя министра, способного найти финансирование в других разделах министерского бюджета. К сожалению, я ушел в отставку раньше, чем данный процесс был полностью формализован, но не сомневаюсь, что Картер, разделявший мое стремление всемерно защищать наши войска, сумеет все наладить, особенно в должности заместителя министра, на которую его назначили несколько месяцев спустя.

Что касается уязвимости Америки перед кибератаками, то, даже учитывая, сколь важны компьютеры для нашей инфраструктуры, для бизнеса и для работы правительства, мы, берясь за эту проблему, заплывали, так сказать, в неизведанные воды – и бюрократически, и юридически. Внутри правительства наметился глубокий раскол – причем это касалось и исполнительной власти, и конгресса, – относительно того, кто должен отвечать за кибернетическую безопасность Америки: государство или коммерческие структуры, относящееся к министерству обороны Агентство национальной безопасности, министерство внутренней безопасности или какое-либо иное ведомство? Раскол обнаружился и между теми, чьим приоритетом являлась национальная безопасность, и теми, кто выступал за неприкосновенность частной жизни и в защиту гражданских свобод. В результате, естественно, наступил паралич. Вскоре после моего назначения на пост министра я попросил заместителя главного юрисконсульта Пентагона прислать мне памятку: какого рода кибератака – наша или против нас – считается актом войны и оправдывает аналогичный ответ либо традиционное военное возмездие. Минуло три года, а я все ждал эту памятку.

Организационная структура министерства обороны не учитывала возможность управления «компьютерными войнами». Директор Национальной разведки при президенте Буше, Майк Макконнелл, в 2008 году предложил мне создать в составе Пентагона отдельное боевое командование для борьбы с киберугрозами. В ту пору мы как раз создавали Африканское командование, и я счел, что президент и конгресс не одобрят появление еще одного крупного командного звена в министерстве. Но все же осенью 2008 года я провел некоторые организационные изменения, а в июне 2009 года появилось

Кибернетическое командование – как подразделение Стратегического командования. Я рекомендовал президенту назначить руководителем Киберкома генерал-лейтенанта Кейта Александера – он возглавлял АНБ и вполне мог принять на себя бразды правления «сопутствующей» организацией. Основная задача Киберкома – соблюдение интересов национальной обороны в киберпространстве, обеспечение бесперебойного доступа в это пространство, привлечение людей и ресурсов и развитие технологий, необходимых для работы и защиты военных компьютерных сетей США.

Двадцать первого мая 2010 года я последовал совету Макконнелла двухлетней давности и подписал распоряжение о создании отдельного Кибернетического командования во главе с генералом Александером. (Отчасти решение было продиктовано желанием обеспечить Александеру четвертую звезду. Я считал генерала одним из умнейших и преданных службе офицеров, каких я когда-либо встречал, и опасался, что без «собственного» командования и продвижения по службе он скорее всего подаст в отставку.) Также была создана новая гражданская структура, отвечавшая за разработку политики и общественный контроль Кибернетического командования. В целом благодаря АНБ и различным ведомствам и агентствам министерства обороны, так или иначе связанным с защитой информации и кибернетической безопасностью, и благодаря организационным изменениям в структуре Пентагона я полагал, что компьютерные сети министерства обороны (в широком смысле, не только в здании Пентагона) отныне надежно защищены и устоят даже перед многодневными хакерскими атаками. Немалую пользу принесла и инициатива моего заместителя Линна, который привлек ключевые отрасли промышленности, связанные с обороной, под наш «кибер-зонтик», причем все приходили добровольно, оценив преимущества единого «антихакерского» барьера. К середине 2010 года мы, по моему мнению, добились значительных успехов.

С прочими государственными агентствами все обстояло не так гладко. Немало вопросов вызывала, например, деятельность АНБ. Защитники конфиденциальности информации и гражданских свобод утверждали, что категорически нельзя передавать военной разведке право защищать компьютерные сети. Если отбросить громкие лозунги, они настаивали фактически на создании своего рода «внутреннего» противовеса АНБ. На мой взгляд, это откровенная глупость. Я не уставал повторять в интервью и в частных беседах, что мы не располагаем нужным количеством денег, времени и человеческих ресурсов для создания такого «клона». Когда летом 2010 года пришло

предупреждение, что осенью готовится крупнейшая в истории кибератака на Соединенные Штаты, я усмотрел возможность найти выход из тупика.

У меня имелся политически рискованный, но суливший немалые дивиденды план обойти всю вашингтонскую бюрократию, в том числе аппарат Белого дома, и представить президенту эффективное решение. Если изложить упрощенно, то в качестве министра обороны я нес ответственность и за обеспечение национальной безопасности в киберпространстве за пределами Соединенных Штатов, а министра внутренней безопасности Джанет Наполитано закон обязывал гарантировать защиту компьютерных сетей на территории США. Я пригласил Джанет на обед. Мы встретились 7 июля, и я предложил объединить усилия, выделить с каждой стороны несколько лучших умов, чтобы они срочно разработали план, который предусматривал бы использование потенциала АНБ для защиты внутриамериканских киберсетей. Я намеревался назначить кого-либо из старших руководителей министерства национальной безопасности – по рекомендации Наполитано, разумеется, – новым заместителем директора АНБ, наделив его полномочиями использовать уникальные возможности агентства для защиты американских компьютерных сетей. У этого человека будет свой штат, в частности, юристы, внутри АНБ, и вместе мы выстроим брандмауэр для защиты конфиденциальной информации и гражданских свобод, причем с условием, что широкие прерогативы АНБ, обоснованные при работе за рубежом, дома в значительной степени ограничиваются.

Через неделю мы снова встретились с Наполитано за обедом и изучили предварительный проект. Мы внесли некоторые изменения и вдвоем представили наш проект президенту в Овальном кабинете 27 июля (неслыханная быстрота для Вашингтона). Конечно, следовало бы, по бюрократическим правилам, заручиться согласием всех заинтересованных сторон в правительстве, но мы сказали президенту, что вдвоем несем «операционную ответственность» и знаем, как сделать все правильно. Мы предложили Обаме привлечь Джона Бреннана, чтобы тот быстро провел процедуру межведомственного согласования (особенно с министерством юстиции) и удостоверился, что мы не пропустили чего-то важного; в идеале хотелось бы получить подпись президента на меморандуме о взаимопонимании к 15 августа. Бреннан принял нас с Наполитано 5 августа в своем кабинете в подвале Западного крыла – помещение просторное, но с низким потолком и заваленное документацией. При поддержке Бреннана, всего через

три недели после нашей с ним встречи, президент подписал «кибернетический» меморандум.

Наполитано и мне удалось – с одобрения президента – на краткий период «разделить воды» бюрократического «Чермного моря», но вскоре все вернулось, как говорится, на круги своя. Хотя мы довольно быстро осуществили организационные изменения и кадровые перестановки, а также привлекли к процессу АНБ, несколько месяцев спустя генерал Александер сказал мне, что министерство внутренней безопасности не слишком активно использует новые возможности. По сей день не могу понять, в чем причина. Как бы то ни было, из-за отсутствия эффективной работающей структуры в этой области – и при том что конгресс впадает в политический ступор, когда речь заходит о киберугрозах, – страна опасно уязвима перед кибератаками, как подчеркнул мой преемник в своей программной речи в 2012 году.

* * *

Процедура, по которой министр обороны официально передает полномочия президента по использованию военной силы командирам боевых частей, заключается в подготовке и подписании «административных указов»[119] и распоряжений, каковые касаются применения силы вне таких театров военных действий, как Ирак и Афганистан. Эти президентские указы (известные также под аббревиатурой EXORD), как правило, вполне конкретны, но некоторые из них, изданные при администрации Буша – в частности, по борьбе с терроризмом, – предоставляли боевым командирам весьма широкие полномочия по проведению операций без необходимости получать соответствующие санкции, особенно если для нанесения удара по какой-то цели требовалось немедленное решение. Для этих случаев президент заранее санкционировал применение силы и уничтожение противника. Мне же казалось, что рано или поздно подобная свобода действий может, что называется, выйти президенту боком. И я дал однозначно понять сотрудникам администрации Буша, что EXORD могут быть какими угодно, однако я настаиваю, чтобы мне заранее сообщали обо всех операциях, дабы я мог проинформировать президента.

В 2010 году я решил, что мы должны пересмотреть практику EXORD и сделать обязательным уведомление об операциях с последующим информированием президента. Ни Обама, ни его советники не анализировали подробно те EXORD, которые были одобрены при Буше. В итоге процедура, которую я представлял

себе как в значительной степени механический процесс, гарантирующий осведомленность президента, превратилась в глобальную, комплексную межведомственную задачу, и возглавил ее выполнение ШНБ, всегда готовый «микроменеджировать» Пентагон. С нашей стороны руководили Мишель Флурнуа и помощник министра по специальным операциям и конфликтам малой интенсивности Майк Викерс. Часто приходилось, скажем так, огрызаться, чтобы помешать Белому дому и Государственному департаменту забраться слишком глубоко в пентагоновское «исподнее», но в конце концов, через год работы, мы обновили практику EXORD: теперь, за исключением самых чрезвычайных обстоятельств, министра обороны и президента следовало заранее уведомлять обо всех операциях, и администрация Обамы с этим смирилась. По моим оценкам, боевые командиры не очень-то и возражали против такого ограничения их «полевых» полномочий.

* * *

В столь громоздкой организации, как министерство обороны, что-то всегда идет не так. Во многом это просто бюрократические накладки. Но когда речь заходит о ядерном потенциале, любые накладки и ошибки учащают ваш пульс. Первые два из подобных инцидентов я описывал выше, и они вынудили меня в 2008 году уволить министра ВВС и начальника штаба ВВС. В октябре 2010 года на авиабазе Уоррен в горах Шайенн, штат Вайоминг, внезапно утратили контроль над эскадрильей из пятидесяти межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен» с ядерными боеголовками. Разумеется, были задействованы резервные каналы и связь вскоре восстановилась, но никто не удосужился проинформировать министра обороны и президента о потере связи с постом управления пусками и пятьюдесятью МБР. И, конечно, когда связь пропала, никто на базе или из вышестоящих командиров в Стратегическом командовании не мог сказать, как долго это продлится и почему потерян контроль – из-за технической неисправности, террористического акта, диверсии или по какой-либо иной, не менее жуткой причине; никто не мог даже оценить, сколько ракет оказалось в опасности – одна или все. Позднее Обама мягко сказал, что хотел бы узнать о случившемся своевременно; аплодирую этому шедевру преуменьшения. Мне бы тоже этого хотелось.

После тщательного расследования выяснилось, что возникла техническая проблема, которую оперативно исправили. Ракеты не

выходили из-под нашего контроля, и им ничто не угрожало. В начале ноября я доложил президенту, что введены новые правила безопасности, призванные предотвратить подобные происшествия с ядерным оружием: национальный военный центр управления в Пентагоне полагается известить об инциденте в течение десяти минут, а председателя ОКНШ и министра обязаны уведомить в течение пятнадцати минут. Сообщать ли президенту – это решает министр обороны. Лично я обязательно позвоню президенту.

Деньги, деньги, деньги

Две войны и закон «Не спрашивай, не говори» – казалось бы, куда больше? Но значительную часть времени в 2010 году я потратил не на эти заботы, а на оборонный бюджет. Конгресс продолжал, извините за резкость, блеять насчет реформы системы закупок, ужесточения управления, сокращения излишних трат и проверяемости финансовой отчетности, однако своими пустопорожними обсуждениями конгрессмены практически парализовали работу Пентагона. Я наблюдал за подготовкой и выполнением шести оборонных бюджетов, и ни один из них не был принят конгрессом до начала финансового года! Всякий раз мы трудились от нескольких месяцев до целого календарного года, действуя в соответствии с «продлеваемыми резолюциями»[120] конгресса, которые, при отсутствии одобренного финансового законопроекта, означали, что мы получим точно такие же ассигнования, как и в предыдущем финансовом году, и не сможем начать никакую новую программу. Подобное безумие разрушало систему закупок. Мы пребывали в состоянии почти вечной финансовой неопределенности.

В ряде случаев политические баталии вокруг «продлеваемых резолюций» грозили поставить государство на край пропасти. Скажем, поступало уведомление о грядущих отпусках, положенных гражданским лицам по закону, и приходилось прерывать работу над многочисленными программами и инициативами. В этих нелепых обстоятельствах, когда мы вынуждены были переводить деньги с одного министерского счета на другой, чтобы покрыть острый дефицит средств, требовалось, независимо от суммы, получить одобрение четырех комитетов конгресса; всего один враждебно настроенный конгрессмен мог неделями мешать нормальной работе Пентагона! Конгресс единодушно и оперативно проголосовал за Национальную неделю солений, а вот справиться со своей основной задачей, возложенной на них Конституцией – выделить

соответствующие деньги своевременно, – ему, казалось, абсолютно не по силам. Даже ликвидация слишком дорогих или устаревших военных программ неизменно вызывала сильную политическую бурю, как я узнал на собственном опыте в 2009 году. Зато каждый год мы получали от комитетов по делам вооруженных сил «авторизационные проекты» законов толщиной около тысячи страниц, изобилующие мелочными придирками, ограничениями и требованиями наиподробнейшей отчетности! Легко догадаться, почему жалобы конгрессменов на неэффективность управления в Пентагоне я пропускал мимо ушей. Законодательная власть сама во многом в этом виновата.

Три года подряд я стоически терпел некомпетентность конгресса, публично демонстрируя сдержанность и хладнокровие. Но ближе к концу пребывания в должности мое терпение лопнуло. Поскольку требовалось прилагать все больше усилий, чтобы сохранять самообладание, я последовательно отказывался ездить на Капитолийский холм на заседания комитетов и на личные встречи с конгрессменами. У меня было заведено перед каждым слушанием в конгрессе проводить совещание со своими сотрудниками, якобы для проработки ответов на вероятные вопросы конгрессменов. На самом деле эти совещания давали мне возможность заранее выпустить пар, ответить на ожидаемые вопросы так, как действительно хотелось, – не церемонясь и не выбирая выражений, излить гнев и разочарование, чтобы потом, на слушаниях, вести себя вежливо и уважительно. Новые члены моей команды порой впадали в шок от этих совещаний, всерьез полагая, что я точно так же буду «резать правду-матку» в глаза народным избранникам. Увы, к 2010 году даже эти совещания в значительной мере утратили свою полезность. Фигурально выражаясь, меня, закованного в кандалы, выволакивали из кабинета, запихивали в машину и везли на заклание в Капитолий. (Ну, лично я чувствовал себя именно так.) Роберт Рангел как-то предупредил другого моего сотрудника: «Вы должны давать министру прямой совет – то есть четко сказать, что он должен сделать то-то и то-то, хоть ему и не хочется». Наверняка он имел в виду в том числе посещение Капитолийского холма.

В первые месяцы 2010 года я занимался рутинной работой министра, разбирался одновременно с тремя годовыми бюджетами – с бюджетом 2010-го финансового года, планом бюджета на 2011-й финансовый год (его положено представлять в феврале) и с наметками бюджета на 2012-й финансовый год. Вдохновленный успешным и решительным сокращением военных программ, реализованным в апреле 2009-го в рамках бюджета на 2010 год, я был готов использовать оставшийся срок в

министерском кресле, чтобы попытаться сформировать эти бюджеты под создание «универсальной армии», которую полагал необходимой. Также я собирался использовать опыт 2009 года для дальнейшего сокращения чрезмерно дорогих и откровенно фантастических военных программ. Однако, глядя на постоянно усложняющийся неспокойный мир за пределами наших границ, я вспоминал историю и понимал, что резать сам оборонный бюджет ни в коем случае не следует. (Именно так, и от своих слов я не откажусь.) Изучая планы на 2011-й и 2012-й финансовые годы, я ловил себя на горячем желании урезать накладные расходы на бюрократию и инвестировать сэкономленные средства в развитие дополнительных и новых военных возможностей. Я продолжал надеяться на фоне роста требований срочно сократить дефицит федерального бюджета, что, если министерство будет действовать таким образом, мы сумеем избежать радикального уменьшения расходов на оборону вроде тех, что последовали за войной во Вьетнаме и окончанием «холодной войны».

Когда конгресс приступил к слушаниям по ассигнованиям на оборону на 2010-й финансовый год в декабре 2009-го (через два с половиной месяца после начала финансового года!), нам выделили «базовый» бюджет в 530 миллиардов долларов, на 5 миллиардов меньше, чем просил президент, но примерно на 4 процента больше прошлогоднего, с учетом инфляции. (Когда меня спросил какой-то репортер, «потрошу» ли я оборону, я ответил: «В какой параллельной вселенной вы живете, если увеличение на четыре процента оборонного бюджета воспринимается как потрошение?»)

Для всех представителей исполнительной власти, за исключением президента, Административно-бюджетное управление – олицетворение зла. Оно сообщает президенту, сколько должно тратить каждое учреждение и каждое подразделение администрации, и его цифры всегда ниже, чем запросы, порой – существенно, как в случае с Госдепартаментом. Конечно, если каждое учреждение будет получать столько, сколько просит, наш бюджетный дефицит будет гораздо выше нынешнего, и без того критического, – таков принцип работы АБУ. И министерство обороны тоже пало его жертвой. Когда мы составляли план на 2011-й финансовый год, директор АБУ Питер Орзаг рекомендовал не рассчитывать на увеличение бюджета выше уровня инфляции, причем не только на 2011 год, но и на несколько последующих лет. Неудивительно, что мы с АБУ не были, скажем так, друзьями.

(Я поделился с Рамом Эмануэлем историей из своего прошлого. При администрации Рейгана все заместители

министров и главы агентств и ведомств встретились за ужином в министерстве юстиции. Перед ужином нам вживую показали операцию по спасению заложников – выключили свет, агенты ФБР бегали по залу, паля холостыми по обнаруженным «террористам». Я всем потом говорил, что, по-моему, надо было разыграть сцену из «Убийства в Восточном экспрессе» Агаты Кристи, с заместителем директора АБУ в качестве убитого – ведь у всех найдется повод его прикончить.)

У меня было несколько аргументов в защиту запрошенного увеличения бюджета. Во-первых, в 2009 году мы провели значительное сокращение расходов, ликвидировав множество затратных программ, и масштабы этой «чистки» превосходили любые предыдущие попытки. Поскольку ни одно другое министерство не сделало ничего аналогичного или хотя бы сопоставимого, мы явно заслуживали некоторого внимания к своим потребностям. Во-вторых, наши расходы неумолимо росли. Год за годом расходы министерства обороны на здравоохранение увеличивались на 4 миллиарда долларов, расходы на жалованье для военнослужащих составляли дополнительно 3 миллиарда, инфляция в расходах на топливо съедала еще 4 миллиарда – если коротко, в общей сложности накладные и операционные расходы Пентагона возрастали на 13–15 миллиардов долларов, даже если мы не добавляли ни цента на выполнение текущих и разработку новых программ. Вооружение и техника, закупленные при Рейгане, особенно корабли и самолеты, давно не обновлялись (из-за урезания военного бюджета в 1990-х и в начале 2000-х годов) и фактически выслужили свой срок. После десяти лет войны к тому же большая часть техники и оборудования требовала ремонта или замены. Даже дальнейшее сокращение накладных расходов, которое я запланировал, вряд ли покроет эту «дыру» в бюджете Пентагона.

Мои переговоры с Орзагом и президентом по поводу бюджета на 2011-й финансовый год начались в середине июля 2009 года. Я просил 558 миллиардов долларов, на 16 миллиардов больше оценки наших потребностей АБУ. Ссылаясь на долгосрочные факторы, упомянутые выше, я также попросил дополнительно 208 миллиардов долларов в период с 2011 по 2015 год. С Эмануэлем и Орзагом мы встречались втроем несколько раз, в том числе однажды в кабинете Рама в Западном крыле: сандвич в одной руке и пульт для переключения слайдов PowerPoint на экране – в другой. После бесчисленных совещаний между представителями АБУ и министерской бюджетной командой во главе с нашим ревизором Бобом Хейлом наконец настала пора оформить сделку. Я снова встретился с Эмануэлем и Орзагом в кабинете Рама 23

ноября, и мы договорились выделить на 2011-й финансовый год 550 миллиардов долларов (на 8 миллиардов больше исходной оценки АБУ) и предоставить Пентагону еще 100 миллиардов сверх бюджета в течение пяти лет. Президент поставил подпись под документом. Это был лучший бюджетный день для меня как для министра обороны. А затем отношения между Белым домом и Пентагоном во всем, что было связано с военным бюджетом, покатились, как говорят, под откос.

Четырехлетний отчет о состоянии обороны (ЧОСО) – документ, который Пентагон обязан предоставить по требованию конгресса (очередная бюрократическая «обязаловка», которую конгрессмены ввели после моего предыдущего ухода из правительства); отчет предполагает обсуждение оборонной стратегии и приоритетов министерства обороны США раз в четыре года. Подготовка этого документа подразумевает в том числе многочасовые совещания военных и гражданских руководителей министерства на протяжении месяцев. В 2009–2010 годах общее руководство процессом взяла на себя Мишель Флурнуа, а повседневное руководство осуществляла ее коллега Кэтлин Хикс. Основная претензия к ЧОСО – помимо абстрактности, характерной для документов, представляющих собой результат бюрократического консенсуса, – в предшествующие годы заключалась в том, что выводы о стратегии и приоритетах никак не соотносятся с реальным бюджетом. Мы приложили все усилия (увы, полного успеха достичь не удалось), чтобы избежать этой ловушки в ЧОСО-2010.

Первого февраля 2010 года я обнародовал параметры военного бюджета на 2011-й финансовый год, а также выводы ЧОСО и Обзорного доклада по программе ПРО. Я заявил, что Пентагон будет просить «базовый» бюджет в размере 549 миллиардов долларов и дополнительный военный бюджет (теперь стыдливо именуемый бюджетом «зарубежных непредвиденных операций») на Ирак и Афганистан в размере 159 миллиардов долларов. В сумме выходили ошеломляющие 708 миллиардов.

Я уточнил, что стратегические исследования позволили выявить несколько ключевых областей, на которые и опираются бюджетные заявки. Прежде всего это продолжение военной реформы – кардинального изменения министерства обороны и его политики: приоритетов, которые мы ставим, программ, которые мы финансируем, оружия, которое мы закупаем, и самой системы закупок. Также следует принимать во внимание «здравый реализм» в определении рисков. Я напомнил, что в течение многих лет военное планирование и требования к

американской армии строились на предположении, что нам придется вести одновременно две традиционных войны. Однако сегодня обстановка в мире такова, что эта модель требует пересмотра; теперь очевидно, что мы должны учитывать гораздо более длинный список проблем в области безопасности, предусмотреть использование потенциальным противником высоких технологий, которые лишают нас признанного доминирования «на земле, в воздухе, на море и в киберпространстве», правильно оценить угрозы, исходящие от негосударственных групп, прибегающих к тактике агрессии и запугивания. Словом, я повторил те доводы, которые высказывал неоднократно в свою бытность министром:

«Мы узнали на собственном болезненном опыте, что войны, в которых нам приходится сражаться, редко оказываются похожими на войны, которые мы планировали. В результате Соединенные Штаты нуждаются сегодня в широком военном потенциале максимальной универсальности, способном активно и успешно участвовать в конфликтах любого масштаба и сложности. Такова стратегическая реальность… И она прямо определяет положения и пункты военного бюджета».

Впервые военный бюджет и ЧОСО вместе декларировали, что победа в войнах, которые мы уже ведем, является нашим наивысшим приоритетом. Это означало, что необходимо больше средств на проведение специальных операций, на вертолеты, разведывательное оборудование и БПЛА. Для предотвращения и недопущения конфликтов в будущем нужно увеличить расходы в региональные (и американскую) системы ПРО, выделять больше денег на обучение и снаряжение вооруженных сил наших союзников и партнеров, подкреплять финансами возможности ядерного сдерживания и финансировать деятельность Кибернетического командования. К возможным в будущем конфликтам мы намереваемся готовиться, развивая программу производства многоцелевого истребителя F-35, улучшая и совершенствуя программу строительства военных кораблей, модернизируя наши сухопутные войска, а еще – всемерно разрабатывая и внедряя в практику новые возможности ведения боевых действий на дальних расстояниях (в том числе принимая на вооружение новые бомбардировщики). Кроме того, мы безусловно должны сохранить комплектацию вооруженных сил исключительно на добровольной основе, следовательно, потребуется больше денег на программы ухода за ранеными и поддержки семей военнослужащих, как и на медицинские льготы.

В длинном списке инициатив, включая дополнительные сокращения ряда программ, нашлось сразу три пункта, вызвавших

споры. Как и любая авиановинка последних десятилетий, многоцелевой истребитель F-35 вышел из рамок по бюджету и по срокам. В начале 2010 года мой заместитель по закупкам, технологиям и материально-техническому снабжению Эш Картер показал мне перечень изменений, которые следует внести в проект, чтобы попытаться вернуть его в упомянутые рамки. Я одобрил все рекомендации Эша, в том числе удержание 614 миллионов долларов «поощрения» с компании «Локхид Мартин», ведущего подрядчика проекта, и увольнение двухзвездного генерала, который выступал руководителем программы с нашей стороны и замену его старшим по званию и более компетентным офицером. Мы также сократили количество самолетов, которые Пентагон собирался приобрести в ближайшем будущем. Наконец, чтобы компенсировать задержки с реализацией проекта, я согласился с рекомендацией закупить больше истребителей F/A-18 для ВМС, иначе самолетов могло не хватить на все авианосцы.

Две другие программы пользовались ощутимой поддержкой в конгрессе, но все-таки вошли в мой «расстрельный» список 2009 года. Это грузовой самолет C-17 и проект альтернативного двигателя для F-35. Несмотря на многочисленные исследования ВВС, доказывавшие, что у нас достаточно грузовых самолетов, конгресс продолжал впихивать в бюджет статьи о закупке C-17, чтобы обеспечить и сохранить рабочие места на производстве. ВВС не нуждались в большем количестве этих самолетов, отказывались от них, да и просто не могли себе позволить их приобретать. Президент Обама внял голосу разума и под угрозой вето отменил дальнейшие закупки C-17.

Что касается альтернативного двигателя для F-35, первоначально конкурс на его производство выиграла компания «Пратт энд Уитни». Само собой разумеется, конгрессмены, в округах и штатах которых господствовала «Дженерал электрик», остались не слишком этим довольны и пролоббировали статьи бюджета на разработку альтернативной модели – конечно же, производства «Дженерал электрик» в партнерстве с компанией «Роллс-Ройс». В мгновение ока оказалось, что министерство обороны должно тратить сотни миллионов долларов каждый год на программу, которая опять-таки нам совершенно не нужна и которую мы не можем себе позволить. Факты и логика не играют никакой роли в капитолийских дебатах, когда под угрозой «рабочие места в «домашних» округах», и потому конгрессмены вновь и вновь поднимали вопрос об альтернативном двигателе. По счастью, президент и здесь поддержал мое решение, вновь пригрозив воспользоваться своим правом вето. Когда репортеры

спросили, был ли я уверен, что Белый дом меня поддержит, я ответил: «Я не лезу на высокое дерево, если рядом нет парня с пилой – на всякий случай».

Столкновения по обеим программам начались, когда мы с Майком Малленом представляли проект бюджета в комитетах по делам вооруженных сил – сенатском и палаты представителей – 2 и 3 февраля соответственно. Среди конгрессменов хватало сторонников и противников сокращения программ, так что, когда дошло до непосредственного обсуждения, эти два комитета (а также комитеты по ассигнованиям) раскололись в значительной степени не по партийному или идеологическому признаку, а, с некоторыми исключениями, по «кормушкам», то соответственно распределению правительственных дотаций и привилегий. Полагаю, эти программы стали и «проверкой на прочность» для конгресса и для президента – в спорах решалось, за кем останется последнее слово в военных закупках. Конгресс в течение длительного времени брал верх – и тут вдруг ему бросили вызов. В какой-то момент конгрессмен Нил Аберкромби, демократ от Гавайев, заявил, что лично мне и всей исполнительной власти хорошо бы усвоить: окончательные решения по вопросам закупок принимает именно конгресс. Я ответил, возможно, слегка воинственно: «Только если наберет шестьдесят семь голосов» (столько нужно сенату, чтобы преодолеть президентское вето).

Не испугавшись, комитет палаты представителей по делам вооруженных сил выделил 485 миллионов долларов на разработку альтернативного двигателя, а еще проголосовал за продолжение производства С-17 и отмену закона «Не спрашивай, не говори». Ровно такого сценария я и опасался, размышляя о президентском вето. Комитет палаты представителей, большинство в котором составляли демократы, был готов сражаться за альтернативный двигатель «до последнего патрона», но после нескольких месяцев дискуссий и противостояния палата представителей, где снова стали верховодить республиканцы – во главе с членами «Движения чаепития»[121] – в феврале 2011 года ликвидировала эту программу. Голосование в сенате привело к тому же результату. Сторонники продолжения закупок С-17 сдались быстрее. Тем самым на «ложе» моей бюджетной «винтовки» появились еще две зарубки. Теперь я добился одобрения конгресса для всех тридцати трех программ, намеченных к сокращению или ликвидации в апреле 2009 года.

История закупок по линии министерства обороны и развития им новых программ изобилует перерасходами, просрочками и ошибочными решениями. Имеется достаточно исследований, посвященных тому, как с этим справиться; попытки наладить

процесс, в том числе с помощью законопроектов, предпринимались регулярно (последняя была совсем недавно, в 2009 году). Мы с Эшем Картером потратили много времени на обсуждение ситуации, и я пришел к выводу, что основные шаги очевидны: нужно убедиться, что есть конкуренция за контракты, реальная конкуренция, а не та, какую обожает конгресс, – когда выигрывают все (вспомним пожелание Капитолия разделить контракт на самолет-заправщик между «Боингом» и «Эйрбасом» / EADS или суету вокруг альтернативного двигателя для F-35); необходимы опытные и жесткие государственные переговорщики, люди с остро заточенными карандашами; в крупных долгосрочных программах – учитывающих текущие потребности военных – следует, где это возможно, выпускать прототипы нового оборудования и не начинать производство до испытаний и до полного устранения недоделок; требуется запретить коррективы на ранних этапах работы (всякий, кто строил дом, знает, что если постоянно менять планы, все закончится кривобокой хибарой; то же самое верно для боевых самолетов и кораблей); нужна отчетность и ответственность – и готовность увольнять менеджеров правительственных проектов или руководителей компаний-подрядчиков, если программы не выполняются; наконец, министр обороны должен «не побояться испачкать руки» и взять на себя контролирующие функции, благодаря чему он будет хорошо осведомлен о крупных программах и сможет отслеживать их исполнение – и подавать сигнал тревоги, если все внезапно пойдет наперекосяк.

Ответственность за контроль над закупками нельзя делегировать заместителю министра, как это часто бывало в прошлом. Речь не о мелочной опеке, а о подотчетности в руководстве. Слишком многие топ-менеджеры в бизнесе и в правительстве уверены, что им подробности ни к чему, и это нередко оборачивается пагубными последствиями. Честно говоря, я не вмешивался в закупки при администрации Буша, разве что когда возникали срочные военные потребности, однако изменил себе уже в начале президентства Обамы.

Когда весной 2010 года мы приступили к подготовке бюджета на 2012-й финансовый год, мои смутные предчувствия о сокращениях военного бюджета переросли в тревогу на грани паники, стоило мне услышать дебаты в конгрессе, почитать информацию в СМИ и выслушать точку зрения Обамы. Я понимал, что наш бюджет в лучшем случае сохранится на нынешнем уровне, а скорее всего сократится. Чтобы реализовывать намеченные программы перевооружения и поставок оборудования, следовало найти свободные средства

внутри министерства обороны. «Базовый» бюджет – без учета дополнительного финансирования на войны – вырос почти вдвое за предыдущее десятилетие, и, похоже, Пентагон попросту разучился принимать жесткие решения и расставлять приоритеты. Следовало начать менять культуру расходов, превращать ее в культуру сбережения. А это требовало новой, еще более жесткой оценки эффективности каждого отдела министерства обороны. Так родилась «инициатива эффективности» 2010 года.

Я надеялся задать тон переменам и «проложить курс» в своем выступлении 8 мая в Библиотеке имени Дуайта Эйзенхауэра. Президент Эйзенхауэр, один из моих героев, как-то сказал, что хочет сократить Пентагон «по-спартански», и прибавил: «Современный патриот – это человек, способный выполнять ту же работу за меньшие деньги». В своем выступлении я процитировал эти слова, сказал, что при Эйзенхауэре делался суровый выбор, ставились приоритеты и вводились пределы – даже при том что у тогдашней Америки был могучий противник, Советский Союз. «Фонтан расходов на оборону после событий одиннадцатого сентября перекрыт, – предупредил я, – и еще долго его не включат снова». Соответственно министерству следует пристально изучить все аспекты своей деятельности, понять, что и как организовано, трезво оценить все сильные и слабые стороны, все недостатки и преимущества, как это делает бизнес. И закончил я такими словами: «Наша цель состоит в том, чтобы сократить накладные расходы и перераспределить сбережения в пользу структуры [военных возможностей] и модернизации… Ни к чему очередные многостраничные исследования, ни к чему изменения в законодательстве. Ни для кого не тайна, что именно нужно изменить… Требуется лишь политическая воля и готовность принимать непопулярные решения, какой обладал Эйзенхауэр».

В общем, через три с половиной года работы я снова объявил войну Пентагону – на сей раз за 40 процентов его расходов, которые растекались неведомо куда, за уничтожение бюрократических препон, которые воздвигали преграду из тридцати уровней между мной и исполнителями, за ликвидацию ненужных программ, за сокращение сонма генералов и адмиралов, избытка высокопоставленных гражданских руководителей и чрезмерного числа подрядчиков.

Большинство моих предшественников сталкивались примерно с теми же проблемами. Но они, как правило, пытались урезать бюджет, а некоторые, в том числе Роберт Макнамара, замышляли радикальные реформы и реструктуризации, которые

спускались в форме приказов военным ведомствам. Эти усилия, что неудивительно, встречали значительное сопротивление военных. Моя стратегия была иной. Я сказал руководителям ведомств, что деньги, которые они сэкономят, изменив способы ведения дел и сократив накладные расходы, вернутся к ним в виде инвестиций в военные возможности. Как и при сокращении программ в 2009 году, все ведомства будут глубоко вовлечены в процесс. Критически важным в этой связи было получить предварительное согласие от президента и нового директора АБУ Джека Лью на сохранение сэкономленных средств в бюджете министерства обороны. Оба, президент и Лью, одобрили мою идею.

С середины мая по середину декабря я провел почти шестьдесят встреч и совещаний – самая короткая заняла полчаса, а самое долгое совещание затянулось почти на восемь часов – по «инициативе эффективности». Мы анализировали все аспекты деятельности Пентагона. Я намеревался, выражаясь академически, осуществить культурный сдвиг: «Каким образом сделать организацию более эффективной, персонал – более активным, как наладить процесс принятия решений и научиться обращать больше внимания на сокращение ненужных расходов». Я не хотел ждать полтора года, до 2012-го финансового года, чтобы приступить к осуществлению перемен. Нет, я хотел выяснить, что мы можем сделать прямо сейчас.

Публично о первых изменениях я объявил 9 августа 2010 года. Среди прочего, сказал я, мы собираемся:

а) сократить финансирование министерских подрядчиков на 10 процентов в год в течение трех лет;

б) заморозить на три года численность персонала в аппарате министра обороны, в подведомственных министерству учреждениях и в боевых командованиях (исключая наем дополнительных специалистов по закупкам);

в) заморозить численность высокопоставленных гражданских должностей и генеральских и флаг-офицерских должностей на срок, пока исследовательская группа готовит рекомендации по сокращению офицерского и флаг-офицерского состава по меньшей мере на 50 человек, а гражданских руководителей – на 100 человек;

г) произвести кардинальные сокращения расходов на проведение всевозможных исследований, а также на оплату услуг сторонних консультативных советов и комиссий;

д) сократить финансирование оборонного заказа по разведке, заморозить численность руководящих должностей в разведывательных структурах министерства обороны и

проанализировать «с нуля» деятельность всех представительств и организаций, а также задачи и исполнение контрактов, имеющих отношение к разведывательным службам министерства обороны;

е) ликвидировать учреждения и отделы, дублирующие функции других или пережившие свое время.

Чтобы подчеркнуть важность предлагаемых изменений и значение, которое им придается, я прибавил, что все перечисленные инициативы должны получить практическое воплощение в форме оперативных планов или измеримых результатов со сроком исполнения от 90 до 120 дней, и назначил ответственными за соблюдение этих условий Роберта Рангела и Хосса Картрайта.

В совокупности эти планы грозили потрясти министерство до основания, но наружу возмущение не просачивалось; только мое намерение ликвидировать Объединенное командование единых сил[122] в Норфолке, штат Виргиния, вызвало возражения во «внешнем мире». Роль этого командования заключалась в обеспечении, или, если понадобится, в «насаждении», единых правил – чтобы рода войск действовали совместно по всем вопросам, имеющим отношение к военной жизни: подготовка, совместные учения, организационные эксперименты и т. п. На мой взгляд, эти цели, безусловно, были важны, но с момента создания командования многие из них уже достигнуты, поэтому необходимость в структуре под началом четырехзвездного генерала отпала (помимо командующего в его составе насчитывалось 2800 военных и гражданских сотрудников, его обслуживало 2000 подрядчиков, а бюджет равнялся миллиарду долларов). Представители Виргинии в конгрессе буквально обезумели. Несколько конгрессменов сделались моими злейшими врагами на Капитолийском холме и оставались таковыми весь срок моего пребывания на посту министра.

Пока летом и осенью того года мы намечали планы и внедряли первые изменения согласно «инициативе эффективности», одновременно шли переговоры с АБУ по поводу бюджета на 2012-й финансовый год. Мое предложение опиралось на цифры, которые мы согласовали с бывшим директором АБУ Орзагом и которые одобрил президент в ноябре 2009 года. Новый директор АБУ, Джек Лью, предпочел отказаться от этого соглашения и предложил взамен сократить наш запрос на 20 миллиардов долларов, а также урезать пятилетнюю программу на 148 миллиардов в прогнозируемых расходах. Разумеется, быстро разгорелся конфликт.

Двадцать четвертого ноября я направил президенту служебную записку с кратким отчетом о реализации «инициативы

эффективности», начиная с объявления о ней в августе: военные ведомства изыскали возможность сократить накладные расходы на 100 миллиардов долларов в течение пяти лет, и мы планируем направить эти средства на модернизацию наших войск. Я также указал, что в рамках министерства в целом мы сэкономили еще 20 миллиардов долларов из расчета на тот же период времени и тоже намереваемся «осознанно» их использовать. Я проинформировал Обаму более подробно 30 ноября; на совещании присутствовали Маллен, Лью и Донилон. Относительно пререканий с АБУ по поводу текущих и будущих параметров бюджета Обама сказал, что нужно «уладить цифры» с АБУ. Я проговорил с Лью целый час 3 декабря, сама встреча получилась вполне доброжелательной, но договориться не получилось.

Четырнадцатого декабря Обама пригласил меня, Картрайта, Лью и Донилона, чтобы подвести итоги обсуждения бюджета. Я предложил урезать наш запрос на 2012-й финансовый год до 555 миллиардов долларов и произвести дальнейшие сокращения на 63 миллиарда в течение следующих пяти лет; это была серьезная уступка, как мне казалось, учитывая бюджет прошлого года. Президент сказал, что нужно «ужаться посильнее». Он рассуждал о бюджетном кризисе, о дефиците, о сокращении расходов на внутриполитические программы. По его словам, нельзя сократить внутренние расходы и сохранить на прежнем уровне, а тем более увеличить, бюджет Пентагона. Я напомнил, что он сам согласился оставить в нашем распоряжении все сэкономленные средства. Проблемы, стоящие перед страной, понятны, сказал я, но министерству обороны следует пойти навстречу, принимая во внимание те усилия, которые оно предпринимает.

Не знаю, кто тянул меня за язык, но дальше я сказал Обаме, что могу разогнать министерство обороны, лишить работы сотни тысяч людей и ликвидировать все военные программы, однако это вряд ли в интересах страны. Президент лишь попросил нас с Лью продолжить переговоры.

На следующее утро я позвонил Лью и сказал, что можно сократить расходы еще на миллиард (до 554 миллиардов долларов) в 2012-м финансовом году и на 78 миллиардов в общей сложности за пять лет – «ничего другого предложить не могу». Президент позвонил мне после обеда и немногословно извинился, а насчет встречи накануне хмыкнул: «По крайней мере вы на меня не кричали».

В тот же день, 15 декабря, я сидел в кабинете Донилона, ожидая нашей традиционной еженедельной встречи с Томом и Хиллари (оба задержались у Обамы). Вдруг дверь распахнулась и

вошел президент, держа в руках что-то завернутое в подарочную упаковку. Он протянул сверток мне, я развернул его и увидел дорогую бутылку водки. К бутылке приклеили бумажку с надписью от руки: «Уважаемый Боб, извините, что вынуждаю вас пить. Барак Обама». Очень продуманное предложение мира, не находите?

По правде говоря, я сильно разозлился на президента Обаму во второй половине дня 14 декабря. Он растоптал мое доверие – и с бюджетным планом на 2012–2016 годы, который мы с Орзагом и Эмануэлем согласовали (а Обама утвердил) осенью 2009 года, и с гарантией, что министерство обороны вправе вкладывать все сэкономленные средства в развитие военных возможностях. Судя по всему, наши старания по «инициативе эффективности» не оценили должным образом, а я вдобавок вынужден нарушить свое обещание военным ведомствам. Как и весной, в случае закона «Не спрашивай, не говори», – любое соглашение с Белым домом Обамы исполняется ровно настолько, насколько оно является политически выгодным.

В конце концов в 2011-м финансовом году мы получили примерно столько же денежных средств (около 530 миллиардов долларов), как и годом ранее. Бюджетное давление на министерство обороны возрастало – и так было вплоть до моего ухода с поста министра (смею заметить, потом лучше не стало).

Тем не менее мы не опускали рук. 6 января 2011 года я отчитался перед пресс-службой Пентагона, подробно охарактеризовал вклад каждого рода войск в программу экономии, достигшую 100 миллиардов долларов. Я также упомянул о дополнительных 78 миллиардах, которые удалось сэкономить по министерству в целом, главным образом на информационных технологиях, договорах с подрядчиками, численности персонала, сокращении генеральских и флаг-офицерских, а также руководящих гражданских должностей и программ разведки. Еще я назвал пошедшие «под нож» программы закупок, среди которых больше всего вопросов вызвало решение корпуса морской пехоты отказаться от разработки экспедиционной боевой машины (этот бронетранспортер-амфибия уже обошелся гораздо дороже, чем предполагалось, и сулил чрезмерно высокие эксплуатационные расходы).

Затем я затронул военные возможности, на которые мы намерены потратить сэкономленные средства: новый дальний бомбардировщик для ВВС; модернизация парка бронетехники; дополнительные корабли, самолеты F/A-18, ударные и разведывательные БПЛА и самолеты разведки для военно-

морского флота. Я сказал, что мы собираемся больше инвестировать в системы ПРО дальнего и ближнего радиуса действия. Как выяснилось, я сумел вернуть практически все 100 миллиардов долларов, сэкономленные ведомствами, обратно в войска, с учетом «обязательных для оплаты счетов» вроде расходов на топливо. Те 78 миллиардов, которые мы выделили на общеминистерском уровне, было решено оставить «про запас» ввиду неминуемого сокращения военного бюджета в будущем. Словом, усилия по перераспределению средств в рамках «инициативы эффективности» принесли свои плоды, но реализация намеченных планов потребует жесткой дисциплины и управленческой прочности на весь прогнозируемый пятилетний период. Это был настоящий вызов.

Я всегда считал, что изменить бюрократическую культуру и бюрократическую среду возможно не реорганизациями, а повседневным воздействием на рутинную деятельность. Нужно понять, что именно делают люди, и соответственно их поощрять, стимулировать – или заставить постепенно меняться. Сутью того, что я пытался осуществить через «инициативу эффективности», было стремление поставить с головы на ноги оборонный бюджет, который обходился стране в сотни миллиардов долларов ежегодно, но почему-то не удостаивался пристального внимания ни в самом Пентагоне, ни в конгрессе. Нам требовалось добраться до «денежной реки», протекавшей через министерство, если цитировать моего заместителя в администрации Буша-43 Гордона Ингленда. Мы сделали первый шаг – но не более того.

Министерство обороны по-прежнему вынуждено работать с бюджетом, который постоянно сокращается, а потому необходимо активизировать усилия по уменьшению накладных расходов. Однако, как доказала «инициатива эффективности», подобные усилия окажутся успешными, только если их будут контролировать с самого верха и при условии регулярной отчетности и строгого соблюдения установленных правил.

Передышка

Мой последний полный год в качестве министра, 2010-й, оказался, пожалуй, самым сложным – из-за множества фронтов, на которых приходилось сражаться. И единственным, что меня ободряло и помогало работать дальше, была возможность сбегать из Пентагона и посещать войска. В работе министра обороны в годы войны вообще мало веселья, но порой случались забавные моменты.

В мае я прилетел вертолетом на авиабазу Эглин во Флориде, и тут на открытую площадку высыпала пара сотен изнуренных, очевидно голодных молодых мужчин, проходивших подготовку армейских рейнджеров: они безвылазно торчали в глухом лесу, но вышли оттуда, чтобы послушать меня. Один из моих ключевых сотрудников, Райан Маккарти, дослужился до капитана рейнджеров; он предупредил меня, что эти парни не ели и не спали несколько дней, что они грязны до невероятия и мало что соображают. Райан сказал, что потом они не вспомнят ни меня лично, ни моего визита, но, по его словам, если предложить им замороженные батончики сникерс, этого они точно не забудут. Он добавил, что надо заставить солдат есть, пока я говорю, потому что иначе инструкторы отберут у них шоколадки, стоит только мне уехать. Никогда не забуду выражение лиц этих парней, когда мы вытащили из вертолета холодильники, полные сникерсов, и пригласили всех угощаться. И месяцы спустя мне приходили письма от родителей и друзей тех солдат, потрясенных моим визитом.

В августе я побывал в лагере новобранцев морской пехоты в Сан-Диего, посмотрел, как обучают и тренируют новичков, и пообщался с несколькими сотнями новоиспеченных рядовых на выпускной церемонии. Меня поразило, сколько родителей присутствовало на мероприятии. Затем я посетил Центр подготовки сил специальных операций ВМС в Сан-Диего, где моряков, решивших стать «морскими котиками», подвергают суровым (и жестоким) испытаниям. Из предыдущего потока в 100 человек всего 67 закончили обучение. Пятая неделя тренировок – «адская неделя» – самая тяжелая. Я прибыл в конце этой недели и имел удовольствие сообщить морякам, что все закончилось, что они выжили и могут продолжить обучение. Эти парни, желавшие стать «котиками», выглядели жутко после многих суток без пищи и сна – глаза совершенно пустые, движения заторможенные, ноги подгибаются… Их построили на пляже, они были с ног до головы в песке, все небритые, у кого слюни текут, у кого сопли из носа. Я с гордостью пожал каждую грязную руку. Эти молодые люди, подобно стажерам-рейнджерам и другим в униформе, – лучшее, что создала наша страна. Возможность поблагодарить их лично для меня стала одним из величайших преимуществ должности министра обороны.

Весной 2010 года я начал кампанию выступлений, в ходе которой делился с молодежью в военной форме своими мыслями о том, как им следует воспринимать военную карьеру и какими офицерами они должны стать. Я хотел поведать им о тех задачах, что стоят перед современной армией, о проблемах, внимания к

которым со стороны их четырехзвездных командующих и конгресса я добивался. Я начал в апреле с посещения Военно-Воздушной академии в Колорадо-Спрингс, Военно-Морской академии в Аннаполисе и Вест-Пойнта. В каждом учебном заведении я провел почти час в каждой из двух классных комнат, отвечал на вопросы курсантов и гардемаринов и говорил о будущем.

Свою точку зрения в целом я старался донести в лекциях для всего курсантского состава. В каждой академии я вспоминал о выдающихся офицерах конкретного рода войск, обладавших «видением и пониманием, замечавших, что мир вокруг и технологии меняются», осознававших последствия этих изменений и стремившихся вперед, зачастую рискуя карьерой и репутацией, преодолевая «яростное сопротивление» «невероятно закосневших институтов». Я говорил о том, что каждый из этих офицеров действовал по принципу «говорить правду власть имущим» и что они, курсанты, должны быть готовы сделать то же самое. Я также предупредил их: «В большинстве случаев честность и мужество в конечном счете вознаграждались. В идеальном мире именно так всегда и происходит. Но, к сожалению, в реальном мире все по-другому, и я не стану притворяться, будто никакого риска не существует. Вам в какой-то момент наверняка придется подчиняться тупым ослам. Все мы через это проходим. Именно поэтому требуется мужество, чтобы говорить правду. Но отсюда вовсе не следует, что такой осел олицетворяет всю страну. А ведь страну-то мы и защищаем».

Я говорил будущим офицерам в академиях, что поле боя двадцать первого века невероятно сложное и требует от командиров немалой тактической гибкости, ловкости, если угодно, находчивости и воображения; нужны командиры, способные мыслить и действовать творчески и решительно в конфликтах различных видов. Увы, предыдущие шесть десятилетий мы готовились к иным войнам. Но именно эти качества я открыл для себя в Петрэусе, Одиерно, Маккристале, Демпси, Остине, Родригесе, Кьярелли и других своих соратниках. Я призывал молодежь отказаться от узости мышления конкретного рода войск, забыть о традиционной войне и карьеризме, быть вместо этого «принципиальными, творческими и настроенными на реформы», как на поле боя, так и за его пределами.

Постоянно меняющийся мир во всей его полноте, равно как и изворотливость и умение адаптироваться наших противников в предстоящие годы просто-напросто вынудят наш офицерский корпус бросить вызов ортодоксальности традиционного

мышления – такова суть послания, которое я постарался донести до курсантов и гардемаринов. Я говорил и курсантам, и генералам, что мы не должны «душить» молодых офицеров и сержантов, возвращающихся с войны. Обстоятельства заставляли их проявлять гибкость, независимость, предприимчивость, брать на себя ответственность. Наше будущее зависит от того, сумеем ли мы сохранить этих людей на воинской службе и сможем ли сделать так, чтобы в мирной жизни их таланты оказались столь же востребованными, как на поле боя. Все это я продолжал говорить до тех пор, пока не покинул свой пост, и прилагал немалые – чертовски немалые! – усилия, чтобы убедиться, что офицеры, рекомендованные мной президенту в качестве командующих нашими вооруженными силами, понимают и разделяют мои взгляды.

В конце очередного выступления я неизменно благодарил будущих молодых офицеров за их службу. А потом – и мой голос всякий раз срывался, не стыжусь признаться, – я прибавлял: «Я несу личную ответственность за всех и каждого из вас, будто вы мои собственные сыновья и дочери. И, посылая вас на смерть, без чего не обойтись, я сделаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить каждого всем необходимым для выполнения задания и благополучного возвращения домой».

Вероятно, мой голос срывался еще и потому, что я знал: по возвращении в Вашингтон мне, как всегда, снова предстоит сосредоточиться на войнах в Ираке и Афганистане. И снова отправлять наших детей навстречу гибели.

Глава 13
Две войны и революция

Декабрь 2009-го подвел итог третьему году моих сражений с вашингтонской бюрократией. Все началось с выступления президента в Вест-Пойнте: Обама сообщил, что Соединенные Штаты Америки направят дополнительно 30 000 солдат в Афганистан; затем мне, в компании Хиллари и Майка, пришлось два полных дня присутствовать на слушаниях в палате представителей и в сенате по поводу заявления президента. Обама принял непростое решение по Афганистану, сознавая, что политические последствия будут печальными и что вряд ли кто-либо в конгрессе обрадуется новому повороту. Республиканцы во главе с Маккейном выражали недовольство сроками – им не нравилось, что по графику вывод боевых подразделений начнется в июле 2011 года и что полностью наши войска будут выведены из Афганистана к 2014 году. Некоторые демократы осторожно поддерживали Обаму, но большинство однопартийцев президента, наоборот, его критиковали, а кое-кто позволял себе неприкрытую враждебность. На слушаниях антивоенная риторика звучала постоянно, как с трибуны, так и из зала. Комитет палаты представителей по делам вооруженных сил всегда представлялся мне собранием твердолобых либералов, однако любой из входивших в него конгрессменов был просто образцом государственного деятеля по сравнению с членами комитета по международным делам: последние, причем представители обеих партий, не считали нужным проявлять хотя бы элементарную вежливость. Мне подумалось, что в этом комитете собрались едва ли не все главные «клоуны» Капитолийского холма (уж простите за прямоту). Не завидую Хиллари, которой приходится общаться с ними регулярно. На следующий день после слушаний противники войны нашли виновного в том, что президент принял именно то решение, какое принял, и журнал «Нэйшн», к примеру, не стал миндальничать: «Пора увольнять Роберта Гейтса».

Было большим облегчением, что через несколько дней мне предстояло лететь в Афганистан и Ирак. На борту, как обычно, собралось множество представителей прессы, и я давал им интервью во время полета. Там, в первый и единственный раз за весь срок пребывания на посту министра обороны, касаясь темы Афганистана, я сказал: «Мы пришли туда, чтобы победить». Я всегда старался быть осмотрительным и избегал в публичных заявлениях слов наподобие «выигрывать» или «победа»,

поскольку, применительно к обеим войнам, эти слова мгновенно приобретали политическую значимость, следовательно, даже наилучший исход большинству американцев вовсе не покажется таковым. Я предпочитал употреблять менее «политизированные» слова – скажем, «успех» или «выполнение миссии». Ведь ни в Ираке, ни в Афганистане не приходилось ожидать ничего подобного безоговорочной капитуляции Германии или Японии в конце Второй мировой войны или чего-то, хотя бы даже напоминающего капитуляцию Ирака в 1991 году. Но тогда, летя в Афганистан после выступления президента в Вест-Пойнте, я чувствовал себя обязанным сказать войскам, что они изо дня в день рискуют в боях своими жизнями вовсе не ради какого-то невнятного «примирения».

Зарубежные командировки министра обороны, особенно посещения зон военных действий, предусматривают весьма плотный график, тщательно планируются и выполняются с военной точностью. Но эта поездка получилась иной. В Афганистане я надеялся посетить механизированную бригаду «Страйкер», дислоцированную на юге страны и недавно потерявшую в боях тридцать человек, но из-за плохой погоды нам пришлось сесть в Кабуле. Я пообедал, как было у меня заведено, с десятком наших молодых сержантов. Поразительно: летчики с одобрением отзывались об афганцах, которых тренировали, однако в один голос повторяли, что главная проблема – это дезертирство, что многие афганцы бегут из армии, потому что местные офицеры присваивают себе часть их жалованья. (Я всегда узнавал «настоящую» правду непосредственно от солдат.) А затем, за несколько часов до моей личной встречи с президентом Карзаем, произошел очередной инцидент, в котором якобы были замешаны наши коалиционные силы и который повлек за собой жертвы среди гражданского населения. Карзай никогда не дожидался фактов, всегда торопился с выводами, поэтому атмосферу нашей встречи сложно было назвать благожелательной. Тем не менее мы с ним поддерживали хорошие отношения, поэтому разговор все-таки состоялся. Важным элементом стратегии, сказал я, видится необходимость привлекать больше местной молодежи к службе в афганской армии. Я польстил Карзаю, заявив, что, как первый президент демократического Афганистана – отец народа, – он должен регулярно призывать молодых афганцев к выполнению патриотического долга перед страной. Карзай энергично кивал в знак согласия, но ни до чего конкретного мы не договорились.

Как обычно, в своей «персональной» ипостаси он был куда дружелюбнее и адекватнее, чем на публике. На совместной пресс-

конференции сразу после встречи он фактически попытался меня подставить – объявил во всеуслышание, что Афганистан не в состоянии финансово обеспечивать собственные силы безопасности «еще пятнадцать или двадцать лет»; совсем не те слова, которые могут прийтись по нраву любому американцу. Я постарался сгладить эффект, чтобы у прессы не возникло впечатления, будто у США серьезные разногласия с афганским правительством: сказал, что мы не вправе бросать Афганистан после окончательного вывода контингента в 2014 году и что я ожидаю продолжения американской помощи. Но для всех было очевидно, что Карзай меня именно подставил. Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Морин Дауд сопровождала меня в той поездке и написала несколько дней спустя, в своей типичной броской манере: «Марионетки уже не те, какими были когда-то». Конечно, Карзай не был марионеткой, но у Соединенных Штатов не было, пожалуй, более беспокойного союзника с тех самых пор, как мы сотрудничали с Шарлем де Голлем в годы Второй мировой, – возможно, причина в том, что они оба почти полностью зависели от США и обоих это возмущало до глубины души.

Вечером я повел своих сотрудников в цереушный аналог офицерского клуба, где еда была гораздо лучше, чем в армейских столовых, и где подавали «взрослые» напитки. Офицер ЦРУ, сидевший вместе с нами – точнее, сидевшая, поскольку это была очень яркая молодая женщина, – оказался в числе тех семи агентов, которые три недели спустя погибли при нападении талибов; трагическое напоминание о том, что не важно, в форме ты или не в форме, – раз ты американец, тебе и твоей жизни угрожает в этой стране серьезная опасность.

На следующий день, 10 декабря, мы прилетели в Ирак, где наше военное присутствие становилось все менее заметным. В январе 2009 года в стране успешно прошли выборы в местные органы власти, и международные наблюдатели присутствовали в каждом избирательном округе. В соответствии с соглашением о статусе сил, подписанным Бушем и Малики в декабре 2008 года, все боевые американские подразделения были выведены из иракских населенных пунктов к концу июня. Генерал Рэй Одиерно усиленно готовился к переходу от боевых операций к «помощи и консультированию» и планировал вывести часть семидесятитысячного контингента вместе с техникой и снаряжением к концу августа 2010 года, одновременно продолжая выслеживать террористов, тренировать иракские силы безопасности и содействовать примирению между иракскими политиками. Задача была, мягко говоря, непростой, однако Рэй и

его команда справлялись отлично.

Мне предстояло встретиться с Малики сразу после прибытия, но он вместо этого целых шесть часов драгоценного времени отбивался от нападок и обвинений в Совете представителей – иракском парламенте: премьера «строили» за неспособность правительства предотвратить недавние террористические акты. Когда нашу встречу в конце концов отменили, журналисты, которые меня сопровождали, стали поговаривать, что «Малики надул Гейтса». По личному опыту я знал, что Малики намного охотнее встретился бы со мной, чем отправился бы на «порку» к законодателям.

Основной темой моих переговоров с иракскими лидерами были общенациональные выборы, которые предполагалось провести в марте следующего года. После затянувшегося патового противостояния Совет представителей все же принял в начале ноября закон о выборах. Предстояло избрать 325 членов парламента, которые в свою очередь позже изберут президента и премьер-министра Ирака. Политические игры шли полным ходом. В ходе встречи с Президентским советом – в составе президента Джалала Талабани (курд), вице-президента Аделя Абдула Махди (шиит) и вице-президента Тарика аль-Хашими (суннит) – я спросил Талабани, пытаются ли соседи Ирака вмешаться в подготовку к выборам. «Да, все вмешиваются, – ответил он без обиняков. – Иран, страны Персидского залива, Сирия, Турция… Только Кувейт воздерживается». Хашими, как обычно, был всем недоволен и жаловался, что насилие продолжается («Это не шутка!»), правительство не в состоянии что-либо поделать, команда обеспечения безопасности нуждается в кадровых перестановках, а народ страдает и сердится. К жалобам Хашими мне было не привыкать, но поскольку это был единственный старший чиновник-суннит, приходилось выслушивать его претензии и как-то реагировать. Он прибавил, что Президентский совет оказался «в подручных» у Малики, и я подозревал, что это во многом справедливо.

Малики перенес нашу с ним встречу на утро. Мы обсудили уровень насилия в стране, и он заверил меня, что силы безопасности научились сотрудничать. По его словам, «Аль-Каида» больше не представляет «серьезной опасности», но наверняка попытается сорвать выборы – «для нее это последняя возможность». Мы также обсудили противостояние между центральным правительством в Багдаде и курдским региональным правительством (КРП) по поводу контроля над городом Киркук. Я сказал Малики, что собираюсь посетить Эрбиль, курдскую столицу, и постараюсь убедить президента

курдов Масуда Барзани действовать более конструктивно.

Эрбиль поразил меня свидетельствами богатства и процветания, повсюду в городе иностранные компании вели активное строительство. Я поблагодарил Барзани за помощь в поиске компромисса, который наконец-то позволил принять закон о выборах, и заверил в том, что США продолжат оказывать поддержку курдам. При этом я подчеркнул, что мы привержены обеспечению безопасности курдов и экономическому развитию региона «в пределах единого Ирака». Барзани ответил, что наши письма со словами поддержки от Обамы, Байдена и меня стали первыми доказательствами американской помощи (по работе в администрации Буша-43 я знал, что это не соответствует действительности), и поделился своими давними опасениями, что Соединенные Штаты неверно оценивают положение курдов в Ираке. Он сказал, что КРП всегда выступала за единство и что «мы целиком и полностью за национальное единство, если правительство в Багдаде будет строго соблюдать Конституцию». Я повторил ему то, что говорил накануне Президентскому совету: необходимо сформировать правительство национального единства как можно скорее после выборов. Любая задержка только на руку экстремистам, мечтающим развалить Ирак. Мы готовы сделать все, что от нас потребуется и что в наших силах, чтобы помочь иракцам преодолеть внутренние разногласия между политическими фракциями. (И сразу после этой встречи я улетел обратно в Вашингтон, округ Колумбия, к тамошним политическим фракциям.)

Иракские выборы состоялись в соответствии с графиком 7 марта 2010 года. Отмечались редкие случаи насилия, но явка была внушительной – и ни одна из сторон не сумела завоевать большинство голосов. Коалиция Малики получила второе место и 89 мест в Совете представителей, тогда как партия бывшего временного премьер-министра Айяда Аллави располагала 91 местом. Новый парламент собрался 14 июня, чтобы прежде всего выбрать нового премьер-министра и поручить ему сформировать правительство; ни один кандидат не получил необходимой поддержки. Малики был полон решимости и далее оставаться на посту премьер-министра и отказался поддержать Аллави (тоже шиита), хотя тот вроде бы формально имел право на это рассчитывать как лидер парламентского большинства. Результатом стал очередной тупик, Малики остался премьер-министром, пока кто-либо не заручится одобрением нужного числа парламентариев. Тупиковая ситуация затянулась на шесть месяцев, несмотря на все усилия Байдена, Одиерно и посла США в Ираке Криса Хилла. В конце концов правительство Малики

единогласно и официально привели к присяге 21 декабря. В отличие от выборов 2005 года никакой вспышки насилия на религиозной почве после этого не случилось, что наглядно свидетельствовало об изменениях в стране к лучшему.

Как и объявил президент Обама через месяц после своей инаугурации, активное военное присутствие США в Ираке завершилось 31 августа 2010 года, спустя почти семь с половиной лет после нашего вторжения. Для американцев война в Ираке наконец закончилась. С 20 марта 2003 года, когда началась боевая операция, мы потеряли 4427 американских военнослужащих убитыми и 34 275 ранеными. Среди 3502 человек, погибших в бою, 1240 солдат пали в мою «вахту»; из 31 894 раненых 9568 человек пострадали в годы моего пребывания на посту министра обороны. В предыдущие два года мы вывели из Ирака около 100 000 человек, закрыли или передали иракцам сотни форпостов и баз и вывезли миллионы единиц техники и снаряжения.

Президент отметил окончание войны (боевой задачи с обозначением «Операция «Свобода Ираку») посещением 31 августа Форт-Блисса, штат Техас, и обращением к американскому народу из Овального кабинета в тот же вечер. Обама поблагодарил американских военнослужащих за все, что они сделали, и отметил, что «благодаря им Ирак получил возможность самостоятельно определять свою судьбу, хотя многие проблемы остаются нерешенными». Он упомянул о немалой цене, которую заплатила Америка, в первую очередь жизнями своих сыновей и дочерей, за будущее иракцев, сказал, что сам всегда был против этой войны, что она вызывала недовольство граждан Соединенных Штатов. Также президент затронул Афганистан и новую стратегию и поделился соображениями о том, как решать многочисленные проблемы у нас дома. Он не упустил ни одного шанса пройтись по своим политическим оппонентам, но постарался выстроить свое выступление так, чтобы его нельзя было обвинить в том, будто он размахивает флагом с надписью «Миссия выполнена», отмечая завершение войны в Ираке.

Я тоже произнес речь 31 августа, на собрании Американского легиона в Милуоки. Я тоже постарался избежать громких лозунгов: «Сейчас не время для помпезных парадов по случаю победы или для самовосхваления, пусть мы, безусловно, гордимся тем, чего добились наши войска и их иракские партнеры. Впереди много работы, и никто не освобождал нас от принятых обязательств». Я сказал, что возможности, открытые ныне иракцам, были приобретены «ужасной ценой» потерь и страданий,

выпавших на долю иракского народа, а еще – «кровью, потом и слезами американских мужчин и женщин в военной форме». Выйдя из зала, где проходило собрание, я сел в самолет и полетел в Ирак.

Самолет приземлился на гигантской авиабазе Аль-Асад на западе Ирака. Раньше там дислоцировались 22 000 морских пехотинцев, а теперь авиабаза превратилась в город-призрак: длинные взлетно-посадочные полосы использовались ныне в основном для отправки американских солдат домой. Я посетил наши подразделения в соседнем городе Рамади, где происходили едва ли не самые жуткие бои всей кампании. Журналисты, сопровождавшие меня, спросили, стоила ли война затраченных усилий. Я ответил – «принципиально избегая шапкозакидательства», как написали позднее, – что наши войска «в самом деле совершили здесь настоящий подвиг», но «как все повернется, никто не знает… Нужна историческая перспектива, чтобы оценить события, которые произошли здесь, и понять, к чему они в итоге привели». Я добавил, что отношение к этой войне навсегда останется омрачено ее сомнительным основанием – необоснованным допущением, будто Саддам Хусейн располагает химическим и биологическим оружием и активно работает над созданием ядерного оружия. Вопросы, которые мне задавали военнослужащие, резко контрастировали с вопросами прессы: солдат и офицеров интересовали преимущественно демобилизация и льготы за ранения, о войне они практически не говорили.

Вечером 1 сентября мы с Байденом присутствовали на торжественной церемонии, знаменовавшей начало операции «Новый рассвет» (главная цель которой – подготовка кадров для Ирака и предоставление консультационной помощи), и при смене командования, когда Рэй Одиерно передал полномочия своему преемнику, генералу Ллойду Остину. Церемония прошла во дворце аль-Фав, некогда принадлежавшем Саддаму; богато украшенный зал заполнили американские и иракские старшие офицеры – и столько солдат, сколько там поместилось. Мы выступали поочередно. Дольше всех говорил Байден, отдавая дань уважения Одиерно, его семье и всем нашим войскам. (Мне было немного неловко слушать вице-президента, ведь я помнил, что он решительно выступал против «Большой волны», которая и сделала возможным этот относительно мирный переход.) Сам я сосредоточился главным образом на достижениях Одиерно, отметил, что без его командования международными силами в 2007 году и без его способности претворять планы в конкретные результаты «мы сегодня наблюдали бы гораздо более мрачную

ситуацию за этими стенами, а в широком смысле – говорили бы о стратегической угрозе интересам Соединенных Штатов». Я напомнил, что осенью 2008 года попросил Одиерно вернуться в Ирак в качестве командующего, и он впоследствии обуздал «Аль-Каиду» в Ираке и существенно расширил возможности иракской армии и полиции, организовал вывод нашего контингента и «держал руку на пульсе» новых развертываний и передислокаций. Я также поздравил и приветствовал Ллойда Остина. Воздавая должное войскам, Байден и Одиерно не преминули призвать иракское правительство «прекратить склоки» и посвятить себя решению стоящих перед страной проблем. В ходе своего выступления я заметил, что один мой сотрудник в первом ряду, явно утомленный перелетом, крепко спит.

Пятьдесят тысяч американских солдат оставались в Ираке в составе шести бригад «помощи и поддержки»; планировалось, что полностью американские войска покинут Ирак к концу декабря 2011 года, если до этого времени не будет заключено нового соглашения с иракцами о продлении пребывания. За остаток моего срока в министерском кресле в Ираке погибнут еще 26 американцев и 206 будут ранены в боях. Но война, которую президент Буш в ноябре 2006 года попросил меня спасти, а президент Обама два года спустя попросил помочь закончить, наконец-то завершилась. Будущее Ирака отныне в руках иракцев. Я несказанно горд тем, чего смогли добиться наши войска и их командиры всех уровней, несмотря на многочисленные трудности дома и в самом Ираке.

Афганистан

Как я уже говорил, в ноябре 2009 года президент принял непростое решение о переброске подкреплений в Афганистан и фактически заставил нас – меня, Маллена, Петрэуса и Маккристала – поклясться, что мы поддержим его позицию. К сожалению, с Байдена и его помощников, с сотрудников администрации Белого дома и ШНБ он, по-видимому, такую же клятву взять позабыл. С того самого момента как президент покинул аудиторию Вест-Пойнта, все эти люди принялись доказывать, что он не прав, что Пентагон не подчиняется его распоряжениям и что война в Афганистане развивается, как говорят, от плохого к худшему. Решение президента явно не положило конец распрям из-за новой военной стратегии внутри администрации, и в Белом доме, как и в Штабе национальной безопасности, продолжали подозревать старшее военное руководство, включая меня, в тайных умыслах. Более того, подозрительность даже усугубилась.

Все, что изрекала каждая из сторон, воспринималось исключительно в этом «преломляющем фокусе». Главной темой дискуссий осенью 2009 года, повторюсь, стала необходимость оперативно перебросить дополнительные 30 000 американских солдат в Афганистан, как это было сделано в 2007 году в Ираке. Логистические проблемы переброски казались чудовищными, однако Маллен, Петрэус и профессионалы военного планирования сумели их в значительной степени снять. Когда министерство обороны доложило Белому дому в январе, что последние несколько тысяч военнослужащих не смогут прибыть в Афганистан до начала сентября, нас обвинили в том, что мы якобы ввели президента в заблуждение. Почти никто из наших критиков в Белом доме и ШНБ – чьи стройные ряды пополняли в первую очередь бывшие сотрудники аппарата Капитолия, ученые и «политические оперативники» – никогда и ничем не управлял, поэтому у них не было и не могло быть понимания логистических проблем (и сочувствия к тем, кто пытался эти проблемы устранить); они лишь радовались возможности облить нас грязью за «предательство» президента.

Байден, Донилон, Лют и прочие встали на дыбы, когда Маккристал охарактеризовал свою стратегию как «антиповстанческую», и обвинили генерала в «самовольном расширении поставленной задачи». Но определения и эпитеты, столь тщательно разобранные прежде по косточкам в Белом доме,

далеко не полностью отражали суть миссии, которую выполняли 100 000 солдат и морских пехотинцев в Афганистане; на деле эта миссия была во многом именно антиповстанческой, пусть и имела довольно жесткие географические и временные ограничения. Военнослужащим, которые рискуют своими жизнями, следовало объяснить, что их цель – «победить» тех, кто пытается их убить. Но подобные формулировки, с точки зрения Белого дома, звучали неподобающе (и политически вызывающе) в устах генералов, «норовящих самовольно расширить» стратегию президента. Байден публично заявил, что вывод войск с июля 2011 года почти сразу пойдет по нарастающей. Я возразил, что вывод должен быть – и будет – постепенным. Когда я сказал на слушаниях в Капитолии, что президент обладает «абсолютной свободой корректировать собственные решения» относительно сроков и темпов вывода американского контингента из Афганистана, это было истолковано скептиками как попытка дать понять, что в июле вывод войск может и не начаться.

Те же скептики и критики в Западном крыле и ШНБ долго искали подвох в решении Маккристала обезопасить в начале новой кампании несколько ключевых деревень в провинции Гильменд. Они утверждали, что важнейшим населенным пунктом на юге является Кандагар. И это говорили те самые критики, которые требовали отказаться от антиповстанческой тактики – которая предусматривает опору на населенные пункты – и настаивали на «концептуальных доказательствах» общей стратегии Стэна!

Раскол между Белым домом и старшим военным руководством мало-помалу превращался в пропасть. В начале 2010 года эта пропасть стала еще шире, когда Белый дом раскритиковал усилия военных по оказанию помощи Гаити, обсуждение отмены закона «Не спрашивай, не говори» шло полным ходом, я сопротивлялся крупным сокращениям оборонного бюджета на 2011-й финансовый год и составлял служебную записку о нашей неподготовленности к возможному конфликту с Ираном. Буквально каждый шаг военных в Афганистане рассматривался под микроскопом, на нас оказывалось колоссальное давление, чтобы мы ускорили переброску войск, а вот сопутствующим усилиям в гражданской сфере внимания почти не уделялось. Командующие на местах настойчиво просили (почти умоляли) присылать больше гражданских экспертов, приводили пример за примером, когда малое число американских дипломатов и специалистов по развитию изрядно способствовало успехам в столицах провинций, в деревнях и в сельской местности. Все, на что минувшей осенью

сподобился СНБ, – это декларировал, что существенное увеличение числа американских гражданских специалистов в Афганистане имеет принципиальное значение для общего успеха миссии, но конкретных цифр до сих пор названо не было. Донилон порой затрагивал этот вопрос в беседах с Хиллари или ее заместителями на заседаниях комитета принципалов, но конкретики так и не появилось.

Не стану отрицать, конечно, что министерство обороны, случалось, давало поводы Белому дому заподозрить нас в «нечестной игре». Например, чрезмерно оптимистичные заявления Маккристала и других командующих о «достижении цели» на раннем этапе кампании в деревне Марджи в провинции Гильменд – в частности, заверения, что афганское самоуправление «может выскакивать как чертик из коробки» – вызвали массу критических комментариев не только от скептиков в правительстве, но и со стороны прессы. Чем больше наши командиры расхваливали свои успехи, тем старательнее ШНБ искал доказательства того, что они, скажем так, преувеличивают. Нам следовало лучше объяснять, что именно мы делаем во исполнение решения президента. Мы пытались, но… Никто и никого в общем-то не слушал.

В середине января 2010 года я предпринял свою вторую и последнюю поездку в Пакистан. Майк Маллен и Ричард Холбрук затратили много времени и сил, чтобы «приручить» пакистанцев, убедить их, что мы не собираемся бросать Пакистан на произвол судьбы, и заставить их более тесно сотрудничать с нами в обеспечении безопасности афгано-пакистанской границы. Ни одна администрация на моей памяти не уделяла столько времени и внимания пакистанцам, сколько президент Обама и вся его высокопоставленная команда. 21–22 января я встретился с президентом Пакистана Асифом Али Зардари, премьер-министром Юсуфом Резой Гилани и, самое главное, с начальником генерального штаба пакистанской армии генералом Ашфаком Парвезом Каяни. Всем троим я сказал одно и то же: мы привержены долгосрочному стратегическому партнерству; надо объединить усилия в борьбе с «синдикатом террора», который угрожает Афганистану, Пакистану и Индии; нужно ликвидировать убежища экстремистов по обе стороны афгано-пакистанской границы; Пакистану следует усилить борьбу с антиамериканскими настроениями и с преследованием американцев, а «внесудебные расправы» (казни), которые практикует пакистанская армия, ставят наши отношения на грань разрыва. В своей речи в пакистанском Университете национальной обороны я прямо опроверг циркулирующие в

Пакистане многочисленные теории заговора: «Позвольте сказать откровенно, Соединенные Штаты не притязают ни на пядь территории Пакистана. Мы не стремимся размещать у вас свои военные базы, и у нас нет ни малейшего желания контролировать ядерное оружие Пакистана».

Визит оказался напрасным. Я вернулся с убеждением, что Пакистан, конечно, продолжит сотрудничество с США (скажем, и далее будет предоставлять нам перевалочные базы, которые неплохо пополняют его казну), но не станет принимать каких-либо мер против талибов и других экстремистов, чтобы, независимо от исхода афганских выборов, сохранить свое влияние в Афганистане. Если в этой стране вообще возможно примирение и урегулирование, пакистанцы намерены использовать его к своей выгоде. Хотя я защищал их перед конгрессом и прессой, чтобы не допустить дальнейшего ухудшения отношений и не подвергать риску линию снабжения из Карачи, но отдавал себе отчет в том, что Пакистан вовсе не является нашим союзником.

Напомню, что, рекомендуя прошлой осенью президенту выделить дополнительно 30 000 солдат, я рассчитывал на наших партнеров по коалиции в Афганистане: надеялся, что они предоставят еще от 6000 до 7000 военнослужащих, и это позволит нам почти полностью удовлетворить запрос Маккристала на 40 000 человек подкрепления. На встрече министров обороны стран НАТО в Стамбуле 4–5 февраля 2010 года я отчаянно убеждал своих коллег найти еще хотя бы 4000 военных инструкторов и направить их в Афганистан. Я говорил, что эффективное обучение афганских сил безопасности – наилучшая стратегия скорейшего вывода всех иностранных войск из страны. Я обещал нашим союзникам новые технологии защиты от СВУ и предложил поделиться с ними тактиками борьбы с СВУ, разработанными в Пентагоне. Затем я посетил Анкару, Рим и Париж, чтобы призвать лидеров государств не оставаться в стороне. Европейские правительства в конечном счете отправили в Афганистан дополнительно от 8000 до 9000 военнослужащих. Но даже с учетом этого нам не хватало инструкторов, способных обучать афганскую армию.

Два организационных изменения в начале 2010 года немало содействовали активизации союзников в Афганистане. Руководство США давно пришло к мысли, что в Кабуле, помимо военного командования, должен работать старший гражданский представитель НАТО. Первые усилия в этом направлении не увенчались успехом, но в январе британский посол в Афганистане Марк Седвилл согласился взять на себя обязанности старшего

гражданского руководителя. Он оказался ценным соратником для командующего МССБ и обладал множеством полезных связей как в Брюсселе, так и в Афганистане.

Второе изменение раз и навсегда решило наши проблемы с командованием и подчинением. Впервые все американские части и подразделения (в том числе команды специальных операций и морскую пехоту) подчинили одному главнокомандующему на ТВД, наконец-то установив «единоначалие». На февральском совещании министров обороны я сказал Маккристалу, что хочу сделать из него Эйзенхауэра времен Второй мировой – чтобы он командовал всеми вооруженными силами США на данном театре военных действий. Ближе к концу февраля я повторил то же самое Маллену и Петрэусу. Для этого, указал Петрэус, придется переподчинить морских пехотинцев Маккристалу, что не проще, чем отыскать святой Грааль. Собрав и изучив мнения других высших военачальников, из которых кто поддерживал меня, а кто ратовал за сохранение статус-кво, я просто-напросто переопределил цепочку командования (жаль, что не сообразил раньше). К концу весны каждый американец в форме в Афганистане находился под командованием Маккристала. Да, изменение запоздало, признаю свою ошибку, но все-таки оно произошло. Я уволил нескольких старших офицеров и гражданских чиновников, потому что, будучи осведомлены о какой-либо серьезной проблеме, они, исправляя ситуацию, действовали недостаточно энергично. И я виноват в том, что устроил то же самое применительно к структуре командования в Афганистане.

Пока мы перебрасывали в Афганистан подкрепления, а Маккристал оттачивал нашу военную стратегию, его сотрудники взялись за проблему, что беспокоила меня который год; эту проблему я бы обозначил как неадекватность нашей разведывательной деятельности в Афганистане. Начальник разведки Маккристала, генерал-майор Майкл Флинн, подготовил подробный доклад, который демонстрировал наше невежество (не подберу другого слова) в отношении местных племенных, социальных и политических связей, а также наше непонимание распределения власти в Афганистане и семейных и клановых уз. Его «диагноз», на мой взгляд, был предельно точен, а предложения Флинна по «лечению запущенной болезни» представлялись вполне здравыми: например, обязать солдат докладывать обо всем, что они заметили, бывая в местных селениях, общаясь со старейшинами и посредничая в сделках между афганцами. Единственное, что беспокоило меня в замечательном анализе Флинна, – то обстоятельство, что в январе

2010 года он опубликовал свой доклад в виде статьи в специализированном журнале; при желании все, включая наших противников, могли прочитать о наших недостатках. Тем не менее Флинн проделал великолепную работу в выявлении критически важных упущений.

Снова я прилетел в Афганистан в начале марта и, как обычно, встретился с Карзаем. Перспективы примирения с талибами и реинтеграция боевиков в афганское общество занимали мысли всех афганских чиновников, а Карзая в особенности, поскольку он намеревался созвать в конце апреля общенациональную мирную конференцию. Я сказал, что мы, разумеется, поддерживаем идею примирения, но мир нужно заключить на условиях правительства, а не на условиях главы талибов муллы Омара. Карзаю следует вести переговоры с позиции силы, а такая возможность, как мне кажется, появится у него предстоящей осенью. Я сообщил, что просьба о выделении дополнительно 30 миллиардов долларов на финансирование подкреплений будет обсуждаться конгрессом примерно в то же время, когда Карзай прилетит в США в мае. «Вы могли бы помочь госсекретарю Клинтон и мне», – сказал я ему.

Как всегда – думаю, об этом несложно догадаться по моим замечаниям выше, – самым главным пунктом программы визита для меня было покинуть Кабул и отправиться в полевые части. Вертолетом меня доставили на передовую оперативную базу Фронтенак под Кандагаром, где размещался 1-й батальон 17-го пехотного полка, имевший на вооружении бронированные боевые машины «Страйкер». В боевых действиях батальон хорошо проявил себя, но за время кампании потерял двадцать одного человека убитыми и шестьдесят два ранеными: примерно каждый седьмой солдат этой части пострадал на войне. В память о павших солдаты установили нечто вроде «вигвама» с фотографиями погибших товарищей внутри; под снимками лежали всякие мелочи и монеты, оставленные в знак уважения к павшим самими солдатами и гостями наподобие меня. Это было поистине священное место, и я задержался там в одиночестве на несколько минут.

Мою печаль слегка развеял обед с 10 солдатами срочной службы и последующее выступление перед 150 их товарищами по оружию. Как обычно, прямота солдат подкупала и вдохновляла. Их беспокоило ужесточение правил боестолкновений, призванное предотвратить жертвы среди гражданского населения. Они, конечно же, понимали, чем чревато убийство невинных людей, но хотели, чтобы им разрешили давать больше предупредительных выстрелов. И хотели больше женщин в своих рядах, потому что так проще обыскивать дома. Они говорили, что афганские

солдаты «в принципе неплохие, но ленивые», а афганские полицейские – «коррумпированные и часто обдолбанные». Кто-то, как всегда, застал меня врасплох своим вопросом; на сей раз это был солдат, который сказал, что нашел недостаток в боевой форме (камуфляже): когда перепрыгиваешь забор, форма часто рвется в промежности. Он добавил с улыбкой: «Летом-то все в порядке, а вот зимой задувает». Я ответил, что, похоже, эта новость еще не дошла до Пентагона. (Впрочем, оказалось, что армия давно в курсе и уже заказала новую форму.)

Затем, снова вертолетом, я перелетел на передовой пост Кафереттa на северо-востоке провинции Гильменд, чтобы посетить 3-й батальон 4-го полка морской пехоты. Капитан Энди Террелл повел меня на прогулку по городу Наузад, в котором когда-то жили 30 000 человек; потом он служил оплотом талибов, был буквально напичкан СВУ и стал фактически необитаемым. Морские пехотинцы взяли Наузад в декабре прошлого года и очистили от мин большую часть улиц дорогой ценой потерь. Мне сказали, что вернулось около тысячи горожан и экономика начала возрождаться. Идя по пыльной главной улице, я увидел несколько магазинов и горстку мужчин и мальчишек у дверей. На улицах было много морских пехотинцев, и, отметив малочисленность открытых магазинов и отсутствие домашнего скота, я просто не мог не задаться вопросом: то ли это шоу, устроенное к моему приезду, то ли мой визит и обилие морпехов заставили местных укрыться в своих домах? Нет, я вовсе не ставил под сомнение доблесть морских пехотинцев, освободивших город, и жертвы, которые они понесли. Я всего-навсего пытался понять, стоило ли все это таких потерь.

Перед отлетом на следующий день из Афганистана я посетил лагерь «Блэкхорс» в окрестностях Кабула, один из крупнейших учебных лагерей афганской армии. В лагере меня встретил облаченный в костюм-тройку министр обороны Афганистана Абдул Рахим Вардак. Вместе с ним мы побывали на различных учебных мероприятиях Я попросил несколько минут, чтобы поблагодарить американских солдат, которые работали инструкторами, а потом через переводчика обратился к нескольким сотням афганских слушателей. Вардак настоял, чтобы я закончил свое выступление парой ободряющих фраз на пушту. Он написал эти фразы для меня в фонетической транскрипции на карточке. Я приложил все усилия, чтобы произнести фразы верно (не уверен, что у меня получилось), и до сих пор не знаю точно, что же именно сказал. Предположительно что-то не слишком обидное, потому что слушатели как будто остались довольны.

Мои комментарии для прессы по поводу этой поездки не то

чтобы лучились оптимизмом. Я сказал тем, кто ездил со мной в Наузад, что этот город укрепил мою веру: мы и в самом деле на правильном пути, но «дорога займет много времени». «Люди должны понять, что все равно возможны ожесточенные и кровопролитные бои, что нас по-прежнему ждут очень трудные дни… Первые признаки обнадеживают, но я опасаюсь, что возникнет соблазн проявить нетерпение и принять желаемое за действительное». Никто не мог обвинить в том, что я гляжу на Афганистан сквозь розовые очки. Я видел наших солдат и морских пехотинцев, видел, чего они добились, но прекрасно сознавал, сколько еще испытаний впереди.

Обама совершил свою первую в должности президента поездку в Афганистан 28 марта 2010 года. Он провел на афганской территории шесть часов, встретился с Карзаем и с американскими военнослужащими на авиабазе Баграм. Его визит существенно усилил позиции Карзая, даже при том что президент США высказал тому много претензий – относительно коррупции, незаконного оборота наркотиков и дурного управления. Президенты также обсудили примирение с талибами. Войска устроили Обаме бурный прием. Позже Джонс раздраженно поведал мне, что некий старший чин в посольстве чересчур рано уведомил афганцев о визите Обамы, и очень скоро после того, как самолет президента вылетел из Кабула, ракета угодила в ВПП, всего в четверти мили от того места, где недавно стоял борт номер один.

Разногласия из-за Афганистана между Государственным департаментом и министерством обороны, с одной стороны, и Белым домом и СНБ – с другой, тлевшие с декабря, вспыхнули с новой силой в начале апреля. Маллен и Мишель Флурнуа вернулись в Вашингтон из поездок в Афганистан, глубоко озабоченные тем, что там увидели. Флурнуа пришла ко мне 2 апреля, чтобы поделиться своими тревогами: по поводу скептического отношения посла Эйкенберри к стратегии президента и его снисходительности к Карзаю, а также по поводу продолжающихся споров между Госдепом и ШНБ о том, кто несет ответственность за привлечение гражданских специалистов. Маллен разделял опасения Флурнуа. Несколько дней спустя я сказал Хиллари Клинтон, что на нашем регулярном совещании с президентом на этой неделе хочу обсудить ситуацию в Афганистане, и пригласил ее присоединиться. Она согласилась. Джим Джонс, впрочем, предложил сначала побеседовать втроем, без президента, и наметить варианты развития событий. Я не стал возражать.

На следующий день я обсуждал с президентом щекотливый

кадровый вопрос, и вдруг Обама поинтересовался, что там с Афганистаном. Я ответил, что по договоренности с Джонсом не стану его, Обаму, беспокоить, пока мы трое – Джонс, Клинтон и я – не встретимся и не переговорим между собой. Президент сказал: «Нет, не надо откладывать». Тогда я поведал, что, по мнению Эйкенберри, стратегия президента терпит неудачу. Послу и прочим, прибавил я, стоит научиться иному стилю общения с Карзаем, особенно в публичных заявлениях. Они просто не понимают, что задевают афганский суверенитет и гордость афганцев. Государственный департамент и Белый дом заодно с ШНБ сражаются за руководство гражданской сферой, продолжал я, и тем самым фактически торпедируют все наши планы. Обама довольно сдержанно прокомментировал, что руководителям министерств следует проработать основные условия взаимодействия.

Спустя несколько минут Клинтон, Маллен, Донилон и я встретились в кабинете Джонса. Я вновь изложил ситуацию, на сей раз подробнее и не стесняясь в выражениях. Негативный настрой Эйкенберри постепенно распространяется на все посольство; это как если бы генерал заявил войскам, идущим в бой, что они обязательно потерпят поражение. Я раскритиковал отношение Эйкенберри и Белого дома в целом к Карзаю, напомнил, что Карзай знал о нашем вмешательстве в ход выборов предыдущей осенью, и добавил, что публичное заявление пресс-секретаря Роберта Гиббса сегодняшним утром – Соединенные Штаты могут отозвать приглашение Карзаю посетить Вашингтон в мае – представляет собой грубую ошибку. (Гиббс отреагировал на слова Карзая: мол, если иностранцы не перестанут вмешиваться во внутренние дела Афганистана, он может присоединиться к «Талибану», – очередной «выплеск» его импульсивной натуры, доставлявшей всем нам столько хлопот.) Затем я описал проблему взаимоотношений Белого дома и Госдепа, как она видится в министерстве обороны. Маллен поддержал мои выводы и добавил, что нужно добиваться соблюдения законов, бороться с коррупцией и решать вопросы управления в ближайшие несколько месяцев, а планов нет даже в наметках. «Гражданская сфера не работает», – заключил он.

Хиллари явно готовилась к этой встрече и пришла, что называется, во всеоружии. Она привела ряд примеров прямого неповиновения Эйкенберри, игнорирования распоряжений ее самой и ее заместителя Джека Лью, в том числе отказы предоставлять информацию и разрабатывать планы. Она сказала: «Карл превратился в проблему». По поводу отношения администрации к Карзаю Хиллари со мной согласилась и

обрушилась на ШНБ и Белый дом, упрекая их сотрудников в закулисных контактах с Эйкенберри. Она перечислила случаи их, как она выразилась, высокомерия, стремления контролировать действия военных, попыток избежать участия в совещаниях и нежелания сотрудничать с командой Холбрука. Чем дольше Хиллари говорила, тем сильнее раздражалась. «С меня довольно, – заявила она. – Вам хочется управлять гражданской сферой афганской кампании – так забирайте! Я умываю руки! Я не собираюсь отвечать за то, чем не в состоянии управлять из-за интриг Белого дома и ШНБ».

Я спросил Джонса, сколько людей работают на Дуга Люта в ШНБ. Около двадцати пяти человек, ответил Джонс. Я покачал головой: весь аппарат СНБ при Буше-41 составлял около пятидесяти человек. «По-моему, – сказал я Джонсу, – вы все переворачиваете с ног на голову: когда возникает какая-либо серьезная ситуация, ШНБ почему-то допускает ошибку за ошибкой и при этом ищет способы ошибаться дальше». При новой администрации почему-то получилось так, что Штаб национальной безопасности превратился, по сути, в орган оперативного управления, с собственной политической повесткой дня, и перестал выполнять координирующие функции. А это, в свою очередь, ведет к тому самому микроменеджменту, к мелочной опеке, причем там, где ее вовсе не требуется. Помнится, в ходе одной поездки в Афганистан я заметил в командном центре спецопераций на авиабазе Баграм телефон прямой связи с Лютом. Конечно, я распорядился его убрать. В другой раз я сказал генералу Джиму Маттису в Центральном командовании, что если Лют снова позвонит ему с каким-либо вопросом, он должен открытым текстом послать Люта к черту. Микроменеджментом ШНБ я был сыт по горло.

Донилон и Джонс покорно выслушивали наши с Хиллари претензии. Правда, Донилон заметил, что команда Холбрука сама отказалась сотрудничать в рамках межведомственного процесса. А Джонс буркнул: «Кому встреча нужна, тот ее и устраивает». Кроме того, по его словам, если государственный секретарь, министр обороны и председатель Объединенного комитета начальников штабов считают, что Эйкенберри должен уйти, «значит, он уйдет».

Наконец-то здравая мысль! Я позвонил Джонсу на следующий день, чтобы уточнить, нужно ли проинформировать обо всем президента. Он сказал, что да. Но быстро выяснилось, что Эйкенберри и Лют, при всех их очевидных недостатках, имеют надежное «прикрытие» в Белом доме. Поскольку мы с Хиллари оба были убеждены, что эти двое должны уйти, «прикрытие»

подразумевало только покровительство президента. Я не мог себе представить, чтобы любой предыдущий президент смирился с тем, что кто-то из старших сотрудников администрации открыто отвергает политику, которую он утвердил; следовательно, логично предположить, что сам президент не уверен в эффективности той стратегии, которую он одобрил.

Я мог понять скептицизм президента, пусть и не разделял подобную точку зрения. Я не верил, что Карзай способен внять голосу разума, что Пакистан перестанет укрывать экстремистов, что коррупция в Афганистане существенно сократится и что у нас получится организовать гражданскую «Большую волну». И все же… Если бы я, к примеру, однажды разуверился в том, что военные планы гарантируют успех нашей миссии в Афганистане, то определенно не стал бы подписывать распоряжение о развертывании новых подразделений.

Неизменная ирония наших совещаний с членами ШНБ, думал я, заключается в том, что мы тратим много времени, всесторонне анализируя ту составляющую общей стратегии, которая себя в принципе оправдывает (военные операции и подготовка афганских сил безопасности), но совершенно пренебрегаем изучением составляющих, которые не работают. Скептицизм Обамы по отношению к планам Маккристала проявлялся той весной «сурово и зримо», практически на каждом совещании. В ходе видеоконференции с Малленом и со мной в начале мая Стэн пожаловался на очередное совещание с ШНБ, состоявшееся накануне. Он сказал, что был поражен потоком негатива в его адрес и полным непониманием сущности антиповстанческой стратегии. Наверное, придется вновь просмотреть оперативные планы наступления в Кандагаре, иначе «никто там ничего так и не разберет… А президент, похоже, не понимает план кампании». Я ответил, что те в Белом доме, кто дает советы президенту, глядят на наши операции «сквозь коктейльную трубочку» и, как кажется, едва ли способны воспринять картину в целом. С учетом этого, прибавил я, надо признать: если президент не понимает план кампании, в этом есть и наша вина. Я пообещал Маккристалу, что попробую связать его с президентом, дабы они вдвоем обсудили этот многострадальный план.

Между тем наши с Хиллари заявления о том, что Эйкенберри и представители администрации неправильно ведут себя с Карзаем (в особенности публично), возымели некоторый эффект. Карзай не видел пользы в контактах с Эйкенберри, Холбруком или Байденом, а его отношения с Обамой были, скажем так, прохладными. Лучше всего он ладил с Маккристалом, Клинтон и со мной. В любом случае Белый дом стал постепенно отходить от

публичной критики нашего «союзника».

Десятого мая 2010 года Карзай и ряд его министров прибыли в Вашингтон для «стратегического диалога». Все началось с устроенного Хиллари ужина, на котором все демонстрировали высшие образцы любезности. На следующее утро ряд министров с обеих сторон совещались около двух часов в Государственном департаменте, обсуждая аспекты двусторонних отношений. Я полтора часа беседовал в Пентагоне с афганскими министрами обороны и внутренних дел. У меня сложились прочные партнерские отношения с министром обороны Афганистана Вардаком, пуштуном по национальности, который в 1980-х годах активно участвовал в сопротивлении советской агрессии. Вардак изъяснялся весьма велеречиво, в старомодном стиле, выражая благодарность за нашу поддержку, и работать с ним было легко – стоило лишь убедить его, что афганской армии не нужны истребители F-22, ведь всего один такой самолет обойдется в целый бюджет министерства обороны Афганистана. Президент встретился с Карзаем 12 мая, и после совместного заявления для прессы обе делегации «преломили хлеб» на обеде в Белом доме.

Те сотрудники администрации, которые участвовали в организации визита, в том числе глава аппарата ШНБ Денис Макдоно и заместитель советника по национальной безопасности Бен Роудс, были как на иголках, ожидая от Карзая «спонтанного порыва». Карзай захотел навестить раненых солдат в госпитале имени Уолтера Рида, побывать на Арлингтонском национальном кладбище и посетить Форт-Кэмпбелл[123], штат Кентукки, чтобы лично поблагодарить американских солдат, воевавших в Афганистане, и членов их семей. Официальные лица Белого дома возражали против посещения базы Форт-Кэмпбелл на том основании, что хотели бы поскорее вернуться к «домашним делам» после трех дней непрерывных переговоров с Карзаем. На мой взгляд, их на самом деле тревожило, что Карзай может что-то ляпнуть в Форт-Кэмпбелле. Я поддержал желание афганского президента, и Белый дом пошел на попятную. Карзай проявил себя с наилучшей стороны и в госпитале имени Уолтера Рида, и на Арлингтонском кладбище. Я встретил его на 60-м участке кладбища, где похоронены многие из тех, кто погиб в Ираке и Афганистане; когда мы шли среди надгробий, он искренне соболезновал нашим потерям.

На следующий день мы снова встретились на базе Форт-Кэмпбелл. В сопровождении генерал-майора Ф. Кэмпбелла, командира 101-й воздушно-десантной дивизии, мы прошли в ангар, где ждали примерно 1300 солдат и членов их семей. С возвышения, окруженного металлической сеткой высотой три

фута, Карзай поблагодарил Соединенные Штаты за все, что они, начиная с 2001 года, сделали, чтобы помочь Афганистану. Он сказал собравшимся, что «впереди еще много миль пути, но мы становимся лучше благодаря вам», и пообещал, что когда-нибудь простые афганцы тоже приедут в Форт-Кэмпбелл, чтобы «сказать вам спасибо». Люди, присутствовавшие в ангаре, громко, восторженно зааплодировали. Карзай явно опешил, но потом воодушевился, сошел с помоста, стал пожимать руки поверх сетки, а затем перепрыгнул сетку (чуть не упав при этом), принялся обниматься и фотографироваться с солдатами. Это было удивительное зрелище. В конце концов нам удалось вытащить его из толпы и отвести в другое помещение, где он выступил перед 200 военнослужащими, ожидающими отправки в Афганистан. Их он тоже поблагодарил «за то, что вы делаете для меня и моей страны», а затем пожал каждому руку. Когда самолет Карзая взлетел с ВПП базы Форт-Кэмпбелл и визит афганского президента в Америку завершился, оставалось лишь надеяться, что позитивные чувства с обеих сторон сохранятся хотя бы на некоторое время. Сам я расценивал его визит как триумфальный и честно сказал ему об этом.

В Афганистане Маккристал продолжал выполнять свой план по уничтожению талибов на подконтрольной им территории в южном Афганистане, сначала в провинции Гильменд, а затем в провинции Кандагар. Разобравшись с югом, он намеревался сосредоточить усилия на восточной части страны, вдоль границы с Пакистаном. В мае и июне подкрепления только-только начали прибывать в Афганистан, зато голоса пессимистов раздавались все громче. И поводов для критики у них хватало. Операция по зачистке Марджи и прилегающих районов продлилась дольше запланированного (к тому же военные поспешили похвастаться успехами), и кампания по освобождению Кандагара тоже разворачивалась медленнее, чем ожидалось. (Маккристал сознательно замедлял темпы кандагарской кампании, чтобы привлечь к боевым действиям больше афганских войск и чтобы побудить местные власти задуматься над самостоятельным обеспечением безопасности; эти уроки он усвоил на опыте Марджи.) При этом никакого реального усиления влияния центрального правительства за пределами Кабула не наблюдалось, власть государства в провинциях и деревнях не ощущалась, коррупция цвела пышным цветом на всех уровнях – возможно, хуже всего дело обстояло в случае местных властей и полиции, которые регулярно грабили простых афганцев. Судебное разрешение местных и семейных споров, в котором активно участвовали афганские чиновники, быстро превратилось в

очередную «кормушку» и увеличило число взяток. Что касается афганских военнослужащих и полицейских, их по-прежнему было слишком мало, чтобы всерьез рассуждать о равноправном партнерстве. Заявление Обамы о том, что США начнут вывод войск в июле 2011 года, повсеместно толковалось как уведомление о полном выводе американского контингента, поэтому многие афганцы просто «присели на корточки» в ожидании нашего ухода.

Принимая свое решение в ноябре 2009 года, президент объявил, что команда по национальной безопасности оценит ход реализации новой стратегии в декабре 2010 года. Как я уже говорил, если оценка не покажет сколько-нибудь значимых достижений, нам придется изменить подход и разработать иной план. Не дожидаясь декабря, Байден и другие члены администрации уже в июне принялись требовать переосмысления стратегии.

Политическое давление в Вашингтоне и Европе нарастало, на ноябрьском саммите НАТО в Лиссабоне мне настоятельно рекомендовали продемонстрировать «реальные успехи» в наведении порядка в Афганистане, и я беспокоился, что послы стран НАТО в Брюсселе, а также члены ШНБ в Вашингтоне, возьмут и решат, что именно они должны определять, какие регионы страны готовы к переходу под юрисдикцию афганского правительства. Поэтому на июньском совещании НАТО в Брюсселе я категорически заявил, что любое решение о переходе той или ной провинции под иную юрисдикцию должно опираться исключительно на совместное заключение Маккристала, координатора действий НАТО в Афганистане посла Марка Седвилла и афганского правительства; такой переход должен осуществляться на основе критериев и показателей, которые разработают упомянутые инстанции. Я сказал, что сроки перехода следует поставить в зависимость от конкретных условий безопасности и способности афганцев управлять самостоятельно. И попросил министров запомнить, что «переход – всего-навсего начало процесса, предсказуемых сроков тут быть не может, это не очередь в магазине».

Пять дней спустя мы с Малленом свидетельствовали перед сенатским комитетом по ассигнованиям. Предполагалось, что на заседании будет обсуждаться оборонный бюджет 2011-го финансового года, однако в основном сенаторы сосредоточились на Афганистане. Мы с Майком согласились с текущей неудовлетворительной оценкой положения в Афганистане, но напомнили сенаторам, что подкрепления продолжают прибывать. Когда прозвучал вопрос, где гарантии, что подкрепления помогут,

я устало ответил: «Должен сказать, у меня возникает ощущение дежа-вю. Я уже сидел здесь и отвечал на те же самые вопросы в июне 2007 года, когда мы перебрасывали подкрепления в Ирак». Мы предупредили, что кампания будет долгой и упорной, но «Маккристал убежден и не сомневается, что он сможет доказать правильность выбранной стратегии и мы добьемся существенных успехов к концу года». Маллен прибавил, что все признаки движения в правильном направлении налицо, «пусть пока все выглядит неважно». Мы упомянули об официальном одобрении Карзаем операции в Кандагаре всего несколько дней назад. В тот же день Петрэус и Флурнуа свидетельствовали перед сенатским комитетом по делам вооруженных сил, придерживаясь аналогичной тактики (слушания растянулись на два дня, поскольку на первом заседании Петрэусу вдруг стало плохо). На обоих слушаниях горячо дебатировался вывод войск в июле 2011 года, и все мы единодушно повторяли, что вывод начнется согласно установленному графику, а его темпы определят «конкретные боевые условия». К несчастью, президентская стратегия в Афганистане – и эффективность действий американского командующего – зависела не только от нас: мы работали под постоянным жестким давлением администрации, лично Байдена и средств массовой информации. Можно сказать, до поры мы едва удерживали занятые позиции. А потом произошла катастрофа.

Поздно вечером в понедельник, 21 июня, Маллен позвонил мне и сообщил, что журнал «Роллинг стоун»[124] готовит статью о Маккристале под названием «Сбежавший генерал» и статья потенциально взрывоопасная. Он переслал мне материал, и, прочитав статью, я подумал, что Стэн, похоже, спятил, раз предоставил репортеру такую свободу в своем штабе. В статье цитировались слова одного из адъютантов: он назвал первую встречу Маккристала с Обамой «десятиминутной фотосессией». По словам этого адъютанта, «Обама явно не знал, кто это такой и что за генерала к нему привезли. Этот тип собирался устроить треклятую войнушку, но особенно не заморачивался. Босс был сильно разочарован». Другой источник поведал журналу, что Джима Джонса Маккристал называл «клоуном», который «застрял в 1985-м». А живописнее всего в статье излагалось, как генерал насмехался над вице-президентом: «Вы спрашиваете о вице-президенте Байдене? А кто это?» Помощник генерала повторяет: «Байден». Генерал переспрашивает: «Как ты сказал? Бадья?» Автор статьи Майкл Гастингс подвергал резкой критике афганскую стратегию в целом, и я понимал, что цитаты с отзывами о Байдене, президенте и Джонсе приведут Белый дом в ярость.

Около пяти часов вечера Стэн позвонил мне, чтобы извиниться за статью. Озабоченный тем, как последствия публикации скажутся на ходе войны, я на сей раз не смог совладать с собой и выплеснул свой гнев: «Какого дьявола ты творишь?!» Маккристал никак не объяснил свое поведение (но не стал уверять, будто его самого или его помощников неверно процитировали или что статья сфабрикована). Нет, генерал ответил коротко и ясно, как его учили когда-то в Вест-Пойнте: «У меня нет оправданий, сэр».

Мое сердце упало. Я знал, что критики Маккристала в Белом доме воспользуются этим шансом, чтобы убрать генерала. Джим Джонс звонил в тот вечер дважды, рассказывая, что Белый дом «потихоньку распаляется» из-за статьи (по мне, это было типичное преуменьшение).

На следующий день мы должны были обсудить наедине с президентом кандидатуры потенциальных преемников для меня, Маллена и Картрайта. Перед началом заседания позвонил Байден и, как мне показалось, довольно осторожно, сказал: «Я не стал его [Обаму] вчера накачивать. Просто спросил, видел ли он статью». Байден прибавил, что перед ним Маккристал уже извинился за свои слова.

Я прибыл к президенту немногим позже трех часов 22 июня. Обама встретил меня жестким заявлением: «Я подумываю уволить Маккристала». И продолжил: «Джо [Байден] буквально вне себя». (Вот и верь Байдену.) Я сказал, что увижу Стэна завтра утром и сообщу ему, что, не будь он командующим МССБ, я бы уволил его сам. Но, добавил я, «мне представляется, что если мы потеряем Маккристала, то проиграем войну». Я сказал, что любому новому командующему понадобится, боюсь, от трех до четырех месяцев, чтобы пройти процедуру утверждения, добраться до Афганистана и приступить к исполнению обязанностей. Такая потеря темпа, в свете установленных сроков, рисков операции в Кандагаре и особых отношений Стэна с Карзаем, будет «катастрофической».

Президент ответил, что разделяет мои опасения, но должен позаботиться об авторитете власти. Он сказал: «Давайте разберемся по сути». И усугубил мои худшие подозрения: «По-моему, дела в Афганистане обстоят далеко не так хорошо, как всем хотелось бы. Он [Маккристал] особых успехов не добился и вряд ли, пожалуй, добьется. Может быть, стратегия и вправду не работает». Итак, президент усомнился в стратегии, которую сам утвердил полгода назад и согласно которой в Афганистан прямо сейчас перебрасывались подкрепления; мало того, он усомнился в командующем и его дееспособности. Статья наверняка послужила

только поводом, недоверие давным-давно пряталось под напускной уверенностью. Я сказал, что наша миссия в Афганистане труднее и займет больше времени, чем ожидалось, но Маккристал совсем недавно общался с сорока четырьмя министрами обороны стран НАТО в Брюсселе, и все выразили уверенность в том, что мы на правильном пути. «Они ему доверяют. И я убежден, что успех не за горами и мы сможем наглядно это продемонстрировать в декабре».

Обама спросил: «А если передать командование Петрэусу?» Я ответил, что, если Дэйв согласится, меня это полностью устроит – ведь Петрэус знает план кампании, знает Карзая и наших военачальников в Афганистане, знаком с европейцами и с пакистанцами. Я сказал, что в сложившихся обстоятельствах это был бы наилучший выход. Петрэусу не понадобится долго раскачиваться, а его репутация сама по себе вдохнет новые силы в кампанию.

И все же я убеждал президента выслушать Маккристала. Я сказал, что Маккристал подаст заявление об отставке и постарается доказать свою приверженность политике президента. Я призвал Обаму «выпороть его», но проявить благородство, отказать в отставке и предоставить Стэну последний шанс. Покидая Овальный кабинет, я, впрочем, был уверен, что президент не прислушается к моему совету.

Сердечность в отношениях, прямота и доверие, которые Обама последовательно мне выказывал, даже в напряженные моменты, не переставали меня изумлять. Изначально предполагалось, что на этой нашей встрече мы обсудим кандидатуру моего преемника в министерстве обороны; когда наконец речь зашла об этом, я сказал президенту, что планирую уйти в начале 2011 года. Вероятно, я мог считаться самым спорным, самым сложным и упрямым членом кабинета, однако президент сказал мне – на той же встрече, где объявил, что намерен снять с должности рекомендованного мною командующего, – что хотел бы удержать меня по крайней мере до конца своего первого срока. «Знаю, что это невозможно, – признал он. – Но как насчет января 2012-го?» Я напомнил Обаме, что мы уже говорили об этом в прошлом декабре, и я тогда объяснил, почему лучше так не делать: будет очень трудно подобрать качественную замену сроком всего на год. Еще я напомнил, что он не хотел предлагать сенату кандидатуру нового министра обороны в середине своего первого президентского периода, поскольку тем самым у республиканцев появилась бы на слушаниях возможность обрушиться на политику президента в сфере национальной безопасности. Обама принял мои доводы, но

предложил мне остаться до конца июня 2011 года, что было вполне логично, учитывая, что как раз начнется вывод войск из Афганистана. Я ответил согласием. Размышляя об этой встрече, я поражался долготерпению президента. Наверное, с меня причитается – минимум бутылка водки.

После совещания я направился в Ситуационный центр, где собрались руководители основных министерств и ведомств. Когда все закончилось, я сказал Хиллари: «Думаю, президент выгонит Маккристала и назначит вместо него Петрэуса». Она ответила, что Петрэус – идеальный выбор.

Когда я вернулся в Пентагон, мне позвонил Карзай, ранее имевший видеоконференцию с президентом. Карзай попросил проявить снисхождение к Маккристалу: «Он мне нравится. Он четко и целенаправленно работает на общее благо в Афганистане. У меня ни с кем не было такого взаимопонимания. Никакой другой офицер тут не справится». Карзай сказал, что знает о нашей системе гражданского контроля, но надеется, что «этот истинный джентльмен» продолжит службу в Афганистане. Я ответил, что передам его слова президенту и что сам высоко ценю Маккристала, но Стэн «допустил весьма серьезное нарушение дисциплины». Надеюсь, сказал я, что вопрос будет решен быстро и мы сумеем избежать длительной неопределенности.

На следующее утро, в восемь часов тридцать минут, мы с Малленом встретились с Маккристалом. Я прямо сказал Стэну: «Не будь ты командующим МССБ в Афганистане, я бы уволил тебя сам. Как ты только мог подвергнуть опасности все наши военные усилия? Дешевой славы захотелось?» Я сообщил, что президент готов освободить его от должности и что разумнее всего в данной ситуации добровольно подать в отставку. Стэн коротко ответил: «Я сделаю то, что будет полезно для кампании». И покинул нас, отправившись к Обаме.

Сразу после десяти утра президент позвонил мне и сказал, что уволил Маккристала и «просит меня немедленно приехать, дабы обсудить дальнейшие действия». Мы с Малленом помчались в Белый дом и присоединились к Обаме, Байдену, Эмануэлю, Джонсу и Донилону в Овальном кабинете. Мы изучили список возможных претендентов на освободившееся место командующего: генерал морской пехоты Джим Маттис, на тот момент – глава Объединенного командования единых сил; генерал-лейтенант Дэйв Родригес, заместитель Маккристала; генерал-лейтенант морской пехоты Джон Аллен, заместитель главы Центрального командования, и генерал Одиерно. Присутствующие согласились, что все они уступают Петрэусу. Я сказал, что Петрэус приехал в Белый дом на совещание, и

президент попросил: «Позовите его сюда».

Пока они вдвоем беседовали тет-а-тет, остальные из нас направились в Ситуационный центр, где было запланировано регулярное совещание по Афганистану. Минуло тридцать минут. Маллен, Донилон и я нервно переглядывались, гадая, о чем идет разговор между Обамой и Петрэусом в Овальном кабинете. В десять пятьдесят президент появился и сообщил принципалам, что Петрэус – новый командующий МССБ в Афганистане и ему предоставлена полная свобода военных решений. Обама говорил без обиняков. Он сказал, что Дэйв поддержал текущую стратегию, но обговорил право предлагать изменения, которые президент пообещал рассмотреть. Затем Обама весьма жестко высказался по поводу разногласий в команде, «словесного недержания» и утечек. Он потребовал, чтобы все мы действовали заодно. Президент добавил, что хочет немедленно объявить о перестановках в командовании. Все произошло так стремительно, что Петрэус вынужден был оставить для жены сообщение на автоответчике: мол, извини, дорогая, но я снова улетаю в заграничную командировку.

Поскольку нам предстояло совещание комитета принципалов, Маллен, Клинтон, Петрэус и я остались в Ситуационном центре после встречи по Афганистану – нам требовалось обсудить гражданскую составляющую кампании. Настроение было подавленным из-за драмы, которая только что произошла. Мы пытались осознать последствия случившегося для миссии в Афганистане. Хиллари предложила Райана Крокера в качестве нашего нового посла, на замену Эйкенберри. (Крокер был послом в Ираке и соратником Петрэуса в ходе «Большой волны».) Мы согласились, что это превосходное решение, если, конечно, Крокер не откажется. Хиллари сказала, что обсудит его кандидатуру с президентом прямо сегодня. Позже она призналась мне, что Обама не хотел менять посла, пока «не осела пыль военных перестановок», но разрешил ей «тихонько» уведомить Крокера о наших планах. По предложению Клинтон, Петрэус позвонил Крокеру тем же вечером; он доложил нам, что Райан не сказал «нет», но выдвинул ряд условий, в том числе необходимость привлечь Холбрука. Однако «прикрытие» Эйкенберри в Белом доме было вполне надежным, и Крокеру выпало дожидаться этого назначения больше года.

Маккристал, гражданский советник которого по связям со СМИ полагал, что генерал должен обратиться ко всем заинтересованным средствам массовой информации и изложить свою точку зрения на события в Афганистане, предоставил Байдену и прочим своим противникам в Белом доме и СНБ

шикарный шанс лишить себя командования войсками в Афганистане. На пушечный выстрел нельзя было подпускать к себе того репортера, пишущего для «Роллинг стоун», – репортера, который впоследствии публиковал нелестные отзывы о Петрэусе и генерал-лейтенанте Уильяме Колдуэлле, отвечавшем за подготовку афганских сил безопасности. Это было недальновидно и попросту глупо. Служебное расследование, кстати, показало, что армейские офицеры из числа подчиненных Маккристала не позволяли себе уничижительных комментариев, приведенных в статье, да и сам генерал не произносил тех слов, которые приписал ему журналист. (Я слышал впоследствии, что некоторые из процитированных в статье комментариев принадлежали гражданским сотрудникам штаба Маккристала.) Генеральный инспектор министерства обороны изучил результаты расследования и, указав на некоторые упущения в отчете следователей, пришел тем не менее к выводу, что «не все факты, отраженные в статье, имели место в действительности». Фактически репортер подставил свой журнал.

Независимо от того, как все было на самом деле, отказ Маккристала защищаться – и позволить мне его защищать – лишил меня возможности, говоря прямо, спасти его шкуру. Но я по сей день убежден, что он пострадал во многом из-за Байдена, сотрудников аппарата Белого дома и ШНБ, которые не простили ему непоколебимой уверенности в необходимости антиповстанческой кампании и требования направить в Афганистан значительные подкрепления, которые толковали его публичные заявления как попытки «загнать в угол» президента и которые продолжали выступать против стратегии, утвержденной президентом и реализуемой Маккристалом. Не сомневаюсь, статья в «Роллинг стоун» предоставила президенту, подстрекаемому членами администрации Белого дома и с подозрением относящемуся к высшему военному руководству страны, шанс, которым он не преминул воспользоваться, – шанс наглядно продемонстрировать общественности и Пентагону, что он является главнокомандующим и полностью контролирует военных. С учетом отказа Маккристала дать внятные объяснения и при отсутствии смягчающих обстоятельств, считаю, у президента не было выбора, ему пришлось уволить Стэна. Журнальная статья оказалась последней каплей в ряду нескольких громких оплошностей, допущенных генералом, который столь решительно шествовал по политическому минному полю, не обладая при этом необходимым опытом для выживания. В конце июля, на церемонии проводов Маккристала в отставку, я сказал аудитории: «Ныне завершается путь, который начался на

выпускном параде в Вест-Пойнте почти четыре десятилетия назад. Стэн Маккристал… заслужил благодарность страны и народа, для защиты которых он сделал так много. Он пользуется любовью и уважением в вооруженных силах и покидает службу как один из величайших воинов современной Америки».

Увольнение Маккристала и суровая «лекция» Обамы, прочитанная в Ситуационном центре, нисколько не ослабили противостояние среди руководства страны по вопросу Афганистана. Петрэус предпринял ряд шагов, которые положительно сказались на ходе кампании. Для уменьшения потерь среди гражданского населения Маккристал ввел специальные правила, уточнявшие, когда разрешается открывать огонь на поражение и когда следует вызывать поддержку с воздуха. К сожалению, чтобы добиться выполнения этих правил, на всех подчиненных уровнях командования добавили «поправку на погрешность» к установленным ограничениям. В результате наши солдаты на линии фронта оказались в уязвимом положении, опасались стрелять и были не в состоянии адекватно защищать себя. Петрэус ввел новые правила, менее строгие и бескомпромиссные, и запретил нижестоящим командирам как-либо их расширять и уточнять. Кроме того, пусть Маккристал всегда поддерживал поиск и уничтожение конкретных командиров и представителей «Талибана», но Петрэус значительно активизировал действия нашего контингента в этом отношении. К концу августа в окрестностях Кандагара наша тактика стала давать свои плоды – прежде всего отмечалось существенное снижение активности талибов, равно как и начали приносить успехи усилия по поимке и уничтожению лидеров афганского «Талибана». Переброска подкреплений, которые намного увеличили численность нашего контингента, выглядела все более оправданной.

Как бы ни складывалась обстановка на поле боя, дома, в США, уже приступили к дебатам о том, как быстро следует выводить американские войска из Афганистана после июля 2011 года. Демократы в конгрессе призывали провести крупное сокращение численности контингента сразу, этой же точки зрения придерживался и Байден, заодно со своими приспными в Белом доме и ШНБ. Маллен, Петрэус и я напоминали, что последние подкрепления только что прибыли, и нужно время, чтобы они могли оказать влияние на ситуацию; вывод войск начнется в срок, объявленный президентом, но все должно происходить постепенно. Петрэус, вспомнив, каково ему приходилось в Ираке, снова позволил себе известную степень публичности – дал в августе интервью крупным газетам, поведал

об успехах в вытеснении талибов из их традиционных оплотов на юге и в подготовке афганских войск. Он просил терпения и времени – но эти два «товара» всегда были в дефиците в Вашингтоне, округ Колумбия.

Я снова посетил Афганистан в начале сентября, прилетев туда сразу после церемонии смены командования в Багдаде. Мне предстояло обсудить несколько щекотливых вопросов с Карзаем. Я объяснил ему, что именно случилось с Маккристалом. Затем мы обсудили его распоряжение, требовавшее от всех частных охранных компаний покинуть Афганистан, в том числе и подрядчиков, которые охраняли «проекты развития», призванные помочь афганскому народу. На нашей встрече Карзай поделился своей озабоченностью поведением сотрудников ЧОК на протяжении многих месяцев; как часто бывало, мы не уделяли достаточного внимания проблеме, пока она не превратилась в нарыв, готовый лопнуть. Естественно, мы не могли не затронуть в разговоре тему коррупции – больной вопрос наших отношений: на сей раз речь шла не о мелком казнокрадстве, раздражавшем простых афганцев, а о донесении разведки о том, что председатель Кабульского банка и его подельники ограбили банк на сумму от 800 миллионов до миллиарда долларов. «Дыра» в банке создавала дополнительные сложности, потому что именно через этот банк выплачивались жалованье афганским солдатам и полицейским и зарплата большинству государственных служащих; если система электронных выплат рухнет, кризиса власти не избежать. Карзай яростно настаивал на том, что уже принял меры к исправлению ситуации, что проинформировал Петрэуса и Эйкенберри, но утечка информации из американского посольства привела к панике и снятию колоссальных сумм со счетов. По словам Карзая, посольство США «не понимает афганцев» и раздражает афганских чиновников «требованиями явиться на ковер» к послу и его помощникам. Я заверил, что мы приложим все усилия, чтобы снять напряженность, и намерены и впредь уважать афганский суверенитет. Я также сказал, что афганскому правительству следует предпринять «корректирующие шаги» применительно к Кабульскому банку и восстановить подорванное доверие международного сообщества и нашего конгресса.

На следующий день, 3 сентября, я вылетел в Кандагар, чтобы лично оценить оперативную обстановку. В лагере «Нэйтан Смит» бригадный генерал Ник Картер доложил о действиях подчиненных ему сил в окрестностях Кандагара, а также в прилегающих районах – Аргандабе, Панджави и Зерае, давних оплотах «Талибана», – и перечислил меры, которые намерен

предпринять для обеспечения безопасности населенных пунктов. Мы долго обсуждали местного «босса», Ахмеда Вали Карзая (АВК), сводного брата афганского президента. Этот человек пользовался немалым влиянием, подозревали, что он погряз в коррупции, но каждый раз, когда Хиллари или я просили представить доказательства его преступной деятельности, разведка не могла предложить ничего конкретного. Картер, на мой взгляд, отлично справлялся с текущими задачами. Он сказал, что в обозримом будущем выбор достаточно прост: либо теократия, насаждаемая талибами, либо «громилократия», во главе которой встанут люди вроде АВК. Картер добавил, что сотрудничество с АВК и ему подобными позволит добиться скорейших результатов в противостоянии талибам. Я ответил, что «если взаимодействие с АВК помогает сохранять жизни наших парней и сулит успех миссии, не стоит им пренебрегать».

На передовой базе Сенжарай, в двенадцати милях к западу от Кандагара, я пообедал с десятью солдатами срочной службы. Рядовой первого класса по имени Брайан сказал мне, что дома, на родине, его жена наступила на гвоздь, но в госпитале ВМС в Чайна-Лейк отказались ее лечить, даже по предъявлении военного удостоверения, поскольку у нее не тот страховой полис «Трайкэр»[125]. Ей сказали, что она может оформить подходящий полис, однако обработка документов займет месяц. Когда же она обратилась к частному врачу, тот сказал, что ей повезло – еще немного, и случилось бы заражение крови. В общем, очередная бюрократическая волокита, с которой я непрестанно сражался на посту министра. Я попросил Брайана списаться по электронной почте с подполковником морской пехоты Крисом Стиллингсом, моим помощником, который на этом обеде фиксировал жалобы и пожелания солдат. Стиллингс написал Брайану, что я непременно разберусь с этим случаем, – и получил ответ: «Я простой рядовой в этой огромной военной машине, и тем более приятно видеть, что Вы и министр обороны заботитесь о нас, маленьких людях». Меня настолько тронула его вера, что я лично написал Брайану по электронной почте (единственное мое письмо конкретному солдату):

«Брайан, подполковник Стиллингс переслал мне Вашу с ним переписку. Те факты касательно Вашей жены, о которых Вы упомянули, просто возмутительны, и я прослежу, чтобы все наладилось.

Брайан, Вы можете быть «простым рядовым в этой огромной военной машине», но Вы и подобные Вам – фундамент, на котором строятся американские вооруженные силы. Разговор с Вами и Вашими сослуживцами на базе Сенжарай – и на других

наших передовых базах – для меня как живительный глоток воды. Быть в состоянии сделать все от меня зависящее, чтобы позаботиться о каждом из вас, – моя прямая обязанность, которая приносит мне наивысшее удовлетворение. Вы можете быть «простым рядовым», но Вы и другие солдаты – единственная причина для меня, как министра обороны, продолжать выполнять свою работу. Что бы Вы ни совершили сегодня, Вы и Ваши товарищи вдохновляете пожилого министра обороны жить и служить дальше».

Жене Брайана лично принес извинения начальник госпиталя ВМС в Чайна-Лейк, и мне доложили, что в страховые правила внесут изменения, которые предотвратят подобные инциденты в прочих военных госпиталях. Несколько дней спустя на передовую базу Сенжарай вертолетом доставили с полдюжины новых стиральных машин и провели Wi-Fi – тоже по просьбам солдат за обедом. Если бы крупные проблемы удавалось решать столь же просто!

В ходе этой поездки я услышал две истории, которые заставили меня улыбнуться. Совместный американо-афганской патруль наткнулся на украденный пикап, припаркованный возле дерева, и все решили, что в машине бомба, наверняка заложенная талибами. Афганский солдат выстрелил в пикап из гранатомета с безопасного расстояния, но промахнулся и попал в дерево, где, как выяснилось, прятался боевик «Талибана». Талиб вывалился из дупла и рухнул на пикап, который тут же взорвался. Отличный карамболь, пусть и непреднамеренный! Еще мне рассказали, что командиры талибов в Сангине, провинция Гильменд, велели боевикам не связываться с американскими морскими пехотинцами при крупномасштабных нападениях: «Талибы считают, что американские морпехи неуязвимы и непобедимы… Что морские пехотинцы – просто сумасшедшие. Они бегут на выстрелы, а не убегают от них».

Визиты в лагерь «Нэйтан Смит» и на передовую базу Сенжарай убедили меня в том, что боевые командиры на местах правильно понимают нашу стратегию и имеют достаточно сил для ее осуществления. Осторожничая, как всегда, я сказал прессе: «Все знают, что до окончательной победы далеко. Нам предстоит множество тяжелых, кровопролитных схваток. Однако вера наших молодых мужчин и женщин в достижимость победы придает мне уверенности». Я напомнил, что в декабре мы будем оценивать, насколько оправдала себя предложенная стратегия, изучать масштабы наших достижений и правильность выбранного пути. «Основываясь на том, что увидел здесь сегодня, я надеюсь, что мы не отступимся». Я прибавил, что, как мне представляется,

понадобится еще два или три года активного военного присутствия США в Афганистане, прежде чем мы сможем перейти сугубо к консультированию афганцев в вопросах безопасности.

Пару недель спустя, из-за продолжающегося негативного освещения хода войны, я отправил в комитеты по делам вооруженных сил обеих палат конгресса доклад о своей поездке (раньше я никогда так не поступал). Я подтвердил, что мы располагаем понятными и четко сформулированными целями. 85 процентов афганской армии в настоящее время сотрудничают с коалиционными войсками, и афганцы провели успешную операцию против оплота талибов за пределами Кандагара, в районе, который так и не смогли захватить Советы. Я сообщил сведения, полученные в лагере «Нэйтан Смит», – об увеличении числа афганцев, сообщающих о заложенных СВУ, строящих вместе с нами школьные здания и базары и отправляющих своих детей в школу. Я указал, что наш подход «начинает приносить зримые результаты, безопасность неуклонно возрастает», хотя, конечно, суровых испытаний не избежать и сохраняются проблемы, связанные с государственным управлением и коррупцией. Я отметил, что проблемой видится страх многих афганцев: они боятся, что мы их бросим, не разделавшись полностью с талибами. «Мы должны убедить афганцев, что Соединенные Штаты и НАТО намерены создать стратегическое партнерство с Афганистаном, партнерство, которое сохранится и после постепенной передачи ответственности за безопасность населения местным силам правопорядка». Закончил свое письмо я такими словами: «В отличие от прошлых конфликтов здесь, как мне кажется, чем плотнее мы участвуем в этой борьбе, тем крепче вера, что мы движемся в правильном направлении».

Несмотря на собственный осторожный оптимизм, я пришел к выводу, что, как я и опасался, президенты – и Обама, и Карзай, чья приверженность выбранной стратегии имела принципиальное значение для успеха миссии, – оба настроены скептически, если не сказать – убеждены, что все равно ничего не получится. (А вот Буш, помнится, искренне верил, что «Большая волна» в Ираке сулит успех.) Возможно, мы слишком затянули с переброской подкреплений и ресурсов в Афганистан, дождались, пока почти иссякнет терпение – и в Соединенных Штатах, и на месте. Неужели Ирак, отвлекавший на себя силы и ресурсы, посеял, фигурально выражаясь, семена будущего провала в Афганистане? Но я все-таки верил, что мы должны добиться победы: ведь ставки намного выше, чем это представляют большинство высокопоставленных чиновников в нашем правительстве. Если исламские экстремисты сумеют одолеть в Афганистане и вторую

сверхдержаву, это будет иметь разрушительные и долгосрочные последствия во всем мусульманском мире. Если Соединенные Штаты потерпят поражение в Афганистане, то на фоне нашего «домашнего» экономического кризиса неудача серьезно скажется на нашей международной репутации. Никсон и Киссинджер смогли компенсировать последствия поражения США во Вьетнаме радикальным улучшением отношений с СССР и Китаем, продемонстрировав, что мы остаемся колоссом на мировой арене. В 2010 году Соединенные Штаты подобных возможностей не имели.

В начале октября президент объявил, что Джим Джонс уходит и что Том Донилон станет новым советником президента по национальной безопасности. Несмотря на наши разногласия, мы с Донилоном несколькими месяцами ранее наладили прочные рабочие отношения, и я приветствовал его назначение (хотя он продолжал питать глубокое подозрение к высшему военному руководству и Пентагону). Донилон мог выходить напрямую на Обаму и Байдена, имел на обоих большое влияние, не стеснялся с ними спорить и в глазах остальных старших сотрудников Белого дома являлся «членом внутреннего круга». Как и в случае с его коллегой в администрации Буша, Стивом Хэдли, я был недоволен количеством совещаний, которые Том созывал в Ситуационном центре, но, с другой стороны, в мире происходило много событий, которые требовали обсуждения.

Моя последняя осень в министерском кресле получилась бурной – завершение исследования по закону «Не спрашивай, не говори», судебные прения по этому закону, поездки во Вьетнам и в Бельгию (на встречу представителей стран НАТО), визиты в Австралию, Малайзию и Ирак, незабываемая поездка в боливийский Санта-Крус… Мир очутился на грани серьезного международного кризиса 23 ноября, когда северокорейцы устроили артиллерийский обстрел южнокорейского острова Енпхендо. Подобные провокации Южная Корея терпела тридцать лет, но потопление Северной Кореей эсминца «Чхонан» в прошлом марте заставило Юг мобилизоваться; зазвучали призывы ответить ударом на удар, тем более что при обстреле погибли несколько южнокорейских гражданских лиц. Первоначальные планы возмездия со стороны Южной Кореи мы сочли непропорционально агрессивными, поскольку они подразумевали использование авиации и артиллерии. Нас беспокоило, что «обмен любезностями» может перерасти в полноценную войну. Президент, Хиллари Клинтон, Маллен и я с утра до вечера беседовали по телефону с нашими южнокорейскими коллегами; в конечном счете Южная Корея просто ответила обстрелом на

обстрел, накрыв артиллерийским огнем местоположение северокорейской батареи, которая устроила эту провокацию. Разведка доложила, что китайцы также вмешались в ситуацию, настоятельно рекомендовав лидерам Севера угомониться. Мы с Южной Кореей договорились провести в Желтом море совместные военно-морские учения – с участием авианосца «Джордж Вашингтон» – и показать нашу решимость отстаивать свободу судоходства. Словом, скучать было некогда.

Президент настаивал, что декабрьский отчет о прогрессе в Афганистане должен быть «максимально сдержанным», что нужно избежать шумихи предыдущего года. Черновик отчета Петрэус представил в Белом доме 30 октября, на брифинге для Донилона и Люта. Как обычно, презентация свелась к показу слайдов PowerPoint. На одном слайде были показаны места дислокации подкреплений, на втором отмечалось увеличение численности афганских сил безопасности вдвое с 2007 года – до 260 000 человек. Затем Петрэус сосредоточился на кандагарской операции. По его мнению, важнее всего было то, что эту операцию проводили сами афганцы и что афганские части составили почти 60 процентов сил, задействованных в операции. Особенно генерала радовала инициатива «Афганская местная полиция»: молодых мужчин из сельской местности набирали на службу, обучали и снаряжали, после чего они возвращались служить домой. Разумеется, за ними наблюдали, чтобы они сотрудничали с регулярной полицией и афганскими властями и не вздумали создавать местное независимое ополчение. Первые результаты осуществления этой инициативы были весьма обнадеживающими.

Высшее военное руководство США пообещало президенту, что наши войска в течение двух лет очистят от талибов, удержат и передадут под контроль афганцев все территории, где дислоцировались американские части. К осени 2010 года около трети страны (а если считать по проценту населения – даже больше) фактически перешли под ответственность афганских сил безопасности. Наши два года в провинции Гильменд истекали в следующем июле. Эти сроки, безусловно, не очень-то радовали военных, но таково было решение президента. Я мог понять настойчивость Обамы в выполнении обязательств. Если не реализовать обещанное в течение двух лет, сколько еще времени это займет? И велик риск открытого многолетнего противостояния. Нет, мы договорились о стратегии и собирались ее придерживаться. Президент готов выполнить свою часть сделки, несмотря на имеющиеся у него сомнения, но хочет убедиться, что и другая сторона не нарушит слова.

Саммит НАТО в Лиссабоне 20–21 ноября стал вехой в

политике альянса в Афганистане. Карзай, который присутствовал на «афганской» части саммита, в своей инаугурационной речи годом ранее предположил, что иностранные войска завершат боевые операции к концу 2014 года и передадут полный контроль местным силам; год был выбран не случайно, поскольку это последний год пребывания самого Карзая у власти. Обама поддержал названный Карзаем срок две недели спустя, в своем декабрьском обращении, и страны – члены альянса одобрили его в Лиссабоне в ноябре 2010 года. В то же время они гарантировали дальнейшую помощь Афганистану в подготовке армии, поставки военной техники и снаряжения, а также гражданскую помощь после 2014 года.

Президент нанес неожиданный визит в Афганистан чуть более недели спустя, 3 декабря. Погода помешала ему прилететь вертолетом с авиабазы Баграм в Кабул и встретиться за обедом с Карзаем; вместо этого они переговорили по телефону. Президент провел несколько часов, общаясь с американскими военнослужащими, навестил раненых в госпитале на базе и встретился с Петрэусом и Эйкенберри. Афганцы выражали недовольство тем, что Обама так и не повидался с Карзаем, а некоторые наши военные жаловались, что президент «отделался» авиабазой и не побывал на передовой. На мой взгляд, критика была необоснованной, особенно в последнем случае. Если бы меня спросили, я бы не рекомендовал поездку на передовую: в конце концов, министры обороны – расходный материал, а президенты – штучный товар.

Я прибыл в Афганистан через четыре дня после президента, отчасти для того, чтобы на месте ознакомиться с ситуацией перед предоставлением отчета, а отчасти для того, чтобы посетить войска перед праздниками. Генерал-майор Ф. Кэмпбелл, командир 101-й воздушно-десантной дивизии, принимавший нас с Карзаем в прошлом мае на базе Форт-Кэмпбелл, изложил реальную обстановку на востоке. В некоторых областях, например в долине реки Пеш, сказал он, долгосрочное американское военное присутствие является дестабилизирующим фактором. Местные жители ненавидят и нас, и талибов, так что лучше оставить их в покое. Генерал сказал, что необходимо больше средств РНР и больше огневой мощи, чтобы подавить очаги сопротивления боевиков, проникающих через границу, из Пакистана. Прогресс налицо каждый день, прибавил он, «но на все требуется время».

В этой поездке я провел два полных дня с войсками, первый – в региональном командовании (РК) «Восток», а второй – в РК «Юг». На передовой оперативной базе Джойс, недалеко от

границы с Пакистаном, я вручил шесть «Серебряных звезд»[126] – свидетельство не только доблести наших солдат, но и ожесточенности войны на востоке Афганистана.

Вертолет доставил нас на передовую базу Коннолли, к юго-западу от Джелалабада (это все еще зона ответственности РК «Восток»). По-моему, это был мой самый эмоциональный визит на линию фронта в качестве министра. За неделю до моего прилета шестеро солдат из одного взвода этой базы были убиты переметнувшимся к талибам афганским полицейским. Я встретился один на один с восемнадцатью солдатами этого взвода. Мы сидели на складных стульях в палатке, и я тихо сказал, что сделаю все, что только в человеческих силах, чтобы поддержать семьи погибших. Я представляю, как им тяжело, прибавил я, но необходимо и дальше выполнять свою работу. Мы проговорили минут пятнадцать. Я поблагодарил солдат за службу и оставил записи в книгах памяти каждого из шести павших. А после доклада офицеров я выступил перед аудиторией из 275 военнослужащих. Признаюсь, я едва сдерживал слезы. Перед вами тот парень, сказал я, который подписал приказ, что привел вас сюда, и потому «я ощущаю личную ответственность за всех и за каждого». Эти слова я говорил всем военнослужащим, с которыми встречался, но в тот день, пообщавшись с ребятами из взвода, где служили шестеро погибших, ощутил необходимость сказать больше: «Я разделяю вашу скорбь, вашу горечь, ваши страдания. Не думайте, что мне неведомы эти чувства. Вы делаете то, что должны, и ваши деяния побуждают меня и далее делать свое дело». Справившись с комком в горле, я добавил (такого я никогда не произносил вслух ранее и, смущенный случившимся, не повторял впредь): «Просто хочу поблагодарить вас и сказать, как сильно я вас люблю».

В Вашингтон я вернулся к началу очередного раунда конфликтов из-за политики в Афганистане. Как я уже говорил, президент ясно дал понять, публично и в частном порядке, что декабрьский отчет призван показать, добились ли мы успехов, и выявить «узкие места», где требуются корректировки. Обама планировал, что в начале 2011 года немногочисленная группа глав ведомств изучит документ и наметит дальнейшие действия. К сожалению, подготовленный под руководством Люта доклад Штаба национальной безопасности фактически ставил под сомнение основные положения декабрьского отчета, прежде всего само упоминание о прогрессе (сразу вспомнились подковерные игры вокруг решения президента годом ранее). Мы с Хиллари были в ярости. Лют сказал нашим представителям, что ШНБ «держит руку на пульсе», и отверг все попытки Госдепартамента и

министерства обороны представить в докладе различные точки зрения. Я сказал Донилону, что ШНБ может и дальше «мерить пульс», но он не вправе проводить собственную внешнюю политику. Аналитические документы, подготовленные межведомственной группой, предлагали разные взгляды на ситуацию, в том числе содержали положительную оценку ряда достижений в Афганистане. Но именно доклад ШНБ, который любой непредвзятый наблюдатель сочтет чрезмерно негативным, наверняка окажется основой для обсуждения. Некоторые из предложенных в докладе «корректировок» покушались на саму стратегию, вовсе не преследуя цели сделать ее более эффективной.

Было жаль, руководство министерства обороны и Дуг Лют стали едва ли не заклятыми врагами. Как я писал выше, мы с Питом Пэйсом фактически выкрутили руки Люту в 2007 году, убеждая его взвалить на себя обязанности «военного царя» СНБ в Белом доме, отвечающего за координацию военных и гражданского составляющих миссий в Ираке и Афганистане. Обама попросил Люта остаться в новой администрации в той же роли. Именно с этого момента отношения между ним и высшим военным руководством стали ухудшаться, и все чаще новая администрация воспринимала его как защитника инициатив, противоречащих позиции Объединенного комитета начальников штабов, командующих в зонах боевых действий и министра обороны. Его пренебрежительные комментарии в книге Боба Вудворда «Война Обамы», высказанные о старших военачальниках и обо мне, точно не прибавили ему друзей в Пентагоне. Чем дольше Лют работал в Белом доме, тем охотнее старшие офицеры и гражданские руководители Пентагона видели в нем противника и тем неопределеннее представлялось его когда-то многообещающее будущее в военной форме. Я неплохо ладил с Дугом, всегда считал, что он верно служил Бушу и служит Обаме, а потому мне было неприятно, что он сам сжигает все мосты для возвращения в Пентагон.

На следующий день после моего возвращения из Афганистана, в субботу, 11 декабря, состоялось двухчасовое совещание принципалов по проекту отчета. Я обвинил ШНБ в попытке «вмешаться» со своим докладом, который ни в коей мере не является сбалансированным. На самом деле он даже не согласуется с документами, подготовленными самим ШНБ по отдельным вопросам на основе материалов, которые были представлены другими министерствами и ведомствами. Я заявил, что ШНБ не вправе подменять собой министерство обороны, Государственный департамент и ЦРУ. Там, где возникают

разногласия, сказал я, следует их обязательно отобразить – «мы не должны неделями добиваться того, чтобы наши взгляды были отражены в обзоре». Я не согласился с утверждением ШНБ, будто «темпы реализации стратегии представляются недостаточными», и прибавил, что доклад принципиально неверно характеризует элементы стратегии Петрэуса. Панетта не согласился с оценкой, которую ШНБ дал усилиям против «Аль-Каиды», а Хиллари возражала против оценки гражданского компонента стратегии.

От отчета ШНБ, как ни странно, все-таки был толк. Госдепартаменту поручили подготовить документ о коррупции в Афганистане, и мне сообщили, что Хиллари лично правила основной текст. В итоге на наше рассмотрение представили лучший анализ по данной теме, какой я когда-либо видел. Аналитики выделили три уровня коррупции, которым необходимо противодействовать: 1) «низовая» коррупция – например, вымогательство со стороны сотрудников национальной полиции и взятки для урегулирования земельных споров; 2) коррупция среди высшего руководства; 3) «функциональные» коррупционные схемы, то есть взятки при заключении сделок. Я сказал, что представленный документ позволяет взглянуть на проблему под правильным углом: учитывая степень проникновения коррупции в афганское общество и ее «укорененность» в местной культуре, весьма маловероятно, что нам удастся покончить с ней в ближайшее время, а значит, нужно сосредоточиться на том, что наиболее важно для успеха миссии – на коррупции нижнего уровня, то бишь на ограблении афганского народа, и на коррупции в правительстве, подрывающей доверие к власти в целом. Мы с Хиллари снова подняли вопрос о противоречии между выплатами США афганским чиновникам (не говоря уже о лицемерии таких выплат) и отношением нашего общества к коррупции. Увы, мы натолкнулись на каменную стену в лице Леона Панетты – у ЦРУ были свои резоны сохранить текущую финансовую политику.

Шестнадцатого декабря президент появился в пресс-центре Белого дома, сопровождаемый Байденом, Клинтон, Картрайтом и мной. Он начал с того, что отдал дань уважения Ричарду Холбруку, который трагически скончался за три дня до пресс-конференции от разрыва аорты. Затем Обама обобщил точку зрения глав ведомств, заявил, что Соединенные Штаты находятся «на пути к достижению наших целей» в Афганистане, и добавил, что «атакующие порывы талибов за минувшие годы в значительно степени подавлены на большей части территории страны и полностью ликвидированы в некоторых ключевых районах; однако эти достижения пока остаются обратимыми и подвержены

риску». Он подтвердил, что американские войска будут выводиться согласно графику, с июля следующего года. «Аль-Каида», сказал президент, теперь «прижата» и с трудом вербует новобранцев, не говоря уже об организации новых нападений, но «потребуется время», чтобы окончательно разгромить «Аль-Каиду», пока же она «по-прежнему остается непримиримым и безжалостным врагом нашей страны». Президент и вице-президент удалились, едва Обама закончил читать свое заявление, и нам троим выпало отвечать на вопросы прессы. Когда из зала спросили, «приукрашивает» ли отчет реальную картину в Афганистане, Клинтон ответила: «Не думаю, что вы найдете в руководстве этой администрации, начиная с президента, людей, склонных к радужным мечтам. Это весьма конкретный, сугубо рабочий документ». Меня спросили о темпах вывода войск, и я ответил, что на данный момент точно сказать сложно: «Мы надеемся, что, по мере реализации наших планов, темпы вывода могут ускориться».

И все же противоборствующие фракции администрации, подобно рыцарям, участвующим в конных поединках, продолжали в грохоте доспехов ломать копья из-за Афганистана. Правда, президент в очередной раз оказался в основном на нашей с Хиллари стороне. Однако сам конфликт и сопутствовавшие ему уродливые скандалы подтверждали, что раскол в команде Обамы из-за политики в Афганистане, после двух лет работы администрации, остается актуальным и коренится очень глубоко. Должен признать, что, как ни удивительно, фундаментальные разногласия по афганскому вопросу не испортили личные отношения на самом высоком уровне, так что не приходилось опасаться, что иные проблемы национальной безопасности также обернутся конфликтами среди руководства. Нет, мы работали вполне гармонично – пока в начале 2011 года не появился новый источник раздоров. На сей раз внутренние «линии напряжения» пролегли совершенно иначе, и я очутился заодно с вице-президентом – а подобное бывало крайне редко, что при Буше, что при Обаме.

Арабская революция

История революций не изобилует счастливыми исходами. Чаще всего репрессивные авторитарные правительства свергаются, а власть оказывается в руках не умеренных реформаторов, но куда более организованных и гораздо более безжалостных экстремистов – так было во Франции в 1793 году

(царство Террора), в России в 1917-м (большевики), в Китае в 1949-м (Мао), на Кубе в 1959-м (Кастро) и в Иране в 1979 году (аятолла Хомейни). На самом деле трудно вообразить себе сколько-нибудь значимое исключение из этого ряда, кроме американской революции, и этим мы обязаны прежде всего Джорджу Вашингтону, который отклонил предложенную корону, отказался вести армию против конгресса (несмотря на то, что искушение наверняка было велико) и добровольно сложил с себя полномочия главнокомандующего, а затем и президентские[127]. Революции и их результаты, как правило, оказываются неожиданными (особенно для тех, кого свергли), и их чертовски трудно предсказать. Эксперты позднее могут обосновывать революции чем угодно – экономическими трудностями, демографическими проблемами, например, «резким увеличением рождаемости», накопившимся гневом и «предреволюционными» условиями, но репрессивные правительства тем не менее часто сохраняют свою власть на протяжении десятилетий, какие бы условия в стране ни складывались. И потому администрацию Обамы – равно как и весь мир (в том числе все арабские правительства) – застала врасплох «арабская весна», то есть революция, сдвинувшая политическую тектоническую плиту на Ближнем Востоке.

Иногда революции рождаются из единственного и, казалось бы, малозаметного, изолированного события. Так произошло на том же Ближнем Востоке, где 17 декабря 2010 года в маленьком тунисском городке Сиди-Бузиде (был захвачен нацистскими танками в 1943 году, когда Роммель рвался к победе над американскими войсками в битве за Кассеринский перевал[128]) бедный двадцатишестилетний уличный торговец по имени Мохаммед Буазизи совершил самосожжение – после того как его оскорбил и унизил офицер полиции[129]. Он умер спустя три недели. Его мать, если верить репортерам газеты «Вашингтон пост», сказала: «Не бедность заставила моего сына принести себя в жертву… В нем говорило ущемленное достоинство». В прежние времена, когда еще не было сотовых телефонов, «Фейсбука» и «Твиттера», любое событие, случившееся в той или иной деревне, в пределах этой деревни и оставалось. Но теперь все изменилось. Снятое на сотовый телефон видео произошедшей затем демонстрации протеста в Сиди-Бузиде разместили в Интернете, и оно, подобно вирусу, распространилось по Тунису, провоцируя все новые и новые выступления против режима президента Зина аль-Абидина Бен Али, диктатора, который находился у власти в стране более двадцати лет. Видео разошлось по всему Ближнему Востоку, не только благодаря Интернету, но и стараниями

зарегистрированной в Катаре телекомпании «Аль-Джазира», которой были одинаково ненавистны авторитарные правительства в регионе и администрация Буша-43. Менее чем через месяц, 14 января, Бен Али был свергнут и бежал в Саудовскую Аравию. По сообщениям СМИ, в Тунисе за два месяца после свержения диктатора возникло более шестидесяти политических партий, и самой организованной и крупнейшей на тот момент среди них была исламистская партия «Ан-Нахда», или Партия возрождения (на выборах, состоявшихся спустя десять месяцев, она наберет 41 процент голосов, созовет Учредительное собрание и приступит к составлению новой Конституции).

Первое официальное заявление президента Обамы о событиях в Тунисе последовало в день свержения Бен Али, 14 января: президент осудил применение насилия в отношении мирных демонстрантов, настоятельно призвал все стороны к мирному урегулированию конфликта и посоветовал тунисскому правительству уважать права человека и провести в ближайшее время свободные и справедливые выборы. В своем послании к конгрессу 25 января Обама упомянул Тунис лишь единожды, сказав, что Соединенные Штаты «поддерживают народ Туниса и демократические устремления всех людей на планете».

Молодые, подкованные в современных информационных технологиях египтяне читали записи в «Фейсбуке» и блоги о событиях в Тунисе и во второй половине января начали организовывать на площади Тахрир, огромной кольцевой транспортной развязке в центре Каира, собственные демонстрации – в знак протеста против авторитарного режима Хосни Мубарака, президента Египта в течение почти тридцати лет. Первая многочисленная демонстрация состоялась в тот же день, когда прозвучало обращение Обамы к конгрессу, и число мирных акций протеста нарастало с каждым днем, причем к ним присоединялись все больше и больше египтян всех возрастов и различного социального положения. Администрация Белого дома разделилась в своих симпатиях и антипатиях к протестующим, а сотрудники ШНБ – возможно, реагируя на критические заявления некоторых консерваторов и правозащитников относительно того, что Обама слишком медлил и чрезмерно осторожничал в оценке тунисских событий, – призывали оказать решительную поддержку демонстрантам с площади Тахрир.

Двадцать восьмого января Майк Маллен позвонил мне, чтобы сообщить, что во второй половине дня президент участвовал в совещании принципалов, посвященном мирным процессам на Ближнем Востоке, и сразу заговорил о событиях в Египте. Позднее Майк заглянул ко мне домой и поделился подробностями. Он

сказал, что совет заместителей, от имени которого говорили члены ШНБ Денис Макдоно, Джон Бреннан и Бен Роудс, предложил «активную и прямую» поддержку протестующих в Египте и смену тамошнего руководства. По словам Маллена, Байден, Клинтон и Донилон призывали к осмотрительности, рассуждали о потенциальных угрозах для региона и последствиях отказа от поддержки Мубарака, нашего союзника на протяжении тридцати последних лет. Президент, сказал Майк, явно склоняется к агрессивной позиции и публичным заявлениям.

Встревоженный, я позвонил Донилону и попросил встретиться как можно скорее – на следующий день, в субботу. Он сказал, что президент, возможно, перезвонит мне вечером. Но президент не позвонил, и мы с Донилоном встретились в восемь тридцать утра 29 января. Я напомнил ему, что мы сидим в кабинете, который в 1979 году, когда свергали шаха Ирана, занимал Збигнев Бжезинский; всем известно, какую роль сыграли США в той революции. Меня очень беспокоит, признался я, что мы вплываем в неизведанные воды: вряд ли президент сможет одним росчерком пера и парой выступлений с трибуны вычеркнуть из памяти египтян нашу многолетнюю дружбу с Мубараком. Наш курс, сказал я, должен сводиться к организованной и мирной передаче власти. Мы должны предотвратить любой вакуум власти, потому что его, с великой вероятностью, попытаются заполнить радикальные группы. Мы должны четко представлять, «что можем сделать и чего сделать не в состоянии». Донилон заверил, что мы с ним, а также Байден и Хиллари видим сложившуюся ситуацию одинаково. Все мы сильно встревожены тем, что президент, администрация Белого дома и сотрудники ШНБ настаивают на немедленной смене правящего режима в Египте. Сотрудники аппарата Белого дома опасаются, что Обама «поставил не на ту лошадь». Но как узнать, та «лошадь» или не та, если почти все революции, начинаясь с идеалистических надежд, завершаются репрессиями и кровопролитием? Что будет с Египтом после Мубарака?

Внутренняя дискуссия растянулась на весь уикенд. Я пропустил совещание принципалов в субботу днем из-за дел в Техасе, но знал, что бывший посол в Египте и карьерный дипломат в отставке Фрэнк Уизнер по поручению президента вылетел в воскресенье в Египет – чтобы встретиться со своим старым другом Мубараком и доставить тому рекомендацию Обамы «начать передачу власти прямо сейчас».

Тем же утром я сделал первый из нескольких звонков своему египетскому коллеге, министру обороны фельдмаршалу Мохамеду Хусейну Тантави. Я попросил его, чтобы египетская

армия проявила уважение к протестующим и поддержала политические реформы, призванные укрепить самосознание египетского народа. Тантави вежливо выслушал меня и ответил, что главная задача египетских военных – защищать Египет и критически важные объекты на территории страны, а также «не навредить своему народу и не проливать кровь на улицах»; этот ответ вселял надежду. Я сказал, что мы обеспокоены отсутствием решительных действий по улаживанию политического кризиса и что без обсуждения возможной смены власти, в том числе без «содержательной дискуссии» с ключевыми представителями оппозиции, будет, как нам видится, довольно сложно обеспечить стабильность в Египте. «Ничего страшного не произойдет, уверяю вас», – ответил Тантави.

Во второй половине дня 1 февраля руководители ведомств вновь встретились с президентом, начались жаркие споры о том, следует ли Обаме звонить Мубараку, и если да, то нужно ли извещать об этом звонке широкую общественность. Мы прервали встречу, чтобы посмотреть по телевизору обращение Мубарака к египетскому народу. Мубарак пообещал изменить Конституцию и не баллотироваться снова на пост президента (его срок истекал осенью), начать диалог с оппозицией и назначить вице-президента – словом, посулил ровно то, о чем администрация Белого дома попросила его через Уизнера. Но время, увы, было упущено; хотя я часто спрашиваю себя – произнеси Мубарак свою речь на две недели раньше, каким тогда был бы исход протестов? Так или иначе, его обещания сильно запоздали и воспринимались уже не как достижение, а как подачка.

Сотрудники ШНБ Макдоно, Бреннан и Роудс и советник по национальной безопасности вице-президента Тони Блинкен твердили, что президент Обама должен позвонить Мубараку и сказать, что в ближайшие дни тому придется покинуть свой пост. Необходимо «ставить на верную лошадь», повторяли они опять и опять. Байден, Клинтон, Маллен, Донилон и я единодушно призывали к осторожности. Мы должны рассмотреть возможные последствия звонка Обамы и отставки Мубарака для региона в целом. Что произойдет дальше?

Я спросил, что случится, если Мубарак не уйдет. Президент добавит несколько дополнительных очков к своему имиджу, но его шаги непременно будут отмечены нашими арабскими друзьями и союзниками в регионе, которые наверняка пристально следят за египетскими событиями; не стоит забывать, что все эти государства в той или иной степени авторитарны. Тридцать лет американского сотрудничества с авторитарным правительством Египта, сказал я, нельзя «стереть» в одночасье за пару-тройку

дней политической риторики. Кроме того, народы региона – так уж сложилось – больше не обращают никакого внимания на нашу (очень хотелось сказать «вашу») риторику. Если мы унизим Мубарака, предупредил я, это будет однозначным сигналом остальным правителям-диктаторам – сперва стреляй, потом вступай в переговоры. И что случится, если Мубарак действительно уйдет? Кто его сменит? Военная диктатура? Или мы планируем государственный переворот? Если уж мы собираемся «ставить на верную лошадь», надо дать Мубараку возможность уйти с достоинством: пусть он передаст власть избранным гражданским уполномоченным на «переходный период». Тем самым мы дадим прочим диктаторам иной сигнал – что США никого «не бросают на съедение волкам». Я повторил: «Мы должны соизмерять свои шансы и понимать, что можем сделать, а чего сделать не в состоянии».

Все участники совещания в конце концов согласились, что президент должен позвонить Мубараку, поблагодарить за проявленную политическую мудрость и предложить задуматься о досрочной отставке. Я подчеркнул, что Обаме не следует пользоваться формулировками наподобие «прямо сейчас», лучше употребить какую-нибудь более обтекаемую фразу – например, «скорее раньше, чем позже». Мое предложение было отклонено. Все старшие члены команды по национальной безопасности возражали против информирования общественности о звонке президента Мубараку. Президент не принял во внимание единодушное мнение принципалов и последовал совету младших членов команды относительно того, что именно он скажет Мубараку и как расскажет о звонке прессе. Обама позвонил Мубараку после совещания и в ходе непростого разговора сказал, что «к реформам и переменам пора приступать сейчас». Пресс-секретарь Белого дома Роберт Гиббс на следующее утро уточнил, что «сейчас» началось вчера.

Телефонные провода между Вашингтоном и Ближним Востоком к тому времени уже раскалились. На минувшей неделе демонстрации и протесты уже перекинулись в Оман, Йемен, Иорданию и Саудовскую Аравию. Байден, Клинтон и я звонили сами или отвечали на звонки наших коллег со всего Ближнего Востока в связи с событиями в Египте и в регионе в целом. 2 февраля я беседовал с наследным принцем Бахрейна Салманом ибн Хамадом аль-Халифой и наследным принцем ОАЭ[130] Мухаммедом бен Заидом. Последний, чьи идеи и суждения я всегда ценил, фактически устроил мне форменный выговор, заявив, что от США идут противоречивые сигналы, что та позиция, которую озвучиваем мы с вице-президентом, расходится

с позицией Белого дома и тем, что публикуют средства массовой информации. Он продолжил: «Если египетский режим падет, возможен единственный результат – Египет превратится в суннитскую версию Ирана». Принц сказал, что действия США напоминают ему реакцию Джимми Картера на свержение иранского шаха, «тогда как сообщение Обамы должно звучать иначе». Он согласился с тем, что Мубарак «запоздал с переменами», но – «что теперь поделаешь?». Мы договорились созваниваться каждые несколько дней.

Вспышки насилия в Каире происходили все чаще, и я снова позвонил Тантави и настоятельно рекомендовал обеспечить передачу власти «мирным путем и немедленно», причем к участию в процессе нужно привлечь широкий спектр оппозиции. Я выразил обеспокоенность тем, что если переход затянется, то демонстрации и протесты продолжатся, велик риск дефицита продовольствия и экономического кризиса, следовательно, будут нарастать негативные настроения населения, и все вполне может привести к тому, что ситуация выйдет из-под контроля. Тантави заявил, что сторонники Мубарака тоже вышли на площадь Тахрир, чтобы поддержать действующего президента Египта, и что имели место столкновения между сторонниками и противниками Мубарака. «Мы приложим все усилия, чтобы обезопасить площадь в ближайшее время», – заверил он (оставалось лишь надеяться, что это не пустые слова). Я поблагодарил его за невмешательство египетской армии в конфликт и призвал и далее проявлять сдержанность.

В тот же день за обедом я встретился с новым главой администрации Белого дома Биллом Дэйли, который проработал на своем посту меньше месяца. Это умный, жесткий, прямолинейный, честный и кое в чем забавный человек. За сандвичами он поведал мне, что вел «круглый стол» для прессы и «проповедовал» по поводу Египта, а сам думал: «Какого черта?! Что я вообще знаю о Египте?» Дэйли прибавил, что сходные мысли у него возникли в отношении Бена Роудса, выступавшего на заседании СНБ накануне. Я ответил, что, как мне представляется, Бен убежден в силе риторики Обамы и эффективности межгосударственных контактов, но, к сожалению, не принимает во внимание опасности вакуума власти и риски, связанные с досрочными выборами: ведь единственная крепкая и хорошо организованная египетская партия – это «Братья-мусульмане». Умеренным светским реформаторам требуется время и организационная помощь. Я сказал Биллу, что все наши союзники на Ближнем Востоке интересуются, вынудят ли демонстрации или беспорядки в их столицах Соединенные Штаты

«хоть немного почесаться».

Вопреки заверениям Тантави, насилие в Каире нарастало: пропрезидентские боевики, верхом на лошадях и верблюдах, врезались в толпу демонстрантов на площади Тахрир, напали на протестующих с дубинками и мечами, калеча демонстрантов и сея панику. На следующий день боевики обстреляли акцию протеста; по сообщениям СМИ, погибли 10 и были ранены более 800 человек. Судя по нашим источникам (признаю, информация была неполной), нападения устроили – или задумали и организовали – верные Мубараку сотрудники египетского министерства внутренних дел. Я позвонил Тантави 4 февраля. Выяснилось, что он, пренебрегая личной безопасностью, пошел утром на площадь Тахрир, желая успокоить демонстрантов, и пообещал, что армия их защитит. Его встретили дружелюбно, и потому, когда мы все-таки созвонились, он был настроен весьма оптимистично. Тантави заявил, что с насилием покончено. Я уточнил насчет сотрудников министерства внутренних дел, якобы напавших на демонстрантов, и Тантави осторожно ответил, что «возможно, отчасти обвинения правдивы, но это уже не проблема».

Тем не менее демонстрации на площади Тахрир не прекращались; более того, протесты охватили и другие районы Египта, несмотря на все старания нового вице-президента страны Омара Сулеймана, который вел активные переговоры с представителями оппозиции. Байден пообщался с Сулейманом 8 февраля, призвал ни в коем случае не прерывать переговоры, поскорее отменить законы, которые служат основой авторитарного правления, и наглядно показать, что Мубарак уже не имеет прежней власти. Позже Байден сказал мне, что Сулейман жаловался – мол, очень трудно о чем-либо договариваться с молодыми людьми на площади Тахрир, потому что у них нет признанных лидеров. Мубарак снова обратился к народу Египта 10 февраля. Большинство египтян – и мы вместе с ними – думали, что он собирается объявить о своей отставке, но Мубарак сообщил, что передал часть своих полномочий Сулейману, однако сам остается на посту главы государства. Помнится, я подумал: «Вот глупец! Он проиграл». Мы тревожились, и было от чего, ибо гнев и разочарование египтян искали выхода. Донилон попросил меня позвонить Тантави и узнать, по возможности, что происходит в Каире на самом деле. В Египте был поздний вечер, но Тантави ответил на мой звонок. Я сказал, что для нас непонятно, можно ли считать, что Сулейман исполняет обязанности президента. Тантави сказал, что Сулейман обладает «всеми полномочиями действующего президента». Я

спросил, каков статус Мубарака и по-прежнему ли он в Каире. Тантави сообщил, что президент «готовится покинуть свой дворец и, по всей вероятности, отправится в Шарм-эль-Шейх». И опять он заверил меня, что армия будет защищать народ, а я, в свою очередь, еще раз подчеркнул, что крайне важно, чтобы правительство выполнило обещания относительно реформ.

В шесть часов вечера 11 февраля Сулейман заявил, что Мубарак подал в отставку и что Высший совет египетских вооруженных сил возлагает на себя управление страной. На следующий день Высший совет постановил передать власть после выборов гражданскому правительству и подтвердил приверженность Египта соблюдению всех международных договоров – отличный способ успокоить Израиль и дать понять, что новое правительство не собирается нарушать условия двустороннего мирного договора. 13 февраля Высший совет распустил парламент Египта, приостановил действие Конституции и объявил, что будет сохранять власть в течение шести месяцев или до выборов, если те получится провести раньше.

Шесть недель спустя я прибыл в Каир для встречи с премьер-министром Эссамом Шарафом, занимавшим эту должность всего три недели, и Тантави. Оба лучились, как мне показалось, чрезмерным оптимизмом. Я спросил Шарафа, как они намерены предоставить множеству различных групп, борющихся за власть, возможность набраться опыта для проведения полноценной предвыборной кампании. И добавил, что вероятная победа «Братьев-мусульман» повергнет в трепет весь регион и окажется препятствием для иностранных инвестиций в экономику Египта. Тантави ответил: «Мы не думаем, что «Братья-мусульмане» настолько влиятельны, но это одна из двух организованных партий [вторая – Национально-демократическая партия Мубарака] и людям понадобится некоторое время, чтобы разобраться, кто есть кто, и определиться со своими взглядами».

На следующий день Тантави сказал мне, что ни «Братья-мусульмане», ни другие не смогут претендовать на единоличное руководство страной: «Египетский народ – вот кто у нас главный, и мы, армия, его поддерживаем». Я снова спросил, получат ли вожди оппозиции время и возможность для организации конкурентоспособных политических партий и участия в выборах. Он ответил: «Мы дадим им достаточно времени для политической организации», – но добавил, что чем дольше правительство протянет с выборами, тем хуже будет для экономики. Тантави сказал, что доходы от туризма, основного источника поступления твердой валюты, упали с января на 75 процентов. Я заметил, что

правительство США считает логичным избрать сначала президента, а уже затем выбирать парламент, чтобы обеспечить светское руководство страной; это также поможет выиграть время для создания политической альтернативы «Братьям-мусульманам». Тантави возразил: после консультаций с государственными юристами было принято решение провести первыми именно парламентские выборы. Когда я спросил его о бывших сотрудниках МВД и прочих экстремистах, «создающих проблемы», он вежливо меня успокоил: «Это временно, скоро все наладится». Увы, последующие события опровергли его слова.

Озабоченность наследного принца Мухаммеда бен Заида «исламистским захватом» Египта виделась вполне обоснованной. На осенних выборах «Братья-мусульмане» и ультраконсервативная партия мусульман-салафитов «Аль-Нур» набрали соответственно 47 и 25 процентов, завоевав, таким образом, почти три четверти мест в новом парламенте. Первоначально обещая не выдвигать кандидата на пост президента, «Братья-мусульмане» затем отказались от своего обещания и предложили кандидатуру Мухаммеда Мурси, который и был избран президентом в июне 2012 года. Вскоре после этого он отправил в «добровольную отставку» Тантави, явно намереваясь взять под свой контроль египетских военных. Осенью 2012 года Мурси заявил, что его решения не могут быть пересмотрены судами (очевидный шаг к авторитаризму), но общественное возмущение заставило его отступить, по крайней мере на время. Новая Конституция, подготовленная исламистским Народным собранием, провозгласила главенство исламских законов (шариата), однако не уточняла сферу правоприменения.

По состоянию на лето 2013 года Мурси был свергнут египетской армией, организация «Братья-мусульмане» находится под запретом, и военные – которые были у власти в Египте с 1952 года – вновь открыто управляют страной. Дадут ли они подлинной демократической реформе еще один шанс, покажет будущее. Хотя сегодня в это трудно поверить, исторические часы могут снова вернуться в 2009 год. Египет, вероятно, ждут нелегкие времена. Как я и предупреждал, в революциях берут верх наиболее организованные и самые безжалостные.

Пятнадцатого февраля 2011 года, через четыре дня после отставки Мубарака, группа юристов в столице Ливии Триполи вышла на демонстрацию, протестуя против заключения в тюрьму их коллеги. В последующие дни к протестующим присоединилось множество ливийцев, возможно, ободренных недавними событиями в Тунисе и Египте и откликами в «Фейсбуке» и других

социальных сетях. Силы безопасности Муамара Каддафи 17 февраля расстреляли демонстрацию, убив более десяти человек, и уже на следующий день началось вооруженное сопротивление правительству – в Бенгази, на востоке Ливии. В отличие от большей частью ненасильственных революций в Тунисе и Египте ливийская революция, тоже начавшаяся как мирный протест, быстро превратилась в масштабную гражданскую войну между правительством и повстанцами, и число жертв стало стремительно расти. Повстанцы сумели за нескольких дней добиться полного контроля над важными областями на востоке и начали наступление на остальную территорию страны.

Жестокость, с которой Каддафи отреагировал на действия повстанцев, побудила Совет Безопасности ООН 22 февраля выступить с заявлением, осуждающим применение силы против гражданского населения и призывающим к немедленному прекращению насилия и «мерам по удовлетворению законных требований населения». Совет Безопасности также призвал Каддафи открыть безопасные коридоры для доставки международной гуманитарной помощи народу Ливии. В тот же день Лига арабских государств приостановила членство Ливии. 23 февраля Обама повторил свои комментарии прошлой недели, осудил применение насилия и объявил, что поручил своей команде по национальной безопасности представить «полный спектр вариантов» нашего поведения в данной ситуации. Госсекретарь Клинтон направилась в Европу и на Ближний Восток, чтобы проконсультироваться с нашими союзниками.

Мировое сообщество требовало от Каддафи незамедлительно прекратить убийства ливийцев и уйти в отставку. Совет Безопасности 26 февраля выдвинул требование положить конец насилию, наложил эмбарго на поставки оружия в Ливию, запретил въезд в другие страны Каддафи, членам его семьи и другим ливийским правительственным чиновникам и заморозил их активы. Политики в Европе и Вашингтоне рассуждали о введении «бесполетной зоны», чтобы лишить Каддафи возможности использовать авиацию против повстанцев, и все чаще заговаривали о том, что от «неистового Муамара» пора избавляться. Очевидно, назревала смена другого правящего режима.

В самой администрации Обамы на фоне событий в Ливии вновь произошло изменение узора в политическом калейдоскопе. На сей раз я оказался заодно с Байденом, Донилоном, Дэйли, Малленом, Макдоно и Бреннаном, которые предостерегали от военного вмешательства. Представитель США в ООН Сьюзен Райс и сотрудники ШНБ Бен Роудс и Саманта Пауэр настаивали на

«энергичных действиях» США, дабы предотвратить неизбежную «кровавую расправу» с повстанцами (Каддафи упорно цеплялся за власть). Пауэр, лауреат Пулитцеровской премии, эксперт по проблемам геноцида и репрессий, была горячей сторонницей концепции «ответственности по защите», то есть обязанности цивилизованных государств вмешиваться во внутренние дела других стран, в том числе с применением вооруженных сил, для предотвращения крупномасштабных убийств мирных жителей репрессивными правительствами. На заключительном этапе внутреннего обсуждения за спинами Райс, Роудса и Пауэр внезапно «замаячила» Хиллари.

Я считал, что происходящее в Ливии не затрагивает жизненно важные национальные интересы Соединенных Штатов. И потому выступал против нападения США на третью мусульманскую страну за последние десять лет ради смены режима, пусть и чрезвычайно одиозного. Наши вооруженные силы были изнурены двумя текущими войнами, а кризис в Ливии грозил перерасти в затяжной конфликт. Я напомнил своим коллегам, что, когда начинаешь войну, никому не ведомо, как она закончится. Сторонники военного вмешательства ожидают короткой победоносной войны. Но сколько раз в истории подобные «наивные ожидания» оборачивались чем-то совсем иным? На совещаниях я спрашивал: «Может, вы разрешите мне сначала завершить две текущих войны, прежде чем приметесь искать новую?»

Мне оставалось провести в министерском кресле четыре месяца, и я устал терпеть многочисленные «накладки» на нескольких фронтах; больше всего меня бесили люди, беспечно предлагавшие использовать военную силу по любому поводу, будто в видеоигре. Белый дом поручил министерству обороны переместить наши военно-морские соединения в Средиземное море, чтобы мы были готовы к любым неожиданным поворотам событий в Ливии. Меня совершенно не устраивало, что придется отзывать авианосную группировку из Персидского залива, чтобы удовлетворить это пожелание. Я выплеснул свое раздражение на совещании в Пентагоне 28 февраля с Майком Малленом и другими сотрудниками. Как обычно, мою злость усугубило дилетантство сотрудников Белого дома и ШНБ, которые обсуждали с президентом варианты военных действий, не привлекая к разговору министерство обороны: «Белый дом не имеет ни малейшего понятия, сколько ресурсов нам потребуется. Эта администрация сразу ухватилась за военные варианты, даже не успев разобраться, что к чему! Что, черт возьми, такое «гуманитарный коридор»? Запретная для полетов зона – игрушка

для маленьких, она никогда не мешала Саддаму уничтожать свой народ!» На сегодняшний день, сказал я, внимание оппозиции в Тунисе, Египте и Ливии сосредоточено на их собственных, авторитарных и коррумпированных, режимах. В этих условиях военное вмешательство США превращает нас (заодно с Израилем) в дополнительную цель для протестующих.

«Не стоит давать Белому дому и ШНБ слишком подробную информацию о военных вариантах, – сказал я. – Они все равно ничего не понимают, и в результате псевдоэксперты вроде Саманты Пауэр будут решать, каковы должны быть наши военные шаги». В то же время я одобрил переброску эскадрилий ВВС из Германии на авиабазы в Италии и переход нескольких кораблей ВМС в Средиземное море. Я был категорически против вмешательства в Ливии, но если президент принял соответствующее решение, моя обязанность состоит в том, чтобы убедиться в нашей боеготовности. Да, я глупый и упрямый старик, но я чту субординацию.

Первого марта Джон Маккейн раскритиковал администрацию Обамы за ее позицию по Ближнему Востоку. По поводу Ливии он сказал: «Конечно, нужно организовать бесполетную зону. Мы тратим ежегодно более 500 миллиардов долларов, не считая Ирака и Афганистана, на оборону нашей страны. Не говорите мне, что мы не в состоянии обеспечить чистое небо над Триполи». Мы с Майком Малленом провели в тот же день пресс-конференцию, и наши комментарии подчеркнули разницу во взглядах между нами и Маккейном. Мои ответы сводились, по сути, к предостережениям. Когда меня спросили о военных вариантах США в Ливии, я ответил, что в НАТО нет единодушия относительно использования вооруженных сил; подобные действия должны прорабатываться весьма тщательно, а «наша задача – предложить президенту все возможные варианты». Я подчеркнул, что именно с этой целью, «на всякий случай», по моему распоряжению в Средиземное море идут два корабля – десантный корабль «Понсе» и вертолетоносец «Кирсардж» с 400 морскими пехотинцами на борту. Отвечая на вопрос о потенциальном эффекте введения бесполетной зоны, я сказал, что все варианты, выходящие за пределы оказания гуманитарной помощи и эвакуации, являются «сложными», и объяснил, почему я так считаю. Маллен повторил слова, сказанные тем же утром главой Центрального командования генералом Джимом Маттисом: для введения бесполетной зоны придется сначала разбомбить радиолокационные станции и средства противовоздушной обороны Ливии. Мы с Майком указали, что не имеем доказательств применения Каддафи авиации против

повстанцев. На вопрос о стратегических последствиях событий в Тунисе, Египте и Ливии я ответил, что эти перемены нанесли колоссальный удар по «Аль-Каиде», опровергая ее лживые утверждения, будто единственным способом избавиться от авторитарных правительств в регионе является экстремизм.

Слушания в подкомитете палаты представителей по ассигнованиям на оборону (КАОПП) 2 марта больше любых других мероприятий такого рода убедили меня в правильности решения покинуть свой пост в июне. На этих слушаниях я окончательно потерял терпение, утратил самообладание и понял, что не в состоянии далее «играть в игры». Приведу пару примеров, которые наглядно иллюстрируют, что доводило меня до белого каления. Вот первый: когда я отвечал на настойчиво задаваемый конгрессменами вопрос, почему бы нам просто не взять и не объявить о введении бесполетной зоны в Ливии. Едва сдерживаясь, чтобы не скатиться до площадной брани, я процедил: «Сегодня ведется много разговоров – честно сказать, пустой болтовни – насчет военных действий в Ливии. Но это не просто бумажки подмахивать! Давайте называть вещи своими именами. Бесполетная зона означает нападение на Ливию, чтобы уничтожить ее ПВО. Следовательно, бесполетная зона – это война». Я продолжил: «Фактически это затяжная кампания в большой стране», – и невозможно предсказать, сколько времени она займет и сколько времени пройдет до восстановления порядка. Конечно, американские военнослужащие выполнят распоряжение президента, но я предупредил, что потребуется намного больше самолетов, чем помещается на одном авианосце.

Несколько недель назад я просил четыре комитета конгресса, курирующих Пентагон, одобрить перечисление примерно 1,2 миллиарда долларов с нескольких счетов для оплаты дополнительных средств РНР для Афганистана по запросу Петрэуса. Три из четырех комитетов согласились, но четвертый, тот самый подкомитет палаты представителей по ассигнованиям на оборону, под председательством Билла Янга, республиканца из Флориды, отказал. Мне сообщили, что Янг лично заблокировал одобрение, поскольку основную часть финансирования предполагалось взять из средств, выделенных сухопутным войскам на закупку новой партии «хамви». (Армии эти автомобили были не нужны, что бы ни твердили лоббисты.) Мне Янг обещал, что «уладит проблему» еще до начала слушаний, но не сдержал слова. Я не мог понять его мотивов, а потому вошел в зал заседаний с намерением сделать то, чего не делал никогда, – публично и в глаза раскритиковать председателя одного из самых важных комитетов, осуществляющих надзор за работой

министерства обороны.

В конце своего заранее подготовленного выступления по бюджету я отметил, что запрос на дополнительное финансирование РНР был представлен месяцем ранее. «Господин председатель, наши войска нуждаются в этих средствах, причем не когда-нибудь, а прямо сейчас… Каждый день без этого разведывательного оборудования жизни наших солдат подвергаются серьезной опасности. Я хочу срочно получить запрошенные финансы, чтобы обеспечить армии надлежащие технические возможности в Афганистане». Предложенное конгрессом сокращение нашего бюджета на 2011-й финансовый год и неопределенность с финансированием военных расходов, сказал я, не оставляют нам иных источников средств, кроме программы закупок «хамви». Свою речь я закончил такими словами: «Мы не вправе рисковать жизнями американцев ради каких бы то ни было программ или подрядчиков». От публичной критики Янг и прочие члены комитета, разумеется, были в бешенстве. Один конгрессмен впоследствии пожаловался: «Гейтс вел себя непрофессионально на наших слушаниях… Это возмутительно! Так себя вести недопустимо. Он перегнул палку». Другой конгрессмен охарактеризовал мои комментарии как «удар по больному месту». Янг сказал в интервью в тот же день, что он «не имеет отношения» к программе производства «хамви». Однако корреспондент «Вашингтон пост» Дана Милбэнк на следующий день опубликовала материал, из которого следовало, что компания «Эй-эм дженерал», изготовитель «хамви», «случайно оказалась» третьим по величине вклада спонсором избирательной кампании Янга: руководители этой фирмы перечислили Янгу более 80 000 долларов.

Я не испытывал радости, нападая на Янга таким образом. Он был, как говорят, джентльменом старой школы, всегда проявлял любезность и уважение и довольно долго числился среди сторонников военных, в особенности полевых частей; вдобавок он сам и его жена часто навещали наших раненых в госпиталях. Но после четырех лет с лишним лет в своем кресле я был сыт по горло типичными лоббистскими уловками во имя «особых интересов» и «любимых проектов», особенно когда подобные уловки со стороны конгрессменов мешали удовлетворению срочных запросов наших боевых командиров. Пару дней спустя мы с Янгом поговорили по телефону, а затем наши сотрудники завершили сделку – обычная история во взаимоотношениях с конгрессом. В конце концов 614 из запрошенных мной 864 миллионов долларов были изъяты из программы «хамви».

Конфликт в Ливии между тем развивался по нарастающей, и

то же самое касалось дебатов по ливийским делам внутри администрации. Наиболее актуальным вопросом виделся «исход» из Ливии в Тунис десятков тысяч иностранных работников многих национальностей – в основном египтян. Для нового, пока еще слабого тунисского правительства эти 90 000 беженцев представляли грандиозную проблему. Государственный департамент хотел, чтобы американские вооруженные силы организовали «воздушный мост» для перевозки этих людей в Египет. Масштабы предприятия, честно сказать, смущали; чтобы операция оказалась успешной, требовались самолеты, уже задействованные в обеспечении поддержки на двух наших войнах, а также немалый наземный персонал, в Тунисе и в Египте. На «вечеринке» у меня в саду мы с Малленом подробно обсудили возможные действия Пентагона. Вечером 2 марта, на совещании принципалов, посвященном Ливии, Донилон сказал мне, что президент просит предоставить «воздушный мост» из Туниса в Египет для эвакуации египетских беженцев. Байден вскочил и воскликнул: «Нет, президент не просит, а приказывает!» Я понял, что «приказов» Байдена с меня достаточно. «Когда я проверял в последний раз, никто из вас не входил в цепь командования, – ответил я. – Если президент захочет использовать американские вооруженные силы, он сообщит мне об этом напрямую, а не через кого-то из вас двоих». В Пентагоне я, что называется, отвел душу, сказав Маллену и Роберту Рангелу, что запрещаю предоставлять любые военные варианты Белому дому или ШНБ без моего предварительного одобрения, «особенно такие, которые предполагают боевые действия против Каддафи». В конечном счете многие государства приняли участие в операции по спасению беженцев, и США тоже выделили несколько самолетов.

Хотя на пресс-конференции 3 марта Обама заявил, что Каддафи «должен уйти», а с течением времени призывы к военным действиям звучали все чаще, было ясно, что президент не собирается действовать в одиночку или без одобрения международного сообщества. Он хотел, чтобы военные операции проводились под эгидой НАТО. 10 марта в Брюсселе, на совещании министров обороны стран НАТО, где впервые обсуждалась возможная операция в Ливии, я конфиденциально сообщил генеральному секретарю альянса Андерсу Расмуссену, что мы поддержим введение бесполетной зоны, но предварительно нужна соответствующая резолюция Совета Безопасности ООН и согласие региональных партнеров: «Нельзя, чтобы американцы и европейцы вмешивались во внутренние дела суверенного арабского государства без санкции ООН». Я прибавил, что надо заранее подготовиться к ответам на

множество вопросов, как то: почему мы вмешались именно в Ливии и проигнорировали другие гражданские войны? Связано ли вмешательство с нефтью? Расмуссен спросил, насколько эффективна бесполетная зона. Ну, мы не позволим Каддафи поднять самолеты в воздух, сказал я, а вот с вертолетами, конечно, будет сложнее. Расмуссен поделился со мной своей тревогой: Германия вряд ли согласится с операцией НАТО в Ливии, в основном потому, что хочет оставить инициативу за Европейским союзом. Адмирал Джим Ставридис, главнокомандующий ОВС НАТО в Европе, сказал мне, что бесполетную зону следует ограничить прибрежными районами Ливии, где проживает 80 процентов населения страны. По его словам, потребуется несколько дней бомбардировок, чтобы подавить ливийскую ПВО, а затем, для поддержания бесполетной зоны, понадобится минимум сорок истребителей, двадцать заправщиков и других самолетов поддержки. (Вообще-то выяснилось, что гораздо больше.)

Большинство министров поддержали введение бесполетной зоны. Тем не менее они в один голос говорили об Афганистане как о наивысшем приоритете для НАТО, о необходимости сотрудничества с Лигой арабских государств и участия арабов в операции и о том, что до начала операции самолеты и корабли нужно переместить на исходные позиции. Как и предсказывал Расмуссен, Германия выступила против, не поддержала даже направление в Средиземное море нескольких кораблей, хотя Ставридис вполне мог это сделать в рамках собственных полномочий. Несмотря на все громкие заявления, в целом союзники еще не были готовы действовать.

Я прилетел из Брюсселя в Бахрейн, в штаб-квартиру Пятого флота США. Насилие в Бахрейне началось с демонстрации в «день гнева» в столице страны Манаме, 14 февраля, когда погибли двое местных жителей. Еще до начала протестных выступлений король (суннит) озвучил экономические уступки, но шииты – 70 процентов населения Бахрейна – настаивали на политической реформе. 17 февраля правительство направило армейские части на Жемчужную площадь в Манаме, кольцевую транспортную развязку, похожую на площадь Тахрир в Каире. Погибло шесть демонстрантов. Я звонил тогда наследному принцу Салману, который сказал мне, что арабские правители стран Персидского залива видят в Бахрейне оплот в борьбе с Ираном и что из событий в Тунисе и Египте местная власть вынесла урок: свергнутые правительства допустили ошибку, выказав слабость. Салман тем не менее считал, что королевская семья должна призывать к умеренности. Он встречался с лидерами шиитской

оппозиции (движения «Аль-Вифак») в ночь перед демонстрацией, и шииты потребовали конституционных изменений, смещения премьер-министра и политических реформ. Салман сказал, что готов стать премьер-министром, если его попросят, и что на будущее готов предусмотреть включение представителей шиитов в состав правительства. Да, Салман рассуждал здраво, но, к сожалению, был бессилен что-либо предпринять.

Я прилетел в Манаму поздно вечером 11 марта, уже зная, что по всему городу идут демонстрации и повсюду происходят столкновения между демонстрантами-шиитами и сторонниками правительства; в день моего прилета, по свидетельствам СМИ, пострадали сотни человек. Мой визит задумывался как выражение поддержки королевской семье, но сообщение, которое я передал, вряд ли порадовало власти Бахрейна. В беседах и с наследным принцем, и с королем я сказал каждому из них, что США, будучи стратегическим партнером Бахрейна уже более шестидесяти лет, сильно обеспокоены нынешней нестабильностью. Я прибавил, что нужны не слова, а реальные дела: проведение полноценных политических реформ, расширение прав и возможностей, иначе вряд ли удастся избежать тех печальных последствий, которые имели место в других странах региона. Я сказал, что «шажков ребенка» мало. В конце концов Мубарак признал насущность перемен, но опоздал на две недели: «Время не на вашей стороне».

Я сказал королю, что события на Ближнем Востоке начались потому, что правящие режимы не прочувствовали глубину страданий собственных народов. Иран не стоит за вспыхнувшими беспорядками, но вполне может ими воспользоваться. Пусть наследный принц призовет к общенациональному диалогу, пусть Бахрейн подаст пример всему региону, ведь с обеих сторон хватает как «горячих голов», так и упрямых приверженцев жесткого курса. Я предложил наследному принцу и королю подобрать новое назначение для нынешнего премьер-министра, который не нравился никому, а шиитам в особенности; снять ограничения на деятельность СМИ, институтов гражданского общества и правозащитников; немедленно провести расследование случаев гибели демонстрантов и публично представить достоверные результаты следствия; активнее привлекать шиитов к службе в силах безопасности и обороны Бахрейна; обеспечить основные гражданские права населения в социальной, информационной и политической сферах. Бахрейн имеет шанс продемонстрировать региону, как правильно «выпускать пар», сохраняя политическую стабильность, сказал я. «Возврат к статус-кво невозможен. Вы наш надежный союзник, мы

готовы защищать вас от Ирана, и мы хотим помочь вам справиться с этим кризисом. Не сомневайтесь: когда вы станете принимать трудные решения, чтобы спасти свою страну, мы будем стоять с вами плечом к плечу».

Наследный принц и король одобрили мои предложения, однако в королевской семье существовала и другая точка зрения, причем сторонники жестких мер преобладали. Сунниты в Бахрейне и в других странах Персидского залива опасались шиитов. Неэффективность моей дипломатии стала очевидной спустя два дня после моего отлета из Манамы: более тысячи саудовских солдат вошли в Бахрейн, чтобы гарантировать власть местной королевской семьи и суннитов.

В тот самый день, когда я был в Бахрейне, Лига арабских государств проголосовала за обращение в Совет Безопасности ООН с просьбой немедленно организовать бесполетную зону над Ливией и защитить ливийский народ и иностранных граждан в Ливии. Также ООН призвали к сотрудничеству с переходным национальным советом ливийской оппозиции, который обосновался в Бенгази. На борту самолета, направляясь домой из Бахрейна, я заявил журналистам, что, если нам скажут ввести бесполетную зону, ресурсов для этого у нас достаточно. Но, продолжал я, «вопрос в том, насколько это мудрое решение. Именно отсюда все споры и политические распри».

Ситуация в Ливии постепенно становилась критической. Войска Каддафи перешли в наступление и двинулись на восток. К 14 марта возникла реальная угроза того, что вскоре они могут захватить Бенгази, и мало кто сомневался, что захват города обернется кровавой баней. 15 марта, во второй половине дня, президент Обама созвал Совет национальной безопасности. Он сказал, что его не устраивают варианты действий, предложенные советниками. Особенно Обама расстроился, когда Маллен кратко пояснил, почему введение бесполетной зоны, скорее всего, слабо скажется на перемещениях сухопутных сил и не убережет мирных жителей. Президент попросил ШНБ продумать иные варианты, а потом пригласил меня и Маллена задержаться для разговора за ужином с командующими. Затем состоялось новое двухчасовое совещание СНБ. Было ясно, что для остановки наступления войск Каддафи на восток резолюция Совета Безопасности должна разрешить не только создание бесполетной зоны, но и применение «всех необходимых средств» для защиты гражданского населения. Кровожадная риторика Каддафи, который грозил «прикончить всех крыс» в Бенгази, действия Лиги арабских государств и сильное давление англичан и французов на НАТО, думаю, в совокупности убедили президента, что

Соединенные Штаты должны взять на себя инициативу в ООН и в проведении военной операции против Каддафи.

Семнадцатого марта главы министерств и ведомств совещались между собой около полутора часов, а затем отправились к президенту. Мы снова обсудили все аргументы за и против, а затем президент в последний раз предложил высказаться всем присутствующим. Байден, Маллен, Донилон, Дэйли, Бреннан, Макдоно и я возражали против операции; Клинтон, Райс, Пауэр и Роудс ее поддерживали. Президент сказал, что, конечно, вмешиваться опасно, но мы не можем сидеть сложа руки, когда другой стране грозит гуманитарная катастрофа; тем самым он выступил за вмешательство. Использование американских сухопутных войск предполагалось, только если кого-то из наших пилотов собьют над Ливией – для проведения спасательно-поисковой операции, – или если Каддафи попытается применить имеющееся у него химическое оружие. Мы возьмем на себя инициативу по уничтожению ливийской ПВО, но затем сведем наше участие к минимуму, в первую очередь будем помогать другим, обеспечивая безопасность бесполетной зоны. Потребуются активные действия арабской военной авиации, пусть даже они смогут предоставить малое количество самолетов. Райс поручили добиться максимально жесткой резолюции Совета Безопасности ООН, предусматривающей защиту гражданских лиц, что позволит нам бомбить большинство ливийских военных объектов и командно-стратегических целей (в том числе резиденции и дворцы Каддафи). В частной беседе со мной после встречи президент сказал, что принял решение, фигурально выражаясь, 51 голосом против 49.

Райс удалось сотворить чудо в ООН – Совет Безопасности и вправду одобрил максимально жесткую резолюцию. Россия, Китай, Германия, Индия и Бразилия воздержались. Воздушная операция против Каддафи началась 19 марта. Планировалась точно скоординированная атака, но президент Франции Саркози захотел немножко прославиться и поэтому французские самолеты нанесли удар по целям за несколько часов до оговоренного срока.

Обама справедливо надеялся на широкую поддержку конгресса. 1 марта сенат единогласно принял резолюцию, призывающую Совет Безопасности ООН организовать запретную для полетов зону над Ливией и защитить гражданское население страны. В палате представителей также не наблюдалось привычных партийных разногласий. Президент принял лидеров конгресса в полдень 18 марта в Ситуационном центре, а те, кто не смог приехать, участвовали в совещании по телефону, с использованием «громкой» связи. Обама рассказал о наших

военных планах и о роли, которую мы намерены сыграть, а также о пределах применения силы. Конгрессмены нисколько не возражали. Президент заявил, что мог бы приказать вооруженным силам США начать операцию в Ливии без одобрения конгресса, в соответствии с законом о военных полномочиях[131], но решил соблюсти правила и уведомить конгресс.

При обсуждении вопроса о военном вмешательстве президенты практически никогда не оценивают стоимость операции – Обама не стал исключением, когда дело коснулось Ливии. Мне представили предварительную оценку: ливийская операция, если все пойдет как планируется, обойдется казне в сумму от 800 миллионов до 1 миллиарда долларов, считая по сентябрь. Даже министерство обороны не обладало необходимыми свободными средствами, тем более что конгресс финансировал нас, ежегодно выделяя на 20 миллиардов долларов меньше, чем запрашивал президент. В итоге начались споры между Пентагоном и АБУ о том, включать ли стоимость операции в Ливии в военные расходы 2011-го финансового года, направить конгрессу дополнительную заявку или заставить нас искать деньги «внутри».

Как обычно, когда президент принимает важное решение, Белый дом захотел, чтобы ключевые члены кабинета «закрыли амбразуру» воскресных телевизионных ток-шоу. В первые выходные мне удалось избежать этой утомительной участи, поскольку 19 марта я улетел в командировку в Россию и на Ближний Восток. Но когда 25 марта я возвращался в Вашингтон, «пиар-гуру» Белого дома предложили мне выступить во всех трех официальных программах в следующее воскресенье и объяснить телезрителям необходимость и важность президентского решения по Ливии. Утомленный поездкой, я согласился принять участие в двух программах из трех. Потом позвонил Билл Дэйли и принялся уговаривать меня на третье шоу. Я сказал Дэйли, что готов заключить сделку – я пойду и на третью программу, если он обеспечит финансирование операции в Ливии из фонда непредвиденных зарубежных расходов (ФНЗР). Я добавил: «Пойду даже к Джейку Тапперу[132], если вы найдете лишние деньги». Дэйли хмыкнул: «Я надеялся обойтись бутылкой водки». Я парировал: «Ерунда. Это будет стоить вам миллиард». Не получилось – президент и директор АБУ Джек Лью отказались утвердить финансирование операции в Ливии из ФНЗР. Министерству обороны пришлось изыскивать внутренние резервы.

Позиция президента Обамы о праве главы государства начать военные действия довольно сильно отличалась от позиции

кандидата Обамы: в 2008 году он недвусмысленно заявлял, что «президент не вправе в соответствии с Конституцией в одностороннем порядке санкционировать военную операцию в ситуации, которая не предполагает фактического или потенциального нападения на нашу страну». Вследствие этого внутри администрации развернулись бурные дебаты о том, имел ли Обама право без одобрения конгресса санкционировать вторжение в Ливию на срок свыше шестидесяти дней. Министерство юстиции и главный юрисконсульт министерства обороны утверждали, что у президента подобного права нет. Но Обама заручился поддержкой юрисконсульта Белого дома и советника по правовым вопросам из Государственного департамента, которые считали, что операция не подпадает под определение «военных действий» в законе о военных полномочиях, а потому может продолжаться сколь угодно долго без разрешения конгресса. Незначительное меньшинство республиканцев и демократов в Капитолии решительно возражало против такого толкования, но всерьез оспорить правомочность решения президента никто не пытался.

Однако не менее широко обсуждались ограничения, которые Обама наложил на эту операцию. Выступая 28 марта в Университете национальной обороны (эту речь показали по телевизору), президент объяснил, почему решил вмешаться в гражданскую войну в Ливии, обосновал наше участие, охарактеризовал отличия данного конфликта от прочих в других странах и описал ограниченный характер американской военной миссии. Он дал понять, что мы передадим руководство военной операцией НАТО уже через два дня и сократим свое военное присутствие, и прямо заявил, что отстранение Каддафи от власти с применением военной силы было бы ошибкой.

Из-за этих ограничений мы с Малленом получили от конгресса, как говорится, по полной, когда 31 марта выступали перед обоими комитетами по делам вооруженных сил – как палаты представителей, так и сената. Республиканские «тяжеловесы» – сенатор Маккейн и член палаты представителей Бак Маккеон – поинтересовались, почему военная операция не предусматривает смену правящего режима. Я ответил, что мы должны различать политические и военные цели. Военная операция, санкционированная Советом Безопасности ООН, имеет целью создание бесполетной зоны и защиту гражданского населения, тогда как политическая цель США, разумеется, состоит в избавлении от Каддафи. Маккейн раскритиковал в пух и прах решение президента передать военное руководство операцией НАТО и сократить наше участие в ней после

подавления ливийской ПВО и заявил, что таким образом мы лишь затрудняем себе достижение политических целей. Нужно, по его словам, сделать все необходимое, чтобы преуспеть в Ливии, обойдясь при этом без наземных боев. Сенатор Джон Корнин из Техаса сказал, что президенту следовало бы заглянуть в конгресс, прежде чем он отправился в ООН, и добавил, что операция в Ливии «какая-то невнятная», что НАТО вряд ли справится и что никто не удосужился предложить план обустройства Ливии после свержения Каддафи. Когда он спросил насчет «недостаточно ясного исхода», я ответил: последнее, что нужно Америке, это очередная миссия по государственному строительству; другие страны должны принять на себя ответственность за Ливию, и «не думаю, что нам необходима еще одна война».

В ходе слушаний я признал, что «слишком увлекся этой операцией» и что, учитывая наши войны в Ираке и Афганистане, мне требовалась помощь конгресса для ограничения нашей роли. Комитет палаты представителей гораздо сильнее, нежели сенатский, выражал недовольство решением президента обойтись без одобрения конгресса на операцию в Ливии. Члены этого комитета также насели на меня из-за стоимости операции. Я сказал, что мы выделили девятнадцать кораблей и 18 тысяч военнослужащих, а стоимость операции за первые одиннадцать дней составила около 550 миллионов долларов; вероятно, в перспективе расходы удержатся в пределах 40 миллионов долларов в месяц. Я согласился, что «не стоит переоценивать нашу способность влиять» на политический климат в Ливии после падения режима Каддафи, и сказал, что мы мало знаем о повстанцах, зато «многое знаем о Каддафи, и это уже причина им помогать».

Слушания в комитетах меня раздражали и тем, что в ходе обсуждения звучали вопросы, которые я и сам себе задавал в ходе дебатов внутри администрации. На вопрос, как ситуация в Ливии связана с нашими «жизненно важными национальными интересами», я честно ответил, что связи не вижу, однако наши ближайшие союзники считают, что сложившаяся ситуация угрожает их жизненным интересам, поэтому мы обязаны им помочь. А когда меня спросили, будут ли американские войска воевать на территории Ливии, я быстро и решительно ответил: «Нет – пока я занимаю свое кресло». Этот дерзкий ответ лишний раз показал мне самому, что я, ощущая приближение отставки, понемногу переставал следить за собой. Мне просто следовало сказать, что президент твердо настроен не допустить участия американских войск в наземных сражениях.

Позже я признался своим сотрудникам, что обдумывал свою

отставку на фоне ливийского кризиса. Я сказал им, что в конце концов решил не уходить, потому что назначенный срок и без того близок; со стороны отставка смотрелась бы капризом старика. Еще я признался, что пробовал обсудить с президентом все темы, за которые администрацию критиковали: неопределенность характера миссии, «невнятный» исход, судьба Каддафи, устройство Ливии «после Каддафи», – но президент «не проявил заинтересованности в рассмотрении нюансов». Кроме того, меня в очередной раз допекли своим микроменеджментом Белый дом и ШНБ. В день, когда началась военная операция, на совещании принципалов Донилон и Дэйли принялись спрашивать о наших возможных бомбардировках ливийских частей. Я сердито парировал: «Хватит меня донимать, ей-богу! Мало вам Вашингтона, вы еще и на Ливию замахиваетесь да в военные операции вмешиваетесь. Президент указал нам стратегическое направление. Ради всего святого, позвольте Пентагону делать свою работу!» Как я уже говорил, мои запасы терпения истощились.

Все двадцать восемь союзников США по НАТО проголосовали в поддержку военной операции в Ливии, но только половина внесли реальный вклад и всего восемь предоставили свои самолеты для бомбардировок. Соединенные Штаты в конечном счете вынуждены были практически в одиночку вести разведку и обеспечивать участников операции авиазаправщиками; через три месяца нам пришлось снабжать даже «крепких» союзников высокоточными бомбами и ракетами – они быстро исчерпали свои скудные резервы. К завершающей стадии операции мы подошли с собственными истребителями и дронами. Все это было результатом многих лет недостаточных инвестиций в оборону со стороны наших ближайших союзников.

Население Ливии численностью 6 400 000 человек представлено многими этническими группами и коренными племенами берберов. Эта территория на протяжении последних 2500 лет принадлежала поочередно финикийцам, грекам, римлянам, мусульманам, туркам-османам, итальянцам, англичанам и французам. Три исторические области Ливии – Киренаика, восточная прибрежная зона; Триполитания, центральная и западная прибрежные зоны, «сфокусированные» на Триполи; и Феццан, юго-западная часть страны, – были объединены политически только в 1934 году. Автономия регионов серьезно пострадала от репрессивной политики Каддафи (хотя даже на пике своего могущества ему приходилось уделять пристальное внимание взаимоотношениям с племенами). Короче говоря, Ливия как единое целое – относительно свежее

явление, созданное чужестранцами. Поэтому там хватает этнических проблем. Способно ли слабое центральное правительство сплотить страну, преодолев вековые центробежные тенденции? Как говорится, поживем – увидим.

Полагаю, мы вступили в длительный период нестабильности и перемен в арабском мире. Прежде всего надо перестать притворяться, будто мы в состоянии предвидеть и предсказывать результаты этих перемен. На встрече в Белом доме в конце марта 2011 года посол США в Сирии Роберт Форд утверждал, что «Асад не Каддафи. Массовые злодеяния и репрессии вряд ли возможны. Сирийский режим, безусловно, агрессивен, но старается свести к минимуму применение силы». Совсем скоро выяснилось, что Форд ошибался.

Фундаментальные вопросы остаются без ответа. Неизбежно ли свободные выборы в арабских странах приводят к победам исламистов? Вернутся ли эти правительства со временем к авторитаризму? Способна ли армия повлиять на исход выборов, грозящих привести к власти исламистов (как произошло в Алжире и Египте)? Отсутствие демократических институтов, верховенства закона и гражданского общества практически во всех арабских государствах – и глобальные задачи, стоящие перед светскими реформаторами, – не дают особых оснований для оптимизма. Сумеют ли свободно избранные правительства принимать трудные решения, необходимые для экономического роста и облегчения мрачного существования большинства арабов? Если нет, не скатятся ли они в крайний национализм, не станут ли обвинять во всем Израиль и Соединенные Штаты, не используют ли насилие на религиозной почве как средство отвлечения народных масс от провалов в политике? Смогут ли государства, границы которых искусственно проложены иностранцами, а население которых хранит память о долгих исторических племенных, этнических и религиозных противостояниях – и прежде всего Ирак, Сирия и Ливия, – сохранить единство в отсутствие репрессий? Будут ли монархии и эмираты и далее сохранять «внутренний статус-кво», или выберут постепенные, но реальные реформы, или же дождутся в собственных странах насильственных выступлений, ставящих под угрозу стабильность и выживание? Думаю, для Соединенных Штатов единственный способ «поставить на верную лошадь», с учетом всех этих революций и их последствий, заключается в том, чтобы и далее провозглашать нашу веру в политические свободы и права человека, утверждать, что правительство существует, чтобы служить людям, а не наоборот, и делами доказывать преимущества регулируемой рыночной экономики. Кроме того,

мы должны взаимодействовать с каждой страной индивидуально, учитывать конкретные обстоятельства и наши стратегические интересы.

Как я и сказал в 2007 году президенту Бушу и Конди Райс, начало двадцать первого века – особый период: кризисы больше не приходят и уходят – кризисы приходят и остаются.

Глава 14
Война до последнего дня

Я догадывался, конечно, что вряд ли проведу последние шесть месяцев на посту министра обороны в приятном безделье, но, возвращаясь после рождественских каникул в Вашингтон, округ Колумбия, я не мог себе даже представить, насколько трудными для меня окажутся эти полгода. Арабские революции, начавшиеся в январе, наша последующая военная операция в Ливии – уже этого было вполне достаточно, чтобы занять мое внимание. А еще «внутренние войны», текущие осложнения в Ираке и в Афганистане, очередная битва за бюджет, большие проблемы в отношениях с Китаем и Россией и на Ближнем Востоке, представление президенту кандидатуры нового председателя Объединенного комитета начальников штабов, дерзкий и опасный рейд на территорию Пакистана… Словом, не оставалось иного выхода, кроме как спуртовать до самого финиша.

Китай, Россия и Ближний Восток

Когда министр обороны Китая Лян в октябре 2010 года пригласил меня снова посетить в Китай, как я уже писал, он явно рассчитывал на мой приезд до официального визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в США, намеченного на конец января. Сдержанное поведение Ляна на осеннем совещании азиатских министров обороны в Ханое и на наших двусторонних переговорах ясно отражало желание руководства Народно-освободительной армии Китая создать благоприятную атмосферу для визита Ху. Когда я прибыл в Пекин 9 января (спустя тридцать лет после первого посещения Китая), сразу бросилось в глаза, что китайцы, как говорится, из кожи вон лезут, чтобы произвести позитивное впечатление. Специально перекрытые дороги, скоростные магистрали, роскошные торжественные обеды – меня принимали как главу государства. Да, три года подряд китайцы всячески показывали, что недовольны нашими контактами с Тайванем и продажей ему оружия, но теперь устроили мне поистине королевский прием.

На каждой встрече я подчеркивал важность укрепления американо-китайских отношений в военной сфере, в том числе стратегического диалога по ядерному оружию, противоракетной

обороне, средствам космического базирования и противодействию кибертерроризму. Случайные, если можно так выразиться, связи не идут на пользу никому. Поступательное развитие отношений, избавленное от влияния политических страстей, является, с другой стороны, основой взаимопонимания, помогает устранить недоразумения и избежать просчетов. Я предупредил, что ядерные и ракетные программы Северной Кореи достигли того предела, когда, по мнению нашего президента, они представляют «прямую угрозу США», и мы будем вынуждены отреагировать соответствующим образом, если эти программы не удастся остановить. Я добавил, что после тридцати лет терпеливого игнорирования провокаций со стороны Северной Кореи общественное мнение в Южной Корее резко изменилось – из-за потопления их военного корабля и артиллерийских обстрелов. Юг намерен в будущем решительно пресекать подобные провокации, что существенно увеличивает риск эскалации напряженности на Корейском полуострове. Китаю следует надавить на Северную Корею, чтобы урезонить ее воинственных лидеров. Я также дал понять, что, по нашему мнению, чрезмерно острая реакция Китая на появление американских самолетов и морских судов США в международном воздушном пространстве и в водах Южно-Китайского моря может привести к инциденту, который не нужен ни одной из стран. Мы действуем в пределах своих прав, и Китай должен с этим смириться. Разумеется, я формулировал свои тезисы в сугубо дипломатической форме, вежливо и завуалированно (я способен и на такое, когда ситуация требует), но китайцы прекрасно меня поняли.

Все мои собеседники поддерживали укрепление наших военных контактов в принципе, но высказывали сомнения в отношении стабильного официального военно-стратегического диалога на высшем уровне, утверждая, что уже существует несколько механизмов для таких дискуссий. Если учесть, что мои предложения затрагивали ряд щекотливых вопросов, смею думать, что лидеры НОАК попросту не хотели привлекать к этому диалогу китайских гражданских чиновников – представителей компартии и министерства иностранных дел. (Мне вспомнились переговоры по стратегическим вооружениям в начале 1970-х: советские генералы тогда заявили руководителю делегации США, что он должен перестать рассуждать о подробных характеристиках советских ракет и ядерного оружия, поскольку штатские члены делегации СССР не имеют допуска к этим совершенно секретным сведениям.) Китайцы, повторюсь, желали произвести позитивное впечатление, поэтому не отвергли идею

стратегического диалога как таковую, а просто пообещали «внимательно ее изучить».

Каждый из высокопоставленных китайских чиновников был весьма осторожен в своих комментариях, но все же имелись темы, при обсуждении которых китайцы высказывались почти без обиняков. Лян сказал, что наши военные контакты развивались «от случая к случаю» в течение тридцати лет. Он насчитал «шесть приливов и шесть отливов». К причинам «отливов» министр отнес продажи американского оружия Тайваню и «дискриминационные действия, наносящие ущерб интересам Китая», в частности, наши разведывательные полеты над китайской территорией. В этих двух вопросах, по словам Ляна, «нет места компромиссам, ибо Китай не может пренебрегать своими интересами». Мы должны проявлять взаимное уважение и доверие, строить отношения на принципах взаимной выгоды, сказал он, «а взаимоуважение означает признание ключевых интересов друг друга». Я сделал себе пометку по этому поводу.

Конечно же, пришлось подробно обсудить Тайвань – так сказать, потоптаться по любимой мозоли. Что касается разведывательных полетов, прибавил я, мы выполняем такие полеты над многими странами мира, включая Россию, и русские делают то же самое, и ни одна из стран не воспринимает подобные полеты как враждебные действия. Я сказал, что Соединенные Штаты не считают Китай своим врагом или потенциальным противником, как было в годы «холодной войны», и напомнил, что с августа 2010 года китайские самолеты несколько раз подлетали очень близко к нашим (в доказательство я предъявил фото китайского истребителя в тридцати футах от американского), а это чревато серьезными инцидентами. Затем мы вместе вышли к прессе, и Лян дал исключительно позитивный комментарий. Он сообщил, что мы достигли консенсуса по ряду вопросов, переговоры были конструктивными и продуктивными, обе стороны заинтересованы в дальнейшем развитии военного сотрудничества. Лян объявил, что начальник Генерального штаба НОАК – визави адмирала Маллена – посетит Соединенные Штаты весной этого года. Я в своем выступлении фактически повторил слова Ляна.

На роль «плохого полицейского» китайцы назначили своего министра иностранных дел, и тот встретил меня длинной обличительной речью, в которой изредка проскальзывали угрозы и которая затрагивала все проблемы наших взаимоотношений: Тайвань, разведывательные полеты, Северная Корея, присутствие военно-морских кораблей США вблизи Корейского полуострова, потребность Китая в наращивании военной мощи. Я отвечал ему в

том же духе.

Вице-президент, или заместитель Председателя КНР, Си Цзиньпин (наиболее вероятный преемник Ху Цзиньтао[133]) признал обоснованность наших опасений по поводу Северной Кореи, откровенно сказал, что сложившаяся ситуация грозит «некоторыми осложнениями» для Китая и США и что эскалация напряженности на полуострове, равно как и продолжающееся на Севере обогащение урана, «ставят под угрозу шестисторонние переговоры». Си пообещал, что Китай приложит все усилия, чтобы своевременно информировать Соединенные Штаты о развитии ситуации. Он добавил, что безъядерный и стабильный Корейский полуостров – в интересах всего региона.

О продаже американского оружия Тайваню Си упомянул почти мимоходом. Как и прочие китайские официальные лица, он превозносил экономические успехи Китая, заявил, что китайская экономика уже стала второй в мире по объему производства (но ВВП на душу населения в десять раз ниже, чем в США, а разрыв между сельским и городским Китаем просто катастрофический). Лян, который присутствовал при нашей беседе, прибавил, что армия Китая отстает на два-три десятилетия от «продвинутых» армий – подразумевая США и наших сильнейших союзников по НАТО, – и «не является угрозой для мира».

Несмотря на стремление председателя Ху Цзиньтао сделать так, чтобы мой визит прошел без малейших накладок в преддверии его официального прибытия в Вашингтон (что должно было случиться чуть более чем через неделю), НОАК чуть было не ухитрилась радикально и самым дерзким образом испортить отношения двух стран. За несколько часов до моей встречи с Ху китайцы впервые показали широкой публике свой новейший стелс-истребитель J-20. Фотографии самолета попали в китайскую прессу примерно за два часа до моей встречи с Ху Цзиньтао. Как выразился один из моих политических советников по Китаю, «если поискать, то свинью подложить можно было и побольше, но и этого вполне хватит». Моя команда заговорила о прекращении визита – мол, нельзя спускать такое оскорбление. Посол США в Китае Джон Хантсмен, которого поддержал мой старший политический эксперт по Китаю Майкл Шиффер, придумал наилучший выход: раз меня поставили в неловкое положение, я должен взять реванш и ответить китайцам тем же.

Я встретился с президентом Ху в полдень 11 января в Большом зале, в приемной размером примерно с Центральный вокзал в Нью-Йорке. Мы уселись во главе подковообразного стола в мягкие кресла, в которых почти утонули, и для общения пришлось использовать микрофоны. После стартового обмена

любезностями и оглашения «типового набора» китайских претензий я сказал Ху Цзиньтао, что все мы, американцы, стремимся создать благоприятную атмосферу перед его официальным визитом в Вашингтон, однако китайские СМИ за несколько часов до нашей встречи опубликовали фотографии новейшего китайского стелс-истребителя для НОАК. Американская пресса, сказал я, пытается понять смысл этих публикаций – насколько они приурочены к моему прилету и предстоящему визиту Ху. Меня беспокоит, что американская пресса может истолковать эти фото как свидетельство охлаждения отношений США и КНР, и я прошу президента Китая посоветовать, что мне говорить журналистам. Ху нервно засмеялся, потом повернулся к своим военным помощникам и спросил, так ли это. На китайской стороне стола вспыхнула перепалка с участием Ляна, его заместителя генерала Ма и других военных. Штатская часть китайской делегации явно ничего не знала о показе боевого самолета. Китайский адмирал, сидевший далеко от Ху, передал через коллег, что это «научно-исследовательский проект». После нескольких минут горячих споров Ху твердо сообщил мне, что демонстрация истребителя «была запланирована заранее для испытаний» и никак не связана с моим приездом или его визитом. Я подозревал, что НОАК дала бы мне иное объяснение. И то, что НОАК заготовила такой политически скандальный трюк, не предупредив Ху, признаться, весьма тревожило, если не сказать больше.

Заместитель председателя Центрального военного совета генерал Сюй (я принимал его в коттедже Линкольна в Вашингтоне) устроил ужин в мою честь в том же павильоне, где Ху принимал президента Обаму; гостей развлекали известные китайские певцы. Тост за тостом, в наши бокалы в форме маленьких чашек исправно подливали байцзю[134], китайскую «белую молнию». Поскольку на ужине присутствовали жены Сюя и Ляна, как и моя супруга Бекки, приличия в значительной степени соблюдались. На следующий день вся наша команда посетила Великую китайскую стену, причем шоссе ради проезда нашего кортежа перекрыли на всем протяжении от города до места экскурсии. Один из сопровождавших меня журналистов купил в сувенирном магазине возле Стены рюкзачок с изображением Обамы в френче Мао и армейском головном уборе НОАК. Я убедил журналиста продать рюкзачок мне и по возвращении в Вашингтон подарил сувенир президенту. Я сказал Обаме, что картинка подтверждает мнение республиканцев на его счет. Он расхохотался.

Визит Ху Цзиньтао в США начался через неделю и прошел без

сучка и задоринки. Но проявленное радушие и укрепление сотрудничества все-таки не в состоянии скрыть серьезные проблемы в американо-китайских отношениях. Китай продолжает выделять значительные средства на совершенствование своих военных возможностей и технологий, в том числе на высокоточные противокорабельные крылатые ракеты и баллистические ракеты, на дизельные и атомные подводные лодки, на противоспутниковое оружие и стелс-истребители; очевидно, планирует противодействие морским и воздушным силам США существенно восточнее Южно-Китайского моря и Тайваня. Китай строит флот, который пока заметно уступает ВМС Соединенных Штатов, однако вполне способен преподнести неприятные сюрпризы в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Пекин, наученный советским опытом, не имеет, я полагаю, ни малейшего желания сравниваться с нами по числу кораблей, танков и ракет, тем самым подвергая опасности собственную экономику, и не видит смысла в гонке вооружений с Соединенными Штатами. Китайцы выборочно финансируют те военные технологии, которые нацелены на наши уязвимости, а не копируют наши достижения. Китай все более решительно отстаивает свои территориальные претензии на большую часть Южно-Китайского моря и на острова вблизи Японии. И продолжает негодовать из-за военного присутствия США в регионе, хотя мы оперируем исключительно в международном воздушном пространстве и в международных водах. Компьютерные возможности Китая становятся все лучше, наши военные и гражданские сети подвергаются китайским кибератакам буквально каждый день. В целом двусторонние отношения требуют пристального долгосрочного внимания лидеров обеих стран и квалифицированных профессиональных советов их помощников, если мы хотим сохранить партнерство в некоторых областях (например в экономике) и конкурировать – но не противостоять – в других. Надежное американское военное присутствие в Тихом океане, особенно в Восточной Азии, по-прежнему необходимо, чтобы наши друзья и союзники в регионе знали, что они не одиноки и что споры можно и нужно разрешать мирным путем.

* * *

Свой последний визит в Россию в качестве министра обороны, на следующий день после начала бомбардировок Ливии, я открыл посещением Санкт-Петербурга – столицы

Российской империи с момента ее основания на побережье Балтийского моря императором Петром Великим в 1703 году и вплоть до большевистской революции 1917 года. Первым пунктом моей программы была лекция в Военно-Морском музее, перед аудиторией из примерно 200 российских морских офицеров среднего ранга. Атмосфера в зале была едва ли более доброжелательной, чем на моем выступлении в Академии русского Генерального штаба в октябре 2007 года; никаких аплодисментов, когда меня представили, и редкие, вежливо-равнодушные хлопки, когда моя лекция закончилась. Правда, на сей раз вопросы отражали не стремление к конфликту, а любопытство. Что мы считаем наибольшей угрозой для себя? Реорганизую ли я министерство обороны США? Какую роль играет флот в обеспечении безопасности Америки? Что насчет совместных операций и совместной боевой подготовки? Могут ли русские морские офицеры посещать американские военные объекты? Какое событие за все годы работы министром оказалось для меня самым важным? Я покинул музей, слегка обнадеженный перспективами российско-американского военного обмена и будущего сотрудничества.

Затем меня на катере доставили в Петропавловскую крепость, с которой начинался этот город, и пригласили присутствовать при выстреле полуденной пушки, что ведет счет времени с эпохи Петра Великого. После церемонии я посетил Петропавловский собор в крепости, где захоронено большинство русских царей. Человеку, который всю свою сознательную жизнь изучал русскую историю, было чертовски приятно увидеть своими глазами эти достопримечательности – ведь прежде на протяжении десятилетий мне отказывали в их посещении из-за «холодной войны» и моей принадлежности к ЦРУ.

На следующий день, 22 марта, я вылетел в Москву, чтобы встретиться с министром обороны Сердюковым и президентом Медведевым. Путин находился в командировке. Ливия была у всех на устах, и показательно, что ситуация в этой стране вызвала публичное расхождение во мнениях между Путиным и Медведевым. Накануне Путин сказал заводским рабочим в Центральной России, что резолюция ООН по Ливии «напоминает средневековые призывы к Крестовому походу». Медведев усомнился в этом утверждении: «Ни при каких обстоятельствах не допускается использовать выражения, которые способны привести к столкновению цивилизаций, – например упоминать о Крестовых походах и так далее». Он также обосновал свое решение не накладывать вето на резолюцию Совета Безопасности ООН.

Потом русские неоднократно повторяли, что их обманули в

отношении Ливии. Мол, их убедили воздержаться при голосовании в ООН на том основании, что резолюция предусматривала проведение гуманитарной миссии, призванной предотвратить гибель мирных жителей. Но по мере того как список целей для бомбовых ударов неумолимо разрастался, стало понятно, что лишь немногие цели соответствуют заявленной миссии и что НАТО решило избавиться от Каддафи. Уверенность русских в том, что их нагло обманули, впоследствии заставила Россию блокировать любые аналогичные резолюции, в том числе против сирийского президента Башара аль-Асада.

Сердюков и Медведев оба выразили озабоченность ростом потерь среди гражданского населения в Ливии в результате наших бомбардировок. Я призвал их не верить заявлениям Каддафи о будто бы многочисленных жертвах. Мы принимали все возможные меры предосторожности, чтобы избежать таких жертв; по нашим данным, лишь несколько мирных ливийцев пострадали от наших бомб и ракет. Я сказал, что Каддафи, как мы считаем, заставляет мирных жителей прятаться в зданиях, которые являются очевидными целями, а также подбрасывает тела казненных на места бомбардировок. Медведев ответил, что его нисколько не радуют самолеты и ракеты НАТО в Ливии, но эти действия явились «следствием безответственного поведения Каддафи» и его многочисленных «выходок». Российский президент опасался, что конфликт может затянуться «до бесконечности», но сомневался в том, что «все успокоится, пока Каддафи остается у власти». Медведев повторил фразу, которую произнес в Москве две недели назад, обращаясь к вице-президенту Байдену: «Наземная операция в Ливии, возможно, понадобится». По его словам, Байден сказал ему, что это невозможно. Медведев прибавил, что «если Ливия распадется и «Аль-Каида» сумеет там обосноваться, это не пойдет на пользу никому, и нам в том числе, потому что экстремисты в конечном счете прорвутся на Северный Кавказ» (часть России).

Другой важной темой обсуждения в ходе моего визита стала противоракетная оборона. На саммите НАТО в Лиссабоне в прошлом ноябре Медведев внес новые предложения по сотрудничеству России и НАТО в этой области, а позднее направил соответствующее письмо Обаме. Сердюков начал разговор с комментария, что в письме Медведева прямо говорилось – сейчас подходящее время «для прорыва». Помимо прочего, Медведев предложил «секторальный подход» – российская система ПРО будет защищать Россию и «соседние государства», тем самым «минимизируя негативное влияние американской системы на стратегические ядерные возможности

России». Следует закрепить договоренности юридически обязательным соглашением, которое гарантирует, что США и НАТО не намерены ослаблять и подрывать ядерный потенциал Российской Федерации. Я ответил, что нас заинтересовали предложения Медведева, озвученные в Лиссабоне. Опираясь на предложение Сердюкова по оперативному обмену данными, я предложил создать два центра обработки данных для ПРО: один – в России, другой – в Западной Европе. В этих центрах будут работать как российские офицеры, так и офицеры НАТО, что позволит осуществлять совместное планирование, облегчит разработку единых правил применения вооруженной силы для противоракетной обороны и сценариев противодействия ракетной угрозе, а также будет способствовать организации и проведению совместных учений по отражению таких угроз.

Позднее в тот же день я встретился с Медведевым на его модернистской подмосковной даче. Он настаивал: России нужны правовые гарантии, что натовская система ПРО не направлена против России. «Либо мы достигаем согласия, либо придется наращивать боевой потенциал». Я повторил то, что сказал ранее Сердюкову, – невозможно заставить американский сенат ратифицировать подобное соглашение, и страны Балтии никогда не согласятся с российской ответственностью за свою безопасность. Я догадывался, что озабоченность русских вызывает прежде всего потенциальная модернизация наших ракетных систем SM-3, которые составляли основу ПРО Обамы, – и так и сказал Медведеву. Мы оба знали, что ранние фазы развертывания ПРО не представляют угрозы для России. Что касается дальнейших действий Соединенных Штатов, подчеркнул я, «надеюсь, мы сможем убедить вас конкретными делами, что наши планируемые технологические обновления не поставят под угрозу ядерные и баллистические возможности России».

Медведев сказал, что рад видеть Обаму в президентском кресле, – «это человек, с которым можно работать, можно договариваться, и мы уважаем друг друга, даже если расходимся во мнениях». Он признал, что иранская угроза вполне реальна. На прощание Медведев пожелал мне «успехов в вашей нынешней должности, а также и после. Пусть жизнь будет интересной».

Мою программу в России завершил круиз по Москве-реке, организованный Сердюковым. Подали изящный теплоход, и мне сразу вспомнился аналогичный круиз с ужином по Потомаку, который я устроил для Сердюкова в минувшем году. В последний вечер в России в качестве министра обороны США я, проплывая мимо Кремля, размышлял о своем жизненном пути – сорок три года назад я приступил к работе в должности младшего

аналитика «советского» отдела ЦРУ, и это было за два дня до вторжения СССР в Чехословакию.

Позволь Путин Медведеву баллотироваться повторно в 2012 году, перспективы сотрудничества между США и Россией были бы намного радужнее. Мне показалось, что Медведев отлично разбирается во внутренних проблемах России – экономических, демографических и политических, а также сознает проблемы с соблюдением законов – реалистично оценивает шаги, необходимые для преодоления этих препятствий, в частности, полагает, что нужно укреплять связи с Западом и привлекать иностранные инвестиции. Однако жажда власти заставила Путина отодвинуть Медведева и вернуть себе президентство. На мой взгляд, Путин – человек из российского прошлого, обуреваемый тоской по утраченной империи, былой славе и прежнем могуществе. Согласно закону, Путин может оставаться президентом до 2024 года. Пока он занимает эту должность, внутренние проблемы России, как мне представляется, никуда не денутся. Соседи России будут и далее испытывать давление Москвы, и хотя вряд ли вернутся напряженность и угрозы времен «холодной войны», возможности сотрудничества России с Соединенными Штатами и Европой будут ограниченны. Очень жаль. Россия – великая страна, которой слишком долго правят автократы.

* * *

Из Москвы я вылетел в Египет, о чем уже писал выше, а затем, 24 марта, прибыл в Израиль. Накануне там произошел теракт: в Иерусалиме взорвали автобус, один человек погиб и тридцать девять получили ранения. Ракетные обстрелы израильских городов из сектора Газа продолжались, а где-то за неделю до моего визита израильтяне перехватили корабль, который вез пятьдесят тонн ракет и снарядов в сектор Газа (в том числе иранские ракеты). Политическая нестабильность на Ближнем Востоке не сулила Израилю легкой жизни.

Я не был в Израиле с июля 2009 года; напомню, в те дни министр обороны Израиля Эхуд Барак прилетал в Вашингтон каждые два-три месяца. Как я упоминал, мы с ним поддерживали тесные отношения и были весьма откровенны друг с другом. После торжественной церемонии встречи в министерстве обороны в Тель-Авиве (мне всегда нравилось наблюдать, как развеваются рядом звездно-полосатый флаг и стяг со звездой Давида) мы уединились в кабинете Барака. Я прибыл в Израиль в первую

очередь ради того, чтобы успокоить израильтян и заверить в неизменности американской поддержки в разгар «политического землетрясения» на Ближнем Востоке.

Я начал разговор с выражений соболезнования по поводу террористического акта, на что Барак ответил просто: «Мы отреагируем в ближайшее время».

На сей раз мы обсуждали не только Иран. Барак расспрашивал меня о моих встречах в Египте и о бомбардировках Ливии, которые начались всего за несколько дней до нашей встречи. Он, естественно, был сильно обеспокоен происходящим в регионе. Египет, сказал он, теряет «хватку» на Синайском полуострове, и остается лишь надеяться, что это временное явление, поскольку налицо опасность крупномасштабной контрабандной переброски оружия в сектор Газа. Я ответил, что в Каире и Тантави, и египетский премьер-министр подтвердили соблюдение мирного договора с Израилем и обещали продолжить сотрудничество с израильским правительством. Говорю как друг, прибавил я, сейчас не время для Израиля сидеть сложа руки; нужно действовать смело и решительно – возобновить мирные переговоры с палестинцами, помириться с Турцией и помочь Иордании. Все, конечно, настораживает, но хорошие новости в том, что в региональных беспорядках никто не винит ни Израиль, ни США. «Никто не сжигает американские или израильские флаги, во всяком случае пока»; беспорядки возникли из-за внутренних проблем арабских стран, и мы должны постоянно напоминать об этом, чтобы никому не пришло в голову обвинять нас в причастности. Барак заметил, что применительно к Ливии надежнее всего бомбить ливийскую армию, пока она не выступит против Каддафи. Он хотел бы, чтобы региональная нестабильность распространилась и на Иран: «тамошние муллы» праздновали свержение Мубарака, рост цен на нефть и воцарившийся хаос. Мы должны ужесточить санкции, продолжил он, «чтобы это землетрясение достигло Тегерана».

Барак спросил, каковы цели Обамы на Ближнем Востоке, и я ответил, что, хотя кое-кто в Соединенных Штатах полагает, будто президент недостаточно решителен в международных делах, лично я полностью его поддерживаю. Обама отправил 60 000 солдат в Афганистан, а теперь одобрил авиаудары по Ливии. И постоянно призывает добить «Аль-Каиду». Да, он собирался протянуть руку дружбы тому же Ирану, однако, сказал я, «когда доходит до драки, он готов до конца защищать интересы США и наших союзников».

На совместной пресс-конференции Барак заявил, что отношения между Израилем и США еще никогда не были такими

прочными и что сотрудничество между министерствами обороны Израиля и США «поистине беспрецедентно». По поводу волнений на Ближнем Востоке он сказал, что ничего подобного тому, что происходит сейчас, в регионе не видели со времен распада Османской империи, и это внушает надежду и оптимизм. Но добавил, что «на Ближнем Востоке пессимист – это оптимист, умудренный опытом».

На следующее утро мы отправились на побережье, в Кейсарию, на деловой завтрак с премьер-министром Нетаньяху. Город Кейсария построил царь Ирод Великий за несколько лет до рождения Христа, и мне отчаянно хотелось побродить среди древних руин, но дела, к сожалению, не оставляли времени на удовольствия. На завтраке присутствовали около двадцати человек, так что мы с Нетаньяху старательно соблюдали протокол, хотя премьер-министр по понятным причинам занял весьма жесткую позицию в отношении необходимости адекватно отреагировать на недавние террористические акты. Мы обсудили сохраняющуюся проблему Ирана и, конечно, ситуацию в Ливии и политические волнения в регионе. Израильтяне явно нервничали, предвидя значительные неприятности для своей страны из-за «арабской весны»; по их мнению, эти события сулили мало хорошего для Израиля. Как и в разговоре с Бараком, я призвал Нетаньяху «не ощетиниваться иголками», но воспользоваться моментом и активизировать мирный процесс. По-моему, Биби не прислушался.

Свой визит я закончил поездкой на автомобиле (около полутора часов) в Рамаллу на палестинском Западном берегу реки Иордан, где меня ожидал премьер-министр Государства Палестина Салям Файяд. Впервые в истории министр обороны США предпринял такое путешествие. Когда кортеж покинул территорию, контролируемую Израилем, мы въехали на большой огороженный участок, а затем – на какую-то площадку с высокими бетонными стенами. Всем, кроме меня, пришлось пересесть в палестинские бронемашины; полагаю, мне разрешили остаться в лимузине исключительно в знак уважения. Тем не менее агенты службы безопасности не расслаблялись ни на секунду. Когда мы встретились с премьером, Файяд пожаловался, что на палестинской территории теперь порядок (местные силы самообороны обучали мы), но израильтяне почему-то стали чаще проводить военные рейды. Кроме того, по его словам, поселенцы тоже не брезгуют насилием, «вплоть до откровенного терроризма», но израильские власти «ничего не делают, чтобы их унять». Я повторил Файяду то, что говорил Нетаньяху о политическом кризисе в регионе как о возможности

активизировать процесс мирного урегулирования, и добавил, что от палестинцев тоже требуется встречное движение. Увы, мои слова, похоже, произвели на Файяда ровно такое же впечатление, как на Нетаньяху.

Менее чем две недели спустя я нанес «прощальные» визиты в Саудовскую Аравию, Ирак и ОАЭ. После нашей содержательной беседы в 2010 году король Саудовской Аравии Абдалла пригласил меня «заглядывать всякий раз», когда я буду в этих краях, «пусть даже на часок». Именно так я и поступил в начале марта, а теперь прилетел снова – меньше чем через месяц. Мы проговорили почти два часа в громадном беломраморном дворце Абдаллы в Эр-Рияде. Королевский кабинет примерно вдесятеро превосходил размерами мой кабинет в Пентагоне и был богато украшен благородным темным деревом; освещали этот кабинет восемь хрустальных люстр. На встрече присутствовали многие придворные; мы закрепили наше военное партнерство и подтвердили сделку по закупке американского оружия на сумму 60 миллиардов долларов. Король сказал, что следующим военным проектом должна стать модернизация Восточного флота (в Персидском заливе).

После этого король извинился перед придворными и выпроводил почти всех; в кабинете остались только мы двое и посол Саудовской Аравии в США Адель Аль-Джубейр, который выполнял роль переводчика. С глазу на глаз мы обсудили ситуацию в Египте и в Иране. Король, которому было уже под девяносто, явно сдал физически – он до сих пор баловался сигаретами, – но ясности ума ничуть не утратил. Я прибыл на встречу, уже зная, что он сильно расстроен нашим «предательством» по отношению к Мубараку и нашим нежеланием (или неспособностью) полноценно поддержать других давних друзей и союзников, в частности Бахрейн, тоже столкнувшийся с беспорядками. Дошло до того, что некоторые высокопоставленные саудовцы начали поговаривать о принципиальном изменении отношений с США и развитии контактов с другими крупными державами, например с Китаем и Россией.

Читая по бумажке, Абдалла изложил свои пожелания для меня и для президента:

«Наши страны сохраняли стратегические отношения на протяжении семидесяти лет. Я ценю это обстоятельство и радуюсь нашему сотрудничеству.

Эти отношения важны для безопасности во всем мире.

Репутация США находится под угрозой. События в Египте и отчасти в Бахрейне сказались на отношении к Америке в регионе.

Некоторые сравнивают судьбы Мубарака и иранского шаха.

Я считаю, что это неправильно, но вы должны позаботиться о своей репутации.

Вы должны оценить, как смотрят на вас ваши друзья.

Отдельные представители власти в США и в Саудовской Аравии произносят фразы, которые ставят под сомнение наши контакты. Мы не должны этого допускать. Наши отношения проверены временем и не подвластны сиюминутным переменам.

Иран является источником всех проблем в регионе; вот опасность, которой необходимо противостоять».

В заключение король добавил, что это не критика, а выражение поддержки.

Мы, безусловно, одобряем демократические реформы, сказал я, однако Соединенные Штаты ни в коей мере не причастны к революциям в Тунисе, Египте, Ливии или Бахрейне. Это протесты людей, слишком долго вынужденных жить под властью автократических правительств. Наш единственный совет египетскому правительству и участникам протестов заключался в том, чтобы избегать насилия и проводить реформы мирным путем. Королю Бахрейна я сам говорил, что стабильность требует реформ, которые может и должна возглавить королевская семья. Иран тоже не причастен к организации этих протестов, но, разумеется, постарается использовать их в собственных целях.

После долгого обсуждения беспорядков король снова сказал, что лидеры стран Персидского залива обеспокоены тем, что Соединенные Штаты отвернулись от Мубарака. Слышны разговоры, что его собираются судить. США должны защитить бывшего президента Египта. Я постарался уклониться от прямого ответа.

Когда мы расставались, Абдалла сказал, что до него «доходят слухи», которые, как он надеется, не соответствуют действительности, о моем уходе в отставку. Я подтвердил, что собираюсь покинуть свой пост через несколько месяцев. Король предположил, что «лучше бы через несколько лет». Я пошутил, что президент Обама настаивает на моем уходе, пока я еще в силах передвигаться самостоятельно, а если серьезно, то причины никак не связаны с моим здоровьем. И мы попрощались навсегда.

Преемственность в Пентагоне

Одна из наиболее значимых служебных обязанностей министра обороны – рекомендовать президенту офицеров, способных занимать высшие руководящие посты в вооруженных

силах США. Это непростая задача: дело не только в том, чтобы подобрать правильного человека на каждую должность, но и в том, чтобы обеспечить справедливое распределение должностей между четырьмя родами войск, а также организовать всю «гирляндную цепь» вакансий при соответствующих назначениях. Кадровые решения по самым высоким военным постам принимаются, как правило, заблаговременно, за несколько месяцев до фактического назначения, поскольку требуется время для того, чтобы подыскать офицера на замену, да еще неизвестно, утвердит ли сенат предложенную министерством кандидатуру.

Как я писал ранее, в июле 2009 года президент сказал мне, что хочет побеседовать с Хоссом Картрайтом как с возможным кандидатом на замену Майку Маллену в 2011 году в качестве председателя Объединенного комитета начальников штабов. Обама, как и Буш, быстро оценил выдающиеся способности Картрайта. Сотрудникам администрации Белого дома и ШНБ также понравилось с ним работать. Я позволил вопросу о преемнике председателя ОКНШ «зависнуть» почти на год. Тем не менее к началу лета 2010 года как раз приспела пора действовать, поскольку я решил, что уйду в конце года. И я стал прикидывать. Шансы на то, что Обама выдвинет Петрэуса на эту должность, практически нулевые: Белый дом не доверял Дэйву и подозревал, что тот лелеет политические амбиции. Альтернативой Дэйву, с моей точки зрения, мог бы оказаться генерал Мартин Демпси, тогдашний глава Командования по разработке доктрины и боевой подготовке сухопутных войск США. Прежде он командовал полком в Багдаде в кровавый первый год оккупации Ирака, руководил подготовкой иракских сил безопасности и великолепно проявил себя в качестве заместителя командующего, а затем исполняющего обязанности главы Центркома. Мне очень хотелось, чтобы следующий председатель (или хотя бы заместитель председателя ОКНШ) имел боевой опыт Ирака или Афганистана. Что касается моего собственного поста, в мой короткий список вошли Хиллари, Колин Пауэлл, Панетта и мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг.

Мы с Обамой тщательно обсудили «наследование» в Пентагоне на часовом закрытом совещании 1 октября 2010 года. Президент начал с традиционного вопроса: есть ли вероятность, что я передумаю уходить? Я просто попросил: «Пожалуйста, не надо». А затем уточнил, имеет ли смысл предлагать Петрэуса в качестве председателя ОКНШ. Обама ответил, что забрать Петрэуса из Афганистана – значит, поставить себя в затруднительное положение, особенно с учетом вывода войск, который должен начаться в июле 2011 года. Я сказал, что

Картрайт готов остаться либо как советник по национальной безопасности, либо как председатель ОКНШ. Будучи, так сказать, большим поклонником Картрайта, я все же чувствовал себя обязанным поделиться с президентом опасениями по поводу взаимоотношений Картрайта с другими начальниками штабов и его склонности придерживать информацию. Вдобавок Картрайт признался мне, что сам предпочел бы пост советника по национальной безопасности: для него это был новый вызов. Обама решил, что «нужно с ним потолковать», и этих разговоров, отмечу сразу, было несколько. Под конец совещания я снова попросил президента рассмотреть кандидатуру Панетты в качестве моего преемника.

Президент явно намечал Картрайта на место председателя ОКНШ, а вот я, как часто бывало, путал ему все карты. Я же продолжал размышлять насчет Дэйва Маккирнана, который занимал неподходящую, «тесную» для себя должность, и беспокоился, что то же самое может произойти с Картрайтом.

Четвертого апреля 2011 года президент сказал, что я все еще вправе изменить свое решение. На нашем совещании он процитировал слова Хиллари, сказанные накануне: «Вы слишком мягко давите на Боба». Я вздохнул и ответил: «Я просто выдохся. Совсем». Затем я рекомендовал ему назначить председателем ОКНШ Мартина Демпси. Прошлой осенью, не зная, как правильно разыграть карту с «наследством», я предложил Обаме назначить Демпси новым начальником штаба сухопутных войск, и он прислушался к моему совету. Также я официально рекомендовал Панетту в качестве своего преемника и Петрэуса на место Панетты в ЦРУ. (Незадолго до этого совещания Петрэус удивил меня, сообщив, что ему было бы интересно поработать в ЦРУ.) Я сказал Обаме, что, наверное, с военными назначениями можно подождать до середины мая, но о своем предстоящем уходе я бы хотел объявить до конца апреля.

Демпси был приведен к присяге в качестве начальника штаба сухопутных войск 11 апреля. На следующий день я вызвал Марти к себе в кабинет и сказал, что рекомендовал президенту его кандидатуру в качестве следующего председателя Объединенного комитета начальников штабов. Демпси изумился до глубины души. Я описал круг проблем, с которыми ему, как мне кажется, предстоит столкнуться – в частности, дефицит бюджета, – и уточнил, что ему понадобится сплоченная команда помощников, умение ладить с каждым начальником штаба по отдельности и со всеми вместе, и что пусть он заранее готовится помогать новому министру в организации взаимодействия старшего военного руководства и президента.

Двадцать восьмого апреля в Восточном зале Белого дома (где Эбигейл Адамс однажды вывесила президентские подштанники[135]) Обама публично объявил, что я намерен уйти в отставку 30 июня и меня сменит Леон Панетта. Вместо Панетты в ЦРУ придет Дэвид Петрэус, а Петрэуса в качестве командующего в Афганистане заменит генерал морской пехоты Джон Аллен. Эйкенберри уступит должность посла в Афганистане Райану Крокеру. Мы все стояли на помосте рядом с президентом, в том числе вице-президент, Хиллари и Маллен. Президент пригласил каждого из тех, кого затронули эти изменения, сказать несколько слов, и мы, разумеется, подчинились. Я коротко поблагодарил президента Обаму за то, что он «просил меня остаться – снова, снова и снова».

В День поминовения[136] я стоял рядом с президентом в Розовом саду Белого дома и слушал, как Обама сообщает о своем намерении выдвинуть Демпси и адмирала Сэнди Уиннфелда в качестве, соответственно, председателя и заместителя председателя Объединенного комитета начальников штабов, а Рэя Одиерно назначить начальником штаба сухопутных войск. Две недели спустя я заявил, что рекомендую адмирала Джона Гринерта на пост начальника штаба ВМС. Это была моя последняя кадровая рекомендация президенту.

Когда все это было проделано, я не сомневался, что оставляю президента с надежной командой военачальников, готовой решать самые серьезные задачи. Таким «наследием» можно и нужно гордиться.

Бен Ладен

В первые мои три с половиной года в министерском кресле охота за Усамой бен Ладеном толком не велась – во всяком случае, высокопоставленные чиновники никак ее не курировали. На словах, конечно, декларировалось, что его непременно нужно найти, однако разведка новых данных не сообщала, а в фокусе нашего внимания к Афганистану была победа над талибами, а не поиски бен Ладена. Обама в начале своего президентского срока заявил, что требует приложить дополнительные усилия по поимке наиболее известного террориста в мире, но я счел, что это всего-навсего громкое заявление – без новой разведывательной информации о его местонахождении. Летом и в начале осени 2010 года небольшая группа аналитиков ЦРУ, о чем я не подозревал, тщательно отслеживала перемещения некоего курьера, который, как они считали, находился в прямом контакте

с бен Ладеном. В конце концов Усаму отыскали не благодаря обещанному вознаграждению в 25 миллионов долларов и не стараниями какого-нибудь агента, получившего надежные доказательства его местопребывания (и уж, конечно, вовсе не благодаря помощи пакистанцев). Бен Ладена нашли старыми добрыми детективными методами и долгим, кропотливым анализом, который провели в ЦРУ. Без сомнения, все, кто участвовал в рейде за головой бен Ладена, – герои (и еще больше людей в Вашингтоне желали примазаться к этой чести), но без великолепных аналитиков ЦРУ рейд бы никогда не состоялся.

Версий этого рейда сегодня известно бесчисленное множество. Вот моя версия. Как-то в декабре 2010 года Панетта зашел ко мне и, убедившись, что мы одни, сказал: его аналитики уверены, что нашли убежище бен Ладена. Затем время от времени Леон подкидывал мне свежую информацию по этому поводу, а в феврале 2011 года пригласил главу Совместного командования специальных операций, вице-адмирала Билла Макрейвена, в штаб-квартиру ЦРУ, чтобы сообща приступить к планированию секретной миссии в пакистанском Абботабаде. Подчиненные Макрейвена проводили подобные рейды на территории Афганистана практически каждую ночь в течение многих лет, отлавливая или уничтожая лидеров «Талибана», а потому обладали необходимыми навыками и опытом для этой миссии.

Президент и старшие руководители команды по национальной безопасности встречались несколько раз в марте и апреле, чтобы обсудить планируемую операцию и стоит ли вообще ее проводить. Мы с Джо Байденом неожиданно оказались главными скептиками, но и все прочие периодически задавали непростые вопросы. Байдена сильнее всего тревожили политические последствия возможной неудачи. Моим наивысшим приоритетом была война в Афганистане, и применительно к данной операции меня беспокоило, что независимо от исхода рейда пакистанцы – просто из вредности – вполне способны перекрыть жизненно важную линию поставок из Карачи (она обеспечивала 50 процентов подвозимого топлива и 55 процентов доставляемых грузов), отозвать разрешение для нашей авиации на свободное перемещение через воздушное пространство Пакистана или устроят еще какие-нибудь пакости, чреватые проблемами для военных действий. Успешный рейд наверняка окажется оскорблением наихудшего сорта для пакистанских военных. От убежища бен Ладена в Абботабаде всего тридцать пять миль до столицы Пакистана Исламабада, шесть миль до пакистанского ядерного объекта и несколько миль до Пакистанской военной академии (местного Вест-Пойнта),

тренировочных лагерей и учебных центров сразу двух полков, офиса пакистанской разведки и полицейского участка.

Еще меня беспокоило то, что все улики относительно пребывания бен Ладена в указанном разведкой доме – исключительно косвенные. Не было ни единого веского доказательства, что он скрывается именно там. Когда посыпались вопросы к аналитикам, насколько они уверены, что бен Ладен прячется в Абботабаде, оценки вероятности в ответах варьировались от 40 до 80 процентов. Как бывший аналитик ЦРУ, я понимал, что эти цифры основываются только на чутье – и больше ни на чем. Президент обронил в ходе совещания: «Сколько ни крути, получается пятьдесят на пятьдесят». С моей точки зрения, мы рисковали войной в Афганистане ради пустышки.

На обсуждение предполагаемого рейда повлиял арест в конце января в пакистанском Лахоре офицера безопасности ЦРУ по имени Рэймонд Дэвис. Его автомобиль, полный оружия, шпионского снаряжения и фотографий пакистанских военных объектов, остановили два мотоциклиста, направивших на агента автоматы. Дэвис застрелил обоих – и был арестован на месте происшествия. К середине марта мы заключили сделку с Пакистаном, выплатили энные суммы семьям тех двоих, кого застрелил Дэвис, и Дэвиса освободили. Но скандал в Пакистане, разгневанном «наглостью» Соединенных Штатов, никак не желал утихать. Новое нарушение пакистанского суверенитета почти наверняка вызовет истерику. И ведь совершенно не исключена западня.

Мы рассматривали три возможности операции в Абботабаде – налет отряда спецназа, бомбардировка объекта и ограниченный удар с помощью беспилотника. Преимущество последних двух вариантов заключалось в том, что они сулили наименьшие осложнения с пакистанцами. А главный недостаток состоял в том, что мы не могли подтвердить, что уничтожили именно бен Ладена. Военные планировщики первоначально предложили массированный авиационный удар – тридцать две 2000-фунтовые бомбы. Мы убедили их поумерить аппетиты, но все равно присутствовала высокая вероятность жертв среди гражданского населения в окружающем жилом районе. Использование дрона выглядело предпочтительнее: БПЛА наносит локализованные удары; однако требовалось навести дрон на цель, и, что немаловажно, аппарат еще не полностью протестировали в полевых условиях. Рейд силами спецназа, самый рискованный вариант, позволял удостовериться, что ликвидирован именно бен Ладен, и давал шанс получить данные об операциях «Аль-Каиды»,

которые этот террорист мог хранить при себе. Я ничуть не сомневался в навыках и возможностях «морских котиков» – как объяснялось выше, меня тревожило другое.

Своими опасениями я поделился с президентом на встрече 19 апреля. Успех или неудача рейда равно способны поставить под угрозу и без того хрупкие отношения с Пакистаном, а следовательно, и исход войны в Афганистане. Я сказал, что относительно самого рейда у меня сомнений нет, но я не готов полагаться исключительно на косвенные доказательства присутствия бен Ладена в обнаруженном укрытии. «Конечно, выглядит убедительно, – признал я. – Но, возможно, мы просто очень хотим убедить себя». Вдобавок пакистанская разведка почти наверняка в курсе, где прячется бен Ладен, а значит, вокруг его убежища может оказаться тайное охранение, которое мы не сумели засечь, или же за этим домом как минимум внимательно наблюдают.

Наихудший сценарий предполагал, что пакистанцы оперативно перебросят на место событий свои войсковые подразделения, воспрепятствуют эвакуации нашей команды и возьмут наших солдат в плен. Когда я спросил вице-адмирала Макрейвена, что он планирует делать, если в ходе операции внезапно появятся пакистанские военные, он ответил, что отряду прикажут затаиться и ждать «дипломатической эвакуации». Причем укрыться им придется в самом доме, а стрелять в пакистанцев будет запрещено. Я уточнил, что произойдет, если пакистанцы ворвутся внутрь: «Будете стрелять или сдадитесь?» После инцидента с Дэвисом, сказал я, и учитывая градус антиамериканский настроений в Пакистане, переговоры по освобождению наших бойцов могут затянуться на несколько месяцев, а мы тем временем будем наслаждаться спектаклем «Американский спецназ в пакистанской тюрьме»; кстати, не исключено, что дело быстро доведут до суда. Наша команда не вправе сдаваться, подытожил я. Если пакистанские военные вдруг появятся, команде следует принять все необходимые меры, чтобы от них оторваться. После продолжительной дискуссии все согласились с моим выводом, и было решено задействовать в миссии дополнительные вертолеты MH-47. Позже Макрейвен поблагодарил меня за «своевременное вмешательство».

Я проявлял осторожность, наученный собственным горьким опытом и историческими фактами. Я помнил рейд 1970 года в Северный Вьетнам. Целью ставилось освобождение около 500 американских военнопленных в лагере Шонтэй. Отряд не потерял ни одного бойца, но подвела разведка и никого из пленных американцев в лагере не оказалось. А весной 1980 года – я

работал помощником директора ЦРУ Стэнсфилда Тернера – была предпринята попытка спасти заложников в американском посольстве в Тегеране. Операцию «Орлиный коготь» пришлось прервать: сначала возникли проблемы с вертолетами, а затем произошла катастрофа – вертолет врезался в стоявший на земле самолет-топливозаправщик С-130. Провал обернулся гибелью в пустыне восьми американских военнослужащих. В ночь операции я приехал в Белый дом вместе с Тернером – и до сих пор помню ощущение полной беспомощности. Мне также вспомнилась операция США в приграничной зоне Пакистана осенью 2008 года: ожидалось, что все пройдет быстро и гладко, но в итоге операция вылилась в многочасовую перестрелку, причем команда едва сумела унести ноги обратно в Афганистан. Пакистанцы отреагировали на случившееся столь резко, что мы впредь старались избегать подобных силовых решений. В каждом случае имелся отличный план, однако даже успешное его выполнение приводило, мягко говоря, к конфузу, а что касается операции «Орлиный коготь» – и вовсе к сокрушительной неудаче и, не побоюсь этих слов, национальному позору, а наши военные еще долго не могли оправиться от унижения.

Наверное, Обама с самого начала своего президентского срока был уверен, что мой многолетний опыт работы в сфере национальной безопасности является для него полезным активом. Я сказал президенту в присутствии других руководителей администрации, что, возможно, в данном случае мой опыт скорее помеха, ибо он вынуждает меня осторожничать. Обама решительно возразил, заявив, что как раз мои опасения и нужно принять во внимание.

Никто не предлагал просить пакистанцев о помощи или обратиться к ним за разрешением провести операцию. Мы уже привыкли к тому, что любой контакт с пакистанскими спецслужбами и военными заканчивался одинаково: либо цель предупреждали и она сбегала, либо пакистанцы сами пытались ее захватить – как правило, преждевременно и безуспешно. Мы знали, что должны действовать быстро и что утечки информации категорически недопустимы. Кто-то предложил подождать и дать ЦРУ шанс собрать больше доказательств местонахождения бен Ладена, но аналитики заверили нас, что новых сведений мы вряд ли дождемся.

Кто должен осуществлять общее руководство рейдом, вопросов не вызывало. Если операцию будет проводить министерство обороны, правительство США не сможет при необходимости отрицать наше участие; у ЦРУ же в этом смысле масса преимуществ. Впрочем, мы постарались предусмотреть

«фиговый листок» – сразу скажу, очень маленький – и согласились, что, когда придет время, президент даст Панетте разрешение на выполнение операции. Пентагон периодически одалживал, или «подбрасывал», ЦРУ войсковые части для спецопераций, поэтому никто не удивится.

Заключительное совещание состоялось 28 апреля. План, в случае одобрения, предусматривал проведение рейда через два дня. Большинство из нас, включая президента, собирались на официальный «журналистский» ужин в Белом доме: это один из весенних вашингтонских ритуалов – пресса, политики и чиновники надевают парадные одежды, встречаются и притворяются, что нравятся друг другу (по крайней мере эти несколько часов). Кто-то спросил, какое впечатление произведет, если мы все внезапно покинем ужин из-за необходимости срочно принимать решение, связанное с рейдом. Также прозвучало мнение, что «расслабляться», когда наши военнослужащие рискуют своими жизнями, не слишком корректно. Хиллари убедила сомневающихся: не следует отступать от заведенного порядка, и те из нас, кому выпало идти на ужин, должны быть там. Президент ее поддержал. (Случилось так, что погода заставила перенести рейд на сутки, и всех нас потом хвалили за умение скрывать эмоции.)

Президент, как было принято, попросил высказаться всех присутствующих. Байден был против операции. Мы с Картрайтом рекомендовали вариант с использованием БПЛА. Панетта одобрил наземный рейд. Остальные согласились, что опасность велика, но примкнули к Панетте. Президент пообещал принять окончательное решение в течение двадцати четырех часов.

На следующее утро мои заместители Мишель Флурнуа и Майк Викерс приехали в министерство и попытались убедить меня поддержать проведение рейда. Не было двух других людей, чьим профессиональным суждениям я доверял больше, поэтому я внимательно их выслушал. Когда они ушли, я переговорил с Робертом Рангелом, а затем заперся у себя в кабинете, чтобы хорошенько обдумать все, что эти трое мне сказали. Спустя несколько минут я позвонил Донилону и попросил передать президенту, что я изменил свое мнение и одобряю рейд. Президент, как стало известно, принял схожее решение примерно на час раньше меня.

В полдень в воскресенье мы собрались в Ситуационном центре. Все нервничали и, снимая напряжение, подтрунивали друг над другом. Ставки были чрезвычайно высоки, и все же на данный момент мы пребывали в положении зрителей. На мой взгляд, для настолько засекреченной операции в помещении

находилось слишком много людей. Панетта остался в ЦРУ, чтобы контролировать процесс. В небольшом конференц-зале по соседству с Ситуационным центром бригадный генерал ВВС Маршалл Уэбб следил за видеотрансляцией из Абботабада, а некий сержант-связист фиксировал все аудиопереговоры, которые слышал в наушниках. Кто-то рассказал президенту о видеотрансляции, и Обама пересек коридор и направился в конференц-зал, взял стул и сел в уголке, справа от Уэбба. Едва мы сообразили, куда отправился президент, как поспешили присоединиться к нему. Байден, Клинтон, Денис Макдоно и я уселись за стол, а Маллен, Донилон, Дэйли, Джон Бреннан, Джим Клаппер и прочие встали у стен.

Когда в начале рейда вертолет резко пошел вниз, я съежился на стуле, вспомнив неудачную иранскую спасательную миссию тридцатилетней давности. Все испугались, что произошла авиакатастрофа, но пилот умело выполнил аварийную посадку и все «котики» на борту оказались целы. Миссия продолжалась. Мы следили за каждым движением, пока команда не проникла в дом; в самые критические моменты рейда, увы, мы ничего не видели и не слышали. Минуло пятнадцать или около того невообразимо длинных минут, и вдруг прозвучало сообщение: «Джеронимо – ВУ!», то есть «Враг уничтожен». Макрейвен заранее предупреждал, что единственный способ захватить бен Ладена живым – это если он встретит «котиков» голым и с поднятыми руками. По залу пронесся общий вздох облегчения, но никто не решался радоваться. Команде еще предстояло выбраться из здания, покинуть Абботабад и вернуться через границу в Афганистан, а спасательным вертолетам требовалась дозаправка в сухом русле местной речки.

Еще примерно через сорок минут «котики» начали покидать здание; одни выводили наружу, в безопасное место, обнаруженных в доме женщин и детей, другие устанавливали взрывчатку на поврежденный вертолет. Прогремел взрыв, и теперь можно было не сомневаться, что мы перебудили всех пакистанцев, какие были в округе. Команда благополучно добралась до спасательных вертолетов; в одну машину погрузили тело бен Ладена, в другую – вещественные доказательства (впоследствии стало известно, что это буквально залежи ценной информации). Даже после того как вертолеты приземлились на передовой базе, никто не потребовал шампанского и не завопил от избытка чувств. Все испытывали только глубокое удовлетворение – мы наконец отомстили за американцев, убитых «Аль-Каидой» 11 сентября 2001 года и до этих событий. Наконец-то отомстили. Я понял, что горжусь работой на президента,

который принял на моей памяти одно из самых смелых решений в Белом доме.

Как почти всегда случается в подобных миссиях, не обошлось и без доли забавного. Когда тело бен Ладена доставили на базу в Джелалабаде, Макрейвен захотел измерить его рост, чтобы удостовериться, что это именно «террорист номер один». Рулетки ни у кого не нашлось, и тогда кто-то из «котиков», ростом ровно шесть футов, по приказу вице-адмирала лег на пол рядом с телом. Президент позже язвительно заметил, что для Макрейвена ничего не стоит взорвать вертолет стоимостью 60 миллионов долларов, но, видно, прикупить рулетку он позволить себе не может. Позднее Обама подарил вице-адмиралу рулетку с памятной табличкой.

Прежде чем мы разошлись и президент прошел в свой кабинет, чтобы сообщить американскому народу о том, чего удалось добиться, я напомнил всем собравшимся, что методы, тактика и процедуры, использованные «морскими котиками» в рейде за головой бен Ладена, применяются каждую ночь в Афганистане и в других местах, где мы охотимся на террористов и прочих врагов. И потому крайне важно сохранить в тайне оперативные подробности этого рейда. Мы его уничтожили – вот все, что нужно и можно сказать. Все согласились не распространяться о деталях операции. Обязательности хватило где-то часов на пять. Первоначальные утечки произошли в Белом доме и ЦРУ. Некоторым просто не терпелось похвастаться и поведать о своей роли в операции. Факты при этом нередко искажались, в том числе и на первом официальном брифинге для журналистов. Тем не менее информация буквально хлынула потоком. Я настолько разозлился, что в какой-то момент бросил Донилону: «А почему бы им всем не заткнуться?» То был глас вопиющего в пустыне.

Вскоре после завершения рейда Белый дом опубликовал ныне знаменитую фотографию: все мы следим за видеотрансляцией в том маленьком конференц-зале. Через нескольких часов мой приятель подредактировал снимок в «Фотошопе» и облачил принципалов в костюмы супергероев: Обама стал Суперменом, Байден – Человеком-Пауком, Хиллари – Чудо-Женщиной, а я, по неведомым причинам, – Зеленым Фонарем. Фотошутка помогла мне осознать кое-что важное. Очень скоро пресса подняла шум, требуя предъявить фотографии мертвого бен Ладена – фотографии, которые видели все принципалы. И я понял, что фотошопить, конечно, забавно, но ведь найдутся те, кто обработает снимки бен Ладена таким образом, что мусульмане всего мира сочтут это проявлением неуважения, и в результате

американцы на Ближнем Востоке и наши войска в Афганистане окажутся в большей опасности. Все согласились с решением президента не публиковать фотографии. Все снимки, которые циркулировали среди принципалов, собрали и передали под охрану ЦРУ. Когда я пишу эти строки, ни одно фото так и не увидело свет.

Пакистанцы, разумеется, взъярились, но не так сильно, как я того опасался. Да, начались акции протеста и демонстрации, но, вероятно, самое большое унижение испытали пакистанские военные. Самое уважаемое учреждение страны, по мнению многих пакистанцев, то ли участвовало в операции, то ли доказало свою недееспособность. Тот факт, что наша команда проникла на 150 миль в глубь территории Пакистана, осуществила налет на дом посреди города, где располагается многочисленный гарнизон, а затем благополучно вернулась, а пакистанские военные ничего не заподозрили, – буквально шокировал местное население. В Пакистане принялись немедленно искать наших тайных помощников, и мало кто задавался вслух вопросом, как получилось, что самый известный террорист в мире преспокойно проживал в Абботабаде целых пять лет. Линии снабжения из Карачи, по счастью, не перекрыли.

Спустя четыре дня после рейда я встретился с командой «котиков», которые выполнили операцию, и они подробно мне все рассказали. (Это была моя вторая встреча со многими из них.) Я поздравил парней и сказал, что приехал, чтобы поблагодарить лично за выдающееся свершение. Я прибавил, что ранее встретился с матерью одного из семнадцати моряков, погибших при нападении «Аль-Каиды» на эсминец «Коул»[137]. И она попросила, если я увижу «котиков», уничтоживших бен Ладена, сказать им спасибо за то, что они отомстили за ее сына. Спецназовцы пожаловались мне на утечки информации; особенно их беспокоил тот факт, что поблизости постоянно вьются репортеры, рассчитывая выведать, кто именно участвовал в рейде. Солдаты тревожились за свои семьи. Я пообещал, что мы сделаем все необходимое, чтобы защитить их, хотя и подумал про себя, что для репортера, который посмеет хотя бы приблизиться к родным любого из этих парней, почти наверняка станут реальностью его самые страшные кошмары.

Я сказал «котикам», что горжусь мужеством президента, принявшего решение провести миссию. Я напомнил им, что президент Картер, возможно, проиграл свое президентство из-за подобной операции в 1980 году. Обама пошел на значительный риск, и «благодаря вам у него все получилось». Знаю, что вы вернулись из Афганистана всего за несколько месяцев до рейда,

сказал я, и снова отправитесь туда летом. Я попросил их поблагодарить от моего имени свои семьи «за веру в вас и вашу службу». И закончил разговор цитатой из Джорджа Оруэлла, которая как нельзя лучше характеризует «котиков»; Оруэлл обмолвился, что «люди мирно спят в своих постелях по ночам только потому, что грубые мужчины готовы творить насилие от их имени».

Последний комментарий по поводу рейда: успех стал результатом решений и вложений в предыдущие тридцать лет. Уроки, извлеченные из катастрофы в Иране в 1980 году, привели к созданию Совместного командования специальных операций, усилению тренировок и закупкам современного снаряжения, что и предопределило успех в Абботабаде. В 1986 году, будучи заместителем директора ЦРУ по аналитике, я согласился откомандировать более десятка своих сотрудников под «крышу» нового Антитеррористического центра – службы, которая объединяет лучших аналитиков, участвующих в подготовке и планировании контртеррористических операций. Тогда я понятия не имел, что мы заложили основу для исторического успеха, к которому причастны и преемники тех аналитиков, двадцать пять лет спустя.

Сокращение оборонного бюджета: математика, а не стратегия

Посередине 2011-й финансового года конгресс, как обычно, не принял проект ассигнований – мы продолжали действовать в рамках продлеваемой резолюции (ПР), что означало бюджет около 530 миллиардов долларов, а не 548 миллиардов, как просил президент. Как я уже писал ранее, в том же году мы получили сразу шесть разных продлеваемых резолюций, а итоговая ПР предусматривала сокращение годового бюджета на 18 миллиардов, причем урезание расходов пришлось на последние несколько месяцев финансового года. Самую крупную и самую сложную в мире организацию финансировали, что называется, впроголодь и заставляли жить от зарплаты до зарплаты. Было очевидно, что конгресс не одобрит увеличение нашего бюджета с 530 миллиардов долларов в 2011-м финансовом году до 553 миллиардов в 2012-м финансовом году, как мы просили и надеялись.

Пятнадцатого марта 2011 года я собрал старшее военное и гражданское руководство Пентагона, дабы обсудить печальное ближайшее будущее. И честно описал мрачные перспективы:

«Я придерживаюсь мнения, что бюджетное давление, с которым мы сталкиваемся, возникло не вследствие сознательного политического стремления сократить расходы на оборону или каким-либо образом уменьшить бремя наших глобальных обязательств. Думаю, причиной всему достаточно популистская точка зрения: мол, федеральное правительство слишком вольно распоряжается деньгами налогоплательщиков, это нужно прекратить, а мы, как часть администрации, обязаны внести свою лепту в снижение расходов бюджета. Дебаты, которые мы наблюдаем сегодня, практически игнорируют последствия подобных решений и, конечно, уклоняются от сколько-нибудь взвешенного обсуждения вариантов политики. Как я уже говорил, в этих спорах больше математики, чем стратегии и политики… Если государство примет решение сократить расходы на оборону, мы, разумеется, мы будем соблюдать и выполнять это решение в меру своих возможностей. Но мы обязаны сделать все от нас зависящее, чтобы предоставить обществу анализ последствий такого решения, равно как и определить, какие именно сокращения допустимы и не поставят под угрозу обороноспособность страны и национальные интересы США».

Я добавил, что, по-моему, мы плохо справимся со своей работой, если скроем последствия крупных сокращений, «втихую» осуществив по всему министерству тысячи мелких (этакую «салями-нарезку»). Требуются внятные решения и значимые сокращения. Мы должны заставить политиков, указал я, осознать стратегические военные последствия, которыми чревата «бюджетная математика». На сей раз нужно отказаться от традиционного военного «взять под козырек» и ясно дать понять, что «так точно» никто отвечать не собирается.

Двенадцатого апреля меня пригласили к Биллу Дэйли на встречу с ним и директором АБУ Джеком Лью. Благодаря своим контактам в АБУ моя бюджетная команда узнала, что Пентагон намереваются, как говорится, поставить перед фактом нового серьезного урезания. И Лью подтвердил эту информацию, сказав, что на следующий день президент выступит с речью о бюджете и об уменьшении дефицита и объявит о сокращении расходов министерства обороны на 400 миллиардов долларов в течение десяти лет. Я был в ярости. Я ткнул пальцем в Дэйли и процедил: «Слово этого Белого дома ничего не значит!» Я напомнил им о своем соглашении в декабре 2009 года с Эмануэлем и Орзагом, а также о недавних – всего четыре месяца назад – договоренностях с президентом и Лью; оба соглашения, получается, отправлены в мусорную корзину. Еще я напомнил Дэйли о невыполненном обещании администрации профинансировать ливийскую

кампанию. «Вы не дали нам ни единого гребаного цента!» – обвиняюще воскликнул я.

В очередной раз решение, имеющее «монументальные» последствия, принималось под предлогом президентского выступления, о котором меня уведомили за день до события. Я сказал Дэйли и Лью, что это математика, а не стратегия. Что данное решение окажет сильнейшее влияние на боевой дух наших войск и отправит мировому сообществу стратегическое сообщение следующего содержания: «Соединенные Штаты возвращаются домой, пользуйтесь шансом и заключайте сделки с Ираном и Китаем». Единственный способ обеспечить подобное сокращение расходов, продолжал я, состоит в том, чтобы избавиться от «лишних» людей и снаряжения – при том что нам необходимо отремонтировать поврежденную и обновить изношенную технику, после двух-то войн, заменить устаревшие корабли и самолеты рейгановской эпохи и приобрести новые самолеты-заправщики для ВВС. Возможно, предположил я, президенту в его выступлении следует обойтись без конкретных цифр и сроков. Пусть выскажется в том смысле, что в последние два года Пентагон сэкономил около 400 миллиардов долларов за счет урезания военных программ, и министерству будет предложено сэкономить еще столько же в ближайшие десять – двенадцать лет. Пусть Обама попросит министерство оценить нашу стратегию, цели, задачи и структуру вооруженных сил и выработать на основании этой оценки рекомендации для президента.

В тот же день я встретился с президентом. Обама сказал, что страна находится в отчаянных экономических обстоятельствах и что в условиях, когда ему приходится «резать по живому» внутренние расходы, медицинское страхование и тому подобное (кстати, на момент нашего разговора почти никаких сокращений «Медикэр» и «Медикейд»[138] не случилось), он просто не вправе оставить в покое Пентагон. Президент прибавил, что в противном случае республиканцы его наверняка поймут, а вот демократы – вряд ли. Наилучшим решением, похоже, будет самоустраниться и не ввязываться в бюджетную схватку. Ведь политических дивидендов от нее не получишь. (Сколько раз на протяжении многих лет я слышал рассуждения президентов, начиная с Ричарда Никсона, о непростых решениях, принимаемых якобы на благо страны, тогда как в действительности – и это бросалось в глаза – с политических позиций все было довольно легко?) Я привел Обаме тот же аргумент, которым воспользовался в беседе с Дэйли и Лью: какие именно программы и операции президент желает заморозить? Помните, сказал я, враг не дремлет.

Предположим, что, едва мы декларируем сокращение, «Иран втянет нас в полноценную войну». Что тогда? Я не стал скрывать эмоции: «Нынешние сокращения расходов на оборону нам придется компенсировать в следующей войне кровью американцев – еще больше наших детей погибнут из-за такой политики».

Обама заявил, что вовсе не требует, чтобы Пентагон сокращал свои расходы в пропорции один к одному с внутренними расходами – в худшем случае, в пропорции один доллар к десяти. (Отмечу, что этот «односторонний» расклад существовал только на бумаге.) Спорить далее было бессмысленно, поэтому я сосредоточил внимание на том, как грамотно и адекватно сократить расходы оборонного бюджета. За несколько часов между совещанием с Лью и Дэйли и встречей с президентом мы с моими сотрудниками подготовили набросок фрагмента президентской речи, в котором «правильно расставлялись акценты». Конечно, этот фрагмент подвергся дальнейшей правке, однако, учитывая курс Обамы на бюджетную экономию, то, что президент произнес на следующий день, во многом соответствовало моим чаяниям:

«Мы должны изыскать дополнительные возможности сократить внутренние расходы и должны сделать то же самое применительно к расходам на оборону. За последние два года министр обороны Гейтс приложил в этом отношении значительные усилия, позволившие бюджету сохранить 400 миллиардов долларов в текущем и предстоящем финансовых годах. Считаю, что мы в состоянии сделать это снова. Мы должны не только всемерно повышать эффективность наших действий, но и произвести коренную переоценку миссии Америки, трезво оценить собственные силы и нашу роль в постоянно меняющемся мире. Я намерен проработать это вопрос с министром Гейтсом и Объединенным комитетом начальников штабов и приму конкретные решения относительно расходов Пентагона после завершения анализа ситуации».

Выходя из Овального кабинета, я подумал про себя, что к этому времени меня уже не будет в министерстве, но пока я должен сражаться против планируемых сокращений. Расходы на оборону составляют 15 процентов от всех федеральных расходов (а ведь они превышали 50 процентов, когда Эйзенхауэр произнес свою речь о военно-промышленном комплексе[139]), и это самый низкий процент со времен Второй мировой войны. Я не сомневался, что оборонные расходы лишь в малой степени сказываются на финансовых проблемах страны. Политическая реальность требовала урезания военных трат, но какова цена

политических игрищ для наших войск и для национальной безопасности в целом? Разве те, кто увлекается математикой, это учитывают? И обращают ли они внимание на то, что происходит в мире вокруг?

В недели, остававшиеся до моего ухода, я старался учесть интересы обеих сторон. В министерстве я распорядился провести полномасштабную ревизию военных программ, надеясь завершить ее к концу лета. Мы наметили четыре широких параметра ревизии: «повышение эффективности», то есть дальнейшее сокращение накладных расходов и урезание трат на программы, не имеющие принципиального значения; сокращение затрат на узкоспециализированные программы низкого приоритета за счет расширения «базовых» возможностей, а также уменьшение расходов на «побочные» операции вроде борьбы с наркотрафиком и наращивания боевого потенциала развивающихся стран; изменения в численности и составе наших вооруженных сил (это было труднее всего – насколько мы вправе «урезать» войска, ведущие две войны одновременно? Должны ли мы снижать численность сухопутных войск?); комплексные изменения в системе военных компенсаций и льгот. Я сказал старшим руководителям министерства, что недоволен оборонным бюджетом, который увеличивается только на коэффициент инфляции ближайшие десять лет, однако продолжал спрашивать: «С учетом того, что на плаху идут все министерства и ведомства администрации, можем ли мы обоснованно заявлять, что изъятие 400 миллиардов долларов, то бишь 7 процентов от суммы, превышающей 6 триллионов долларов и запланированной для Пентагона на следующее десятилетие, будет катастрофой и категорически недопустимо?» С начала июня я стал приглашать на совещания по этому поводу Панетту, так как ему предстояло возглавить Пентагон с 1 июля. По счастью, мы с Леоном одинаково смотрели на данную бюджетную коллизию.

Следуя распоряжениям президента в том, что касалось «внутренней кухни» Пентагона, я использовал публичные выступления в качестве министра обороны, чтобы предупредить американцев о последствиях значительного сокращения возможностей министерства обороны. В своей речи в Нотр-Даме[140] 22 мая я сказал, что мы не должны снижать нашу способность и нашу решимость противостоять потенциальным угрозам и вызовам, поскольку они в конечном счете рано или поздно станут суровой реальностью. «Если история – и религия – нас чему-то и учит, так это тому, что в мире всегда будет зло, что люди агрессивны, склонны подавлять других, стремятся утолить жажду богатства и власти, захватить чужие территории или

навязать идеологию, основанную на подчинении других и отрицании свободы для мужчин и женщин». Я заявил, что поддерживаю «мягкую» власть, дипломатию и развитие, но напомнил, что «твердой гарантией от агрессоров, диктаторов и террористов в двадцать первом веке, как и в двадцатом, выступает военная мощь, то есть численность, боеготовность и глобальность вооруженных сил Соединенных Штатов».

Два дня спустя я выступал в Американском институте предпринимательства[141], консервативном «мозговом центре» в Вашингтоне; его представители резко критиковали мои предыдущие сокращения военного бюджета. По иронии судьбы, на сей раз именно я говорил в АИП об опасности дальнейших сокращений расходов на оборону. Я сказал аудитории, что провел последние два года в попытках подготовить Пентагон к неизбежному урезанию оборонного бюджета. Если взглянуть на программы модернизации, заявил я, «пресловутый низко висящий плод – то есть вооружение и программы, которые считаются наиболее сомнительными, – уже не только сорвали, но и раздавили, если не сказать растоптали». Остались лишь насущные потребности. Эти программы, предупредил я, нужно сохранить любой ценой, «если, конечно, политическое руководство нашей страны не рассматривает возможность кардинального уменьшения роли Соединенных Штатов» в обеспечении глобальной безопасности. Я призвал избегать тотальных сокращений – «простейшего и политически целесообразного подхода как внутри Пентагона, так и за его пределами» – и сказал, что предстоящие решения по бюджетным расходам должны опираться на «жесткие, но взвешенные варианты», учитывающие приоритеты, стратегии и риски. Хуже всего – значительно сократить бюджет, сохранив существующую структуру вооруженных сил; это приведет, заметил я, к своего рода «выхолощенной» армии конца 1970-х – плохо обученной, плохо оснащенной и плохо подготовленной. Пентагону следует быть честным с президентом, конгрессом и американским народом: сокращение расходов на оборону означает, что теперь у нас меньше возможностей делать что-либо полезное. «Уклоняться от обсуждения рисков и последствий – и от жестких решений, из него вытекающих, – я предлагаю считать управленческой трусостью».

Ревизия военных программ завершилась уже под руководством Панетты и Демпси, была предложена «дорожная карта» дальнейших сокращений. Эта ревизия оказалась критически важной, поскольку закон о бюджетном контроле, принятый конгрессом и подписанный президентом в августе 2011

года, декларировал сокращение расходов на оборону на 485 миллиардов долларов в течение десяти лет, и в результате «бюджетного секвестра» сулил армии дополнительные урезания почти на 600 миллиардов долларов. Математика, а не стратегия, в конце концов одержала верх.

* * *

Как я отмечал выше, система глобальной безопасности становится все более комплексной и непредсказуемой, в некоторых случаях «прорывается» региональными кризисами и постоянно «разнообразит» военные проблемы и вызовы. Военные возможности наших давних союзников быстро снижаются, а возможности потенциальных противников неуклонно растут. Тем не менее потребности и обязанности США в сфере безопасности остаются глобальными. Прежде значительное сокращение расходов на оборону после крупных конфликтов, в том числе после окончания «холодной войны», проводилось потому, что мир, как казалось, меняется к лучшему – по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Но в 2011 году ни положение в мире, ни состояние наших вооруженных сил не оправдывали существенное уменьшение расходов на оборону.

Проблема с оборонным бюджетом, на мой взгляд, заключалась не в суммах, а в том, как тратятся средства. Нельзя сказать, что у нас слишком много самолетов, кораблей, подводных лодок, танков и солдат; скорее, мы «впихиваем» все доступные технологии во все предметы военного снаряжения, а затем вдруг выясняем: оказывается, они настолько дорогие, что мы можем приобрести их лишь в небольших количествах. Пентагон не соблюдает служебную дисциплину, у него хватает программ, которые откровенно фантастичны, просрочены или чрезмерно дороги. Мы расходуем чересчур много денег на снаряжение и услуги, которые имеют только косвенную ценность (если имеют вообще) для военного потенциала страны. Конгресс требует от военных ведомств содержать лишние базы и объекты и закупать технику, которая больше не нужна войскам или попросту устарела. И расходы на содержание военнослужащих, набираемых в вооруженные силы по принципу добровольности, тоже стремительно растут: одни траты на здравоохранение увеличились за последние десять лет примерно с 12 до почти 60 миллиардов долларов.

Мои попытки в 2009–2011 годах урезать или ликвидировать «слабые», избыточно дорогие и ненужные программы и отыскать

«эффективные решения» сводились, по сути, к стремлению организовать оборонный бюджет более рационально, чтобы больше денег вкладывалось в развитие реального военного потенциала. Если бюджет сократят, а проблемы, которые я только что описал, предпочтут «не заметить», нас ожидают катастрофы и трагедии. И когда начнется следующая война – а она непременно начнется, – наши мужчины и женщины в военной форме заплатят страшную цену за управленческую трусость, политическую ограниченность и недальновидность.

Мои последние поединки: завершение двух войн

Я уступил в дискуссии по Ливии. И проиграл битву за бюджет. Предыдущие четыре года были непростыми, но в целом успешными. Зато в последние шесть месяцев моего пребывания в должности все как будто складывалось против меня.

С начала 2011 года мы пытались урегулировать продолжающиеся внутрииракские разногласия по составу правительства, боролись с увеличением числа нападений на наше посольство и другие цели (террористы использовали полученные от Ирана самодельные ракетные снаряды, сокращенно СРС) и строили планы военного присутствия США в Ираке после 2011 года.

СРС, конечно, не угрожали тем успехам в обеспечении безопасности, которых нам удалось добиться, но они вполне могли увеличить число потерь американского контингента; вдобавок их применение показывало, что местные экстремисты при поддержке Ирана осознанно выцеливают наших военных и дипломатов. Иракцы почти не старались остановить нападения. В январе в ходе видеоконференции я спросил генерала Остина, нашего командующего в Ираке с предыдущего сентября, обладает ли он необходимыми полномочиями для преследования и уничтожения тех, кто выпускает по нас СРС. Он ответил, что многократно беседовал с иракцами, но результата до сих пор нет, и, наверное, следует взять эту миссию на себя. Я сказал: «Если представится возможность, действуйте без колебаний». И попросил составить для меня список мер, которые возможно предпринять против иранцев и их приспешников в Ираке. Война с Ираном из-за его ядерной программы меня не прельщала, но я не собирался терпеть тот факт, что иранцы убивают наших солдат в Ираке.

Той весной, однако, основным вопросом применительно к Ираку был масштаб военно-дипломатического присутствия США в

стране после 31 декабря, когда – в соответствии с соглашением Буша-43 и Малики – все наши войска должны покинуть Ирак. Продолжение военного присутствия Америки, в любой форме, требовало нового соглашения с иракцами. 31 января я встретился с Майком Малленом, Остином и нашим послом в Ираке Джимом Джеффри. Остин и Джеффри сообщили, что Малики обеими руками за сохранение военного присутствия США после декабря, но сомнительно, что он получит одобрение Совета представителей и что иракский парламент ратифицирует статус сил (правовую основу дислокации наших войск за рубежом). Вообще-то, прибавил Остин, все ключевые иракские лидеры желают дальнейшего военного присутствия США, но, как и в 2008 году, никто не хочет брать на себя политические риски и рассуждать об этом публично. Джеффри уточнил, что он рассчитывает примерно на 20 000 человек по линии Госдепартамента после декабря, и многие из этих людей займутся обеспечением безопасности.

Второго февраля, в разгар египетского кризиса, главы министерств и ведомств собрались в Ситуационном центре, чтобы обсудить ситуацию в регионе. Я отметил, что контингент численностью 40 000 американцев – 20 000 гражданских специалистов и 20 000 военнослужащих – «продавить» будет сложно как в Вашингтоне, так и в Багдаде. Маллен сказал, что Остин поговаривает об уменьшении численности контингента, но, по самым оптимистичным оценкам, переходный период в Ираке затянется еще на три – пять лет. Мы договорились, что, если получится остаться, упор нужно делать на разведку, ПВО, материально-техническое снабжение и активизировать борьбу с терроризмом.

На совещании принципалов я воскликнул: «Ух ты!» – когда мы быстро перешли к выяснению подробностей. В первую же очередь следовало рассмотреть основные вопросы, в том числе – все ли согласны, что американское военное присутствие в Ираке сохранится и после 31 декабря? (Я был за, разумеется.) В какой степени планы Госдепа на «после 31 декабря» зависят от этого военного присутствия? Как быть, если конгресс не одобрит выделение средств на программу Госдепартамента? Как это часто бывает, сказал я, не успели мы обсудить основные вопросы, а ШНБ уже занялся своим излюбленным микроменеджированием.

В определенном отношении, как и в афганских дебатах осенью 2009 года, я разошелся во взглядах и с политическими советниками Белого дома, и с военным командованием. Признавая наличие серьезных политических трудностей, я продолжал верить в то, что существенное военное присутствие

США после 2011 года необходимо для поддержания стабильности в Ираке, обучения местных сил безопасности и четкого указания нашим друзьям в регионе – и Ирану, – что мы не бросаем Ирак на произвол судьбы. Соответственно я попросил Остина подготовить варианты сокращения численности контингента до уровня менее 20 000 человек. Он в середине марта предложил на выбор 15 000 солдат (эта численность вынуждала отказаться от любого присутствия США в Южном Ираке) и 10 000 солдат (что существенно снижало возможности по поддержке гражданских усилий нашего посольства). Кроме того, последнее число означало практически полное отсутствие американских войск на политической демаркационной линии возле Киркука между центральным правительством Ирака и курдами – а ведь в этой области по-прежнему тлели конфликты, чреватые вспышками насилия. Кроме того, требовалось обеспечить вертолетами и наших военных, и особенно посольство, поскольку передвигаться по Ираку на автомобилях для гражданских лиц все еще было слишком опасно.

В начале апреля я совершил свой четырнадцатый и последний визит в Ирак. Конечно, поездка заставила задуматься, сколь многого мы добились в Ираке за минувшие четыре с половиной года – и чего стоили наши успехи. Я прилетел в Багдад из Саудовской Аравии, и меня переправили на вертолете в зону размещения почетных гостей. Пролетая над городом, я поражался изменениям, которые произошли в Багдаде по сравнению с декабрем 2006 года. Силы безопасности и полиция стали полностью иракскими. Автомобили стояли в пробках. Парки заполнены семьями с детьми, на рынках кипит торговля. Жизнь вернулась в прежде мертвый город.

С каждым последующим визитом моя привычная спальня во дворце, размером с баскетбольную площадку, получала то или иное новое удобство, вроде «плечиков» в шкафу. Но вот водопровод оставался все таким же примитивным. После душа на следующее утро я посмотрел на себя в зеркало и ужаснулся: мои седые волосы внезапно пожелтели. Вода в кране оказалась с какой-то примесью, я выглядел так, словно кто-то помочился на мою голову, а мне предстоял целый день переговоров – и интервью с Кэти Курик из телепрограммы «60 минут»! Ирак до самого конца продолжал удивлять меня, и всякий раз – по-иному.

Помимо желания поблагодарить войска, цель моей поездки заключалась в переговорах с иракскими лидерами: им следовало решить, причем достаточно оперативно, хотят ли они, чтобы американцы остались в Ираке и после окончания текущего года. Я обсудил с премьер-министром Малики проблемы, которые

требовали настоятельного внимания: борьба с терроризмом, разведка, противовоздушная оборона, материально-техническое обеспечение, обучение, отражение возможной внешней угрозы. Отметив, что большинство иракских лидеров в частных беседах выражают поддержку планам по сохранению американского военного присутствия после 2011 года, я спросил, готов ли Малики изложить стратегию, с помощью которой намерен добиться поддержки в Совете представителей. В конце нашей встречи я предупредил, что если экстремистские группы и дальше будут убивать американских солдат, а Малики не санкционирует операции по поимке и ликвидации виновных, я поручу генералу Остину использовать наше право на самооборону и разрешу применение силы в одностороннем порядке. То же предостережение я озвучил вице-премьеру, сунниту Салеху аль-Мутлаку, и президенту Талабани. «Часы тикают, – сказал я. – Времени мало. Вам нужно определиться, хотите ли вы и после декабря дальше видеть американские войска на своей земле. Затянуть до октября не получится, даже лето – слишком долгий срок для решения». Я также напомнил Талабани, что иракским лидерам следует в частном порядке договориться между собой о том, что на публике они будут поддерживать друг друга по этому вопросу.

На встречах с солдатами часто звучали вопросы о нынешнем бюджетном кризисе в Вашингтоне и насчет слухов, что будто бы военнослужащим перестанут платить. Я отвечал: «Скажу лишь, что заплатить вам непременно заплатят. На протяжении всей истории ни одно правительство в здравом уме не отказывалось платить парням с оружием в руках».

К середине апреля президент попросил Остина изучить возможность пребывания в Ираке американского контингента численностью от 8000 до 10 000 военнослужащих и связанные с этим риски. В Пентагоне многие недовольно ворчали о слишком малой численности личного состава, сам я полагал, что при правильной организации дела этого может и хватить. Однако «перетягивание каната» в Багдаде и Вашингтоне продолжалось, и в июне, когда я уходил в отставку, вопрос о количестве солдат, которые останутся в Ираке, а также о численности гражданского корпуса при посольстве после декабря по-прежнему, как говорится, висел в воздухе.

Не знаю, сколь усердно администрация Обамы – или президент лично – побуждала иракцев к соглашению, которое допускало бы сохранение военного присутствия США в стране. Так или иначе, иракское руководство не стало искать одобрения местного парламента; следовательно, дальнейшее пребывание

американского военного контингента в Ираке после 31 декабря стало невозможным. Малики, похоже, слишком опасался политических последствий. А большинство иракцев хотели, чтобы мы ушли. Печальный поворот событий для нашего будущего влияния на Ирак и нашего стратегического положения в регионе. И победа для Ирана.

* * *

Как неоднократно упоминалось выше, в конце осени 2010 года президент поставил всех нас в известность, что хочет получить оперативную оценку афганской стратегии в декабре, но предварительные результаты намерен обсудить весной. В итоге Обама предпочел не ждать. Собрав 20 января в Овальном кабинете Байдена, Клинтон, Маллена, Донилона, Люта и меня (а также других представителей администрации Белого дома и СНБ), он приступил к обсуждению стратегии. Ключевыми стали два вопроса – начало вывода войск в июле и определение того, каким должно быть наше присутствие в Афганистане после 2014 года. Нужны ли нам базы? Будем ли мы и далее проводить контртеррористические операции? По каким критериям оценивать «готовность афганцев к самоуправлению»? Насколько многочисленными должны быть афганские силы безопасности? Сколько будет стоить их подготовка и кто ее оплатит? Что касается численности афганских сил, то Петрэус и министерство обороны предложили ориентироваться на число от 352 000 до 378 000 человек. Президент выразил недовольство, что эти цифры просочились в прессу, и снова создалось впечатление, будто военные загоняют Обаму в угол. Он задался вопросом, насколько соответствует наша стратегия «примирения» с талибами позициям Карзая и пакистанского генерала Каяни. Президент уточнил, что нам нужна политическая стратегия, которая поможет «сгладить напряженность» или, при необходимости, «обойти» Карзая и Каяни.

Ощущение было такое, словно мы вернулись назад во времени, в бурную дискуссию 2009 года. Вице-президент сразу повел себя агрессивно, заявил, что нынешняя афганская стратегия не принесет успеха ни при каких обстоятельствах, в стране нет дееспособного правительства, зато торжествует коррупция, а Пакистан по-прежнему предоставляет убежище талибам. По мнению Байдена, ни Карзай, ни Каяни не хотят видеть многочисленную афганскую армию. Я решительно возражал.

Внутренние распри вспыхнули с новой силой 1 марта, когда

Байден устроил совещание в своей резиденции, требуя резкого сокращения нашего контингента. Резиденция вице-президента – большой дом Викторианской эпохи, возведенный на территории военно-морской обсерватории США; первым из вице-президентов ее занял в середине 1970-х годов Нельсон Рокфеллер. Как всегда, Байден тепло приветствовал гостей, изображая радушного хозяина. Когда мы приступили к делу, он спросил, можно ли признать нынешнюю стратегию достаточно удачной для того, чтобы мы могли «строить планы по ускорению вывода»? Можем ли мы добиться своих стратегических целей с меньшими затратами в ближайшие два года? И снова заявил, что никому не нужна афганская армия численностью 300 000 человек или более и что наши обязательства в Афганистане ограничивают способности США «разделаться» с Ираном и Северной Кореей. Байден утверждал, что общественное мнение и конгресс все больше охладевают в отношении афганской войны. (На мой взгляд, в те пятнадцать месяцев, что минули с решения президента направить подкрепления в Афганистан, Белый дом не предпринял практически никаких усилий для изменения этой ситуации.)

«Температура» споров скакнула вверх через несколько дней, причем этот скачок в немалой степени спровоцировала телеграмма представителя США в НАТО Иво Даалдера, сообщавшая, что Петрэус якобы сказал руководству альянса: передача полномочий по обеспечению безопасности афганцам «возможна везде только» к концу 2014 года; заявление Петрэуса явно противоречило намерению президента полностью завершить к тому времени передачу полномочий. Разумеется, Обама воспринял это донесение как очередной случай нарушения военными субординации. В результате президент открыл совещание СНБ 3 марта суровым напоминанием: «Я обеспокоен появлением в прессе рассуждений о том, что 2011 год ничего не значит… Моя цель состоит в том, чтобы начать передачу полномочий по безопасности в июле 2011 года и завершить процесс к концу 2014 года. Мы оценим и скорректируем, если потребуется, темпы вывода войск, но я категорически возражаю против любых попыток уже сейчас замедлить эти темпы. Я предпочитаю двигаться влево, а не вправо, ускорять темп, а не замедлять. Я не желаю видеть рекомендации, будто бы уточняющие мои распоряжения». Обама закончил такими словами: «Если мне покажется, что мной манипулируют…» Он оставил фразу висеть в воздухе, но продолжение легко угадывалось: вы (кто бы это ни был) об этом горько пожалеете.

Я, признаться, и сам разволновался. Вообще-то неявно

обвинять Петрэуса (и, возможно, нас с Малленом) в обмане перед тремя десятками человек, собравшимися в Ситуационном центре, было со стороны президента не очень-то красиво – и не слишком уважительно по отношению к Петрэусу. Сидя на этом совещании, я размышлял: президент не доверяет своему командующему, терпеть не может Карзая, не верит в собственную стратегию и не считает эту войну своей. По его мнению, самое главное – поскорее вывести войска. А Байден продолжает подзуживать. А помощники и сотрудники администрации не упускают случая предъявить президенту новые «доказательства» чрезмерного вольнодумства Петрэуса и прочих старших военачальников.

Два дня спустя я позвонил Донилону и поделился своей обеспокоенностью: мол, вице-президент «мутит воду» по поводу Петрэуса и Афганистана. Я сказал, что Байден словно подвергает Обаму китайской пытке водой, каждый день повторяя: «Военным нельзя доверять», «Стратегия не работает», «Все напрасно», «Военные пытаются вами манипулировать». В такой обстановке просто невозможно заниматься своим делом. Как могла телеграмма Даалдера попасть к президенту, прежде чем кто-либо удосужился убедиться в ее достоверности? Я сказал Тому, что если его или президента это донесение встревожило, почему они не обратились ко мне, почему предпочли устроить шоу для тридцати человек, «прекрасно понимая, что информация наверняка просочится в прессу и все узнают, что президент устроил выволочку военным и продемонстрировал недоверие Белого дома к нашим военачальникам»?

Мой внутренний «предохранитель» постоянно, так сказать, коротило. Я взрывался – в моем собственном, тихом стиле – почти каждый день, уже далеко не только в стенах собственного кабинета перед своими сотрудниками. Как уже говорилось, я сорвал зло на Донилоне и вице-президенте на совещании по Ливии 2 марта и на главе комитета палаты представителей по ассигнованиям Билла Янга 3 марта, вплотную приблизился к открытому спору с президентом на заседании СНБ в тот же день и снова поскандалил с Донилоном 5 марта. Отчасти, думаю, меня просто-напросто изнурили ежедневные бюрократические схватки.

Острота дебатов в Вашингтоне по темпам вывода войск постепенно снизилась, и я решил получить из первых рук представление о том, как осуществляется миссия в целом. Еще я хотел обсудить с Карзаем отношения наших стран и ситуацию после 2014 года. Кроме того, требовалось успокоить афганцев – никто не собирается выводить наши войска, как говорится, в один присест, и к осени в Афганистане останется довольно много американских военнослужащих.

Напряженность в отношениях между правительством США и Карзаем достигла пика накануне моего прилета в Афганистан 7 марта: на предыдущей неделе девять афганских мальчишек погибли в результате американского авиаудара. В первый вечер моего визита мы с Карзаем долго проговорили один на один. Я извинился за гибель мальчиков и, не помню уже, в который по счету раз, описал для него экстраординарные меры, которые мы принимаем, чтобы избежать жертв среди мирного населения. Что касается передачи полномочий в сфере безопасности, я сказал, что разделяю его опасения по поводу иностранных государств и компаний, действующих независимо от афганского правительства и фактически создающих параллельные структуры власти. Я также признал факт вмешательства МССБ в повседневную жизнь афганцев. Решение заключается в том, сказал я, чтобы афганцы мало-помалу принимали на себя заботу о собственной безопасности. Пусть НАТО сосредоточится на консультировании и дает рекомендации, какие районы готовы к передаче под ответственность афганской стороны, но последнее слово, безусловно, должно оставаться за Карзаем.

Я указал, что формирование афганских сил безопасности имеет важнейшее значение для организации передачи полномочий. Соединенные Штаты выделили в бюджете следующего года 12,8 миллиарда долларов на подготовку, оснащение и содержание этих сил. Но каковы, спросил я, долгосрочные перспективы? Вероятно, со временем Афганистан сможет поддерживать небольшую регулярную армию в сочетании с крупной военизированной организацией наподобие Национальной гвардии. Я сказал Карзаю, что верю в необходимость длительного американского присутствия в Афганистане: оно принципиально важно не только для конкретной страны, но и для региональной стабильности в целом. Мы не хотим держать постоянные базы, уточнил я, но, возможно, могли бы разместиться вместе с афганскими силами безопасности. Карзай упомянул о подписании соглашения на сей счет, но я напомнил, что конгрессу понадобилось пять лет, чтобы просто ратифицировать договор о совместном использовании оборонных технологий с англичанами и австралийцами. Нет, нам нужны всего-навсего взаимные обязательства и прочное военное присутствие США.

Партнерство должно приносить пользу обеим сторонам, продолжал я, проявляя настойчивость. Мы сотрудничаем с Карзаем уже больше четырех лет, и я всегда его поддерживал и защищал. «Я прислушивался к вам, – сказал я, – когда вы жаловались на жертвы среди гражданского населения, когда

просили уважать традиции афганцев и афганский суверенитет, когда предъявляли претензии к частным охранным компаниям и, в последнее время, к командам по восстановлению экономики, работающим в провинциях». Но мои усилия не способны повлиять на ситуацию, если он станет винить нас во всех проблемах Афганистана. «Мы ваш союзник и партнер. Мы защищаем ваше правительство и спасли вам жизнь. Ваши критические замечания осложняют долговременные отношения, более того – вредят им как в Соединенных Штатах, так и везде». Забегая вперед, я сказал, что мы должны работать вместе над передачей полномочий и над кризисом в Кабульском банке. В феврале Декстер Филкинс опубликовал в «Нью-Йорк таймс» громкий материал с разоблачением деятельности этого банка. Я сообщил Карзаю, что невозможно просто проигнорировать эту статью или обвинить автора в клевете, равно как и не следует взваливать вину за разграбление банка на аудиторов, которые долго ничего не замечали, или, тем паче, на Соединенные Штаты или международное сообщество. Если он не решит эту проблему или если продолжит «виноватить» нас, это подорвет все усилия по формированию и поддержанию стратегического партнерства. Я сказал, что «банковский вопрос» предоставляет «президенту Афганистана отличную возможность встать на защиту своего народа». И предупредил не впервые, что его окружают люди, которые играют на его слабостях и тревогах, которые пытаются заставить его злиться на нас и ссориться с нами, которые, наконец, рождают бесчисленные (и глупые) теории заговора.

Ответы Карзая в ходе встречи и затем на ужине заставили меня задуматься – а слушал ли он вообще кого-либо, кроме озабоченных мнимыми заговорами? Он сказал, что слышал, будто Соединенные Штаты желают ослабить Афганистан и создать вместо единого государства множество мелких «княжеств». Усилия США по созданию афганской полиции и сотрудничеству с местными лидерами «выглядят дестабилизирующими», добавил он. В войне с терроризмом так до сих пор и непонятно, какой Пакистан нужен Америке – сильный или слабый. Китайцы, кстати, убеждены, что Соединенные Штаты хотят укрепить власть в Афганистане, злоумышляя против Пакистана, а также использовать Индию против Китая. Какова на самом деле «истинная» американская повестка дня? Карзай довольно долго рассуждал о «радикализации» пуштунов и о том, кто за этим может стоять. Индийцы, по его словам, полагали, что «тайным кукловодом» вполне могут оказаться Соединенные Штаты или Великобритания. На все эти измышления, понимая тщетность споров и опасность возражений в зале, полном людей, я ответил

лишь, что ему «следует наладить отношения с Соединенными Штатами в самом ближайшем будущем».

До и после встречи с Карзаем я продолжительное время общался с Петрэусом, Родригесом и прочими боевыми командирами, задавал вопросы, которые, как мне представлялось, в ближайшие недели неизбежно окажутся в центре внимания в ходе дискуссий в Белом доме. Я спрашивал, каковы ожидания по поводу весенней и летней кампаний, получаем ли мы реальную поддержку от пакистанцев и как можно помешать нашим союзникам преждевременно вывести из Афганистана их подразделения.

Следующий день после встречи с Карзаем выдался эмоционально насыщенным. Я прилетел в лагерь Лезернек на юге Афганистана и посетил полевой санитарно-эвакуационный центр. Пилоты, медики и врачи рассказали мне, что они в состоянии сделать благодаря тем дополнительным ресурсам, которые мы предоставили нашим войскам, и сколько жизней им удалось спасти. Каждый день экипажи санитарных вертолетов рисковали головами, вывозя раненых с поля боя; назвать их героями – слишком мало, чтобы воздать этим людям должное. Разговор с ними убедил меня в правильности действий, предпринятых Пентагоном в данном отношении, – и вновь побудил недобрым словом помянуть тех чинуш, которые сопротивлялись инициативам по переброске дополнительных эвакуационных команд в Афганистан.

Затем я полетел в Сангин, в северной провинции Гильменд, на место самых кровопролитных сражений афганской войны. На передовой оперативной базе Сабит-Кадам меня ждали солдаты 3-го батальона 5-го полка морской пехоты. За пять месяцев, которые заняла операция по зачистке Сангина, 29 морских пехотинцев погибли и 175 были ранены – это наибольшие потери, какие понесло любое из наших боевых подразделений на этой войне. Сопровождал меня мой новый старший военный помощник, генерал-лейтенант морской пехоты Джон Келли. Его сын, Роберт Келли, оказался, увы, в числе двадцати девяти погибших морпехов. Келли отдельно от меня встретился с бойцами взвода, в котором служил его сын, и они передали ему фотографию Роберта, сделанную всего за несколько часов до гибели и подписанную всеми солдатами взвода.

Командиры в Сангине ожидали возобновления активных боевых действий летом. Я сказал прессе: «Талибы наверняка попытаются вернуть многое из того, что потеряли, и это, безусловно, будет серьезным испытанием для нас». Родригес заявил журналистам, прилетевшим вместе со мной: «Мы думаем,

что весной этого года они обнаружат значительные перемены вокруг, и вряд ли эти перемены им понравятся». А морским пехотинцам на базе Сабит-Кадам я сказал, что они «вписали потом и кровью» новую главу в книгу доблести корпуса морской пехоты. И добавил: «Каждый день я слежу за тем, что вы делаете. И каждый раз, когда вы возвращаетесь на свою базу без потерь, я возношу благодарственную молитву Небесам. А в другие дни читаю иные молитвы».

После того страшного столкновения, когда 3-й батальон в Сангине понес столь существенные потери, некоторые сотрудники Пентагона предлагали вывести подразделение с передовой. Однако боевые командиры решительно возражали – и я положился на их суждение. А на месте, на передовой базе Сабит-Кадам, подумал, что решение отозвать батальон с линии фронта было бы, возможно, одной из моих грубейших ошибок на посту министра обороны. Да, эти морпехи сильно, очень сильно пострадали. Но, несмотря на тяжелые потери, они гордились, что преуспели там, где многие другие потерпели неудачу. И гордились вполне справедливо.

Последней в ходе этого визита я посетил оперативную базу Ковалл к северу от Кандагара. С давних пор эта местность являлась оплотом талибов. Я отошел на несколько сотен ярдов от базы, побывал в соседней деревне, встретился со старейшинами и понаблюдал за тренировкой бойцов местной афганской полиции. Как упоминалось выше, Петрэус в свое время предложил набирать в полицию мужчин из окрестных деревень и обучать их основам воинской и полицейской службы, формируя таким образом локальные силы безопасности, способные при необходимости сдержать активность талибов. Бросалось в глаза, что вокруг полным-полно животных, а также, что важнее, много детей и женщин; ничего подобного я прежде в сельских районах Афганистана не видел. В стороне, ярдах в двадцати пяти, вдоль дороги выстроились солдаты; я присмотрелся повнимательнее – и убедился, что не менее половины бойцов составляют афганцы. Совет старейшин устроил приветственную церемонию, а затем я пообщался с двумя десятками местных полицейских. Кто-то из старейшин сказал, что полиция неплохо справляется и в нее начинают записываться мужчины из близлежащих деревень, – это вдохновляло.

Покинув базу Ковалл, я сообщил прессе, что очень доволен поездкой и чувствую, что «фрагменты собираются в единое целое». У меня еще мелькнула мысль, что чем ближе к схватке, тем лучше все выглядит, но я не стал ее озвучивать. Жаль, что скептики из администрации Белого дома и ШНБ не стремятся

«выехать в поле», иначе они стали бы, возможно, хотя бы чуть менее зависимыми от оценок вашингтонской разведки и мнения прессы.

После убийства бен Ладена в СМИ началась форменная истерика – дескать, этот успех позволит нам вывести войска из Афганистана намного быстрее. В апреле состоялось несколько заседаний комитета принципалов, на которых рассматривались различные вопросы, касающиеся Афганистана и Пакистана, но и на них центральной темой обсуждений был вывод войск и темпы вывода; впрочем, «генеральное сражение» развернулось позже, в июне.

Свой двенадцатый и последний визит в Афганистан я нанес в начале июня. Дома, в США, афганская война стремительно теряла популярность. 26 мая лидер демократов в палате представителей Нэнси Пелоси заявила, что американцы «выполнили свою работу», помогли афганцам «обустроиться», и «нашим парням пора возвращаться домой». Ее заявление вполне соответствовало общей позиции демократов, но и двадцать шесть республиканцев примкнули к большинству демократов палаты при голосовании за поправку, призывающую к ускорению темпов вывода афганского контингента. Поправка не прошла, голоса разделились в соотношении 215:204. Одной из моих целей в этой последней поездке была необходимость продемонстрировать с помощью прессы, что войска следует выводить постепенно, дабы не ставить под угрозу достижения, которых мы добились с таким трудом. Я предупредил Карзая, насколько ослабела поддержка войны в Вашингтоне, и укорил его – опять – за «постоянную критику».

Основная цель визита, однако, была намного, если угодно, прозаичнее: я хотел поблагодарить солдат и офицеров и попрощаться с ними. За два дня я посетил пять передовых баз, в том числе отпраздновал 6 июня годовщину «дня Д»[142] с 4-й бригадой 101-й воздушно-десантной дивизии. Я пожимал руки и фотографировался с солдатами и морскими пехотинцами – конечно, не с каждым из 2500 человек, но со многими. Утирая слезы, в завершение каждой встречи я повторял:

«Больше, чем кто бы то ни было, кроме президента, я отвечаю за то, что вы находитесь здесь. Я тот человек, который подписывает приказы о развертывании, и именно поэтому ощущение вины терзает меня каждый день. Я разделяю ваши испытания, ваши жертвы, ощущаю бремя, которое легло на ваши плечи и плечи ваших семей, так, словно это мои собственные плечи. Вы, как я считаю, – лучшие люди нашей страны. Мое восхищение, моя любовь к вам безграничны, и все вы останетесь со мной в моих мыслях и молитвах до конца моей жизни».

В первом совещании администрации Белого дома по выводу войск я участвовал по видеосвязи. Совещание получилось весьма обескураживающим. Выступающие говорили о слабости афганского центрального правительства, о недееспособности кабинета Карзая, о зависимости афганских сил безопасности от МССБ и об отсутствии прогресса в мирном урегулировании. К моему огорчению, Панетта и Клаппер заявили, что в ближайшие два года кардинальных перемен к лучшему ожидать не приходится. Петрэус рекомендовал окончательно вывести подразделения, переброшенные в Афганистан для реализации президентской стратегии, в декабре 2012 года. Байден предложил президенту вывести 15 000 человек к концу 2011 года, а оставшиеся 15 000 человек подкреплений – к апрелю 2012-го, самое позднее – к июлю, до следующего «сезона наступлений».

Я не удержался и спросил в ответ, какова все-таки наша стратегия в Афганистане: вывести войска любой ценой или добиться определенных успехов и закрепить достигнутое? Я сказал, что критики слишком сосредоточены на Карзае и центральном правительстве, что текущая ситуация намного лучше, чем было годом ранее. Война завершается, заметил я. Вывод подкреплений закончится в 2012 году, и мы полностью покинем Афганистан два года спустя.

Донилон так перепугался, что Байден убедит президента вывести весь наш контингент к апрелю либо к июлю 2012 года, что через несколько дней после моего возвращения из Афганистана организовал для меня личную встречу с Обамой. Я начал разговор с конкретных цифр – рекомендовал президенту объявить о выводе 5000 солдат между июлем и декабрем 2011 года и сообщить, что полный вывод всех подкреплений, переброшенных в Афганистан, завершится к концу лета или в сентябре 2012 года. Это ничуть не противоречит, указал я, первоначальному решению активизировать наши усилия в Афганистане на срок от восемнадцати до двадцати четырех месяцев. Подкрепления полностью развернулись на месте только с конца лета 2010 года, то есть длительность операции составила всего девять месяцев. Я сказал, что стратегия работает и не нужно судить о ней в масштабах целой страны. Четверть населения Афганистана теперь находится под защитой афганских сил безопасности, наши командиры уже оценивают местную армию куда позитивнее, чем можно предположить по донесениям разведки. Кабул ныне намного безопаснее Багдада, и именно афганцы обеспечивают безопасность своей столицы. Карзай, конечно, тот еще фрукт, но мы все равно, так сказать, собираемся начать новую жизнь, с Райаном Крокером в качестве посла США;

кроме того, мы отлично знаем, как обуздывать Карзая, и до сих пор нам это удавалось. Коалиция сильна, наши затраты существенно сократились – с 40 миллиардов долларов в 2012-м финансовом году до 25–30 миллиардов в следующем финансовом году. Это, безусловно, не бесконечная война. Нам нужно сохранять уверенность и действовать взвешенно. Разумеется, до полной стабильности в Афганистане далеко, как и в Ираке, кстати, но боевые командиры на местах, многие журналисты и руководство НАТО полагают, что мы на правильном пути. «Чем больше времени проводишь в Афганистане, – сказал я президенту, – чем ближе к фронту находишься, тем чаще встречаешь оптимистов».

Затем я проанализировал предложение Байдена вывести все подкрепления к апрелю 2012 года. Я напомнил Обаме, что вице-президент категорически возражал против решения 2009 года и никогда не задумывался о возможных последствиях провала своих планов. Я сказал, что, если Обама объявит о выводе 30 000 солдат к апрелю, это покажет афганцам, талибам, пакистанцам, нашим союзникам и всему миру, что Соединенные Штаты признали: победить в этой войне невозможно и девять месяцев активной фазы кампании прошли впустую. Если президент назовет в качестве финальной даты апрель или даже июль, весь контингент сфокусируется именно на выводе, на определении того, какие области и территории оставить без защиты, а какие прикрывать до последнего, и на стремлении уложиться в названные сроки. По этой причине все успехи активной фазы кампании во многом окажутся под угрозой прежде, чем первый солдат покинет афганскую землю. Логистика – штука сложная, подчеркнул я, а мы, получается, намерены вывести от 40 000 до 50 000 военнослужащих из Ирака к декабрю, еще 15 000 солдат из Афганистана одновременно с этим и 15 000 человек к апрелю! Вдобавок войска почти наверняка почувствуют себя обманутыми такой поспешностью: «После всех потерь они уверены, что побеждают, а мы, будто нарочно, убеждаем их, что жертвы были напрасными». Боевой дух пока высок, прибавил я, но быстрый вывод подкреплений заставит солдат поверить, что их успехи признали не заслуживающими внимания. «Я знаю, вы хотите положить конец этой войне, но как мы ее завершим – это очень, очень важно. На мой взгляд, вывести все подкрепления до осени было бы трагической ошибкой».

Байден не унимался, яростно отстаивая свою точку зрения и нападая на мотивы и замыслы высшего военного руководства. Сотрудник Белого дома по секрету рассказал мне, что Байден говорил Обаме: «Они постоянно вас подводят». Также он наседал

на Донилона, обвиняя того в «гребаной беспристрастности». По-моему, это наивысший комплимент советнику президента по национальной безопасности. Том продолжал относиться к военным крайне подозрительно, но искренне стремился поступать правильно, исходя из интересов президента и страны. Мужество, с которым он осмеливался возражать Обаме и Байдену, полагая, что они оба ошибаются, было великолепным примером честного служения стране и ее руководству.

Президент встретился с командой по национальной безопасности 17 июня. Я повторил почти все, что говорил ему наедине. Клинтон решительно заявила, что полный вывод подкреплений к апрелю или июлю 2012 года покажет, что мы покидаем Афганистан. По ее словам, это шокирует афганцев, приободрит талибов и пробудит у местного населения стремление искать новых покровителей. Да, конечно, нам придется ослабить свое присутствие в некоторых областях и вместо давления на талибов сосредоточиться на поиске политических решений. Она рекомендовала вывести 8000 солдат к декабрю 2011-го, а остальные подкрепления – к декабрю 2012 года, увязывая «темпы и структуру вывода… с прогрессом политических переговоров». Мы должны использовать вывод наших войск, указала она, чтобы «поддавить» и талибов, и афганское правительство. Президент внимательно всех выслушал и сказал, что не уверен в необходимости оставлять подкрепления в Афганистане еще на один «боевой сезон», тем более что в стране и так почти 70 000 наших военнослужащих. И обещал подумать.

Решающая встреча состоялась 21 июня, за девять дней до моего ухода в отставку. Президент вошел в Ситуационный центр, сел за стол и заявил, что намерен отозвать 10 000 солдат к концу декабря, а остальные 20 000 человек подкреплений вывести к июлю 2012 года. «А теперь попытайтесь меня переубедить», – предложил он. Петрэус и Маллен охарактеризовали риски, вытекающие из данного графика. Я сказал, что завершение вывода подкреплений к июлю означает, что эти подкрепления не будут участвовать в кампании лета 2012 года, так как подготовка к выводу лишит их боеспособности уже в апреле-мае. Вице-президент горячо ратовал за июль – «хотя сам я вывел бы войска раньше», – поскольку «боевой сезон» продлится до сентября, а следовательно, выводить подкрепления позже будет нелогично. (Я не стал спрашивать, в чем преимущества «июльской логики».)

Хиллари твердо сказала, что вся команда Госдепартамента высказывается за декабрь, но она не возражает и против сентября, благо эту дату обозначил я. (Обама, я понимал отчетливо, не

согласится на предложенный Петрэусом декабрь, а конец сентября обеспечивал нас дополнительными силами на большую часть «боевого сезона».) Панетта уточнил: аналитики ЦРУ единогласно согласились, что подкрепления должны оставаться в Афганистане до осени. Далее Леон принялся разыгрывать опытного вашингтонского политика и сказал Обаме, что, «рассуждая политически», министерство обороны, Госдепартамент и ЦРУ рекомендуют «сентябрь или более поздний срок. Неужели вы действительно хотите опередить этот график и проигнорировать мнение своих советников?» Президент объявил голосование. Клинтон, Маллен, Петрэус, Панетта, Донилон, Макдоно и я поддержали вывод подкреплений в конце сентября. Байден, Блинкен, Лют, Роудс и Бреннан высказались за вывод в июле или ранее. (И ни один человек за пределами Белого дома не разделял эту точку зрения.)

Президент решил вывести 10 000 солдат к концу декабря 2011 года и оставшиеся подкрепления – к концу лета 2012 года. Он спросил нас четверых – меня, Хиллари, Маллена и Петрэуса: «Вы готовы поддержать мое решение публично?» Все, кроме Петрэуса, ответили согласием. Дэвид же сказал, что ему через два дня предстоит процедура утверждения в сенате на пост директора ЦРУ и он уверен, что сенаторы попросят его дать профессиональную военную оценку решению президента. Он намерен сообщить им, что установленные сроки «несколько более агрессивны», чем ему бы хотелось. Президент заметил, что все в порядке и даже полезно, но затем спросил Дэвида: «Все же вы уверены в успехе? Вы согласны, что план осуществим, что мы можем вывести войска в сентябре, а не в декабре?» Петрэус, судя по его виду, был не прочь поспорить с Обамой, так что пришлось вмешаться и посоветовать ему заткнуться. Он и так получил почти все, что хотел, и мы благополучно избежали наихудшего варианта развития событий.

На следующий день президент объявил о своих решениях. И произнес следующие ободряющие слова:

«Благодаря нашим отважным мужчинам и женщинам в военной форме, нашему гражданскому персоналу, а также многим нашим партнерам по коалиции, мы достигли поставленных целей… Мы приступаем к выводу войск, к выводу с позиции силы… Цель, которую мы преследуем, достижима, и ее просто сформулировать: нет такого убежища, из которого «Аль-Каида» или ее подручные могли бы планировать нападения на нашу страну или на наших союзников… Сегодня вечером мы вздохнем спокойно, ибо накал войны ослабевает… Пусть впереди еще немало темных дней, в Афганистане налицо движение к миру

и стабильности. Длительные войны близятся к ответственному завершению… Америка, пора сосредоточиться на государственном строительстве у себя дома».

Восемь дней спустя я покинул пост министра обороны. Мой первый бой в качестве министра был за Ирак. Мой последний бой был за Афганистан. Все четыре с половиной года в министерском кресле прошли на фоне войны. Я прослужил дольше многих своих предшественников, кроме четверых, и воевал каждый день. Настало время отправиться на покой. Моя война наконец завершилась.

Глава 15
Размышления

На протяжении всех четырех с половиной лет моего пребывания в должности министра обороны президенты Буш и Обама проявляли по отношению ко мне уважение, доверие и внимание. Оба они предоставили мне возможность и честь служить своей стране. Члены конгресса, за несколькими исключениями, равно республиканцы и демократы, тоже держались со мной уважительно и любезно как наедине, так и публично. В целом СМИ оценивали мои действия на министерском посту положительно, хоть и критично, а по вашингтонским меркам их оценка была, можно сказать, необыкновенно позитивной. В составе обеих администраций мне нравилось работать со многими, и я наслаждался нашей совместной работой: будь то в Белом доме, в Совете национальной безопасности, в министерствах и ведомствах и, конечно, прежде всего в министерстве обороны. Удостоенный такого отношения (о котором многие другие старшие руководители могут лишь мечтать), причем это относится ко всем восьми президентам, кому я служил, почему же я испытывал ощущение, что постоянно воюю со всеми подряд, как уже неоднократно отмечалось на страницах этой книги? Почему я так часто злился? Почему так не хотел возвращаться в правительство и в Вашингтон?

Да потому, что, несмотря на всеобщую «приятность», добиться чего-либо внятного и вразумительного было чертовски трудно, даже в разгар двух войн. Бюрократическая инерция, сами масштабы Пентагона, внутренние конфликты в системе исполнительной власти, межпартийный разлад в конгрессе по каждому вопросу, споры вокруг оборонного бюджета, ограниченность и целенаправленная лоббистская корысть множества конгрессменов, «перетягивание каната» в Белом доме и СНБ, особенно при Обаме, стремление контролировать все и вся, мелочная опека… В результате каждый шаг, каждое действие превращались в источник потенциального конфликта и постоянного стресса – в гораздо большей степени, нежели в прежние времена, когда я занимал пост директора Центрального разведывательного управления. Я охотно ввязывался в эти схватки, особенно отстаивая интересы войск и успех их миссии; время от времени я даже, признаюсь, смаковал перспективы развития подобных конфликтов. Но постепенно «вашингтонский

синдром» стал меня утомлять, тем более что я старался воздерживаться от проявления партийных привязанностей и сохранять спокойствие и рассудительность в любых ситуациях.

Многие из этих конфликтов я описал на предыдущих страницах. Я старался честно излагать свои мысли, не скрывал ошибок и по мере сил старался быть объективным в описании поступков и мотивов других людей. Уверен, некоторые, если не многие, сочтут, что я, как говорится, перегнул палку, в особенности там, где позволял себе критику. Что ж, в завершение своих весьма личных мемуаров я хочу подняться над сугубо конкретными вопросами и поговорить о широкой «панораме событий» при двух президентах – ведь я был непосредственным участником многих процессов и событий.

Войны

Меня призвали на государственную службу, чтобы я помог спасти войну в Ираке, а позднее, как оказалось, сделать то же самое в случае Афганистана. Если коротко, меня позвали выиграть две войны, причем обе, когда я вступил в должность, велись из рук вон плохо. К моменту, когда я прибыл в Вашингтон, мы уже воевали в Афганистане дольше, чем участвовали во Второй мировой войне, а в Ираке завязли на более длительный срок, чем в свое время на Корейском полуострове. Афганистан в итоге оказался самой долгой военной операцией американской армии за пределами США, а Ирак стоит вторым в этом списке. К концу 2006 года Америку уже тошнило от войны. А конгресс просто не мог слышать это слово.

Еще не так давно разговоры о войнах велись в терминах поражений и побед. С окончания Второй мировой войны минуло почти семьдесят лет, которые наглядно продемонстрировали, что потерпеть поражение в войне по-прежнему возможно (примеры – Вьетнам и, до определенной даты, Ирак), а вот определить победу крайне сложно (подтверждением чему служат корейская война и все последующие конфликты). В декабре 2006 года я рассматривал свои задачи как простые и, скажем так, относительно скромные, но и они виделись почти недостижимыми. Полагаю, я уже объяснил, что надеялся в Ираке стабилизировать ситуацию таким образом, чтобы грядущий вывод американских войск не воспринимался как стратегическое поражение Соединенных Штатов или как катастрофа с глобальными последствиями; в Афганистане же требовалось только сформировать дееспособное местное правительство и

создать армию, достаточно сильную, чтобы не допустить возвращение талибов к власти и помешать «Аль-Каиде» снова использовать страну в качестве «стартовой площадки» для террористической деятельности по всему миру. Эти цели были скромнее, чем цели президента Буша; кроме того, я был убежден, что установление демократического правления и организация эффективного управления в обеих странах займет гораздо больше времени, чем предполагала администрация. Смею думать, что мои «минималистские» цели в Ираке достигнуты, а в Афганистане будут достигнуты в ближайшие годы.

Будь я министром обороны США зимой 2002/03 года, не уверен, что посоветовал бы президенту Бушу вторгнуться в Ирак. Поскольку меня принято именовать реалистом во внешней политике – как и моих наставников, Брента Скоукрофта и Збигнева Бжезинского, которые возражали против вторжения, – многие считают, что я высказался бы против войны или каким-то образом предотвратил катастрофу, последовавшую за победоносным началом. Но стоит ли лукавить? Кто знает, что было бы на самом деле десять лет назад? Помнится, тогда я публично поддержал решение президента. Опираясь на свой опыт аналитика ЦРУ, я, возможно, усомнился бы в донесениях разведки о наличии в Ираке оружия массового поражения. А может быть, привел бы те же доводы в пользу сохранения существующего режима и против оккупации Ирака, какие приводил перед войной в Персидском заливе в 1990–1991 годах. Безусловно, я тешу себя надеждой, что после первоначальных успехов я сумел бы предотвратить или смягчить последствия ряда катастрофических решений. Но это лишь мои догадки.

Десять лет спустя очевидны колоссальные расходы на войну в Ираке. Эта война длилась восемь лет, в боях погибли более 4000 американцев и 35 000 военнослужащих получили ранения (количество иракцев в обоих случаях намного выше), а в денежном выражении война обошлась в сумму свыше триллиона долларов. Свержение Саддама и хаос, воцарившийся в Ираке после устранения злейшего врага Ирана, привели к значительному укреплению позиций Тегерана в регионе и непосредственно в Ираке. Не могу утверждать, что был бы в состоянии предвидеть подобное развитие событий – целиком или хотя бы отчасти.

Как я часто говорил в свою бытность министром, лишь время покажет, оправдало ли вторжение в Ирак грандиозную стоимость этой операции. Исторический вердикт, подозреваю, будет зависеть от того, как станет развиваться Ирак и окажется ли свержение Саддама первой «трещиной» в монументальной «стене»

арабского авторитаризма – то есть обеспечит ли наше вторжение в Ирак свободу и стабильность на всем Ближнем Востоке. Впрочем, каков бы ни был ответ на этот вопрос, война навсегда запятнана суровой реальностью: публичное обоснование вторжения – наличие у Ирака химического и биологического оружия, а также ядерной программы – опиралось на ошибочные заключения.

Пусть президент Буш терпеть не мог подобное сопоставление, наши более поздние проблемы в Афганистане, особенно существенное укрепление талибами своего положения к тому времени, когда я стал министром обороны, в значительной степени связаны, на мой взгляд, с нашим вторжением в Ирак. Ресурсы и внимание старшего руководства были сосредоточены не на Афганистане. Цели США в Афганистане – создание боеспособной афганской армии и полиции, установление демократии, формирование минимально эффективного центрального правительства – выглядели ошеломляюще амбициозными (и исторически наивными) на фоне скудных людских и финансовых ресурсов, выделяемых на решение этих задач, особенно до 2009 года. Мы не слишком преуспели на ранних стадиях создания афганских сил безопасности. Предусмотренная изначально численность национальной армии оказалась чрезмерно малой. Мы позволяли сменявшим друг друга командующим пересматривать планы подготовки и графики передачи полномочий и упорно пытались строить афганскую армию по образцу своей, не учитывая региональные особенности и местный менталитет. В действительности подготовка начала приносить сколько-нибудь заметные плоды лишь с 2008 года. При этом мы демонстрировали поистине дремучее невежество во всем, что касалось истории и традиций ключевых племен, кланов, деревень и провинций, влиятельных семей и отдельных авторитетных афганцев.

Президент Обама просто хотел закончить «плохую» войну в Ираке, а «хорошую» войну в Афганистане свести к минимуму, существенно ограничив масштабы и продолжительность вмешательства США в афганские дела. Основная проблема Обамы, если брать Афганистан, заключалась в том, что его политические и мировоззренческие предпочтения (которые, что неудивительно, разделяли советники президента в Белом доме) вступали в противоречие с его собственной провоенной публичной риторикой (особенно в ходе избирательной кампании и даже в документах, составленных в процессе передачи президентской власти), равно как и с почти единодушными рекомендациями старших гражданских и военных советников в

Госдепартаменте и министерстве обороны, а также с афганскими реалиями.

Положительным результатом непрерывных дискуссий по поводу афганской стратегии в администрации Обамы оказалось то, что дебаты и последующие решения президента привели к осознанному сужению наших целей – и масштаба амбиций. Я давно считал это необходимым и озвучил свою точку зрения уже на собеседовании с Бушем в ноябре 2006 года.

Решение Обамы резко увеличить численность американских войск в Афганистане в конце 2009 года принималось, как я подробно описал выше, на основе ряда предположений, выдвинутых старшими советниками президента, а именно: что пакистанцев можно вынудить изменить отношение к экстремистам, что из Карзая можно «воспитать» более эффективного президента, что афганскую коррупцию можно одолеть, а репутацию афганского центрального правительства и его возможности – повысить и расширить соответственно. Препятствия на пути достижения этих целей были тщательно изучены, что и привело в итоге к решению Обамы направить подкрепления в Афганистан осенью 2009 года. Тем не менее, думаю, в администрации Обамы многие принимали желаемое за действительное, например, в отношении сотрудничества с Пакистаном или гражданской помощи афганскому правительству и афганскому народу. Когда реальных улучшений в этих «невоенных» сферах так и не произошло, нашлось немало охотников, особенно в Белом доме и Штабе национальной безопасности, объявить стратегию президента, в том числе ее военную составляющую, полностью проваленной и потребовать смены курса.

С другой стороны, я настойчиво добивался подкреплений, запрошенных Маккристалом, потому что был уверен: мои собственные «минималистские» цели можно реализовать и без сколько-нибудь значимых успехов в невоенных сферах. Если наши войска, при поддержке многочисленных и боеспособных афганских сил, сумеют обеспечить безопасность значительной части населения страны, то рано или поздно в этой стране начнут сбываться и другие ожидания. Пример Ирака научил меня простому правилу: безопасность для большинства населения может и должна предшествовать всем остальным свершениям и достижениям. Именно поэтому я возражал против стратегии борьбы с терроризмом, которую отстаивал Байден: «точечные удары» по лидерам «Талибана» вовсе не идеальная долгосрочная стратегия. По тем же причинам комбинированную стратегию (антитеррористическая деятельность плюс подавление повстанцев

для обеспечения безопасности населенных пунктов наподобие Кандагара), следовало, вероятно, более жестко локализовывать географически, уделяя меньше внимания малонаселенным районам вроде провинции Гильменд.

Многие сегодня утверждают, что изменение стратегии и связанное с этим увеличение численности контингента, утвержденное Обамой в конце 2009 года, было большой ошибкой. Я по-прежнему считаю, что это правильное решение. К 2008 году талибы восстановили свои силы и влияние в Афганистане, а Соединенные Штаты продолжали использовать тактику «контртерроризм плюс», и, как следствие, ряд территорий, особенно на юге и востоке страны, в том числе некоторые ключевые населенные пункты и экономические центры, оказались в зоне влияния или даже под контролем талибов. Несмотря на удвоение численности международного контингента в Афганистане при администрации Буша, ко времени, когда я стал министром обороны, мы не побеждали. Наша тактика вела в тупик, и это еще мягко сказано.

Развертывание более 21 000 американских военнослужащих в феврале-марте 2009 года проводилось в ответ на просьбу военного командования, поступившую на закате президентства Буша; таким образом командующие в Афганистане рассчитывали остановить очередное наступление талибов и заодно, как я уже упоминал, обеспечить хотя бы минимальную защиту участникам местных выборов того же года. Буш был готов утвердить эту заявку, но воздержался по просьбе новой президентской команды, команды Обамы. Этих же подкреплений, по мнению военных, было недостаточно для реализации стратегии – миссии – Обамы, озвученной в феврале. В начале весны мы с президентом, впрочем, как и практически все высшее руководство в Вашингтоне, в том числе в Пентагоне, думали, что вопрос с подкреплениями для Афганистана закрыт. Но оценка, произведенная летом 2009 года Маккристалом, впервые показала подлинную военную «цену» достижения целей, сформулированных Обамой.

К осени стало окончательно ясно, что альтернативные стратегии в Афганистане предполагают либо значительное увеличение сил – либо резкое сокращение нашего военного присутствия; все плюсы и минусы обоих подходов я подробно изложил в своей служебной записке Обаме в октябре 2009 года. Вопреки всем аргументам, которые мне пришлось выслушать тогда, и всем комментариям, которые я прочитал позже, я так и не получил ответов от критиков решения Обамы: никто из них не удосужился проанализировать конкретные последствия

сохранения патовой ситуации или применения совершенно иной стратегии, со значительно меньшим военным присутствием США в Афганистане. В последнем случае, кстати, никто не попробовал даже предположить, как воспрепятствовать возвращению талибов к власти на большей части, если не на всей, территории Афганистана и как помешать восстановлению позиций «Аль-Каиды». Решения декабря 2009 года и последующее развертывание подкреплений позволили нам провести ряд операций по вытеснению талибов из их убежищ и предоставили возможность организовать и провести подготовку многочисленной и боеспособной афганской армии.

Консерваторы и «ястребы» резко критиковали Обаму за намерение приступить к выводу этих подкреплений из Афганистана в июле 2011 года, а также за обещание, что все боевые американские части покинут страну, передав ответственность за безопасность населения самим афганцам, к концу 2014 года. Военные вдобавок выражали недовольство теми ограничениями численности контингента, которые установил президент. Я считаю, что Обама был прав в каждом из этих решений.

После восьми лет войны в Афганистане конгресс, американский народ и американская армия не выказывали ни малейшего желания мириться с затягиванием войны на неопределенный срок. «Война по необходимости», спровоцированная стремлением покарать виновников событий 9/11, легла тяжким бременем на нашу страну, как и война в Ираке; к 2009 году терпение общественности и конгресса фактически истощилось. Приняв предложение Карзая о дате полной передачи ответственности за обеспечение безопасности самим афганцам к концу 2014 года, президент Обама продемонстрировал всем американцам, что эта война не бесконечна. В свое время я добился дополнительного времени для осуществления «Большой волны» в Ираке, указав точные сроки вывода войск, и Обама аналогичным образом политически «подкупил» военных и гражданских чиновников – дал пять лет на завершение нашей миссии в Афганистане.

Сжатые сроки, повторюсь, в конце концов заставили нас умерить свои амбиции и сосредоточиться на достижимых целях. Я не сомневался, что мы способны заметно ослабить «Талибан» и укрепить афганскую армию и что, если не сделать этого сейчас, иного шанса у нас может и не быть. Озвученные сроки вынудили афганское правительство и местные силы безопасности активизироваться, хотя бы ради собственного выживания. Что касается тезиса, будто мы заодно сообщили талибам, как долго

им придется ждать, прежде чем вернуться, я сказал сразу, что их ожидают по меньшей мере пять лет боевых действий, в том числе против передовых западных армий, и что каждый день, который талибы станут «пережидать», еще на толику укрепит афганские силы.

Приняв решение начать вывод подкреплений в июле 2011 года, президент опирался на мнение наших командующих, которые уверяли, что смогут передать территории, отбитые у талибов, под контроль сил безопасности Афганистана в течение двух лет. Я надеялся, правда, что темпы вывода в последние шесть месяцев 2011 года будут ниже, чем те, которые в итоге определил президент. Тем не менее общая численность войск США в Афганистане так и не упала ниже уровня «до подкреплений»; такое положение сохранялось вплоть до сентября 2012 года – то есть минуло более трех лет с момента, как первый морпех из состава подкреплений прибыл в провинцию Гильменд. В целом активная фаза этой кампании в Афганистане продлилась вдвое дольше, чем в Ираке.

В Пентагоне ограничение численности контингента войск США в Афганистане до 101 000 солдат было крайне непопулярным и трактовалось как политический произвол в отношении командующего нашими частями на афганском ТВД. В особенности были недовольны руководители сухопутных войск и корпуса морской пехоты. Думаю, Обама и его постоянно подозревавшие военных во всех грехах помощники были рады ограничениям: таким образом они получали в свои руки механизм контроля военных – ведь иначе те вполне могли «протащить» в Афганистан дополнительные войска под видом «технического персонала».

Лично для меня это ограничение оказалось не более чем очередным барьером на пути к военной победе в Афганистане. Каждую неделю после начала активной фазы афганской кампании я встречался с председателем ОКНШ и начальниками штабов – и удостоверялся, что мы не намерены превышать численность войск, одобренную президентом. Еженедельные «процедуры учета» вызывали раздражение и отнимали огромное количество человекочасов, а командующие ворчали, что политики связывают им руки своими «идиотскими решениями». Но я был убежден, что без инструментов контроля численность афганского контингента будет неуклонно ползти вверх – и вовсе не из-за какого-то хитроумного и коварного плана, а просто потому, что боевые командиры будут постоянно требовать подкреплений. (Хорошо помню, как при Буше численность войск, занятых в «Большой волне», выросла с 21 500 до 30 000 человек.) Практически каждый

военачальник в истории хотел иметь больше войск для повышения шансов на победу – и сокращения потерь вследствие подавляющего преимущества (так было, например, в ходе войны в Персидском заливе). Учитывая это обстоятельство – и недоверие к военным в Белом доме, в том числе со стороны Обамы, – полагаю, ограничение численности было для президента единственным способом обеспечить себе спокойный сон, иначе бы он однажды проснулся и узнал, что в Афганистане уже 130 000 военнослужащих, а не 101 000. Хотя, конечно, это добавило в Пентагоне обид на Обаму и на Белый дом.

Исход в Афганистане еще предстоит определить. По мнению большинства специалистов, подготовка афганских военных идет по графику, мы продолжаем передавать им полномочия по поддержанию безопасности. Но именно эндшпиль десятилетней войны покажет, насколько велики шансы на достижение наших, по необходимости «ужатых» целей; совершенно не хотелось бы, чтобы все усилия и все жертвы оказались напрасными. Вопреки распространенному мнению, афганское правительство и армия удерживали власть почти два года после ухода Советов, и гражданская война началась, только когда Афганистану перестала поступать помощь от русских после распада Советского Союза. Наши шансы на успех в значительной степени зависят от скромного, но постоянного военного присутствия НАТО после 2014 года, от помощи в обучении армии и полиции, от организации материально-технического снабжения, от разведки, от обеспечения поддержки с воздуха и от проведения контртеррористических операций, а также от финансовой поддержки афганских сил безопасности. Если мы заранее сообщим о своей новой роли друзьям, врагам и «зевакам на заборе», то все поймут, что мы не намерены повторять свою стратегическую ошибку начала 1990-х годов и бросать Афганистан на произвол судьбы. На собственном опыте мы узнали последствия этой ошибки.

Военные и гражданские

Взаимоотношения между высшим военным руководством страны и гражданским ее главнокомандующим, то есть президентом, зачастую бывают весьма напряженными. Это подтверждает и мой личный опыт работы с Бушем и Обамой, и опыт предшествующих поколений на протяжении всей американской истории. Основная задача министра обороны заключается в том, чтобы помочь наладить эти отношения и

привлечь внимание президента к профессиональным военным советам (он вполне может не захотеть их слушать) и обеспечить подчинение высших офицеров распоряжениям главнокомандующего (они могут сколько угодно предлагать наилучшие и откровенные советы – и обижаться, что президент этими советами пренебрегает).

В военное время разногласия неизбежны, поскольку именно президент в конечном счете несет ответственность за успех или провал кампании и потому должен заручиться хотя бы частичной поддержкой общественности и конгресса. В конце 2006 года Буш своей властью «пересилил» командующего на ТВД, председателя ОКНШ и всех начальников штабов, а также главу регионального командования на Ближнем Востоке и в Центральной Азии (Центрком), приняв решение о начале «Большой волны». Он также сменил министра обороны, главу Центрального командования и командующего в Ираке – по сути, одновременно. Война в Ираке велась не лучшим образом, и требовались решительные действия для исправления ситуации. Обама поступил не менее смело в конце 2009 года, когда распорядился направить подкрепления в Афганистан по запросу командующего контингентом. При этом Обама отказался принять точку зрения своего вице-президента и проигнорировал внутриполитические проблемы, о которых рассуждали едва ли не все старшие сотрудники администрации Белого дома. Затем, вопреки советам генералов, он установил четкие сроки операции, дабы избежать впечатления (и потенциальной реальности) бесконечной войны и обрести политическую поддержку в конгрессе и обществе. Оба президента были готовы (по крайней мере при мне) сменять командующих, которые, как им казалось, не справлялись со своими обязанностями.

Что касается Буша, то в мою бытность министром обороны он часто расходился во мнениях со своими старшими военными советниками, в том числе в памятной истории, когда ОКНШ твердил о чрезмерной нагрузке на наши вооруженные силы, а президент требовал как можно настойчивее добиваться успеха в Ираке. Тем не менее Буш никогда (во всяком случае, насколько мне известно) не подвергал сомнению мотивы военачальников и доверял им. Обама уважал старших офицеров и всегда их внимательно выслушивал, но тоже часто не соглашался – и, главное, крайне подозрительно воспринимал все их действия и рекомендации. Буш, казалось, наслаждался обществом старших военачальников; Обама, думается, считал время, проведенное с генералами и адмиралами, неизбежным злом.

В мое пребывание в министерском кресле старшие офицеры

изрядно усугубили ту самую напряженность между военными и гражданскими, слишком часто выступая с публичными заявлениями, которые воспринимались обоими президентами как несвоевременные и неуместные и нередко порождали ненужные (а иногда и глупые) политические проблемы дома, ограничивали наши возможности за рубежом и сужали для главнокомандующего пространство для маневра. Буш неоднократно возмущался публичными высказываниями Маллена (по Ираку и Афганистану), Фэллона (по Ирану) и прочих, а Обама неоднократно критиковал Маллена, Петрэуса, Маккристала и остальных военных. При этом конгресс требует, чтобы старшие офицеры на слушаниях «делились своими личными и профессиональными оценками» по обсуждаемым вопросам. Иногда ответы офицеров и вправду выставляли президентов не в лучшем свете, но на моей памяти крайне редко случалось, чтобы кого-то из офицеров в этом укорили. Другое дело, когда они, что называется, изливали душу прессе или позволяли себе лишнее в публичных выступлениях.

Генералы и адмиралы, выступающие публично и раздражающие президента, – тут нет ничего необычного. (На ум сразу приходят Джордж Паттон и Дуглас Макартур[143].) Думаю, откровенность высших военачальников шла и будет идти на пользу стране и обеспечит общественную поддержку нашей армии и ее операциям. Но в последнее время, увы, стало чрезмерно много офицеров, которые высказываются на публике, принимая неразумные решения о том, что можно и чего нельзя говорить, выбирая неудачное время для интервью или проявляя политическую неразборчивость в СМИ. Это, конечно, не может нравиться президенту.

По каким-то причинам все больше и больше старших офицеров почему-то ищут публичности и выступают с суждениями по сугубо политическим вопросам, даже если те никак не попадают в их компетенцию (не говоря уже об опыте). Кое-кто среди сотрудников Пентагона, похоже, слишком буквально усвоил тезис, что современные военные лидеры должны быть «стратегическими коммуникаторами». Тенденция усугубилась, когда Петрэус за время войны в Ираке обрел статус суперзвезды. Получающая все большее признание теория гласит, что «распространение сообщений» – по телевидению, в интервью и речах, в служебных поездках, на открытых совещаниях и т. д. – является частью обязанностей высшего военного командования. Интересно, что когда Петрэус прибыл в Багдад, чтобы принять командование МССБ, то поправил своего подчиненного, который пожаловался на «проблему стратегической коммуникации».

Петрэус тогда сказал: «Нет такой проблемы, есть проблема отсутствия результатов». Что ж, когда под его руководством уровень насилия в Ираке резко снизился, выяснилось, что проблема стратегической коммуникации таки существует.

Привлеченная запахом денег, вокруг Пентагона со временем сформировалась целая индустрия «стратегических коммуникаций», превратившаяся в золотое дно для всевозможных консультантов, которые предоставляли свои сомнительные услуги тем, кто был готов их оплачивать. Интервью Фэллона журналу «Эксвайр» и интервью Маккристала журналу «Роллинг стоун» – всего два примера подобной стратегии, наиболее показательных – и печальных по своим последствиям. Лично я нахожусь, так сказать, на другом конце спектра и никогда не понимал, почему адмиралы и генералы так рвутся писать в «Фейсбуке» или в «Твиттере» и ведут блоги, делясь подробностями рабочих встреч, командировок и прочей «мирской хронологии». Для меня это что-то вроде снижения пафоса, будто тускнеет аура ранга и власти. Подобное в порядке вещей для политиков, университетских администраторов и руководителей компаний. Но, думаю, военные отличаются от остальных людей – по крайней мере, должны отличаться.

Когда речь заходит о напряженности в отношениях между военными и гражданскими, тут, на мой взгляд, равно виноваты политики и политиканы. Поскольку военных принято уважать, политические лидеры и гражданские назначенцы слишком часто поддаются искушению «подставить мундир», сообщить о своем решении именно через того или иного военного, ибо офицеров гораздо реже критикуют и их словам привыкли доверять. Политикам, даже в Белом доме, о таком остается лишь мечтать.

Я чувствовал себя вполне комфортно со старшими офицерами. Это люди, вместе и по отдельности, яркие, самоотверженные и преданные стране, лучшие люди, с которыми я когда-либо имел честь работать. Надеюсь, что многие из них останутся моими друзьями на всю жизнь (даже после прочтения этой книги). Из текста очевидно, что сам я придерживаюсь простого правила: кто много говорит, от того много шума; поэтому я время от времени предупреждал некоторых офицеров, а кое-кому даже выговаривал в индивидуальном порядке. Тем не менее я был уверен, что главы родов войск и другие высокопоставленные генералы и адмиралы всегда откровенны со мной, готовы не соглашаться и спорить, но все-таки соблюдают дисциплину и понимают, что я стою выше их в цепочке командования и мне, когда я принял решение, следует подчиняться. Насколько мне известно, старшие военачальники

почти не пытались «стравить» меня с прессой или с конгрессом.

Задача любого министра обороны, особенно в военное время, – соблюсти правильный баланс между формированием командного духа и поддержанием открытых, тесных рабочих отношений с высокопоставленными военными, одновременно избегая излишнего «приятельства» и панибратства. Министр должен привить культуру подотчетности. Эффективный министр не добродушный председатель правления, а скорее требовательный и жесткий исполнительный директор, ежедневная повестка которого включает вопросы жизни и смерти.

Я всегда относился к старшим офицерам с уважением. У меня имелись свои способы выказать неудовольствие: обычно я хранил чопорное молчание и мрачно смотрел исподлобья, – но вот кричать я никогда не кричал. И никогда никого не унижал и не пытался сознательно смутить. Я всегда выслушивал советы и часто корректировал собственное мнение и решения в соответствии с рекомендациями старших офицеров. Я ценил опыт начальников штабов и боевых командиров. Пит Пэйс и Майк Маллен стали отличными партнерами, и, по-моему, я не принимал сколько-нибудь серьезного решения, не посоветовавшись сначала с ними. Но все же я уволил со службы достаточно старших офицеров, и все в министерстве обороны знали: есть линия, переступать которую не следует.

Я собственными глазами видел примеры, подтверждающие правоту вековой мудрости: качества, важные для военного руководства и для успеха на войне, совсем не те же самые, которые необходимы в мирное время. На войне принципиально важны смелость, способность подстраиваться под обстоятельства, творчество, осмысленное пренебрежение правилами, умение рисковать и определенная жестокость. Но подобные качества вряд ли пригодятся офицеру в мирное время. За десять лет войны в Ираке и Афганистане слишком многие офицеры побывали на командных должностях – потому что кадровая служба в США определила их как «следующих в очереди», а не потому, что они оказались наиболее квалифицированными для этой работы. И слишком много талантливых офицеров, добившихся несомненного успеха на поле боя, были вынуждены покинуть Ирак и Афганистан чересчур рано, просто по воле безликого монстра кадровой службы. Когда страна воюет, командующим и боевым командирам на местах нужно предоставить свободу действий, чтобы они сами решали, кого увольнять, а кого просить задержаться в строю. В военное время, я считаю, процедуры мирного времени следует модифицировать, чтобы старшие офицеры в зонах боевых действий могли подбирать себе

подчиненных по собственному усмотрению. Нежелание признавать этот факт явилось, на мой взгляд, следствием менталитета мирного времени, который был свойствен всему министерству обороны США, культивировался среди старших гражданских чиновников и даже среди большинства генералов и адмиралов – пока наши парни сражались и умирали далеко от дома. Я ощутил настоятельную потребность вмешаться.

Управление министерством обороны

Министерство обороны США – крупнейшая и самая сложная организация на планете: три миллиона человек, гражданских служащих и военных, бюджет (на последний год моего руководства) свыше 700 миллиардов долларов. Почти все в Пентагоне – профессиональные карьеристы, имеющие твердые, хоть и не абсолютные, гарантии занятости. Каждый крупный департамент министерства – бюджет, закупки, политика – имеет собственное «лобби» внутри Пентагона и за его стенами. Местные и федеральные чиновники, конгрессмены, лоббисты, промышленники, отставные старшие офицеры – все они, так сказать, «гребут в свою сторону», причем нередко эти стороны – разные. И как же министру в таких условиях установить контроль, а затем разработать и осуществить программу преобразований?

Прежде всего, если министр и вправду намерен руководить Пентагоном – и реально что-то менять, а не просто «председательствовать», – нужно четко сформулировать свои планы, реалистичные и целеполагающие, и приступить к разработке стратегии по достижению конкретных целей. В одном случае достаточно обойтись убеждениями и уговорами, в другом придется, что называется, драть глотку – и так во всем. Сугубо конкретные цели, сжатые сроки, регулярные личные доклады министру – вот единственный способ заставить людей сосредоточиться на выполнении планов. В организации должны видеть, что министр лично интересуется этими вопросами, лично руководит процессом и ориентируется исключительно на практические результаты. Именно так я поступал в первые два года работы – в случаях с MRAP, со средствами РНР, с заботой о раненых и с помощью тем, кто воевал в Ираке и Афганистане. Как неоднократно упоминалось выше, я также устраивал регулярные видеоконференции с нашими командующими в Багдаде и Кабуле, чтобы узнавать напрямую о состоянии дел на фронте и при необходимости гарантировать скорейшее выполнение запросов с

мест (а также чтобы держать командиров в курсе политической ситуации в Вашингтоне). Этот подход я использовал и при обсуждении военных программ весной 2009 года, и когда понадобилось провести их повторную ревизию в 2010 году.

Реализуя стратегию изменений, министр не вправе перепоручать тяжелую работу своему заместителю – последний просто-напросто не пользуется нужным влиянием в самом Пентагоне, в Белом доме и в конгрессе. Министр должен разбираться в подробностях и в полной мере понимать суть вопросов и проблем. Задача в том, чтобы, оставаясь «наверху», откуда открывается широкая перспектива, достаточно глубоко вникать в детали и принимать взвешенные и исполняемые решения – а уже затем делегировать полномочия по их реализации. «Микрознание» не должно превращаться в микроменеджмент, но оно помогает держать людей в нужном тонусе: они сознают, что министру отлично известно, что, черт побери, происходит. Если министр обороны не станет в это погружаться, он станет свадебным генералом, будет наслаждаться всеми атрибутами своего положения – большой самолет, многочисленная свита, много пышных церемоний и речей, – но окажется в заложниках у военных ведомств, у пентагоновской бюрократии и собственных сотрудников, лишится авторитета, не сможет эффективно руководить министерством и не сумеет перестроить работу Пентагона, не говоря уже о том, чтобы перевести его на военные рельсы.

Для каждого направления работы министерства критически важны люди, занимающие высшие гражданские и «политические» посты. На предыдущих страницах я не воздал должного этим людям, которые играли и продолжают играть ключевые роли в Пентагоне и без которых не обойтись ни одному министру. Профессиональные специалисты и политические назначенцы, мужчины и женщины много и упорно работали вместе, готовя для меня брифинги и помогая находить решения, которые затем облекались в организационные формы. Я зависел от этих людей в реализации своей стратегии реформ, и они подсказывали мне конкретные тактики по осуществлению тех или иных инициатив. Их идеи, самоотверженность и навыки – важнейшие активы, которые поистине бесценны для любого министра обороны и для американского общества. Военные обучают и снаряжают наши вооруженные силы, дают профессиональные рекомендации гражданскому руководству, а при необходимости участвуют в войнах, тогда как гражданские сотрудники Пентагона выполняют гигантский объем работы, чтобы этот колосс шевелился – или замирал. Первые в списках на урезание и замораживание

заработной платы, на сокращение и отмену отпусков при дефиците государственного бюджета, эти люди составляют костяк министерства. На страницах этой книги я часто критиковал бюрократию Пентагона, но при правильном руководстве и четко заданном направлении эти государственные служащие способны свернуть горы. Любому, кто захочет реформировать Пентагон, следует помнить, что именно эти гражданские чрезвычайно важны для успеха. Я, по счастью, этого не забывал.

Конгресс

Я всегда относился к конгрессу двойственно. Говоря абстрактно, я воспринимал наш высший законодательный орган как важный противовес исполнительной власти и как гарант нашей свободы. По этой причине я долгое время был активным сторонником эффективного парламентского надзора. Став министром, я последовательно старался проявлять уважение к конгрессу и оперативно реагировать на запросы конгрессменов. И призывал своих гражданских и военных сотрудников вести себя аналогично. В начале моего пребывания на посту министра я сказал курсантам военных академий, что как офицеры они должны постоянно напоминать своим подчиненным: конгресс – один из двух оплотов нашей свободы (второй, разумеется, пресса), равноправная ветвь власти, которая в соответствии с Конституцией «созывает армию и собирает флот». Многие сенаторы и члены палаты представителей давно и верно поддерживают наших мужчин и женщин в военной форме, и мы обязаны быть «честными и откровенными» перед ними. На первом рабочем совещании в министерстве я сказал, что хочу тесных, уважительных и позитивных отношений с конгрессом. И я не забывал, что отцы-основатели создали систему власти, призванную в первую очередь оберегать свободу, а не обеспечивать государство эффективным и расторопным правительством.

Что касается повседневной деятельности, думаю, тут мы превзошли самые смелые ожидания отцов-основателей. Конгресс лучше всего видится издалека – и чем дальше, тем лучше, – поскольку вблизи производит не слишком приятное впечатление. Увы, будучи министром, я почти каждый день имел дело с конгрессом вблизи.

Как я писал ранее, у меня меньше оснований жаловаться на конгресс, чем на тех, кто подвизался в органах исполнительной власти. За четыре с половиной года комитеты по делам

вооруженных сил и по ассигнованиям, а также руководство конгресса и прочие конгрессмены, почти всегда выказывали ко мне дружелюбие и вежливость. Исключения я могу пересчитать по пальцам одной руки. Но казалось, что каждый день и едва ли не каждый контакт провоцировали конфликты, выходившие далеко за рамки ожидаемого, здорового соперничества между двумя равноправными ветвями власти.

При администрации Буша мои схватки с конгрессом затрагивали в основном темпы вывода войск из Ирака, графики и сроки и военные бюджеты. Когда при администрации Обамы мне удалось «сместить фокус» оборонного бюджета, я в полной мере ощутил противодействие и чуть ли не ежечасно возмущался откровенной лоббистской корыстью всех, кроме очень и очень немногих, конгрессменов. Любой контракт или объект министерства обороны, попадавший в сферу их интересов, сколь бы нелепым или расточительным он ни был, мгновенно оказывался неприкосновенен.

Наверное, мне стоило осознавать, во что я ввязываюсь, а так… Я постоянно изумлялся и злился, взбешенный лицемерием тех, кто наиболее яростно нападал на министерство обороны за его неэффективные и чрезмерно дорогие программы, но кто сражался изо всех сил, чтобы не допустить ни малейшего сокращения пентагоновских заказов для конкретного штата, округа или района, не важно, эффективно производство или нет, можно сэкономить или нельзя. Тем не менее поведение конгрессменов в 2009–2010 годах по большому счету доставляло только личные неудобства; зато сегодня, при глобальном сокращении государственного бюджета и урезании расходов на оборону, оно уже подрывает нашу национальную безопасность: невозможность ликвидировать ненужные программы и перебросить освободившиеся средства лишает наши фронтовые части драгоценных долларов, которые можно потратить с куда большей пользой.

Вторым источником разочарования, как легко догадаться, стал отказ конгресса выполнить свою основную работу, то есть обеспечить вооруженные силы США необходимым финансированием. С 2007 по 2011 год я представлял в конгрессе пять оборонных бюджетов, и ни единожды законопроект по ассигнованиям на оборону не был принят до начала нового финансового года. По этой причине Пентагону постоянно приходилось работать согласно «продлеваемой резолюции» – документу, который сохранял финансирование на уровне истекшего года и не позволял реализовывать новые программы. Разумеется, на управлении министерством подобная практика

сказывалась далеко не лучшим образом. На мой взгляд, конгресс откровенно манкировал своими обязанностями.

Также меня возмущали и оскорбляли постоянные форменные допросы, которые устраивали представителям исполнительной власти слишком многие конгрессмены; причем партийная принадлежность в данном случае значения не имела. Прямо-таки новая инквизиция, публичная словесная порка в присутствии прессы и телевизионных камер! Нет, острых вопросов на слушаниях вы вправе ожидать, и они вполне уместны, но вот грубость, прямые оскорбления, сознательное унижение, запугивание и нередкие нападки личного свойства со стороны конгрессменов… Нарушены почти все нормы приличия, словно бы мы приходили не на слушания в конгресс, а на заседание трибунала, где судьи, прокуроры и палачи заодно. Выглядело все так, словно большинство конгрессменов одержимы каким-то психическим расстройством, которое вынуждает их постоянно метать громы и молнии. На мою долю, признаю, выпало меньше этого квигоподобного[144] обращения, но я злился ничуть не меньше из-за того, что моральные оплеухи и пощечины доставались не мне, а моим сотрудникам, как гражданским, так и военным. Часто возникало искушение вскочить, завопить, садануть папкой с документами по столу или вообще швырнуть ее на пол. Слишком часто, сидя за свидетельским столом, я ловил себя на желании воскликнуть во весь голос: «Я, может, и министр обороны, но я также гражданин США, и ни один сукин сын в мире не смеет говорить со мной таким тоном! Я ухожу. Упражняйтесь на ком-нибудь еще». Полагаю, подобным фантазиям предавались в конгрессе все представители исполнительной власти. И потому всегда было приятно слушать, как трое бывших сенаторов – Обама, Байден и Клинтон – при случае «строят» конгресс.

Бесчеловечные, некомпетентные микроменеджеры, пренебрегающие исполнением своих основных конституционных обязанностей (например, своевременного распределения ассигнований), увлеченные лоббированием лицемеры, эгоисты, нередко ставящие свои интересы выше интересов страны, – таково мое мнение о большинстве конгрессменов США.

Потребовались поистине чрезвычайные усилия Роберта Рангела, чтобы удерживать меня от эмоциональных всплесков на слушаниях, чтобы заставить и далее совершать положенные звонки и наносить визиты вежливости, чтобы выслушивать болтовню конгрессменов и мило им улыбаться. Роберт много лет проработал в аппарате комитета палаты представителей по делам вооруженных сил, был, помимо прочего, главой этого аппарата, а потому воспринимал происходящее под иным углом зрения – к

счастью для меня и для дела. Он приучился пропускать мимо ушей оскорбительные замечания и игнорировать поведение конгрессменов (привычка – великая сила) и сосредоточился целиком и полностью на «обеспечении» доброй воли и необходимых законопроектов. Его мудрость и твердая рука отлично скрывали мои чувства, а ровный голос заглушал на Капитолийском холме мой зубовный скрежет. Ничего личного, просто политика, очередная война, каких хватало с избытком.

Рангел знал из собственного опыта (и поделился со мной этим знанием), что любой министр обороны рискует потерпеть позорное поражение в Капитолии, если не позаботится о надежной поддержке среди конгрессменов (ни в коем случае не партийной!) и не будет пользоваться их уважением. Неспешное утверждение (или отказ в утверждении) представленных министерством кандидатур, требование обязательной муторно-мелочной отчетности, установление законодательных ограничений, бюджетные голосования, длительные слушания – у конгресса немало способов сделать жизнь министра по-настоящему тоскливой. И потому на протяжении четырех с половиной лет я послушно ездил в Капитолий, встречался с тамошним руководством, беседовал с лидерами партийных фракций, общался с комитетами и отдельными конгрессменами. Я выступал на слушаниях, держался намеренно вежливо, демонстрируя тем самым, сколь хамски ведут себя иные конгрессмены. Будущим министрам не помешало бы усвоить «правила Рангела» – это пригодится в любой ситуации.

Американская политика всегда была откровенно партийной, причем эта практика восходит еще к отцам-основателям, но мы все же редко ощущали такой накал страстей, как в мою бытность министром; партийные распри мешали правительству выполнять даже базовые функции, а уж тем более решать сложные и щекотливые проблемы, стоявшие перед страной. Полагаю, это связано с непрекращающейся схваткой между конгрессом и президентом (я наблюдал сию картину и при Буше, и при Обаме), а также – с ослаблением умеренного «центра» обеих партий в конгрессе. Прогресс в Америке исторически обеспечивали мыслители и идеологи как левого, так и правого крыла, но лучшие из идей, принятые в качестве законов, рождались на основе компромисса. Ныне умеренность приравнивается к отсутствию принципиальности, а компромисс – к «продажности». Проблема гораздо глубже, чем личный антагонизм; я видел, как она нарастает, с момента своего первого появления в Вашингтоне в 1966 году. Как министру мне сильно не хватало «строителей мостов» – а большинство из них покинули конгресс вследствие

разочарования в нынешней деятельности палаты представителей и сената.

Партийный паралич, который мы наблюдаем сегодня, является результатом перемен – структурных, исторических, отчасти неподвластных правительству, – которые происходили на протяжении нескольких десятилетий, и ситуацию не исправить, просто поменяв состав конгресса. Во-первых, избирательные округа теперь сугубо партийные, благодаря чему почти все места в конгрессе – возможно, за исключением 50 или 60 из 435, – «навечно» закреплены либо за Республиканской, либо за Демократической партией. В итоге избирательные кампании превратились в партийные праймериз[145], на которых кандидатов вынуждают соответствовать «глубинным» элементам партийной идеологии.

Чтобы справляться с наиболее трудноразрешимыми и сложными вызовами, нужна последовательная стратегия, которую будут реализовывать несколько президентов и созывов конгресса подряд. А для этого требуется двухпартийность. Лучший исторический пример здесь – «холодная война», когда, несмотря на значительные расхождения в тактике и действиях, основные «контуры» стратегии сдерживания СССР оставались неизменными при девяти сменявших друг друга президентских администрациях, которые представляли обе политические партии. Ныне же партия, побеждая на выборах, стремится навязать другой стороне свою программу, прибегая к грубому политическому давлению. Компромисс пал жертвой времени, как и двухпартийная стратегия и политика, которая может и должна оставаться стабильной на протяжении ряда лет, дабы успешно преодолеть стоящие перед страной проблемы.

Вопреки общепринятому мнению, об уменьшении влиятельности «центров власти» конгресса стоит пожалеть, особенно председателям комитетов, которые, возможно, блюдут партийную дисциплину, но одновременно являются людьми, склонными к сделкам и способными обеспечить соблюдение этих сделок в рамках своих комитетов и партийных соглашений. Так называемая реформа перехода от назначения председателей комитетов исключительно на основе старшинства к их избранию по партийным спискам оказалась лекарством хуже болезни и изрядно ослабила позиции конгресса в управлении.

Еще одна перемена к худшему в конгрессе – сокращение рабочей недели до трех дней, со вторника по четверг. Минули те времена, когда конгрессмены жили в домах по соседству, сообща играли в покер или гольф и часто ужинали вместе. Их семьи знакомились между собой, нередко заводили дружбу, невзирая на

политические симпатии и антипатии. Теперь, проводя в столице от силы три дня каждую неделю, они едва знакомы даже с членами собственной партии, не говоря уже о представителях иного крыла. В этих условиях трудно завоевывать доверие и строить отношения, необходимые, чтобы добиваться цели.

Также на протяжении десятилетий происходили колоссальные перемены в качестве и роли средств массовой информации, и это тоже повод для беспокойства. Когда я впервые оказался в правительстве, почти сорок восемь лет назад, в стране доминировали три телевизионные сети и горстка газет, в значительной степени отфильтровывая наиболее экстремистские или хамские точки зрения. Сегодня, при наличии сотен кабельных каналов, блогов и других электронных СМИ, слишком часто профессиональная честность и «устаревшие» стандарты и практика журналистской работы приносятся в жертву актуальности. Любая точка зрения – в том числе откровенно экстремистская – имеет все возможности для мгновенного распространения. И, как кажется, чем язвительнее та или иная фраза, тем больше внимания к себе приковывает. Эта система, очевидно, более демократичная и открытая, но я считаю, что она огрубляет и опрощает национальный политический диалог.

Эти «опорные» элементы современной демократии и гражданского общества прочно укоренились. Но президенты и конгрессмены вовсе не беспомощны и могут справиться как с партийным параличом, так и с размежеванием. Они могли бы начать с восстановления вежливости и взаимного уважения; снова научиться слушать и слышать друг друга; строго отслеживать целенаправленное искажение фактов и не притворяться, будто им известны ответы на все вопросы, а их противники – все равно что адские демоны. И, разумеется, вспомнить, что сначала – страна, а уже потом твоя партия и ты сам.

Президенты

Трудно себе представить более разных людей, чем Джордж Буш и Барак Обама. В Америке существует вековая традиция избирать президента, славословить его в течение нескольких дней, а затем четыре или восемь лет подряд демонизировать, оскорблять – или слепо защищать. Начиная с Джорджа Вашингтона, едва ли найдется президент (это касается и тех, кого мы считаем величайшими представителями нации), который не сталкивался бы с оскорбительными нападками на свою политику, патриотизм, моральные устои, личные качества и действия на

посту главы государства. Не избежали этой участи и Буш с Обамой.

Очевидно, что с Бушем лично мне было проще. Отчасти потому, что я работал на него в последние два года его президентства, когда, за исключением «Большой волны» в Ираке, в сфере национальной безопасности почти никаких серьезных решений не принималось. Он уже, как говорится, смастерил себе кровать в истории и готовился на нее возлечь. (И совсем не переживал по поводу мнения других людей.) Он больше не собирался баллотироваться на политические должности, и точно так же намеревался поступить его вице-президент. Не помню, чтобы Буш обсуждал внутреннюю политику – разве что когда спорил с конгрессом – в качестве обоснований своих решений; впрочем, стоит отметить, что ко времени моего появления в правительстве многие из президентских советников, этих «политических гуру с острыми локотками», уже покинули правительственные коридоры. Словом, я увидел умудренного опытом президента, заходящего на последний круг политического забега. К началу 2007 года вице-президент Чейни вообще оказался «за бортом» команды, а Буш, Райс, Хэдли и я в целом соглашались друг с другом практически по всем важным вопросам.

Что касается Обамы, тут я присоединился к администрации президента-новичка, которому выпало справляться сразу с несколькими кризисами и который был полон решимости изменить отношение Америки к миру – и к войнам, что мы вели, – и с первого дня в должности помышлял о переизбрании. Внутриполитические соображения, следовательно, становились принципиальным фактором (хотя и не скажу, что решающим) при рассмотрении всех серьезных вызовов национальной безопасности, с которыми мы разбирались. Сотрудники Обамы, в том числе главы администрации Белого дома Рам Эмануэль и Билл Дэйли, а также Валери Джарретт, Дэвид Аксельрод, Роберт Гиббс и прочие, активно участвовали в процессе принятия решений по национальной безопасности; для меня подобное было в новинку, однако, думаю, в истории США наверняка найдутся прецеденты. В этих условиях, пожалуй, удивляет, сколь мало разногласий возникало среди старших членов президентской команды по национальной безопасности – по крайней мере до начала 2011 года. Афганистан, конечно, стоит особняком, но в остальных вопросах, будь то Ирак, Россия, Китай, Иран, Пакистан или Ближний Восток, мы с президентом, вице-президентом, Клинтон, Джонсом и Донилоном, как правило, «играли на одной поляне». А если расхождения во взглядах и обнаруживались, как в

отношении «арабской весны», между нами не проскакивали искры злобы и ожесточения (опять-таки в отличие от дебатов по Афганистану).

Да, нам с президентом Обамой доводилось, что называется, скрещивать мечи. В частности, разногласия по оборонному бюджету в 2010–2011 годах были явными, и мы часто обсуждали их лицом к лицу. Я понимал, что на Обаму давят серьезные экономические проблемы страны, однако меня злило, что наши с ним договоренности конца 2009 года о будущем финансировании Пентагона оказались в мусорной корзине всего через год, а новое соглашение та же участь постигла и вовсе через несколько месяцев. Наши «переговоры», если можно так охарактеризовать дискуссии между президентом и членом президентского кабинета, по поводу военного бюджета обозначили фундаментальное различие: я хотел реструктурировать расходы на оборону, чтобы повысить эффективность и укрепить дисциплину, сократить бюрократический аппарат и накладные расходы и ликвидировать ненужные программы ради сохранения и увеличения военного потенциала страны. Я нисколько не желал резать бюджет как таковой. Выше я неоднократно писал, что был уверен: современный мир, все более сложный, противоречивый и нестабильный, требует от американских военных высокого уровня боеготовности, – поэтому следует призадуматься, как лучше и умнее потратить деньги для достижения этой цели. Президент же считал, что бюджет Пентагона можно и нужно резать просто потому, что он имеется, а также потому, что такие действия обеспечат ему политическое преимущество и «моральное право» в глазах однопартийцев и сочувствующих сокращать внутренние и смежные расходы. (По крайней мере так он объяснял мне.) Я сомневался, что министерство обороны вносит основную лепту в формирование государственного долга или причастно к росту годового дефицита; события в мире вокруг заставляли, на мой взгляд, как минимум сохранять, а лучше развивать и далее наши военные возможности. Если уж без сокращения бюджета не обойтись, нужно делать это медленно, «кося глазом» на ситуацию в мире, учитывая требования национальной безопасности США.

Я никогда не конфликтовал с Обамой напрямую по поводу того, что мне (равно как и Клинтон, Панетте и прочим) виделось упертостью президента, исходившего из убеждения, будто Белый дом должен жестко контролировать все аспекты политики национальной безопасности и все операции. Администрация Обамы, безусловно, самая «централизованная» и самая «помешанная на контроле» в сфере национальной безопасности, какую я когда-либо видел после Ричарда Никсона и Генри

Киссинджера. При этом мне вполне удавалось находить общий язык с Белым домом и с Штабом национальной безопасности. Личный опыт убеждал, что крупные бюрократии редко рождают сколько-нибудь значительные новые идеи и что практически любые значимые нарушения статус-кво должны исходить от президента и его советника по национальной безопасности – вспомним Никсона с Киссинджером и «открытие» Советского Союза и Китая, Картера и соглашения в Кэмп-Дэвиде, Рейгана и контакты с Горбачевым, Буша-41 и освобождение Восточной Европы, объединение Германии и распад СССР.

Буш-43 подгонял свою администрацию поскорее принять решение о «Большой волне» в Ираке в конце 2006 года, а Белый дом Обамы и ШНБ настаивали на проведении всесторонней оценки ситуации в Афганистане в начале 2009 года. Это было вполне ожидаемо, однако, как мне представляется, основной причиной последующих затяжных дискуссий, разочарования и озлобления внутри администрации явилось то обстоятельство, что Белый дом, стремившийся все контролировать, застала врасплох просьба командующего нашими войсками в Афганистане значительно увеличить американское военное присутствие в стране. Именно эта просьба, которая удивила Белый дом (и меня тоже), спровоцировала дискуссию, каковой администрация не желала, особенно когда о ней узнали СМИ. Думаю, Обама и его советники пришли в бешенство от того, что министерство обороны и конкретно вооруженные силы «отобрали» у них управление политическими процессами и якобы угрожают поступать так и впредь. Вот откуда взялась отчасти подозрительность к военным со стороны Белого дома и ШНБ. Пентагон и военные, конечно же, не пытались сознательно лишить президента инициативы и политического контроля, но, оглядываясь назад, могу предположить, что воспринималось все именно так. Белый дом захотел увидеть в этом продуманный шаг – и увидел. Утечка информации от Маккристала и последующие публичные комментарии самого Маккристала, Маллена и Петрэуса лишь укрепили подозрения администрации. Я старался, но мне не удалось убедить президента в эфемерности и мнимости «заговора».

Я занимался вопросами национальной безопасности при четырех президентах, и с годами у меня сложилось четкое представление о надлежащих усилиях в этой сфере. Я хорошо усвоил, что пристальное внимание Белого дома и СНБ к военным операциям и тактическим деталям, как правило, контрпродуктивно (вспомним Джонсона, выбирающего цели для бомбежек во Вьетнаме), а иногда и опасно (скандал «Иран –

контрас»). И в администрации Обамы больше всего неприятностей мне доставляли не политические инициативы ШНБ, а склонность к микроменеджированию, будь то спасательная операция на Гаити, бесполетная зона над Ливией или, разумеется, Афганистан. Я регулярно сопротивлялся. Когда я сам работал в Белом доме, невозможно было даже вообразить, что сотрудник СНБ может позвонить четырехзвездному боевому командиру: такой звонок, скорее всего, стал бы причиной для увольнения этого сотрудника, – однако при Обаме это сделалось обыденным явлением. Я распорядился, чтобы командующие перенаправляли все подобные звонки в мою канцелярию. «Контролирующая мания» Белого дома при Обаме, его стремление «примазываться» к любому успеху и нежелание воздавать должное людям, которые фактически выполняли ту или иную работу, сильно задевали нас с Хиллари Клинтон.

Следует признать, что началось все до Обамы. Устойчивая тенденция к ужесточению контроля за аппаратом национальной безопасности стала очевидной с тех самых пор, как Гарри Трумэн объявил своими главными советниками по национальной безопасности государственного секретаря и министра обороны. (Я понимаю Трумэна – ведь эти посты при нем занимали Дин Ачесон[146] и Джордж Маршалл!) Но даже Трумэн изначально возражал против закона о создании Совета национальной безопасности, уверяя, что конгресс пытается навязать ему «кабинетное правительство». После Трумэна штат администрации, причастный к решению вопросов национальной безопасности, увеличился многократно. Сравнительно недавно, при Скоукрофте в начале 1990-х годов, профессиональный штат СНБ насчитывал около пятидесяти человек. Сегодня в ШНБ таких сотрудников насчитывается свыше 350.

«Одержимость» контролем в Белом доме и ШНБ при Обаме вывела микроменеджмент и оперативное вмешательство на новый уровень. Отчасти, думаю, это связано с биографиями и профессиональным опытом президентских назначенцев. На протяжении большей части моей карьеры в правительстве на руководящие должности в СНБ назначались люди, которые, возможно, имели определенные партийные симпатии, но обладали при этом крепкой внешнеполитической репутацией и имели отношение к сфере национальной безопасности до попадания в администрацию – они приходили из академических кругов (например, Генри Киссинджер, Збигнев Бжезинский, Конди Райс) или после службы в армии, в разведке, либо с опытом работы в области международной политики (например, Фрэнк Карлуччи, Джим Джонс, Колин Пауэлл, Стив Хэдли, Брент

Скоукрофт и я сам). Конечно, не обходилось без назначений, основанных на политических соображениях или на «личных обязательствах», но то были редкие исключения. Зато при Обаме руководство ШНБ составили люди – несомненно, умные, политически подкованные и чрезвычайно трудолюбивые, этакие «суперсотрудники», преимущественно выходцы с Капитолийского холма, – которые занимались вопросами национальной безопасности только по карьерной необходимости. Эти перемены, по моему мнению, объясняют очевидное непонимание важности соблюдения традиционных институциональных разграничений между Белым домом, Пентагоном и военным командованием.

«Стилистически» два президента имели больше общего, чем я ожидал. Оба чувствовали себя наиболее комфортно в окружении ближайших помощников и друзей (что логично) и в значительной степени избегали «социальных обязанностей», которые предполагает жизнь в Вашингтоне. Оба, как мне кажется, терпеть не могли конгресс и необходимость договариваться с конгрессменами, в том числе с представителями собственной партии. К сожалению, ни один из президентов не задался целью найти среди конгрессменов сторонников, союзников или друзей. Оба в итоге заслужили наихудшее из возможных отношение к себе в конгрессе, их не особенно ценили и нисколько не боялись. Соответственно ни один из президентов не мог рассчитывать на твердую поддержку в конгрессе, выходящую за рамки партийной лояльности, лоббистской корысти или политических договоренностей. Здесь они схожи с Джимми Картером и Ричардом Никсоном и сильно уступают Линдону Джонсону, Форду, Рейгану и Бушу-41. Также оба они не слишком стремились налаживать тесные личные отношения с лидерами других стран. Буш, пожалуй, преуспел чуть больше Обамы, но и ему далеко до разнообразия контактов Форда, Рейгана и Буша-41 (про Клинтона не скажу, я с ним не работал). Оба президента, короче говоря, казались мне намеренно избегающими обязательств, принципиально важных для успехов на международной арене.

Оба проявляли внимание и заботу к нашим мужчинам и женщинам в военной форме и их семьям. Оба президента – и их жены – уделяли много времени и сил, помогая раненым и семьям военнослужащих. Особенно, пользуясь случаем, хочу поблагодарить за помощь Мишель Обаму и Джилл Байден. Оба президента регулярно навещали раненых в госпиталях и встречались с семьями погибших. Никто не вправе требовать от них большего – оба в этом отношении вели себя так, как и подобает президентам США.

Со мной оба держались доброжелательно и дружелюбно, но

по-деловому. У президента Обамы, думается, было намного больше поводов злиться на меня, чем у Буша, однако по стандартам Джонсона и Никсона – чей гнев устрашал даже старших чиновников администрации, – Обама, даже раздраженный, оставался неизменно любезным, никогда не переходил на личности и не опускался до оскорблений. И его раздражение быстро проходило. Временами же, уверен, он относился ко мне лучше, чем я заслуживал.

Я наблюдал, как оба президента принимают решения, по их мнению, отвечающие интересам страны, независимо от внутриполитических последствий, зарабатывая таким образом уважение и похвалу потомков. Хотя, как я уже говорил, при Обаме политические соображения превратились в значимый фактор влияния в сфере национальной безопасности, снова и снова на моих глазах он принимал решения, от которых его отговаривали политические советники или которые не пользовались популярностью у коллег-демократов и различных групп поддержки. В целом, скажу прямо, я научился уважать обоих президентов.

О войне

До того как стать министром обороны, я воспринимал войны и все, что с ними связано, так сказать, с безопасного расстояния – из тиши кабинетов в Белом доме и в ЦРУ. Но я прочитал много книг по истории войн, о военной доблести, славе, глупостях и ужасах войны. Министерское кресло превратило абстрактное знание в реальность, тишина кабинетов сменилась потом и кровью. Я увидел воочию страшную цену войны – загубленные и потерянные жизни.

Вот несколько уроков, которые я усвоил за четыре с половиной года пребывания на посту министра обороны; не скажу, что не знал этого раньше, но мое знание, повторюсь, было абстрактным. Прежде всего война непредсказуема: едва начинают греметь выстрелы и падают первые бомбы, как сформулировал Черчилль, политический лидер теряет контроль над ситуацией. События руководят планами. Кажется, что всякая война начинается с предположения, что она будет короткой и победоносной. Почти в каждом случае, если заглянуть в глубины истории, это предположение оказывается ошибочным. Так случилось снова – в Ираке и Афганистане, где мгновенная и успешная смена режима обернулась долгим и кровавым конфликтом. Впрочем, любой, кто знаком с историей войн, вряд

ли удивится тому, что события в Ираке и Афганистане разворачивались непредсказуемо.

Почти всегда боевые действия – то есть войны – начинаются в полном неведении о противнике и о ситуации на местах. Мы, например, понятия не имели, насколько тяжело положение в Ираке, когда вторгались на его территорию и брали страну под свой контроль. Мы не понимали, что после восьми лет войны с Ираном, войны в Персидском заливе и двенадцати лет жестких санкций иракская экономика разрушена, инфраструктура уничтожена, а население запугано. «Фасад» режима Саддама ввел нас в заблуждение – это касалось и ситуации в целом, и обладания оружием массового поражения. Мы не имели ни малейшего представления о структуре власти в Афганистане – о соперничестве племен, этнических групп, провинций, городов, соседних деревень и отдельных личностей. И потому наши перспективы в обеих странах изначально были мрачнее, чем предполагалось, а наши исходные цели не соотносились с реальностью. И мы не подозревали об этом. Наше знание о ситуации и сведения разведки никуда не годились. Но мы вторглись в обе страны, не обращая внимания на свое невежество.

Ни одна страна никогда и нигде не может быть в полной мере готовой к следующей войне. Рамсфелд как-то сказал, что вы идете на войну с той армией, которая у вас есть. Но министерство обороны США бессовестно медлило с обеспечением необходимым снаряжением нашей армии и морской пехоты в Афганистане и Ираке. Эта медлительность, это отношение «дело идет своим чередом», этот менталитет мирного времени стоил Америке множества жизней.

Обычно выбирать не приходится; мы почти никогда не можем точно определить, какого рода война нам предстоит. Смешно слышать, как какой-нибудь старший офицер или политик заявляют – мол, больше никогда США не придется вести такую-то и такую-то войну. После Вьетнама наши оборонные «эксперты» дружно согласились, что никогда впредь нам не случится подавлять партизанское сопротивление, – и вот вам, пожалуйста, Ирак и Афганистан. Подобные заявления звучат, увы, и сейчас. Те, кто утверждает, что в будущем сохранятся лишь определенные виды войн, закрывают глаза и на историю, и на реальность: наши враги, как я уже говорил, всегда горазды на сюрпризы. За сорок лет, прошедших после Вьетнама, мы неоднократно пытались предугадать, где произойдет следующий конфликт, и всякий раз ошибались, даже на отрезке в шесть месяцев; список промахов длинный – Гренада, Гаити, Панама, Ливия (дважды), Ирак (дважды), Афганистан, Балканы, Сомали… Когда речь заходит о

прогнозировании потенциальных конфликтов, о том, какими они будут и что потребуется нашим вооруженным силам, следует умерить пыл и проявлять намного больше смирения.

Войну значительно проще начать, нежели завершить – как я, надеюсь, убедил вас своей книгой. Те, кто требует «стратегии выхода» или спрашивает, что произойдет, если исходные предположения окажутся неверными, редко получают место за столом переговоров; их голоса тонут в громких призывах действовать решительно и незамедлительно – как это было при вторжении в Ирак, при вмешательстве в во внутренние дела Ливии и Сирии, при обсуждении бомбардировок иранских ядерных объектов. Аргументы против военных действий почти никогда не касаются возможностей, они подвергают сомнению мудрость военного решения. Петрэус обронил в начале своего командования в Ираке: «Скажите мне, как все закончится». Слишком часто этот вопрос даже не задают, не говоря уже о том, чтобы дать на него ответ.

Пребывание на посту министра обороны укрепило мое убеждение в том, что в последние десятилетия американские президенты, столкнувшись с какой-либо проблемой за рубежом, излишне охотно хватаются, так сказать, за пистолет – то есть прибегают к военной силе, игнорируя все реалии, описанные выше. Вместо этого им, как мне кажется, стоило бы последовать примеру президента Дуайта Эйзенхауэра. Во время его президентства Советский Союз обзавелся термоядерным оружием, Китай превратился в ядерную державу, и зазвучали призывы к превентивной ядерной войне против обеих стран; Объединенный комитет начальников штабов единогласно рекомендовал применить ядерное оружие для поддержки французов во Вьетнаме; произошло несколько конфликтов с Китаем из-за Тайваня; не забудем и войну на Ближнем Востоке, революцию на Кубе, восстания в Восточной Германии, Польше и Венгрии. И все же Эйзенхауэр согласился на перемирие в Корее летом 1953 года, и до конца его президентского срока не погиб больше ни один американский солдат.

У нас избыток идеологий и идеологов, которые ратуют за использование американской армии в качестве первого и единственного варианта, а не крайнего средства. Слева раздаются крики об «ответственности по защите» как оправдании военной интервенции в Ливии, Сирии, Судане и других странах. Справа же нежелание президента использовать военную силу в Ливии, Сирии и Иране признается отказом от американского господства и симптомом «мягкой» внешней политики. «Разворот» Обамы в сторону Азии почти целиком характеризуется в военных

терминах, противопоставляемых экономическим и политическим приоритетам. И поэтому остальной мир видит Америку прежде всего милитаристской державой, всегда готовой запустить свои самолеты, направить крылатые ракеты и ударные беспилотники на территории суверенных государств.

Я твердо верю, что Америка должна и далее выполнять свои глобальные обязательства. Мы – «незаменимая нация[147], и лишь малая часть международных проблем может быть успешно решена без нашего участия. Но мы должны осознать, что в нынешнем суровом и сложном мире существуют пределы возможностей США – по-прежнему самой могущественной и самой великой страны на земле. Наше глобальное военное доминирование служит гарантом мира и стабильности во многих регионах и должно оставаться таковым. Но далеко не каждый инцидент, акт агрессии или кризис должны вызывать американский военный ответ.

Я писал в своей первой книге, в 1996 году, что вопреки общепринятому мнению большинство «голубей» в Вашингтоне составляют военные. Это объяснимо: наши военачальники прекрасно знают, сколь тяжелы и непредсказуемы войны, они слишком часто посылали солдат на смерть, чтобы беспрекословно выполнять невнятные или нереалистичные президентские приказы, при слабой политической поддержке, которая и вовсе исчезает, едва ситуация ухудшается или война затягивается. Именно так и было с «войной по необходимости» в Афганистане.

Еще один, последний, урок войны мы часто забываем. Мы влюблены в технологии, в те возможности, которые они обеспечивают, во все эти датчики, сенсоры, средства связи и спутники. Нажмешь кнопку в Неваде, а через несколько секунд взрывается грузовик в Мосуле. Высокоточная бомба разрушает дом справа, оставляя в целости дом слева, и так далее. Война для очень и очень многих – оборонных «экспертов», конгрессменов, чиновников администрации и американской общественности – превратилась в подобие видеоигры или кинобоевика: развлечение без крови, без боли, без вони… Но, как я сказал аудитории в Университете национальной обороны в сентябре 2008 года, война «неизбежно трагична, неэффективна и непредсказуема». Я предупредил слушателей, что следует скептически воспринимать всякие системные анализы, компьютерные модели, теории игр и доктрины, которые свидетельствуют об обратном. «Игнорируйте любые идеализированные, победные и этноцентристские концепции грядущих конфликтов, которые пытаются извратить непреложные принципы войны – враги погибают, но наши войска и мирные жители невредимы, противники сдаются в страхе или

от шока, а то и подавленные нашим величием, а не прячутся в засадах и их не приходится выискивать, обходя дом за домом и торя кровавый путь». Я процитировал генерала Уильяма Т. Шермана[148]: «Всякая попытка сделать войну легкой и безопасной ведет к позору и катастрофе». И закончил словами генерала Джо Стилуэлла («Уксусного Джо»[149]): «Не важно, как начинается война; завершается она в грязи. Ее нужно перетерпеть – не существует короткого пути или магических трюков».

Мы должны поддерживать боеготовность и использовать наши вооруженные силы там, где ставится под угрозу наша безопасность, наши жизненные интересы или безопасность и интересы наших союзников. Но я считаю, что применение военной силы должно оставаться крайним средством, а цели следует ставить четко и реалистично (как в войне в Персидском заливе). И президентам нужно заново расширять арсенал средств национальной безопасности, учиться использовать иные инструменты, кроме молотка. Наша политика безопасности стала слишком милитаризированной, и потому президенты столь охотно применяют силу по всему миру.

Войска

Так получается, что внимание широкой публики к мужчинам и женщинам в военной форме концентрируется на противоположных концах спектра – героев превозносят за доблесть и мужество, а тех, кто опорочил мундир, клеймят позором и презирают. Последних, к счастью, мало. А первых, героев, не перечесть поименно при всем желании. И потом, если всех называть героями, значит, настоящих героев нет. По-моему, этим словом чрезмерно злоупотребляют. Большинство солдат во время войны исправно несут службу, выполняют свою работу умело и с достоинством, без лишнего шума или публичного признания. Конечно, не может быть никаких сомнений, что те, кто храбро сражался, кто спасал жизни своих товарищей, зачастую с риском для себя, кто был ранен и кто погиб, – вот это герои. Но как тогда именовать сотни тысяч человек, которые отправились в Ирак и Афганистан, выполняя свой долг, а затем вернулись к семьям, сохранив в памяти кошмары войны на всю оставшуюся жизнь? И что насчет санитаров, врачей и медсестер, которым пришлось выхаживать столько раненых и увечных? Что насчет пилотов, воюющих с 1991 года? Или экспертов тылового обеспечения, привыкших творить чудеса в режиме повседневной рутины? Или бойцов спецназа, для которых считаются нормой

семь-восемь-девять фронтовых командировок? Или всех солдат, которым пришлось согласиться на пятнадцатимесячные командировки? Куда бы я ни направился, везде эти мужчины и женщины стояли на страже, охраняя наш покой. Для некоторых это карьера; для всех это – призвание.

В моем сердце навсегда «зарезервировано» место для тех, кто воевал на передовой в Ираке и Афганистане. Большинству из них чуть больше двадцати, а некоторым даже меньше. Я никогда не думал, что буду нести ответственность за две войны и за благополучие тех, кто сражается в этих войнах. При каждом визите в зоны военных действий, посещая совместные посты безопасности в Багдаде или оперативные базы и полевые заставы в Афганистане, я сознавал, что на самом деле не подвергаюсь полноценной опасности, не наблюдаю мрачную фронтовую реальность без прикрас, а потому не в состоянии в полной мере оценить испытания, выпавшие на долю наших детей. И все же я видел достаточно. Мое воображение и встречи за обедом с солдатами позволили заполнить пробелы. До чего же разительный контраст! Бескорыстное служение и жертвенность – и самовлюбленность и корысть чиновников и выборных лиц дома…

Когда меня спросили в октябре 2006 года, готов ли я занять пост министра обороны, я ответил, что раз все эти дети выполняют свой долг, у меня нет выбора – я должен исполнить свой. Войска – вот причина, по которой я согласился на эту работу и по которой оставался на ней четыре с половиной года. Прозвище «солдатский министр», которым меня удостоили за заботу о солдатах, – лучшая награда, о которой только можно мечтать. Я никогда не забывал мольбу матери, обратившейся ко мне перед слушаниями по утверждению моей кандидатуры: «Ради всего святого, верните их живыми». Эта мольба руководила моими поступками, а войска меня вдохновляли. Общение с ними неизменно поднимало мне настроение, как бы низко оно ни падало.

Я пришел к убеждению, что никто побывавший в настоящем бою не покинул поле боя без шрамов, физических или душевных, по крайней мере без посттравматического стресса. Навещая раненых в госпиталях, я понимал, что они старательно храбрятся передо мной, а потом, должно быть, часами лежат без сна, изнывая в одиночестве от боли и тоски, вспоминая разбитые мечты и прежнюю жизнь. Я сам нередко просыпался по ночам от того, что мне снились солдаты и морпехи из госпиталей в Ландштуле и Бетесде или из госпиталя имени Уолтера Рида. Мне снилось, что я вхожу в палату к солдату, обнимаю его и утешаю

как могу. Не стану скрывать: дома, в уединении, я их оплакивал. И я не лукавил, отвечая на вопрос молодого солдата в Афганистане, что мешает мне спать по ночам: он и его товарищи.

Я всегда верил, что мои предшественники на министерском посту в военные годы испытывали схожие чувства к нашим мужчинам и женщинам на передовой, к раненым, погибшим и к их семьям. Но, по иронии судьбы, масштаб войн последних восьми десятилетий – считая Вторую мировую, корейскую и вьетнамскую, – и количество раненых и погибших помешали моим предшественникам установить личные связи с войсками и семьями военнослужащих, связи, которые стали настолько важными для меня. Когда во Вьетнаме ежемесячно погибали 1000 молодых американцев, читать в прессе некрологи на каждого и писать письма соболезнования родным попросту невозможно. Может быть, именно потому, что наши текущие потери были сравнительно ниже, чем в предыдущих войнах, я сумел эмоционально привязаться к войскам.

В годы Второй мировой войны генерал Джордж Маршалл однажды сказал своей жене: «Я не могу позволить себе роскошь переживаний. Мне требуется холодная логика. Переживают пусть другие». Подобное ледяное спокойствие никогда не относилось к числу моих достоинств. Из-за характера тех двух войн, которые США вели под моим контролем, я мог позволить себе «роскошь переживаний», и время от времени эмоции меня буквально захлестывали. Распоряжения о развертывании, посещение госпиталей, письма-соболезнования, участие в похоронах на Арлингтонском кладбище – все это вызывало во мне настоящую бурю чувств. Даже просто думая о солдатах на фронте, я с годами все чаще терял самообладание. И понял, что начинаю воспринимать заботу о них – прежде всего недопущение потерь – как свой наивысший приоритет. Иными словами, я становился пристрастен, и это означало, что пришло время уходить.

В последний день в кресле министра я отправил электронное письмо всем мужчинам и женщинам, которые носят американскую военную форму. Именно письмо – потому что знал, что я не смогу обратиться к ним на церемонии прощания и не разрыдаться прилюдно. Я повторил свои давние слова: «Ваши соотечественники обязаны вам своей свободой и безопасностью. Они спокойно спят ночами и реализуют свои мечты днем, потому что вы стоите на страже и защищаете их… Вы – самое лучшее, что есть у Америки. Мое восхищение вами безгранично, и я буду думать о вас и ваших семьях и молиться за вас каждый день, который мне остался на этом свете. Да благословит вас Бог».

Я имею право быть похороненным на Арлингтонском

национальном кладбище. Я попросил, чтобы мой гроб опустили в землю в секции 60, где похоронены солдаты, погибшие в Ираке и Афганистане. Это великая честь для меня – упокоиться рядом с героями, перед которыми я преклонялся и которых искренне любил.

Благодарности

Прежде всего я хотел бы поблагодарить президента Буша и президента Обаму за оказанное доверие и приглашение на государственную службу. Это величайшая честь – служить своей стране, и мне выпало удостоиться этой чести сразу от двух президентов. Я посвятил свою книгу мужчинам и женщинам из вооруженных сил Соединенных Штатов и благодарю их за вдохновение, которое они приносили мне каждый день на протяжении четырех с половиной лет. Как я уже неоднократно повторял на этих страницах, они лучшее, что есть у Америки. Также хочу поблагодарить генерала Пита Пэйса и адмирала Майка Маллена – за дружбу, за верность и за плодотворное партнерство. Мне несказанно повезло, что эти два человека работали со мной бок о бок. Нельзя желать и более творческих, более профессиональных и более дружелюбных коллег, нежели начальники штабов, представители высшего командования вооруженных сил и боевые командиры, с которыми я имел честь работать. Хочу выразить особую признательность моим старшим военным помощникам – генерал-лейтенанту Джину Ренуару, генерал-лейтенанту Питу Кьярелли, генерал-лейтенанту Дэйву Родригесу, вице-адмиралу Джо Кернану и генерал-лейтенанту Джону Келли. Каждый из них был моим наставником и другом.

Хочу поблагодарить старших гражданских руководителей министерства обороны: заместителей министра Гордона Ингленда и Билла Линна, министров армии, ВМС и ВВС, с которыми я работал, их заместителей, а также других коллег, на чьи поддержку, опыт и советы я уверенно полагался каждый день. Слова не могут в полной мере передать мою признательность сотрудникам моего аппарата, в первую очередь Роберту Рангелу и Делони Генри (которая работала при четырех министрах), равно как Джеффу Морреллу, Райану Маккарти и Кристиану Марроне и тем сержантам, которые незаметно, но эффективно управляли всеми нами.

При написании этой книги я использовал свои личные бумаги и заметки, а также материалы, подготовленные моими сотрудниками. Там, где я цитирую отрывки бесед или выступления на совещаниях, источником мне служили либо заметки одного из моих секретарей, который присутствовал на мероприятии, либо мои собственные блокноты с пометками, сделанными во время или сразу после встреч и совещаний.

Хочу поблагодарить Роберта Сторера из Пентагона, начальника отдела государственных документов и

рассекречивания, за помощь в работе с моими секретными документами, и командира и персонал авиастанции ВМС Уидби-Айленд за предоставление нам помещения для изучения этих документов. Большое спасибо еще двум сотрудникам министерства обороны – Майку Роудсу, директору административно-организационой службы, и Марку Лангерману, главе отдела по пересмотру степени секретности, за их профессионализм и оперативное прочтение рукописи и просмотр фотографий.

Отдельная благодарность старшему сержанту Тиму Брауну и первому лейтенанту Дэну Морану за разрешение использовать их фото.

Я попросил нескольких человек прочитать текст, фрагментарно или целиком, и хочу поблагодарить их за то, что они потратили на это время и силы. Спасибо, Роберт Рангел, Пит Кьярелли, Джефф Моррелл, Тэйер Скотт, Райан Маккарти, Стив Хэдли, Эрик Эдельман, Мишель Флурнуа и Гарри Роудс. Ответственность за любые ошибки в тексте, разумеется, полностью на мне.

Особая благодарность Уэйну Кабаку из агентства «Дабл-ю-эскей менеджмент», который начал представлять мои интересы двадцать лет назад и стал близким другом, советником и консультантом. Также хочу выразить сердечную признательность Джонатану Сегалу из издательства «Альфред А. Нопф» за превосходную редактуру. Было очень приятно работать с ним. Еще позвольте поблагодарить Сонни Мехта, Пола Богардса, Меган Хаузер, Чипа Кидда, Лайзу Монтебелло, Кассандру Паппас и Мишель Сомерс, сотрудников издательства, за помощь в подготовке книги.

Сердечно благодарю своего верного помощника Кита Хенсли за его содействие на завершающей стадии подготовки этой книги. Без его технических советов я бы ни за что не справился. И спасибо Биллу и Вики Ярхо и Крису и Уэнди Беланджер, нашим близким друзьям на Северо-Западе, – они много помогали нам, пока я восседал в министерском кресле.

Наконец, ни самой этой книги, ни опыта, которым я делюсь на ее страницах, не было бы без моей жены Бекки, чьи терпение и понимание в месяцы работы над текстом уступали разве что тому терпению и пониманию, с которым она воспринимала мою службу на посту министра обороны – и сорок семь лет нашего брака.

notes

Примечания

1

Техасский сельскохозяйственный и политехнический университет – исследовательский центр, флагманское научное учреждение техасской системы университетского образования, четвертый в списке крупнейших университетов США. Тесно сотрудничает с НАСА, Национальным институтом здравоохранения и Центром военно-морских исследований. Далее по тексту – Техасский университет. – *Здесь и далее примеч. ред.*

2

«Агги» («аграрии») – прозвище студентов, выпускников и членов спортивных команд Техасского сельскохозяйственного и политехнического университета.

З

Западное крыло – сленговое обозначение администрации президента США, по расположению в Белом доме; в западном крыле последнего находятся Овальный кабинет (рабочий кабинет президента), Кабинетная (офис секретарей и помощников президента), Ситуационный центр (кабинет для оперативного руководства в чрезвычайных ситуациях) и Кабинет Рузвельта (конференц-зал для рабочих совещаний).

4

Грин-карта – в США удостоверение личности, подтверждающее вид негражданина на жительство и предоставляющее право на трудоустройство.

5

Чейни Ричард (Дик) – политический деятель, министр обороны в администрации Дж. Буша-старшего, вице-президент при Дж. Буше-младшем; самый влиятельный вице-президент в истории США, по оценке газеты «Вашингтон пост».

6

Эйзенхауэровский офисный центр – офисное здание в Вашингтоне, находящееся в ведении администрации президента США. См. также примечание о Старом здании ниже.

7

По традиции гражданские лица занимают в министерстве обороны США более высокие посты, чем военные, причем нередко на ключевые должности назначаются не профессионалы, а политические соратники нового руководства.

8

«Орел» – наивысший ранг, которого может достичь скаут: для этого нужно получить 21 значок за заслуги и «продемонстрировать верность скаутскому духу, нерушимо соблюдать скаутскую клятву и закон и проявить лидерские качества» (из устава Американского движения бойскаутов).

9

Пенсильвания-авеню – улица в Вашингтоне, соединяющая Белый дом и Капитолий (здание конгресса США).

10

НАГР – также в литературе встречается название «Национальное агентство картографической разведки» (НАКР).

11

Намек на Первую мировую войну, в которую США вступили 6 апреля 1917 г.

12

Комиссия «с голубой лентой» – комиссия, составленная из уважаемых и авторитетных граждан.

13

Институт мира – государственное учреждение, созданное в 1984 г. при конгрессе США для реализации исследовательских и иных программ по предотвращению конфликтов. В 2011 г. Институт был лишен государственного финансирования и сегодня работает как независимый центр; при этом в его структуре существует отдел взаимодействия с конгрессом, задача которого – «координировать усилия по информированию и помощи конгрессу».

14

Центральное командование – формирование вооруженных сил США, зону ответственности которого составляют Средний Восток, Восточная Африка и Центральная Азия. В российской военной доктрине понятию «командование» соответствует понятие «военный округ».

15

Одиерно Рэймонд – в 2006 г. командир 4-й пехотной дивизии, затем командующий Международными коалиционными силами в Ираке (2008–2011), ныне начальник штаба сухопутных войск США.

16

Петрэус, Дэвид – американский генерал, воевал в Кувейте и в Боснии, в 2003 г. командовал 101-й воздушно-десантной дивизией, солдаты которой нашли и расстреляли сыновей С. Хусейна; в 2004 г. был назначен главой Многонационального командования по передаче безопасности в Ираке. С 2005 по 2007 г. командовал военной базой Форт-Ливенуорт, в январе 2007 г. сменил Д. Кейси в качестве командующего Международными силами в Ираке.

17

«Фэдэкс» («Федерал экспресс») – американская частная компания, предоставляющая почтовые, курьерские и другие логистические услуги.

18

Уорент-офицер – в армии США группа званий, «промежуточная» по статусу между сержантами и младшими офицерами. Эти звания делятся на 5 классов; в Российской армии званию уорент-офицера приблизительно соответствует звание прапорщика.

19

«Джаиш аль-Махди» («Армия Махди») – ополчение, составленное из сторонников шиитского религиозного лидера Муктады аль-Садра. Боевики этого движения, действовавшие преимущественно на юге Ирака, терроризировали местное население и устраивали нападения американцев, начиная с 2003–2004 гг.

20

Африканский Рог – полуостров на востоке Африки, территориально принадлежит Сомали.

21

«Бюджетная сделка» 1992 г. – соглашение между президентской администрацией и конгрессом, позволившее избежать первого в истории секвестра государственного бюджета США.

22

Совет представителей – главный законодательный орган Ирака. Согласно Конституции страны, это нижняя палата парламента, но верхняя палата до сих пор не сформирована.

23

Форт-Апачи – деревянный форт в Аризоне, где 1 сентября 1881 г. произошло сражение между кавалеристами армии США и индейцами племени апачи.

24

Стратегическое командование – структура министерства обороны США, в подчинении которой находятся стратегические ядерные силы, подразделения противоракетной обороны и космические войска.

25

Дж. Дэвис – первый и единственный президент Конфедеративных штатов Америки, фактически совмещал исполнение обязанностей президента и военного министра в годы Гражданской войны в США.

26

Главное управление военно-морских сил – ведомство в структуре министерства обороны США, которому подчинены ВМС и корпус морской пехоты. Начальник управления – гражданское лицо, имеет статус министра (поэтому в литературе на русском языке достаточно часто можно встретить термин «министерство ВМС») и подчиняется министру обороны.

27

Директор национальной разведки – советник президента США по делам разведки и глава разведывательного сообщества, которое объединяет 16 различных разведывательных служб, от ЦРУ до управления финансовой разведки при министерстве финансов.

28

У. С. Грант – полководец северян в годы Гражданской войны в США, затем президент страны.

29

Дж. Дж. Першинг – американский военачальник, участник испано-американской и Первой мировой войн, глава Генерального штаба, единственный американский офицер, прижизненно заслуживший высшее воинское звание США – генерал армий (именно так, во множественном числе).

30

Старое здание (также Дом государства, армии и флота, позднее – Эйзенхауэровский офисный центр) – здание в Вашингтоне, находящееся в ведении аппарата и Исполнительного управления (администрации) президента США. Кабинетами в этом здании пользовались многие будущие президенты Америки, от Т. Рузвельта до Дж. Г. Буша.

31

Л. А. Джонсон – второй министр обороны США (должность существует с 1947 г.), оказался замешан в финансовых махинациях с государственным оборонным заказом, вследствие чего был со скандалом отправлен в отставку после начала корейской войны.

32

Дж. К. Маршалл – американский военачальник и государственный деятель, инициатор названного его именем плана экономической поддержки Европы после Второй мировой войны, лауреат Нобелевской премии мира. Д. Д. Эйзенхауэр – американский военачальник и политик, первый Генсек НАТО, затем президент США.

33

Флаг-офицер – в вооруженных силах США ранг военачальников, которые имеют право на собственный флаг; данный термин распространяется на все рода войск, включая морскую пехоту и береговую охрану. Флаг-офицеры назначаются президентом и утверждаются сенатом. Четырехзвездные флаг-офицеры (полные генералы и адмиралы) занимают, как правило, высшие командные должности в структурах соответствующих родов войск. Трехзвездные флаг-офицеры (генерал-лейтенанты и вице-адмиралы) командуют соединениями уровня корпусов либо возглавляют управления и отделы в Пентагоне.

34

Форт-Блисс – полигон и тренировочный центр в штатах Нью-Мексико и Техас, второй по площади армейский полигон в США. В Форт-Блиссе дислоцированы 1-я бронетанковая дивизия, в 2011 г. выведенная из Германии, а также другие подразделения сухопутных войск.

35

Энсин – младшее офицерское звание в ВМС США, примерно соответствует званию мичмана.

36

Американская идиома, прочно вошедшая в современный язык; выражение часто употребляется в СМИ и в литературе. Восходит к загадке: «Где сядет (вариант – ляжет спать) горилла весом 800 фунтов?» – «Да где захочет!»

37

Комплекс «Уотергейт» в Вашингтоне включает отель, несколько административных и жилых зданий. В одном из административных зданий в 1972 г., в ходе предвыборной кампании, в офисе Демократической партии была обнаружена аппаратура для подслушивания. Так начался знаменитый Уотергейтский скандал, обернувшийся отставкой президента Р. Никсона.

38

Округ Колумбия – самостоятельная территориальная единица США на северном берегу реки Потомак, не входящая ни в один штат; границы округа совпадают с границами города Вашингтон.

39

Снарядоформирующий заряд – кумулятивный заряд с особой формой облицовки, боеприпас с так называемым ударным ядром, которое представляет собой металлический «штырь», возникающий при воздействии продуктов детонации заряда на его облицовку.

40

Центральный армейский госпиталь имени Уолтера Рида назван в честь американского хирурга, прославившегося борьбой с желтой лихорадкой. Находится в Вашингтоне, поэтому этот госпиталь нередко навещают высокопоставленные американские политики.

41

Транслитерация американской аббревиатуры JIEDDO – Joint Improvised Explosive Device Defeat Organization.

42

Данная аббревиатура (от *англ.* Mine Resistant Ambush Protected – «защищенные от мин и нападений из засад») используется в международной классификации военных транспортных средств.

43

Многоцелевой беспилотный летательный аппарат «предейтор» поступил на вооружение армии США в 1995 г. Имеет две основные версии – разведывательную и ударную, с различными модификациями для каждой. Сегодня постепенно заменяется современными разведывательно-ударными БПЛА «Рипер».

44

Английское обозначение – Task Force ODIN (Observe, Detect, Identify, Neutralize). Разведывательная эскадрилья армии США, созданная в августе 2006 г., единственное подразделение в составе американских сухопутных войск, которое использует беспилотные аппараты MQ-1C «Грейигл».

45

Ветераны американских зарубежных войн (ВАЗВ) – одна из ведущих ветеранских организаций США, объединяющая в своих рядах действующих и бывших военнослужащих, которые участвовали хотя бы в одной зарубежной операции армии США и награждены Экспедиционной медалью вооруженных сил. ВАЗВ активно занимается лоббистской деятельностью в конгрессе и пользуется большим влиянием. Американский легион – крупнейшая американская ассоциация ветеранов войны, предоставляющая «финансовую, социальную и эмоциональную поддержку» (цитата из устава Американского легиона) военнослужащим США, ветеранам и членам их семей. Членами ассоциации могут быть ветераны вооруженных сил и те, кто находится на действительной военной службе и может документально подтвердить свое участие в следующих кампаниях: Первая и Вторая мировые войны, корейская война, вьетнамская война, боевые действия в Ливане и на Гренаде (1982), в Панаме (1989), на Ближнем Востоке (1990 – по настоящее время). В публичной политике Американский легион как организация придерживается консервативных изоляционистских взглядов.

46

Война судного дня (Октябрьская война) началась 6 октября 1973 г. нападением Сирии и Египта на Израиль и завершилась через 18 дней. СССР поставлял Египту и Сирии вооружение, в Средиземном море находились советские подлодки, готовилась высадка нескольких воздушно-десантных дивизий; последнее обстоятельство заставило США объявить боевую тревогу в стратегических войсках (ядерные силы).

Так у автора.

48

История с фразой М. Олбрайт, бывшего государственного секретаря США, довольно загадочна. Сама М. Олбрайт утверждает, что никогда не говорила, будто Россия несправедливо владеет Сибирью. Упоминание о том, что М. Олбрайт якобы произносила эту фразу, имеется только в российской прессе и в блогосфере. В частности, о притязаниях США на Сибирь со ссылкой на выступление Олбрайт говорил Н. С. Михалков в интервью еженедельнику «Аргументы и факты» 9 февраля 2005 г. Любопытно, что Р. Гейтс в данном случае рассказывает о событиях 2007 г.

49

Георгиевский трактат о покровительстве России грузинскому царству Картли-Кахети был подписан в 1783 г. В 1801 г. это царство (Восточная Грузия) вошло в состав Российской империи на правах губернии.

50

Имеется в виду «полицейская спецоперация» в Кодорском ущелье, где правительственным войскам противостояли части полевого командира Э. Квициани. Под «третьей провинцией» автор, очевидно, подразумевает Сванетию, граничащую с Кодорским ущельем.

51

Этот реактор вблизи Багдада был разбомблен 7 июня 1981 г.: из шестнадцати сброшенных бомб взорвалось четырнадцать. Реакция международного сообщества на авиаудар была резко негативной, а США временно приостановили военную помощь Израилю.

52

СКСО – единое боевое командование в составе министерства обороны США, созданное для управления и подготовки сил специального назначения; координирует операции всех подразделений спецназа США, ведет оперативную и стратегическую разведку, планирует и реализует диверсионные операции и т. д. Финансируется из бюджета министерства обороны по специальной программе министерства финансов.

53

Имеется в виду генерал Д. Макартур, в годы Второй мировой войны принявший капитуляцию Японии, затем командующий войсками ООН в корейской войне. Будучи внештатным советником президента Эйзенхауэра, опубликовал так называемый меморандум Макартура, в котором предлагал действовать предельно жестко (в частности, использовать против Северной Кореи ядерное оружие), – что шло вразрез с курсом президентской администрации.

54

X-диапазон – диапазон частот сантиметровых волн. Радары X-диапазона широко используются в военных и гражданских целях. Высокоточные американские военные РЛС X-диапазона действуют на частотах 8–12 ГГц.

55

«Осси» – принятое в англоязычном мире сленговое прозвище австралийцев.

56

Г. Хекматияр – полевой командир, премьер-министр Афганистана в 1993–1994 и 1996 годах, лидер Исламской партии; по настоянию США в 2001 г. был выведен из состава афганского правительства, а два года спустя внесен в «черный список» главных мировых террористов. Д. Хаккани – полевой командир, глава независимой террористической организации «Группировка Хаккани»; в 2011 г. на юго-востоке Афганистана началась и продолжается по сей день спецоперация по уничтожению отрядов группировки.

57

По Фаренгейту; по шкале Цельсия – примерно –7 градусов.

58

«Организация Бадра» – военное крыло Верховного совета исламской революции Ирака (шиитское политическое движение), после свержения режима С. Хусейна контролирует иракское министерство внутренних дел.

59

Около 1800 метров.

60

Джереми Д. (Пэдди) Эшдаун – британский политик, лидер партии либеральных демократов, верховный представитель ООН по Боснии и Герцеговине в рамках исполнения Дейтонского соглашения 1995 г. Давал показания против С. Милошевича на Гаагском трибунале.

61

«Мягкая сила» – в политике способность добиваться желаемого на основе добровольного участия и привлекательности идей, а не принуждением. Концепцию «мягкой силы» сформулировал в 1990 г. американский политолог Дж. Най. Примером «мягкой силы» является распространение и принятие культурных ценностей (музыка, кино, другие формы искусства).

62

Северный альянс (иначе Объединенный исламский фронт спасения Афганистана) – союз афганских полевых командиров, сложившийся в начале 1990-х гг. До 1996 г., когда Кабул захватили талибы, Северный альянс контролировал значительную часть территории страны. На данный момент альянсу подконтрольны северные регионы Афганистана, где проживают в основном этнические узбеки и таджики. До своей гибели в 2001 г. главой альянса был Ахмад Шах Масуд, правитель таджикского «Масудистана».

63

В годы «холодной войны» Фульдский коридор от Эрфурта в направлении Франкфурта-на-Майне рассматривался аналитиками НАТО как основное направление прорыва бронетанковых сил Варшавского договора, поскольку здесь на пути танков всего одна неглубокая река. Предполагалось, что с началом вторжения в коридоре состоится генеральное танковое сражение.

64

В исламе собака считается нечистым животным, которое нельзя впускать в дом; кроме того, облик черной собаки могут принимать зловредные джинны.

65

Эспланада, или Молл, – принятое название участка музейно-парковой зоны в центре г. Вашингтон, между Капитолием и мемориалом Линкольна; официально так называется лишь участок между Капитолием и памятником Дж. Вашингтону.

66

Жабб (мистер Тоуд) – персонаж сказочной повести английского писателя К. Грэма «Ветер в ивах», классического произведения англо-американской детской литературы. Жабб в том числе – автомобилист-любитель, «никуда не годный шофер, не признающий ни правил, ни законов».

67

Али Хосейни Хомейни – великий аятолла, высший духовный руководитель Ирана, в 1981–1989 гг. президент страны.

68

На полевой форме офицеров армии США нашивка с символикой звания крепится на груди, на уровне карманов, между нашивками с фамилией (справа) и родом войск (слева). Причем все нашивки не пришиваются, а закрепляются «липучками».

69

Управление военного сотрудничества – структура министерства обороны США, координирующая предоставление финансовой и иной материальной помощи союзникам Соединенных Штатов, а также организацию обучения иностранного военного персонала.

70

В ведении Стратегического авиационного командования ВВС США находился флот стратегических бомбардировщиков и МБР шахтного базирования. В 1992 г., в связи с окончанием «холодной войны», САК было расформировано, его функции передали Боевому авиационному командованию. Генерал К. Лемэй в годы Второй мировой отвечал за бомбардировки японских городов, после войны курировал работу знаменитого воздушного моста в Западный Берлин, блокированный советскими войсками; в 1947–1957 гг. возглавлял САК и провел структурную реформу этого командования.

71

В интервью журналу «Коллайдер» в 2008 г. В. Аллен заметил, что говорил о 80 процентах, и пояснил свою точку зрения: «Люди частенько говорят мне, что хотели бы написать пьесу, набросать сценарий, написать роман, и пара человек из тех, кто это делает, проходит 80 процентов пути к реализации намерения. Остальные застревают в самом начале, даже не приступают. Они ничего не делают, а потому ничего и не добиваются».

72

Мемориал ВВС – мемориальный комплекс в Арлингтоне, рядом с военным кладбищем. Открыт в 2006 г.

73

«Иджис» (Aegis) – многофункциональная боевая информационно-управляющая система корабельного базирования, интегрированная сеть автоматических средств разведки, поражения целей и управления. Первый корабль с системой «Иджис» на борту был зачислен в состав ВМС США в 1983 г.

74

Эллиптический тренажер (кросс-тренажер) – гибрид беговой дорожки и степпера; позволяет при выполнении упражнений синхронизировать движения всех частей тела, вследствие чего существенно снижается нагрузка на суставы.

75

Директор по коммуникациям – сотрудник администрации Белого дома, отвечающий за связи с общественностью и также имеющий статус помощника президента по внутренним и внешним коммуникациям.

Директор Объединенного штаба – трехзвездный генерал, фактически помощник председателя ОКНШ; если воспользоваться бизнес-терминологией – исполнительный директор. Кандидатура директора предлагается председателем ОКНШ, одобряется министром обороны и утверждается сенатом.

77

Генеральный инспектор министерства обороны – руководитель отдела, который выполняет контрольно-ревизионные функции, а также проводит внутренние расследования по различным направлениям деятельности министерства.

78

«Оспри» (Bell V-22 Osprey) – десантный конвертоплан корабельного / наземного базирования, сочетающий возможности самолета и вертолета; может взлетать вертикально и заправляться в воздухе. Состоит на вооружении морской пехоты США с 2000 г. Первое боевое применение – октябрь 2007 г. (в Центральной Америке).

79

Отцы-основатели – политические и государственные деятели, подписавшие Декларацию независимости Америки и принимавшие участие в составлении Конституции США. Среди наиболее известных членов этой «неформальной» группы – Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, Дж. Адамс, А. Гамильтон, Б. Франклин и Т. Пейн.

80

Используется терминология американского футбола: при начальном розыгрыше мяча команда должна продвинуть мяч на 10 ярдов; в случае неудачи мяч переходит сопернику.

81

Пол Волкер – американский экономист, член Бильдербергского клуба, в 1980-х годах был председателем совета директоров Федеральной резервной системы США; при Б. Обаме возглавил Консультативный совет при президенте США по экономическому восстановлению.

82

Отсылка к роману Дж. Оруэлла «1984», в котором описывается, в частности, Комната 101 в министерстве любви – камера пыток. В Америке популярно британское телевизионное шоу «Комната 101»: гостям передачи предлагается обсудить свои недостатки и фобии и поместить самые неприятные из них в виртуальную камеру пыток для дальнейшего «препарирования». Первый выпуск передачи вышел в эфир в 1994 г., на данный момент шоу продолжается.

83

«Не спрашивай, не говори» – закон США, принятый в 1993 г. Этот закон запрещал лицам нетрадиционной сексуальной ориентации обоих полов служить в вооруженных силах США – при условии, что эти люди не скрывают своих предпочтений. Также закон обязывал командиров и сослуживцев не выяснять сексуальную ориентацию военнослужащих. По этому закону из американской армии было уволено (на 2010 г.) более 12 000 человек. При новой администрации закон был отменен, как и обещал Обама в ходе предвыборной кампании; указ президента об отмене закона был подписан 22 декабря 2010 г., а с сентября 2011 г. гомосексуалистам, не скрывающим своей ориентации, разрешено служить в вооруженных силах США.

Комитет принципалов (или руководителей ведомств) – структура в Совете национальной безопасности, своего рода координационный центр межведомственного взаимодействия в рамках полномочий СНБ. В состав комитета входят государственный секретарь, министр обороны, представитель США в ООН, директор ЦРУ, председатель ОКНШ, советники президента по национальной безопасности и по экономической политике. При необходимости в состав комитета могут пригласить министра финансов, генерального прокурора и других высокопоставленных чиновников.

85

«Рэйтион» – американская компания по производству вооружений, поставщик министерства обороны США, разработчик ракет «пэтриот» и производитель крылатых ракет морского базирования «томагавк».

86

Парковая полиция США – одна из старейших американских служб охраны правопорядка, чья юрисдикция распространяется преимущественно на парковые зоны Вашингтона, Нью-Йорка и Сан-Франциско. Также эта служба охраняет исторические памятники на территории США.

87

Совет заместителей при СНБ объединяет, как следует из его названия, заместителей руководителей всех министерств и ведомств, задействованных в обеспечении национальной безопасности. Совет основан в 1989 г. при Дж. Буше-старшем, и в его состав на регулярной основе входят заместитель советника президента по национальной безопасности (председатель совета), заместитель министра обороны по политическим вопросам, заместитель госсекретаря по политическим вопросам и заместитель директора ЦРУ.

88

Леон Панетта был членом палаты представителей от Калифорнии в 1977–1993 гг., а с 1989 по 1993 г. возглавлял комитет палаты представителей по бюджету.

89

Стипендия Родса – международная стипендия для обучения в Оксфордском университете; присуждается за высокие успехи в учебе, спортивные достижения, наличие лидерских качеств.

Имеются в виду бранные словечки, самое известное из которых в английском языке начинается с «f».

91

Автор обыгрывает выражение Аристотеля «человек есть политическое животное»; более точный перевод древнегреческого выражения – «человек есть общественное животное» и может состояться как личность только в обществе.

92

Имеется в виду специальная операция по уничтожению У. бен Ладена в мае 2011 г.

Программа официально закрыта в 1991 г., однако судебные тяжбы между компаниями-подрядчиками и министерством обороны из-за нарушения контракта продолжались до 2014 г.

94

Роберт Макнамара – министр обороны США при Дж. Кеннеди и Л. Джонсоне (1961–1968).

95

Послевыборные гражданские конфликты в Иране в 2009–2010 гг. получили в западной прессе названия «зеленая революция», «зеленая волна» и «зеленое море» (зеленый был цветом предвыборной кампании кандидата в президенты Мир-Хосейна Мусави); также встречалось выражение «персидское пробуждение». Победу на выборах 2009 г. согласно официальным данным одержал действующий президент Ирана М. Ахмадинежад.

96

Согласно американской традиции президентов США даже после прекращения их полномочий продолжают называть президентами.

97

«Арабская весна» – гражданские акции во многих странах Ближнего Востока в 2010–2011 гг.: перевороты в Тунисе, Египте, Йемене и Ливии, массовые протесты в Алжире, Иордании, Ливане и других странах. К последствиям «арабской весны» относят и гражданскую войну в Сирии.

98

Неоконсерватизм – политическое движение в США, выступающее за использование военного и экономического потенциала страны для принудительного установления демократии во враждебных Америке странах. Наиболее известные современные неоконсерваторы – бывший мэр Нью-Йорка Р. Джулиани, конгрессмен Н. Гингрич, экономист П. Вулфовиц, профессор социологии Н. Глейзер и др.

99

Апелляционный суд Девятого округа США – федеральный суд, рассматривающий дела по штатам Айдахо, Аляска, Аризона, Вашингтон, Гавайи, Калифорния, Монтана, Невада, Орегон. По статистике, в этом суде заседает наибольшее по стране число судей, назначенных президентами-демократами, поэтому республиканцы нередко обвиняют данный суд в предвзятости.

100

Название главы отсылает одновременно к Библии и к знаменитой речи А. Линкольна 16 июня 1858 г., где обыгрывалась библейская цитата. В Евангелии от Матфея говорится: «И всякий дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф, 12:25). В речи Линкольна сказано: «Я не жду того… что дом падет, но чего я действительно жду, так это того, что дом прекратит быть разделенным. Он станет либо единым, либо совсем другим».

101

Волшебник Оз – персонаж сказочного цикла о Волшебной стране американского писателя Л. Ф. Баума (отечественному читателю Оз известен как Гудвин из повести-сказки А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города»). Оз (как и Гудвин) принимал посетителей в своем дворце, прячась за ширмой; в английском языке выражение «из-за ширмы Оза» означает «тщательно скрывать что-либо».

102

Согласно советским и российским источникам, 120 000 человек – максимальная единовременная численность ограниченного контингента в Афганистане (сентябрь 1986 г.), общая численность за все годы конфликта – около 620 000 человек. Потери советских войск составили от 15 000 до 26 000 человек (включая умерших от ран и болезней и погибших в результате несчастных случаев).

103

Дэвид М. Родригес (Род Родригес) – генерал армии США, глава Африканского командования; с ноября 2009-го по июль 2011 г. исполнял обязанности заместителя командующего американским контингентом в Афганистане, а затем – обязанности командующего.

Эти колледжи размещаются на дарованных землях, то есть на земельных участках, которые выделяются государством с условием, что студенты таких колледжей будут обучаться конкретным, заранее оговоренным специальностям. Участки выделяются по закону Моррила 1862 г.; первоначально земли выделялись учебным заведениям, где преподавались науки, связанные с сельским хозяйством и техникой.

105

«Виски», «танго», «фокстрот» и др. – кодовые слова, используемые в радиопереговорах для обозначения букв алфавита, чтобы можно было разобрать буквы (по первой в слове) даже при плохой слышимости. Если транскрибировать данную фразу по ее первым буквам, получится WTF; это сленговое сокращение расшифровывается именно как «Какого хрена?».

106

«Путь паломника» – аллегорический трактат английского протестанта Д. Беньяна, книга, которая стала классическим произведением англо-американской литературы. В переносном смысле – путь духовного развития в стремлении к высшему благу.

107

Амбиен – коммерческое название снотворного из группы имидазопиридинов; в медицинской классификации лекарственных средств этот препарат называется «золлидем».

108

Цирк братьев Ринглинг – американская цирковая компания, «величайший цирк на планете», возникла в 1919 г. в результате слияния труппы братьев Ринглинг и знаменитого цирка Ф. Барнума. Полное название компании – «Цирк братьев Ринглинг, Барнума и Бейли».

109

Мухаммед бен Заид аль Нахайян – наследный принц эмирата Абу-Даби, сын 18-го эмира Абу-Даби и 2-го президента ОАЭ Халифы ибн Заида, заместитель главнокомандующего вооруженных сил ОАЭ.

110

Р. Гейтс не совсем точен: между Российской Федерацией и США было подписано три договора СНВ – в 1991, 1993 и 2010 г., всего же договоров по ядерному оружию было семь, считая соглашения с СССР, и договор СНП вступил в силу в 2003 г.

111

Первичное офицерское звание в США, соответствует российскому лейтенанту. Как правило, второй лейтенант ВВС исполняет обязанности диспетчера или занимает другой административный пост; многие офицеры в этом чине посещают курсы подготовки военных пилотов и штурманов.

112

Сессия «хромых уток» – сессия законодательного собрания старого состава, которая созвана в период между окончанием выборов и началом работы законодательного собрания нового состава. В конгрессе США такая сессия проходит в четном году, следующем за ноябрьскими выборами.

113

Этот высший партийный орган руководства вооруженными силами КНР не следует путать с Центральным военным советом – высшим государственным органом управления китайскими вооруженными силами. С 1983 г. Военный совет и Центрвоенсовет руководят НОАК совместно; возглавляет оба совета Председатель КНР.

114

Имеется в виду Южно-Китайское море, разделяющее Тайвань и материковый Китай.

115

Южное командование – командование вооруженных сил США в зоне Центральной и Южной Америки.

116

Государственный министр – в данном случае почетный титул специального посланника, координирующего деятельность ряда смежных министерств и ведомств.

117

Р. Гейтс не совсем точен: МОСГ была создана и действует на Гаити с 2004 г. Ее «предшественницей» была «Миссия ООН по Гаити» (МОГ), созданная в сентябре 1993 г. и приступившая к действиям в следующем году. Численность этой гуманитарной миссии составляла около 20 000 человек.

118

Имеется в виду ежегодное обращение президента США, традицию которого ввел Дж. Вашингтон. Президент выступает с обращением «О положении страны» на совместном заседании палат конгресса. Помимо этого существует практика обращения к нации по «экстренным поводам» – например, в 2013 г. Б. Обама выступал с телеобращениями к гражданам США по поводу ситуации в Сирии и терактов в Бостоне.

119

Административный указ – подзаконный акт, изданный президентом США в рамках полномочий, данных ему Конституцией США. Имеет силу закона и не требует одобрения конгрессом.

120

Продлеваемая резолюция – резолюция конгресса США по ассигнованиям на деятельность государственного аппарата, обычно принимается на срок в несколько месяцев до утверждения бюджета; в 2001–2010 гг. таких резолюций насчитывалось в общей сложности 42. В 2011 г. конгресс принял 7 продлеваемых резолюций для финансирования деятельности правительства США, а в 2013 г. резолюция действовала весь год, что привело в итоге к бюджетному кризису. В текущем году уже принято 5 продлеваемых резолюций.

121

«Движение чаепития» – американское протестное политическое движение, возникшее в 2009 г. Цели движения – сокращение правительственного аппарата, снижение налогов и государственных затрат, сокращение национального долга и бюджетного дефицита и соблюдение Конституции США. В политике члены движения поддерживают консерваторов. Администрация Обамы в публичных заявлениях упрекает участников движения в «благих намерениях, не подкрепленных конкретными предложениями» (цитата из выступления Б. Обамы 20 сентября 2010 г.).

Данное командование отвечало за «трансформацию» вооруженных сил США, а именно: за разработку структуры армии, за единые стандарты обучения и подготовки, за взаимодействие родов войск и т. д.

123

Военная база Форт-Кэмпбелл является местом постоянной дислокации 101-й воздушно-десантной дивизии и 160-й вертолетной эскадрильи специального назначения («Ночные бродяги»). Оба эти подразделения вооруженных сил США участвовали в афганской кампании.

124

«Роллинг стоун» – американский журнал, посвященный политике и массовой культуре. Основное внимание уделяет музыке и кино, в освещении политических тем не брезгует погоней за сенсациями, из-за чего в последние годы за журналом закрепилась репутация «таблоидного», «желтого» издания.

125

«Трайкэр» – страховая программа министерства обороны США, распространяющая гражданские услуги здравоохранения на военных, членов их семей и ветеранов войны. С октября 2013 г. за соблюдением условий «Трайкэр» надзирает агентство здравоохранения Пентагона. Существуют три вида страховых полисов «Трайкэр»: стандартный, «Экстра» и «Люкс» – с различными условиями страхования и предоставления медицинской помощи.

126

Медаль «Серебряная звезда» – в США персональная воинская награда за мужество и доблесть в бою, третья по значимости военная награда. Согласно наградному статуту, «Серебряной звездой» отмечается героизм, проявленный в меньшей степени, чем героизм, отмечаемый крестом «За выдающиеся заслуги», военно-морским крестом или крестом военно-воздушных сил, но тем не менее героический поступок должен быть явным и заметным.

127

В 1783 г. офицеры Континентальной армии, недовольные задержкой выплаты жалованья, предприняли попытку провозгласить Дж. Вашингтона диктатором или даже королем, но Вашингтон пресек бунтарские настроения и убедил армию и далее подчиняться конгрессу (именно так появился принцип подчинения военного руководства гражданскому, принятый в США и поныне). В том же году Вашингтон сложил с себя полномочия командующего. В 1796 г. он отклонил предложение баллотироваться на третий президентский срок, заявив, что никто не вправе занимать пост президента более двух раз.

128

Кассеринский перевал – ущелье в Атласских горах, где в феврале 1943 г. в ходе Второй мировой войны произошло первое серьезное столкновение между нацистскими и американскими сухопутными войсками. Американцы понесли тяжелые потери; по результатам этих боев была предпринята реорганизация экспедиционного корпуса США и произошла смена командования.

129

Так у автора. Согласно сообщениям СМИ, Буазизи, житель городка Мензел-Бузайен в окрестностях Сиди-Бузида, получил пощечину от женщины, представительницы местной администрации, которая его перед этим оштрафовала за нарушение правил торговли. Он обратился в мэрию, но его жалобу оставили без рассмотрения, после чего Буазизи перед зданием мэрии облил себя горючим и поджег.

130

Так у автора.

131

Закон о военных полномочиях – федеральный закон США, запрещает президенту направлять войска США в бой без одобрения конгресса; это одобрение следует получить в течение максимум 48 часов после начала боевых действий. В речи 28 марта Обама аргументировал свою позицию тем, что, во-первых, операция формально проводилась под эгидой НАТО, а во-вторых, участие американских войск в операции было ограниченным; именно поэтому Обама полагал, что мог бы обойтись и без санкции конгресса. В июне 2011 г. палата представителей вынесла президенту Обаме порицание за нарушение закона о военных полномочиях.

132

Дж. Таппер – американский тележурналист, ведущий воскресной программы «Повод дня с Джейком Таппером» на телеканале Си-эн-эн; ранее работал корреспондентом в Белом доме.

133

С марта 2014 г. Си Цзиньпин – Председатель Китайской Народной Республики; в 2012 г. стал генеральным секретарем коммунистической партии Китая и председателем Центрального военного совета КПК, а в 2013 г. также председателем Центрального военного совета КНР.

134

Китайский алкогольный напиток, близкий русской водке, с содержанием этилового спирта от 40 до 60 процентов.

135

Э. Адамс – супруга второго президента США Д. Адамса, «первая хозяйка» Белого дома, за свое участие в государственных делах получившая прозвище Миссис Президент. История с бельем, которое она развесила после стирки в Восточном зале недостроенного Белого дома, стала в США хрестоматийной.

136

День поминовения (День памяти) – национальный праздник США, отмечаемый ежегодно в последний понедельник мая. В этот день вспоминают американских военнослужащих, погибших во всех войнах и конфликтах, в которых США участвовали на протяжении своей истории.

137

Осенью 2000 г. эсминец «Коул» был атакован в йеменском порту Аден моторным катером с двумя террористами-смертниками на борту. Мощность взрыва составила минимум 200 кг в тротиловом эквиваленте. В результате теракта погибли 17 человек и 39 были ранены. В 2012 г. ударом БПЛА в Йемене был убит один из командиров йеменского крыла «Аль-Каиды», который, по мнению американских спецслужб, организовал этот теракт.

138

Программы государственного страхования и льготной медицинской помощи престарелым и малоимущим соответственно.

139

Имеется в виду прощальная речь президента Эйзенхауэра, произнесенная 17 января 1961 г. В этой речи он впервые употребил сам термин «ВПК» и заявил, что США «должны остерегаться неоправданного влияния военно-промышленного комплекса на власть и не должны допустить, чтобы это влияние превратилось в угрозу нашим свободам и демократическому процессу».

140

Католический университет Нотр-Дам стабильно входит в двадцатку лучших учебных заведений США. В числе его выпускников – Кондолиза Райс и известный телеведущий Фил Донахью.

141

Американский институт предпринимательства – неправительственная научно-исследовательская организация, созданная в 1943 г. Финансируется крупнейшими компаниями США – «Майкрософт», «Американ экспресс», «Эй-ти энд ти» и др. Проводит исследования в сфере государственной политики. Многие сотрудники АИП работали в составе президентских администраций. В разные годы в АИП работали президент Дж. Форд, Р. Чейни, философ И. Кристол.

142

В американской армии «днем Д» называется день начала любой военной операции (соответственно «час Ч» – час начала операции). Здесь имеется в виду день высадки союзных войск в Нормандии – 6 июня 1944 г.

143

Генерал Дж. Паттон был известен в том числе зажигательными речами перед войсками и прессой и намеренно культивировал образ «лихого вояки», дабы вдохновлять солдат. Генерал Д. Макартур также отличался весьма откровенными высказываниями. Автор, вероятно, имеет в виду фразу президента Трумэна, который однажды сравнил обоих генералов, Паттона и Макартура, с кавалерийским офицером Дж. Кастером – тот прославился безрассудной храбростью и необдуманностью поступков.

144

Квиг – нарицательный персонаж американского городского фольклора, хам и грубиян. Его «прообраз» – психически нездоровый Фрэнсис Квиг, капитан тральщика «Кейн» в романе Г. Воука «Бунт на «Кейне». Книга и снятый по ней одноименный фильм пользовались популярностью в США в конце 1950-х и в 1960-х гг.

145

В американской избирательной системе первичные выборы, в ходе которых выбирается единый кандидат от конкретной партии.

146

Д. Ачесон при президенте Ф. Рузвельте курировал «экономический» блок Госдепартамента – в частности, был делегатом от США на Бреттон-Вудской конференции. Позднее, уже как заместитель государственного секретаря при президенте Трумэне, участвовал в составлении плана помощи послевоенной Европе («план Маршалла»). Как госсекретарь (с 1949 г.) принимал активное участие в создании НАТО, позднее являлся неофициальным советником президентов Д. Кеннеди и Л. Джонсона.

Также встречается перевод «необходимая держава». Авторство фразы принадлежит историку Джеймсу Чейзу, чьи работы пользуются популярностью среди американских политиков. Термин «незаменимая нация» приобрел широкую популярность благодаря М. Олбрайт, которая, занимая пост государственного секретаря, часто использовала этот оборот в своих публичных выступлениях.

148

У. Т. Шерман – американский военачальник, в Гражданскую войну сражался за северян, сторонник тактики «выжженной земли».

149

Дж. Стилуэлл (Стилвелл) – американский военачальник, в годы Второй мировой войны начальник штаба армии Чан Кайши, затем командующий на китайско-индийском ТВД. Свое прозвище получил за язвительную критику подчиненных, которые в ответ нарисовали карикатуру: Стилуэлл вылезает из бутылки с уксусом.